

Годъ XI-й. № 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Открыта подписка на 1902 годъ (13-ый годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА"

Въ теченіе 1901 г. напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) **Изъ моихъ служебныхъ воспоминаній. С. Бобровскаго**; 2) Эволюція воспитанія и образованія у различныхъ народовъ. **М. Страховой**; 3) Изъ жизни французской начальной школы. **Ея же**; 4) Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи. **П. Мижуева**; 5) Къ вопросу о подготовкѣ учителей среднихъ учебн. заведеній (Германія). **А. Готлиба**; 6) Подготовка учителей новыхъ языковъ въ Германіи, Австріи, Франціи и Швейцаріи. **Графа А. Мусина-Пушкина**; 7) Особенности игръ и тѣлесныхъ упражненій въ современной Германіи. **Д-ра А. Виреніуса**; () Первый международный конгрессъ педаг. печати въ Парижѣ. **Е. Ковалевскаго**; 89 Отдѣлъ русскаго начальнаго образованія на всемірной выставкѣ въ Парижѣ. **С. Игнатенкова**; 10) Въ американской гимназіи. **И. Рубинова**; 11) Дѣятельность управленія Кавказскаго уч. округа за послѣднее 20-ти-лѣтіе. **Н. Попова**; 12) Школьная гигіена (по Котельману). **М. Брейтмана**; 13) Взглядъ на педагога въ современномъ обществѣ. **М. Лысковскаго**; 14) Школа и воспитаніе. **О. Роговой**; 15) Задачи и средства эстетическаго воспитанія въ средней школѣ. **А. Миронова**; 16) Къ вопросу объ оцѣнкѣ баллами познаній учащихся. **Я. Гуревича**; 17) Каникулярныя развлеченія учениковъ средн. уч. заведеній. **П. Акимова**; 18) Къ университетскому вопросу. **Проф. Е. Будде**; 19) Коммиссія по преобразованію средней школы и результаты ея занятій. **Я. Гуревича**; 20) Къ предстоящей реформѣ нашей средней школы. **Проф. А. Архангельскаго**; 21) Живая школа. **М. Караулова**; 22) Объ учительскихъ семинаріяхъ. **А. Тарновскаго**; 23) Къ вопросу о реформѣ духовной средней школы. **А. Кремлевскаго**; 24) Результаты съѣзда русскихъ дѣятелей по коммерческому образованію. **Е. Гаршина**; 25) Замѣтки по вопросамъ сельскохоз. образованія. **И. Мещерскаго**; 26) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1900 и 1901 гг. **И. Бѣлоконскаго**; 27) Къ вопросу о расширеніи курса начальной школы. **М. Новикова**; 28) Къ вопросу о реформѣ городскихъ училищъ. **И. Сердюкова**; 29) По вопросу о реформѣ городскихъ училищъ. **К. Тихомирова**; 30) Наши методы преподаванія и умственный паразитизмъ. **В. Вахтерова**; 31) Грамматика русскаго литературнаго языка, какъ предметъ изученія въ университетѣ и въ средней школѣ. **Проф. Е. Будде**; 32) По поводу постановки естествовѣдѣнія въ будущей средней школѣ. **Зроф. В. Шимкевича**; 33) Отечествовѣдѣніе вѣ средней школѣ. **Я.. Руднева**; з4) Нѣсколько словъ объ учебникѣ древней исторіи. **Проф. Н. Карѣева**; 35) Первые уроки исторіи. **К. Иванова**; 36) Въ защиту натуральнаго метода преподаванія новыхъ языковъ. **Л. Леше**; 37) Обученіе чтенію сознательному, правильному и выразительному. **М. Тростникова**; 38) Замѣтки о постановкѣ преподаванія чистописанія (по экспонатамъ Парижской выставки 1900 г.) **И. Евсѣева** и мн. др. статьи.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ **Я. В. Абрамова**, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей **Х. Д. Алчевской** и **М. Н. Салтыковой**, хроника профессіональнаго образованія **В. В. Бирюковича** и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе **пятнадцати** печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**семь** руб., съ доставкою—**7 руб. 50 коп.**; для иногороднихъ съ пересылкою—**восемь** руб.; за границу—**девять** руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за **шесть** руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ **два срока**. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель **Я. Г. ГУРЕВИЧЪ**.

ТИП. И. СКОРОХОДОВА, НАДЕЖД. 43.

Годъ XI-й. № 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

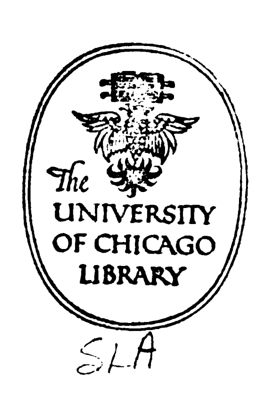
САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 28-го января 1902 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПСИХОЛОГІЯ ТЕАТРА *).

(Соціологическій очеркъ).

Большой европейскій городъ заключаетъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, самыя высшія культурныя средства, какія только выработаны людьми. Между этими средствами совершенно исключительное мѣсто занимаетъ театръ. Онъ доступенъ широкой и необыкновенно разнообразной массѣ. Онъ вызываетъ общее увлеченіе. Люди самыхъ различныхъ положеній ни о чемъ, можетъ быть, не ведутъ болѣе живыхъ, болѣе общихъ разговоровъ, какъ, именно, о своихъ театральныхъ впечатлѣніяхъ.

Въ чемъ лежатъ причины увлеченія театромъ? Чего люди ищутъ въ театрѣ и что въ немъ находятъ? Если бы мы могли сдѣлать общій опросъ въ этомъ направленіи, то, конечно, убѣдились бы, что для огромнаго большинства посѣщеніе театра не сопровождается ясными, сознательными идеями. Но если бы мы даже ограничились тѣми немногими людьми, которые сумѣли бы отвѣтить на вопросъ, въ чемъ они видятъ силу театра, намъ пришлось бы признать, что и эти немногіе не руководятся отчетливыми цѣлями, когда спѣшатъ не пропустить театральнаго представленія. Потребность велика, неудержима, но степень ея сознательности очень слаба. Однако, мы любимъ останавливаться теоретически на вопросѣ о цѣнѣ и роли театра въ общественной жизни и личномъ развитіи, и то, что мы высказываемъ въ эти моменты спокойнаго отношенія къ театру, только подтверждаетъ фактъ могущества и загадочности этого влеченія.

Въ самомъ дѣлѣ, что приписываетъ теорія театру? Она говоритъ, что въ красотѣ художественныхъ образовъ, воспроизводимыхъ театромъ, раскрывается и дѣйствуетъ на насъ правда, что театръ воспитываетъ, улучшаетъ общественные нравы, выясняя обществу и человѣку самихъ себя, объективируя ихъ, какъ въ зеркалѣ. Говоритъ она, что театръ судитъ дѣйствительность и примиряетъ съ жизнью: онъ даетъ выходъ нашей потребности критики, онъ произноситъ осужденіе темныхъ сторонъ жизни и въ то же время онъ очищаетъ наше

*) Публичная лекція, читанная въ Москвѣ 26 ноября 1901 г.

сознаніе, раскрывая въ изображенныхъ страданіяхъ элементы торжества высшаго начала.

Въ театрѣ, слѣдовательно происходятъ какія-то чудеса. Онъ творитъ нѣкую волшебную перемѣну въ человѣкѣ. Да и средства, которыми дѣйствуетъ театръ, развѣ не чудесныя также? На подмосткахъ мы видимъ воспроизведеніе самихъ себя, своей жизни, мы видимъ своихъ двойниковъ. Всѣ усилія употреблены на то, чтобы достигнуть иллюзіи и заставить насъ чувствовать истинную обстановку, истинныя страданія, истинный смѣхъ; и въ тоже время мы ни на минуту не можемъ и не должны забывать, что это—игра, т.-е. искусственная и сложная форма выраженія человѣческой фантазіи.

Это—изумительная область. Въ театрѣ человѣкъ явно строитъ, сочиняетъ, ухитряется, чтобы повторить нарочно то, что въ жизни проходитъ страшными, тяжелыми или, напротивъ, свѣтлыми моментами, и эта сотня выдумокъ и искусственностей заставляетъ насъ снова переживать, заставляетъ опять биться сердце, опять кипѣть и ожидать. Это—своя особенная психологія.

Нельзя-ли разобраться въ этой психологіи? Откуда въ театрѣ эти элементы чуда или вѣры въ чудо? Если мы съ этой точки зрѣнія станемъ изучать современный зрительный залъ, технику новой драмы, ея эстетическую теорію, мы окажемся въ большомъ затрудненіи. Въ нашей культурной жизни многія непосредственныя влеченія стерты или придавлены и скрыты до неузнаваемости отъ насъ самихъ—условностью нашихъ сложныхъ общественныхъ отношеній. Мы слишкомъ быстро переживаемъ впечатлѣнія, а ихъ обрывки мы привыкли заносить подъ разными слишкомъ отвлеченными, раціональными помѣтками. Наконецъ, намъ очень трудно быть судьями себя самихъ.

Вотъ отчего историкъ, а за нимъ и психологъ склонны искать толкованія къ современному человѣку въ человѣкѣ прошлаго. Тамъ, въ старинѣ свидѣтельства рѣзче, черты проще, тамъ больше конкретнаго и непосредственнаго. Но разъ понятъ обликъ этого человѣка старины, можно искать основныхъ очертаній его рисунка въ современномъ человѣкѣ.

Попытаемся сопоставить нѣкоторыя старинныя и новыя явленія, чтобы разобрать психологію театра. Эта психологія окажется очень давней и даже, сколько помнитъ человѣкъ, исконной. Затрогивая ея область, мы коснемся чего-то, глубоко въ насъ коренящагося, какихъ-то основныхъ человѣческихъ свойствъ. Но не исторія театра пройдетъ передъ нами. Театръ, какъ учрежденіе, начался довольно поздно. Между тѣмъ, драматическіе символы примѣнялись очень давно: они всюду служили человѣку для успокоенія или одушевленія, для того, чтобы вызвать страхъ или отвлечь отъ тяжелыхъ чувствъ. Ими была и остается полна жизнь. Съ теченіемъ времени иныя драматическія формы исчезли, другія соединились въ одинъ опредѣленный центръ, театръ, но психологія осталась прежняя.

I.

Мнѣ представляется, что драматическіе символы и пріемы можно раздѣлить на нѣсколько главныхъ типовъ.

Одинъ изъ мотивовъ, которые заставляли прибѣгать къ театральнымъ формамъ, состоитъ въ томъ, что людямъ нужно устранить грозное столкновеніе въ дѣйствительной жизни. Представьте себѣ довольно тѣсную среду, гдѣ общество вращается въ предѣлахъ деревни или небольшаго племени. Чужихъ нѣтъ, впечатлѣній мало. Въ этой средѣ произошла ссора. Задѣли человѣка въ его достоинствѣ. За него готовы вступиться товарищи, сосѣди. Въ свою очередь, ближніе обидчика принимаютъ мѣры, ожидая нападенія. Можетъ вспыхнуть жестокая борьба. Она неизбѣжно затянетъ новыхъ членовъ и отразится печально на судьбѣ цѣлаго общества. Тѣ, кто пока въ сторонѣ, чувствуютъ, что надо отыскать мирный исходъ; но нельзя попирать и честь затронутыхъ, надо открыть имъ удовлетвореніе. И вотъ реальную борьбу, реальное столкновеніе замѣняютъ борьбой фиктивной; борьбу переносятъ въ идеальную сферу. Разстраиваютъ дуэль и, вмѣсто сраженія мстителей за оскорбленіе, открываютъ драматическое состязаніе, гдѣ каждой сторонѣ дана возможность показать свою силу и потомъ мирно разойтись.

Подобные сатирическіе турниры были въ ходу лѣтъ 100 тому назадъ у гренландскихъ эскимосовъ. Бывало такъ, что если кто-либо почувствуетъ себя оскорбленнымъ, то низачто и ни малѣйше не покажетъ своего раздраженія. Вмѣсто того, чтобы искать мести, обиженный сочиняетъ ядовитое стихотвореніе. Затѣмъ онъ собираетъ своихъ близкихъ, родныхъ, товарищей и особенно женщинъ, какъ самую впечатлительную аудиторію; въ этомъ обществѣ онъ распѣваетъ свои стихи съ обычными жестами и приплясываніемъ. Нѣсколько разъ онъ репетируетъ свое произведеніе, пока друзья не выучиваютъ его наизусть. Послѣ этого онъ оповѣщаетъ всѣхъ, что противникъ, т.-е. его обидчикъ, вызванъ на состязаніе.

Въ назначенный день оба врага появляются другъ противъ друга на аренѣ; кругомъ собирается множество народа. Обиженный выступаетъ въ роли нападающаго, точно публичный обвинитель. Онъ начинаетъ пѣть свою сатиру и драматически жестикулировать подъ звуки первобытной музыки. Его партія громко поддерживаетъ его протяжными сочувственными криками и повторяетъ за нимъ всякій припѣвъ, всякую его сентенцію. По временамъ, когда попадается особенно ѣдкое словечко, которое, повидимому, прямо задѣло противника въ самомъ слабомъ мѣстѣ, слушатели валятся отъ хохота на землю.

Но вотъ, раздраженіе обвинителя излилось въ его нѣкоторымъ образомъ монологѣ съ аккомпаниментомъ хора. Теперь выступаетъ

*

противникъ; онъ долженъ импровизировать отвѣтъ на обвиненіе; онъ старается, въ свою очередь, поднять на смѣхъ перваго. И опять его поддерживаетъ цѣлый хоръ другой партіи. Смѣхъ переходитъ уже на другую сторону. Оба противника могутъ повторить свои выходы и отвѣчать на новыя насмѣшки. Такъ идетъ до тѣхъ поръ, пока кто-либо изъ враговъ не замолкнетъ — за неимѣніемъ новыхъ оборотовъ для сатиры, новаго матеріала для насмѣшки. Тотъ, за кѣмъ осталось послѣднее слово, признается побѣдителемъ. Подъ конецъ, партіи какъ бы сливаются въ одинъ судъ. Образуется общее мнѣніе, и вся масса слушателей рѣшаетъ въ качествѣ присяжныхъ. Съ окончаніемъ сатирическаго концерта, всѣ разстаются опять добрыми друзьями.

Европейскіе наблюдатели, которые разсказывали объ этомъ обычаѣ, прибавляютъ, что онъ часто примѣнялся у гренландцевъ и оказывалъ сильное и хорошее дѣйствіе. Месть посредствомъ насмѣшки удерживала многихъ отъ болѣе рѣзкихъ способовъ удовлетворенія своего гнѣва, даже отъ убійства. Но этого мало. Обычай давалъ выходъ извѣстнымъ общественнымъ чувствамъ. Гренландцы пользовались имъ, чтобы иныхъ въ своей средѣ направлять на лучшій образъ жизни. Этимъ способомъ драматической публичной критики они раскрывали иному позоръ его поступковъ, заставляли нерадиваго должника отдать долгъ, обнаруживали обманъ, нарушеніе семейной чести и т. п.

И ничто не могло въ такой мѣрѣ повліять на гренландца, ничто такъ не помогало сдерживать его въ границахъ нравственнаго порядка, какъ страхъ передъ общественной насмѣшкой. Сатира была ему страшнѣе всякаго наказанія. Иногда она доводила изобличеннаго до того, что онъ покидалъ домъ и уходилъ совсѣмъ изъ родного поселка.

Гренландскій обычай открываетъ намъ много любопытнаго. Драма на аренѣ тушитъ страшную драму жизни. Вотъ она, въ грубомъ видѣ, наша мысль о разрѣшеніи конфликтовъ дѣйствительной жизни въ сценическомъ столкновеніи. Затѣмъ: драматически обставленная насмѣшка бьетъ среди общаго сочувствія недостатки и пороки членовъ общества. Развѣ это не есть наша формула, которую пишутъ даже въ видѣ девиза надъ театральной сценой: «насмѣшкой онъ нравы казнитъ». Наконецъ, крайне любопытна форма участія публики въ драмѣ. Публика раздѣлена на два хора, на двѣ партіи, которыя даютъ другъ другу битву. Но изъ ихъ столкновенія слагается общественное мнѣніе. Въ цѣломъ, вмѣстѣ взятые, они образуютъ высшую инстанцію, котоая произноситъ приговоръ.

Эта черта—судебнаго состязанія съ дѣленіемъ сторонъ и верховнымъ общимъ приговоромъ, остается и въ позднѣйшемъ театрѣ. Только ея формы—другія. Въ греческой трагедіи цѣлые діалоги, цѣлыя сцены полны спора, въ которомъ поставлена одна изъ міровыхъ загадокъ,

мучащихъ человѣка. Иногда, на такомъ состязаніи представителей двухъ воззрѣній, двухъ порядковъ вещей построена вся пьеса. То безпощадное исполненіе закона и внѣшній долгъ встрѣчаются съ самопожертвованіемъ безконечно сильной любви; то благородная энергія независимаго человѣка съ неизбѣжностью покорнаго подчиненія судьбѣ. Разумѣется, верховный судья — зрительный залъ; но онъ молчитъ или апплодируетъ сплошь всей пьесѣ и автору, который представилъ споръ, раскрылъ противоположность.

Однако, въ греческомъ театрѣ отъ этой публики, далекой и не прямо заинтересованной, отдѣлена другая, которую помѣстили на самой сценѣ. Это—хоръ. Греческій хоръ былъ одѣтъ въ костюмы дѣйствующихъ лицъ, принадлежалъ къ пьесѣ, но это все-таки была публика, если можно такъ выразиться, публика идеальная. Она выражала колеблющееся мнѣніе, она исполняла то самое, что у гренландцевъ дѣлали партіи двухъ противниковъ во время концертнаго спора. Мы видѣли, что когда споръ кончался, и наставало время судить, хоры партій исчезали, растворялись въ общей массѣ. Такъ и въ греческомъ театрѣ: хоръ уходилъ за кулисы, и оставалась лишь реальная публика, которой принадлежало окончательное рѣшеніе.

Въ японскомъ театрѣ нѣсколько иная форма. Тамъ роль греческаго хора исполняетъ особый актеръ, какъ бы замѣститель разсуждающаго автора. Онъ сидитъ на авансценѣ, въ ложѣ за рѣшеткой, играетъ на струнномъ инструментѣ и декламируетъ размѣреннымъ, нерѣдко грустнымъ тономъ. Онъ объясняетъ публикѣ положеніе, описываетъ душевное состояніе дѣйствующихъ лицъ, обращается къ героямъ пьесы, внушаетъ имъ мужество, даетъ совѣты, нападаетъ на ихъ враговъ и обвиняетъ ихъ. Онъ резюмируетъ и поучаетъ, плачетъ, негодуетъ, замираетъ отъ волненія передъ развязкой и замыкаетъ драму.

Въ нашемъ театрѣ нѣтъ этихъ наивныхъ формъ. Но что̀ осталось по существу? Часто, драма — загадка съ двойственнымъ отвѣтомъ, точно судебное дѣло, предстоящее нашему рѣшенію. Часто въ ней выведены двѣ спорящія, столкнувшіяся силы, которыя представляютъ двѣ морали, два взгляда на жизнь. То вамъ, напр., поставленъ вопросъ: нуженъ ли самообманъ, нужна ли лживая иллюзія для того, чтобы человѣкъ прожилъ счастливо? — и въ пьесѣ выступаютъ даже два адвоката, одинъ за, другой противъ положенія. То ставится вопросъ, можетъ ли сильный, одаренный человѣкъ идти одинокимъ путемъ, зная лишь одинъ законъ своего ума и своихъ порывовъ, отдаваясь невѣдомому другимъ призыву великой силы природы — или на всѣхъ живетъ одинъ уравнительный общій законъ, который заставляетъ всѣхъ людей идти медленно, опѣпляя ихъ сотней обязательствъ, повелительно требуя дани каждому дню и расправляясь безпощадно со всякимъ, кто рѣшается протестовать.

Если пьеса сильно написана, зрители переживутъ споръ, испытаютъ

колебаніе въ ту и другую сторону на себѣ; въ этомъ будетъ главный, захватывающій интересъ драмы. Всякій будетъ чувствовать, что надо выйти изъ театра съ опредѣленнымъ отвѣтомъ и дать его, если не своему спутнику, то самому себѣ. У насъ ужъ очень расчленились роли автора, актера и публики, и драма спора разорвалась на три части. Но въ концѣ, когда зрителю позволено заявлять о себѣ, когда онъ можетъ нѣкоторыми жестами и криками показать, что вѣдь дѣло шло о немъ самомъ, и что раскрывали его собственную душу — вотъ тутъ иногда снова чувствуется, что театръ есть одно цѣлое, одна большая состязательная арена.

II.

Мы видѣли только что, какъ драматическія формы служатъ общественному возмездію. Есть еще другое любопытное примѣненіе театральности съ тою же цѣлью. Драматическая обстановка въ этомъ новомъ случаѣ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, таинственностью, страшнымъ секретомъ, ужасающимъ чудомъ, среди котораго внезапно настигается виноватый.

Въ обществѣ мало устроенномъ, гдѣ нѣтъ сильной общественной власти и правильнаго суда, гдѣ нѣтъ сдержки насилію и обидѣ, люди стараются помочь себѣ чрезвычайнымъ образомъ: они устраиваютъ самозащиту и саморасправу. Возникаютъ особые тайные союзы, своего рода рыцарскіе или масонскіе ордена и ложи, которые берутъ на себя это дѣло. Члены ихъ облекаютъ свою работу въ мистическій покровъ и стараются вести себя, точно сверхъестественныя существа, точно таинственные духи.

Примѣромъ можетъ служить союзъ Пурра у негровъ Западной Африки. Пурра состоитъ исключительно изъ мужчинъ. Вступленіе въ него обставлено страшными условіями. Новопосвящаемаго ведутъ въ лѣсъ; онъ мѣняетъ имя и даетъ обѣщаніе хранить полную тайну о дѣлахъ союза; друзья, за него поручившіеся, произносятъ клятву и обѣщаютъ немедленно убить его, если онъ выдастъ секретъ или отступится отъ союза. Постороннему, кто рѣшился бы вступить въ таинственный лѣсъ, угрожаетъ смерть.

Пурра можетъ вмѣшаться во всякую ссору, которая грозитъ вспыхнуть между родами или селеніями. Пурра караетъ также за воровство и злыя колдовскія козни. Кто хочетъ добиться расправы за испытанную обиду, жалуется союзу: достаточно притронуться рукой къ груди одного изъ членовъ пурры. Тогда въ таинственномъ ночномъ засѣданіи вопросъ обсуждаютъ. Союзъ сначала предостерегаетъ, грозитъ экзекуціей, а если это не помогаетъ, члены пурры выходятъ изъ своей мистической среды. Человѣкъ 40, 50 въ странныхъ маскахъ, въ пол-

номъ вооруженіи, со страшнымъ шумомъ вступаютъ въ деревню, гдѣ долженъ исполниться приговоръ. У воровъ и грабителей отбираютъ скотъ, срѣзываютъ плоды. Виновныхъ хватаютъ и предаютъ смерти или стегаютъ кнутами. Этого мало: въ такой моментъ провозглашается общій терроръ: всякій, кого застанутъ внѣ дома, подвергается казни. Поэтому, съ приближеніемъ пурры, всѣ бѣгутъ и прячутся.

Въ пуррѣ и другихъ подобныхъ союзахъ большую роль играетъ фантастическая обстановка. Члены союза распространяютъ таинственныя свѣдѣнія о своемъ вождѣ, который, по ихъ словамъ, живетъ въ лѣсной глуши, обладаетъ необыкновенными свойствами и недоступенъ взорамъ простыхъ людей. Въ рѣшительную минуту его вызываютъ, точно привидѣніе. Оглушающая музыка тамтамовъ, дикіе крики, странная пляска, предшествующіе его появленію, должны вызвать трепетъ, лишить людей способности спокойно разсуждать. Перегородка между міромъ дѣйствительности и міромъ фантазіи падаетъ. Публика не знаетъ, появится ли сейчасъ только неизвѣстный человѣкъ, спрятанный отъ взоровъ, или въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ страшныхъ духовъ, которые приходятъ же, въ правду, ночью, во снѣ, или въ грозу, или на кладбищахъ.

И вотъ идетъ онъ самъ, укутанный въ плащъ, про который ходитъ темный слухъ, что одно прикосновеніе къ нему смертельно, потому что онъ пропитанъ ядомъ. Лицо его тщательно закрыто: на немъ огромная, рѣзкая уродливая маска съ оскаленными зубами или большими леденящими глазами. Спутники его тоже въ маскахъ и на ходуляхъ, съ громадными головными уборами, чтобы производить впечатлѣніе великановъ. Маскировка, драматическія формы здѣсь прямо разсчитаны на то, чтобы вызвать мистическій страхъ. Маски и ихъ движенія имитируютъ блуждающихъ мертвецовъ, лѣшихъ или дикихъ охотниковъ, которые въ вѣтеръ и бурю видятся людямъ въ низко бѣгущихъ облакахъ.

Что̀ здѣсь еще интересно, это—раздѣленіе дрожащей отъ аффекта публики и сознательно дѣйствующихъ актеровъ. Одни—жертвы мистики, другіе—ея импровизаторы, можно сказать, режиссеры, балетмейстеры и статисты мистики. Дѣйствіе придумано для болѣе чувствительныхъ, болѣе вѣрующихъ людей. И мы видимъ, что тайный союзъ, совершающій свои экзекуціи, исполняетъ своеобразную соціальную роль. Мужчины, свободные люди племени, образуютъ скрытую орденскую корпорацію и стараются, путемъ такихъ театральныхъ погромовъ, держать въ страхѣ и повиновеніи женщинъ и рабовъ, т.-е., по ихъ понятію, низшіе соціальные элементы. И они достигаютъ цѣли, потому что эти группы болѣе склонны къ аффекту и держатся болѣе примитивныхъ понятій.

Таинственный орденъ беретъ на себя такимъ образомъ добровольно надзоръ за общественнымъ порядкомъ, который, конечно, понимается

весьма своеобразно. Можно бы вообще сказать, что старинная полиція до нѣкоторой степени происхожденія мистико-драматическаго. Вотъ во всякомъ случаѣ любопытный примѣръ. Въ Африкѣ, въ Порто Ново, рядомъ съ королемъ, который считается представителемъ бога свѣта, есть еще ночной властитель; это—первосвященникъ бога тьмы. Власть подѣлена между ними и чередуется: одинъ правитъ днемъ, другой—ночью. Ни одинъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ сферу другого. Ночному королю отданъ ночной судъ и ночной дозоръ. Ему подчинены особые ночные сторожа, которые выходятъ въ маскахъ. Тутъ мы видимъ, какъ члены тайнаго союза, которые совершаютъ расправы и берутъ на себя охрану общества, обратились въ административный органъ второго разряда. Но они оставили за собой внушительный драматическій аппаратъ и связь съ міромъ духовъ и тѣней.

Подобное явленіе всюду повторялось. Когда на болѣе высокой ступени развитія слагались большія организаціи суда и управленія, они не могли обойтись безъ такихъ добровольныхъ услугъ со стороны тайныхъ клубовъ. Напр., страшная средневѣковая инквизиція могла добираться до своихъ жертвъ не иначе, какъ съ помощью замаскированныхъ ночныхъ тѣней, похищавшихъ или настигавшихъ намѣченнаго человѣка, при чемъ эти похитители были своего рода заговорщики. Драматическій ужасъ обращался здѣсь во зло, служилъ жестокому гнету.

Конечно, съ теченіемъ времени таинственная оболочка спадала съ органовъ суда и административнаго надзора. Театральныя формы перестали быть орудіемъ прямой кары и сохранили лишь моральное значеніе. Но къ нимъ продолжали прибѣгать для того, чтобы потрясти воображеніе людей картиной страшныхъ мукъ за грѣхи, чтобы показать близость вездѣсущихъ духовъ отмщенія. На этомъ основана фантастическая драма, мистическая феерія, игравшая огромную роль въ старомъ театрѣ.

Въ греческой драмѣ появлялись страшныя окровавленныя богини мести съ искаженными лицами, отъ которыхъ цѣпенѣетъ взоръ человѣка. Появлялся богъ съ небесъ, который разрубалъ узелъ запутавшихся человѣческихъ отношеній и произносилъ верховный приговоръ. Въ средневѣковыхъ мистеріяхъ въ Западной Европѣ открывали загробный міръ, заоблачный и подземный. На верху сцены стоялъ престолъ Всевышняго, а внизу показывали муки ада сквозь отверстіе въ видѣ раскрытой пасти дракона. И хотя сцена была просто большимъ шкапомъ, а актеры—люди сомнительные съ точки зрѣнія мѣстнаго общества, однако, дѣйствіе овладѣвало непосредственно всею душой глядѣвшихъ на драму зрителей. Недаромъ вѣстникъ, открывавшій представленіе, обѣщалъ царство небесное тѣмъ, кто будетъ съ благочестивымъ вниманіемъ слѣдить за божественной драмой. Зрѣлище должно было поднять спасительный страхъ въ душѣ. Иногда открытая сцена была обведена кругомъ, за который никто не смѣлъ пере-

ступать. Того, кто совался за кругъ по невниманію или нарочно, схватывали театральные дьяволы и уносили въ адъ, гдѣ и держали до конца пьесы.

Тѣни, духи сохранили важное мѣсто въ современной китайской драмѣ, и я приведу только одинъ примѣръ изъ китайскаго театра, потому что мистическій элементъ выступаетъ здѣсь съ какой-то особенной наивной реальностью. Есть пьеса, подъ заглавіемъ «Месть Теунго». Здѣсь изображено посмертное раскрытіе роковой ошибки, стоившей жизни молодой женщинѣ, именемъ Теунго. Въ дѣтствѣ Теунго была оставлена своимъ отцомъ въ краю, далекомъ отъ родного дома; тамъ она вышла замужъ. Ея свекра убиваютъ, а обвиненіе падаетъ на Теунго. Судъ приговариваетъ невинную къ смерти, и казнь совершена. Черезъ нѣсколько времени отецъ казненной, не подозрѣвая о случившемся, пріѣзжаетъ, въ качествѣ высшаго судьи, ревизовать этотъ отдаленный округъ, и пересматриваетъ судебныя дѣла. Ночью онъ сидитъ за актами, читаетъ процессъ своей дочери, но не понимаетъ, что дѣло идетъ о ней, потому что она перемѣнила въ замужествѣ имя. Ему кажется, что вина осужденной доказана, приговоръ справедливъ, и отъ усталости онъ засыпаетъ. Но во снѣ ему является Теунго и тревожитъ его; старикъ просыпается и опять берется за акты. Тѣнь дочери витаетъ теперь около одинокой свѣчи, которую судья зажегъ, и пламя тускнѣетъ. Пока онъ вычищаетъ свѣчу, духъ перелистываетъ акты и открываетъ прежнюю страницу, чтобы взоръ судьи упалъ опять на то же самое дѣло. Нѣсколько разъ повторяется эта таинственная игра тѣни, производящая на зрителей сильное впечатлѣніе. Наконецъ душа умершей показывается отцу въявь. Онъ сначала бѣжитъ на привидѣніе, обнажаетъ оружіе, но затѣмъ останавливается и слушаетъ оправдательную рѣчь духа, который раскрываетъ ему страшную истину. На другой день въ судебномъ засѣданіи онъ торжественно обѣляетъ память несчастной. Драма означаетъ: вотъ какъ совершается возмездіе и происходитъ истинный судъ, внушенный таинственной силой, которая можетъ соединить умершихъ съ живыми.

Конечно, это далеко отъ современныхъ пріемовъ нашего театра. Но еще въ шекспировскомъ Ричардѣ III появляются тѣни погубленныхъ имъ людей и предрекаютъ ему заслуженную гибель. Въ Макбетѣ тѣнь убитаго сидитъ за пиршественнымъ столомъ у пустого мѣста, какое по старинному обычаю оставляли умершему.

Мы не вѣримъ въ духовъ, не символизируемъ укоровъ совѣсти въ видѣ тѣней, преслѣдующихъ человѣка; но на театральныхъ подмосткахъ по прежнему творится нравственный судъ и совершается нравственная кара. И когда нужно произнести моральный приговоръ, драматическая форма по прежнему оставляетъ наиболѣе сильное, неизгладимое впечатлѣніе.

III.

Театральная обстановка, какъ мы видѣли, есть попытка человѣка изобразить чудо, дать иллюзію чуда, и въ этомъ смыслѣ она должна сильно дѣйствовать на массу вѣрующихъ въ чудо, на людей, предрасположенныхъ къ нему. Но и сами актеры, творящіе волшебство, могутъ увлекаться дѣйствіемъ. Они могутъ приводить себя въ экстазъ драматическими актами и воображать, что дѣйствительно переступили предѣлъ обыкновеннаго видимаго міра и ушли въ міръ духовъ.

Это уже другой типъ театральнаго воздѣйствія. Пляска, маскировка или гримъ, жестикуляція и подражательныя дѣйствія служатъ тогда прямыми чародѣйскими средствами, чтобы пріобрѣтать нѣкоторыя сверхъестественныя качества, чтобы получать власть надъ духами, прогонять бѣсовъ или входить съ сильными духами въ союзъ. Извѣстно, что сибирскій шаманъ или американскій краснокожій «врачъ» даютъ цѣлое представленіе передъ больнымъ, къ которому ихъ позвали для леченія. Но «врачъ» самъ впадаетъ въ энтузіазмъ или забытье, въ которомъ ему кажется, что онъ вошелъ въ міръ боговъ или сравнялся съ богами по силѣ.

Такія драматическія навожденія практикуются иногда надъ цѣлыми группами людей. У нѣкоторыхъ народовъ есть особые обычаи, связанные съ моментомъ перехода отъ одного возраста къ другому, особенно съ наступленіемъ отрочества для мальчиковъ. Обычаи основаны на вѣрѣ, что мальчики должны умирать, напр., по десятому году и затѣмъ снова воскресать, причемъ какой-то духъ, повидимому, духъ одного изъ предковъ, овладѣваетъ возрожденнымъ и вселяетъ въ него новую силу, послѣ чего онъ можетъ вступить въ общество взрослыхъ. Настоящее представленіе, полное страховъ и таинственности, устраивается для того, чтобы дать самимъ дѣтямъ и родителямъ иллюзію смерти и возрожденія. На одномъ изъ Молуккскихъ островомъ родители приводятъ дрожащихъ отъ ужаса дѣтей къ храму, спрятанному въ густомъ лѣсу. Жрецы удаляются съ дѣтьми въ темный залъ внутри, и скоро оттуда раздаются отчаянные крики и стонъ. Сквозь плетеную стѣну храма высовываются окровавленныя копья, и стоящимъ снаружи кажется, что жертвы перерѣзаны. Черезъ 3 мѣсяца «возрожденные» мальчики возвращаются въ деревню съ бѣлыми палками въ рукахъ, но съ ними что-то случилось: они разучились говорить и потеряли память о прежней жизни своей, не узнаютъ прежнихъ знакомыхъ и, лишь послѣ долгаго обученія, они опять пріобрѣтаютъ память.

И въ Западной Африкѣ—нѣчто похожее. Дѣтей уводятъ въ волшебный лѣсъ на цѣлый годъ и обучаютъ тамъ охотѣ и разнымъ искусствамъ; кто не идетъ самъ, того похищаетъ замаскированный «лѣсной чортъ». И опять старательно подстраиваютъ обстановку, чтобы

разорвать у ребенка связь съ предшествующей жизнью, чтобы изгладить изъ его сознанія все старое и пріобрѣсти его цѣликомъ для новаго, возрожденнаго бытія.

По этому поводу напрашивается сравненіе, можетъ быть, нѣсколько неожиданное. Мнѣ кажется, что великіе педагогическіе художники и фокусники XVI и XVII вв., іезуиты, достигали аналогичными средствами цѣлей, весьма схожихъ съ только-что описанными. Вѣдь имъ надо было сдѣлать воспитанника навсегда своимъ, душою и тѣломъ, вытравить въ немъ все прежнее и чуждое цѣлямъ школы, сдѣлать его сознаніе бѣлой доской и на ней запечатлѣть на всю жизнь извѣстные догматы, принципы и правила.

Извѣстно, какую роль у нихъ въ школѣ играли театральныя представленія, гдѣ воочію изображалась гибель ереси, ничтожество противниковъ церкви и одушевленная сила защитниковъ ея, причемъ на эти послѣднія героическія роли ставили самыхъ честолюбивыхъ, горячихъ и энергичныхъ юношей, чтобы экзальтировать ихъ. Но не однѣ сценическія драмы служили въ этихъ школахъ воспитанію. Во всей обстановкѣ было много такого, что̀ вызывало впечатлѣніе волшебства и таинственности фантастическаго театра. Въ школьномъ домѣ были какіе-то странные потайные ходы, звучали невѣдомые голоса, внезапно появлялись и также неожиданно исчезали воспитатели. Въ полумракѣ церкви, на долгихъ изнурительныхъ молитвахъ, не безъ помощи эффектовъ освѣщенія, ученикамъ видѣлись нисходившіе къ нимъ святые и т. д.

Говорить нечего, что драматическое волшебство имѣетъ особую заразительную силу, если оно дѣйствуетъ сразу на массу людей: состояніе одного передается другому, и энтузіазмъ у отдѣльныхъ лицъ взаимно повышается. Вездѣ у самыхъ некультурныхъ народовъ мы встрѣчаемъ большія выразительныя пляски съ пантомимами, которыя служатъ для возбужденія сильныхъ общихъ чувствъ.

Таковы, напр., военныя пляски, въ которыхъ символизируется воспоминаніе о прежнихъ битвахъ: это настоящіе маневры тактики, гдѣ по всѣмъ правиламъ сшибаются и расходятся отдѣльные борцы и цѣлые отряды. Нерѣдко онѣ совершаются передъ самой битвой и должны служить средствомъ для воспламененія зрителей и участниковъ. Иногда къ самому врагу приближаются въ плясовыхъ движеніяхъ и стараются раздразнить его цѣлымъ представленіемъ, вызвать его грозными или презрительными минами и жестами.

На празднествахъ эти подражанія войнѣ нерѣдко переходятъ въ страшную дѣйствительность, и танцоры въ бѣшенствѣ бросаются на окружающихъ. На островѣ Тринидадѣ такъ началось неожиданно возстаніе краснокожихъ противъ испанцевъ; бѣлые сидѣли въ качествѣ зрителей, пока возрастающее раздраженіе плясуновъ не дошло до того, что они бросились на притѣснителей и перерѣзали ихъ всѣхъ.

У насъ есть знаменитый примѣръ подобнаго дѣйствія театра въ Европѣ въ XIX вѣкѣ; одинъ изъ уличныхъ мятежей бельгійской революціи начался на представленіи въ брюссельскомъ театрѣ оперы «Фенеллы»; изображенное въ музыкальной драмѣ народное возстаніе подѣйствовало на возбужденныхъ уже зрителей, какъ сигналъ, и они не могли удержаться на мѣстѣ.

Но драма можетъ вызывать въ толпѣ и болѣе гармоническія чувства, и въ этомъ отношеніи поразительныя театральныя подражанія мы встрѣчаемъ у народовъ мало развитыхъ. Можно бы даже сказать, что въ нашихъ большихъ празднествахъ и представленіяхъ мы утратили тайну этихъ массовыхъ сценическихъ дѣйствій.

У одного австралійскаго племени есть, напр., сложная и искусно поставленная пастораль, въ которой поэтизируется сельская работа. Въ серединѣ арены разводятъ огонь; группы плясуновъ быстро бѣгаютъ кругомъ пламени и приводятъ его въ сильное движеніе, чтобы изобразить наступленіе благодѣтельнаго вѣтра, при которомъ надо начинать посѣвъ. Затѣмъ актеры исполняютъ мимическую сцену: они какъ бы взрыхляютъ землю и сажаютъ полевыя растенія. Въ заключеніе, чтобы символизировать радость, вызванную окончаніемъ работы, они пляшутъ веселый хороводъ.

Особенно любопытны усилія представить грозныя или красивыя явленія природы. Жители Фиджи, небольшихъ острововъ среди необъятнаго океана, любятъ изображать великую стихію, окружающую ихъ, въ «пляскѣ волнъ морскихъ». Танцоры становятся длинной линіей; сначала выбѣгаютъ впередъ по 10—12 человѣкъ, наклоняясь туловищемъ и распростирая руки; это какъ будто мелкіе всплески волны, когда она достигаетъ берега. Такъ, одна волна смѣняетъ другую, волны встрѣчаются другъ съ другомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вся линія близится все болѣе къ середкѣ. Теперь отдѣльныя группы начинаютъ съ краевъ забѣгать круглыми поворотами, возвращаясь и снова наступая впередъ. Это море беретъ коралловый островъ со всѣхъ сторонъ, и когда остался лишь небольшой гребень въ середкѣ—среди шумной музыки, изображающей гулъ прибоя—танцоры представляютъ столкновеніе волнъ наверху съ двухъ противоположныхъ концовъ: встрѣчные ряды перебрасываютъ руки черезъ головы, бѣлыя ленты и перья на ихъ головахъ дрожатъ и колеблются, точно пѣна на волнахъ прилива. Зрители кругомъ приходятъ въ величайшій восторгъ.

Подъемъ настроенія, забытье зрителей составляетъ результатъ театральнаго зрѣлища, но какъ всегда бываетъ, его стараются еще и искусственно усилить. На позднѣйшихъ театральныхъ подмосткахъ эти усилія находятъ себѣ выраженіе въ различныхъ опредѣленныхъ возбудителяхъ. Всѣмъ извѣстно, какую роль во французскихъ театрахъ играютъ организованные клякеры, разсаженные въ разныхъ мѣстахъ, повинующіеся своего рода дирижеру; они подчеркиваютъ воз-

гласами и аплодисментами мѣста, важныя для автора пьесы и для актеровъ, даютъ толчокъ къ оживленію, смѣху, шумному одобренію въ зрительномъ залѣ. Средній, легко заражающійся зритель незамѣтно для себя препарируется такимъ образомъ къ извѣстному настроенію, да и зрителю, болѣе независимому, настроеніе залы можетъ, при помощи клаки, показаться возвышеннымъ.

Конечно, современная организація аплодисментовъ есть паразитная форма дурного художественнаго предпринимательства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ клакерство представляетъ собою искаженіе стариннаго театральнаго учрежденія. Эту старинную форму искусственнаго художественнаго возбужденія можно хорошо видѣть въ японскомъ народномъ театрѣ. Въ Японіи на виду у публики надъ сценой помѣщается своеобразная фигура какъ бы публичнаго режиссера спектакля. Онъ работаетъ при помощи двухъ палочекъ, которыми ударяетъ по звучащей пластинкѣ; онъ постукиваетъ многозначительно, когда надо привлечь вниманіе зрителей, когда выходятъ, напр., главные актеры; онъ подчеркиваетъ извѣстныя слова играющихъ на сценѣ оглушительной дробной трелью. Этотъ театральный руководитель въ одно и то же время рекламируетъ постановку и повышаетъ театральное возбужденіе.

Есть еще любопытное явленіе въ японскомъ театрѣ, которое служитъ той же цѣли. Это—нѣкоторымъ образомъ театральные гномы, низшіе духи міра драматическихъ привидѣній. По сценѣ, среди ярко и блестяще разодѣтыхъ актеровъ, быстро и безшумно шмыгаютъ туда и сюда какія-то фигуры въ коричневыхъ, какъ бы тѣневыхъ костюмахъ. Зритель не долженъ ихъ замѣчать по большей части. Они подставляютъ дѣйствующимъ лицамъ стулья, приносятъ напитки, освѣжаютъ ихъ опахалами, мѣняютъ освѣщеніе. Но это не просто театральные слуги. Вдругъ кто-либо изъ нихъ поднесетъ длинную палку со свѣчей на концѣ, чтобы во весь ростъ освѣтить героя или героиню пьесы въ самый драматическій моментъ. Въ наиболѣе чувствительныхъ, патетическихъ, возбужденныхъ сценахъ непремѣнно появляются эти театральныя тѣни, волнуются, бѣгаютъ, раздѣляютъ чувства дѣйствующихъ лицъ, утѣшаютъ ихъ въ печали, успокоиваютъ въ гнѣвѣ и т. д.

Это все—формы усиленія художественнаго эффекта и подъема театральнаго настроенія. Намъ трудно теперь представить себѣ, въ какой мѣрѣ люди въ старину отдавались театральной иллюзіи. Изрѣдка, какое-либо происшествіе въ народномъ театрѣ напомнитъ намъ, насколько сценическая перегородка отсутствуетъ для первобытнаго зрителя. Въ Голландіи, въ одномъ селѣ не такъ давно давали пьесу, полную кровавыхъ катастрофъ. Два или три убійства уже были совершены на сценѣ. Наконецъ благодушные обыватели не выдержали, вскочили толпою на арену и остановили зрѣлище съ криками: «ну, довольно вы тутъ крови пролили!»

Нашъ культурный театральный залъ обыкновенно представляетъ

верхъ благовоспитанности: и все же бываютъ поразительные случаи непосредственнаго воздѣйствія сцены. Въ одной новѣйшей нѣмецкой пьесѣ есть картина дикаго трактирнаго скандала, который грозитъ окончиться тяжелымъ оскорбленіемъ для несчастнаго героя пьесы; наростающее безпокойство всей сцены доводило иныхъ впечатлительныхъ зрителей почти до потери сознанія.

Сильно непосредственно дѣйствуютъ также тѣ пьесы и сцены, гдѣ на подмосткахъ есть публика; напр., когда на сценѣ изображенъ театръ, или народное собраніе, митингъ, гдѣ, слѣд., эта сценическая публика дѣлаетъ приблизительно то же, что дѣлаютъ зрители, т.-е. рукоплещетъ, шумитъ, вызываетъ и т. д. Въ такихъ сценахъ двѣ публики до извѣстной степени соединяются вмѣстѣ; точно выровнялся полъ всего театральнаго зала, и мы сами изъ своихъ рядовъ слушаемъ оратора и кипимъ вмѣстѣ съ его аудиторіей; когда падаетъ занавѣсъ, кажется, что онъ неожиданно разрѣзалъ массу собравшихся, и если сцена закончилась шумнымъ оживленіемъ, оно незамѣтно и безъ остановки переходитъ въ горячій взрывъ чувствъ въ средѣ зрителей.

IV.

Мы видѣли разныя формы театральнаго дѣйствія: театръ—состязанье; театръ—наважденіе ужаса; театръ—подъемъ чувства. Но это далеко не все, скажутъ намъ: вѣдь театръ болѣе всего служитъ разсѣянію, перемѣнѣ настроенія, наконецъ смѣху и отдыху. Конечно; но и здѣсь въ основѣ глубокая исконная потребность человѣка, а ея удовлетвореніе совершается опять въ повышенныхъ, сильныхъ, чрезвычайныхъ формахъ.

Человѣкъ не можетъ выносить непрерывно тягостнаго или стѣснительнаго настроенія. Есть какая-то спасительная сила внутри насъ, которая открываетъ намъ возможность перерыва, отвлеченія. Тогда человѣкъ рѣзко обрываетъ, точно оборачивается лицомъ къ врагу, который сидитъ въ его сердцѣ и точитъ его жизнь. Самымъ лучшимъ выходомъ для этого взрыва бодрости оказывается насмѣшка, карикатура на то самое состояніе, отъ котораго онъ хочетъ избавиться. Чтобы сбросить съ себя нравственный гнетъ, человѣкъ смѣется надъ самимъ собою.

Мы говоримъ, что насмѣшка можетъ убить. Да это—огромная отрицательная, разрушающая сила, которая, однако, время отъ времени спасаетъ насъ отъ отчаянія. Этотъ бѣсъ невзраченъ на видъ, но, разъ ему открытъ просторъ, онъ ничего не оставитъ на мѣстѣ. Все будетъ опрокинуто, вывернуто наизнанку. Все, что людямъ въ другое время дорого, свято, возвышенно, страшно, все это можетъ получить шутовской видъ, быть обращено въ пародію. Человѣкъ говоритъ

дерзости своимъ богамъ и святымъ, слабый и подчиненный потѣшается надъ сильнымъ и властнымъ, великія чувства поставлены въ нелѣпое положеніе и кажутся проявленіемъ глупости.

Насмѣшка, разъ сорвавшись, не знаетъ границъ. Въ знаменитыхъ комедіяхъ Аристофана сыплются нападки на ученыхъ и литераторовъ, которые разрушали вѣру въ старыхъ народныхъ боговъ. Но тотъ же Аристофанъ, консерваторъ въ религіозныхъ и соціальныхъ вопросахъ, самъ обращаетъ священный Олимпъ и возвышенныхъ боговъ въ шутовскую компанію. Гераклъ, добрый страдалецъ за людей, обошедшій всю землю, чтобы избавить бѣдное человѣчество отъ зла, обратился въ комедіи въ соннаго обжору. Да и самъ верховный богъ Зевсъ, въ изображеніи Аристофана, смѣшно побаивается за свой авторитетъ, когда два лѣнтяя устраиваютъ у него подъ носомъ безпечальное царство птицъ и зовутъ небожителей въ свой импровизированный рай.

А какое разсужденіе Аристофанъ позволяетъ самому главному отрицателю, Сократу! Старикъ, который пришелъ учиться къ великому умнику, рѣшается выразить вѣру, что праведный Зевсъ караетъ за беззаконіе, за нарушеніе слова и клятвы. Сократъ смѣется и говоритъ ему: «Старый дуракъ! Коли Зевсъ, правда-то, наказываетъ клятвопреступниковъ, отчего же онъ не разразитъ громомъ обманщиковъ и лжесвидѣтелей въ нашемъ городѣ, а все попадаетъ либо въ свой собственный храмъ, либо въ самый большой почтенный дубъ? Ну развѣ слыхано, чтобы были вѣроломные дубы?»

Какъ же это Аристофанъ допустилъ подобную рѣчь? Многихъ удивляли такія выходки великаго комика, защищавшаго старину и старую вѣру, и ихъ пытались объяснить тѣмъ, что ядъ отрицанія и невѣрія проникъ нечувствительно и въ его умъ, что онъ самъ служилъ невольнымъ признакомъ возрастающаго антирелигіознаго движенія. Едва-ли это такъ. Въ пародіяхъ на божественное у Аристофана вовсе не новая, а очень старинная черта. Шутовское осмѣяніе боговъ, т.-е. идеализированныхъ человѣческихъ качествъ, не есть начало отрицанія боговъ. Оно давно жило, можно сказать, всегда чередовалось съ ихъ культомъ. Это были именно моменты перерыва, чтобы сбросить временно страхъ, серьезность, повышенность тона, которые могутъ удручать человѣка. Но вотъ онъ далъ себѣ вольно вздохнуть, смѣхъ прошелъ—и опять авторитеты поднимаются на прежнія мѣста, опять смыкаются цѣпи жизни, опять зрѣлище страданій и неправды, опять поклоненіе невѣдомымъ силамъ, передъ которыми чувствуетъ себя безпомощнымъ человѣкъ.

На этой потребности внезапнаго, часто бурнаго отвлеченія построены различные обычаи, на первый взглядъ странные. Въ старинномъ Римѣ былъ праздникъ сатурналій, во время котораго опрокидывались существующія общественныя отношенія, допускались всевозможныя пародіи, изображенія жизни наизнанку. Высокое положеніе никого не из-

бавляло отъ безцеремоннаго запанибратства. Рабы и подчиненные садились за столъ съ господами и могли требовать прислуживанія. Но еще поразительнѣе обычаи въ средневѣковой церкви, обычаи, въ которыхъ многіе видятъ остатки римскихъ сатурналій. Внутри самого храма, послѣ богослуженія, въ которомъ клиръ только-что выступалъ на недосягаемой высотѣ посредника между Богомъ и людьми,—появлялись шуты, «съумасшедшіе», какъ ихъ называетъ старинный языкъ, и продѣлывали въ дерзкомъ маскарадѣ пародію на священно-служителей. Вводили осла, покрытаго облаченіемъ, и пѣли «съумасшедшую» мессу. Это была комедія на ту самую великую и грозную іерархію, подъ руководствомъ которой стояла вся жизнь тогдашняго общества. И всего любопытнѣе то, что въ этомъ невѣроятномъ шутовствѣ участвовали сами клирики.

Не только въ такихъ рѣзкихъ и цѣльныхъ формахъ проявляется потребность отвлеченія. Перерывы могутъ быть чаще, могутъ чередоваться съ моментами серьезнаго или возвышеннаго чувства. Въ такомъ видѣ они и были введены въ старинный религіозный театръ. Въ средневѣковыхъ мистеріяхъ люди смотрѣли страсти Господни, съ замираніемъ сердца слѣдили за ходомъ этой единственной драмы. И вдругъ среди изображенія тяжкихъ страданій Христа или горестной неизвѣстности, въ которой остаются ученики — неожиданно вставлена смѣхотворная сценка, въ родѣ того какъ жестоко расхвастались стражи у гроба Господня, изображая собою каррикатуру на тогдашнихъ рыцарей, или какъ жены мироносицы идутъ къ лавочнику, и онъ съ ними торгуется, кричитъ и болтаетъ. Вездѣ, гдѣ нужно, для оживленія дѣйствія, конечно, выступалъ шутъ, такъ сказать, по призванію— дьяволъ: онъ острилъ, попадалъ въ просакъ, и собственные подчиненные высмѣивали его. Но этого мало. И святымъ лицамъ приходилось тоже нести долю комическаго отвлеченія, и ихъ не щадило остроуміе.

Не памфлетисты, не противники вѣры сочиняли эти сцены. Нѣтъ; здѣсь были, во-первыхъ, реально-художественные пріемы, на подмосткахъ хотѣли вывести настоящихъ людей, т.-е. людей съ недостатками и слабостями. Но была и другая цѣль: ослабить напряженное, доходящее до боли чувство, оттолкнуть увлекшагося человѣка, можетъ быть, нѣсколько грубо отъ края отчаянія, спасти его отъ печали и меланхоліи.

Средство могло становиться цѣлью; попытки отвлечены посредствомъ смѣха обращались тогда въ виртуозное подыскиваніе контрастовъ, чтобы переносить зрителей отъ одной крайности къ другой, чтобы усиливать общее дѣйствіе зрѣлища. Этотъ пріемъ знаетъ весьма первобытный театръ. Въ одной средневѣковой пьесѣ изображается спасеніе человѣка, заключившаго договоръ съ дьяволомъ и отрекшагося отъ Бога. Его беретъ ужасъ, онъ глубоко кается въ своей

дерзновенной жизни и идетъ въ церковь, гдѣ молитъ Богородицу спасти его. Божья Матерь оставляетъ младенца, сходитъ съ престола и посылаетъ въ адъ за документомъ, въ которомъ записанъ нечестивый контрактъ. Но бѣсенокъ, отправленный туда, хитритъ: онъ суетится изъ угла въ уголъ и возвращается наверхъ, увѣряя, что не нашелъ документа, хотя онъ отлично видѣлъ его за спиной у стараго дьявола. Его бранятъ и опять отсылаютъ въ преисподнюю, откуда наконецъ онъ выкрадываетъ требуемую бумагу. Послѣ этого выхода клоуна серьезное и торжественное дѣйствіе снова возобновляется.

Въ такомъ видѣ мы встрѣчаемъ этотъ пріемъ и у Шекспира, когда онъ, среди величайшаго напряженія драмы, передъ грозящей кровавой развязкой, выпускаетъ паяцовъ, зубоскаловъ или дурачковъ. Но и тутъ еще остается разсчитанное и благодѣтельное дѣйствіе отвлекающаго смѣха.

Всегда ли театральный смѣхъ ясно направленъ? Вспомните знаменитый вызовъ публикѣ, который по художественному капризу автора, вложенъ въ уста раздраженному плуту: «Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь!» Слова эти, невѣроятныя по своей откровенной смѣлости, звучатъ точно внезапная насмѣшка самого автора надъ собравшимися: «вы не видите, развѣ, что я показываю вамъ самихъ себя въ зеркалѣ?» Но, въ сущности, въ театрѣ самоосмѣяніе скрыто. Насмѣшка отведена въ сторону. Она поражаетъ другихъ, постороннихъ, зрители могутъ спокойно сидѣть на мѣстахъ. Они забываютъ о себѣ, чтобы поскорѣе насладиться зрѣлищемъ чужой бѣды, чужого затрудненія и чужой неловкости.

Эта черта злорадства, несомнѣнно, сидитъ въ людяхъ и находитъ себѣ извѣстное удовлетвореніе въ театральныхъ зрѣлищахъ. Человѣкъ пробиваетъ себѣ дорогу въ жизни борьбою; все его существо, какъ оно сложилось исторически—результатъ этой борьбы. Онъ способенъ поэтому упиваться зрѣлищемъ столкновенія. Эта воинственная складка проходитъ черезъ весь нашъ обиходъ. Добрая половина нашихъ разговоровъ—споры, и хотя бы они были совершенно дружескіе и исключительно служили свѣтскому развлеченію, но мы, болѣе или менѣе остро, ощущаемъ удовольствіе отъ побѣды, одержанной логическимъ оружіемъ или шутками, и мы чувствуемъ раздраженіе отъ самаго процесса борьбы. Огромное большинство игръ—состязательныя игры, и опять имъ присущи неизбѣжно опредѣленныя чувства: пріятно волнуетъ побѣда и досадно пораженіе. Людей одной профессіи, одинаковаго направленія таланта мы почти неизбѣжно сравниваемъ, разсматриваемъ, какъ конкурентовъ, хотя бы они такими и не были.

Входимъ ли мы сами участниками въ эти состязанія или остаемся зрителями, но въ насъ непремѣнно поднимается хотя бы ослабленное, отдаленное чувство борца: намъ нужно чувствовать, что мы-то сладили, одолѣли бы въ данномъ случаѣ, что въ насъ нѣтъ слабости, которая

опрокинута, осмѣяна, прибита въ раскрытой передъ нами борьбѣ. Назовите эту черту, какъ угодно—нѣкоторые считаютъ ее остаткомъ жестокости въ человѣкѣ,—но она жива и сильна въ насъ; она и составляетъ одинъ изъ секретовъ комедіи.

Мы видѣли: театръ удовлетворяетъ издавна сильныя и острыя потребности человѣка. Онъ даетъ выходъ извѣстнымъ чувствамъ, усиливаетъ другія, разгорячаетъ человѣка и успокоиваетъ его, наконецъ уноситъ его за предѣлы дѣйствительности. Отчего и не назвать его воздѣйствіе волшебнымъ? А что сказать о средствахъ, которыя служатъ этимъ чародѣйскимъ цѣлямъ? Театръ всегда силится повторить, воспроизвести противъ ряда дѣйствительныхъ событій и людей, противъ зрительскаго ряда, еще подобный же сценическій рядъ. Театральныя тѣни слѣдуютъ за жизнью, и театромъ мы точно удваиваемъ житейскія фигуры и формы. Какъ пришелъ человѣкъ къ этимъ пріемамъ?

На это также, быть можетъ, отвѣтитъ историческая старина. Человѣкъ прежде не чувствовалъ себя въ такой мѣрѣ единымъ цѣльнымъ существомъ, какъ теперь, на высотѣ культуры. Сознаніе ставило ему рядъ загадокъ. Сновидѣніе, болѣзненное забытье, фантазированье—всѣ эти состоянія, какъ ему казалось, не могли принадлежать тому самому существу, которое днемъ глазами видѣло окружающее и руками брало предметы дѣйствительности. Эти состоянія, думалъ онъ, работа особаго, второго существа, двойника, живущаго въ одной тѣлесной оболочкѣ съ первымъ. Это существо спитъ въ обычное время, при яркомъ свѣтѣ дѣйствительности; оно поднимается и вступаетъ въ свои права, когда замираетъ видимый тѣлесный человѣкъ.

У этого второго человѣка свой міръ, своя сфера, свои спутники, свои образы. Можетъ быть, это—тотъ самый загробный міръ, куда двойникъ совсѣмъ улетитъ послѣ смерти. Можетъ быть, и теперь, при жизни, когда въ сладкомъ или страшномъ сновидѣніи воображеніе далеко уноситъ человѣка, двойникъ летаетъ туда. Міръ этотъ совсѣмъ не такъ далеко. Есть мрачныя горныя разсѣлины, которыя ведутъ къ нему внизъ, подъ землю. А можетъ быть, онъ близко за облаками или на землѣ, за моремъ, куда въ золотой зарѣ прячется солнце. Міръ этотъ вовсе не такъ рѣзко отдѣленъ отъ нашего ежедневнаго: сказанія говорили, что были блаженные люди, которыхъ туда живьемъ переносили боги; да и назадъ оттуда можно вернуться. Можетъ быть, даже этотъ міръ окружаетъ насъ невидимо, находится среди насъ.

Въ силу этихъ понятій два міра все время живутъ и дѣйствуютъ рядомъ, раздѣленные таинственной чертой, почти не сообщаясь: міръ свѣта и тѣней, міръ вещей и міръ духовъ, міръ реальный и міръ мистическій. Въ человѣческомъ существѣ оба міра соприкасаются: человѣкъ можетъ бывать въ томъ или другомъ. У иныхъ есть счастливая пособность переносить себя въ невидимый глазамъ міръ, но есть для

и самъ отправляется къ нимъ. Наконецъ, можно поймать на время то что узрѣлъ ясновидящій счастливецъ въ другомъ мірѣ, и показать другимъ. Вотъ это и будетъ первоначальный театръ.

Театръ въ началѣ всегда фантастиченъ. Маски подражаютъ мертвецамъ, бѣсамъ, ночнымъ страшилищамъ, животнымъ, болѣе всего тому, что подсказываютъ безпокойныя сновидѣнія. Жутко, страшно трогать эту область, но человѣкъ не можетъ не заглядывать въ таинственный полумракъ, который весь создается изъ преувеличенія и удвоенія его же собственныхъ чувствъ, мыслей и дѣйствій. Театръ, повидимому, и служитъ вначалѣ этой игрѣ, страшной, захватывающе интересной, нестерпимо больной и въ то же время сладкой неудержимой игрѣ. Человѣкъ придумалъ театръ, исходя изъ вѣры въ двойственность міра и въ двойной характеръ собственнаго существа; онъ спѣшилъ въ яркихъ краскахъ нарисовать второй свѣтъ и, конечно, лишь повторялъ въ повышенныхъ тонахъ самого себя.

Театръ—созданіе старой мистики. Онъ дошелъ до насъ, сильно измѣнившись съ перемѣной всего міровоззрѣнія. Мы не вѣримъ въ двойниковъ, но мы еще не отвыкли различать въ себѣ двѣ силы: мы различаемъ въ себѣ активнаго и пассивнаго человѣка, существо испытывающее и существо анализирующее. Поэтому у насъ осталась и потребность воспроизводить самихъ себя въ повторительномъ дѣйствіи, вызывать къ жизни фикцію, въ которой мы еще разъ видимъ себя. Посредствомъ этой фикціи мы точно искусственно раздваиваемъ себя, отдѣляемъ человѣка чувствующаго отъ анализирующаго—для того, чтобы производить критику надъ собою, чтобы совершать надъ собою извѣстную работу, усиливать одни свойства, подавлять другія.

Театръ такъ же старъ, какъ человѣческое общество. Но можно сказать, что театръ такъ же молодъ, какъ оно. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не признакъ неизбывающей молодости человѣческаго общества, если каждая новая эпоха, каждое новое поколѣніе, послѣ тяжелыхъ испытаній своихъ предшественниковъ, послѣ крушенія ихъ надеждъ, снова поднимаетъ борьбу противъ неправды и насилія, низменности и трусости, невѣжества и страха людского и опять вѣритъ въ возможность состроить храмъ изъ человѣческихъ отношеній. Въ этой борьбѣ театръ былъ и останется долго однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ.

Р. Випперъ.

ИЗЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Изъ **Лиліенкрона**.

---

1) Забытый.

Вторую ночь, второй ужъ день
Лежитъ во ржи солдатъ забытый
И кровью ранъ своихъ покрытый.
Надъ нимъ—колосьевъ спѣлыхъ сѣнь.

Въ груди—предсмертное томленье.
Возвелъ онъ взоры въ небеса.
Что это? Сонъ? Звенитъ коса,
Работа, мирное селенье...

Больной напрягъ и взоръ, и слухъ.
Нѣтъ, не видать села родного!
Онъ головою никнетъ снова,
И отлетаетъ скорбный духъ.

2) Побѣда.

Розы дикія обвили
Наготу кровавыхъ ранъ,
О побѣдѣ возвѣстили
И труба, и барабанъ.

Полночь... Ужасъ безпредѣльный...
Бой въ деревнѣ былъ жестокъ,
Много рукъ въ тоскѣ смертельной
Рвутъ траву... Воды глотокъ!

Утро. Ямы роковыя,
Мертвецовъ не перечесть!
Съ вѣтромъ трубы полковыя
Разнесутъ побѣды вѣсть.

О. Чюмина.

Бродячій пѣвецъ.

Блѣднѣетъ свѣтъ вечерній...
    Какимъ путемъ идти?
Камней и острыхъ терній
    Не мало на пути.

Стучаться тщетно буду
    Въ дома съ закатомъ дня,
Любви великой чуду
    Не сбыться для меня.

Пріютъ богатыхъ—тѣсенъ;
Кто сытъ и кто обутъ—
Моихъ свободныхъ пѣсенъ
    Тѣ люди не поймутъ,—

Мелодій вдохновленныхъ,
    Рождаемыхъ грозой,
Напѣвовъ, окропленныхъ
    Горючею слезой.

Но пусть меня въ метели
    Не грѣетъ камелекъ—
Дойду къ завѣтной цѣли
    Во тьмѣ и одинокъ.

О. Чюмина.

НА ПОВОРОТѢ.

ПОВѢСТЬ.

(*Продолженіе* *).

VI.

На завтра Шеметовъ, Борисоглѣбскій, Вегнеръ и Ольга Петровна уѣхали въ Томилинскъ. Таня осталась погостить еще.

Жизнь потекла теперь болѣе спокойная. Токаревъ попрежнему наслаждался чудесной погодой и деревенскимъ привольемъ. Отношенія его съ Варварой Васильевной были какъ будто очень дружественныя, но, когда они разговаривали наединѣ, имъ было неловко смотрѣть другъ другу въ глаза; то давнишнее, петербургское, что раздѣлило ихъ, стѣною стояло между ними, они не могли перешагнуть черезъ эту стѣну и сдѣлать отношенія простыми; а между тѣмъ Варвара Васильевна становилась Токареву опять все милѣе.

Дни шли. Варвара Васильевна съ утра до вечера пропадала въ окрестныхъ деревняхъ, леча мужиковъ, принимала ихъ въ домѣ съ чернаго хода. Сергѣй ушелъ въ книги. Таня тоже много читала, но начинала скучать. Токареву она нравилась все меньше; его поражало, до чего она узка и одностороння; съ нею можно было говорить только объ опредѣленныхъ вещахъ и вопросахъ, все остальное ей было скучно, чуждо и представлялось пустяками. Поведеніе Тани, ея манера держаться также возмущали Токарева: она совершенно не считалась съ окружающими; Конкордія Сергѣевна, напр., съ трудомъ могла скрывать свою антипатію къ ней, а Таня на это не обращала никакого вниманія. Вообще, какъ замѣтилъ Токаревъ, Таня возбуждала къ себѣ въ людяхъ либо рѣзко-враждебное, либо ужъ горячо-сочувственное, почти восторженное отношеніе, и онъ сравнивалъ ее съ Варварой Ва-

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь. 1902 г.

сильевной, которая всѣмъ, даже самымъ чуждымъ ей по складу людямъ, умѣла внушить къ себѣ мягкую любовь и уваженіе.

Пятаго августа Варвара Васильевна, Токаревъ, Таня, Сергѣй и Катя отправились въ Томилинскъ, чтобъ повидать проѣзжаго гостя Варвары Васильевны. На станцію они пришли пѣшкомъ. Вечерній поѣздъ, шедшій изъ Москвы, былъ биткомъ набитъ народомъ; въ третьемъ классѣ не было ни одного свободнаго мѣста, и путники размѣстились стоя, кто на площадкахъ, кто у оконъ въ проходахъ.

Дали третій звонокъ. Поѣздъ свистнулъ и сталъ двигаться. Начальникъ станціи, въ красной фуражкѣ и съ толстымъ, бородатымъ лицомъ, что-то сердито кричалъ сторожу, указывая пальцемъ на конецъ платформы. Тамъ сидѣли и лежали среди узловъ человѣкъ десять мужиковъ, въ лаптяхъ и отрепанныхъ, пыльныхъ зипунахъ. Сторожъ, съ злымъ лицомъ, подбѣжалъ къ нимъ, что-то крикнулъ и, размахнувъ ногою, сильно ударилъ сапогомъ лежавшаго на узлѣ старика. Мужики испуганно вскочили и стали поспѣшно забирать узлы.

— Господи, да что же это такое?!—воскликнула Таня, стоявшая рядомъ съ Токаревымъ.

Поѣздъ уходилъ. Таня и Токаревъ высунулись изъ окна. Мужики сбѣгали съ платформы. Сторожъ, размахнувшись, ударилъ одного изъ нихъ кулакомъ по шеѣ; тотъ втянулъ голову въ плечи и побѣжалъ быстрѣе. Изогнувшійся дугою поѣздъ закрылъ станцію.

— За что это? Что тамъ случилось?—быстро спросила подошедшая Варвара Васильевна,—блѣдная, съ трясущимися губами.

— Не знаю,—отвѣтилъ Токаревъ, тоже блѣдный и возмущенный.

— „Что случилось“!.. Значитъ, улеглись мужички на неуказанное мѣсто, ну, ихъ покорнѣйше и попросили посторониться,—объяснилъ сидѣвшій рядомъ мастеровой.

Варвара Васильевна, прикусивъ губу, ушла на свое мѣсто. Таня стояла, злобно нахмурившись, и молча смотрѣла въ окно.

— Да, легко все это у насъ дѣлается!—сказалъ Токаревъ.

Въ глазахъ ея была такая ненависть, такое безпощадное презрѣніе къ этимъ избитымъ людямъ, что она стала противна Токареву. Онъ отвернулся; въ душѣ его шевельнулась глухая вражда, почти страхъ къ чему-то дико-стихійному и чуждому, что насквозь проникало все существо Тани.

— Ну, чортъ съ ними, стоитъ еще объ нихъ говорить!—сказала Таня, передернувъ плечами, и снова стала смотрѣть въ окно.

Заря догорала. Поѣздъ гремѣлъ и колыхался, въ душномъ, накуренномъ вагонѣ было темно, стоялъ громкій говоръ, смѣхъ и пѣсни.

— Да, Володя, вотъ что!—заговорила Таня.—Какъ хочешь, а нужно будетъ въ Томилинскѣ предпринять еще что-нибудь, чтобъ Варя уѣхала отсюда.

Токаревъ махнулъ рукою.

— Ну, пошло!.. Я не понимаю, чего ты берешь на себя какую-то опеку надъ Варварой Васильевной.

— Да неужели же ты не видишь, что съ нею дѣлается? Вѣдь положительно живьемъ разрушается человѣкъ: какое-то колебаніе, сомнѣніе во всемъ, полное невѣріе въ себя... Очевидно, ея дѣятельность ее не удовлетворяетъ.

— Откуда это очевидно?—возразилъ Токаревъ, пожавъ плечами.—Я не говорю про Варвару Васильевну, я ее слишкомъ мало знаю,—но, вообще говоря, человѣкъ можетъ не вѣрить въ себя совсѣмъ по другимъ причинамъ. Онъ можетъ признавать данную дѣятельность самою высокою и нужною, и все-таки не вѣрить въ себя... Ну, хотя бы просто потому, что чувствуетъ себя не въ силахъ отдаться этой дѣятельности,—произнесъ онъ съ усиліемъ.

— Какъ это такъ?—удивилась Таня.—Дѣятельность самая высокая и нужная,—и не можешь ей отдаться! Очевидно, значитъ, есть другая дѣятельность, болѣе высокая и болѣе нужная.

— Таня, меня прямо поражаетъ, до чего ты узко смотришь! Возьмемъ какой-нибудь примѣръ; скажемъ, я признаю, что дѣятельность врача—одна изъ самыхъ нужныхъ; но я *не могу*, мнѣ тяжело смотрѣть на всѣ эти гноящіяся раны, слушать эти стоны, плачъ...

— Очень понятно! Конечно, врачебная дѣятельность не можетъ заполнить жизни,—она слишкомъ узка и безплодна.

— Я же это только для примѣра говорю!—нетерпѣливо произнесъ Токаревъ.—Ну, возьми, какую угодно, дѣятельность. Пусть она будетъ широка, въ высшей степени плодотворна,—все, что хочешь; да только нѣтъ у меня силъ отдаться ей!

— Очевидно, значитъ, ты не совсѣмъ вѣришь въ нее.

— Ну, слушай, Таня! Поставимъ вопросъ еще прямѣе,—поставимъ грубо, каррикатурно. Скажемъ, я страстно люблю шампанское, устрицы. Я теоретически вполнѣ понимаю, что есть дѣла несравненно выше уничтоженія устрицъ и шампанскаго, да меня-то больше тянетъ къ устрицамъ и шампанскому.

— Тогда нечего и ломать себя: пей шампанское и ѣшь устрицы.

Подошелъ Сергѣй и молча сѣлъ около нихъ на ручку скамейки.

— Такъ что, если бы тебя больше всего тянуло къ *такой*

„дѣятельности“, то ты съ спокойною душою и предалась бы ей?— спросилъ Токаревъ.

— По моему, это ужасно скучно; но если бы тянуло,—конечно, предалась бы.

— Господи, до чего все это эгоистично!—возмутился Токаревъ.—Ну, гдѣ же, гдѣ же у тебя хоть какой-нибудь нравственный регуляторъ, хоть какой-нибудь критерій? Сегодня скучно жить для себя, завтра станетъ скучно жить для другихъ! Неужели ты не понимаешь, сколько въ этомъ эгоизма? Что хочется, то и дѣлай!.. Тебѣ даже совершенно непонятно, что могутъ быть люди, которые считаютъ своимъ долгомъ дѣлать не то, что хочется, а что признаютъ полезнымъ, нужнымъ для жизни.

— Но вопросъ въ томъ,—насколько имъ это удается?—вмѣшался Сергѣй. — Я не понимаю, почему вы такъ возмущаетесь эгоизмомъ. Дай намъ Богъ только одного,—побольше именно эгоизма,—здороваго, сильнаго, жаднаго до жизни. Это гораздо важнѣе, чѣмъ всякаго рода „долгъ“, который человѣкъ взваливаетъ себѣ на плечи; взвалитъ,—и идетъ, кряхтя и шатаясь. Пускай бы люди начали дѣйствовать *изъ себя*, свободно и безъ надсада, не ломая и не насилуя своихъ склонностей. Тогда настала бы настоящая жизнь.

— Воображаю, какая бы настала жизнь!—сдержанно усмѣхнулся Токаревъ.

— Хорошая бы жизнь настала! И погибъ бы безвозвратно ея главный врагъ,—скука. Потому что вотъ съ чѣмъ эгоизмъ никогда не захочетъ примириться,—съ скукою!

Токаревъ съ улыбкою поднялъ брови.

— Скука...—протянулъ онъ.—Вы серьезно думаете, что главный врагъ жизни—это, дѣйствительно, скука?

— Безусловно! Скука стóитъ всякихъ лишеній, униженій, длинныхъ рабочихъ дней и тому подобнаго... „Скучно“! Вѣдь отъ этого „скучно“ люди сходятъ съ ума и кончаютъ съ собою, это „скучно“ накладываетъ свою изсушающую печать на цѣлыя историческія эпохи. Вырваться изъ жизненной скуки,—вотъ самая главная задача современности. И суть не въ томъ, чтобъ человѣкъ вырвался изъ этой скуки, а чтобъ *люди* вырвались изъ нея. А для этого что нужно? Нужно, чтобъ вокругъ ключомъ била живая общественность, чтобъ жизнь цѣликомъ захватывала душу, чтобъ эта жизнь была велика и сильна, полна борьбы и свѣта... Вотъ что нужно, чтобъ ощущалъ человѣкъ, а не необходимость какого-то „долга“... Долгъ! Въ сосѣдствѣ съ долгомъ самъ воздухъ начинаетъ скисаться и пахнуть плѣсенью.

Таня слушала Сергѣя съ разгорѣвшимися глазами.

— Все это очень легко говорить...—началъ Токаревъ, но въ это время въ вагонѣ поднялся страшный шумъ и крикъ.

— Сволочь ты, негодяй!!—оралъ какой-то толстый господинъ въ грязномъ парусиновомъ пиджакѣ и сѣромъ картузикѣ съ блестящимъ чернымъ козырькомъ.—Я—отставной поручикъ слесарскаго гренадерскаго полка, а ты мнѣ смѣешь „ты" говорить?.. Подлецъ!

Мастеровой въ чуйкѣ, съ блѣднымъ, зеленоватымъ лицомъ, мирно было заговорившій съ сердитымъ господиномъ, въ первую минуту опѣшилъ.

— Я тебя, мерзавца, сейчасъ велю высадить изъ поѣзда!.. Подлецъ, пьяница!..

— Я думалъ, это пушки, анъ это—лягушки!—медленно и громко протянулъ мастеровой.

Кругомъ засмѣялись.

— Молчать!!!—гаркнулъ толстый господинъ.—Дуракъ!

— Не бывалъ, братъ, ты умнымъ человѣкомъ, коли я дуракъ,—отвѣтилъ мастеровой.—Ишь ты, какой! Ясный козырекъ нацѣпилъ себѣ и думаетъ,—хозяинъ! Мнѣ на твой ясный козырекъ наплевать!

— Ах-хъ, ты, мер-рзавецъ!—возмутился про себя господинъ и высунулся изъ окна, какъ бы высматривая, скоро-ли остановится поѣздъ, чтобъ позвать жандарма.

— Плюю я на твой ясный козырекъ,—вотъ такъ: тьфу!—мастеровой плюнулъ на полъ.—Плюю и потираю ногами!

— Буде вамъ!—сказалъ сидѣвшій рядомъ подгородный мужикъ.—Чѣмъ все ругаться, лучше прямо подраться!

— Вѣрно! Мнѣ ндравится ваше слово!—отвѣтилъ мастеровой.—Я васъ уважаю!.. А сказать что-нибудь противъ меня ясному козырьку энтому,—не позволю! Не желаю молчать!.. Извините меня, пожалуйста! Прошу извиненія!

— Тутъ колокольцевъ нѣту, звенѣть не на чѣмъ,—зѣвнулъ мужикъ.

Толстый господинъ, подергивая головою, продолжалъ выглядывать въ окно.

— Не желаю молчать!—волновался мастеровой.—Онъ меня растревожилъ, а я его не безпокоилъ!.. Слышь ты, козырекъ! Я сознаюсь, что ты—дуракъ! Понялъ ты это слово?

Поѣздъ остановился у полустанка. Толстый господинъ поспѣшно вышелъ и черезу минуту воротился съ жандармомъ.

— Вотъ!—коротко произнесъ онъ, указавъ на мастерового.—Убери его!

Жандармъ подошелъ къ мастеровому и взялъ его за рукавъ.

— Вставай!—рѣшительно сказалъ онъ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—оторопѣло спросилъ мастеровой.

— Но, но, вставай! Нечего!

— Да что вы? За что вы меня?—повысилъ голосъ мастеровой.

— Послушайте, жандармъ, за что вы его высаживаете?—вскипѣла Таня, быстро подходя къ нимъ.—Онъ ничего не дѣлалъ!

— Мы всѣ можемъ быть свидѣтелями,—прибавилъ Токаревъ.—Этотъ господинъ самъ же первый началъ, на весь вагонъ сталъ кричать и ругать его.

— Я тебѣ говорю, что онъ мнѣ нанесъ оскорбленіе!—грозно и выразительно обратился толстый господинъ къ жандарму.

— Всѣ въ вагонѣ слышали, что вы первый стали наносить ему оскорбленія,—спокойно сказалъ Токаревъ.

Токаревъ былъ одѣтъ чисто и прилично, гораздо приличнѣе толстаго господина. Жандармъ въ нерѣшительности остановился, не зная, что дѣлать.

— Жандармъ! Я тебѣ повторяю: возьми его!—рѣшительно произнесъ толстый господинъ.—Онъ пьянъ!

— Нѣтъ, я не пьянъ!—возразилъ мастеровой.—Вы меня оскорбили, а я васъ не тревожилъ!

— Вы не извольте безпокоиться!—вполголоса обратился жандармъ къ Токареву.—Я его только въ другой вагонъ переведу.

— Да съ какой стати?—громко возразилъ Токаревъ, чувствуя пріятное и спокойное ощущеніе силы, которую ему придавалъ его приличный костюмъ.—Мы вамъ всѣ заявляемъ, что этотъ господинъ самъ началъ первый скандалить. Почему вы его не переводите?

— А то, можетъ, ваше благородіе, вы сами перейдете?—почтительно-увѣщавающимъ голосомъ обратился жандармъ къ толстому господину.

— Я тебѣ въ послѣдній разъ повторяю: убери его!—грозно крикнулъ господинъ.

Жандармъ растерянно пожалъ плечами.

— Да вѣдь вотъ... Всѣ свидѣтельствуютъ, что вы же сами начали,—извиняющимся голосомъ произнесъ онъ.

— Ахъ, та-акъ!.. зловѣще протянулъ господинъ.—Ну, хорошо, ступай!—отрѣзалъ онъ.—Хорошо, хорошо! Можешь идти!.. Мы это еще увидимъ! Ступай, нечего!

Жандармъ съ извиняющимся лицомъ мялся на мѣстѣ. Вагоны двинулись. Онъ соскочилъ на платформу.

— Тутъ еще скоро, пожалуй, изобьютъ тебя!—возмущеннымъ голосомъ проговорилъ толстый господинъ и, взявъ свой чемоданъ, пошелъ въ другой вагонъ.

Торжествующій мастеровой стоялъ, пошатываясь, и смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Фью-у!—слабо свистнулъ онъ и махнулъ рукою въ догонку господину.—Нѣтъ, ей-Богу, чудачокъ!—обратился онъ къ Танѣ, улыбнувшись и лихо покрутивъ головою.—Молчи, говоритъ, дуракъ!.. А? Почему такое? Не желаю молчать!.. Благороднаго человѣка я уважу всегда! А коли со мною поступаютъ сурьезно,—не могу терпѣть! Такой ужъ характеръ у меня... строгій! Намедни мастеръ говоритъ намъ: „вотъ что, ребята! Послѣ Спаса за каждый приборъ на двѣ копейки меньше будемъ платить"... Какъ такъ? Нѣтъ, я говорю, я не желаю!.. Мнѣ не копейка нужна. Что копейка? Я на нее плюю!—Онъ досталъ затасканный кошелекъ, вынулъ пятіалтынный и бросилъ его на-земь.—Вотъ! Не нужно мнѣ, пускай тутъ лежитъ! А зачѣмъ онъ неправильно поступаетъ? Не желаю, говорю, уйду отъ васъ, больше ничего!

— А вы гдѣ работаете?—спросила Таня.

— Мы-то? А вонъ за бугромъ зданіе пыхтитъ... Мы—токари по металлу. Мѣдь, свинецъ, олово,—это у насъ называется металлъ... По нашему, по мастеровому!..

Поѣздъ гремѣлъ и колыхался. Въ вагонахъ зажгли фонари. Таня сидѣла въ уголкѣ съ мастеровымъ и оживленно бесѣдовала съ нимъ.

— Я, милая моя барышня,—конфиденціально сообщалъ ей мастеровой,—я желаю жить, чтобъ было по справедливому, чтобъ обиды мнѣ не было! Я этого не желаю терпѣть—никогда! А за деньгами я не гонюсь... Я вотъ выпилъ—и больше ничего!

Паровозъ оглушительно и протяжно засвистѣлъ. Въ темнотѣ замелькали огни томилинскихъ пригородовъ, всѣ поднялись и стали собираться.

Поѣздъ остановился у платформы. На ней суетились, бѣгали, одни выходили изъ вагоновъ, другіе входили. Затиснутые въ сплошной толпѣ, Токаревъ, Сергѣй, Варвара Васильевна и Катя вышли на подъѣздъ.

— А гдѣ же Таня?—спросила Варвара Васильевна, когда они очутились на улицѣ.

Сергѣй посмѣивался.

— Она съ мастеровымъ пошла,—сказалъ онъ.

— Да не можетъ быть!—воскликнулъ Токаревъ.

— Вѣрно! Я видѣлъ: онъ себѣ взвалилъ узелокъ на плечи, она рядомъ съ нимъ; прямо съ платформы сошли, мимо вокзала.

У Токарева опустились руки.

— Чортъ знаетъ, что такое!—проговорилъ онъ.

Онъ въ колебаніи остановился посреди улицы. Въ стороны отъ нея тянулись боковыя улицы, заселенныя мастеровщиною,—черныя, зловѣщія, безъ единаго огонька.

— Нужно ее отыскать!—сказалъ Токаревъ.—Это положи-

тельно ненормальный человѣкъ: дѣвушка, ночью, одна, идетъ съ пьянымъ, незнакомымъ человѣкомъ, сама не знаетъ, куда!

— Ищи вѣтра въ полѣ!—засмѣялся Сергѣй.—Ей-Богу, молодчина Татьяна Николаевна!

Они пришли къ Варварѣ Васильевнѣ. Подали самоваръ, сѣли пить чай.

— Нѣтъ, ей-Богу, люблю Татьяну Николаевну!—говорилъ Сергѣй.—Это такой пролетарій до мозга костей! Никакія условности для нея не писаны, ничѣмъ она не связана, ничего ей не нужно...

— По моему, это не пролетарій, а психически-больной человѣкъ, и ей необходимо лечиться,—угрюмо возразилъ Токаревъ.

Таня пришла къ двѣнадцати часамъ ночи,—оживленная, радостная, съ блестящими глазами. Токаревъ былъ такъ возмущенъ, что даже не сталъ ей ничего говорить, и сидѣлъ молча, насупившійся и грустный. Таня не обращала на него вниманія.

VII.

Токаревъ и Сергѣй переночевали въ „колоніи“, Таня и Катя—въ больницѣ у Варвары Васильевны. Назавтра къ тремъ часамъ Токаревъ и студенты пришли къ Варварѣ Васильевнѣ. Тимоѳей Балуевъ ужъ сидѣлъ у нея. Тани не было: она въ одиннадцать часовъ утра ушла къ своему вчерашнему знакомцу и еще не возвращалась.

Балуевъ, въ черной блузѣ съ застегнутыми у кистей рукавами, сидѣлъ за столомъ и, держа на разставленныхъ пальцахъ блюдечко, пилъ чай въ прикуску. При входѣ гостей онъ всталъ.

— Ну, Тимоѳей Степанычъ, здравствуйте!—радостно произнесъ Токаревъ, идя ему навстрѣчу. Они обнялись и крѣпко поцѣловались три раза накрестъ.

— Не думалъ я, что и васъ тутъ увижу!—сказалъ Балуевъ, въ замѣшательствѣ проводя своею большою рукою по густымъ волосамъ. Ему было лѣтъ тридцать пять; густая русая борода спускалась до половины груди. Блуза на немъ была подпоясана чернымъ кожанымъ поясомъ съ темно-синей стальной пряжкой.

Сергѣй, Шеметовъ, Борисоглѣбскій и Вегнеръ назвали себя и почтительно пожали его руку.

— Какъ вы измѣнились!—проговорилъ Токаревъ, глядя на загорѣлое, обросшее лицо Балуева.—Встрѣтилъ бы васъ на улицѣ, не узналъ бы.

— Да... Да и я бы васъ не призналъ,—медленно отвѣтилъ Балуевъ.

— Что же, постарѣлъ?..

— Пообливяли какъ-то... На видъ!

— Ну, садитесь, господа! Пейте чай, закусывайте!—сказала Варвара Васильевна.

Всѣ сѣли къ столу.

— Вы куда же теперь направляетесь?—спросилъ Токаревъ, намазывая масло на хлѣбъ.

— Въ Екатеринославъ ѣду. Тамъ товарищи посулились на заводъ пристроить. Тутъ, значитъ, нужно было Варвару Васильевну повидать. А между прочимъ, вотъ, и васъ встрѣтилъ... Ну, а вы какъ?

Онъ говорилъ не спѣша, поднявъ брови и глядя на Токарева своими маленькими, внимательными глазами. Студенты и Катя украдкою приглядывались къ Балуеву и молчали.

Разговоръ, какъ обыкновенно, вначалѣ вязался плохо. Понемногу онъ сталъ все больше оживляться. Рѣчь зашла объ одномъ изъ вопросовъ, горячо обсуждавшихся въ послѣднее время въ кружкахъ и дѣлившихъ единомысленныхъ недавно людей на два рѣзко-враждебныхъ лагеря. Токаревъ спросилъ Балуева, слышалъ ли онъ объ этомъ вопросѣ и какъ къ нему относится.

— Какъ же, слышалъ,—отвѣтилъ Балуевъ. — Книжки тоже кой-какія читалъ объ этомъ...—Онъ помолчалъ.—Думается мнѣ, не съ того конца вы подходите къ дѣлу. Оно гладко пишется въ книжкахъ, логически, а только книжка, знаете, она больше по верхамъ крутится, больно много сразу захватить хочетъ. Оно то, да не то выходитъ. Смотришь въ книжку, — вотъ какіе вопросы; и въ волосы изъ-за нихъ вцѣпиться радъ всякому. А кругомъ поглядишь,—что такое? И вопросы другіе, и совсѣмъ изъ-за другого ссориться надо.

— Но позвольте, вѣдь книжки основываются на той же жизни, на тѣхъ же жизненныхъ фактахъ,—возразилъ Сергѣй какимъ-то необычно для него тихимъ и смирнымъ голосомъ.

— Вѣрно! „Факты“... Что такое факты? Я вотъ гляжу въ окошко, вижу, лошадь упала, и говорю: „тутъ дорога склизкая,— пожалуйста, не спорьте со мною; самъ видалъ, какъ лошадь упала“. А на дорогѣ этой, можетъ, пыли по щиколку, а лошадь потому упала, что нога подвернулась. Оно, видите ли, коли на факты въ окошко смотрѣть, то и факты-то оказываются фальшивыми. А изъ этихъ фактовъ здоровеннѣйшій гвоздь сдѣлаютъ, да въ голову его тебѣ и вгоняютъ... Намедни встрѣтился я въ Петербургѣ съ однимъ пріятелемъ старымъ.—Ты, спрашиваетъ, кто?—Я? (Подъ густыми усами Балуева мелькнула улыбка) Али не узналъ? Слесарь Тимоѳей!—Нѣ-ѣтъ, я не о томъ. Ты человѣкъ какихъ взглядовъ?—Я, говорю... рабочій!

Всѣ поспѣшили громко и дружно разсмѣяться.

— Вотъ и ходитъ человѣкъ съ гвоздемъ въ головѣ,—продолжалъ Балуевъ.—И вѣдь не въ окошко самъ глядитъ, все кругомъ видитъ глазами,—а нѣтъ! Гвоздь въ головѣ сидитъ крѣпко.

Поднялся общій споръ. Приводились „факты“, соображенія. Балуевъ, положивъ на столъ руку ладонью внизъ, медленно и спокойно возражалъ, поднявъ брови и оглядывая всѣхъ своими внимательными глазами. И шестеро споривших были слабы передъ нимъ, какъ будто они стояли въ колеблющемся и уходящемъ изъ-подъ ногъ болотѣ, а онъ среди нихъ — на твердой кочкѣ.

— А о книжкѣ я только что говорю? — обратился Балуевъ къ Варварѣ Васильевнѣ.—Словъ нѣтъ, она вещь полезная, необходимая,—кто-жъ станетъ спорить? А только вѣдь нужно и ее съ толкомъ читать,—одно взялъ, другое бросилъ. А у насъ какъ? Сшилъ себѣ человѣкъ кафтанъ изъ взглядовъ и надѣваетъ. А кафтанъ-то ему, можетъ, совсѣмъ и не въ пору. Вотъ намедни одинъ товарищъ мой пишетъ изъ Москвы брату своему, мальчонкѣ: Вася, говоритъ, учись, читай книжки, думай, чтобъ ты могъ стать „борцомъ за страдающихъ и угнетенныхъ“... Во-отъ! Я думаю, больно ужъ много книжекъ самъ онъ начитался, мозги обмозолилъ себѣ.

— Великолѣпно!—въ восторгѣ воскликнулъ Сергѣй. Онъ вскочилъ и быстро заходилъ по комнатѣ. Митрычъ довольно ухмылялся. Остальные недоумѣвали.

— Что-жъ вы тутъ находите смѣшного?—осторожно спросилъ Токаревъ.—По моему, письмо это, напротивъ, чрезвычайно трогательно.

— Нѣтъ, чтожъ смѣшного... Очень даже благородно! А только... За себя будь борцомъ, и то ладно. А то: мнѣ самому, дескать, ничего не надо, я вотъ только насчетъ „страдающихъ“... Недавно мнѣ тоже одинъ человѣкъ совсѣмъ это самое говоритъ...

— Я все-таки васъ не понимаю!—сказалъ Токаревъ, пожавъ плечами.

— ...одинъ человѣкъ,—образованный, интеллигентный; и притомъ состоятельный: чай пьетъ съ булками. Говоритъ: мнѣ ничего не нужно, мнѣ самому хорошо; я, говоритъ, если готовъ работать, то готовъ работать для другихъ... По моимъ взглядамъ, это ужъ не интеллигентный человѣкъ.

— Но почему же, почему?—настойчиво спросилъ Токаревъ.—Дѣятельность эгоистическая, т.-е. только для себя, по необходимости будетъ всегда узкою и темною. Высшая нравственность, напротивъ, заключается именно въ самопожертвованіи, когда человѣкъ не видитъ отъ этого выгоды для самого себя. *Само*по-

жертвованіе! Какъ я могу жертвовать собою для самого себя? Напротивъ, чѣмъ меньше мои собственные интересы направляютъ мою дѣятельность, тѣмъ она будетъ чище, выше, свѣтлѣе. Вѣдь это совершенно ясно!

Балуевъ, поднявъ брови, слушалъ, и въ его глазахъ появилось что-то напряженное и растерянное. Онъ началъ возражать. Споръ становился все отвлеченнѣе. И чѣмъ отвлеченнѣе онъ становился, тѣмъ все болѣе книжными и шаблонными становились выраженія Балуева; отъ него повѣяло сѣрою скукою и теоретическою „неинтересностью". Токаревъ и Варвара Васильевна возражали все бережнѣе и осторожнѣе, стараясь не припирать его къ стѣнкѣ. Балуевъ всталъ; быстро теребя бороду, онъ заходилъ по комнатѣ и запинающимся, неувѣреннымъ голосомъ приводилъ свои бившія мимо цѣли возраженія.

Сергѣй, своимъ твердымъ, самоувѣреннымъ голосомъ, вмѣшался въ споръ и сталъ защищать высказанный Балуевымъ взглядъ. Споръ сразу оживился, сдѣлался глубже, ярче и интереснѣе; и по мѣрѣ того, какъ онъ отрывался отъ осязательной дѣйствительности, онъ становился все ярче и жизненнѣе; Балуевъ же, столь сильный своею неотрывностью отъ жизни, былъ теперь тусклъ и сѣръ. Онъ почти пересталъ возражать; горячо и внимательно слушая Сергѣя, онъ только сочувственно кивалъ головою на его возраженія.

Споръ началъ падать. Всѣмъ еще милѣе и симпатичнѣе сталъ Балуевъ, съ его серьезнымъ, напряженно-вдумывающимся лицомъ, какое у него было во время спора.

— Тимоѳей Степанычъ, вашъ чай совсѣмъ остылъ,—сказала Варвара Васильевна.—Дайте, я вамъ налью свѣжаго.

— А вотъ сейчасъ! Я этотъ допью!—Балуевъ поспѣшно допилъ чай и протянулъ стаканъ Варварѣ Васильевнѣ; Сергѣй предупредительно взялъ стаканъ и передалъ сестрѣ.

— Скажите, Тимоѳей Степанычъ,—обратился онъ къ Балуеву.— Какъ вы стали вотъ такимъ? Вы учились въ какой-нибудь школѣ?

— До двадцати лѣтъ я и грамотѣ не зналъ, — отвѣтилъ Балуевъ.—Пріѣхалъ въ Питеръ обломъ-обломомъ. Потомъ ужъ самоучкой выучился

— А что васъ заставило научиться?

Балуевъ улыбнулся.

— Хотѣлъ самъ французскіе романы читать; очень ужъ они меня заинтересовали; на квартирѣ у насъ, какъ воротимся съ работы, одинъ парнишка громко намъ „Молодость Генриха Четвертаго" читалъ: всю бы ночь слушалъ. Выучился я, значитъ, сталъ читать. Много прочелъ французскихъ романовъ, тоже вотъ фельетонами зачитывался въ „Петербургской Газетѣ" и „Петер-

бургскомъ Листкѣ"; даже нарочно для нихъ въ публичную библіотеку ходилъ. Ну, а потомъ поступилъ я въ вечернюю трехклассную школу, кончилъ тамъ,—послѣ этого, конечно, получилъ довольно широкій умственный горизонтъ.

Слушатели украдкою переглянулись; послѣднее выраженіе у всѣхъ вызвало умиленіе.

— И вѣдь вотъ штука какая любопытная!—съ улыбкою продолжалъ Балуевъ.—Помню, читалъ я „Рокамболя"; два тома прочелъ, а дальше не могъ достать; ужъ такая меня взяла досада! Что съ нимъ дальше, съ этимъ Рокамболемъ, случится? Хоть иди, на деньги покупай книжку, ей-Богу!.. Ну, ладно. Прошло года четыре. Ужъ Добролюбова прочелъ, Шелгунова, Глѣба Успенскаго. Вдругъ попадается мнѣ продолженіе... Желанный! Забралъ я книжку домой, думаю,—ужъ ночь не посплю, а прочту. Сталъ читать,—пятьдесятъ страницъ прочелъ и бросилъ. Такая глупость, такая скучища!.. А все-таки добромъ я ее помяну всегда, она меня читать пріучила. Эти Рокамболи, вы знаете,—они большое дѣло дѣлаютъ!.. Ну, а часъ-то который сейчасъ?—обратился онъ къ Варварѣ Васильевнѣ.

— Пора идти, а то на поѣздъ опоздаете!—вздохнула Варвара Васильевна.—А то, можетъ быть, останетесь до завтраго?

— Нѣтъ, нельзя, нужно спѣшить! Спасибо на угощеніи. Прощайте!

Онъ всталъ, въ своей черной блузѣ, въ пыльныхъ, отрепанныхъ сапогахъ, и обошелъ столъ, протягивая всѣмъ свою широкую руку. Катя робко поднялась и,—розовая, съ внимательными, почтительными глазами,—ждала. Балуевъ протянулъ ей руку; она вложила въ эту грубую, мозолистую руку свою бѣлую, узкую руку и крѣпко пожала ее, испытывая отъ этого пожатія необычное чувство какого-то умиленія и радостнаго смущенія.

Балуевъ взялъ со стула свой узелокъ и вышелъ въ сопровожденіи Варвары Васильевны.

Варвара Васильевна воротилась. Всѣ сидѣли молча.

— Какъ онъ однако измѣнился!—задумчиво произнесъ Токаревъ.—И какой онъ крѣпкій, цѣльный, — прямо, кряжистый какой-то!

— Да. Ничего нѣтъ похожаго на прежнее, — сказала Варвара Васильевна.—Помните, раньше? Горячій, пылкій,—но совсѣмъ, какъ желторотый галчонокъ; разинулъ клювъ, и пихай въ него, что хочешь. Ну, а теперь...

— Да, а теперь?—печально спросилъ Вегнеръ.—По моему, это положительно ужасно! Такое отрицаніе теоріи—гибель и смерть рѣшительно всему. Мы это поймемъ, но поймемъ слишкомъ поздно.

Дверь быстро раскрылась и вошла Таня, — запыхавшаяся, раскраснѣвшаяся. Она оглядѣла комнату.

— Уѣхалъ уже?

— Уѣхалъ, конечно.

— Ахъ, ты, Господи! Ну, что это?—съ досадой воскликнула Таня.—Что, что онъ разсказывалъ? — жадно обратилась она къ Варварѣ Васильевнѣ и Сергѣю.

— Любопытный парень! — съ медленною улыбкою сказалъ Сергѣй, неподвижно глядя въ окно. — Какъ это онъ ловко выразился насчетъ обмозоленныхъ книжкою мозговъ! Чортъ его знаетъ, какой-то совсѣмъ особенный душевный строй!

Таня быстро прошлась по комнатѣ.

— Слушайте, Митрычъ! — рѣшительно проговорила она. — Теперь пять минутъ шестого, поѣздъ отходитъ въ четверть шестого. Поѣдемъ на извозчикѣ на вокзалъ. Вы меня познакомите съ нимъ.

— Что жъ, поѣдемъ!—согласился Митрычъ, вставая.

Они оба вышли.

VIII.

Въ дверь раздался стукъ.

— Войдите! — сказала Варвара Васильевна.

Въ комнату вошелъ больничный фельдшеръ Антонъ Антонычъ,—невысокій и полный человѣкъ, въ бѣломъ халатѣ и розовомъ крахмальномъ воротничкѣ; онъ былъ блѣденъ, на его вспотѣвшій лобъ падала съ головы жирная и мокрая прядь волосъ.

— Варвара Васильевна, Никанора привезли: взбѣсился! — сообщилъ онъ.

— Да что вы?! — воскликнула Варвара Васильевна.—Никаноръ? Взбѣсился-таки?

— Въ телѣгѣ привезли изъ деревни, связаннаго... Я, изволите видѣть, дежурный, а доктора нѣтъ. Ужъ не знаю, снимать-ли его съ телѣги, или доктора подождать: больно ужъ бьется, страшно подойти. За докторомъ-то я послалъ.

Варвара Васильевна быстро надѣвала бѣлый халатъ.

— Ну, вотъ еще,—ждать! Что жъ ему, такъ связаннымъ и лежать?.. Пойдемте!

Они поспѣшно вышли.

Оставшіеся вяло молчали, мѣшая ложками въ стаканахъ съ остывшимъ чаемъ. Было очень жарко. Сергѣй сидѣлъ у окна и читалъ „Русскія Вѣдомости“.

— Духота какая!.. Давайте, господа, на лодкѣ покатаемся!— предложилъ Шеметовъ.

— Чтожъ, поѣдемъ,—отозвался Токаревъ.

— Только, господа, подождемте Татьяну Николаевну,—сказала Катя.

— Ну, вотъ еще! Ждать ее!—сердито возразилъ Сергѣй.— Она, можетъ быть, только къ ночи воротится!

Сергѣй почему-то выглядѣлъ теперь нервнымъ и раздраженнымъ.

— Я готовъ пари-держать, что она съ нимъ сѣла въ вагонъ, чтобъ проѣхать пару станцій! —съ усмѣшкою произнесъ Токаревъ.

— До самаго Екатеринослава его проводитъ, — убѣжденно сказалъ Шеметовъ.

Гдѣ-то съ силою хлопнула дверь. Въ больничномъ коридорѣ раздался тяжелый топотъ ногъ, возня и какой-то дикій, безумный хохотъ. Всѣ стали прислушиваться. По корридору проносили мимо что-то тяжелое, кто-то хриплымъ голосомъ выкрикивалъ безсвязныя слова и хохоталъ; слышался громкій и спокойный голосъ Варвары Васильевны, отдававшей приказанія. Шумъ замеръ въ другомъ концѣ корридора.

Варвара Васильевна вошла въ комнату.

— Что это такое? Правда, бѣшеный человѣкъ?—со страхомъ спросила Катя.

— Да. Ужасно жалко его!—сказала Варвара Васильевна.— Такой славный былъ мужикъ,—мягкій, деликатный, просто удивительно! И жена его, Дуняша, такая же... Его три мѣсяца назадъ укусила бѣшеная собака; онъ лежалъ въ больницѣ, потомъ его отправили въ Москву, для прививокъ. И вотъ, все-таки взбѣсился! Буянитъ, бьется,—пришлось помѣстить его въ арестантскую.

— Ну, господа, идемъ, будетъ ждать,—проговорилъ Сергѣй, вставая,—Варя, хочешь съ нами? Мы ѣдемъ на лодкѣ.

— Отлично! Идемте.

Они вышли на улицу.

— А должно быть, тяжелое впечатлѣніе производятъ такіе больные, — поморщившись, произнесъ Токаревъ, у котораго еще стоялъ въ ушахъ дикій хохотъ больного.

— Не знаю, на меня они рѣшительно никакого впечатлѣнія не производятъ,—глухо отвѣтила Варвара Васильевна, глядя въ землю.—Вотъ ушла оттуда,—и на душѣ ничего не осталось, какъ будто его совсѣмъ и не было.

Въ городскомъ саду, гдѣ отдавались лодки, по случаю праздника происходило гулянiе. По пыльнымъ дорожкамъ двигались нарядныя толпы, оркестръ въ будкѣ игралъ вальсъ „Невозвратное

время". Токаревъ сторговалъ лодку, они сѣли и поплыли вверхъ по теченію. Городской садъ остался назади, по берегамъ тянулись маленькіе домики предмѣстья. Потомъ и они скрылись. По обѣ стороны рѣки стѣною стояла густая, высокая осока, и за нею не было ничего видно. Солнце сѣло, западъ горѣлъ алымъ свѣтомъ.

Шеметовъ, какъ столбъ, стоялъ на скамейкѣ и смотрѣлъ вдоль рѣки.

— Сережа, Вегнеръ! Столкните, пожалуйста, Шеметова въ воду: онъ мнѣ заслоняетъ видъ,—сказала Катя.

Сергѣй, молчаливый и нахмуренный, сидѣлъ на кормѣ и не пошевелился. Вегнеръ сдѣлалъ движеніе, какъ будто собирался толкнуть Шеметова. Шеметовъ исподлобья выразительно взглянулъ на него.

— Посмотрю-ка, кто на это рѣшится!—грозно проговорилъ онъ, засучивая рукава рубашки.—

Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ!..

Шеметовъ въ ожиданіи стоялъ, сжимая кулаки.

— Вотъ что значитъ во-время привести подходящій стихъ!—самодовольно произнесъ онъ, садясь.—Никто не осмѣлился!

Токаревъ гребъ, молча и задумчиво глядя себѣ въ ноги. Балуевъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе, и онъ испытывалъ какой-то смутный стыдъ за себя и пренебреженіе къ окружавшимъ; въ головѣ проносились воспоминанія изъ студенческаго времени. Потомъ припомнилась сцена изъ ибсеновскаго „Гинта". Задорный Перъ Гинтъ схватывается въ темнотѣ съ невидимымъ существомъ и спрашиваетъ его: „кто ты?" И голосъ Великаго Горбуна отвѣчаетъ: „я—*я самъ!* Можешь ли и ты это сказать про себя?.."

Шеметовъ острилъ и шутливо пикировался съ Катей, Варвара Васильевна и Вегнеръ смѣялись. Сергѣй молчалъ и съ скучающимъ, брезгливымъ видомъ смотрѣлъ на нихъ.

— А Сережа сидитъ, какъ будто уксусу съ горчицей наѣлся!—засмѣялась Катя.

— Не вижу, чему смѣяться,—сумрачно отвѣтилъ Сергѣй.—Ваши остроты нахожу ужасно неостроумными.

— Что это?—вдругъ спросила Катя, насторожившись.

Далеко въ осокѣ отрывисто и грустно ухала выпь,—странными, гулкими звуками, какъ будто въ пустую кадушку.

— Выпь,—коротко отвѣтилъ Сергѣй.

— Какіе оригинальные у нея звуки! Что-то такое загадочное,—сказала Варвара Васильевна.

— А что такое выпь... рыба или птица?—невинно спросилъ Шеметовъ Сергѣя.

Сергѣй молча отвернулся и, наклонившись съ кормы, опустилъ руку въ воду.

— Это онъ выпь хочетъ выловить, показать намъ,—догадался Шеметовъ.

— Нѣтъ, братъ, выпь ловить я тебя самого въ воду спущу!—злобно отвѣтилъ Сергѣй.

— А лодка-то, лодка какъ идетъ!—вздохнула Катя.—Только подрагиваетъ, а впередъ совсѣмъ не движется.

— Теченіе быстрое,—сказалъ Токаревъ.

— Лодка дрожитъ отъ позора, что на ней такіе гребцы!

— Странная причина!—пробурчалъ Сергѣй.

Шеметовъ, качая головою, съ упрекомъ смотрѣлъ на Катю.

— Ай-ай-ай, какой срамъ! И не стыдно вамъ? Сморозили: лодка дрожитъ отъ позора! Лодка есть предметъ неодушевленный,—важнымъ, докторальнымъ тономъ заговорилъ онъ.—Она можетъ дрожать только отъ толчковъ, а не отъ позора, потому что она сдѣлана изъ дерева; а дерево, какъ всѣмъ прекрасно извѣстно, ничего не можетъ чувствовать.

— Ну, продолжай, продолжай! — прищурившись, сказалъ Сергѣй.—Эдакій остроумный юноша,—просто удивительно!

— Нѣтъ, Сережѣ положительно нужно дать валеріанки!—засмѣялась Варвара Васильевна.—Его сегодня какая-то блоха укусила.

— Владиміръ Николаевичъ, дайте мнѣ погрести!—обратился Сергѣй къ Токареву.

Онъ сѣлъ на весла и принялся яро грести. Лодка пошла быстрѣе. Сергѣй работалъ, склонивъ голову и напрягаясь, весла трещали въ его рукахъ. Онъ гребъ минутъ съ десять, потомъ остановился и отеръ потъ съ раскраснѣвшагося лба.

— Однако, какой изъ меня современемъ выйдетъ паскудный старичишка!—вдругъ проговорилъ онъ съ сконфуженною улыбкою.

Всѣ засмѣялись.

— Чортъ знаетъ, что такое!..—Сергѣй помолчалъ, глядя въ даль, гдѣ надъ темной осокой догорала золотистая заря.—Ужасно гнусное впечатлѣніе оставила во мнѣ сегодняшняя встрѣча!—задумчиво произнесъ онъ.—Можетъ ли быть что-нибудь противнѣе? Сидитъ онъ,—спокойный, увѣренный въ себѣ, а мы вокругъ него,—млѣющіе, умиленные, лебезящіе. И какое характерное съ нашей стороны отношеніе: мягкая снисходительность съ высоты своего теоретическаго величія, и въ то же время чистохолопское пресмыканіе передъ нимъ. Какъ же! Вѣдь онъ—„носитель“! А мы—что мы такое? Пустота, которая стыдится себя

и тоскуетъ по немъ, „носителѣ“. Жизнь, дескать, только тамъ, а тамъ ты чужой, органически не связанъ... Какая гадость! Почему онъ такъ гордо несетъ свою голову, живя самъ собою, а я только вздыхаю и поглядываю на него? Въ концѣ концовъ, я самъ по себѣ историческій фактъ. Я—интеллигентъ: что-жъ такого? Я не желаю стыдиться этого, я желаю признать себя. Онъ хорошъ, не спорю, я вѣрю въ него и уважаю его, но прежде всего я хочу вѣрить *въ себя*.

— А этой вѣры нѣтъ и не можетъ быть,—грустно возразила Варвара Васильева.

— Почему это?—вызывающе спросилъ Сергій.—Чѣмъ я хуже его? Какая между нами разница?

— Та разница, что ты вотъ и теперь ужъ сталъ паскуднымъ старичишкой,—ворчливо произнесъ Шеметовъ.

Сергѣй хотѣлъ что-то возразить, но нахмурился и замолчалъ. Онъ снова взялся за весла и сталъ усиленно гресть.

Было ужъ совсѣмъ темно, когда они воротились къ пристани. Въ городскомъ саду народу стало еще больше, въ пыльномъ мракѣ, среди вѣтвей, блестѣли разноцвѣтные фонарики, музыка гремѣла.

На улицахъ было пустынно и тихо; стояла томительная духота, пахло известковою пылью и красками.

— Прощайте, господа, я пойду на вокзалъ,—вдругъ сказалъ Сергѣй, все время молчавшій.—Поѣду съ ночнымъ поѣздомъ: не стоитъ ждать до завтраго.

— Сережа, можно, и я съ тобой?—спросила Катя.

— Какъ хочешь,—хмуро отвѣтилъ Сергѣй.

Они простились и пошли къ вокзалу.

IX.

Шеметовъ и Вегнеръ повернули къ себѣ, Токаревъ пошелъ съ Варварой Васильевной проводить ее до больницы. Въ темномъ небѣ ярко мерцали звѣзды, гдѣ-то далеко стучала трещотка ночного сторожа. Варвара Васильевна и Токаревъ шли по тихой улицѣ, и ихъ шаги звонко отдавались за домами; оба задумчиво молчали. Сегодняшняя встрѣча пробудила въ нихъ давнишнія воспоминанія, они не перекинулись ни словомъ, но оба знали и чувствовали, что думаютъ объ одномъ и томъ же.

— Постойте, что такое?—вдругъ сказала Варвара Васильевна, остановившись.

По ту сторону улицы стоялъ небольшой двухъэтажный домъ; окна въ верхнемъ этажѣ были раскрыты, и изъ нихъ слышались звуки скрипки и рояля; играли „Легенду“ Венявскаго.

У Токарева забилось сердце. „Легенда“ Венявскаго... Пять лѣтъ назадъ, онъ сидѣлъ однажды вечеромъ у Варвары Васильевны, въ ея убогой комнатѣ на Васильевскомъ Островѣ; за тонкою стѣною въ сосѣдней комнатѣ какой-то студентъ консерваторіи игралъ эту же „Легенду“. И отъ его игры на душѣ сладко щемило, охватывало поэзіей, страстно хотѣлось любви и свѣтлаго счастья; и какъ это тогда случилось, Токаревъ самъ не зналъ,— онъ схватилъ Варвару Васильевну за руку и, задыхаясь отъ волненія и счастья, высказалъ ей все,—высказалъ, какъ она безконечно дорога ему, и какъ онъ ее любитъ.

Изъ оконъ широко лились пѣвучіе, жалующіеся звуки „Легенды“. Токаревъ взглянулъ на Варвару Васильевну. Она стояла не шевелясь, съ блестящими глазами, и жадно слушала. Гдѣ-то вдали съ грохотомъ прокатились дрожки, потомъ застучала трещотка ночного сторожа.

— Господи, какъ мѣшаютъ!—нетерпѣливо прошептала Варвара Васильевна.

Вдали смолкло, и опять по тихой улицѣ поплыли широкіе, царственные звуки. Лицо у Варвары Васильевны стало молодое и прекрасное, глаза свѣтились. И Токаревъ почувствовалъ,—это не музыка приковала ее, въ этой музыкѣ онъ, Токаревъ, изъ далекаго прошлаго говорилъ ей о любви и счастьѣ, и ея душа тянулась къ нему, и сердце горячо билось въ отвѣтъ.

Музыка прекратилась, послышались звуки настраиваемой скрипки.

— Пойдемте! Другого не нужно слушать! — быстро сказала Варвара Васильевна.

Они пошли дальше. И опять за тихими домами отдавались ихъ шаги, и звѣзды мерцали въ темномъ небѣ.

— Помните, Варвара Васильевна...—началъ Токаревъ.

— Да, да! — поспѣшно прервала она его, оживленная и счастливая.—Только не нужно объ этомъ говорить... Какъ хорошо кругомъ, какъ звѣзды сверкаютъ!..

Они подошли къ воротамъ больницы.

— Заходите чай пить,—сказала Варвара Васильевна.

Въ ея комнатѣ было темно, Токаревъ зажегъ лампу.

— Посидите, я сейчасъ схожу въ кухню за кипяткомъ... — Варвара Васильевна что-то вспомнила и въ колебаніи помолчала.— Или вотъ что,—заговорила она извиняющимся голосомъ:—подождите минутъ пять, я только схожу, провѣдаю сегодняшняго больного.

— Варвара Васильевна, да это же невозможно!—возмутился Токаревъ.—Ну, пожалуйста, я васъ прошу,—онъ сжалъ ея руку въ своихъ рукахъ, — пожалуйста, оставьте вы на сегодня всѣхъ

больныхъ! Вѣдь вы въ отпускѣ, тамъ у васъ есть дежурные фельдшера.

— Я въ одну минуту сбѣгаю. Видите, сегодня дежурный Антонъ Антонычъ; онъ съ десяти часовъ заляжетъ спать и не встанетъ до утра. А больной тяжелый, ему, можетъ быть, что-нибудь нужно... Я сейчасъ ворочусь!

— Ну, а можно мнѣ съ вами пойти?

— Отлично, пойдемте!—радостно отвѣтила Варвара Васильевна.

Они пошли по корридору; Варвара Васильевна тихо открыла дверь въ арестантскую. Это была небольшая комната, разгороженная пополамъ желѣзною рѣшоткою. Во второй половинѣ, за рѣшоткою, сидѣлъ на полу, на тюфякѣ, больной. По эту сторону, у стѣны, стоялъ больничный служитель Иванъ, — блѣдный, съ широко открытыми глазами. Маленькая лампочка горѣла на стѣнѣ.

— Ну, что Никаноръ? — шопотомъ спросила Варвара Васильевна служителя.

— Послѣ обѣда ничего былъ. Докторъ ему лекарство далъ, онъ заснулъ... А теперь вотъ сидитъ, глазами ворочаетъ, да вдругъ какъ начнетъ головою биться объ рѣшотку!.. Все пить проситъ.

— А лекарство вечеромъ давали ему?

— Н-нѣтъ...

Варвара Васильевна и Токаревъ подошли къ рѣшоткѣ. Въ полумракѣ сидѣлъ на полу огромный человѣкъ; онъ сидѣлъ сгорбившись, съ свѣсившимися на лобъ волосами, и раскачивалъ головою.

— Здравствуйте, Никаноръ! Какъ поживаете?—мягко сказала Варвара Васильевна.

Больной медленно поднялъ голову и пристально оглядѣлъ Варвару Васильевну; на его темной бородѣ клочьями висѣла подсыхавшая пѣна.

— А какъ!.. Видно, не больно хорошо!—хрипло отвѣтилъ онъ.

— Вы меня знаете?

— Ну, а какъ же не знаю!

— Кто же я?

— Вы-то? Барышня наша.—Онъ помолчалъ, задумчиво потирая ладонью край лба.—Скажите вы мнѣ, Бога ради,—какъ я сюда попалъ?

— Вы въ больницѣ. Вамъ было худо, и потому васъ привезли сюда.

— Худо?—переспросилъ больной и задумался.—Да, да, я что-то сильно безобразилъ. Но что я дѣлалъ,—не знаю.

— Ничего вы не безобразили. Просто, у васъ сильно болѣла голова, такъ сильно, что вы были безъ памяти. Ну, конечно, когда

человѣкъ безъ памяти, то и мечется... Хотите пить? Я вамъ сейчасъ дамъ.

— А рѣшотка зачѣмъ?—спросилъ больной.—Нѣтъ, видно сильно я безобразилъ, коли за рѣшотку посадили меня, какъ звѣря.

Онъ уныло опустилъ голову. Лицо у него стало грустное и хорошее.

— Посадили васъ за рѣшотку, чтобъ вы не убѣжали, если опять будете безъ памяти,—только для того. Поправитесь,—и пойдете себѣ домой,—сказала Варвара Васильевна.

— А гдѣ моя жена?—вдругъ спросилъ больной.

— Дома.

— А скажите... Она жива?

— Конечно, жива и здорова.

— А ребята?

— И ребята тоже.

— Гмъ...—Больной нахмурился и понурилъ голову.—Да скажите же вы мнѣ,—что такое со мною было?—спросилъ онъ, начиная волноваться.—Я помню, я что-то сильно безобразилъ. Вотъ вы говорите, жена моя Дуняша здорова... Отчего жъ ея тутъ нѣту?

— Никаноръ, какой вы, право, странный! Вѣдь вы же знаете, что у нея въ деревнѣ хозяйство, дѣти, скотина. Не можетъ же она все бросить и идти къ вамъ. Ну, справитъ дѣла, утромъ и придетъ васъ провѣдать.

— Утромъ... Нѣтъ, это вы меня обманываете!.. Что съ женой?—вдругъ коротко и рѣшительно спросилъ онъ, быстро поднявъ голову.—Я ей что-нибудь сдѣлалъ? Убилъ ее? Не обманывайте вы меня, Бога ради!

— Ну, Никаноръ, если вы мнѣ не вѣрите, то я уйду,—рѣшительно сказала Варвара Васильевна.—Мнѣ, наконецъ, обидно: я никогда не лгу, а вы вотъ мнѣ не вѣрите.

Больной внимательно слушалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходите, я вѣрю,—спокойнѣе проговорилъ онъ.—Ну, а васъ, барышня, я не обидѣлъ? Помнится, я вамъ что-то худое сдѣлалъ.

— Да нѣтъ же, голубчикъ, ничего вы мнѣ не сдѣлали!.. Будетъ разговаривать, вамъ это вредно... Иванъ, сходите къ смотрителю и принесите бутылку пива,—обратилась она къ служителю.

Иванъ вышелъ. Больной сидѣлъ на тюфякѣ, свѣсивъ голову. Лицо его поблѣднѣло, онъ дышалъ часто и поверхностно.

— Эхъ, вотъ тутъ больно,—произнесъ онъ, показывая подъ ложечку,—дыхать не даетъ. А пить охота...

— Вотъ, сейчасъ принесутъ пиво, вы выпьете, и вамъ станетъ легче.

— Скажите, барышня, я... бѣшеный?—срывающимся голосомъ вдругъ спросилъ больной.

— Ну, что за глупости!—разсмѣялась Варвара Васильевна.— Какой-же вы бѣшеный! У васъ просто горячка, больше ничего. Я сейчасъ пойду поить васъ,—развѣ бы я пошла, если бы вы были бѣшеный?

Больной замолчалъ. Его мутные глаза смотрѣли изъ полумрака на Варвару Васильевну.

— Я сейчасъ во всю силу буду стучать въ дверь!—неожиданно сказалъ онъ.

— Зачѣмъ?

— А чтобъ Дуняша пришла!—вызывающе отвѣтилъ больной.

— Я же вамъ говорила, что сейчасъ ей некогда. Она придетъ завтра утромъ, а если что задержитъ,—въ полдни ужъ непремѣнно

— „Въ по-олдни"...—съ усмѣшкой повторилъ больной.—Ну, теперь я вижу, что вы все врете. Говорили,—утромъ, а теперь ужъ на полдни перешли!.. Нѣтъ, видно ея и въ живыхъ-то нѣту... Пустите меня, я къ ней пойду!—крикнулъ онъ, вставая и подходя къ рѣшоткѣ.

— Ну, Никаноръ, если такъ, то прощайте! Я вамъ передаю ея же слова, а вы не вѣрите. Если не вѣрите, то нечего и толковать.

— Нѣтъ, постойте, не уходите. Вы скажите только,—придетъ она?

— Придетъ.

— Ей-Богу?

— Ей-Богу.

— Ну, ладно, буду ждать. А только... Коли она не придетъ, буду такъ безобразить, что... И васъ не послушаю, никого!— Больной помолчалъ. — Коли не придетъ, увидите, что будетъ! Я попрошу васъ къ себѣ сюда...—зловѣще протянулъ онъ.

— Зачѣмъ?

— А тогда узнаете, зачѣмъ!.. Значитъ, вы только утѣшали меня, обманывали!..

Больной начиналъ волноваться все больше.

— Эхъ, какъ больно тутъ!—въ тоскѣ проговорилъ онъ.— Дайте мнѣ пить! Я пить хочу.

Въ арестантскую на цыпочкахъ вошелъ служитель Иванъ съ бутылкою пива.

— Вотъ, извольте!.. Только я, барышня, ни за что не пойду съ вами!—прошепталъ онъ, въ смутномъ ужасѣ косясь на больного.—Хоть сейчасъ съ мѣста гоните!

— Антонъ Антонычъ у себя? — спросила Варвара Васильевна.

Она вышла съ Токаревымъ въ корридоръ.

— Но вѣдь бѣшеные, кажется, не могутъ пить?—спросилъ Токаревъ, ощущая въ спинѣ быструю, мелкую дрожь.

— Нѣтъ, пиво имъ иногда удается проглотить.

По корридору шелъ заспанный Антонъ Антоновичъ, въ своихъ розовыхъ воротничкахъ и пиджакѣ.

— Антонъ Антонычъ, Никаноръ пить проситъ; не поможете ли вы мнѣ его напоить?—обратилась къ нему Варвара Васильевна.

Фельдшеръ остановился, поднялъ брови и забѣгалъ глазами по потолку.

— Мм-м... Знаете, что? Подождемте лучше доктора, онъ вѣдь скоро придетъ.

— Какой же „скоро"? Онъ приходитъ въ девять утра, а теперь только часъ ночи.

— Нѣтъ, знаете... Онъ сегодня раньше придетъ.

— Ну, Антонъ Антонычъ, это вы сочиняете! Почему онъ сегодня раньше придетъ?.. Скажите, поможете вы мнѣ или нѣтъ?

Антонъ Антонычъ замялся.

— Знаете... я боюсь! А ну, какъ онъ меня укуситъ! Съ докторомъ хоть въ огонь пойду, а безъ него я... извините, боюсь!

— Какъ хотите!.. Дѣло только въ томъ, что одной трудно его напоить.

Варвара Васильевна бѣглымъ взглядомъ скользнула по лицу Токарева. Токаревъ внимательно смотрѣлъ на фельдшера и съ невиннымъ видомъ игралъ ключикомъ отъ часовъ.

— Ну, а если я не пойду, то что будетъ?—помолчавъ, спросилъ фельдшеръ.

— Что будетъ! Ничего особеннаго. Пойду одна.

Фельдшеръ съ изумленіемъ оглядѣлъ ее.

— Ну Варвара Васильевна... Какъ это—одна? Это невозможно!

— А чтожъ я буду дѣлать? Больной проситъ пить, а я стану уговаривать его ждать до девяти часовъ?

Варвара Васильевна повернулась и пошла назадъ.

— Барышня, вы подумайте, вѣдь это невозможно?—говорилъ фельдшеръ, идя за нею слѣдомъ.—Да и на что пить ему? Онъ, все равно, не выздоровѣетъ, помретъ къ завтраму,—съ пивомъ ли, безъ пива ли...

— Нужно будетъ морфія всыпать въ пиво,—сказала Варвара Васильевна, не слушая его.

Она вошла въ арестантскую. Фельдшеръ, странно сопя носомъ, въ волненіи прошелся по корридору.

— Я, знаете... не могу этого...—дрожащимъ голосомъ обра-

тился онъ къ Токареву.—У меня жена молодая, ребенокъ маленькій...

И, быстро повернувшись, онъ снова, сопя носомъ, пошелъ по корридору; Токаревъ видѣлъ, какъ онъ бормоталъ что-то подъ носъ и размахивалъ дрожащими руками.

Варвара Васильевна высыпала въ жестяную кружку порошокъ и налила въ нее пиво. За рѣшоткою вырисовывалась въ полумракѣ огромная, лохматая фигура больного; онъ сидѣлъ сгорбившись и въ забытьи качалъ головою. Служители и сидѣлки толпились въ первой комнатѣ, изрѣдка слышали глубокій вздохъ. Токаревъ стоялъ, прислонясь къ косяку корридорной двери, и крѣпко стискивалъ зубы, потому что челюсти его дрожали.

Варвара Васильевна подошла къ рѣшоткѣ.

— Никаноръ, вы хотѣли пить. Я войду, напою васъ; хорошо?—спросила она.

— Хорошо,—пробормоталъ больной.

— Ну, а можно мнѣ къ вамъ одной войти, вы не обидите меня?

Больной съ удивленіемъ поднялъ на нее глаза.

— Что вы, барышня? Вы меня поить будете, а я обижать! Нѣтъ, вы не опасайтесь!

— Ну, хорошо... Иванъ, отоприте замокъ!—обратилась она къ служителю.

— Только я, барышня, ни за что не пойду съ вами!—снова зашепталъ Иванъ.—Да и вы бы тоже, барышня... Вѣдь въ его душу не влѣзешь!

— Да отпирайте же!—нетерпѣливо повторила Варвара Васильевна.

Въ комнатѣ стало тихо. Иванъ дрожащими руками совалъ ключъ, но не могъ попасть въ замокъ. Больной неподвижно сидѣлъ на тюфякѣ и съ загадочнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на толпу за рѣшоткой.

Въ дверяхъ корридора появился фельдшеръ. Съ широко открытыми, страдающими глазами, онъ остановился на порогѣ, крѣпко вцѣпившись пальцами въ локти. Иванъ продолжалъ лязгать ключомъ по замку, Варвара Васильевна, блѣдная и спокойная, съ сдвинутыми тонкими бровями, ждала съ кружкою въ рукахъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Господи!.. Простите меня, я не могу!—пробормоталъ фельдшеръ; онъ какъ-то странно-молитвенно поднялъ кверху руки, повернулся и съ поднятыми руками пошелъ по корридору прочь.

Замокъ два раза звонко щелкнулъ, рѣшотчатая дверь открылась. Всѣ замерли. Варвара Васильевна вошла къ больному. Вдругъ словно какая-то сила подхватила Токарева; онъ протолкался сквозь толпу и быстро вошелъ также за рѣшотку.

— Ну, Никаноръ, давайте пить!—сказала Варвара Васильевна.

Больной зашевелился и поспѣшно отеръ ладонью усы.

— Дайте мнѣ руку, держите меня!— проговорилъ онъ.

— Позвольте, я подержу,—вполголоса обратился Токаревъ къ Варварѣ Васильевнѣ.

Она быстро обернулась и взглянула на него. И вдругъ ея блѣдное лицо вспыхнуло радостью, и засвѣтившіеся глаза съ горячею лаской остановились на Токаревѣ.

— За обѣ руки держите,—замѣтилъ больной.—А то я боюсь, не зашибить бы барышню... Эй, вы!—обратился онъ къ толпѣ.— Подержите кто-нибудь!

Иванъ на цыпочкахъ вошелъ въ дверь и, широко улыбаясь, взялъ больного за руку. Токаревъ держалъ другую руку; онъ держалъ и смотрѣлъ на подсохшіе клочья пѣны, висѣвшіе въ спутанной, темной бородѣ больного.

— Эхъ, выпить-то я не смогу!—вздохнулъ больной, жадно глядя на кружку съ холоднымъ пивомъ.—Я воду въ ротъ, а меня какъ-будто кто за горло схватитъ.

— Да это не вода, это пиво,—сказала Варвара Васильевна.— Вы не бойтесь, пиво всякій всегда можетъ выпить, оно совсѣмъ легко идетъ въ горло... Ну, откройте ротъ!

Больной неувѣренно раскрылъ ротъ; Варвара Васильевна влила въ него ложку пива.

— Ну, вотъ! Отлично! Глотайте поскорѣй, вы непремѣнно проглотите!—увѣренно твердила Варвара Васильевна.

Больной закрылъ глаза и постарался проглотить, но судорога сдавила ему горло. Въ мучительныхъ усиліяхъ побороть ее, онъ весь изогнулся назадъ, выкативъ глаза и вырывая руки изъ рукъ державшихъ; потомъ вдругъ сѣлъ и облегченно, глубоко вздохнулъ: онъ проглотилъ.

— Не ушибъ ли я васъ?—спросилъ онъ, передохнувъ.—Кажись, руками я шибко махалъ; не задѣлъ ли кого?

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойся, милый, никого ты не задѣлъ!— радостно отвѣтила Варвара Восильевна.—Вотъ теперь ты самъ видишь, что можешь пить... Ну, еще ложку!

— Дай вамъ Богъ добраго здоровья!.. Ну, Господи помилуй!

Больной, хотя съ значительными усиліями, но выпилъ еще двѣ ложки.

— Теперь, Богъ дастъ, засну,—сказалъ онъ, облегченный и успокоенный.

Всѣ вышли отъ него. Въ корридорѣ къ Варварѣ Васильевнѣ подошелъ фельдшеръ.

— Я, право, Варвара Васильевна, не могъ пойти!—виновато заговорилъ онъ, подобострастно заглядывая ей въ глаза.—Вѣдь я

не одинъ, вы знаете; у меня жена молодая, ребенокъ... Знаете, хотѣлъ было пойти, и вдругъ—какъ видѣніе встало передъ глазами: Дашенька, а на рукахъ ея младенецъ! И голосъ говоритъ: „не ходи!..“ Не ходи, не ходи!.. Какая-то сила невидимая держитъ и не пускаетъ!

— Ну, что ужъ объ этомъ говорить теперь!—добродушно засмѣялась Варвара Васильевна.—Видите, кое-какъ сладилось дѣло. Покойной ночи!

Она и Токаревъ вошли въ ея комнату. На подносѣ стоялъ большой жестяной чайникъ съ кипяткомъ, и чай былъ уже заваренъ.

— Боже мой, какой чудакъ этотъ вашъ Антонъ Антонычъ!—со смѣхомъ сказалъ Токаревъ.—Вотъ бы вы посмотрѣли на его физіономію, когда Иванъ отпиралъ замокъ!.. Да, Варвара Васильевна, кстати: отчего вы прямо не обратились ко мнѣ, чтобъ я вамъ помогъ? Я сначала не рѣшался предложить свои услуги, думалъ, что для этого нуженъ спеціалистъ. Ну, а вижу, „спеціалисты“ всѣ мнутся...

Варвара Васильевна съ счастливою улыбкою наклонилась надъ чайникомъ, слегка поднимая и опуская его крышечку.

— Я въ душѣ была убѣждена, что вы пойдете... хотя на одну секунду вдругъ усумнилась.

— Это тогда, когда вы говорили въ корридорѣ съ фельдшеромъ?—улыбнулся Токаревъ.

— Д-да...

— Такъ Господи, я-жъ вамъ говорю: я не зналъ, гожусь ли я. Вижу, вы ко мнѣ не обращаетесь,—думаю: очевидно, тутъ нужны спеціальныя знанія...

Они долго просидѣли за чаемъ, имъ не хотѣлось расходиться. Случилось что-то особенное: они вдругъ стали близки-близки другъ другу, каждую фразу, каждое слово одного другой принималъ съ горячимъ, любовнымъ вниманіемъ, и взгляды ихъ встрѣчались теперь свободно.

Ужъ свѣтало, когда Токаревъ вышелъ изъ больницы. Онъ шелъ улыбаясь, высоко поднявъ голову, и жадно дышалъ утренней прохладой. Какъ будто каждый мускулъ, каждый нервъ обновились въ немъ, какъ будто и сама душа стала въ немъ совсѣмъ другая. Онъ чувствовалъ себя молодымъ и смѣлымъ, слегка презирающимъ трусливаго Антона Антоныча, и передъ нимъ стояла Варвара Васильевна, какъ она входила въ комнату бѣшенаго,—блѣдная, съ сдвинутыми бровями и спокойнымъ лицомъ,—и какъ это лицо вдругъ освѣтилось горячею ласкою къ нему. И сердце его какъ будто радостно расширялось въ груди, и онъ бодро и гордо смотрѣлъ въ будущее.

Назавтра Токаревъ проснулся поздно,— проснулся угрюмый и мрачный; голова была тяжела, въ груди стояла тупая, ноющая боль отъ табаку, все вокругъ казалось мутнымъ и сквернымъ. Онъ лежалъ, глядя въ низкій, досчатый потолокъ таниной мансарды, и думалъ о вчерашнемъ. Что это случилось? Онъ любитъ Варвару Васильевну, и она его любитъ. Любовь... Любовь— это нѣчто радостное и спокойное, несущее счастье; любимаго человѣка хочется оградить отъ всякаго горя и опасностей, хочется нѣжить его и покоить. Между тѣмъ, тутъ,—она заставила его идти съ собою къ этому бѣшеному, и впереди она ждетъ отъ него, чтобъ онъ шелъ на всякія опасности. Мало и того, что онъ теперь бездоменъ и безпріютенъ?.. Токаревъ съ отвращеніемъ морщился и смотрѣлъ въ окно, на мутное, хмурое небо, изъ котораго сѣялъ мелкій дождь.

X.

Варвара Васильевна и Токаревъ воротились въ Изворовку. Таня заявила, что она уже отдохнула въ деревнѣ и останется въ Томилинскѣ.

Жизнь въ Изворовкѣ текла тихая, каждый жилъ самъ по себѣ. Токаревъ купался, ѣлъ за двоихъ, катался верхомъ, Варвара Васильевна опять съ утра до вечера возилась съ больными, Сергѣй сидѣлъ за книгами. Общія прогулки предпринимались рѣдко.

Варвара Васильевна какъ будто жалѣла о порывѣ, охватившемъ ее подъ вліяніемъ неожиданно услышанной „Легенды“. Она замкнулась въ себѣ и старалась отдалиться отъ Токарева. Токаревъ мучился, нѣсколько разъ пытался заговорить съ нею: въ ея глазахъ тогда появлялось что-то растерянное, и она, прося у Токарева взглядомъ прощенія, переводила разговоръ на другое. Ему все больше начинало казаться, что Варвара Васильевна, такая на видъ спокойная и ровная, давно уже переживаетъ въ душѣ что-то очень тяжелое. Иногда, случайно увидѣвъ ее одну, онъ поражался, какое у нея было глубоко-грустное лицо.

Съ Сергѣемъ отношенія у него какъ-то совсѣмъ не ладились. Вначалѣ Сергѣй относился къ Токареву съ любовною почтительностью, горячо интересовался его мнѣніями обо всемъ; но что дальше, то больше въ его разговорахъ съ Токаревымъ стала проскальзывать ироническая нотка, и по мѣрѣ этого Сергѣй становился Токареву все непріятнѣе.

Вообще Сергѣй производилъ на Токарева странное впечатлѣніе. Оба они жили наверху въ двухъ просторныхъ комнатахъ ме-

вонина. Сергѣй былъ то буйно-веселъ, то угрюмо молчалъ по цѣлымъ днямъ и не спалъ ночей; Токаревъ иногда слышалъ сквозь сонъ, какъ онъ вставалъ, одѣвался и на всю ночь уходилъ изъ дому. Отъ Варвары Васильевны Токаревъ узналъ, что Сергѣй страдаетъ чѣмъ-то вродѣ истеріи, и что у него бываютъ нервные припадки.

Прошла недѣля. Тринадцатаго августа, въ воскресенье, были именины Конкордіи Сергѣевны. Ужъ наканунѣ съ вечера въ домѣ поднялась суета. Мѣсили тѣсто для пироговъ, мыли и чистили комнаты, разметали аллеи. На слѣдующій день къ двумъ часамъ стали съѣзжаться гости. Пріѣхалъ изъ своего имѣнія за пятнадцать верстъ Будиновскій съ женою, пріѣхало нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ и акцизныхъ чиновниковъ изъ города, бывшихъ сослуживцевъ Василія Васильевича. Въ четыре часа подали обѣдать.

Большой столъ былъ парадно убранъ и поверхъ обычной черной клеенки былъ покрытъ бѣлоснѣжною скатертью; въ окна сквозь зелень кленовъ весело свѣтило солнце. Конкордія Сергѣевна, вставшая со свѣтомъ, измученная кухонною суетою и волненіями за пирогъ, сѣла за столъ и стала разливать супъ.

— Мученица своего ангела!—вполголоса обратился Сергѣй къ Токареву.—И Варя несчастная тоже запряглась, съ утра на кухнѣ торчитъ.

Василій Васильевичъ былъ очень оживленъ и говорливъ.

— Ну, господа, господа! За здоровье именинницы!—говорилъ онъ, наливая всѣмъ въ рюмки зубровку.

Выпили по рюмкѣ, нѣкоторые по второй. Закусивъ, принялись за бульонъ съ пирогомъ.

— А пріятно эдакъ, знаете, на лонѣ природы жить!—съ любезною улыбкою обратился къ Конкордіи Сергѣевнѣ Юрасовъ, старый ревизоръ съ Анною на шеѣ.—Какой у васъ тутъ воздухъ прелестный!

— Эхъ, милый Алексѣй Павловичъ, не говорите!—махнула рукою Конкордія Сергѣевна.—Мы этого воздуха и не замѣчаемъ. Столько хлопотъ, суеты,—гдѣ ужъ тутъ о воздухѣ думать!

— Нѣтъ, знаете... Что-жъ суета? Суета вездѣ есть, безъ нея не обойдешься.

— Вотъ только для дѣтей, конечно,—продолжала Конкордія Сергѣевна.—Для нихъ, для здоровья ихъ,—вотъ правда, много пользы отъ воздуха.

— Ну, да, и для дѣтей...—протянулъ Юрасовъ. Онъ взглянулъ на Сергѣя.—Сергѣй Васильевичъ гдѣ теперь, въ юрьевскомъ университетѣ?

Конкордія Сергѣевна сдѣлала скорбное лицо.

— Въ юрьевскомъ, Алексѣй Павловичъ, въ юрьевскомъ... Дай Богъ, чтобъ ужъ тамъ какъ-нибудь кончилъ, объ одномъ только я Бога и молю.

— Ну, кончитъ, Богъ дастъ... Молодость, знаете: кровь кипитъ, въ головѣ бродитъ...—Юрасовъ повелъ сухими пальцами передъ лбомъ.—Этимъ огорчаться не слѣдуетъ; перебродитъ, взгляды установятся,—и все будетъ хорошо. Вотъ увидите.

Сергѣй, прикусивъ красивыя губы и сдерживая улыбку, молча смотрѣлъ на благодушно-снисходительное лицо Юрасова съ отлогимъ лбомъ и глазами безъ блеска.

— И всетаки, что вы тамъ ни говорите, а я отъ души радъ за Василія Васильевича, что онъ бросилъ нашу лямку,—продолжалъ Юрасовъ.—Что ему теперь? Ни отъ кого не зависитъ, самъ себѣ хозяинъ, дѣлаетъ, что хочетъ.

— Гм... — крякнулъ Василій Васильевичъ, юмористически поднявъ брови.—Я бы съ большимъ удовольствіемъ предоставилъ это удовольствіе вамъ... Нѣтъ, Алексѣй Павловичъ, раньше было лучше. Бывало, придетъ двадцатое число,—расписывайся у казначея и получай жалованіе, ни о чемъ не думай. А теперь,—дождь, солнце, морозъ, отъ всего зависишь. А главная наша боль,—что народу нѣтъ. Нѣтъ народу!

— Нѣту, нѣту!—вздохнулъ помѣщикъ Пантелѣевъ, плотный, съ маленькимъ лбомъ и торчащими на головѣ густыми, стрижеными волосами.—Положительно, невозможно дѣла дѣлать!

— Хоть самъ коси и паши!—продолжалъ Василій Васильевичъ.—Всѣ бѣгутъ въ городъ; тамъ хоть за три рубля готовы жить, а тутъ и за пять не хотятъ. А ужъ который остается, такъ такая шваль, что лучше и не связывайся.

— Грубый народъ, пьяный! Воръ-народъ!—поддержалъ Пантелѣевъ.—Вы повѣрите, сейчасъ августъ мѣсяцъ, а у меня еще два скирда необмолоченныхъ стоитъ прошлогодней ржи,—ей-Богу! Нѣту рукъ!

— Я думаю, господа, вы сами въ этомъ виноваты,—своимъ медленнымъ и спокойнымъ голосомъ заговорилъ Будиновскій.—Хорошихъ рабочихъ всегда можно достать, если имъ хорошо платить и сносно содержать.

— Да, Борисъ Александровичъ, вамъ это легко говорить,—возразилъ Пантелѣевъ, почтительно и съ скрытою враждою глядя исподлобья на Будиновскаго.—Мы бы, можетъ быть, съ вашими капиталами тоже не жаловались. А то капиталовъ то у насъ нѣтъ, а дѣтей семь человѣкъ; всѣхъ обуй-одѣнь, накорми-напои. Вы то платите отъ излишковъ, а цѣну набиваете. А жить-то, Борисъ Александровичъ, всѣмъ надо-съ,—всѣмъ надо жить!

Поднялся оживленный споръ.

— Ужасно всѣ помѣщики на насъ злобятся, — вполголоса обратилась къ Токареву сидѣвшая съ нимъ рядомъ Марья Михайловна. — Положительно не могутъ простить, что мы платимъ рабочимъ высокую цѣну. Этотъ самый Пантелѣевъ на земскомъ собраніи такую филиппику произнесъ противъ Бориса... И вообще, я вамъ скажу, типы тутъ! Одинъ допотопнѣе другого! Вотъ Александръ Ивановичъ много можетъ вамъ разсказать про нихъ.— Она взглянула на сидѣвшаго по другую руку отъ Токарева земскаго врача Голицынскаго.

— Это насчетъ чего? — лѣниво спросилъ Голицынскій,— загорѣлый, съ угрюмымъ и интеллигентнымъ лицомъ.

— Я говорю, что вамъ приходится наблюдать нашихъ дѣятелей въ довольно привлекательномъ свѣтѣ.

— А-а!..—Голицынскій помолчалъ. — Да вотъ вамъ случай съ коллегой моимъ, врачомъ сосѣдняго участка,—заговорилъ онъ неохотно, какъ будто его заставляли говорить противъ воли. — Зоветъ его въ свой пріютъ для сиротъ земскій начальникъ, гласный. У мальчика оказывается гнойный плевритъ. „Пожалуйста, будьте добры сдѣлать дезинфекцію".—Дезинфекція ненужна, болѣзнь незаразительная.—„А я требую!" Врачъ пожалъ плечами и уѣхалъ. Земскій пишетъ въ управу бумагу: въ пріютѣ, дескать, открылась заразная болѣзнь, а земскій врачъ отказывается сдѣлать дезинфекцію. Изъ управы запросъ къ врачу, — почему? — „Потому что не было никакихъ основаній исполнять невѣжественныя требованія г. земскаго начальника". Назначается разслѣдованіе,—и результатъ: врача „для улучшенія мѣстныхъ отношеній" переводятъ въ другой участокъ.

— Ну, а вы что же?—съ любопытствомъ спросилъ Сергѣй, сидѣвшій рядомъ съ докторомъ.

— То-есть, что же я?

— Такъ и оставили это? И всѣ врачи уѣзда не вышли въ отставку?

— Ахъ, Господи, Сережа!.. Какой онъ прямолинейный! — воскликнула Марья Михайловна. — Обо всемъ судитъ съ своей студенческой точки зрѣнія!.. Ну, что хорошаго было бы, если бы Александръ Ивановичъ ушелъ? Однимъ дѣльнымъ человѣкомъ стало бы у насъ меньше, больше ничего!

Докторъ, наклонившись надъ тарелкой, ворошилъ вилкою оглоданное крыло утки.

— Нѣтъ, дѣло не въ этомъ, — грубовато возразилъ онъ. — Дѣло, изволите видѣть, въ томъ, что куска хлѣба лишишься. А на другое мѣсто пойдешь, будетъ не лучше. Вотъ, — причина простая.

Марья Михайловна, прищурившись, смотрѣла вдаль, какъ будто не слышала признанія доктора.

— Да, это что спорить! Просто! — протянулъ Сергѣй.

— Оно, знаете, въ нашей жизни человѣкъ подлѣетъ ужасно быстро, ужа-асно!—продолжалъ Голицынскій.—Совсѣмъ особенная философія нужна для нея: надѣнь наглазники, по сторонамъ не оглядывайся и иди съ лямкой по своей колеѣ. А то выскочишь изъ колеи, пойдетъ прахомъ равновѣсіе и... жить не станетъ силы. Изволите видѣть? Не станетъ силы жить!

— И вы миритесь съ этой философіей!—изумленно проговорилъ Сергѣй.—Кругомъ—жизнь, такая яркая, живая и интересная, а вы сознательно надѣваете наглазники и боитесь даже взглянуть на нее!

— Гдѣ она, яркая-то жизнь?—неохотно спросилъ докторъ.— Все сѣро кругомъ, душно и пусто... „Яркая"...

— Да, если такъ дрожать передъ нею и покоряться ей...

— Я не знаю, мнѣ кажется, вы совершенно не возражаете Александру Ивановичу, — заговорилъ Токаревъ, обращаясь къ Сергѣю.—Мысль доктора вполнѣ ясна: въ теоріи непримиримость хороша и даже необходима, но условія жизни таковы, что человѣку волею-неволею приходится съеживаться и становиться въ узкую колею. И мнѣ кажется, это совершенно вѣрно. Какая, спрашивается, польза, чтобъ вмѣсто Александра Ивановича у насъ оказался врачъ, который бы лечилъ мужиковъ оптомъ: „эй, у кого животы болятъ? Выходи впередъ. Вотъ вамъ касторка. У кого жаръ? Вотъ вамъ хининъ!"

Сергѣй, поднявъ брови, внимательно смотрѣлъ на Токарева.

— Это въ вашихъ устахъ звучитъ ново! — медленно произнесъ онъ.—Я думалъ, вы согласитесь съ тѣмъ, что непримиримость нужна прежде всего именно въ жизни, что честные люди должны словомъ и дѣломъ доказывать, что подлость есть подлость, такъ-же увѣренно и смѣло, какъ нечестные люди доказываютъ, что подлость есть самая благородная вещь.

— Да, только тогда нельзя будетъ жить! — сказала Марья Михайловна, обрадованная поддержкою Токарева.—И всѣ честные люди будутъ погибать.

— Будутъ погибать, это вѣрно! — съ усмѣшкою отвѣтилъ Сергѣй. — А вотъ это-то какъ разъ для насъ ужасно непріятно!..

— Ну, Сережа, я тебя не слушаю!—засмѣялась Марья Михайловна, затыкая уши своими бѣлыми пальцами въ кольцахъ.

— Ма-ашенька! Ма-ашенька!—звала ее съ конца стола Конкордія Сергѣевна.

— Что, тетя?—быстро спросила она, повернувшись къ Конкордіи Сергѣевнѣ свое оживленное лицо.

— Получила ты цареградскую вербу, я на той недѣлѣ съ Гаврилою послала тебѣ?

— Да развѣ это цареградская верба? А я думала, это масленка. Какъ же, получила, очень вамъ благодарна! Только позвольте...—Она встрепенулась.— Вѣдь это, значитъ, она кустомъ растетъ... Ахъ, ты, Господи! А я ее на клумбу посадила!

— Ну, гдѣжъ ее на клумбу сажать,—нельзя!—снисходительно улыбнулась Конкордія Сергѣевна.

Обѣдъ кончился. Всѣ поднялись и перешли въ гостиную. Одни сидѣли, другіе расхаживали по комнатѣ и разсматривали бездѣлушки въ неуклюжихъ стеклянныхъ горкахъ. Подали кофе. Докторъ подошелъ къ Сергѣю и заговорилъ съ нимъ. Передъ домомъ, въ густой липовой аллеѣ, разставляли карточные столы.

Конкордія Сергѣевна сидѣла на диванѣ между женами Юрасова и Пантелѣева, размѣшивая ложечкою кофе.

— У Картамышевыхъ говорятъ мнѣ, — разсказывала она: — „попробуйте жженаго кофею взять, у насъ особеннымъ образомъ жгутъ, всѣ покупатели одобряютъ". Взяла — гадость ужасная! Просто, кофейная настойка, безъ всякаго вкуса. А я люблю, чтобъ у кофе былъ букетъ...

— Ну, господа, господа! Пора за дѣло! — заявилъ Василій Васильевичъ, входя съ террассы въ гостиную и потирая руки.— Пожалуйте, столы готовы!

Мужчины и многія дамы поднялись.

— Владиміръ Николаевичъ, а вы въ винтъ не играете? — спросилъ Василій Васильевичъ Токарева.

— Я... мм... играю немножко...

— А-а!.. — Василій Васильевичъ съ уваженіемъ оглядѣлъ его.—Великолѣпно!.. Вотъ вамъ, значитъ, четвертый партнеръ!— обратился онъ къ Марьѣ Михайловнѣ.

— Какъ я рада! — просіяла Марья Михайловна, съ лаской глядя на Токарева. Она сначала какъ будто удивилась, что онъ играетъ.

Оживленно переговариваясь, всѣ спустились съ террассы и стали размѣщаться вокругъ столовъ, весело зеленѣвшихъ своимъ яркимъ сукномъ. Партнерами Марьи Михайловны и Токарева были Пантелѣевъ и акцизный чиновникъ Елкинъ. Они усѣлись, вытянули карты. Марьѣ Михайловнѣ вышло сдавать.

— Ну, я сегодня въ выигрышѣ! — говорилъ Елкинъ, живой старичокъ съ круглыми глазами.—Какъ съ дамами играю, всегда выигрываю.—Онъ взялъ свои карты.—Такъ и есть! Тузъ... другой... третій... четвертый... пятый...

Марья Михайловна засмѣялась.

— Вы что смѣетесь? Давайте пари, что выиграю!—сказалъ Елкинъ.

— Давайте!

Вечеръ былъ чудесный, — теплый и тихій. Солнце свѣтило сбоку въ аллею, и нижнія вѣтви липъ просвѣчивали яркою зеленью; въ полосахъ солнечнаго свѣта золотыми точками плавали мухи. Варвара Васильевна расхаживала по аллеѣ съ женами Елкина и Пантелѣева и занимала ихъ.

Марья Михайловна въ колебаніи смотрѣла въ свои карты.

— Погодите немножко... Гмъ...—Она помолчала.—Ну... безъ козыря!

— Если говорятъ съ руки: „ну... безъ козыря!"—это значитъ, что всего два туза,—объяснилъ Елкинъ Токареву.—Четыре безъ козыря!—рѣшительно заявилъ онъ.

— Иванъ Яковлевичъ, не зарывайтесь!—лукаво погрозилась ему Марья Михайловна.

— Я вамъ съ начала игры сказалъ, что у меня пять тузовъ... Владиміръ Николаевичъ, карты поближе къ орденамъ,—все вижу.

— Пять червей! — сказалъ Токаревъ, игравшій съ Марьей Михайловной.

— Па-асъ, па-асъ!—почтительно протянулъ Елкинъ.—Прикажете раскрыть прикупъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, подождите! — поспѣшно воскликнула Марья Михайловна.—Пять безъ козырей! Я беру!

Она раскрыла прикупъ, присоединила его къ своимъ картамъ и задумалась.

— Ну, посмотрю, поймете ли вы,—сказала она, передавая Токареву четыре карты.

— Марья Михайловна, такъ нельзя!—ворчливо замѣтилъ Пантелѣевъ.

— Да я... я ничего не сказала!

— А я вотъ понялъ, что вы сказали!—вызывающе произнесъ Елкинъ.—На ренонсахъ хотите играть!

— Малый въ червахъ,—объявилъ Токаревъ.

— Петръ Петровичъ, извольте карточку,—обратился Елкинъ къ Пантелѣеву.—Мой ходъ? Эх-ма!.. „Не съ чего, такъ съ бубенъ!" сказалъ Александръ Македонскій,—и Елкинъ пошелъ съ тройки червей.

Марья Михайловна и Токаревъ сыграли назначенное.

— Вы мнѣ говорите „черви", а у меня тузъ и пять фосокъ!—радостно заговорила Марья Михайловна, забирая послѣднюю взятку.—Я все-таки колебалась поднимать на малый шлемъ, по

думаю: вы сразу сказали пять червей, значитъ, у васъ масть хорошая... Ну, записывайте, Владиміръ Николаевичъ!

Ея красивое лицо горѣло оживленіемъ. За сосѣднимъ столомъ царило гробовое молчаніе; тамъ играли Василій Васильевичъ, Будиновскій, докторъ Голицынскій и ревизоръ Юрасовъ съ Анною на шеѣ. Они сидѣли молча, неподвижные и строгіе, и только изрѣдка раздавалось короткое: „пасъ!“ „три черви!“ „четыре трефы!“

— Вотъ играютъ! Какъ цари!—почтительно произнесъ Елкинъ.

— Ну, Иванъ Яковлевичъ! Вамъ сдавать! — обратилась къ нему Марья Михайловна.

Игра шла, веселая и оживленная. Сыграли уже шесть роберовъ. Темнѣло, подали свѣчи и чай. Токаревъ, увлеченный труднымъ разыгрываніемъ большого шлема съ Елкинымъ, случайно поднялъ глаза. За сосѣднимъ столомъ, лицомъ къ нему, сидѣлъ Василій Васильевичъ, глядя въ карты; свѣчи освѣщали его лицо,—серьезное и строгое, съ сдвинутыми тонкими бровями... У Токарева прошло по душѣ странное чувство. Что такое? Гдѣ онъ недавно видѣлъ такое же лицо? И онъ вспомнилъ: совсѣмъ съ такимъ лицомъ Варвара Васильевна стояла недавно передъ рѣшоткою, въ ожиданіи, когда служитель откроетъ дверь къ бѣшеному...

— Ишь, Владиміръ-то Николаевичъ нашъ! Совсѣмъ акклиматизировался среди „большихъ“,—услышалъ онъ ироническій голосъ Сергѣя, шедшаго по аллеѣ въ садъ вмѣстѣ съ Варварой Васильевной, усталой и поблѣднѣвшей.

Токаревъ дрогнулъ и слегка нахмурился.

„Какое скучное ребячество!“—съ тоскою подумалъ онъ.

Въ одиннадцать часовъ подали ужинать. Всѣ шумно сѣли за столъ, веселые и проголодавшіеся. Токаревъ опять сидѣлъ рядомъ съ Марьей Михайловной. Они теперь чувствовали себя совсѣмъ друзьями, шутили, смѣялись. Василій Васильевичъ разлилъ по бокаламъ донское игристое; стали говорить шутливые тосты, чокаться. Послѣ ужина гости начали разъѣзжаться.

Марья Михайловна, въ верхней кофточкѣ цвѣта ея юбки и въ шляпкѣ, сдѣлавшей ея лицо еще красивѣе, крѣпко пожимала руку Токарева и взяла съ него слово, что онъ пріѣдетъ къ нимъ въ деревню. Подали коляску Будиновскихъ; красивыя сѣрыя лошади, фыркая, косились на свѣтъ и звякали бубенчиками, кучеръ, въ бархатной безрукавкѣ, неподвижно сидѣлъ на козлахъ.

Будиновскіе сѣли, и коляска, звеня бубенчиками, мягко покатилась въ темноту.

Токаревъ вышелъ на террасу. Было тепло и тихо, легкія облака закрывали мѣсяцъ; изъ темнаго сада тянуло запахомъ настурцій и георгинъ. Въ головѣ Токарева слегка шумѣло, и передъ нимъ стояла. Марья Михайловна,—красивая, оживленная, съ нѣжной бѣлой шеей надъ кружевомъ изящной сѣрой кофточки. И ему представилось, какъ въ этой теплой ночи катится по дорогѣ коляска Будиновскихъ; Будиновскій сидитъ, обнявъ жену за талію, ощущая сквозь шелкъ и корсетъ теплоту молодого, красиваго женскаго тѣла... Хорошо бы такъ жить!—думалъ Токаревъ. Вотъ такая жена,—красивая, бѣлая и изящная, лѣтомъ усадьба съ развѣсистыми липами, бѣлою скатертью на обѣденномъ столѣ и гостями, уѣзжающими въ тарантасахъ въ темноту; зимою—уютный кабинетъ съ латаніями, мягкимъ турецкимъ диваномъ и большимъ письменнымъ столомъ. И чтобъ все это покрывалось широкимъ общественнымъ дѣломъ, которое бы захватывало цѣликомъ, оправдывало жизнь и въ то же время не требовало бы слишкомъ большихъ жертвъ...

В. Вересаевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГОГОЛЬ, КАКЪ „УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ.“

«Передо мною была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ и перечитывалъ ее сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко оскорбило и возмутило мою душу».

Бѣлинскій. Изъ письма къ Гоголю по поводу его «Переписки съ друзьями.»

«Это книга оклеветанная, это великая книга.... Это оклеветанная, замѣчательная книга, которою Россія можетъ гордиться передъ всѣмъ свѣтомъ».

Волынскій. По поводу той же «Переписки». («Русскіе критики». стр. 697 и 713).

Приближается пятидесятилѣтіе со дня смерти Н. В. Гоголя, воздвигшаго себѣ своими геніальными художественными произведеніями именно «тотъ памятникъ нерукотворный», къ которому уже никогда «не заростетъ народная тропа». Было время, когда въ русской журналистикѣ звучали голоса Булгариныхъ, Гречей и Сенковскихъ, когда одинъ изъ этихъ пресловутыхъ дѣятелей нашей литературы, говоря о только что появившихся тогда «Мертвыхъ Душахъ», такъ неудачно пытался, по мѣткой характеристикѣ этой статьи Бѣлинскимъ, «втоптать въ грязь великое произведеніе натянутыми и умышленно-фальшивыми нападками на его, будто бы, безграмотность, грязность и эстетическое ничтожество», когда изъ Гоголя эти господа хотѣли сдѣлать въ лучшемъ случаѣ веселаго балагура, а въ худшемъ—циничнаго Поль-де-Кока. Это время прошло, и прошло, разумѣется, настолько безвозвратно, что нынѣ дѣйствующіе въ нашей журналистикѣ прямые литературные потомки Булгариныхъ уже не осмѣливаются слѣдовать по стопамъ своихъ предковъ и, скрывая гримасу, принуждены пѣть вмѣстѣ съ искренними поклонниками Гоголя гимны великому писателю.

Но если истина взяла свое, несмотря ни на какія препятствія, то тѣмъ съ большимъ рвеніемъ стараются тѣ, кто принужденъ, по французскому выраженію «faire bonne mine au mauvais jeu», превознести до небесъ плевелы гоголевскаго творчества и, забывая, что Гоголь

сдѣлалъ великое дѣло именно своими художественными, а не какими-либо другими произведеніями, напрягаютъ всѣ силы для отысканія какого-то глубочайшаго смысла въ такой безусловно подлежащей забвенію вещи, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Мы говоримъ такъ, не взирая на то, что подъ «Перепиской» стоитъ имя Гоголя, ибо неужели слабое, не выдерживающее самой снисходительной критики, произведеніе должно жить только потому, что принадлежитъ человѣку, создавшему нѣсколько другихъ, истинно великихъ, вещей? Но тогда, почему бы сторонникамъ подобной мысли не продѣлать того же хотя бы, напримѣръ, съ читанными Гоголемъ въ петербургскомъ университетѣ лекціями по исторіи и не провозгласить его великимъ историкомъ? Эти лекціи читаны Гоголемъ, значитъ каждое ихъ слово должно быть въ высокой степени цѣнно и въ области средневѣковой исторіи!.. Но до такой логики не дошли еще ни «критики» изъ числа поклонниковъ всякаго рода бѣснованій и волхвованій въ родѣ покойнаго Говорухи-Отрока, ни восхвалители «Преписки», провозглашающіе ее «великой книгой», à la г. Волынскій.

Правда, и самъ Гоголь видѣлъ въ своей «Перепискѣ» нѣчто необыкновенно большое, но на подобный же аргументъ можетъ ссылаться и тотъ, кто сталъ бы называть «Ревизора» и «Мертвыя Души» произведеніями «необдуманными» и «незрѣлыми», ибо «предисловіе» къ «Выбраннымъ мѣстамъ изъ переписки съ друзьями» пестритъ такими фразами:

«Сердце мое говоритъ мнѣ, что книга моя (т.-е. «Переписка») нужна и что она можетъ быть полезна».

«Мнѣ хотѣлось хотя симъ *искупить* безполезность всего, доселѣ мною напечатаннаго»...

«Знаю, что моими *необдуманными* и *незрѣлыми* сочиненіями нанесъ я огорченіе многимъ».... *)

Въ первомъ же письмѣ, носящемъ названіе «Завѣщаніе», мы находимъ, между прочимъ, и такую фразу:

«Объявляю также во всеуслышаніе, что, кромѣ доселѣ напечатаннаго, ничего не существуетъ изъ моихъ произведеній: все, что было въ рукописяхъ, мною сожжено, какъ безсильное и мертвое, написанное *въ болѣзненномъ и принужденномъ состояніи*».

Намъ кажется, что не мѣшало бы сопоставить это мѣсто изъ «Переписки» съ слѣдующимъ категорическимъ увѣреніемъ Панаева:

«На одномъ изъ вечеровъ у А. А. Комарова Гоголь говорилъ въ присутствіи Гончарова, Григоровича, Некрасова, Дружинина, Панаева и другихъ, что его знаменитыя «Письма» («Переписка съ друзьями») писаны имъ были *въ болѣзненномъ состояніи*, что ихъ не слѣдовало

---

*) Эти и всѣ послѣдующія цитаты заимствованы нами изъ «Сочиненій Н. В. Гоголя». Редакція *Н. С. Тихонравова* и *В. И. Шенрока*. Изданіе Маркса. 1901 года.

издавать, что онъ очень сожалѣетъ, что онѣ изданы. Онъ самъ будто оправдывался передъ присутствующими» *).

Сколько намъ извѣстно, слова Панаева далеко не обратили на себя того вниманія, котораго они заслуживаютъ.

Но оставляя этотъ вопросъ открытымъ и слѣдуя, какъ просьбѣ Гоголя «прочитать его «Переписку» нѣсколько разъ», такъ и совѣту г. Волынскаго читать ту же книгу «съ карандашомъ въ рукахъ, отмѣчая на поляхъ все характерное, принципіальное», мы примемъ на себя столь неблагодарный трудъ, примемъ потому, что хотя «Переписку» у насъ очень мало читаютъ, считая совершенно справедливо такое занятіе лишь непроизводительною тратою времени, но въ виду пятидесятилѣтія со дня смерти великаго писателя и не прекращающихся попытокъ найти «истиннаго Гоголя» тамъ, гдѣ его нѣтъ и слѣда, попытокъ усмотрѣть въ «Перепискѣ» нѣчто необычайно возвышенное, а въ ея авторѣ не геніальнаго художника, а именно «учителя жизни», мы считаемъ необходимымъ остановиться не на «десницѣ» Гоголя, а на его «шуйцѣ», не на собранной имъ въ житницы русской литературы превосходной пшеницѣ, а на примѣшавшихся къ ней «плевелахъ».

Суммируя въ памяти все то, что намъ пришлось перечитать у поклонниковъ «Переписки съ друзьями», мы, кажется, не упустимъ ничего изъ вида, если передадимъ мнѣнія этихъ писателей о «Перепискѣ» такими словами:

Въ «Перепискѣ съ друзьями» Гоголь вперилъ свой просвѣтленный высшими истинами взоръ въ сокровеннѣйшія глубины жизни; онъ, какъ бы одаренный шестымъ, а можетъ быть, и седьмымъ чувствомъ, прозрѣвалъ многое такое, что недоступно простымъ смертнымъ; онъ провидѣлъ далекія судьбы людей; онъ постигъ значеніе человѣка вообще и человѣка русскаго въ частности; онъ ставилъ величайшія и глубочайшія міровыя проблемы; онъ изрекалъ великія правды касательно настоящаго и будущаго Россіи; онъ нашелъ ключъ къ пониманію русской души; онъ далъ русскимъ людямъ совѣты, слѣдуя которымъ наше отечество станетъ счастливо, такъ счастливо, какъ никакая другая страна въ мірѣ; онъ указалъ пути, ведущіе къ этому несказанному счастью, неизглаголанному блаженству...

Приводя, повторяемъ, мысли разныхъ поклонниковъ «Переписки» въ нашей собственной передачѣ, мы старались сохранить, однако, возможно точнѣе ихъ смыслъ. Повѣривъ этимъ поклонникамъ, можно подумать, что Гоголя занимали, кромѣ вопросовъ, спеціально относящихся къ Россіи и русской жизни, еще двоякаго рода вопросы болѣе общаго характера: вопросы о происхожденіи зла на землѣ, тѣ «проклятые вопросы», которые задавалъ геніальный поэтъ въ геніальной строфѣ:

---

*) И. *И. Панаевъ*. «Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ» Спб. 1876 года стр. 400.

Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

и вопросы порядка еще болѣе высокаго, вложенные тѣмъ же разностороннимъ Гейне въ уста его «безумца» (Narr):

О, разрѣшите мнѣ жизни загадку,
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ!
Сколько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
Сколько имъ муки принесъ!
Кто же рѣшитъ мнѣ, что тайна отъ вѣка:
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?
Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?

Прочитайте же всю «великую книгу», прочитайте ее «съ карандашомъ въ рукахъ» и скажите, найдете ли вы въ ней хоть *намекъ* на какую-либо изъ подобныхъ проблемъ?!

Гоголь несомнѣнно былъ глубоко религіознымъ человѣкомъ. Онъ часто сосредоточивалъ свою мысль на могилѣ, безконечности, безсмертіи души и т. д. Въ той или другой формѣ всѣ эти вопросы близки душѣ каждаго человѣка и могучее слово великаго писателя всегда можетъ найти въ этой области благопріятную для себя почву въ сердцахъ людей, но, не желая пестрить нашу статью подлинными цитатами изъ «Переписки», тѣмъ болѣе, что намъ придется дѣлать ихъ по другимъ поводамъ еще не мало, мы спросимъ всякаго, читавшаго «великую книгу»: способно ли возбужденіе подобныхъ вопросовъ *въ томъ видѣ*, въ какомъ возбуждалъ ихъ Гоголь, произвести могущественное впечатлѣніе на читателей и не гораздо ли болѣе правъ былъ Бѣлинскій, когда писалъ на это Гоголю такія строки: «Нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлены: вы не поняли ни духа, ни формы христіанства нашего времени. Не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненной боязнью смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги» *). Но мало этого. Увѣровавъ въ существованіе непреложной, хотя и таинственной, связи между теченіемъ обычной человѣческой личной и общественной жизни и иными, внѣ естественнаго порядка вещей въ природѣ находящимися, силами, многіе европейскіе писатели и общественные дѣятели обязаны были именно этой вѣрѣ могучимъ подъемомъ духа для критики обветшалыхъ общественныхъ отношеній и проповѣди необходимости новыхъ,

*) Наиболѣе полный (хотя все-таки съ пропусками) текстъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю напечатанъ въ VIII томѣ соч. Барсукова «Жизнь и труды Погодина». Значительными частями приведено это же письмо въ майской книжкѣ «Міра Божія» за 1897 годъ (стр. 87—91) въ статьѣ г. Ашевскаго «Осужденная книга», а также у Джаншіева (въ книгѣ «Изъ эпохи великихъ реформъ» и въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго») у г. Пыпина (въ книгѣ «Бѣлинскій, его жизнь и переписка») и у нѣкоторыхъ другихъ.

отличныхъ отъ современныхъ имъ, соціальныхъ и политическихъ установленій. Кому неизвѣстны въ этомъ смыслѣ имена француза Ламене, итальянца Маццини и многихъ другихъ? А Генри Джорджъ въ Америкѣ? Развѣ коренная его идея устраненія страданій людей путемъ «lands nationalisation» не исходила изъ горячаго религіознаго чувства этого писателя? То были, дѣйствительно, «учителя жизни». Съ ними можно соглашаться или нѣтъ, но въ нихъ нельзя не видѣть того обстоятельства, что, будучи преданы опредѣленнымъ религіознымъ идеямъ, они не только не выводили изъ нихъ доводовъ въ пользу рабства массы ближнихъ своихъ, но, напротивъ, напрягали всѣ силы къ тому, чтобы придти на помощь униженнымъ и угнетеннымъ. Если даже на жизнь и смотрѣть лишь, какъ на приготовленіе къ смерти, къ переходу въ тотъ міръ, изъ котораго, какъ выражался Гамлетъ,

No traveller returns,
(«Ни одинъ путникъ не возвращается».)

то, вѣдь, и тогда все же надо жизнь на землѣ *прожить* и вопросъ о томъ, *какъ* ее прожить, всегда долженъ встать передъ глазами всякаго сколько-нибудь мыслящаго человѣка. Пусть эта жизнь будетъ лишь моментомъ «въ сравненіи съ вѣчностью», но, вѣдь, если даже не цѣнить этотъ «моментъ» an und für sich, то и тогда, по ученію всѣхъ религій, состояніе, въ которомъ будетъ пребывать человѣкъ «въ вѣчности», тѣснѣйшимъ образомъ связано и даже прямо опредѣлено его поведеніемъ въ теченіе «момента» земной жизни. Исходя изъ такихъ-то воззрѣній на свои обязанности къ высшимъ началамъ всякой жизни во вселенной, и дѣлали вышеназванные европейскіе писатели свои религіозныя идеи фундаментомъ для возвеличенія личности *всякаго* человѣка, для улучшенія соціальной организаціи, стремленія къ достиженію наиполнѣйшаго счастья *не только* на небесахъ, но *и на землѣ*, къ воплощенію въ жизни идей свободы и братства.

Какъ же смотрѣлъ съ высоты своего религіознаго «просвѣтленія» русскій «учитель жизни» на положеніе нашего крѣпостного мужика, на наше поголовное невѣжество, на нашу бѣдную общественную жизнь? Ему ли, при его громадномъ литературномъ талантѣ, мало было пищи, чтобы разразиться по всѣмъ этимъ вопросамъ истинно огненнымъ словомъ? Но намъ, пожалуй, возразятъ, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыя была поставлена во времена Гоголя наша литература, смѣшно было и мечтать объ «огненныхъ словахъ».

Это возраженіе вѣрно только отчасти, ибо, во-первыхъ, «Переписка» составилась изъ *частныхъ* писемъ Гоголя, къ «друзьямъ», слѣдовательно, изъ документовъ, въ которыхъ Гоголь могъ высказываться съ съ болѣе или менѣе полною откровенностью и, во-вторыхъ, самъ Гоголь смотрѣлъ на положеніе въ Россіи печати болѣе, чѣмъ оптимистически, а потому, менѣе всего задумывался надъ вопросомъ о препятствіяхъ, которыя могли встрѣтиться ему на пути къ

опубликованію его писемъ. Въ письмѣ къ Языкову, носящемъ въ «Перепискѣ» заглавіе «Карамзинъ», Гоголь писалъ:

«Никто, кромѣ Карамзина, не говорилъ такъ смѣло и благородно, не скрывая никакихъ своихъ мнѣній и мыслей, хотя онѣ и не соотвѣтствовали во всемъ тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что онъ одинъ имѣлъ на то право. Какой урокъ нашему брату, писателю! И какъ смѣшны послѣ этого изъ насъ тѣ, которые утверждаютъ, что въ Россіи нельзя сказать полной правды и что она у насъ колетъ глаза».

Сдѣлавъ это отступленіе, возратимся къ вопросу объ отношеніи Гоголя къ самымъ жгучимъ общественнымъ вопросомъ его времени. Какіе же это были вопросы? Приведемъ въ свидѣтели того же Виссаріона Бѣлинскаго, который отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ своемъ письмѣ къ Гоголю такими словами:

«Самые живые, современные, національные вопросы теперь: уничтоженіе крѣпостного права, *отмѣненіе* *) тѣлесныхъ наказаній, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство,—которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики съ своими крестьянами и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ,—что доказывается его робкими, безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ и комическимъ *замѣненіемъ* однохвостнаго кнута трехвостною плетью».

«Переписка» составилась, какъ мы уже говорили, изъ *частныхъ* писемъ, писанныхъ Гоголемъ его друзьямъ. Мѣста, вычеркнутыя при печатаніи книги цензурою, въ настоящее время возстановлены полностью. Что же,—найдетъ ли читатель во всей «Перепискѣ» нашего «учителя жизни» хотя бы одно слово въ осужденіе крѣпостного права? Даетъ ли Гоголь хотя бы одинъ-единственный совѣтъ своимъ друзьямъ-помѣщикамъ,—а на совѣты въ своимъ письмахъ онъ очень щедръ,—не говоримъ уже освободить крестьянъ, а хотя бы заняться только предварительною работою для такого освобожденія? Считаетъ ли онъ этотъ вопросъ достойнымъ вниманія? Приводитъ ли онъ въ защиту крѣпостнаго права хотя бы извѣстный доводъ нашихъ плантаторовъ,

*) Пользуемся случаемъ, чтобы исправить существующую въ нѣкоторыхъ изданіяхъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю крупную ошибку. Бѣлинскій говоритъ именно, объ «отмѣненіи», т.-е. объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Такъ значится это въ первоначальныхъ (полныхъ) изданіяхъ «письма», такъ процитировано это мѣсто и у г. Пыпина. (Бѣлинскій, его жизнь и переписка стр. 290) Поэтому Джаншіевъ (двоекраткратно: въ книгѣ «Изъ эпохи великихъ реформъ». Изд. 7-е, стр. XI и въ статьѣ «Памяти Бѣлинскаго» въ сборникѣ того же названія) и г. Ашевскій (въ вышеупомянутой статьѣ «Осужденная книга», «Міръ Божій» 1897 г., май, стр. 88) дѣлаютъ большую ошибку, употребляя, вмѣсто слова «отмѣненіе»—«ослабленіе». Помимо существованія выраженія «отмѣненія», а не «ослабленія» въ первоначальныхъ изданіяхъ «Письма», за правильность именно его говоритъ то обстоятельство, что тремя строками ниже Бѣлинскій употребляетъ выраженіе «замѣненіе» (въ смыслѣ замѣны) однохвостнаго кнута трехвостною плетью.

что освобожденіе крестьянъ должно начаться съ «освобожденія душъ», т.-е. съ просвѣщенія народа, доводъ, который, какъ извѣстно, при попыткахъ практическаго его примѣненія нѣсколько измѣнилъ свою физіономію и сталъ выражаться въ такой формѣ: «крестьянъ освободить нельзя, потому что они необразованы, а образовать нельзя, потому что они крѣпостные» *).

Пусть отвѣчаетъ на поставленные вопросы самъ Гоголь.

Въ XXII письмѣ, озаглавленномъ «Русскій помѣщикъ», онъ пишетъ слѣдующія строки:

«Возьмись за дѣло помѣщика, какъ слѣдуетъ за него взяться въ настоящемъ и законномъ смыслѣ. Собери прежде всего мужиковъ и объясни имъ, что такое ты и что такое они: что помѣщикъ ты надъ ними не потому, чтобы тебѣ хотѣлось повелѣвать и быть помѣщикомъ, но потому, что ты есть помѣщикъ, что ты родился помѣщикомъ, что взыщетъ съ тебя Богъ, если бы ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно, какъ и они (крестьяне) также, родясь подъ властью, должны покоряться той самой власти, подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога. И покажи имъ это тутъ же на Евангеліи, чтобы они все это видѣли до единаго. Потомъ скажи имъ, что заставляешь ихъ трудиться и работать вовсе не потому, что бы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія, и въ доказательство тутъ же сожги передъ ними ассигнаціи и сдѣлай такъ, чтобы они, дѣйствительно видѣли, что деньги тебѣ нуль; но что потому ты заставляешь ихъ трудиться, что Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и потомъ снискивать себѣ хлѣбъ, и прочти имъ тутъ же это въ Св. Писаніи, чтобы они это видѣли. *Скажи имъ всю правду*: что съ тебя взыщетъ Богъ за послѣдняго негодяя въ селѣ и что поэтому самому ты еще болѣе будешь смотрѣть за тѣмъ, чтобы они работали честно не только тебѣ, но и себѣ самимъ; ибо знаешь, да и они знаютъ, что, залѣнившись, мужикъ на все способенъ—сдѣлается и воръ и пьяница, погубитъ свою душу, да и тебя поставитъ въ отвѣтъ передъ Богомъ. И все, что ты имъ ни скажешь, подкрѣпи тутъ же словами Св. Писанія; покажи имъ пальцемъ и самыя буквы, которыми это написано; заставь каждаго передъ тѣмъ перекреститься, ударить поклонъ и поцѣловать самую книгу, въ которой это написано. Словомъ—чтобы они видѣли ясно, что ты во всемъ, что до нихъ клонится, сообразуешься съ волею Божіею, а не съ своими какими-нибудь европейскими или иными затѣями. Мужикъ это пойметъ, ему не нужно много словъ. *Объяви имъ всю правду*: что душа человѣка дороже всего на свѣтѣ и что прежде всего ты будешь глядѣть за тѣмъ, чтобы не погубилъ изъ

*) См. «Записки сенатора А. Я. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ». «Русская Старина» 1881 г., мартъ, стр. 755.

нихъ кто-нибудь своей души и не предалъ бы ее на вѣчную муку» и т. д., и т. д. *).

Такова, по Гоголю, «вся правда», которая должна существовать между рабовладѣльцемъ и рабомъ. Читая эти и многія подобныя же имъ строки «великой книги», чувствуешь какое-то удушье, забываешь, что имѣешь дѣло съ однимъ изъ величайшихъ художниковъ слова и кажется, будто передъ тобою лежитъ статья «Гражданина» или составленный знающимъ свое дѣло помпадуромъ какой-нибудь «Наказъ» своимъ чинамъ.

Но вооружимся терпѣніемъ и пойдемъ дальше по пути анализа «великой книги». Гоголь не говоритъ ни слова о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права. Но какъ думалъ онъ, по крайней мѣрѣ, объ «освобожденіи душъ», т.-е. о томъ предварительномъ «просвѣщеніи» мужика, на которое какъ на мѣру, долженствующую предшествовать паденію крѣпостного права, нерѣдко указывали даже сами крѣпостники? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ томъ же XXII письмѣ, озаглавленномъ «Русскій помѣщикъ», изъ котораго мы заимствовали и предыдущую цитату:

«Замѣчанія твои о школахъ,—писалъ Гоголь,—совершенно справедливы. Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть, дѣйствительно, вздоръ... Народъ нашъ не глупъ, что бѣжитъ какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги: онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей человѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничествъ. По настоящему, *ему не слѣдуетъ и знать*, есть ли какія-нибудь другія книги, кромѣ святыхъ» **).

Что же случится въ результатѣ такого «просвѣщенія»? А вотъ что:

«Еще пройдетъ десятокъ лѣтъ и вы увидите, что Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки, но за покупкой мудрости, которой не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ» ***).

Эти слова писаны въ 1844 году. Гоголь не ошибся. Ровно черезъ «десятокъ лѣтъ» Европа, дѣйствительно «пріѣхала къ намъ», но только не затѣмъ, зачѣмъ думалъ авторъ «Переписки», а съ другою цѣлью: началась крымская война, доказавшая всему міру ржавость крѣпостного режима, несостоятельность русской «мудрости», которой, дѣйствительно, «не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ» за ненадобностью, и смѣхотворность той «великой книги», которой, по словамъ г. Волынскаго, «Россія можетъ гордиться передъ всѣмъ свѣтомъ»...

Еще нѣсколько цитатъ изъ «оклеветанной книги»:

---

*) «Сочиненія Н. В. Гоголя» стр. 1466.
**) Ibid., стр. 1468—1469.
***) Ibid стр. 1487.

«Повѣрьте, что Богъ не даромъ повелѣлъ каждому быть на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ теперь стоитъ»...

«Мы съ вами еще не такъ давно разсуждали о всѣхъ должностяхъ, какія ни есть въ нашемъ государствѣ. Разсматривая каждую въ ея законныхъ предѣлахъ, мы находили, что онѣ именно то, что имъ слѣдуетъ быть, *всѣ до единой какъ бы свыше созданы для насъ*, съ тѣмъ, чтобы отвѣчать на всѣ потребности государственнаго быта, а всѣ сдѣлались не тѣмъ оттого, что всякъ, какъ бы наперерывъ, старался или разрушить предѣлы своей должности, или даже вовсе выступить изъ ея предѣловъ».

Гоголь, видимо, даже не задается вопросомъ, отчего же это у насъ «всякъ» такъ поступаетъ и не существуетъ ли противъ этого какихъ либо другихъ, болѣе дѣйствительныхъ, нежели морализированіе на манеръ крыловскаго «повара», средствъ?

«Въ десять лѣтъ внутри Россіи столько совершается событій, сколько въ другихъ государствахъ не совершается въ полвѣка.»

«Если бы многіе изъ государственныхъ людей начинали свое поприще не бумажными занятіями, а умной расправой дѣлъ между простыми людьми, они бы лучше узнали духъ земли, свойство народа и вообще душу человѣка и не заимствовали бы потомъ изъ чужеземныхъ земель намъ неприличныхъ нововведеній».

Этими цитатами, а ихъ мы могли бы увеличить въ десять разъ, въ достаточной степени характеризуются общественныя воззрѣнія автора «Переписки».

Былъ ли искрененъ Гоголь, когда писалъ свою апологетику «русской мудрости»? Безъ сомнѣнія. Руководили ли имъ въ этомъ случаѣ самыя лучшія намѣренія? Безъ сомнѣнія. Но оправдываетъ ли это обстоятельство хоть сколько-нибудь «тяжкій грѣхъ» появленія въ печати «Переписки» по желанію и инціативѣ ея автора? Оправдываетъ нѣсколько автора, но не оправдываетъ содержанія книги и тѣмъ болѣе безсмысленныхъ восторговъ ея поклонниковъ. На этотъ вопросъ превосходно отвѣтилъ Бѣлинскій въ строкахъ, которыя мы взяли эпиграфомъ къ настоящей статьѣ: «Предо мной была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ ее и перечитывалъ сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что́ въ ней есть, а то, что́ въ ней есть, глубоко оскорбило и возмутило мою душу». На этотъ же вопросъ невольно отвѣтилъ, впрочемъ, и самъ Гоголь въ XXVIII письмѣ своей «Переписки». Письмо это носитъ названіе «Близорукому пріятелю» и въ немъ Гоголь, не замѣчая того, какое острое оружіе онъ даетъ противъ себя самого,—не менѣе въ данномъ случаѣ «близорукаго», чѣмъ его пріятель-кореспондентъ,—писалъ такія строки: «съ прекрасными намѣреніями можно сдѣлать зло, какъ уже многіе сдѣлали его».

Въ другомъ мѣстѣ того же, сохранившаго, несмотря на истекшее

свыше чѣмъ полустолѣтіе со дня его написанія, полную свѣжесть и жизненность, письма къ Гоголю Бѣлинскій говорилъ такъ:

«Но можетъ быть, вы скажете: «Положимъ, что я заблуждался и всѣ мои мысли ложь, но почему же отнимаютъ у меня право заблуждаться и не хотятъ вѣрить искренности моихъ заблужденій?» Потому, отвѣчу я вамъ, что подобное направленіе въ Россіи давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполнѣ исчерпано Бурачкомъ съ братіею. Конечно, въ вашей книгѣ больше ума и даже таланта (хотя и того, и другого не очень богато въ ней), чѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ, но зато они развили общее имъ съ вами ученіе съ большей энергіей и большей послѣдовательностью, смѣло дошли до его послѣднихъ результатовъ, все отдали византійскому богу, ничего не оставили сатанѣ, тогда какъ вы, желая поставить по свѣчкѣ и тому и другому, впали въ противорѣчіе: *оставили, напримѣръ, Пушкина*, литературу и театры, которые съ вашей точки зрѣнія, если бы вы только имѣли добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, *нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но могутъ служить къ ея погибели*».

Могъ ли думать авторъ «Переписки», что послѣднюю, высказанную Бѣлинскимъ, мысль, т.-е. упрекъ въ непослѣдовательности, онъ услышитъ черезъ четыре года послѣ того уже не изъ лагеря «крикуновъ», а отъ человѣка, служившаго для Гоголя живымъ воплощеніемъ той самой «мудрости», за проповѣдь которой онъ взялся въ своей «Перепискѣ», услышитъ при томъ на собственномъ смертномъ одрѣ, при самой удручающей обстановкѣ?..

Въ статьѣ «Небесное и земное» г. Розановъ разсказываетъ слѣдующую въ высшей степени замѣчательную подробность изъ предсмертныхъ часовъ Гоголя:

«Мы сидѣли разъ небольшимъ кружкомъ и разговаривали на разныя темы, частью философскаго, частью религіознаго значенія. Одинъ изъ собесѣдниковъ, занимающихся въ настоящее время детальнымъ изученіемъ біографіи Гоголя, разсказалъ о слѣдующемъ фактѣ изъ его жизни, отъ котораго я тоже не могъ заснуть. Гоголь въ предсмертные мѣсяцы находился въ религіозномъ экстазѣ. Его окружали различные аристократическія особы, кажется ничтожнаго значенія. Вдругъ пріѣзжаетъ къ нему человѣкъ, дѣйствительно, достопримѣчательный, отецъ Матвѣй, изъ Ржева, его интимный близкій другъ, человѣкъ суровый, печальный, но, вѣроятно, высокой души и горѣвшій передъ Богомъ какъ свѣча. Въ томъ-то все и дѣло, что этотъ от. Матѳей былъ для своего времени, можетъ быть, столь же замѣчательное и сильное и яркое явленіе, какъ умиравшій писатель, и только жизнь его проходила въ безвѣстности. Но вѣдь есть праведники и безъ біографіи. Гоголь весь встрепенулся, когда пріѣхалъ любимый и почитаемый другъ. Онъ его напутствовалъ. Гоголь уже отъ всего отрекся, отъ суеты, славы, литературы и, казалось, примирился съ Богомъ. «*Нѣтъ еще примиренія*,—

сказалъ ему от. Матвѣй,—отрекись отъ Пушкина и любви къ нему: Пушкинъ былъ язычникъ и грѣшникъ».

«Гоголь затрепеталъ. Вотъ когда ножъ вошелъ подъ ребро и дошелъ до сердца и остановился съ вопросомъ. А вопросъ былъ предсмертный, и мы не должны судить Гоголя съ нашихъ точекъ зрѣнія, сытыхъ и беззаботныхъ, а съ точки зрѣнія и въ положеніи Гоголя. Признаюсь, я тоже затрепеталъ узнавъ объ этомъ вопросѣ, и вдругъ вспомнилъ, что, вѣдь, точно такой же былъ въ сущности предложенъ вопросъ ап. Павломъ и эллино-римскому міру: «Отрекись отъ Гомера, отрекись отъ Вергилія. Отрекитесь отъ маленькихъ своихъ республикъ и склоните выю подъ смиреннымъ: «рабы — повинуйтесь господамъ своимъ!» и вы не умрете, исторически и всячески, но воскреснете въ новую жизнь—духовныхъ восторговъ и возбужденій».

«Минута жизни Гоголя вдругъ освѣтила для меня громадныя перспективы исторіи, вплоть до нашего мелкаго теперешняго спора о классическомъ образованіи; а эти перспективы исторіи вдругъ какъ-то сдѣлали понятною и почти интимною загадочную, стенающую кончину Гоголя. Въ самомъ дѣлѣ, ну, представимъ себѣ, что онъ, любитель Рима, да какой любитель, пѣвецъ Анунціаты—буквально вмѣстилъ въ себя всю эллино-христіанскую распрю и такъ конкретно, лично, по-именно и вдругъ: «отрекись отъ Пушкина». Конечно, грудь его разорвалась отъ отчаянія» *).

Комментаріи ко всему этому едва ли нужны... Замѣтимъ только, что въ своей оцѣнкѣ значенія Пушкина Гоголь, видимо, разошелся не только съ о. Матвѣемъ (Константиновскимъ), но и съ мнѣніемъ о томъ же предметѣ свѣтскихъ властей.

Послѣдніе приняли, какъ извѣстно, съ восторгомъ появленіе «Переписки съ друзьями». Какъ же очерчена въ этой «Перепискѣ» личность Пушкина? Пусть опять отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ самъ Гоголь. Мы нарочно сдѣлаемъ изъ «Переписки» длинныя, не оставляющія никакихъ на этотъ счетъ сомнѣній, цитаты.

«Какъ умно опредѣлилъ Пушкинъ значеніе полномочнаго монарха! И какъ вообще онъ былъ уменъ во всемъ, что ни говорилъ въ послѣднее время своей жизни! «Зачѣмъ нужно,—говорилъ онъ,—чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона? Затѣмъ, что законъ—дерево, въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жесткое и небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона недалеко уйдешь; нарушать же или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха—автоматъ: много-много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что

*) «Новое Время», 11 декабря 1901 года, № 9528.

такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденнаго яйца не стоитъ. Государство безъ полномощнаго монарха то же, что оркестръ безъ капельмейстера; какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но если нѣтъ среди нихъ одного такого, который бы движеніемъ палочки подавалъ знакъ, никуда не пойдетъ концертъ... При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться на счетъ другихъ; блюдетъ онъ общій строй, в его оживитель, верховодецъ верховнаго согласія!» Какъ мѣтко выражался Пушкинъ! Какъ понималъ онъ значеніе великихъ истинъ! Это внутреннее существо—силу самодержавнаго монарха онъ даже отчасти выразилъ въ одномъ своемъ стихотвореніи, которое, между прочимъ, ты самъ напечаталъ въ посмертномъ собраніи его сочиненій, выправилъ даже въ нихъ стихъ, а смыслъ не угадалъ. Тайну его теперь открою. Я говорю объ одѣ императору Николаю, появившейся въ печати подъ скромнымъ именемъ: Къ Н*** *). Вотъ ея происхожденіе. Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралось, но государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ «Иліаду» и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе и плодомъ ея была величественная ода:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ,
Тебя мы долго ожидали и т. д.

*) Напомнимъ читателямъ это стихотвореніе. Вотъ оно:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ:
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что-жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали...
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ и также внемлешь ты
Журчанію пчелъ надъ розой алой

«Оставимъ личность императора Николая и разберемъ, что̀ такое монархъ вообще, какъ Божій помазанникъ, обязанный стремить ввѣренный ему народъ къ тому свѣту, въ которомъ обитаетъ Богъ и въ правѣ ли былъ Пушкинъ уподобить его древнему Боговидцу Моисею? Тотъ изъ людей, на рамена котораго обрушилась судьба милліоновъ его собратій, кто страшною отвѣтственностью за нихъ передъ Богомъ освобожденъ уже отъ всякой отвѣтственности передъ людьми, кто болѣетъ ужасомъ этой отвѣтственности и льетъ, можетъ быть, незримо такія слезы и страждетъ такими страданіями, о которыхъ и помыслить не умѣетъ стоящій внизу человѣкъ, кто среди самыхъ развлеченій слышитъ вѣчный, неумолкаемо раздающійся въ ушахъ кликъ Божій, неумолкаемо къ нему вопіющій,—тотъ можетъ быть уподобленъ древнему Боговидцу, можетъ, подобно ему, разбить листы своей скрижали, проклявши вѣтренно кружащееся племя, которое, намѣсто того, чтобы стремиться къ тому, къ чему все должно стремиться на землѣ, суетно скачетъ около своихъ же, отъ себя созданныхъ кумировъ. Но Пушкина остановило еще высшее значеніе той же власти, которую вымолило у Небесъ немощное безсиліе человѣчества, вымолило крикомъ не о правосудіи небесномъ, предъ которымъ не устоялъ бы ни одинъ человѣкъ на землѣ, но крикомъ о небесной любви Божіей, которая бы все умѣла простить намъ: и забвеніе долга нашего, и самый ропотъ нашъ,—все, что не прощаетъ на землѣ человѣкъ, чтобы одинъ затѣмъ только собралъ всю власть въ себя самого и отдѣлился бы отъ всѣхъ насъ и сталъ выше всего на землѣ, чтобы черезъ то стать ближе, равно ко всѣмъ, снисходить съ вышины ко всему и внимать всему, начиная отъ грома небесъ и лиры поэта до незамѣтныхъ увеселеній нашихъ.

«Кажется, какъ бы въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ, задавши вопросъ самому себѣ, что̀ такое эта власть, самъ же упалъ въ прахъ предъ величіемъ возникшаго въ его душѣ отвѣта» *).

А вотъ какъ смотрѣлъ Гоголь на отношеніе Пушкина къ другому догмату русской жизни.

«Нѣкоторые стали печатно объявлять, что Пушкинъ былъ деистъ, а не христіанинъ; точно какъ будто они побывали въ душѣ Пушкина; точно какъ будто бы Пушкинъ непремѣнно обязанъ былъ въ стихахъ своихъ говорить о высшихъ догматахъ христіанскихъ, за которые и самъ святитель Церкви принимается не иначе, какъ съ великимъ страхомъ, приготовя себя къ тому глубочайшей святостью своей жизни... Я не могу даже понять, какъ могло придти въ умъ критику, печатно, въ виду всѣхъ, взвалить на Пушкина такое обвиненіе, и что сочиненія его служатъ къ развращенію свѣта, тогда какъ самой цензурѣ предписано, въ случаѣ, если бы смыслъ какого сочиненія не

*) «Сочиненія Н. В. Гоголя», стр. 1402—1404.

былъ вполнѣ ясенъ, толковать его въ прямую и выгодную для автора сторону, а не въ кривую и вредящую ему. Если это постановлено въ законъ цензурѣ, безмолвной и безгласной, не имѣющей даже возможности оговориться передъ публикою, то во сколько разъ больше должна это поставить себѣ въ законъ критика, которая можетъ изъясниться и оговориться въ малѣйшемъ дѣйствіи своемъ!.. Христіанинъ, намѣсто того, чтобы говорить о тѣхъ мѣстахъ въ Пушкинѣ, которыхъ смыслъ еще теменъ и можетъ быть истолкованъ въ двѣ стороны, станетъ говорить о томъ, что̀ ясно, что было имъ произведено въ лѣта разумнаго мужества, а не увлекающейся юности. Онъ приведетъ его величественные стихи пастырю Церкви, гдѣ Пушкинъ самъ говоритъ о себѣ, что даже и въ тѣ годы, когда онъ увлекался суетою и прелестью свѣта, его поражалъ даже одинъ видъ служителя Христова.

Но и тогда струны лукавой
Мгновенно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ и т. д. *).

«Вотъ на какое стихотвореніе Пушкина укажетъ критикъ-христіанинъ! Тогда критика его получитъ смыслъ и сдѣлаетъ добро... Но какой теперь смыслъ критики, — спрашиваю я? Какая польза смутить людей, поселивши въ нихъ сомнѣніе и подозрѣніе въ Пушкинѣ? Бездѣлица — выставить наиумнѣйшаго человѣка своего времени не признающимъ христіанства,--человѣка, на котораго умственное поколѣніе смотритъ, какъ на вождя и на передового сравнительно съ другими людьми! Хорошо еще, что критикъ былъ безталантливъ и не могъ

*) «Стансы» (митр. моск. Филарету). Вотъ полный текстъ:

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лиры я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

пустить въ ходъ *подобную ложь* и что самъ Пушкинъ оставилъ тому опроверженіе въ своихъ же стихахъ» *).

Но «подобную же ложь» Гоголь услышалъ не отъ «безталантливаго критика», а отъ лица, предъ которымъ онъ преклонялся, и не изъ книжки журнала, а на собственномъ смертномъ одрѣ... Было отъ чего разорваться сердцу несчастнаго человѣка и геніальнаго художника, такъ некстати взявшаго на себя роль «учителя жизни».

«Отрекись отъ Пушкина и любви къ нему: Пушкинъ былъ язычникъ и грѣшникъ!»,—вотъ чего неумолимо потребовала отъ Гоголя та самая логика, въ отсутствіи которой въ «Перепискѣ съ друзьями» упрекалъ ея автора и Бѣлинскій...

Не надо упускать изъ вида, что Гоголь относился къ тому ученію, однимъ изъ наиболѣе совершенныхъ представителей котораго онъ считалъ отца Матвѣя, съ величайшимъ благоговѣніемъ. Минуя обширную статью Гоголя «Размышленія о божественной литургіи», достаточно привести его отзывъ объ этомъ предметѣ изъ VIII письма, озаглавленнаго «Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ» и помѣщеннаго въ той же «Перепискѣ съ друзьями»:

«Владѣемъ сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ, и не только не заботимся о томъ, чтобы это почувствовать, но не знаемъ даже, гдѣ положили его. У хозяина спрашиваютъ показать лучшую вещь въ его домѣ, а самъ хозяинъ не знаетъ, гдѣ лежитъ она. Это церковь, которая, какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась одна только отъ временъ апостольскихъ въ непорочной, первоначальной чистотѣ своей, это церковь, которая вся съ своими глубокими догматами и малѣйшими обрядами наружными какъ бы снесена прямо съ неба для русскаго народа, которая одна въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣнія и вопросы наши, которая можетъ произвести неслыханное чудо въ виду всей Европы, заставить у насъ всякое сословіе, званіе и должность войти въ ихъ законныя границы и предѣлы и, не измѣнивъ ничего въ государствѣ, дать силу Россіи, изумить весь міръ согласною стройностью того же самаго организма, которымъ она доселѣ пугала,—и эта церковь намъ незнаема! И эту церковь, созданную для жизни, мы до сихъ поръ не ввели въ нашу жизнь!» **).

Довольно ли этого? Оказывается, нѣтъ. «Отрекись еще отъ Пушкина!» Бѣдный Гоголь не выдержалъ и скончался среди ужаснѣйшихъ потрясеній...

По мнѣнію о. Матвѣя, «Пушкинъ былъ язычникъ и грѣшникъ». А мнѣніе по тому же поводу свѣтскихъ властей первой половины XIX вѣка? Мы не думаемъ, чтобы они относились враждебно къ Пушкину за его «язычество» и «грѣховность», но что они относились

---

*) Ib., стр. 1423—1424.
**) «Ibid.», стр. 1396.

къ нему, тѣмъ не менѣе, не лучше о. Матвѣя, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за 1881 годъ помѣщена любопытная статья неизвѣстнаго автора, озаглавленная «Къ характеристикѣ отношеній Л. В. Дубельта къ сочиненіямъ А. С. Пушкина». Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ кончины Пушкина А. А. Краевскій основалъ (въ 1839 году) «Отечественныя Записки». Тамъ сталъ онъ помѣщать, между прочимъ, вновь открываемыя сочиненія умершаго поэта подъ рубрикой «Неизданныя сочиненія А. С. Пушкина». Немного времени спустя Краевскій получилъ приказаніе явиться въ третье отдѣленіе къ «хозяину русской литературы» Л. В. Дубельту.

«— Ну, что, любезнѣйшій, какъ поживаете,—съ обычною фамильярностью встрѣтилъ Краевскаго Дубельтъ.—Чай, веселы, что давненько не зову васъ къ себѣ? Вѣдь, веселы,—не правда ли? Ну, а теперь призвалъ васъ вотъ для чего: что это, голубчикъ, вы затѣяли? Къ чему у васъ потянулся рядъ неизданныхъ сочиненій Пушкина? Къ чему, зачѣмъ, кому это нужно?

«Краевскій старался объяснить Дубельту, кому и чѣмъ дороги произведенія Пушкина, но Дубельтъ оборвалъ его на первыхъ же порахъ.

«— Э-эхъ, голубчикъ,—заговорилъ Леонтій Васильевичъ,—никому-то не нуженъ вашъ Пушкинъ, да, вотъ, и графъ Алексѣй Ѳедоровичъ (Орловъ, впослѣдствіи князь) сердится и приказалъ вамъ передать, что довольно *этой дряни* (курсивъ подлинника), сочиненій-то вашего Пушкина, при жизни его напечатано, чтобы продолжать еще и по смерти его отыскивать «неизданныя» его творенія да печатать ихъ! Не хорошо, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, очень не хорошо! Повторяю: графъ Алексѣй Ѳедоровичъ очень недоволенъ» *).

Но намъ, можетъ быть, скажутъ, что, вѣдь, такой разговоръ между Краевскимъ и Дубельтомъ происходилъ въ 1839 году и что отношеніе Орловыхъ и Дубельтовъ къ памяти Пушкина, вѣроятно, измѣнилось послѣ того, какъ взгляды Пушкина на нѣкоторыя стороны русской жизни были разъяснены Гоголемъ въ его «Перепискѣ съ друзьями». Вѣдь самъ-то Гоголь ужъ, конечно, былъ выше всякихъ подозрѣній.

Это не совсѣмъ отвѣчаетъ исторической истинѣ: «Послѣ смерти Гоголя, — разсказываетъ князь Д. А. Оболенскій, — сначала цензорамъ было приказано строго цензуровать все, что касается Гоголя, и, наконецъ, объявлено было совершенное запрещеніе говорить о Гоголѣ» **).

Чѣмъ же объяснить такое отношеніе Орловыхъ, Дубельтовъ, Бенкендорфовъ, Мусиныхъ-Пушкиныхъ и другихъ къ памяти нашихъ величайшихъ писателей? Это вопросъ большой и на него намъ прихо-

*) «Русская Старина» 1881 г., мартъ, стр. 714.

**) «Воспоминанія князя Д. А. Оболенскаго». «Русская Старина» 1873 года, декабрь, стр. 949.

дится дать лишь весьма бѣглый отвѣтъ. *Изслѣдуя* одинъ изъ коренныхъ принциповъ, на которыхъ покоится наше государственное бытіе, Пушкинъ, по свидѣтельству Гоголя, «упалъ въ прахъ передъ величіемъ возникшаго въ его умѣ отвѣта». Вотъ этотъ-то процессъ «изслѣдованія», «критики», независимо отъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ онъ приводитъ того или иного человѣка, и былъ совершенно недозволителенъ съ точки зрѣнія міросозерцанія Орловыхъ и Бенкендорфовъ. Хорошо, что мысль Пушкина привела его къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ онъ пришелъ, но, вѣдь, допусти разъ возможность критики, тогда,—чего на свѣтѣ не бываетъ!—другой можетъ найти какіе-либо изъяны въ разсужденіяхъ по этому вопросу самого Пушкина, и мы войдемъ въ полосу свободнаго изслѣдованія вещей, изслѣдованію не подлежащихъ... Отсюда простой и ясный принципъ «русской мудрости», гласящій: «не разсуждать!» Но съ этимъ-то именно «принципомъ» не могъ и не хотѣлъ примириться Пушкинъ ни въ одну изъ эпохъ своей жизни. Онъ могъ «падать въ прахъ» передъ тою или иною идеею, но только *послѣ* изслѣдованія предмета. Орловы же были враждебны всѣмъ своимъ существомъ именно такому направленію мысли.

Существовали и другія причины враждебности Орловыхъ къ Пушкину. Въ жизни Александра Сергѣевича были обстоятельства, заставлявшія Орловыхъ относиться очень подозрительно къ музѣ поэта, хотя муза эта и стала временами издавать звуки, производившіе непріятное впечатлѣніе на передовые кружки русскаго общества тридцатыхъ годовъ *). Но бюрократическіе слои не вѣрили «искренности» поэта, и они были по своему правы, такъ какъ, не взирая ни на какія «примирительные» аккорды его лиры, между міросозерцаніемъ Пушкина и міросозерцаніемъ Орловыхъ лежала бездонная пропасть. Впечатлѣнія юныхъ лѣтъ, воспоминанія о прошломъ, огромный умъ и необыкновенный творческій геній Пушкина являлись болѣе чѣмъ достаточными условіями для того, чтобы психическое содержаніе поэта не имѣло и не могло имѣть ничего общаго съ психическимъ содержаніемъ окружавшаго его оффиціальнаго міра. Пушкинъ могъ пойти далеко «вправо» сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда ему Петербургъ оказывался «вреденъ» **), когда ему приходилось то странствовать по югу Россіи, то сидѣть въ Михайловскомъ, но преклониться передъ всѣмъ строемъ русской жизни, который казался Бенкендорфу не только нормальнымъ, но

---

*) См. Панаевъ«. Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ», стр. 187.

**)
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы
Или блистали, мой читатель,
Гдѣ нѣкогда гулялъ и я,
Но *вреденъ* сѣверъ для меня...

и «plus que magnifique» *), растворить вполнѣ въ атмосферѣ этого строя собственную индивидуальность, проникнуться насквозь бюрократическими идеалами, Пушкинъ не могъ. Все, отъ злой эпиграммы, всегда готовой слетѣть съ его пера на какого-нибудь посаженнаго въ академію наукъ «Дундука», до чернаго фрака, который онъ предпочиталъ дворянскому или камеръ-юнкерскому мундиру, являясь на рауты у иностранныхъ пословъ, отъ занятій такимъ опаснымъ для спокойствія отечества дѣломъ, какъ журналистика, до смѣлаго, открытаго взгляда и вѣчно играющей на устахъ насмѣшливой улыбки, обличало въ Пушкинѣ человѣка, совершенно чуждаго тому міру, въ которомъ, какъ это не безъ основанія казалось Орловымъ, вращался онъ по какому-то недоразумѣнію. Не понимая ровно ничего въ творчествѣ геніальнаго поэта, люди эти совершенно искренно называли стихи Пушкина «дрянью» и глубоко были убѣждены, что стихи эти рѣшительно «никому не нужны»...

Могъ ли себѣ представить Дубельтъ, что Россія, потомство, исторія не согласятся съ оцѣнкой, сдѣланной Пушкину, какъ поэту, самимъ его сіятельствомъ, «графомъ Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ», и что этотъ цѣнитель пріобрѣтетъ современемъ такой «конфузъ»? «Ишь, вѣдь, какая штука-то вышла», долженъ былъ бы подумать въ самомъ гробѣ почтенный Леонтій Васильевичъ, если бы только мертвецы могли думать...

Но Гоголь? Какъ человѣкъ, онъ не имѣлъ въ своемъ прошломъ абсолютно ничего, что могло бы набросить на него хоть тѣнь неблагонадежности. Какъ авторъ «Ревизора»? Конечно, но, вѣдь, съ другой стороны, комедія была разрѣшена къ постановкѣ на сцену самимъ императоромъ. Какъ же тутъ быть? Какъ творецъ «Мертвыхъ Душъ»? Это произведеніе, правду сказать, непозволительное, а по словамъ Булгарина, даже опасное, но, вѣдь, Гоголь же отрекся отъ обоихъ изъ этихъ произведеній, самъ назвалъ ихъ «необдуманными» и «незрѣлыми» и написалъ такую полезнѣйшую вещь, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», за которую на него тамъ неистово набросились всѣ либеральные крикуны съ Бѣлинскимъ во главѣ... За что же, наконецъ, ставить Гоголя за одну скобку съ Бѣлинскимъ, запрещая печати говорить какъ о томъ, такъ и о другомъ?

«Фактовъ» противъ Гоголя не было рѣшительно никакихъ. Мало того: Гоголь былъ, дѣйствительно, абсолютно чуждъ всякихъ «превратныхъ идей». Все это такъ, все это не подлежитъ сомнѣнію и, тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія Орловыхъ онъ былъ и долженъ былъ быть вреднымъ писателемъ. Вѣдь, что бы онъ тамъ ни говорилъ позже, а его художественныя произведенія продолжали оставаться обвинительнымъ актомъ противъ многаго изъ того, что

*) См. Жихаревъ. «П. Я. Чаадаевъ». «Вѣстникъ Европы» 1871 г., сентябрь, стр. 52.

было слишкомъ близко сердцу его судей, и способствовать развитію того именно общественнаго самосознанія, на которое Орловы смотрѣли, какъ на величайшее изъ всѣхъ могущихъ постигнуть Россію бѣдствій. Гоголь этого не имѣлъ въ виду, Гоголь этого не хотѣлъ, но отъ этого дѣло нисколько не мѣняется.

Когда Достоевскій написалъ своихъ «Бѣдныхъ людей», то прочитавшій это произведеніе Бѣлинскій пришелъ, по разсказу самого Достоевскаго, въ восторгъ и, обращаясь къ нему, какъ къ автору, воскликнулъ: «Да понимаете ли вы, *что* вы написали?» Восклицаніе глубоко законное по адресу истиннаго художника слова, который часто творитъ подъ вліяніемъ одного лишь вдохновенія. Гоголь принадлежалъ именно къ такимъ художникамъ. Онъ былъ менѣе всего мыслителемъ. Его интересовали не корни того или иного явленія, а самыя явленія, которыя, получая особенную переработку въ процессѣ его художественнаго творчества, выливались подъ его перомъ въ формѣ геніальныхъ, полныхъ глубочайшей жизненности, картинъ. И какое дѣло тогда до того, *что* именно *хотѣлъ* сказать намъ авторъ своимъ произведеніемъ? Его дѣло было *показать* намъ предметъ, а *доказать*, что предметъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности и вывести всѣ надлежащія изъ него слѣдствія, является уже задачею не хужественнаго творчества, а критики. Обѣ эти задачи, — каждый свою,—исполнили превосходно Гоголь и Бѣлинскій, и вотъ почему, не взирая на то, что они сильно расходились между собою во множествѣ воззрѣній на предметы первостепенной важности, оба они сослужили одинаково важную службу *одному и тому же дѣлу*, а, усматривая въ Гоголѣ и Бѣлинскомъ нѣчто общее, уже не трудно, ставъ на точку зрѣнія Орловыхъ, усмотрѣть у нихъ обоихъ и нѣчто *вредное*, за что и того и другого и можно было подвергнуть остракизму. Такова логика крѣпостного режима...

Пусть жизнь быстро опрокинула затѣмъ всѣ сооруженныя для подвергнутыхъ остракизму великихъ писателей рогатки, пусть увѣнчала она лавровыми вѣнками бывшихъ опальныхъ, пусть принесла она ихъ судьямъ одинъ лишь стыдъ,—все это доказываетъ лишь несостоятельность точки зрѣнія, на которой стояли Орловы, безусловное осужденіе ея исторіей, но не нелогичность принимавшихся съ этой точки зрѣнія мѣръ. Онѣ присущи ей и неизбѣжно изъ нея вытекаютъ. Что дѣлать, если огонь и вода вмѣстѣ уживаться не могутъ, если борьба составляетъ основной принципъ жизни, если исходъ ея зависитъ, въ концѣ концовъ, отъ соотношенія общественныхъ силъ и если въ эпоху Гоголя соотношеніе это было не въ его пользу?..

Выдающееся положеніе, которое занялъ Гоголь въ русской исторіи, уже принадлежитъ ему навѣки. Но не Гоголь, разумѣется, какъ «учитель жизни»,—объ этомъ смѣшно даже говорить —а Гоголь геніальный

художникъ, вотъ кто останется навсегда для Россіи однимъ изъ ея наиболѣе чтимыхъ сыновъ.

Онъ умеръ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и тогда же немногочисленные въ то время представители русской интеллигенціи прочли такія строки:

«Гоголь умеръ!.. Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова? Онъ умеръ. Потеря наша такъ жестока, такъ внезапна, что намъ все еще не хочется ей вѣрить. Въ то самое время, когда мы могли надѣяться, что онъ нарушитъ, наконецъ, свое долгое молчаніе, что онъ обрадуетъ, превзойдетъ наши нетерпѣливыя ожиданія,—пришла эта роковая вѣсть! Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы теперь имѣемъ право, горькое право, данное намъ смертью, назвать великимъ, человѣкъ, который своимъ именемъ означитъ эпоху въ исторіи нашей литературы, человѣкъ, которымъ мы гордились, какъ одной изъ славъ нашихъ! Онъ умеръ, пораженный въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, въ разгарѣ силъ своихъ, не окончивъ начатаго дѣла, подобно благороднѣйшимъ его предшественникамъ. Его утрата возобновляетъ скорбь о тѣхъ незабвенныхъ утратахъ, какъ новая рана возбуждаетъ боль старинныхъ язвъ. Не время теперь и не мѣсто говорить о его заслугахъ; это дѣло будущей критики; должно надѣяться, что она пойметъ свою задачу и оцѣнитъ его тѣмъ безпристрастнымъ, но исполненнымъ уваженія и любви, судомъ, которымъ подобные ему люди судятся предъ лицомъ потомства; намъ теперь не до того; намъ только хочется быть однимъ изъ отголосковъ той великой скорби, которую мы теперь чувствуемъ разлитой повсюду вокругъ насъ; не оцѣнить намъ его хочется, но плакать; мы не въ силахъ говорить теперь спокойно о Гоголѣ,—самый любимый, самый знакомый образъ не ясенъ для глазъ, орошенныхъ слезами... Въ день, когда его хоронитъ Москва, намъ хочется протянуть ей отсюда руку, соединиться съ ней въ одномъ чувствѣ общей печали; мы не могли взглянуть въ послѣдній разъ на его безжизненное лицо, но мы шлемъ ему издалека нашъ прощальный поклонъ и съ благоговѣйнымъ чувствомъ слагаемъ дань нашей скорби и нашей любви на его свѣжую могилу, въ которую намъ не удалось, подобно Москвичамъ, бросить горсть родимой земли! Мысль, что его прахъ будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ-то горестнымъ удовлетвореніемъ. Да, пусть онъ покоится тамъ, въ этомъ сердцѣ Россіи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ, что одни легкомысленные или близорукіе не чувствуютъ присутствія этого любовнаго пламени въ каждомъ имъ сказанномъ словѣ. Но невыразимо тяжело было бы намъ подумать, что послѣдніе, самые зрѣлые плоды его генія погибли для насъ невозвратно,—и мы съ ужасомъ внимаемъ жестокимъ слухамъ объ ихъ истребленіи...

«Едва ли нужно говорить о тѣхъ немногихъ людяхъ, которымъ слова наши покажутся преувеличенными или вовсе неумѣстными... Смерть

имѣетъ очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недоразумѣнія—все смолкаетъ передъ самою обыкновенною могилою; они не заговорятъ надъ могилою Гоголя. Какое бы ни было окончательное мѣсто, которое оставитъ за нимъ исторія, мы увѣрены, что никто не откажется повторить теперь же вслѣдъ за нами:

«Миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени!» *)

Подъ этою статьею стояла подпись «Т—въ». Она принадлежала уже и тогда пріобрѣтшему почетную извѣстность въ русской литературѣ Ивану Сергѣевичу Тургеневу. Да и кому же, какъ не ему, истинному представителю «гоголевской школы», и было послужить выразителемъ чувствъ всѣхъ лучшихъ русскихъ людей по поводу понесенной ими безконечно тяжелой и невознаградимой утраты? За эту статью, какъ извѣстно, по настоянію тогдашняго попечителя петербургскаго учебнаго округа Мусина-Пушкина, Тургеневъ очутился на «съѣзжей», а затѣмъ былъ высланъ изъ Петербурга въ село Спасское «безъ права выѣзда», гдѣ и прожилъ до конца 1854 года. Послѣдовавшее вскорѣ за тургеневской статьей распоряженіе, запрещавшее совершенно говорить о Гоголѣ, довершило дѣло замалчиванія непріятнаго писателя...

Но о комъ же такъ восторженно отзывался Тургеневъ: о Гоголѣ ли, какъ художникѣ или Гоголѣ, какъ «учителѣ жизни»? Можетъ ли быть сомнѣніе въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ?

«Мы всѣ вышли изъ гоголевской «Шинели»,—говорилъ, имѣя въ виду плеяду беллетристовъ сороковыхъ годовъ, одинъ изъ ея наиболѣе замѣчательныхъ представителей. Ну, а изъ «Переписки съ друзьями», кто же вышелъ? Кажется, никто.

Уже однимъ этимъ въ достаточной степени рѣшается вопросъ о Гоголѣ, какъ объ «учителѣ жизни».

В. Богучарскій

---

*) «Московскія Вѣдомости» 13 марта, 1852 г., № 32.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(*Продолженіе* *).

VII.

Критики капиталистическаго строя.

Великіе утописты—Оуэнъ, Сенъ-Симонъ, Фурье—были не только утопистами, рисовавшими въ голубой дали облитый солнечнымъ свѣтомъ новый чудный міръ, который долженъ придти на смѣну тяжелаго и мрачнаго стараго міра, но и глубокими критиками современнаго соціальнаго строя. Однако, утопія стояла у нихъ, несомнѣнно, впереди критики. Утописты призывали не къ соціальной борьбѣ, а къ соціальному творчеству; они смотрѣли такъ далеко впередъ, что окружавшее ихъ взволнованное море политической жизни почти не попадало въ ихъ поле зрѣнія. Поэтому неудивительно, что ученія утопистовъ не вызвали никакихъ крупныхъ классовыхъ общественныхъ движеній и не стали лозунгомъ никакой могущественной политической партіи. Характерной чертой утопическаго міровоззрѣнія была непоколебимая увѣренность въ возможности гармоническаго примиренія всѣхъ общественныхъ интересовъ. Утописты были глубоко убѣжденными—не за страхъ, а за совѣсть—проповѣдниками *соціальнаго мира,* служащаго темой столькихъ фальшивыхъ мелодій въ буржуазномъ лагерѣ. Но въ отличіе отъ «соціальныхъ гармонистовъ» типа Бастіа, утописты искали мира не въ царствѣ капитала, а въ царствѣ будущей свободной ассоціаціи.

Утописты стояли въ сторонѣ отъ политической классовой борьбы, отрицали неизбѣжность ея и видѣли въ ней продуктъ человѣческаго невѣжества. Борьба, однако, продолжалась — голоса немногихъ мечтателей не могли измѣнить теченія историческаго потока. Это не значитъ, чтобы проповѣдь утопистовъ не имѣла практическихъ результатовъ—но сфера вліянія утопистовъ лежала не въ политикѣ, а въ положи-

---

*) См. «Міръ Божій», № 12, декабрь 1902 г.

тельномъ творчествѣ новыхъ общественныхъ формъ. Мы видѣли, что Оуэну удалось создать великое кооперативное движеніе, охватывающее въ настоящее время милліоны рабочихъ всего свѣта. Точно такъ же, не подлежитъ сомнѣнію и вліяніе Фурье на образованіе производительныхъ ассоціацій—того, что у насъ называютъ артелями. Такимъ образомъ, практическое дѣло утопистовъ уже и теперь громадно. Еще неизмѣримо большее значеніе оно должно пріобрѣсти въ будущемъ Созданіе новаго соціальнаго идеала нужно считать самымъ крупнымъ завоеваніемъ общественной мысли XIX столѣтія.

Насколько творчество выше критики, настолько утописты выше своихъ продолжателей—критиковъ капиталистическаго строя—Прудона, Родбертуса, Маркса. Правда, подобно тому, какъ утописты были одновременно и критиками, такъ и Марксъ былъ не только критикомъ, но и послѣдователемъ соціальнаго идеала утопистовъ. Однако, критическіе отрицательные элементы, несомнѣнно, берутъ въ ученіи Маркса перевѣсъ надъ положительными, творческими. Въ «Капиталѣ» утопія складываетъ свои крылья и опускается съ неба на землю; въ этомъ и сила, и слабость Маркса. Утописты стремились угадать цѣль, къ которой движется современное общество; Марксъ сосредоточивалъ свое вниманіе на изученіи пути къ этой цѣли. Путь историческаго развитія казался утопистамъ простымъ: мирная пропаганда новыхъ взглядовъ—дальше этого не пошли утописты. Для продолжателей ихъ дѣла выдвинулась на первый планъ иная огромная задача—открытіе *закона развитія* современнаго общества. Исходя изъ критическихъ идей самихъ утопистовъ, въ особенности Сенъ-Симона и Фурье, критическое направленіе пришло къ выводу, что реальнымъ содержаніемъ исторіи является борьба различныхъ общественныхъ группъ за свои экономическіе интересы. Отсюда вытекло и иное отношеніе къ этой борьбѣ. Полнаго развитія разсматриваемое направленіе достигло въ трудахъ Маркса. Какъ бы мы ни оцѣнивали положительныхъ заслугъ автора «Капитала», не подлежитъ сомнѣнію, что по своему вліянію на умы современниковъ Марксъ далеко оставляетъ за собой всѣхъ соціальныхъ мыслителей новаго времени.

I.

Прудонъ.

Бываютъ историческія фразы, какъ и историческія событія. Одна изъ такихъ фразъ принадлежитъ Прудону. Его сочиненія теперь почти забыты; но кто не знаетъ, что Прудонъ рѣшился дерзновенно провозгласить—«la propriété c'est le vol»? Эти нѣсколько словъ больше содѣйствовали знаменитости автора, чѣмъ десятки написанныхъ имъ толстыхъ томовъ.

Но если вообще трудно характеризовать парой словъ содержаніе богатой и разнообразной жизни человѣка, то это въ особенности вѣрно по отношенію къ Прудону. Его всѣмъ извѣстная фраза не только не даетъ намъ ключа къ пониманію міровоззрѣнія автора, но способна внушить совершенно превратное представленіе о взглядахъ этого замѣчательнаго человѣка. Прудонъ вовсе не былъ крайнимъ революціонеромъ; онъ не проповѣдовалъ грабежа и расхищенія имущества богатыхъ, какъ можно было бы подумать по его дерзкому сопоставленію собственности съ кражей. Какъ общественный дѣятель, Прудонъ всего менѣе могъ быть обвиненъ въ безпощадномъ радикализмѣ; его упрекали, и съ полнымъ основаніемъ, въ обратномъ—въ угодливости правительству, въ склонности къ компромиссу, въ оппортунизмѣ. Правда, его фраза прозвучала въ свое время, какъ звукъ набата. Отъ нея пахнетъ дымомъ пожаровъ, она способна нарушить сонъ мирнаго буржуа и внушить его испуганному воображенію картины гражданской войны и всеобщаго разрушенія. Но самое лучшее средство покончить съ этими страхами—это познакомиться съ сочиненіями самого автора знаменитой фразы.

Пьеръ-Жозефъ Прудонъ (1809—1865) былъ сыномъ мелкаго городского ремесленника. Онъ самъ называлъ себя мужикомъ и когда въ 1848 г. ему случилось возражать въ національномъ собраніи одному легитимисту, хваставшемуся знаменитостью рода, онъ съ гордостью заявилъ: «У меня 14 предковъ мужиковъ—назовите мнѣ хоть одно семейство, имѣющее больше благородныхъ предковъ!» Жизнь Прудона была далеко не изъ легкихъ. Судьба его не баловала. Главнымъ бичемъ его жизни была постоянная нужда. Въ молодости онъ перепробовалъ нѣсколько профессій—былъ наборщикомъ, затѣмъ содержалъ небольшую типографію; разорившись, поступилъ секретаремъ къ одному богатому барину. Затѣмъ, для него сталъ главнымъ источникомъ заработка литературный трудъ, который, однако, не могъ обезпечить ему достаточнаго дохода, благодаря тому, что Прудонъ былъ во враждѣ со всѣми партіями и не имѣлъ опоры въ прессѣ. Поэтому онъ очень тяготился литературнымъ заработкомъ и неоднократно пытался получить мѣсто въ какомъ-нибудь торговомъ предпріятіи; такъ, нѣсколько лѣтъ онъ управлялъ дѣлами одной торговой фирмы. Ему приходилось много претерпѣть отъ гоненій правительства, хотя онъ былъ совершенно чуждъ принципіальной оппозиціи власти. Наоборотъ, онъ постоянно носился съ мыслью привлечь правительство на свою сторону и съ его помощью осуществить свои проекты. Такъ, Прудонъ весьма примирительно держалъ себя по отношенію къ іюльской монархіи; незадолго до февральской революціи онъ выразилъ увѣренность, что эра революцій миновала навсегда и что трону Луи-Филиппа не угрожаетъ никакая опасность. Февральская революція, въ которой Прудонъ не принималъ никакого участія, сдѣлала нашего автора депутатомъ національнаго собранія. Но благодаря своей обычной тактикѣ—наносить удары съ

одинаковымъ ожесточеніемъ направо и налѣво, радикализму и консерватизму—Прудонъ не преуспѣлъ на политической трибунѣ. Только одинъ разъ ему пришлось выступить въ собраніи со своимъ собственнымъ проектомъ коренной реформы налоговъ. Онъ произнесъ горячую рѣчь и въ результатѣ голосованія на сторонѣ проекта оказалось... два голоса, включая и голосъ самого Прудона.

Политическая дѣятельность Прудона закончилась присужденіемъ его къ трехлѣтнему тюремному заключенію за нападки на президента республики—Луи-Наполеона. Съ наполеоновскимъ правительствомъ нашъ авторъ никакъ не могъ поладить. Онъ не считалъ себя непримиримымъ врагомъ имперіи, столь же мало, какъ и монархіи Луи-Филиппа. Но имперія считала его своимъ врагомъ—и не останавливалась передъ суровыми карами, чтобы зажать ротъ безпокойному публицисту. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего освобожденія онъ опять навлекаетъ на себя неудовольствіе бонапартовской полиціи, и только бѣгствомъ въ Бельгію спасается отъ угрожавшаго ему новаго тюремнаго заключенія.

Въ то же время республиканская партія обвиняла Прудона въ заискиваніи передъ имперіей. Дѣйствительно, въ одной брошюрѣ, вышедшей вскорѣ послѣ переворота 2-го декабря, Прудонъ обнаружилъ довольно благосклонное отношеніе къ виновнику этого позорнаго акта и призналъ возможнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ, оправдать переворотъ. Авансы по адресу имперіи встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ сочиненіяхъ преслѣдуемаго автора. Непримиримые враги бонапартовскаго режима ставили также съ полнымъ основаніемъ въ вину Прудону, что онъ воспользовался амнистіей Наполеона и вернулся во Францію послѣ того, какъ раньше публично заявлялъ о своемъ рѣшеніи ни въ какомъ случаѣ не принимать амнистіи изъ рукъ правительства, присудившаго его къ тюрьмѣ.

Все это несомнѣнно доказываетъ отсутствіе политической стойкости у Прудона. Но помимо недостатка гражданскаго мужества, поведеніе его объясняется и другими соображеніями, не бросающими столь неблаговиднаго свѣта на личность автора знаменитаго мемуара о собственности. Прудонъ не былъ вполнѣ чуждъ утопическаго міровоззрѣнія, типическими выразителями котораго могутъ считаться Оуэнъ, Сенъ-Симонъ и Фурье. Это міровоззрѣніе, отрицавшее значеніе политической борьбы и формы правленія, дало возможность Оуэну, чистота побужденій котораго стоитъ выше всякихъ подозрѣній, обращаться съ адресами къ реакціоннымъ правительствамъ священнаго союза, а благородному и рыцарственному Сенъ-Симону посвящать свои сочиненія Людовику XVIII. Точно также и Прудонъ былъ равнодушенъ къ политикѣ и несмотря на свой собственный, достаточно, казалось бы, убѣдительный опытъ, не покидалъ несбыточной надежды заставить правительство служить своимъ идеямъ.

Въ общей же сложности, Прудонъ отнюдь не былъ героической

натурой. Его соціальные идеалы также не отличались высотой; на нихъ ярко отражалось міросозерцаніе того класса, откуда вышелъ Прудонъ— мелкой буржуазіи. Въ этомъ отношеніи весьма характерно отношеніе Прудона къ женщинѣ и семьѣ. Великіе утописты стремились къ такой же глубокой реформѣ семьи, какъ и современнаго общественнаго строя. Они требовали не только освобожденія труда, но и освобожденія женщины. Напротивъ, мнѣнія Прудона о такъ называемомъ женскомъ вопросѣ нисколько не возвышались надъ уровнемъ обычныхъ буржуазныхъ взглядовъ на бракъ и семью. Онъ самъ былъ женатъ на простой работницѣ и нашелъ въ ней свой идеалъ хорошей хозяйки и любящей матери своихъ дочерей, объ образованіи которыхъ онъ совершенно не заботился. Женщина была, въ его глазахъ, низшимъ существомъ; къ образованнымъ женщинамъ онъ относился съ нескрываемымъ отвращеніемъ и заявлялъ, что предпочитаетъ имъ куртизанокъ. Семья представлялась ему прочнымъ и неразрывнымъ хозяйственнымъ союзомъ, въ которомъ долженъ неограниченно царить мужчина; на долю мужчины выпадаетъ высшая духовная дѣятельность, между тѣмъ какъ женщина должна быть только хозяйкой и матерью. Такъ называемая эмансипація женщины повела бы, по мнѣнію Прудона, лишь къ разврату, ибо только суровый долгъ и узы брака могутъ ввести въ границы и сдержать стихійную силу любви, заложенную въ женщину.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію сочиненій Прудона. Изъ нихъ самымъ блестящимъ является его юношеская работа о собственности Qu'est ce que la propriété? I-e mémoire (1840), написанная на тему, данную академіей—подобно знаменитой книгѣ Руссо о вліяніи цивилизаціи на нравы людей. Прудонъ разсматриваетъ въ ней одну за другой такъ называемыя теоріи собственности—юридическія обоснованія этого соціальнаго института. Среди юристовъ наиболѣе популярна теорія перваго завладѣнія. Сущность этой теоріи сводится къ слѣдующему. Чтобы работать и добывать пищу, человѣкъ долженъ обладать орудіемъ труда, а также участками земли, подвергаемыми обработкѣ...

Но правильно поставивъ задачу, Прудонъ мало сдѣлалъ для ея разрѣшенія. Его критика института частной собственности, въ общемъ, слаба. Дѣйствительно, въ чемъ заключается эта критика? Главнымъ образомъ, въ разборѣ господствующихъ юридическихъ теорій обосновыванія права собственности. Но если бы даже Прудону удалось совершенно разбить эти теоріи, отсюда вытекало бы не то, что институтъ собственности заслуживаетъ отверженія, а лишь то, что собственность защищается учеными плохо. Вмѣсто изслѣдованія соціальныхъ результатовъ права собственности, значеніе этого права для интересовъ различныхъ классовъ населенія и всего общества въ цѣломъ, нашъ авторъ даетъ намъ юридическій анализъ разсматриваемаго права, и анализъ, къ тому же, весьма неудачный. Прудонъ, конечно, не доказалъ невозможности юридическаго обоснованія

права собственности. Его критическіе удары направляются, главнымъ образомъ, противъ двухъ теорій собственности—теоріи завладѣнія и рабочей теоріи. Но самой сильной въ научномъ отношеніи теоріи собственности—такъ называемой легальной теоріи—Прудонъ почти не затрогиваетъ своей критикой. Согласно этой теоріи, право собственности имѣетъ за себя верховную юридическую санкцію—не какого-либо абстрактнаго этическаго начала, а общественной пользы. Общество нуждается въ институтѣ частной собственности не въ силу его справедливости, а въ силу его соціальной плодотворности. Чтобы разбить этотъ аргументъ въ пользу собственности, слѣдовало бы доказать, что общество, въ цѣломъ или въ лицѣ большинства, не пострадаетъ или даже выиграетъ отъ уничтоженія частной собственности. Ничего подобнаго Прудонъ не исполнилъ, да и не могъ исполнить, такъ какъ— и это самое главное—*онъ отнюдь не принципіальный врагъ частной собственности*, какъ это можно было бы подумать, судя по рѣзкости его критики.

Мы видѣли, что, отвергая частную собственность въ современной ея формѣ, Прудонъ не менѣе рѣшительно высказывается противъ соціализма. Никакого положительнаго рѣшенія авторъ не даетъ, и читатель остается въ недоумѣніи, чего же, собственно, желаетъ критикъ. Разсѣять этого недоумѣнія не сумѣлъ бы и самъ Прудонъ, такъ какъ онъ, какъ можно съ увѣренностью утверждать, и самъ опредѣленно не зналъ, какимъ образомъ можно предотвратить эксплуатацію однихъ членовъ общества другими, возникающую, по мнѣнію Прудона, при господствѣ частной собственности, и въ то же время избѣжать бѣдствій коммунизма. Правда, его умственному взору представлялась нѣкоторая туманная утопія коренной реформы права собственности при сохраненіи личнаго владѣнія, но утопія эта облекалась въ разное время въ разныя формы. Прудонъ до конца жизни не терялъ надежды придумать такое соціальное устройство, которое одинаково обезпечивало бы личную свободу каждаго и благосостояніе всѣхъ. Свобода и равенство были основными политическими догматами Прудона. Онъ не соглашался пожертвовать ни однимъ изъ нихъ. Во имя равенства онъ отвергалъ частную собственность въ существующей формѣ; во имя свободы онъ отвергалъ соціализмъ. Нужно было, слѣдовательно, найти такое общественное устройство, въ которомъ и свобода, и равенство были бы обезпечены въ равной мѣрѣ.

Задача была не изъ легкихъ, и не мудрено, что Прудонъ постоянно колебался между различными рѣшеніями ея. Интересно, что подъ конецъ жизни онъ нашелъ, наконецъ, свой идеалъ не въ чемъ иномъ, какъ... въ русской общинѣ. Въ своемъ посмертномъ сочиненіи «Théorie de la propriété» Прудонъ говоритъ, что истинное рѣшеніе проблемы собственности дано славянской расой, создавшей общинную собствен-

ность, при которой земля принадлежитъ всей общинѣ, а право пользованія отдѣльными земельными участками—каждому члену общины.

«Требованіемъ владѣнія такого рода,—заявляетъ нашъ авторъ,— я закончилъ свой первый мемуаръ о собственности, не давъ этому требованію вполнѣ ясной формулировки. Распространить славянскую форму владѣнія было бы большимъ шагомъ впередъ въ цивилизаціи. Эта форма болѣе пригодна для примѣненія въ жизни, чѣмъ абсолютное «dominium» римлянъ, которое воскресло въ нашемъ правѣ собственности. Никакой разумный экономистъ не можетъ желать бо̀льшаго. При господствѣ славянскаго права владѣнія рабочій получаетъ должное вознагражденіе и плоды его трудовъ вполнѣ обезпечены. Этотъ принципъ славянской цивилизаціи есть самый славный фактъ въ исторіи этой расы».

Самымъ цѣннымъ въ научномъ отношеніи трудомъ Прудона мы считаемъ его «Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère» (1846). Въ свое время эта работа произвела огромное впечатлѣніе на современниковъ; въ Германіи быстро появились три перевода ея, и даже ученые буржуазнаго лагеря, какъ, напр., одинъ изъ основателей исторической школы, знаменитый Бруно Гильдебрандъ, признали Прудона выдающимся экономическимъ мыслителемъ эпохи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, «Экономическія противорѣчія» Прудона вызвали и рядъ враждебныхъ критическихъ работъ, на которыя имѣла особое значеніе книга Маркса «Misère de la Philosophie» (перефраза заглавія Прудона). Книга эта представляетъ собой крайне рѣзкую критику Прудона, свой отзывъ о которомъ Марксъ резюмируетъ слѣдующими словами: «Господинъ Прудонъ льститъ себя надеждой дать критику какъ политической экономіи, такъ и коммунизма, въ дѣйствительности же онъ стоитъ ниже обоихъ. Ниже политико-экономовъ потому, что, какъ философъ, воображающій себя владѣющимъ одной магической формулой, онъ считаетъ себя избавленнымъ отъ обязанности входить въ разсмотрѣніе экономическихъ деталей; ниже соціалистовъ потому, что ему не хватаетъ ни мужества, ни пониманія для того, чтобы подняться надъ уровнемъ буржуазнаго горизонта... Онъ хочетъ, какъ человѣкъ науки, стоять выше буржуа и пролетаріевъ, но есть на самомъ дѣлѣ только мелкій буржуа, постоянно колеблющійся между капиталомъ и трудомъ, между политической экономіей и коммунизмомъ».

Съ своей стороны Прудонъ назвалъ въ одномъ частномъ письмѣ брошюру Маркса «сплетеніемъ клеветы, плагіата и непониманія» и не счелъ ея заслуживающей отвѣта. Нечего, разумѣется, и говорить, что «Нищета философія» не была ничтожнымъ произведеніемъ, какимъ ее призналъ Прудонъ. Болѣе того—эта небольшая книга полемическаго характера въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе замѣчательна, чѣмъ двухтомный трудъ Прудона, такъ какъ въ ней мы находимъ первый абрисъ соціальной и экономической системы Маркса, далеко превосхо-

*

дящей по силѣ мысли и по своему научному и общественному значенію всѣ разсужденія Прудона. Но все же Прудонъ не былъ неправъ въ своемъ негодованіи противъ Маркса. Геніальный творецъ «Капитала» былъ, по свойствамъ своего характера, всего менѣе способенъ къ безпристрастной критической оцѣнкѣ взглядовъ соперниковъ. Всѣ выдающіеся люди, съ которыми судьба сталкивала Маркса и которые имѣли дерзость ему не подчиняться, подвергались, рано или поздно, самымъ ядовитымъ и безпощаднымъ, исполненнымъ личной ненависти и злобы нападкамъ Маркса, не терпѣвшаго равенства и окружавшаго себя только поклонниками и послѣдователями. Въ 1845 г. Марксъ отзывался о Прудонѣ въ почти восторженномъ тонѣ: «Прудонъ,—писалъ Марксъ,—подвергъ основаніе политической экономіи—частную собственность—первому критическому изслѣдованію и притомъ первому рѣшающему, систематическому и научному изслѣдованію. Книга Прудона о собственности является великимъ шагомъ впередъ науки,—шагомъ, который преобразовалъ политическую экономію и который впервые сдѣлалъ возможнымъ дѣйствительно научное построеніе политической экономіи». Но Прудонъ имѣлъ несчастье имѣть свои собственные взгляды, которые не всегда сходились со взглядами Маркса. Оба экономиста, изъ которыхъ одинъ былъ въ апогеѣ своей славы, а другой молодымъ, начинающимъ писателемъ, еще ничѣмъ себя не заявившимъ, но полнымъ самоувѣренности и сознанія своей великой силы, познакомились въ Парижѣ, дружески сошлись и проводили цѣлыя ночи въ спорахъ. Разногласіе ихъ взглядовъ выяснилось: Прудонъ не уступалъ, и вотъ Марксъ обрушился на своего прежняго друга съ безпощадной критикой, имѣвшей цѣлью доказать полное научное ничтожество Прудона.

«Misère de la Philosophie» Маркса можетъ считаться образцомъ пристрастной критики, тѣмъ болѣе несправедливой, что она исходитъ отъ геніальнаго ума, котораго трудно заподозрить въ непониманіи. Читатель, не привыкшій къ самостоятельной оцѣнкѣ научныхъ произведеній и робѣющій передъ авторитетомъ, можетъ вынести изъ чтенія брошюры Маркса впечатлѣніе, что «Экономическія противорѣчія»—чуть ли не сплошной вздоръ. Однако впечатлѣніе это будетъ весьма далеко отъ истины. Сочиненіе Прудона имѣетъ много слабостей, и критика Маркса, въ частностяхъ, въ большинствѣ случаевъ вѣрна. Но въ цѣломъ она глубоко невѣрна, ибо «Экономическія противорѣчія»—одна изъ тѣхъ научныхъ работъ, которыя составляютъ въ исторіи науки эпоху. Не взирая на ѣдкость критики Маркса, мы осмѣлимся высказать мнѣніе, что безъ «Экономическихъ противорѣчій» Прудона былъ бы невозможенъ и «Капиталъ» Маркса. И общій планъ работы, и многія частности «Экономическихъ противорѣчій» оказали могущественное вліяніе на автора «Капитала», отрицавшаго достоинства сочиненія, которому онъ самъ былъ очень и очень многимъ обязанъ.

Въ «Экономическихъ противорѣчіяхъ» Прудонъ даетъ критическое изслѣдованіе основныхъ категорій современнаго экономическаго строя. Подъ вліяніемъ Гегеля, онъ видитъ задачу науки объ обществѣ въ изслѣдованіи *процесса общественнаго развитія*. «Соціальная наука,—говоритъ онъ,—есть систематическое и раціональное познаніе не того, чѣмъ общество *было*, и не того, чѣмъ оно *будетъ*, но того, что оно *есть* во всей своей жизни, т.-е. въ совокупности своихъ послѣдовательныхъ проявленій». Этого не понимаютъ существующія экономическія школы. Такъ, соціалисты призываютъ общество къ организаціи труда; экономисты, въ отвѣтъ на это, утверждаютъ, что трудъ уже организованъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ. «Но мы,—заявляетъ Прудонъ,—мы утверждаемъ, противъ соціалистовъ и противъ экономистовъ, не то, что *нужно организовать* трудъ, и не то, что онъ *уже организованъ*, но что онъ *организовывается*... Политическая экономія показываетъ первые начатки этой организаціи; но соціализмъ совершенно правъ, указывая, что при существующихъ условіяхъ организація труда недостаточна и случайна».

Такова задача соціальной науки, какъ ее понимаетъ Прудонъ. Наука эта одинаково чужда какъ консерватизма, такъ и утопіи. Она изслѣдуетъ самый процессъ общественнаго движенія и свои практическія требованія выводитъ изъ открываемыхъ ею законовъ этого движенія.

«Краеугольнымъ камнемъ экономическаго зданія является цѣнность». Со времени Ад. Смита экономисты различаютъ два рода цѣнности—потребительную и мѣновую. Въ какомъ же отношеніи другъ къ другу находятся эти два вида цѣнности? Увеличеніе предложенія товаровъ увеличиваетъ общую сумму ихъ полезности, ихъ потребительной цѣнности, но понижаетъ ихъ рыночную цѣну. Уменьшеніе предложенія повышаетъ цѣну, хотя полезность становится меньше. Слѣдовательно, между мѣновой и потребительной цѣнности существуетъ внутреннее противорѣчіе. Чѣмъ меньше имѣется въ природѣ нужныхъ для насъ предметовъ, тѣмъ они дороже. Поэтому скудный урожай часто выгоднѣе для земледѣльца хорошаго. Богатство производителя оказывается равносильнымъ бѣдности потребителя. «Идея противорѣчія цѣнности, выступающая съ такой ясностью изъ неустранимаго различія потребительной и мѣновой цѣнности, не зависитъ отъ недостаточнаго пониманія экономическихъ отношеній, или отъ неправильной терминологіи или какой-либо практической ошибки: она свойственна самой природѣ вещей... А такъ какъ понятіе цѣнности есть отправной пунктъ политической экономіи, то, слѣдовательно, всѣ элементы науки противорѣчивы въ себѣ и противоположны другъ другу, такъ что по отношенію къ каждому вопросу экономистъ стоитъ между утвержденіемъ и отрицаніемъ, одинаково необходимыми. Антиномія есть существенное свойство политической экономіи».

Но антиномія требуетъ примиренія. Тезисъ и антитезисъ предполагаютъ синтезисъ. Какимъ же образомъ примиряется противорѣчіе потребительной и мѣновой цѣнности?

Подобно тому, какъ химическіе элементы только въ опредѣленной пропорціи вступаютъ въ соединеніе другъ съ другомъ, образуютъ новое химическое тѣло, такъ и соціальное богатство требуетъ извѣстной пропорціональности своихъ составныхъ элементовъ. «Цѣнность есть пропорція, въ которой каждый изъ этихъ элементовъ входитъ въ составъ цѣлаго». Постигнуть природу цѣнности значитъ открыть законъ пропорціональности продуктовъ, какъ составныхъ частей соціальнаго богатства. «Я исхожу,—говоритъ Прудонъ,—изъ предположенія силы, которая соединяетъ въ опредѣленной пропорціи элементы богатство и которая образуетъ изъ нихъ одно слитное цѣлое; если элементы эти не находятся въ должной пропорціи, то соединенія не произойдетъ—вмѣсто того, чтобы поглотить всю матерію богатства, сила эта оттолкнетъ часть элементовъ, сдѣлаетъ ихъ безполезными. Внутреннее движеніе, посредствомъ котораго совершается соединеніе и которое устанавливаетъ пропорціи, есть обмѣнъ, сливающій всѣ произведенныя отдѣльными производителями цѣнности въ единое и тожественное соціальное богатство. Пропорція, въ которой каждый элементъ входитъ въ составъ цѣлаго, есть цѣнность; всякій избытокъ противъ этой пропорціи есть *не цѣнность*, такъ какъ этотъ избытокъ не входитъ въ составъ соціальнаго богатства, не захватывается обмѣномъ».

Мѣновыя пропорціи аналогичны, такимъ образомъ, химическимъ пропорціямъ, въ которыхъ химическіе элементы вступаютъ въ соединеніе другъ съ другъ. Но между химіей и политической экономіей существуетъ слѣдующее различіе: «Химики, открывъ путемъ опыта свои удивительныя пропорціи, не знаютъ ни причины, ни цѣли этихъ пропорцій, не знаютъ силы, которая устанавливаетъ ихъ. Напротивъ, соціальной экономіи, которой никакой опытъ не открылъ бы a posteriori закона пропорціональности цѣнностей, извѣстна сила, опредѣляющая пропорціи».

Что же это за сила? Не что иное, какъ *трудъ* — «трудъ, единственно трудъ, производящій всѣ элементы богатства и комбинирующій ихъ до послѣднихъ молекулъ, согласно постоянному закону измѣняющихся пропорцій. Это трудъ, который приводитъ въ движеніе богатство, подобно тому, какъ духъ одушевляетъ матерію. Общество, коллективный человѣкъ, производитъ безконечное множество продуктовъ, образующихъ благосостояніе. Благосостояніе это зависитъ не только отъ количества продуктовъ, но и отъ ихъ разнообразія (качества) и пропорціональности; поэтому общество не можетъ не стремиться достигнуть такой пропорціональности въ продуктахъ, чтобы сумма благосостоянія, при данныхъ производительныхъ силахъ, была наибольшей.

Изобиліе, разнообразіе и пропорціональность продуктовъ суть три основныхъ условія богатства».

Какимъ же образомъ достигается пропорціональность богатства? Для этого необходимо точно знать трудъ, требующійся для производства каждаго предмета потребленія. Первоначально производятся только такіе предметы, которые требуютъ для своего производства наименьшаго количества труда. Затѣмъ, по мѣрѣ роста производительныхъ силъ, общество переходитъ къ изготовленію дороже стоящихъ продуктовъ. Предметы болѣе дешевые удовлетворяютъ въ то же время болѣе необходимымъ потребностямъ, дорогіе предметы суть предметы роскоши.

Но если трудъ устанавливаетъ цѣнность, то какимъ же образомъ самъ трудъ можетъ имѣть цѣну? Многіе экономисты возражаютъ противъ трудовой теоріи ссылкой на то, что трудъ есть такой же товаръ, какъ и всѣ остальные и также подвергается расцѣнкѣ. Слѣдовательно, выводить цѣнность изъ труда значитъ вращаться въ порочномъ кругѣ.

«Экономисты—замѣчаетъ Прудонъ—обнаруживаютъ въ этомъ разсужденіи удивительное непониманіе. Трудъ имѣетъ цѣнность не какъ товаръ, а какъ самостоятельный источникъ цѣнности. *Цѣнность труда* есть не болѣе, какъ фигуральное выраженіе, фикція, подобно понятію *производительности капитала*. На самомъ же дѣлѣ трудъ производитъ, а капиталъ расцѣнивается... Когда мы говоримъ: трудъ этого человѣка имѣетъ цѣнность 5 франковъ въ день, то это значитъ—ежедневный продуктъ труда этого человѣка стоитъ 5 франковъ».

Цѣнность, пропорціональную труду, Прудонъ называетъ *конституированною* цѣнностью и видитъ въ ней примиреніе противорѣчія потребительной и мѣновой цѣнности. Трудовая цѣнность предполагаетъ съ одной стороны полезность—потребительную цѣнность, безъ чего трудъ не создастъ никакой цѣнности; съ другой стороны, пригодность предмета для обмѣна, такъ какъ только путемъ обмѣна устанавливается цѣнность предмета.

Трудовая, конституированная цѣнность есть синтезъ противорѣчій цѣнности. Проблема цѣнности заключается не въ нахожденіи всеобщаго измѣрителя цѣнности, а опредѣленіи того, что служитъ мѣрой цѣнности. «Въ геометріи мѣрой служитъ пространство, а единицей мѣры или градусъ—часть круга, раздѣленнаго на 360 частей —или часть шаровой поверхности, или протяженіе руки, пальца или ноги человѣка... Въ экономической наукѣ точка зрѣнія, съ которой сравниваются цѣнности, есть трудъ; что касается до единицы мѣры, то во Франціи таковой является франкъ. Удивительно, что ученые не могли усвоить себѣ столь простой идеи. По ихъ мнѣнію *сравненіе цѣнностей совершается безъ всякаго общаго мѣрила цѣнности и безъ единицы мѣры*; они готовы это утверждать, лишь бы избѣгнуть революціонной теоріи равенства. Что скажетъ объ этомъ потомство? На самомъ же дѣлѣ,

всякій продуктъ есть носитель труда... Уничтожьте трудъ—и у васъ останутся только полезности, которыя не обладая никакимъ экономическимъ свойствомъ, не нося въ себѣ ничего созданнаго человѣкомъ, являются несоизмѣримыми другъ съ другомъ».

Высшая задача, къ которой стремится общество въ сферѣ хозяйства, можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: «Производить съ возможно меньшей затратой труда возможно большее количество наиболѣе разнообразныхъ цѣнностей, такъ, чтобы каждый индивидъ могъ реализировать въ свою пользу наибольшую сумму физическаго, моральнаго и интелектуальнаго благосостоянія».

Но эта задача — конституированіе цѣнности, построеніе цѣнности продуктовъ исключительно на базисѣ труда—еще далеко не достигнута обществомъ. Отъ этого зависятъ всѣ отрицательныя явленія современнаго хозяйственнаго строя—разстройства товарнаго обращенія, потрясенія кредита, промышленные, денежные и торговые кризисы, неравенство вознагражденія рабочихъ, эксплуатація однихъ членовъ общества другими, бѣдность большинства населенія. Если бы товары обмѣнивались въ соотвѣтствіи съ трудомъ, то всякій получалъ бы вознагражденіе пропорціонально своимъ заслугамъ; теперь же мы видимъ, что представители физическаго труда вознаграждаются ничтожно, между тѣмъ какъ тѣ профессіи, которыя составляютъ достояніе привилегированныхъ, достаточныхъ классовъ общества, оплачиваются во много разъ выше. Если бы обмѣнъ совершался на основаніи трудовой равноцѣнности, то рабочій, отдавая свой трудъ капиталисту, получалъ бы отъ него всю созданную трудомъ цѣнность, и эксплуатація труда капиталомъ должна была бы прекратиться. Существованіе въ современномъ обществѣ непроизводительныхъ классовъ, потребляющихъ, но не производящихъ, есть результатъ того, что конституированіе цѣнности еще далеко не достигнуто».

Но, съ другой стороны, весь прогрессъ общества заключается въ борьбѣ за эту великую цѣль. «Политическая экономія есть не что иное, какъ исторія этой борьбы. Поскольку политическая экономія освящаетъ и желаетъ упрочить аномалію цѣнности и притязанія эгоизма, она есть поистинѣ теорія несчастія и организація бѣдности; но поскольку она указываетъ средства, открытыя цивилизаціей, для уничтоженія пауперизма (хотя эти средства монополія непрерывно стремится обратить въ свою пользу) она предвѣщаетъ организацію богатства».

Но если цѣнности всѣхъ товаровъ вообще пока еще далеко не конституированы, то современное общество все же обладаетъ однимъ товаромъ съ конституированной цѣнностью. Этимъ господствующимъ товаромъ являются деньги — золото и серебро. Существеннымъ отличіемъ денегъ отъ остальныхъ товаровъ слѣдуетъ считать то, что деньги — предметъ постояннаго и неограниченнаго спроса.

Деньги всегда имѣютъ сбытъ, рынокъ всегда открытъ для нихъ, ихъ всякій беретъ охотно, между тѣмъ какъ рынокъ для остальныхъ товаровъ ограниченъ; всѣ товары, кромѣ денегъ, подвергаются опасности не найти сбыта. Поэтому, деньги—товаръ по преимуществу, царь всѣхъ товаровъ. Общество достигло того, что одинъ товаръ—деньги—получилъ устойчивую цѣнность и всегда обезпеченный рынокъ. Этимъ оно сдѣлало первый шагъ къ конституированію цѣнности; дальнѣйшее хозяйственное развитіе должно повести къ тому, что и прочіе товары достигнутъ того же положенія, въ которомъ теперь находятся только деньги: всѣ товары должны пріобрѣсти способность свободно циркулировать, находить сбытъ, какъ въ настоящее время золото и серебро. Теперь деньгами являются только названные металлы, впослѣдствіи всѣ товары безъ различія будутъ играть роль денегъ.

Таково весьма замѣчательное ученіе о цѣнности Прудона. Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что оно оказало огромное вліяніе на выработку взглядовъ Маркса, подвергнувшаго книгу Прудона такой суровой критикѣ. О справедливости этой критики можно судить по слѣдующему примѣру. Марксъ высмѣиваетъ утвержденіе Прудона, что трудъ, служащій измѣрителемъ цѣнности, не можетъ самъ имѣть цѣнности. «Прудонъ, — говоритъ Марксъ, — видитъ въ товарѣ-трудѣ, сохраняющемъ удручающую реальность, только грамматическій оборотъ. Въ такомъ случаѣ все современное общество, основывающееся на товарномъ характерѣ труда, является не болѣе, какъ поэтической вольностью, основанной на фигуральномъ выраженіи. Если общество хочетъ избавиться отъ всѣхъ тягостей, отъ которыхъ оно теперь страдаетъ, то ему достаточно устранить непріятные словообороты, измѣнить свой языкъ... Трудъ, пока онъ покупается и продается, есть такой же товаръ, какъ и всѣ другіе товары, и точно также имѣетъ мѣновую цѣнность» (Das Elend der Philosophie, стр. 34).

Такъ писалъ Марксъ въ 1847 г. Доводы Прудона, что трудъ въ качествѣ субстанціи цѣнности, самъ имѣть цѣнности не можетъ, казались Марксу пустымъ филологическимъ упражненіемъ. Прошло 20 лѣтъ и Марксъ объявилъ въ «Капиталѣ» свое собственное мнѣніе, выраженное въ цитированныхъ строкахъ, «грубой ошибкой вульгарной экономіи, которая сперва предполагаетъ цѣнность товара—труда, чтобы потомъ этой цѣнностью опредѣлять цѣнность другихъ товаровъ» («Капиталъ» т. I. Перев. подъ редакц. П. Струве, стр. 42). Вмѣстѣ съ тѣмъ Марксъ вполнѣ усвоилъ осмѣянную имъ теорію Прудона и доказываетъ въ «Капиталѣ», вслѣдъ за Прудономъ, что трудъ не можетъ имѣть цѣнности. Но лучше всего то, что ортодоксальные марксисты, вродѣ Каущкаго, намѣренно игнорируя во всемъ этомъ роль Прудона, съ важностью заявляютъ: «Марксъ впервые доказалъ, что трудъ не есть товаръ, и потому не обладаетъ никакой цѣнностью, хотя трудъ есть источникъ и мѣрило всякой цѣнности», и называютъ теорію Прудона

«основнымъ открытіемъ Маркса»! («Karl Marx'oekonomische Lehren», 1894 г., стр. 183—184).

Мы сказали, что «Экономическія Противорѣчія» существенно повліяли на выработку взглядовъ Маркса. Задачу экономической науки Марксъ понимаетъ совершенно такъ же, какъ и Прудонъ. Открытіе закона развитія современнаго хозяйственнаго строя—къ этому стремился Прудонъ въ «Экономическихъ Противорѣчіяхъ», и Марксъ въ «Капиталѣ». Подобно Прудону, Марксъ признаетъ цѣнность краеугольнымъ камнемъ экономическаго зданія и начинаетъ свой анализъ экономическихъ категорій съ анализа цѣнности. Ученіе о цѣнности Прудона явственно отразилось въ «Капиталѣ». Мы назвали это ученіе замѣчательнымъ. Дѣйствительно, оно заключаетъ въ себѣ глубокія мысли, недостаткомъ которыхъ является лишь то, что онѣ не доведены до конца. Прудонъ останавливается въ развитіи своей теоріи на полдорогѣ, а иногда и сворачиваетъ въ сторону и попадаетъ на ложный путь. Благодаря этому, изложеніе его весьма неясно, и чтобы извлечь изъ соотвѣтствующихъ разсужденій Прудона драгоцѣнное зерно, нужно самому обладать вполнѣ отчетливымъ пониманіемъ проблемы цѣнности.

Такой глубокой мыслью мы считаемъ опредѣленіе Прудона цѣнности: какъ закона пропорціональности общественнаго производства, вмѣстѣ съ признаніемъ труда моментомъ, устанавливающимъ, въ идеалѣ, эту пропорціональность. Прудонъ понималъ, что противорѣчіе между опредѣленіемъ цѣнности по полезности и по труду можетъ быть разрѣшено, и что разрѣшеніе это заключается въ пропорціональности производства. Совершенно правильно формулируетъ Прудонъ хозяйственный принципъ, которымъ должно руководствоваться всякое хозяйство въ распредѣленіи производства между различными его отраслями—производить съ возможно меньшей затратой труда возможно большую сумму пользы.

Но правильно поставивъ условія задачи и догадываясь о ея рѣшеніи, Прудонъ не сумѣлъ связать рѣшенія съ условіями. Мы показали въ предшествовавшемъ «очеркѣ», что пропорціональность производства, дѣйствительно, можетъ быть осуществлена лишь на базисѣ стоимости производства, и что въ этомъ случаѣ расцѣнка по труду совпадаетъ съ расцѣнкой по полезности. Примиреніе двухъ противоположныхъ теорій цѣнности было достигнуто нами благодаря тому, что мы исходили не просто изъ теоріи *полезности*, но изъ теоріи *предѣльной полезности*. Прудонъ, пытаясь найти синтетическое рѣшеніе проблемы цѣнности, долженъ былъ исходить изъ теоріи полезности, такъ какъ теорія предѣльной полезности въ его время еще не была открыта. Поэтому, онъ больше предчувствовалъ правильное рѣшеніе, чѣмъ понималъ его. Его многословныя и запутанныя разсужденія о конституированной цѣнности, надъ которыми издѣвался Марксъ, были, дѣйствительно, мало убѣдительны. Но уже самая постановка задачи, самое пониманіе про-

блемы цѣнности, какъ закона пропорціональности общественнаго производства, была великой заслугой Прудона.

Для Маркса сложное построеніе Прудона сводится къ тривіальности, что цѣнность создается трудомъ. Не удивительно поэтому, что Марксъ находилъ «весьма наивнымъ со стороны Прудона выставлять, какъ революціонную теорію будущаго то, что Рикардо научно обосновалъ, какъ теорію существующаго, буржуазнаго общества, и провозглашать рѣшеніемъ антиноміи потребительной и мѣновой цѣнности то, что Рикардо и его школа задолго до Прудона признала научной формулой *одной* стороны антиноміи, мѣновой цѣнности». Но, какъ намъ еще придется говорить впереди, Марксъ совершенно неправъ, приписывая Рикардо свое собственное пониманіе трудовой теоріи цѣнности. Для Рикардо трудъ былъ не единственнымъ, а только важнѣйшимъ факторомъ цѣнности; Рикардо даже и не ставилъ той задачи, которую пытался рѣшить Прудонъ—открыть, исходя изъ хозяйственнаго принципа, законъ пропорціональнаго распредѣленія общественнаго производства.

Какъ, однако, обстоитъ дѣло съ «наивностью», въ которой Марксъ упрекаетъ Прудона? Что такое трудовая теорія цѣнности,—«революціонная теорія будущаго», иначе говоря, хозяйственный идеалъ, какимъ ее признаетъ Прудонъ, или же теорія существующихъ, капиталистическихъ мѣновыхъ отношеній, какъ полагаетъ Марксъ?

Намъ уже выяснилось изъ предыдущаго «очерка», что однимъ изъ основныхъ условій осуществленія трудовой цѣнности является пропорціональность распредѣленія общественнаго производства. Спрашивается, имѣется ли это условіе въ наличности при капиталистическомъ способѣ производства—при господствѣ свободной конкуренціи и полной анархіи общественнаго хозяйства? Промышленные кризисы, общіе и частичные, и постоянныя колебанія рыночныхъ цѣнъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ объ обратномъ.

Но одной пропорціональности производства еще далеко не достаточно для достиженія трудовой цѣнности: *пока во главѣ производства стоитъ капиталистъ, для котораго человѣческая рабочая сила есть только одна изъ формъ капитала, до тѣхъ поръ издержки производства, а не трудъ регулируютъ среднія цѣны товаровъ.*

Мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ этому вопросу. Замѣтимъ далѣе, что трудовая цѣнность требуетъ для своего осуществленія также и того, чтобы трудъ производителя одинаково вознаграждался въ разныхъ занятіяхъ. Между тѣмъ, огромное неравенство вознагражденія труда въ современномъ обществѣ есть не подлежащій сомнѣнію фактъ. Прудонъ указываетъ на него, какъ на одно изъ препятствій къ конституированію цѣнности. Мы привыкли къ различію оплаты умственнаго и физическаго труда и находимъ совершенно естественнымъ и справедливымъ, что человѣкъ образованный получаетъ, при значительно меньшей затратѣ труда, въ десятки и сотни разъ

больше простого чернорабочаго. Но зависитъ ли эта разница доходовъ того и другого отъ различія производительности труда соотвѣтствующихъ лицъ или же отъ различія ихъ общественныхъ положеній—отъ того, что образованные люди выходятъ изъ достаточныхъ классовъ, а люди физическаго труда изъ рядовъ бѣдняковъ? Не имѣетъ ли огромное различіе оплаты такъ называемаго квалифицированнаго и неквалифицированнаго труда такого же происхожденія, какъ и различіе доходовъ фабриканта и рабочаго—не лежитъ въ основаніи этого различія точно также эксплуатація пролетарія собственникомъ?

Какъ извѣстно, Марксъ отвѣчаетъ на тотъ коренной вопросъ трудовой теоріи цѣнности фикціей равенства квалифицированнаго труда бо̀льшему количеству простого. Марксъ принимаетъ, что лучше оплачиваемые роды труда заключаютъ въ себѣ, какъ бы въ сжатомъ видѣ, умноженное количество простого труда. Законы конкурренціи опредѣляютъ, по словамъ Маркса, сколько дней простаго труда содержится въ одномъ днѣ сложнаго, квалифицированнаго труда.

Эту жалкую теорію, санкціонирующую существующую эксплуатацію и замѣняющую произвольной фикціей объясненіе чрезвычайно важнаго соціальнаго факта, Марксъ противопоставляетъ утвержденію Прудона, что неравная оплата труда есть насиліе однихъ членовъ общества надъ другими и нарушеніе закона трудовой цѣнности. Прудонъ, однако, остается глубоко правымъ, отказываясь признавать различіе оплаты критеріемъ производительности или сложности труда. Съ этимъ долженъ былъ согласиться и Марксъ. Въ одномъ любопытномъ примѣчаніи «Капитала» онъ совершенно разрушаетъ свою фикцію сложнаго труда. «Разница между сложнымъ и простымъ трудомъ,—говоритъ Марксъ,—частью основывается только на мнѣніяхъ или, по крайней мѣрѣ, на различіяхъ, которыя уже давно не представляютъ ничего реальнаго и, превратясь въ условности, держатся еще только на традиціи; частью же она основывается на болѣе безпомощномъ положеніи нѣкоторыхъ слоевъ рабочаго класса, вслѣдствіе чего послѣдніе менѣе другихъ могутъ заставлять предпринимателей оплачивать ихъ рабочую силу по ея цѣнности (См. «Капиталъ», т. I, стр. 144). Но если такъ, то нельзя ссылаться на конкурренцію, какъ на моментъ «опредѣляющій, сколько дней простого неквалифицированнаго труда содержится въ одномъ днѣ сложнаго квалифицированнаго», ибо, по собственному признанію Маркса, конкурренція выполняетъ эту функцію весьма плохо. Одинъ день труда хуже оплачиваемыхъ рабочихъ можетъ содержать нисколько не меньше общественнаго труда, чѣмъ день труда рабочихъ, получающихъ высшую плату; но продуктъ, производимый первыми, въ соотвѣтствіи съ низшими издержками производства, будетъ расцѣниваться на рынкѣ ниже. Слѣдовательно, неравенство оплаты труда въ

капиталистическомъ обществѣ препятствуетъ осуществленію закона трудовой цѣнности.

Мы видимъ, что иронія Маркса не попадаетъ въ цѣль, и что пониманіе трудовой цѣнности Прудономъ, видѣвшимъ въ трудовой цѣнности требованіе равенства и освобожденія рабочаго, слѣдовательно, теорію будущаго, оказывается болѣе глубокимъ, чѣмъ поверхностное пониманіе самого Маркса, переносящаго трудовую расцѣнку продуктовъ въ капиталистическое общество, для котораго категорія трудовой цѣнности скрывается подъ совершенно иной категоріей издержекъ производства. Гораздо основательнѣе Марксъ критикуетъ ученіе Прудона о деньгахъ и его логически несостоятельную утопію уничтоженія власти денежнаго капитала путемъ превращенія всѣхъ товаровъ въ деньги. Утопія эта имѣетъ въ себѣ нѣчто заманчивое, и далеко не одинъ Прудонъ подчинился ея очарованію. Школа Оуэна также увлекалась идеей такой организаціи товарнаго обмѣна, при которой деньги стали бы излишни. Дѣйствительно, при недостаточномъ пониманіи функцій денегъ въ товарномъ хозяйствѣ кажется какой-то аномаліей, что только одинъ товаръ, напр., золото, обладаетъ преимуществомъ передъ всѣми прочими, пользуется прерогативой неограниченнаго сбыта, устойчивой цѣнности и пр. Если золото достигло этого завиднаго положенія на товарномъ рынкѣ, то почему того же самаго не могутъ достигнуть, мало-по-малу, и остальные товары? Отвѣтъ не труденъ. По тому же, почему въ единой системѣ мѣръ единицей мѣры можетъ быть *или* аршинъ, *или* метръ, но не могутъ быть *и* метръ, *и* аршинъ вмѣстѣ. Задача уничтоженія денегъ въ товарномъ хозяйствѣ совершенно аналогична задачѣ созданія такой единицы мѣры, которая была бы равна всѣмъ измѣряемымъ предметамъ. Для чего выбирать одну какую-нибудь произвольную величину, напр., аршинъ, для измѣренія всѣхъ остальныхъ? Не проще ли всякую величину признать единицей мѣры? Нѣтъ, не проще, потому что *единица* не можетъ быть *множественна*. Польза системы мѣръ въ томъ и заключается, что различныя величины выражаются въ *одной* мѣрѣ. По этой же причинѣ, хотя самые различные товары въ разное время были деньгами—они были деньгами не одновременно, а въ исторической послѣдовательности. Если бы даже всѣ товары одинаково были пригодны для роли денегъ, все же мѣриломъ цѣнности сталъ бы только одинъ изъ нихъ.

Ученіе о цѣнности является основаніемъ всей системы «Экономическихъ противорѣчій» Прудона. Послѣдовательно, одну за другой, разсматриваетъ Прудонъ экономическія категоріи, и такъ какъ въ корнѣ ихъ лежитъ противорѣчивая категорія цѣнности, то всѣ онѣ оказываются содержащими въ себѣ внутреннія противорѣчія. Подобно тому, какъ человѣческій умъ изобрѣтаетъ одну гипотезу за другой для разрѣшенія трудной задачи, такъ и міровая мысль,—говоритъ нашъ авторъ,

послѣдовательно создаетъ новыя соціальныя категоріи, все болѣе полно разрѣшающія противорѣчія соціальнаго строя.

Соціальная эволюція начинается съ раздѣленія труда. Раздѣленіе труда даетъ возможность человѣчеству осуществить идею равенства, такъ какъ только при дифференціаціи профессій каждый можетъ заниматься тѣмъ, къ чему онъ наиболѣе способенъ или къ чему онъ чувствуетъ наибольшее влеченіе. Спеціализація труда увеличиваетъ въ огромныхъ размѣрахъ его производительность и открываетъ человѣчеству широкую дорогу къ накопленію богатства и знанія. Но, съ другой стороны, раздѣленіе труда порабощаетъ рабочаго, дѣлаетъ его слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ хозяина, увеличиваетъ нищету и невѣжество низшихъ классовъ народа и передаетъ всѣ блага цивилизаціи небольшой кучкѣ избранныхъ. Новое противорѣчіе, которое разрѣшается новой экономической категоріей—машинами.

Изобрѣтеніемъ машинъ промышленный геній человѣка протестуетъ противъ раздробленія и спеціализаціи труда. Дѣйствительно, что такое машина? Это—соединеніе въ одномъ цѣломъ тѣхъ инструментовъ, которыми раньше работало нѣсколько рабочихъ. Въ этомъ смыслѣ введеніе машинъ, по своимъ результатамъ, прямо противоположно дѣйствію раздѣленія труда. Машина должна уменьшить человѣческій трудъ, понизить цѣны продуктовъ, и сдѣлать эти продукты доступными всѣмъ классамъ населенія. «Машина есть символъ человѣческой свободы, знакъ господства человѣка надъ природой, аттрибутъ нашего могущества, выраженіе нашего права, эмблема нашей личности».

«Но тѣмъ самымъ, что машины уменьшаютъ трудъ рабочаго, онѣ урѣзываютъ и сокращаютъ возможность труда, благодаря чему спросъ на трудъ все болѣе и болѣе падаетъ и не достигаетъ предложенія. Правда, мало-по-малу пониженіе цѣнъ продуктовъ увеличиваетъ потребленіе послѣднихъ и рабочій находитъ новый заработокъ; но такъ какъ промышленныя изобрѣтенія безостановочно слѣдуютъ другъ за другомъ и безпрерывно замѣняютъ механическими операціями человѣческій трудъ, то существуетъ постоянная тенденція къ обрѣзыванію труда и отстраненію рабочаго отъ производства... Вытѣсненіе рабочаго есть хроническое бѣдствіе, непрерывное и неизбѣжное, нѣчто вродѣ холеры, которая появляется то подъ видомъ Гуттенберга, то Акрайта; здѣсь она называется Жаккардомъ, тамъ Джемсомъ Уаттомъ, въ другомъ мѣстѣ маркизомъ Жоффруа».

«Машины, также какъ и раздѣленіе труда, суть при господствующей системѣ соціальной экономіи, одновременно источникъ богатства и постоянная и фатальная причина нищеты». Нерѣдко машины вводятся со спеціальной цѣлью борьбы съ рабочими; такъ, станокъ Шарпа и Робо былъ введенъ въ Манчестерѣ для того, чтобы побѣдить стачку рабочихъ, не соглашавшихся на пониженіе заработной платы. Но, вытѣсняя рабочихъ машинами, фабриканты сами себѣ роютъ

яму, ибо рабочіе суть потребители машинныхъ издѣлій, и сокращеніе числа рабочихъ равносильно сокращенію рынка для сбыта издѣлій.

Машинная работа оказываетъ губительное дѣйствіе на организмъ рабочаго и вызываетъ въ фабричныхъ странахъ прямое вырожденіе населенія. Въ Англіи наблюдается, одновременно съ развитіемъ фабричнаго производства, такое увеличеніе пауперизма, что ростъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ идетъ быстрѣе роста населенія.

Пролетаріатъ есть прямое порожденіе машинъ. «Крупная мастерская есть первая, простѣйшая и самая могущественная машина». Увеличивая примѣненіе машинъ, мы не дѣлаемъ трудъ рабочаго легче, напротивъ, фабричная работа и тяжелѣе и непріятнѣе прежняго ручного труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, машина унижаетъ рабочаго, превращая его изъ искуснаго ремесленника въ простого чернорабочаго. «Каковъ бы ни былъ прогрессъ механическаго знанія, сколько бы ни изобрѣтали машинъ еще во сто разъ болѣе удивительныхъ, чѣмъ прядильная машина «Дженни», паровой ткацкій станокъ и цилиндровый печатный станокъ, какія бы новыя силы, еще въ сотни разъ могущественнѣе пара, ни открывали,—все же всѣ эти изобрѣтенія не только не дадутъ свободы человѣчеству, не увеличатъ его досуга и не улучшатъ потребленія, но, напротивъ, умножатъ трудъ, усугубятъ рабство, удорожатъ жизнь и еще болѣе углубятъ пропасть, раздѣляющую господствующій и наслаждающійся классъ отъ класса подчиненнаго и страдающаго».

Свободная конкуренція представляетъ собой слѣдующую категорію экономическаго строя. Всѣмъ извѣстны выгоды свободной конкуренціи, столь восхваляемые экономистами. Но экономисты упускаютъ изъ виду фундаментальную истину, что «конкуренція убиваетъ конкуренцію». Геометрія незнаетъ истины болѣе несомнѣнной. Правда, экономисты говорятъ намъ, что во всемъ нужно различать правильное пользованіе отъ злоупотребленія. Есть конкуренція благородная, заслуживающая высокой похвалы — это соревнованіе. Но есть конкуренція гибельная, безнравственная и разрушительная—это эгоизмъ. Точно также экономисты требуютъ чтобы мы различали хорошую и дурную сторону экономическихъ категорій, и надѣются сохранить хорошую сторону и устранить дурную. Экономисты не отрицаютъ, что конкуренція приводитъ къ своей противоположности—монополіи; но они видятъ въ этомъ лишь злоупотребленіе. Однако, говоритъ Прудонъ, монополія не есть злоупотребленіе конкурренціей, а естественный и неустраненный принципъ послѣдней. «Монополія есть фатальное завершеніе конкурренціи, непрерывно порождающей монополію, какъ свое отрицаніе; въ этомъ заключается и оправданіе монополіи. Такъ какъ конкуренція присуща обществу, какъ движеніе присуще живымъ существамъ, то и монополія, слѣдующая за конкуренціей, составляющая ея цѣль и предѣлъ, безъ которыхъ конкуренція была бы непріемлема, должна быть признаваема

столь же законной». Въ ожесточенной экономической борьбѣ побѣждаетъ сильнѣйшій, становящійся монополистомъ. Чѣмъ сильнѣе конкуренція, тѣмъ неизбѣжнѣе монополія. И мы видимъ, что монополія захватываетъ все новыя и новыя области хозяйства. И въ земледѣліи, и въ промышленности, и въ торговлѣ монополія становится господствующей. Благодаря этому, растутъ производительныя силы общества; коллективные рабочіе, объединенные монополистомъ, производятъ больше разъединенныхъ рабочихъ. Но монополія въ то же время есть могущественнѣйшая причина общественнаго упадка. Latifundiae perdidere Italiam! Монополія стремится не къ созданію наибольшей суммы общественнаго благосостоянія, а къ доставленію наибольшаго дохода монополисту. Ради увеличенія своего дохода монополисты готовы сократить сумму производимыхъ продуктовъ — иначе говоря пожертвовать общимъ благосостояніемъ ради своего собственнаго. Монополія въ корнѣ противоположна равенству.

Подобнымъ образомъ Прудонъ послѣдовательно разбираетъ экономическія категоріи—налоги, торговлю, кредитъ, и, наконецъ, собственность и коммунизмъ. Во всемъ онъ находитъ внутреннія противорѣчія, разрѣшеніе которыхъ возможно будетъ лишь тогда, когда будетъ разрѣшено лежащее въ основѣ современной хозяйственной системы противорѣчіе цѣнности, когда законъ трудовой цѣнности получитъ свое полное осуществленіе. Въ заключеніе Прудонъ критикуетъ ученіе Мальтуса и противопоставляетъ его формулѣ,—что населеніе растетъ въ геометрической, а средства существованія въ ариѳметической прогрессіи—свою собственную гласящую, что средства существованія растутъ, какъ квадраты числа рабочихъ. Нечего и говорить, что обѣ формулы—и Мальтуса и Прудона—одинаково произвольны.

Таково содержаніе «Экономическихъ противорѣчій», далеко оставляющихъ за собой по глубинѣ и зрѣлости мысли первое экономическое сочиненіе Прудона, удостоившееся горячихъ похвалъ Маркса. Несмотря на то, что авторъ совершенно произвольно распредѣляетъ свои экономическія категоріи, которыя не только не соотвѣтствуютъ послѣдовательности историческаго развитія, но и не подчинены никакому логическому правилу и столь же успѣшно могли бы быть размѣщены въ обратномъ или въ какомъ-либо иномъ порядкѣ, «Экономическія противорѣчія» содержатъ въ себѣ такую глубокую критику капиталистическаго строя, что большинству послѣдующихъ критиковъ капитализма оставалось только развивать или модифицировать мысли Прудона. Какъ мы уже говорили выше, и Марксъ былъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Прудона. И это неудивительно, такъ какъ Прудонъ былъ первымъ замѣчательнымъ экономистомъ, примѣнившимъ въ широкомъ объемѣ гегелевскій методъ діалектическаго развитія къ изслѣдованію экономическихъ категорій. Тому же методу слѣдовалъ и Марксъ. Правда, Марксъ утверждаетъ въ «Нищетѣ

философіи», что Прудонъ совершенно не понималъ метода Гегеля. По его словамъ, «для г. Прудона каждая экономическая категорія имѣетъ двѣ стороны, дурную и хорошую... Хорошая и дурная сторона, преимущество и недостатокъ, образуютъ для г. Прудона противорѣчіе экономической категоріи. Задача, требующая разрѣшенія: сохранить хорошую сторону и устранить дурную... Г. Прудонъ знаетъ изъ гегелевской діалектики только форму выраженія».

Разумѣется, если бы методъ Прудона сводился къ банальности, что все имѣетъ дурную и хорошую сторону, то это было бы плохой діалектикой! Но и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, критика Маркса явно несправедлива. Прудонъ отлично понималъ поверхностность такого трактованія соціальныхъ явленій, въ которомъ его упрекаетъ Марксъ. Это видно изъ того, что, какъ мы только что видѣли выше, въ этомъ самомъ Прудонъ обвинялъ экономистовъ и соціалистовъ, и почти тѣми же словами, какъ и Марксъ. Прудонъ зналъ не хуже Маркса, что такъ называемая дурная сторона общественныхъ категорій и есть движущая сила общественнаго, развитія. Онъ говоритъ, напр., въ «Экономическихъ противорѣчіяхъ» по поводу монополіи: «Такъ называемыя злоупотребленія монополіи суть не что иное, какъ естественный результатъ развитія, въ отрицательномъ направленіи, всѣми одобряемой формы монополіи; эти злоупотребленія не могутъ быть отдѣлены отъ ихъ основанія, принципа монополіи, безъ того, чтобы самый принципъ не былъ уничтоженъ». Та же точка зрѣнія—что хорошая и дурная сторона экономическихъ категорій неразрывно соединены въ самомъ принципѣ послѣднихъ, благодаря чему рѣшеніе экономическихъ противорѣчій заключается не въ устраненіи дурной стороны, а въ дальнѣйшемъ экономическомъ развитіи, въ возникновеніи новыхъ и высшихъ соціальныхъ формъ, примиряющихъ противорѣчія низшихъ формъ, проходитъ сквозь всю разсматриваемую работу Прудона.

Задача «Экономическихъ противорѣчій» была чисто критическая. Правда, Прудонъ уже и въ этомъ сочиненіи довольно ясно далъ понять, въ чемъ онъ видитъ рѣшеніе соціальнаго вопроса; конституированіе цѣнностей всѣхъ товаровъ, уничтоженіе господствующей роли денегъ—вотъ въ чемъ заключалось искомое рѣшеніе. Но какъ достигнуть этой великой задачи? На это Прудонъ отвѣчаетъ въ другой книгѣ: «Résumé de la question sociale» (1849). Онъ подымаетъ свой старый вопросъ—что такое собственность—и рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что собственность, при современныхъ условіяхъ хозяйства, есть не что иное, какъ своего рода привилегія на полученіе сбора, пошлины съ продуктовъ, поступающихъ въ оборотъ съ циркуляціи товаровъ.

Въ прежнее время собственность давала возможность человѣку независимо отъ всего остального міра пользоваться плодами принадлежавшаго ему имущества. Такъ было во времена римской имперіи и

въ средніе вѣка, когда въ Европѣ господствовало натуральное хозяйство. Каждый собственникъ былъ маленькимъ центромъ своей хозяйственной сферы и не нуждался ни въ продажѣ своихъ продуктовъ, ни въ покупкѣ продуктовъ чужого труда. Но въ настоящее время собственникъ самъ по себѣ, безъ помощи своихъ согражданъ, не можетъ просуществовать и нѣсколькихъ недѣль. Онъ долженъ покупать и продавать, если не желаетъ умереть съ голоду. Собственникъ въ настоящее время—это человѣкъ, обладающій процентными бумагами, доходъ которыхъ зависитъ отъ обмѣна, обладающій деньгами, лежащими въ банкѣ, который существуетъ только обмѣномъ, товарами, предназначенными для продажи, землями, которыя приносятъ доходъ, если продукты находятъ сбытъ домами, которые были бы мертвымъ капиталомъ, если бы не отдавались въ наемъ, и т. д. и т. д.

Если циркуляція товаровъ въ обществѣ совершается безпрепятственно, то собственность доставляетъ доходъ. Если же товарный обмѣнъ разстраивается и пріостанавливается, то и привилегія собственности утрачиваетъ свое экономическое значеніе—доходы собственника исчезаютъ. Собственность подобна пошлинѣ, взимаемой за проходъ судовъ по каналу. Реформируя механизмъ товарнаго обращенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ реформируемъ и право собственности, со всѣми его гибельными послѣдствіями.

Но какая сила регулируетъ въ настоящее время обращеніе товаровъ и деспотически управляетъ ихъ движеніемъ? Эта сила—деньги. Слѣдовательно и рѣшеніе соціальнаго вопроса должно заключаться въ реформѣ денежнаго обращенія. Денежный капиталъ долженъ утратить свою деспотическую власть.

Для достиженія этой цѣли Прудонъ предлагаетъ устройство мѣнового банка, во многомъ напоминающаго рабочую биржу Оуэна, съ тѣмъ различіемъ, что Оуэнъ стремился только къ устраненію денегъ въ роли мѣнового посредника, между тѣмъ какъ Прудонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлъ достигнуть своимъ мѣновымъ банкомъ и другой цѣли—дарового, безпроцентнаго кредита.

Мы не будемъ повторять сказаннаго выше (по поводу рабочей биржи Оуэна) о невозможности обезпечить сбытъ всѣхъ товаровъ путемъ замѣны денегъ какими-либо условными знаками и организаціи безденежнаго обмѣна товаровъ. Не организація сбыта, а организація общественнаго производства, замѣна анархическаго индивидуальнаго хозяйства планомѣрнымъ общественнымъ хозяйствомъ — вотъ что требуется для того, чтобы продукты всегда находили сбытъ. Мѣновой банкъ Прудона былъ несомнѣнной утопіей, хотя отнюдь не соціалистической. Прудонъ надѣялся сохранить неприкосновенной индивидуальную свободу производителя и въ то же время избавить рабочаго отъ власти предпринимателя путемъ безпроцентнаго кредита. Но гдѣ найти капи-

талы для неограниченнаго кредита? Прудонъ повторяетъ здѣсь ошибку многихъ буржуазныхъ экономистовъ, приписывавшихъ кредиту чудесную способность создавать богатство изъ ничего. Классическимъ и неподражаемымъ образчикомъ и вмѣстѣ родоначальникомъ этихъ утопистовъ кредита былъ кредитный Каліостро XVIII вѣка—шотландецъ Джонъ Лоу, заразившій своимъ безуміемъ чуть не всю французскую націю, закружившій ее въ вихрѣ неистовой биржевой игры, ослѣпившей ее миражомъ фантастическихъ сказочныхъ богатствъ, лопнувшихъ, какъ мыльный пузырь. Весьма характерно, что Прудонъ относился съ большой симпатіей къ Лоу и даже заявлялъ въ «Экономическихъ противорѣчіяхъ», что истинныя идеи Лоу еще никѣмъ не поняты надлежащимъ образомъ и что, будучи правильно поняты, онѣ могутъ произвести настоящій переворотъ въ народномъ хозяйствѣ.

Такой переворотъ долженъ былъ осуществить мѣновой, или, какъ впослѣдствіи его назвалъ Прудонъ, народный банкъ. Съ своимъ обычнымъ избыткомъ темперамента, нашъ авторъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ возвѣстилъ о своемъ новомъ предпріятіи. «Я начинаю дѣло, равнаго которому не было и не будетъ въ мірѣ. Я хочу измѣнить основаніе общества, повернуть ось цивилизаціи, сдѣлать такъ, чтобы міръ, который по волѣ Божества движется съ запада на востокъ, началъ двигаться, по волѣ человѣка, съ востока на западъ». И всѣ эти чудеса долженъ былъ произвести скромный «народный банкъ» съ капиталомъ въ 50.000 франковъ!

Къ счастью для Прудона, судьба избавила его отъ разочарованія и нѣкотораго конфуза, который не могъ не сопровождать неизбѣжнаго жалкаго крушенія предпріятія, начатаго съ такими необычайными обѣщаніями. Въ дѣло вмѣшалось попечительное правительство Луи Бонапарта, позаботившееся о томъ, чтобы «ось цивилизаціи» не пострадала: какъ разъ въ самое горячее время, наканунѣ открытія операціи банка, Прудонъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. За отсутствіемъ главнаго руководителя, «народный банкъ», акціи котораго парижскій рабочій классъ раскупалъ очень охотно, долженъ былъ немедленно закрыться.

Идея «народнаго банка» была, по всей вѣроятности, внушена Прудону Оуэномъ. Подобное же предпріятіе, впрочемъ, существовало въ 40-хъ годахъ и во Франціи: за нѣсколько лѣтъ до февральской революціи былъ закрытъ въ Марселѣ мѣновой банкъ Мацеля, просуществовавшій цѣлыхъ 16 лѣтъ. По этому поводу враги обвиняли нашего автора въ плагіатѣ, но онъ утверждалъ, что впервые познакомился съ банкомъ Мацеля лишь тогда, когда уставъ его собственнаго банка былъ уже опубликованъ. Кромѣ того, между двумя банками было то существенное различіе, что Мацель отнюдь не задавался цѣлями всеобъемлющей экономической реформы, не стремился къ даровому кредиту и ставилъ себѣ болѣе скромную задачу—устроить нѣчто вродѣ коммис-

сіонной конторы по сбыту товаровъ. Пока банкъ былъ очень остороженъ въ пріемѣ товаровъ—дѣло шло; но въ концѣ концовъ, банкъ закрылся вслѣдствіе скопленія непроданныхъ товаровъ въ его распоряженіи.

Другой мѣновой банкъ былъ основанъ въ 1849 г. въ Марселѣ Боннаромъ и просуществовалъ около 10 лѣтъ. Закрытіе банка было вызвано судебнымъ процессомъ, возбужденнымъ однимъ недовольнымъ кліентомъ банка, претендовавшимъ на то, что банкъ предлагалъ ему въ обмѣнъ на его доброкачественный товаръ никому не нужную залежь.

Какъ видимъ, предпріятія такого рода были неоднократно испробованы на практикѣ, и хотя большого успѣха не имѣли, но все же могли нѣкоторое время держаться и съ грѣхомъ пополамъ удовлетворять своему назначенію. При болѣе искусномъ и осторожномъ веденіи дѣла ихъ существованіе могло бы быть еще болѣе продолжительнымъ, но, разумѣется, отъ коммиссіонныхъ товарныхъ конторъ безконечно далеко до «рѣшенія соціальнаго вопроса».

Въ заключеніе отмѣтимъ, что Прудонъ считается создателемъ теоріи анархизма, превосходящаго по своей утопичности всѣ соціалистическія теоріи, къ которымъ нашъ авторъ относился съ такимъ осужденіемъ.

М. Туганъ-Барановскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ.

Съ польскаго.

Повѣсть **Г. Даниловскаго**.

Перев. А. И. Я—ъ.

I.

Въ родномъ гнѣздѣ.

— Викторъ, далеко еще?

— Ѳедька говоритъ, отъ поворота будетъ съ милю, а на самомъ дѣлѣ полторы, да и по тракту кусочекъ; а потому, по примѣру нашего первенца, совѣтую тебѣ прикурнуть въ уголкѣ и заснуть; какъ пріѣдемъ, разбужу... Что, устала, котикъ? Вѣдь говорилъ я—это немножко дальше, чѣмъ отъ Мокотова до Муранова,—шутливо закончилъ Викторъ.

— Такъ красиво, какъ тутъ спать!—отвѣтила сонными голосомъ Марыня.—Знаешь, мнѣ и любопытно, и страшновато...

— Это отчего?

— Да такъ, развѣ я знаю отчего? Что-то будетъ... можетъ, и не обрадуются...—прошептала Марыня и приподняла свое блѣдное личико, черты котораго при свѣтѣ луны казались еще тоньше, чѣмъ обыкновенно.

Викторъ съ возбужденнымъ видомъ вглядывался въ дорогія черты и, замѣтивъ въ нихъ легкую тѣнь печали, почувствовалъ уколъ въ сердце. И тутъ же всѣ тайныя заботы, совершенно забытыя на время, напали на него, какъ потревоженное гнѣздо осъ, съ докучливымъ жужжаніемъ старающихся каждая уколоть ядовитымъ жаломъ въ израненное мѣсто. Но онъ, какъ опытный пасѣчникъ, привычный къ нападеніямъ разсерженнаго роя, не отгонялъ ихъ и произнесъ съ упрекомъ:

— Ба, вотъ пустяки! не будутъ рады! а ну-ка, поспоримъ, сударыня, что они не спятъ и ожидаютъ; Игнатій сидитъ у себя въ музеѣ, какъ на иголкахъ, а Бэля хлопочетъ насчетъ ужина; съ самаго начала примется насъ откармливать; она, вѣдь, думаетъ, что въ городѣ не ѣдятъ, а потому если хочешь привлечь ее сразу на свою сторону, уплетай во всю, иначе она обидится, а если и обидится, такъ не огорчайся, ибо первая же и извинится. Она потѣшная!—продолжалъ онъ,

вдаваясь въ воспоминанія.—Нога у нея большая, а башмачокъ и того больше: Игнатій—погибъ совсѣмъ... Должно быть, у нихъ ужъ подросли сорванцы... Правда, кажется и немного времени, а Зыгмусю, вѣроятно, уже семь лѣтъ, поди-ка! Мечиславу около пяти, Аврелѣ три, а послѣднему бутузу годъ... Мы и то смѣемся надъ нею, что она, точно свекольная разсада, черезъ лѣто плоды приноситъ... Игнасю будетъ съ кѣмъ подраться... Спи, Марыня, спи и не тревожься!

И черезъ минуту прибавилъ:

— Отведутъ намъ комнаты наверху. Изъ оконъ липы, паркъ, Снивода... Ты права, красивый край! Спишь, Марыня?

Марыня, уткнувшись въ глубину экипажа, сидѣла съ закрытыми глазами, но не спала еще.

Она никогда раньше не была въ Кленовѣ, но мужъ ей часто разсказывалъ о родномъ гнѣздѣ и его обитателяхъ, и слова его теперь возстановляли въ ея памяти рядъ туманныхъ образовъ, связанныхъ съ милымъ представленіемъ о тихой, мирной жизни и добрыхъ людяхъ. А ночь къ тому же была теплая, ясная и невозмутимо-спокойная.

По обѣимъ сторонамъ тракта за высокими насыпями дорожныхъ рвовъ простирались холмистыя пространства сжатыхъ полей, кое-гдѣ усѣянныхъ выроставшими въ темнотѣ ночи силуэтами сноповъ.

На высокомъ, темносинемъ небосклонѣ, точно схваченномъ въ зенитѣ серпомъ луны, дрожали большія капли звѣздъ и маленькіе частые метеоры скатывались по небу, какъ голубыя слезы; тамъ и сямъ блуждали бѣлыя полупрозрачныя облачка, слабый вѣтерокъ едва перебиралъ ласкающимъ крыломъ волны воздуха, теплаго на холмахъ и холоднаго въ сырыхъ долинкахъ, откуда изъ чащи камышей изрѣдка доносилось мѣрное хриплое покрикиваніе коростеля.

Экипажъ быстро подвигался впередъ, мѣрно покачиваясь время отъ времени, конь фыркалъ, и Ѳедьда отвѣчалъ ему: «На здоровье!» Унылый колокольчикъ временами перебивался, а черезъ минуту снова поспѣшно схватывалъ утерянный тактъ. А Марыня ощущала пріятную теплоту дремлющаго на рукахъ сына и близость Виктора, который любилъ бормотать про себя различныя чужія и собственныя риѳмы, и какъ разъ теперь слагалъ для нея какіе-то чудные стихи. Но надо всѣмъ преобладало въ ней чувство необыкновеннаго облегченія, точно она миновала опасный закоулокъ, гдѣ подстерегалъ ее ночной разбойникъ, чтобы отнять у нея все ея счастье, обезчестить и забросить одну въ безлюдномъ мѣстѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ безпокойство вселилось въ нее; точно трепетная птица билась въ ея груди до потери силъ, по малѣйшему поводу взъерошивая свои жесткія перья, выпуская кривые когти и острый клювъ; теперь эта птица лежала безъ силъ въ мягкомъ пуху своихъ черныхъ крыльевъ. Воспоминанія недавнихъ дней постоянной тревоги и ночей, полныхъ страховъ, поя-

вялись еще изрѣдка, но какъ блѣдныя отраженія прошлаго, которыя возставали въ памяти, не причиняя болѣе страданія.

Въ глубинѣ души ея слагались теплыя молитвы, безъ словъ, полныя чувства искренней благодарности къ этой ясной ночи, свободному простору, чистому небу. Ей казалось, что она плаваетъ въ туманѣ, ласкающемъ, какъ нѣжныя руки матери, плыветъ все медленнѣе, медленнѣе и тише... колыбелька остановилась... и все исчезло.

И уже во снѣ придавилъ ее всею тяжестью своего отвратительнаго, чудовищнаго тѣла кошмаръ, страшный, безформенный; она силилась крикнуть: «Не сплю!.. Викторъ!.. Знаю!..» но крикъ ея застылъ въ сжатой гортани, и она только нервно вздрогнула.

Въ это время экипажъ свернулъ на проселочную дорогу, колеса подскочили нѣсколько разъ на подвижныхъ, какъ клавиши, доскахъ моста; сильнѣе сжались рессоры. Ѳедька припустилъ лошадей, которыя, почуявъ близость дома, ржали все чаще и ускоряли рысь.

Было уже около полуночи, а въ кленовской усадьбѣ царствовало оживленное движеніе. Въ буфетной шумѣлъ самоваръ среди звона перетираемой посуды; въ большихъ сѣняхъ, выложенныхъ каменными плитками, усердно коптила большая бронзовая лампа, а въ различныхъ углахъ дома раздавался не въ мѣру повышенный голосъ Бэли, совершающей обрядъ головомойки сонной прислугѣ.

Панъ Игнатій бродилъ изъ угла въ уголъ въ своей комнатѣ, которая дѣйствительно походила болѣе на музей древностей или рабочій кабинетъ ученаго, чѣмъ на кабинетъ сельскаго хозяина. Ибо поскольку теперешній владѣлецъ Кленова любилъ рыться въ окрестныхъ курганахъ и городищахъ и старательно собиралъ всякія древности, постольку чисто по обязанности объѣзжалъ онъ нѣсколько разъ въ недѣлю уменьшившіяся границы своихъ владѣній, чтобы вселить въ приказчиковъ убѣжденіе, что онъ бодрствуетъ. На самомъ дѣлѣ бодрствовала энергичная Бэля и старшій управляющій, панъ Боровскій, который считалъ за собой много, отчасти мнимыхъ, долговъ признательности къ отцу обоихъ Гинтовтовъ, выплачивалъ имъ фанатичной привязанностью ко всему, что хоть немного касалось Кленова, и добросовѣстно разъѣзжалъ по полямъ съ утра до ночи.

Игнатій былъ значительно старше брата, и когда онъ праздновалъ свадьбу, Викторъ, въ новенькомъ студенческомъ мундирѣ, такъ усердно танцовалъ съ его женой, что чуть не уморилъ ея до полусмерти, первый прозвалъ ее Белладоной и къ концу вечера въ первый разъ въ жизни напился тоже до полусмерти. Несмотря на разницу лѣтъ, настроеній и темпераментовъ, братья искренно любили другъ друга, причемъ разсудительный флегматикъ Игнатій позволялъ вертѣть собой младшему брату, который былъ воплощеніемъ энтузіазма и жизни, бьющей ключомъ. Вообще въ Кленовѣ никто не могъ остановить тотъ бурный потокъ, въ который превращался Викторъ, если хотѣлъ скло-

нить къ чему-нибудь кого-либо изъ окружающихъ, убѣдить въ чемъ-либо или завлечь въ какое угодно смѣлое предпріятіе. Уступала ему даже Бэля, говорившая громко, что просто чувствуетъ симпатію къ этому безумцу, а втихомолку—втайнѣ отъ самой себя—на днѣ этой симпатіи покоилось зернышко болѣе живого чувства.

Однако было и такое время, когда отношенія между братьями были сильно натянуты. Уже на второй годъ своего пребыванія въ университетѣ, во время лѣтнихъ каникулъ, Викторъ началъ вести съ братомъ горячіе споры, которые кончались взаимнымъ раздраженіемъ обѣихъ сторонъ и на долгое время отравляли всѣмъ расположеніе духа. Всего хуже было, если Бэлѣ удавалось ихъ обоихъ нѣсколько успокоить, тогда они начинали мириться, пробуя каждый привести свои доводы, и снова залъ гремѣлъ отъ шумныхъ споровъ и ударовъ кулакомъ по столу, причемъ жестикуляція съ обѣихъ сторонъ достигала такихъ размѣровъ, что иногда Бэлѣ приходилось внезапно тушить лампу, чтобы прервать неумѣстную сцену.

Это не были праздные споры, только состязаніе въ краснорѣчіи, вызванное желаніемъ сказать послѣднее слово, потому что среди вспышекъ увлеченія часто звучали нотки искренняго сожалѣнія, что они не могутъ понять другъ друга, и даже въ самыхъ упорныхъ столкновеніяхъ проявлялось неясно сознаваемое желаніе найти такой путь, на которомъ можно было бы броситься другъ другу въ объятія. Инстинктивно чувствовали оба, а въ особенности Викторъ, что, несмотря на всю разницу убѣжденій, противоположность, казалось бы, основныхъ принциповъ, въ глубинѣ ихъ душъ существуютъ какія-то точки соприкосновенія, еще болѣе тѣсныя связи, которыя стихійно притягиваютъ другъ къ другу людей изъ наиболѣе крайнихъ лагерей.

Но не одно это чувство руководило ими, ибо они искренно любили другъ друга. И вотъ они старались выразить уваженіе къ воззрѣніямъ другъ друга, разобраться во всѣхъ противорѣчіяхъ, но, какъ бываетъ большею частью, въ пылу спора только обострялись ихъ положенія и даже довольно близкія по существу мысли, послѣдовательно развиваясь, приводили иногда положительно къ чудовищнымъ слѣдствіямъ, предъ которыми могъ не остановиться разгоряченный мозгъ, но должно было содрогнуться главное въ человѣкѣ—совѣсть. Бэля, хотя и не особенно хорошо понимавшая, о чемъ спорятъ братья, умѣла схватывать на лету моменты черезчуръ сильнаго увлеченія и со свойственнымъ ей тактомъ во время раскрыть имъ глаза; затѣмъ, стараясь каждаго порознь припереть къ стѣнѣ, доводила ихъ до чистосердечнаго признанія: «А, да ну, сорвалось съ языка».

— А если сорвалось, то и успокойтесь, а то и еще что-нибудь «сорвется»,—строго отчитывала ихъ Бэля и въ качествѣ доказательства приводила, что вотъ ужъ и прислуга подтруниваетъ надъ ними, и что, кромѣ того, они даютъ людямъ дурной примѣръ и, «пусть я буду

не я, если не по вашему примѣру Ѳедька опять подрался съ приказчикомъ изъ-за оброка!»

Если при этомъ находился и панъ Боровскій, то недовольный подобными отношеніями между братьями и распущенностью слугъ, онъ съ своей стороны всегда считалъ нужнымъ добавить:

— Ваши слова—святая истина! Да что тутъ и разсуждать: только бы человѣкъ Бога не забывалъ, тогда и все хорошо, а все остальное—фармазонскія выдумки.

Хотя панъ Боровскій эти слова обращалъ, главнымъ образомъ, по адресу горячаго Виктора, но бывали минуты, когда тотъ самъ признавалъ, что старый управляющій высказывалъ глубочайшую истину.

Сознавать это Викторъ началъ съ того времени, когда вновь пріобрѣтенныя имъ понятія, сначала касавшіяся его только поверхностно и покоившіяся исключительно на доводахъ разсудка, укоренились въ немъ глубже, сроднились тѣснѣе съ его душою и потеряли острые контуры схематическаго рисунка, оживились подъ вліяніемъ теплаго чувства.

Послѣ продолжительной внутренней борьбы, обѣ стороны его души—разсудочная и интуитивная, слились, наконецъ, въ чрезвычайно гармоничное однородное цѣлое, одаренное чуткою способностью съ ужасающею ясностью сознавать и мучительно чувствовать сущность вещей и людскихъ отношеній.

Однако, вскорѣ, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ интересными для него сферами людей, Викторъ убѣдился, что только съ абстрактной точки зрѣнія можно ихъ считать за какую-то историческую группу, призванную къ выполненію идеальной и почетной миссіи, а дѣйствительно они представляютъ лишь сборище людей, добрыхъ и злыхъ, изъ которыхъ одни борятся за свои права, сохраняя Бога въ сердцѣ, другіе инымъ путемъ.

Для него было сильнымъ разочарованіемъ, когда онъ открылъ, что находитъ не разъ отраженіе своего божества въ сердцахъ тѣхъ людей, которые явно противорѣчили ему, а безсознательно—себѣ. А потому онъ пріучалъ себя распознавать и схватывать эти святыя черты среди хаоса ложныхъ разсужденій, отыскивать ихъ подъ грудою предразсудковъ, извращенныхъ понятій; вылавливать изъ сѣти логическихъ выводовъ, открывать подъ наружностью какъ добродѣтели, такъ и порока, и достигъ въ этомъ отношеніи замѣчательнаго искусства.

Благодаря этому и кое-чему другому, Викторъ даже и среди своихъ единомышленниковъ считался въ извѣстной мѣрѣ отступникомъ. Доктринеры упрекали его въ нѣкоторомъ «мистицизмѣ», выражая опасенія, что слишкомъ широкое пониманіе многихъ вопросовъ можетъ его завести въ непроходимыя дебри; но все это дѣлалось втихомолку; открыто никто не отваживался выступить; черезчуръ ужъ явно и искренно терзалось его бѣдное сердце, преданное міру, а въ душѣ гремѣлъ гнѣвъ

Божій. Къ тому же онъ обладалъ удивительнымъ вліяніемъ на окружающихъ, которыхъ располагалъ къ себѣ съ перваго взгляда, вызывая даже у непримиримыхъ враговъ удивленіе, граничащее почти съ уваженіемъ.

И когда Виктору снова, по окончаніи университета, пришлось провести довольно долгое время въ Кленовѣ, отношенія между братьями улучшились сами собою. Оба избѣгали споровъ, въ особенности Викторъ, который вообще не охотно дѣлился своими планами на будущее и отдѣлывался отъ совѣтовъ брата общими фразами или шутками.

— Кончилъ я юридическій факультетъ—буду защитникомъ...—говаривалъ онъ.

А панъ Игнатій огорчался и безпокоился; однако, противорѣчить не рѣшался. Гордый Витя выросъ и возмужалъ, превращаясь во всѣхъ отношеніяхъ въ Виктора. Младенческій пылъ и порывистый энтузіазмъ превратился въ яркій огонь, горящій ровнымъ, непрерывнымъ и чрезвычайно высокимъ пламенемъ.

Игнатій ощущалъ этотъ пламень, безсознательно преклонялся передъ нимъ и не пытался уже гасить его.

Викторъ вернулся въ городъ, рѣшивъ тамъ поселиться. Въ Кленовѣ бывалъ рѣдко, проѣздомъ и на короткій срокъ, привозилъ съ собою обыкновенно какую-нибудь новость, былъ всегда въ прекрасномъ расположеніи духа, которое понемногу сообщалось и окружающимъ, всѣ вспоминали старое доброе время, а когда онъ уѣзжалъ, при прощальныхъ объятіяхъ зарождалась снова тѣнь тревоги и опасеній и частенько отравляла Игнатію мирный покой сельскихъ ночей до полученія письма или новаго посѣщенія брата.

Письма Виктора, писанныя изъ различныхъ мѣстъ, обыкновенно отличались лаконичностью и телеграммнымъ стилемъ. Какъ вдругъ, однажды послѣ продолжительной разлуки и перерыва въ перепискѣ, обезпокоенный слухами Игнатій получилъ въ отвѣтъ на вопросительную телеграмму, посланную на имя одного изъ родственниковъ, живущихъ въ городѣ, саженное письмо отъ брата, въ которомъ оказалось, между прочимъ, слѣдующее:

«... Теперь ужъ нечего скрываться; я женатъ, и двухлѣтній сынокъ мой въ честь тебя названъ Игнатіемъ; de jure наша свадьба состоялась сравнительно недавно, de facto мы поженились три года тому назадъ. Проступокъ противъ отжившаго догматизма—всецѣло мой проступокъ—исправленъ, и даже самая ярая ханжа не можетъ бросить ни одного упрека въ глаза нашимъ отношеніямъ... То, что я хранилъ это передъ вами втайнѣ, зависѣло, главнымъ образомъ, отъ опасенія, чтобы вы, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія не задѣли моей Марыни, чего я не могъ бы перенести, хотя бы мнѣ и угрожала опасность потерять навсегда ваше мирное и тихое гнѣздышко, гдѣ истерзанный человѣкъ всегда найдетъ мирный пріютъ и отдыхъ душевный. Жена моя

учительница, или, лучше сказать, была ею сначала, потомъ была портнихой, по происхожденію мѣщаночка, но въ общемъ такое милое существо, что часто заставляетъ меня восторгаться ею. Если хотите, могу— и даже было бы мнѣ на руку—пріѣхать къ вамъ въ гости съ семьей...»

Дальше слѣдовали всякаго рода извѣстія, нѣкоторыя даже не вполнѣ ясныя, но все это проскользнуло незамѣченнымъ, въ виду факта, что Викторъ женатъ и уже отецъ. Супруги остолбенѣли. Игнатій былъ ошеломленъ. Бэля обижена и немного шокирована, однако, въ концѣ концовъ, оба отправили сердечное письмо, въ которомъ бросались въ глаза подчеркнутые рукою Игнатія слова: «Для меня и Бэли, жена твоя, Викторъ, всегда будетъ нашей невѣсткой, а Игнась—племянникомъ». Случилось это недѣлю тому назадъ и теперь въ Кленовѣ ожидали гостей.

Пани Изабэлла рѣшила принять гостей съ большою торжественностью, но панъ Игнатій рѣшительно воспротивился, доказывая, что самымъ подходящимъ будетъ сердечный родственный пріемъ, что же касается торжественности, въ особенности ночью и послѣ утомительнаго путешествія, то это могло бы просто произвести впечатлѣніе ироніи.

Послѣ долгихъ пререканій была выработана примирившая обѣ стороны программа, на ужинъ были предположены цыплята, еще что-нибудь, немного вина, Иванъ въ тужуркѣ, а Степка въ сапогахъ.

Приближалась уже полночь, каждую минуту должны были пріѣхать гости, и по этому необычайному случаю, пани Изабэлла, мѣняя капотъ на болѣе нарядное платье, наполняла весь домъ огромной суетнею, превращая его въ маленькій адъ.

Игнатій, посматривая на часы, шагалъ все быстрѣе и быстрѣе, какъ будто теченіе времени зависѣло отъ скорости его ногъ. Онъ безпокоился; между прочимъ, его волновалъ недавній случай съ докторомъ Постанскимъ, который появился сегодня подъ вечеръ и заявилъ, что онъ пріѣхалъ не съ какимъ-нибудь глупымъ визитомъ, а просто по дѣлу, а именно пожелалъ получить за четыре огромныхъ яблока, по фунту каждое, мѣшокъ цвѣточной земли.

Игнатій безъ колебанія согласился на эту мѣну, такъ какъ привыкъ ко всякимъ выходкамъ стараго чудака, къ тому же онъ всегда былъ радъ видѣть его у себя, а сегодня болѣе чѣмъ когда-либо, намѣреваясь ему сообщить сенсаціонную новость о Викторѣ, судьбою котораго докторъ, повидимому, интересовался, хотя и тщательно это отрицалъ.

Поэтому онъ показалъ доктору письмо брата и выразилъ надежду, что теперь, наконецъ, Викторъ остепенится.

Старикъ, пробѣжавъ письмо, взглянулъ довольно насмѣшливо на Игнатія, пробурчалъ себѣ подъ носъ что-то вродѣ: «эхъ, простота!» сдѣлалъ странную гримасу и выругался такимъ необычайнымъ голосомъ, что панъ Игнатій вздрогнулъ и спросилъ:

— А вы, какъ видно, недовольны?

— Я? Да что мнѣ за дѣло до Виктора? Пусть себѣ хоть шею свернетъ, лишь бы не на моемъ дворѣ, а то еще возись съ нимъ,—меня онъ столько же интересуетъ, какъ прошлогодній снѣгъ!—огрызнулся нелюдимъ.

Игнатій встревожился еще сильнѣе, насильно удержалъ за рукавъ собиравшагося уходить Постанскаго, и въ смущеніи началъ повторять:

— Или вы видите въ этомъ что-нибудь дурное? Да? Что нибудь дурное?

Но старикъ поморщился и отчеканилъ:

— Во первыхъ, пусти меня, потому что разорвешь мнѣ платье, а починки я не люблю! Во-вторыхъ, запомни разъ навсегда, я не сторожъ твоего дома и твой, чтобы отдавать тебѣ отчетъ. Ты думаешь,— продолжалъ онъ съ возрастающимъ раздраженіемъ, — что кто имѣлъ счастье спать съ твоимъ дѣдомъ подъ однимъ плащомъ, тотъ долженъ чувствовать себя признательнымъ вплоть до третьяго поколѣнія. Такъ знай же, что дѣдъ твой хоть и былъ молодцомъ въ битвѣ, да не промахъ былъ и въ палаткѣ, къ тому же здоровенная махина—и бывало какъ стянетъ плащъ къ себѣ, такъ и приходится мнѣ щелкать зубами подъ краешкомъ; съ тѣхъ поръ еще у меня пострѣливаетъ въ лопаткѣ, а зубовъ нѣтъ и помину.

И не прощаясь, видимо сердитый и какъ будто обиженный, докторъ вышелъ, взвалилъ себѣ мѣшокъ на плечи и побрелъ домой.

Игнатій и самъ не зналъ, что обо всемъ этомъ подумать; хотя Постанскій и жилъ отшельникомъ, все-таки до него доходили достовѣрныя извѣстія изъ многихъ мѣстъ края; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ удивительный чудакъ и фантазеръ. Поэтому его, просто, могла укусить какая-нибудь муха, а можетъ быть, его поведеніе имѣло и болѣе вѣскія основанія. Къ тому же, при болѣе внимательномъ прочтеніи письма, Игнатію бросился въ глаза намекъ на возможную перемѣну въ мѣстѣ жительства и на необходимость урегулировать дѣла по имѣнію, чего Викторъ до сихъ поръ, несмотря на всѣ настоянія съ его стороны, тщательно избѣгалъ.

Отсюда вытекало одно слѣдствіе, что Викторъ имѣетъ какія-то новыя намѣренія; но какія? Свернутъ ли они ему шею, или, наоборотъ, помогутъ остепениться?

Тутъ уже Игнатій терялся въ догадкахъ и полагалъ, что Постанскій кое-что знаетъ, но не хочетъ сказать.

— Почему? — спрашивалъ себя Игнатій, и какъ только взоръ его падалъ на лежавшія на письменномъ столѣ розовыя яблоки, величиною съ хорошую бомбу, онъ останавливался, машинально всматривался въ нихъ, какъ будто внутри ихъ скрывалась разгадка.

Изъ этихъ размышленій его вывело появленіе взъерошеннаго Степки, который мигомъ выпалилъ:

— Господа ѣдутъ! Барыня проситъ!

— Ѣдутъ!—радостно повторилъ Игнатій.—Такъ зажги лампы, ставь самоваръ, — отдавалъ онъ запоздалыя приказанія, торопливо проходя по освѣщеннымъ комнатамъ.

На крыльцѣ онъ засталъ уже жену.

— Ѣдутъ?—спросилъ онъ.

— Навѣрное, нашъ колокольчикъ,—отвѣтила Бэля.

— Что-то не слышно.

— Теперь они на плотинѣ, подожди, сейчасъ пріѣдутъ! — и оба стали прислушиваться.

Тихо было вокругъ, только гдѣ-то въ деревнѣ былъ слышенъ отдаленный собачій лай, и около усадебныхъ построекъ раздавались свистки ночного сторожа.

Черезъ минуту, однако, послышалось издали отрывистое звяканіе колокольчика, который становился все слышнѣе и слышнѣе, на мгновеніе затихъ подъ воротами и снова запѣлъ свою заунывную пѣсню подъ сѣнью тополей ведущей къ дому аллеи.

Панъ Игнатій сбѣжалъ съ крыльца и началъ всматриваться въ длинную, темную перспективу деревьевъ.

Вдали замелькала какая-то огромная тѣнь, вскорѣ можно было различить четыре движущіеся силуэта лошадей; Ѳедька крикнулъ: «тпру!» и экипажъ остановился у крыльца.

— А, вотъ и вы, наконецъ! — открывая дверцы, воскликнулъ хозяинъ.

— Сейчасъ, дай вылѣзу, — весело прозвучалъ голосъ Виктора, и черезъ минуту двое высокихъ мужчинъ бросились другъ другу въ объятія, оглашая воздухъ звонкими поцѣлуями.

— Ну, довольно, довольно, а то еще дождь накликаете!—останавливала ихъ Бэля.

— Я тебѣ покажу дождикъ, — задорно отвѣтилъ ей Викторъ, выпуская изъ объятій брата, и началъ ее цѣловать; потомъ обращаясь къ стоявшей въ сторонѣ Марынѣ, представилъ ее:—вотъ моя женка! А вотъ и Белладонка, недурненькое и вовсе неядовитое зельеце, а здѣсь ея опора, Игнатій—ну, да поцѣлуйтесь же всѣ вмѣстѣ, — вотъ такъ! и ты Игнатій—Эхъ, неуклюжій, пользуйся случаемъ, пока темно!

— Очень рады, очень рады, — бормоталъ взволнованный Игнатій, цѣлуя ручку Марыни.

А Викторъ трещалъ дальше:

— Погодите, это еще не весь мой скарбъ, вотъ тутъ—при этомъ онъ вынулъ изъ коляски довольно большой свертокъ—мое продолженіе; скажите, куда мнѣ дѣть это сокровище, спящее на моихъ рукахъ?

— А это ужъ мое дѣло! — сказала, взявъ изъ его рукъ малютку, Бэля, и не допуская содѣйствія Марыни, побѣжала вмѣстѣ съ нею наверхъ, гдѣ были отведены комнаты для Виктора съ семьею.

Викторъ въ это время тщетно пытался высвободить свою руку изъ ладоней старика Ивана, повторяя:

— Я не архіерей!

Но старый слуга все-таки чмокнулъ его въ руку и сказалъ:

— Барчукъ, ужъ не барчукъ, а баринъ, и семейный...

— Ну, ну, хорошо, хорошо. А скажите-ка, гдѣ мнѣ умыться — проговорилъ Викторъ, медленно поднимаясь по лѣстницѣ и расправляя онѣмѣвшіе члены.

— Пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ! — повелъ его Игнатій, ежеминутно пожимая съ нѣжностью его локоть; и въ кабинетѣ, приглядываясь къ брату замѣтилъ:

— А знаешь, ты похудѣлъ, и какъ будто не много сталъ постарше— настоящій pater familias.

Викторъ, дѣйствительно, при своемъ высокомъ ростѣ, былъ нѣсколько худощавъ, и по лицу онъ казался старше своихъ лѣтъ. Длинные усы, опущенные внизъ къ сильно выступающей щетинистой бородѣ, придавали его энергичнымъ чертамъ выраженіе доброты, а еще болѣе усталости. Широкая и прямая, сросшаяся линія бровей разграничивала круглый, небольшой лобъ отъ глубокихъ впадинъ глазъ, которыя казались еще больше, глубже и темнѣе послѣ долгой утомительной дороги.

— Да, я осунулся за послѣднее время — отвѣтилъ Викторъ и началъ мылить свои худыя, косматыя, жилистыя руки. Затѣмъ, среди плеска воды, которой онъ обливался съ видимымъ удовольствіемъ, сталъ засыпать брата вопросами, перескакивая съ предмета на предметъ.

— Ну, а какъ поживаетъ панъ Постанскій? Все такой же и такъ же бодръ?

— Все такой же!

— И все по старому производите мѣновую торговлю?

— Все по старому, даже сегодня...—тутъ панъ Игнатій запнулся, ибо ему показалось неосторожнымъ вдаваться въ подробности, такъ какъ рѣчь легко могла перейти къ вопросу о женитьбѣ Виктора, вопросу какъ бы то ни было, нѣсколько щекотливому.

— Врагъ людей, а въ особенности прекраснѣйшей половины человѣческаго рода, онъ, навѣрное, проберетъ меня за Марыню...—шутливо произнесъ Викторъ.

— Вотъ ужъ вѣрно! — прекрасно сказано... врагъ женщинъ—воскликнулъ Игнатій, отъ радости хлопнувъ себя по пробивающейся лысинѣ, — я, было, совсѣмъ забылъ... Пробралъ уже... а больше всего мнѣ досталось, когда я показалъ ему твое письмо...

И отъ наплыва новаго чувства, онъ обнялъ еще мокраго брата, приговаривая:

— Ну, пойдемъ, пойдемъ, а то тамъ Бэля съ ужиномъ...

Въ корридорѣ они встрѣтились съ дамами, которыя не замедлили имъ объявить, что малютка только разъ открылъ глазки и сейчасъ же опять заснулъ.

Марыня, въ свою очередь, успѣла по дорогѣ сообщить вполголоса, что ребенка положили въ такую кроватку съ рѣшетками, изъ которой онъ, при всемъ желаніи, выпасть не можетъ.

— Вотъ, видишь!—сказалъ Викторъ, какъ бы желая заставить жену покраснѣть. Потомъ онъ взялъ Бэлю за обѣ руки и подвелъ ее къ свѣту:

— А ну, ка, покажись! Все такая же стройная!—Побойся Бога, голубка, когда же ты наконецъ, постарѣешь? и это мать четверыхъ дѣтей! Игнась, признайся, уже не ты ли ихъ рожаешь...

— Да и хозяйство все и все остальное валится на ея бѣдную головушку,—одобрительно добавилъ Игнатій.

— Какъ же, вижу, вѣроятно, и рукописи твои тоже,—улыбнулся Викторъ, взглянувъ на голову Бэли.

— Ахъ, папильотки!—взвизгнула она, хватаясь за волосы, и мигомъ вылетѣла изъ столовой.

Это маленькое происшествіе сразу перевернуло вверхъ дномъ, всю программу пріема, которому пани Изабэлла хотѣла придать нѣкоторый характеръ торжественности. Послѣ же того, что случилось, она сама отбросила въ сторону съ трудомъ соблюдаемый этикетъ, совершенно впрочемъ и не согласующійся съ ея живымъ темперантомъ, и за ужиномъ уже царствовала ничѣмъ нестѣсняемая свобода и веселость, въ чемъ она соперничала съ Викторомъ. Марыня чувствовала себя вначалѣ нѣсколько чужою и принимала только пассивное участіе, но это не мѣшало ей внимательно вслушиваться въ разговоръ.

Вскорѣ, однако, легкое стѣсненіе, которое она испытывала отъ мимолетныхъ, пытливыхъ взглядовъ обоихъ супруговъ, смягчилось и уступило мѣсто чувству довѣрія къ этимъ людямъ, которые, очевидно, и не старались въ ней найти что-нибудь дурное, а интересовались ею болѣе изъ расположенія къ ея мужу, чѣмъ изъ простаго любопытства.

Она сознавала это теперь, на душѣ у нея становилось все легче, и она невольно улыбалась имъ своею нѣсколько болѣзненною улыбкой, яснымъ взглядомъ чудныхъ сѣрыхъ глазъ, обрамленныхъ какъ бы не успѣвшими высохнуть слезами, всей своей фигурой, которая, казалось, говорила: «Да, да—примите меня въ свое гнѣздышко, ибо я люблю его не меньше, чѣмъ вы». Не забывая въ то же время словъ Виктора и не желая причинить Бэлѣ ни малѣйшаго огорченія, она старалась поглотить цѣлаго цыпленка, съ которымъ, по совѣту и примѣру хозяйки, справлялась при помощи своихъ маленькихъ пальчиковъ. А Викторъ, зная ея крошечный апетитъ, предательски улыбнулся, и шумя на весь столъ предлагалъ ей брать еще.

Къ счастью, Бэля втайнѣ думала, что съ такого заморыша будетъ

вполнѣ достаточно и этого, а потому и не налегала особенно, оставляя свои увѣщеванія на будущее.

Послѣ цыплятъ, старикъ Иванъ, съ плутоватой улыбкой перемѣнилъ Виктору тарелку, и подавая блюдо, шепнулъ ему, увѣренный въ эффектѣ:

— Фаршированная капуста.

Викторъ даже подскочилъ на мѣстѣ отъ удовольствія.

— Такъ и пышетъ! Не можетъ быть, а можетъ быть, и подогрѣтая?

— Конечно,—торжествующимъ голосомъ произнесла Бэля и подмигнула Степкѣ, который крякнулъ, вытащилъ пробку и поставилъ на столъ дымящуюся бутылку.

Викторъ взглянулъ на ярлыкъ и спросилъ:

— А это что? Габербушъ! Ей-ей, видишь, Марыня, чистыя чудеса; откуда вы это взяли?

— А что-жъ ты думаешь,—просіяла Бэля,—что только у васъ въ городѣ есть порядочное пиво, да и то, навѣрно, поддѣльное. А вотъ у насъ въ глуши будешь каждый день получать его и à discretion.

— Не въ глуши, а чуть ли не въ Канѣ Галилейской,—поправилъ ее Викторъ;—я ничего не думаю, и не заставляй меня думать въ такую торжественную минуту и позволь мнѣ сосредоточенно уничтожать твои явства...

— Отлично, только не клади на тарелку, а бери ужъ прямо съ блюда...

— Само собой разумѣется.

— Викторъ, голубчикъ, на ночь!..—увѣщевалъ Игнатій.

— А, что тамъ на ночь, отъ прибытка голова не болитъ,—возразила Бэля.

— Да я и не о головѣ говорю вовсе!—сболтнулъ Игнатій, и спохватившись, взглядомъ извинился передъ улыбавшейся Марыней.

А Викторъ, въ свою очередь, притворяясь гастрономомъ, продолжалъ уплетать любимое блюдо и бормоталъ:

— Пальчики оближешь! Объяденіе! А не трясутся у меня уши? Нѣтъ... Степка, стань позади меня и тряси мнѣ ухо... Слышишь?..

Но Степка только прыснулъ въ кулакъ, къ великому смущенію старика Ивана.

Пани Изабэлла пожертвовала собою и съ такою энергіею замѣнила Степку, что Викторъ вскочилъ и, зарычавъ, какъ левъ: «мщеніе!» погнался за Бэлей вокругъ стола.

— Сумасшедшіе, точно съ цѣпи сорвались? Вѣдь дѣти спятъ! удерживалъ ихъ Игнатій.

— Ахъ правда, дѣти!—схватившись за голову, повторилъ Викторъ—совсѣмъ изъ головы вонъ; стыдно тебѣ, Бэля, вѣдь у меня только одинъ огурчикъ—это не въ счетъ, а вотъ у тебя—цѣлый ого-

родъ... Матрона!—и стараясь ее заговорить, поймалъ неожиданно за талію и чмокнулъ прямо въ губы.

— Измѣнникъ, Іуда!—вырывалась Бэля, и образумившись сразу, свернула распустившуюся волну золотистыхъ волосъ.—Пойдемте спать, уже второй часъ!—добавила она, взглянувъ послѣ минутнаго молчанія на старинные часы и на полусонную Марыню.

— Пани...—а потомъ поправилась:—невѣстка, вы устали, я васъ провожу.

И вышли обѣ.

Мужчины остались еще. Викторъ вообще ложился позднѣе, а сегодня къ тому же и разошелся и ему вовсе не хотѣлось спать.

Зато Игнатій такъ часто началъ протирать очки, что Викторъ сжалился надъ нимъ, распрощался и отправился наверхъ. Ведущая туда внутренняя деревянная лѣсенка была значительно старше Виктора. Шаткія ступеньки заскрипѣли подъ его ногами, какъ и въ старое доброе время, а жиденькія ветхія перила задрожали въ его рукѣ, будто что-то живое.

«Ну ужъ теперь мнѣ не съѣхать внизъ», подумалъ Викторъ, нѣжно проводя рукой по периламъ, нѣкогда отшлифованнымъ его дѣтскими ручками и штанишками во время этихъ чудныхъ, воздушныхъ путешествій.

— Попробуй, выдержу!—какъ бы откликнулись перила.

Но онъ уже былъ въ узкомъ корридорчикѣ.

Миновавъ двѣ двери, онъ открылъ третью, ведущую въ маленькую комнатку. Старый джутовый диванчикъ привѣтствовалъ его поблекшей улыбкой и живо напомнилъ ему то время, какъ онъ въ дѣтствѣ кувыркался на немъ, а позднѣе часто нетерпѣливо бросался на него съ тяжелой книгою въ рукахъ и проводилъ на немъ цѣлые часы.

Привѣтливо задребезжало своими маленькими стеклами продолговатое окошечко; замѣтивъ это, онъ подошелъ къ нему, отперъ задвижки и слегка толкнулъ его наружу.

Зазвенѣли стеклышки знакомымъ голосомъ, закачалась объемистая рама, заскрипѣвъ на заржавѣвшихъ петляхъ и покривившись немного, заняла свое мѣсто въ пространствѣ.

Викторъ облокотился о косякъ и смотрѣлъ. Луны уже не было, но зато еще роскошнѣе засеребрились вереницы звѣздъ на темносинемъ небосводѣ, расплылись нависшія облачка, какъ разсѣянное стадо лебедей, и протянулся широкой серебристой лентой величественный млечный путь.

Неподалеку, на уровнѣ окна, слегка покачивались вѣтвистыя верхушки раскидистыхъ липъ, въ волшебной листвѣ которыхъ, казалось, ангелы ночи обрѣли себѣ таинственную обитель.

Викторъ скользнулъ любовнымъ взглядомъ по верхушкамъ липъ, и перевелъ взоръ въ глубь такъ называемой «темной аллеи», куда

подъ аркады склоненныхъ грабовъ, залитыя волнами непроглядного мрака, не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта.

Но онъ различалъ тамъ все: и поросшую мохомъ скамейку изъ тесаннаго камня, на которой онъ съ такимъ трудомъ выскоблилъ гвоздикомъ свое имя, и большихъ улитокъ съ высунутыми рогами, передвигающихъ свои собственныя жилища по слизистымъ слѣдамъ, и маленькихъ птичекъ, шаловливо вертѣвшихъ хвостиками въ знакъ того, что онѣ теперь уже не испугаются его соли и не разлетятся при его приближеніи. И онъ брелъ за ними черезъ кусты и бурьяны, пока не наткнулся на кустарники одичалой малины, усыпанной мелкой ароматной ягодой и затерявшейся среди лопуховъ, боярышника и высокой крапивы, а потомъ—на тропинку, облитую сокомъ сладкой шелковицы, на сухихъ вѣтвяхъ которой порхаютъ большіе дрозды и крикливыя золотистыя иволги.

Черезъ дыру въ заборѣ онъ пробрался на лугъ, усыпанный яркими желтыми цвѣтами и у ногъ своихъ услышалъ тихій плескъ волнъ Синиводы. Мигомъ раздѣлся, бросился внизъ головой въ знакомыя ему глубины и нащупалъ рукою давнишній свой слѣдъ, оставшійся въ мягкомъ илистомъ днѣ; въ одно мгновеніе та же волна вынесла его на поверхность; онъ поплылъ къ берегу, стащилъ въ воду узкую лодчонку «душегубку», опрокинулъ ее вверхъ дномъ, и плывя на ней верхомъ, былъ увѣренъ, что осѣдлалъ крокодила. Потомъ онъ погнался за хитрыми нырками, подкрѣпился вкусной серцевиной аиру, служившаго одновременно и саблей и хлопушкой, и вооружившись этимъ оружіемъ, сталъ подкрадываться по колеблющимся кочкамъ болота, покрытаго радужными жирными пятнами, къ стаду чирковъ, плавающему на большой прогалинѣ, покрытой точно выцвѣтшимъ сукномъ, зеленью и упругими водорослями, которыхъ и не пробуй вытаскивать, такъ онѣ крѣпко держутся другъ за друга и сами тянутъ къ себѣ.

Онъ перебрался на другой берегъ, высокій и лѣсистый, гдѣ на сухомъ дубѣ пищали ястребята, а надъ ивами увивались сварливыя сороки и хохлатые смѣшные удоды.

Тамъ онъ обсушился и отдохнулъ въ наскоро сплетенномъ вигвамѣ изъ хвороста и папоротника, величиною съ хижину Робинзона Крузэ.

Спрятавъ на всякій случай нѣсколько желудей въ карманъ, онъ вырѣзалъ толстый ивовый прутъ, привязалъ бичовку, подарокъ старой няни, давно уже спящей въ могилѣ, и сдѣлалъ длинный бичъ. Въ минуту передѣлавъ его на лукъ, и наигрывая на упругой тетивѣ какой-то чудный гимнъ, онъ торжествующе вошелъ въ садъ. Тамъ выбралъ себѣ самое маленькое яблочко съ дикой яблони, насадилъ его на конецъ тонкой палочки и запустилъ эту лучшую въ мірѣ стрѣлу высоко, высоко. Она поднялась вверхъ, прямо какъ свѣчка, изчезла на мгновеніе въ небѣ, а онъ носился съ нею вмѣстѣ въ зенитѣ неба, у самаго солнца.

Викторъ переживалъ ту рѣдкую минуту чуда, когда внутреннее недремлющее око, вѣчно бодрствующее и разгорѣвшееся отъ постояннаго напряженія, вдругъ отуманивается слезами неизъяснимой сладости, а суровый водоворотъ жизни, ведущій къ ничтожеству и могилѣ, останавливается и широкой волною медленно возвращается назадъ вплоть до лазореваго источника дѣтства, въ который и каждый цвѣточекъ охотно стряхиваетъ свои яркіе ароматные лепестки, и береза свѣтлые листочки, и калина кораллы, надъ которымъ колеблются на крыльяхъ изъ радужнаго стекла розовыя мечты дѣтства, куда довѣрчиво слетаются полевыя пташки, любовно глядится блуждающее небесное облачко, гдѣ покоится въ забытьи высокое солнце, а золотая звѣздочка страстно любуется своимъ отраженіемъ,— къ источнику, который ничего не знаетъ ни о себѣ, ни о своемъ илистомъ днѣ, ни о серебристой струѣ, рыдающей въ немъ безпрерывно. Погруженный въ это восхищеніе, Викторъ обходилъ въ лабиринтахъ воспоминаній свое старое гнѣздо, а куда ему не удавалось проникнуть, оттуда братскій вѣтеръ самъ спѣшилъ къ нему съ вѣстью навстрѣчу и обнималъ трепещущими отъ волненія крыльями эту голову, которую онъ годами лелѣялъ на своей порывистой, широко дышащей груди, свѣтлому божеству во славу, людямъ на жертву.

II.

Дѣла минувшихъ дней.

Вскорѣ по окончаніи франко-прусской войны, какъ разъ въ тотъ самый годъ, когда Игнатій сдѣлался по смерти отца хозяиномъ, а двѣнадцатилѣтній Викторъ перешелъ въ третій классъ, въ жаркій іюньскій день на кленовскій дворъ въѣхала мужицкая телѣга, обитая лубкомъ.

Изъ телѣги вылѣзъ сѣдобородый мужчина, громаднаго роста, крѣпкаго сложенія, въ дорожномъ кителѣ, и тростью началъ пробивать себѣ дорогу среди набросившихся собакъ. Въ сѣняхъ онъ столкнулся съ Викторомъ, который какъ разъ мчался что было силъ взглянуть, что случилось, и успокоить расходившихся собакъ.

Мальчикъ быстро окинулъ любопытнымъ взглядомъ фигуру гостя, отъ длинныхъ бѣлокурыхъ волосъ до запыленныхъ носковъ сапогъ включительно, и сразу замѣтилъ, что у этого стараго господина подъ выпуклыми налитыми кровью глазами, точно какіе-то мѣшки, а что еще важнѣе, отъ одного изъ этихъ мѣшковъ во всю длину щеки шелъ глубокій шрамъ. Этотъ красно-лиловый знакъ сильно заинтересовалъ Виктора, а потому задравъ черную голову кверху, мальчикъ не спускалъ съ него быстрыхъ глазенокъ. Сѣдой незнакомецъ, въ свою очередь, тоже пытливо всматривался въ мальчика и, въ концѣ концовъ спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Викторъ!—раздался смѣлый отвѣтъ.

— И имя то же, и поразительное сходство!—прошепталъ гость и болѣе громко прибавилъ:—А братъ дома? У меня къ нему дѣло!

Викторъ влетѣлъ въ кабинетъ Игнатія, и торопя его по пути описывалъ наружность прибывшаго, стараясь узнать, кто это?

Но Игнатій не зналъ, кто это, и даже увидѣвъ гостя, не узналъ его.

— Я Постанскій,—напомнилъ ему старикъ.

— Ахъ, такъ это вы! простите... въ первую минуту...—началъ оправдываться нѣсколько сконфуженный и взволнованный Игнатій, обѣими руками хватая протянутую ему руку.

А Викторъ даже вздрогнулъ при звукѣ такъ часто слышаннаго имъ имени; съ быстротою молніи пронеслись у него въ головѣ и обитые желѣзомъ сундуки на чердакѣ, прикасаться къ которымъ строго воспрещалось, потому что это сундуки Постанскаго, и заброшенная усадьба подъ лѣскомъ, и множество иныхъ вещей, благодаря чему докторъ Постанскій превращался въ его глазахъ въ какое-то миѳическое существо, полное таинственнаго обаянія.

А потому, когда Постанскій, забравъ свои сундуки и конверты съ деньгами, на которыхъ рукой покойнаго отца было начертано его имя, уѣхалъ, и передъ отъѣздомъ на вопросъ Игнатія: «нѣмецкая рана?» сухо отвѣтилъ: «нѣтъ, французская»,—Викторъ положительно не могъ успокоиться и засыпалъ брата вопросами, на которые тотъ большею частью не умѣлъ отвѣтить, потому что и самому ему личность Постанскаго была, главнымъ образомъ, извѣстна изъ отрывочныхъ разсказовъ отца. Зналъ онъ, что Постанскій въ молодыхъ годахъ сражался бокъ-о-бокъ съ ихъ дѣдомъ Викторомъ, что было уже, по крайней мѣрѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Дѣдъ ихъ погибъ на валахъ, а Постанскій эмигрировалъ, благодаря чему огромное родовое имѣніе—Смутнивце, Цментарки, Горыча и мѣстечко Трупецъ—перешло въ чужія руки; уцѣлѣли только Плачки, записанныя на имя родной его сестры, старой дѣвы панны Саломеи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Постанскій вернулся, но недолго побылъ на родинѣ. Приведя въ нѣкоторый порядокъ дѣла, уѣхалъ въ Петербургъ, кончилъ тамъ медицинскій факультетъ и во образѣ доктора поселился въ Трупцѣ, лѣчилъ и хозяйничалъ въ остаткахъ имѣнія. Вскорѣ, однако, бросивъ все, снова отправился на западъ, гдѣ въ то время происходили броженія.

Гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ, этого никто навѣрное не зналъ; думали даже, что онъ погибъ, но въ соотвѣтственный моментъ онъ снова появился на аренѣ историческихъ событій и даже успѣлъ отличиться.

Въ результатѣ исчезли и Плачки; и изъ всего богатства Постанскихъ остались въ рукахъ панны Саломеи одни только Самомуки, ма-

ленькій фольваркъ въ триста морговъ *), подаренный ей когда-то на именины отчимомъ; послѣдній же представитель славнаго рода, панъ Михаилъ побрелъ дальше, но уже теперь на сѣверъ.

Какъ разъ тогда пятнадцатилѣтній Игнатій и имѣлъ возможность познакомиться въ домѣ родителей съ Постанскимъ, бывшимъ въ то время еще рыжеватымъ блондиномъ, полнымъ силъ, а не тѣмъ почтеннымъ старцемъ со свѣжей раной на лицѣ, котораго онъ сегодня даже не узналъ.

Паннѣ Саломеѣ, убитой судьбою брата, тоже не сладко жилось въ Самомукахъ; хозяйничала она довольно уродливо, не умѣла совершенно приспособиться къ новымъ условіямъ, влѣзла въ долги, а когда въ довершеніе всего сгорѣлъ усадебный домъ и службы, то разореніе казалось неизбѣжнымъ.

Къ счастью, какъ само Провидѣніе, послѣ пятилѣтняго отсутствія появился Постанскій, воспользовавшись первою возможностью вернуться, и привезъ съ собою порядочную сумму денегъ.

Взявшись по своему, энергично, за спасеніе существовавшаго порядка вещей, онъ расплатился съ долгами, домъ лѣсника перестроилъ въ усадьбу, поселилъ въ ней сестру, поля сдалъ въ аренду, и обезпечивъ такимъ образомъ болѣзненной старушкѣ скромное, но спокойное существованіе, самъ, подъ предлогомъ поправленія здоровья, взявъ паспортъ, уѣхалъ за границу въ парижскія клиники.

Тамъ его застала война. И въ то время, какъ подъ стѣнами осажденнаго Парижа трещали прусскіе барабаны и грохотали пушки, а Постанскій ловилъ крысъ въ каналахъ или чинилъ изорванный гвардейскій мундиръ—не многимъ лучше было и въ Самомукахъ.

Панна Саломея заснула однажды въ старинномъ креслѣ такимъ сладкимъ сномъ, что никто уже не могъ ее разбудить; арендаторъ разорвалъ условіе и все попало въ руки мужиковъ, которые, не стѣсняясь, расхватывали землю, разоряли садъ и лѣсокъ, разбирали заборы, усердно и безжалостно пользуясь случаемъ.

Отецъ Игнатія, котораго Постанскій просилъ заботиться о сестрѣ, безуспѣшно пытался воспротивиться этому изо всѣхъ силъ, и не имѣя въ рукахъ достаточныхъ законныхъ полномочій, немногаго могъ достигнуть. Къ тому же, онъ самъ чувствовалъ себя больнымъ, а потому и продалъ, что еще было возможно, остатки вещей присоединилъ къ оставленнымъ ему на храненіе сундукамъ, заплатилъ недоимки, оставшіяся деньги запечаталъ въ конвертъ, заколотилъ домикъ и въ предсмертномъ разговорѣ со старшимъ сыномъ неоднократно и настойчиво просилъ его приложить старанія къ розыску Постанскаго.

Игнатій, у котораго и своихъ заботъ было достаточно, откладывалъ это со дня на день, пока, наконецъ, самъ Постанскій не явился за

*) Моргъ=0,234 десятины.

полученіемъ наслѣдства и денегъ. По крайней мѣрѣ, такой отпечатокъ носило его первое посѣщеніе, что сильно задѣло молодого владѣльца Кленова, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ себя немного виноватымъ.

Въ концѣ концовъ онъ былъ даже радъ, что старикъ такъ или иначе появился на горизонтѣ, и тѣмъ самымъ избавилъ его отъ излишнихъ хлопотъ, которыхъ у него, какъ у неопытнаго хозяина, было и безъ того достаточно.

Зато Витя былъ буквально ошеломленъ.

Старый вояка, да еще съ глубокимъ шрамомъ на лицѣ, положительно не давалъ ему покою; онъ преслѣдовалъ его днемъ, снился ему ночью во всевозможномъ вооруженіи, какое онъ когда-либо видѣлъ на картинкахъ, такъ что въ концѣ концовъ мальчикъ не выдержалъ, всталъ рано утромъ, осѣдлалъ гнѣдка и отправился въ Самомуки посмотрѣть, что тамъ творится?

Самомуки лежали въ восьми верстахъ отъ Кленова, невдалекѣ отъ Трупца, но напрямикъ черезъ поля и луга было значительно ближе, и Викторъ черезъ полчаса былъ у цѣли.

Всѣ окна домика съ остатками стеколъ были отворены настежъ. По заросшему травою и бурьяномъ двору, посреди жалкихъ остатковъ деревьевъ съ ободранной корой и вѣтвями, отъ каштана къ каштану ровнымъ солдатскимъ шагомъ разгуливалъ сѣдой старикъ, безъ шапки въ сѣромъ полотняномъ костюмѣ; руки у него были заложены назадъ, голова опущена—онъ что-то бормоталъ вполголоса; казалось, онъ былъ такъ занятъ своими думами, что и не обратилъ ни разу вниманія на маленькаго всадника, который медленно подвигался по дорогѣ и съ крайнимъ любопытствомъ слѣдилъ за старикомъ.

Викторъ проѣхался нѣсколько разъ туда и назадъ, кашлялъ, кряхтѣлъ, сморкался, въ концѣ концовъ, разочарованный и обиженный, повернулъ домой и сообщилъ брату, что Постанскій ходитъ все время по двору, какъ часовой, бормочетъ себѣ что-то подъ носъ, точно зубритъ латинскія слова.

— Совсѣмъ старикъ чудакомъ сдѣлался!—рѣшилъ Игнатій.

А Витя такъ опечалился, точно его посѣтило огромное разочарованіе.

Однако черезъ нѣсколько дней Постанскій снова появился въ Кленовѣ въ соломенной мужицкой шляпѣ, съ толстой дубинкой въ рукахъ.

Завидѣвъ его, Витя стрѣлой бросился ему на встрѣчу и, шаркнувши передъ нимъ ногами, спросилъ:

— Вы къ брату по дѣламъ! А братъ въ полѣ, только я за нимъ сейчасъ слетаю!

— Нѣтъ, я къ тебѣ, баловень!—весело отвѣтилъ старикъ.

У Вити задрожало сердце, лицо его покрылось румянцемъ радости, удивленія и безпокойства.

— А что такое?—проговорилъ онъ, тяжело переводя духъ.

— Что ты училъ уже географію? — спросилъ докторъ, усаживаясь на ступени каменнаго крыльца.

— А какъ же... Мы уже прошли Африку, Америку, Австралію и Азію...

— А Европу?

— Европу будемъ проходить въ третьемъ классѣ.

— Ну, а географію Польши ты знаешь, а?

— Это особь статья! Панъ Малковскій со мной ее проходитъ — отвѣтилъ Витя, немного недовольный тѣмъ оборотомъ, который принялъ разговоръ, такъ какъ онъ разсчитывалъ на что-то совсѣмъ другое.

— А книжка есть у тебя?

— Я не по книжкѣ учу, а по тетрадкѣ, панъ Малковскій мнѣ диктовалъ.:.

— Покажи мнѣ эту тетрадку!

Витя помчался въ свою комнатку наверху, второпяхъ перевернулъ чернильницу, съѣхалъ внизъ по периламъ и думая, Господи, что-то будетъ? передалъ доктору испещренную кляксами тетрадку.

Постанскій перевернулъ нѣсколько страницъ и замѣтилъ:

— Однако, ты пишешь, какъ курица, это ужъ ты самъ читай!

— Сначала?—прошепталъ Викторъ, опечаленный такой критикой.

— Сначала!

— «Низменность Польши»,—откашлявшись началъ мальчикъ.

— «Эта страна служитъ переходомъ отъ западной Европы къ восточной, отъ низменности германской къ россійской, также какъ и низменность Фландріи раздѣляетъ низменности Германскую отъ французской». А вы вѣдь были во всѣхъ этихъ низменностяхъ? — увѣреннымъ тономъ спросилъ мальчикъ.

— Былъ, валяй дальше!

— Благодаря своему положенію, обѣ эти страны были полями кровавой борьбы между сосѣдними народностями: «Грюнвальдъ»—ясно и съ оживленіемъ назвалъ мальчикъ.—«Ватерлоо»—тише и печальнѣе произнесъ онъ, ибо ему жаль было Наполеона. и опять спросилъ:—а тамъ вы тоже сражались? Правда?

— Откуда ты взялъ! Подумай! Глупости болтаешь!

— А мнѣ Игнатій говорилъ, что вы очень, очень стары—оправдывался сконфуженный Витя.

— Во всякомъ случаѣ не такъ ужъ очень!..—усмѣхнулся докторъ, а мальчикъ продолжалъ:

— «Южную границу представляетъ средняя выгнутая часть Карпатскаго хребта, сѣверную — столь же выгнутый берегъ Балтійскаго моря. Съ запада и востока границы, какъ вообще въ промежуточныхъ странахъ, неясно обозначены».

— Вздоръ!—пробурчалъ докторъ.

— Что вы говорите?—спросилъ Витя.

Докторъ молчалъ съ угрюмымъ лицомъ, устремивъ взглядъ въ пространство.—Ничего!—отвѣтилъ онъ черезъ минуту.

— У тебя недурной учитель!.. А что же сказано о жителяхъ?

Викторъ перевернулъ нѣсколько страницъ и нашелъ отдѣлъ подъ заглавіемъ «Населеніе».

— «Населеніе»—прочелъ онъ.—«Населеніе по народностямъ дѣлится слѣдующимъ образомъ: поляки составляютъ болѣе чѣмъ половину населенія, въ остающей же части преобладаютъ нѣмцы, за ними идутъ русины, евреи и родственные полякамъ литвины. Въ общемъ около 18 милліоновъ человѣкъ на пространствѣ пяти съ половиною тысячъ квадратныхъ миль, откуда слѣдуетъ, что густота населенія равняется приблизительно 3 тысячъ человѣкъ на 1 квадратную милю...»

— Довольно,—прервалъ докторъ,—примемъ три съ половиною тысячи. А теперь слушай! Вотъ тебѣ записная книжка и карандашъ, рѣши мнѣ такую задачу: «Если на $3^1/_2$ тысячи человѣкъ приходится одна квадратная миля, то сколько квадратныхъ саженъ придется на одного человѣка?»

Витя насупился.

— Понялъ, сумѣешь?—прибавилъ докторъ.

— Сумѣть-то сумѣю, — отвѣтилъ нахмурившійся мальчикъ, недовольный тѣмъ, что его во время вакацій заставляютъ рѣшать какую-то глупую задачу, но воспротивиться не осмѣлился.

— Миля 7 верстъ—бормоталъ онъ, — верста 500 саженъ, семью семь сорокъ девять, пятьсотъ разъ пятьсотъ... вотъ тутъ ужъ очень большое умноженіе!

— Такъ не умѣешь, дай я сдѣлаю!

— Нѣтъ, я самъ, — отвѣтилъ Витя, взявъ обратно книжку и продолжалъ:—дѣлится, дѣлится!—торжествующе вскрикнулъ онъ.—Выходитъ безъ остатка.

— Ну сколько же получается?

— Тоже три тысячи пятьсотъ.

— Что ты говоришь, быть не можетъ,—схватилъ книжечку докторъ,—не ошибся ли ты? Это было бы отлично, отлично!—повторялъ онъ.

— Надо еще сдѣлать повѣрку,—замѣтилъ Викторъ.

Сдѣланная общими силами повѣрка подтвердила вѣрность результата.

— Да, да!—покачалъ головой докторъ.—Три тысячи пятьсотъ... на каждаго... это почти $1^1/_2$ десятины, три морга... Хватитъ!—прибавилъ онъ.—Сажень... а можетъ быть, я меньше сталъ, покажи-ка мнѣ сажень? Нѣтъ ли у васъ гдѣ-нибудь?—обратился онъ къ мальчику.

— Есть, въ конюшнѣ, я васъ провожу.

Въ конюшнѣ, на дверномъ косякѣ, Витя указалъ доктору двѣ вырубленныя мѣтки. Докторъ сталъ на порогъ, положилъ руку на голову и пальцы пришлись какъ разъ противъ мѣтки.

— Отлично!—промолвилъ онъ, вынимая шнурокъ, снялъ при помощи Виктора мѣрку и, взявъ мальчика за подбородокъ, сказалъ:

— А что, сорванецъ, можетъ быть, ты поможешь мнѣ промѣрить результатъ своей задачи на полѣ, а то одному трудно будетъ.

— Сегодня? Когда? — спросилъ Витя, и глаза его заблестѣли въ ожиданіи предстоящей работы.

— Нѣтъ, завтра! Ахъ, ты, повѣса! — тутъ докторъ ущипнулъ его своими костлявыми пальцами въ пухленькую щечку и кивнулъ ему:— До свиданья!

Мальчикъ невольно поцѣловалъ руку старика и долго слѣдилъ глазами за удалявшейся мощной фигурой.

На слѣдующій день рано утромъ, Витя явился въ Самомуки; онъ надѣялся разбудить доктора, но ошибся, ибо докторъ былъ уже на дворѣ съ топоромъ въ рукѣ и обтесывалъ деревянные колышки, тутъ же рядомъ лежала длинная пятисаженная веревка.

Викторъ хотѣлъ сразу приняться за работу, но старикъ велѣлъ ему раньше ослабить подпруги у сѣдла и разнуздать Гнѣдка.

— Лошадь устаетъ подъ сѣдломъ, — поучалъ докторъ,—ты и не заботишься о ней, а она вѣдь тебя носитъ; скачешь сломя голову, разрываешь ей ротъ удилами, горбишься, какъ казакъ, а локти болтаются, какъ у жида; хорошъ, будущій герой...

— Да меня никто ничему порядочному не учитъ, — пробормоталъ, глотая слезы, задѣтый за живое мальчуганъ.

— Ну, ну, только не кисни, ужъ это хуже всего... Я тебя потомъ научу... а пока забирай колышки, цѣпь и маршъ! — понукалъ его докторъ.

Отложивъ отъ середины дома длину веревки, Постанскій приказалъ Витѣ воткнуть колышекъ въ землю, забилъ его обухомъ топора и велѣлъ мальчику идти дальше; такимъ образомъ они отмѣрили въ ширину въ обѣ стороны по 25 сажень и по 35 въ длину.

Потомъ обозначили колышками стороны прямоугольника, направляя ихъ по шнуру, и какъ разъ въ серединѣ прямоугольника пришелся дворикъ. Границы обозначились довольно ясно; съ одной стороны прямоугольника были расположены дикія груши, другая прошла вблизи источника, третья тянулась вдоль дороги и только четвертая была лишена какого-нибудь естественнаго прикрытія. Если бы ее передвинуть шага на два, то она коснулась бы громаднаго камня, и Витѣ хотѣлось непремѣнно включить въ предѣлы обозначеннаго пространства эту «скалу», на которой онъ предполагалъ поставить «маякъ». Но докторъ воспротивился.

Когда же мальчикъ попробовалъ узнать: отчего онъ не хочетъ, старикъ рѣзко отвѣтилъ: «Отстань!» и черезъ минуту началъ по своему обыкновенію думать вслухъ:

— Сколько приходится на душу, столько и беру, ибо я тоже чело-

вѣкъ, а земля дѣлится такъ удивительно удачно, точно Богъ... Тутъ,—продолжалъ онъ, указывая на каштаны,—можно устроить огородъ, тутъ... будутъ посѣвы и картофель...

— А гдѣ парники?—прервалъ его Витя.

— Совсѣмъ ихъ не будетъ!

— Такъ и дынь не будетъ?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ докторъ и, пробираясь сквозь чащу лопуховъ, лебеды и крапивы, въ которыхъ Витя тонулъ съ головою, бормоталъ:

— Нѣтъ! съ одной лопатой трудно основать деревню, надо будетъ для начала купить плугъ...

— Такъ и лошадей тоже?—почесывая обожженныя крапивой руки, радостно подхватилъ Витя.

— И лошадей,—записывалъ въ книжку докторъ,—упряжь, бороны, возъ для сѣна, вилы, косы, бруски, кирки, пилы...

— А кнутъ?

— Ну, пусть будетъ и кнутъ.

— Длинный, длинный, на четыре лошади!

— Не мѣшай!—процѣдилъ сквозь зубы докторъ, продолжая записывать.

Витя помолчалъ минутку.

— А гдѣ жъ конюшня?—вырвалось у него.

— Ахъ, правда, конюшня,—началъ оглядываться вокругъ старикъ.—Ну, ничего!—прибавилъ онъ, указывая на домъ,—разберемъ эту пристройку и будетъ конюшня; работы хватитъ, и слава Богу.

— Да, работы порядочно!—убѣжденно повторилъ Витя,—да ничего, потрафимъ.

— Какъ, потрафимъ?

— Да вѣдь я же буду вамъ помогать?

— А братъ тебѣ позволилъ развѣ?

— Игнатій?—произнесъ Витя.—Да вѣдь я же перешелъ въ другой классъ, и лѣтомъ могу дѣлать все, что мнѣ вздумается, только бы къ обѣду не опоздать, потому что обѣдъ у насъ...

— Постой,—перебилъ его докторъ,—кажется, скоро должна быть ярмарка въ Троицѣ?

— Да, на Петра и Павла, послѣзавтра огромная ярмарка,—болталъ Витя.—Свиней просто ужасъ сколько, визгъ такой, что ничего не слышно; въ прошломъ году былъ звѣринецъ и собачій циркъ; обезьяны ѣздили верхомъ на пуделяхъ, слонъ игралъ на гармоніи своимъ длиннымъ, какъ кишка, хоботомъ съ пальцемъ на концѣ, козелъ стоялъ на бутылкѣ, въ зеленомъ ящикѣ былъ крокодилъ съ Нила, кажется дохлый, но большущій, большущій, черепаха трехсотлѣтняя... Поѣдемте вмѣстѣ, хорошо?

— Хорошо, хорошо, только пора тебѣ и на обѣдъ, потому что ужъ полдень,—промолвилъ докторъ, посмотрѣвъ на небо.

Викторъ, привставъ на пень, взобрался на Гнѣдка, тронулся въ путь, но сейчасъ же свернулъ съ дороги и припомнилъ старику доктору, что тотъ обѣщалъ его учить верховой ѣздѣ.

Постанскій удлинилъ ему стремена, велѣлъ разобрать поводья въ пальцахъ лѣвой руки, вывернулъ ему надлежащимъ образомъ ноги, сильнымъ пинкомъ выпрямилъ ему спину и прижалъ локти къ ребрамъ.

— Ну, а теперь маршъ!

Витя тронулъ рысью и, оставаясь въ томъ же положеніи, хотя ему съ непривычки и было страшно неудобно, доѣхалъ такъ до дому.

Черезъ три дня подъ вечеръ изъ Трупца въ сторону Самомукъ двигалась телѣга, нагруженная всевозможными сельскохозяйственными орудіями; позади плелась лошаденка. Спереди на мѣшкѣ, туго набитомъ соломой, сидѣлъ докторъ, а рядомъ съ нимъ, какъ шишка при дубѣ, сіяющій Витя въ роли возницы. Двѣ гнѣдыхъ, круглыхъ, какъ огурчики, лошаденки трусили мелкой рысцою. Докторъ угрюмо молчалъ, а Витя, пощелкивая въ воздухѣ бичемъ, весело покрикивалъ: «Но! Но!» и, поворачивая къ старику свое раскраснѣвшееся, загорѣлое личико, повторялъ:

— Что твои арабскіе кони, летятъ, какъ вѣтеръ!

— Ну, ужъ скорѣе точно поросята, — процѣдилъ сквозь зубы докторъ.

Но ему не удалось разубѣдить мальчика, который съ трескомъ въѣхалъ во дворъ и, перегнувшись назадъ, отчаяннымъ «тпру!» остановилъ лошадей.

Докторъ разгрузилъ телѣгу, перенесъ купленныя вещи въ домъ, потомъ усѣлся на завалинкѣ и, оперевъ голову на могучія руки, глубоко задумался, всматриваясь въ пламенный дискъ заходящаго солнца, окруженнаго толпою огненныхъ облачковъ.

Витя въ это время вертѣлся около лошадей, рвалъ полныя горсти травы и пытался кормить ихъ съ руки, вытиралъ соломой копыта, расчесывалъ на арабскій ладъ запутанныя гривы, въ концѣ концовъ подбѣжалъ къ доктору и спросилъ:

— А не попробовать ли намъ Бедуина и Пустыню въ плугѣ?

Докторъ вздрогнулъ, какъ разбуженный.

— Что ты говоришь?

— Да чтобъ испробовать лошадей и плугъ,—робко повторилъ Витя.

— Можно,—отвѣтилъ, подумавъ, докторъ.—Сегодня же пропашемъ границу,—живѣе добавилъ онъ.

Запрягли лошадей въ соху. Постанскій схватилъ сильными руками рукоятки и скомандовалъ:

— Бери лошадей за узду и веди прямо!

Витѣ припомнился сразу Римъ, Ромулъ и Ремъ и всѣ ихъ приключенія.

Съ тайною дрожью онъ схватился трепетною рукою за узду, и глазенки его заблистали отъ внутренняго огня.

— Но!—крикнулъ громкимъ голосомъ докторъ.

Лошади напряглись и тронули разомъ. Медленно подвигались онѣ впередъ, облитыя багровыми лучами заходящаго солнца. Легкій вѣтерокъ игралъ черными кудрями мальчика, шагавшаго въ нѣмомъ восхищеніи, и развѣвалъ сѣдые волосы маститаго старца со смуглымъ, мужественнымъ лицомъ.

Потянулись крикливыя стаи галокъ. А мальчику казалось, что это хищныя птицы славы, предвѣщающія одному изъ основателей новой столицы господство, а другому—преждевременный конецъ, и сердце билось у него въ груди порывистыми ударами.

На неподвижномъ лицѣ Постанскаго отразилось также нѣкоторое волненіе.

Въ продолженіе всѣхъ каникулъ Витя почти цѣлые дни проводилъ въ Самомукахъ и не разъ оказывался дѣйствительно полезнымъ доктору.

Постанскій обладалъ громадными силами и умѣлъ дѣлать почти все, но есть такія вещи, въ которыхъ одному не справиться, и тутъ-то дѣтскія ручки являлись ощутительною помощью.

Для Виктора же постройка настоящей конюшни, паханіе не въ шутку, а въ серьезъ, корчеваніе пней среди «пампасовъ» крапивы, чистка и кормленіе «арабскихъ» лошадей, а главное, возможность пользоваться совѣтами и помощью, добрыя отношенія съ такимъ Постанскимъ, выработка съ нимъ общихъ плановъ на будущее, разборъ результатовъ цѣлесообразнаго, плодотворнаго труда — все это имѣло неизъяснимую прелесть.

Появленіе доктора произвело не малое впечатлѣніе на окрестныхъ жителей, а собственноручное устройство усадьбы, добровольный отказъ отъ остальной части имѣнія и вообще оригинальный образъ жизни разожгли людское любопытство до послѣднихъ предѣловъ.

А такъ какъ докторъ совершенно открыто избѣгалъ всякихъ сношеній съ людьми, маленькій Витя сдѣлался центромъ назойливыхъ допытываній, даже зависти, а въ концѣ концовъ и злостныхъ сплетенъ, задѣвающихъ память его покойной матери.

Сплетенъ мальчикъ совершенно не понималъ, зато разспросы доставляли ему необыкновенное удовольствіе. Руководясь, однако, врожденною деликатностью, а отчасти и изъ шалости и желанія сдѣлать наперекоръ, гордый своими отношеніями къ старику, Витя принималъ таинственный видъ и отдѣлывался отъ всевозможныхъ приставаній шутками или вымыслами собственной фантазіи. Вообще онъ по природѣ былъ скроменъ, а могъ бы, конечно, многое разсказать.

Несмотря на то, что Постанскій не имѣлъ обыкновенія откровенничать передъ кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе передъ ребенкомъ,

часто все-таки безсознательно, во время своихъ размышленій вслухъ, отвѣчалъ на вопросы, которыми его постоянно засыпалъ Витя. И такъ, невольной обмолвкой или выразительнымъ жестомъ онъ приподымалъ завѣсу съ прошлаго, выказывалъ свои душевныя волненія, а впечатлительный мальчикъ одно понималъ, о другомъ догадывался, третье схватывалъ чутьемъ, а все—прекрасно запоминалъ.

Такимъ путемъ за лѣто маленькій Витя пріобрѣлъ ключъ, который ему позволилъ позднѣе, когда онъ выросъ, разгадать и оцѣнить по справедливости всѣ прославленныя чудачества старика-скитальца, удрученнаго обманчивымъ днемъ жизни и явившагося въ Самомуки провести мрачный вечеръ ея среди воспоминаній о минувшихъ снахъ юности, думъ о человѣческой будущности, загадокъ жизни и смерти.

Викторъ сохранилъ навсегда привязанность и уваженіе къ Постанскому; навѣщалъ его при каждомъ случаѣ, хотя старый нелюдимъ и становился въ разговорѣ и обхожденіи все болѣе тяжелымъ, черствымъ и до боли крутымъ.

Даже присутствіе Виктора не смягчало его обиднаго, горькаго тона, полнаго неожиданныхъ обращеній къ самому себѣ, скрытыхъ недомолвокъ, то вдругъ внезапныхъ, рѣзкихъ вспышекъ якобы искренности. Тонъ этотъ былъ отчасти слѣдствіемъ уединенія, отчасти обострившимся на жизненномъ пути выраженіемъ его прямолинейной непреклонной натуры, вспыхивающей по временамъ, какъ лава въ потухающемъ вулканѣ.

III.

Колебанія.

Бэля выразила мужу свое мнѣніе о Марынѣ въ слѣдующихъ словахъ:

— Такъ себѣ, худенькая, но довольно миленькая и, должно быть добрая!

Дѣйствительно Марыня на первый взглядъ производила неопредѣленное впечатлѣніе, чему больше всего способствовали мелкія черты ея лица, налагавшія на него отпечатокъ чего-то блѣднаго, почти эфирнаго, какъ призрачныя видѣнія, носящіяся передъ утомленными безсонницей глазами одинокихъ страдальцевъ.

Линіи и формы ея лица казались второстепенными, и только дѣйствительное выраженіе его, или вѣрнѣе способъ проявленія этого выраженія, не отражавшаго въ себѣ явленій внѣшняго міра, разъясняло или отражало эти линіи, точно лицо ея было только экраномъ, чувствительнымъ къ малѣйшимъ перемѣнамъ въ напряженности внутренняго огня. Способствовала этому и ея бѣлая кожа, прозрачная и нѣжная, какъ лепестки лилій, на которой свободно безъ примѣси постороннихъ цвѣтовъ, игралъ пламень ея духа.

— Можетъ быть, она и красива, но во всякомъ случаѣ ужъ очень худа!—рѣшила при болѣе внимательномъ осмотрѣ Бэля.

Однако, когда она увидѣла Марыню, во время одѣванья, обнаженными руками придерживавшую темныя, мѣстами блестящія, волны чудныхъ пышныхъ волосъ, — ею овладѣло сомнѣніе; съ виду худая Марыня обладала дивными формами, точно изваянными изъ твердаго розоваго мрамора.

Тайное чувство нерасположенія и зависти шелохнулось въ сердцѣ гордой Изабэллы, которая не безъ основанія считалась въ окрестностяхъ величественною красавицею hors concours.

Но Марыня была такъ далека отъ малѣйшаго намека на соперничество, что, казалось, и не подозрѣвала возможности чего-нибудь подобнаго. Къ тому же ея чарующее сердечное обхожденіе — безсознательное обаяніе, простота и нѣжность скоро обезоружили Бэлю. Обида была забыта, а надорванная нить симпатіи срослась еще крѣпче. Бэля заняла по отношенію къ невѣсткѣ излюбленное положеніе покровительницы, чему Марыня поддалась безъ сопротивленія, и даже съ благодарностью. Жизнь въ свое время такъ ее запугала и пригнула, что у нея навсегда осталась черта нѣкоторой боязливости при встрѣчѣ съ людьми, и склонность принимать малѣйшій признакъ сочувствія съ ихъ стороны, не какъ должное, а какъ незаслуженный даръ. А покровительство Бэли было искренно, сердечно.

Викторъ былъ этому чрезвычайно радъ. Онъ предвидѣлъ возможность разлуки съ женой на довольно долгое время, а что еще того хуже, на совершенно неопредѣленный срокъ; поэтому ему хотѣлось, чтобы по крайней мѣрѣ она была въ тепломъ гнѣздышкѣ, если ему и придется переносить лишенія.

Въ братѣ онъ былъ вполнѣ увѣренъ. Игнатій безъ труда владѣлъ собой, и сумѣетъ сдержать себя; изъ расположенія же къ Виктору, онъ никогда не выказалъ бы передъ Марыней своихъ чувствъ, даже еслибы былъ не расположенъ къ ней. Бэля при живомъ темпераментѣ обладала подвижнымъ язычкомъ, къ тому же настолько зависящимъ отъ минутнаго настроенія, что ни зачто на свѣтѣ не сумѣла бы притворяться благосклонной или скрыть нерасположеніе. Къ тому же она вѣрила въ безошибочность перваго впечатлѣнія, часто поддавалась предубѣжденію и упорно настаивала на своемъ. Поэтому Викторъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что Марыня съ этой стороны обезпечена, и притомъ вполнѣ, такъ какъ обыкновенно самыя продолжительныя симпатіи Бэли выражались въ формѣ благосклоннаго покровительства. Однако чѣмъ благополучнѣе все устраивалось, тѣмъ труднѣе было Виктору разстаться съ Кленовымъ. Ощущеніе сладкаго отдыха, какъ частая сѣть, опутывало его сердце и оно, какъ напряженные нервы, страдало при одной мысли о разлукѣ.

Подъ старымъ кровомъ этой усадьбы собрались теперь всѣ пред-

меты его личныхъ привязанностей, всѣ сокровища его личнаго счастья. Въ ихъ средѣ его рѣшимость слабѣла съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ ему труднѣе становилось произнести «до свиданія», и эти слова грозили отодвинуться въ безконечность, теряя на всегда всякій смыслъ; а въ то же время онъ чувствовалъ, что это необходимо, и чуть не проклиналъ неумолимый голосъ, взывавшій къ нему «за мной».

Къ тому же онъ началъ сомнѣваться въ правдѣ этого голоса; ибо каждый разъ, какъ онъ только напоминалъ о своемъ отъѣздѣ, ему бросались въ глаза безпокойные взгляды Марыни, врѣзывались въ его душу, и рыдали тамъ неизмѣримо дольше, чѣмъ длился тотъ отпечатокъ смертельной тоски, что появлялся на ея лицѣ при этихъ мимолетныхъ взглядахъ. Прислушиваясь къ этимъ необычнымъ рыданіямъ, Викторъ съ мукой задавалъ себѣ вопросъ: смѣетъ ли онъ открыто подставлять свою грудь, если направленный въ нее ударъ растерзаетъ сердце другого человѣка; имѣетъ-ли онъ право разорвать нѣжныя объятія, въ которыя онъ самъ отдался, если не онъ будетъ потомъ ломать руки съ отчаянія.

Онъ удалился въ Кленовъ, чтобы оставить тамъ Марыню, отдохнуть, прикурнувъ на время, какъ заяцъ, и вернуться назадъ.

А между тѣмъ, чѣмъ ближе подходилъ назначенный имъ самимъ срокъ отъѣзда, все болѣе и болѣе запутывался этотъ гордіевъ узелъ.

Разрубить его онъ не рѣшался, чувствуя скрытую въ его завиткахъ чужую кровь и чужія слезы, а распутать его не умѣлъ.

Его чуткая, изощренная совѣсть, которая до сихъ поръ разрѣшала всѣ житейскія проблемы почти механически, теряла ежедневно выразительность дикціи и заикалась все чаще и чаще. Зато усиливался голосъ разсудка; а разсудокъ этотъ запутывалъ только все дѣло, водилъ его отъ Анны къ Каіаффѣ и лицемѣрно умывалъ руки. Единую личность и милліоны противопоставлялъ Викторъ. Но это уже былъ только подсчетъ, ибо куда-то исчезъ тотъ чудесный пылъ, теперь точно покрытый пепломъ, который умѣлъ милліоны слить въ одно существо, трепещущее жизнью, могучее, потрясающей выразительности. Механическое же сложеніе давало только рядъ разрозненныхъ отдѣльныхъ единицъ.

Тогда Викторъ ощущалъ какъ бы параличъ всѣхъ силъ своего духа, терялъ отвагу и увѣренность въ дѣйствіяхъ, ему казалось, что онъ каждую минуту можетъ упасть, и нѣчто драгоцѣнное сейчасъ же разобьется, и онъ цѣпенѣлъ отъ ужаса, не находя выхода изъ ложнаго круга мысли, и еще болѣе страдалъ отъ этого.

По природѣ онъ не былъ способенъ ни на компромиссы, ни на безразличное существованіе, а ему казалось, что остаются только эти два выхода, оба невозможные и, однако, неумолимо-неизбѣжные. Дошло до того, что вопреки своей дѣятельной и энергичной натурѣ, онъ рѣшился ждать, въ надеждѣ, что, въ концѣ концовъ, что-нибудь должно свер-

шиться въ немъ, и чаша вѣсовъ сама собой перетянетъ. Поручивъ это запутанное и тяжелое дѣло безсознательнымъ нѣдрамъ своей души, онъ отдѣлался отъ сознательныхъ мученій, но зато тѣмъ явственнѣе проявилось безпомощное чувство смущенія и душевной растерянности. Внѣшнимъ образомъ это не замедлило выразиться въ полной утратѣ стремленій къ какой бы то ни было цѣли. Такъ напримѣръ, вскорѣ по пріѣздѣ онъ началъ было мостить кирпичами дорожку въ паркѣ, ведущую къ такъ называемому Викторову оврагу и долженствующую носить имя Марыни, а потомъ ему приходилось дѣлать надъ собой усилія, чтобы кое-какъ довести до конца начатую работу.

Зато онъ могъ часами бродить по полямъ и ущельямъ, и въ этомъ безцѣльномъ блужданіи, такъ подходящемъ къ его внутреннему состоянію, находилъ особую прелесть и что-то въ родѣ душевнаго облегченія.

Однажды онъ забрелъ подобнымъ образомъ далеко отъ дому. Было уже за полдень, солнце стояло еще довольно высоко, маленькое и раскаленное добѣла. Горячіе слои воздуха тяжело и неподвижно висѣли подъ сильно выгнутымъ сводомъ неба, чистаго до приторности, точно вымытаго, чрезмѣрно напряженнаго, словно угрожающаго внезапно разрушиться.

Викторъ шелъ по краю высокой межи, раздѣляющей огромныя пространства низко сжатой желтой ржи, потоптанныя мѣстами скотиной и обнаженныя до бурой потрескавшейся поверхности земли. Блуждающіе глаза его натыкались по временамъ на синѣющую на горизонтѣ полосу Мышинецкаго лѣса, гдѣ онъ не разъ охотился съ гончими, останавливались отдыхая на зеленой долинѣ, откуда выплывала рѣчка Черноводка, образующая далѣе широкое болото, теперь на половину высохшее, а нѣкогда полное криковъ утокъ и бекасовъ, и снова бродили безцѣльно по окрестностямъ, которыя онъ когда-то исходилъ пѣшкомъ съ собакой, изъѣздилъ верхомъ и зналъ такъ же прекрасно, какъ и тѣ два старые вѣчно бодрствующіе ястреба, которые кружились надъ его головою. Онъ сѣменилъ по привычкѣ, не торопливо, и машинально держался болѣе утоптанныхъ тропинокъ, болѣе удобныхъ проходовъ, безсознателяно сворачивая въ ту или другую сторону.

Въ сторонѣ остался Трупецъ; онъ узналъ его по остроконечной башенкѣ стариннаго костела и по зеленому куполу церкви. Онъ пересѣкъ наискосокъ рѣдкую березовую рощицу и очутился на сильно поросшемъ травою пригоркѣ. Это были Самомуцкія поля, необработанный кусокъ земли, среди котораго одинокая усадьба Постанскаго производила впечатлѣніе пріятной неожиданности. Маленькій клочокъ опоясывала со всѣхъ сторонъ живая изгородь изъ терновника, шиповника и барбариса, который уже начиналъ краснѣть и походилъ на коралловый рифъ вокругъ острова зелени. Эта ограда была непроходима лѣтомъ, каждую весну сама ремонтировалась, производила пріятное впечатлѣніе для глазъ и была въ то же время полезна, ибо плоды ея доставляли

превосходную кислоту для борща, а промерзши, давали прекрасный продуктъ для варенья и наливокъ.

Посреди этой пестрой рамы бѣлѣлся крытый гонтомъ домикъ, направо, въ густомъ саду мелькали разноцвѣтныя крышки рамныхъ ульевъ, налѣво зеленѣли гряды овощей, рыжѣло маленькое поле гречихи и желтѣла цѣлой гаммою тоновъ большая площадь густой ржи. Передъ домомъ, между клумбами цвѣтовъ, виднѣлась довольно большая, тщательно выложенная дерномъ горка, цѣлый лѣсъ жердочекъ, обвитыхъ бобами, и высокая группа подсолнечниковъ, привѣтливо кивавшихъ своими золотистыми рѣсницами. Викторъ, послѣ долгаго отсутствія, всегда съ чувствомъ тихой радости встрѣчалъ этотъ очаровательный уголокъ.

Точно также и теперь передъ нимъ возстали поблѣднѣвшія картины давно минувшаго дѣтства, зазвучали заржавѣвшія струны чувствъ, столь же наивныхъ, сколько возвышенныхъ, съ которыми здѣсь впервые встрѣтилось его чистое сердце, и это навело его на ободряющее размышленіе: что можетъ сдѣлать непреклонный, интеллигентный, муравьиный трудъ единичной личности.

На мѣстѣ заброшенныхъ развалинъ двѣ руки одинокаго старца въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ воздвигли цвѣтущую ферму—образцовую и оригинальную, создавъ ее почти изъ ничего.

Живая изгородь была сдѣлана изъ нѣсколькихъ кустовъ, собственноручно вырытыхъ въ какомъ-то оврагѣ, клумбы были засажены полевыми цвѣтами: васильками, колокольчиками, маргаритками, златоцвѣтомъ, макомъ, ятрышникомъ, разноцвѣтной кашкой и обрамлены верескомъ и синевато-лиловыми прелестными фіалками, собранными во рвахъ и придорожныхъ канавахъ. Дикій рой былъ основаніемъ пасѣки. Разъ пріобрѣтенная вѣточка для прививки обращала дикія деревья въ фруктовыя лучшаго сорта. Умѣлый подборъ зерна, выборъ и сортировка болѣе доброкачественныхъ сортовъ, высокая степень обработки земли—все это увеличило урожай почти втрое. Поэтому къ Постанскому обращались за покупкой сѣмянъ даже издалека, и докторъ раздавалъ аптекарскія дозы даромъ, болѣе значительныя вымѣнивалъ на что-нибудь такое, что ему въ данную минуту бывало необходимо, такъ какъ онъ допускалъ только мѣновую торговлю. Денежныя сдѣлки онъ ненавидѣлъ и прибѣгалъ къ нимъ только въ крайнемъ случаѣ. Изъ двухъ золъ онъ предпочиталъ расплачиваться врачебной помощью, хотя и отъ практики уклонялся по мѣрѣ возможности. Это уклоненіе съ его стороны, недовѣріе къ дѣйствію медицинскихъ средствъ—результатъ его общаго скептицизма, туманъ таинственности, покрывающій его прошлое и настоящее,—все это придавало ему особый ореолъ, а нѣсколько счастливыхъ случаевъ создали ему славу чуть ли не чудотворца. Напрасно Постанскій сердился и доказывалъ, что вообще лечатся только дураки, а особенно выдаю-

щіеся у него, радъ не радъ, а наскучивъ просьбами, онъ изрѣдка навѣщалъ больного, а когда тому становилось лучше при одномъ его появленіи, старикъ впадалъ въ гнѣвъ, ругалъ паціента и уѣзжалъ почти обиженный, вытряхивая по дорогѣ карманы пиджака, въ который ему засовывали гонораръ.

Перекинувъ ногу черезъ загородку, Викторъ оглядѣлся по сторонамъ, выискивая хозяина. Свѣжевскопанная гряда, съ воткнутою лопатой и висящей на ней соломенной шляпой и самодѣльнымъ тулупомъ, указывали на присутствіе хозяина. Не видя Постанскаго въ саду, Викторъ вошелъ въ избу.

Первая комната была просторная, почти квадратная, съ тремя окнами, свѣтлая, и была похожа отчасти на мастерскую мастера на всѣ руки, отчасти на рабочій кабинетъ ученаго или артиста-дилетанта. Подъ однимъ изъ оконъ стоялъ дубовый чисто выстроганный столъ, на немъ старинная лампа съ зеленымъ абажуромъ, деревянная точеная чернильница съ такою же крышкой, украшенная тремя сплюснутыми пулями большого калибра, микроскопъ подъ колпакомъ, химическіе вѣсы, цѣлый рядъ бутылочекъ и баночекъ и цѣлая кипа сѣрой пропускной бумаги—гербарій. Передъ столомъ садовое кресло, оплетенное лозою, и двѣ простыхъ скамьи по бокамъ. Посреди комнаты верстакъ, съ разбросанными на немъ различными инструментами, маленькій токарный станокъ и мольбертъ. По стѣнамъ были прибиты два ряда сосновыхъ полокъ, на которыхъ валялась цѣлая масса разнородныхъ предметовъ въ страшномъ безпорядкѣ и точно въ безпокойствѣ: были тутъ и книги, лишенныя переплетовъ, экземпляры древесныхъ грибовъ, шишекъ и различныхъ лишаевъ, изорванныя газеты, всякаго рода желѣзо, черепки отъ чашекъ со слѣдами красокъ, намалеванные картонажи, шкатулки, покрытыя лакомъ не со всѣхъ сторонъ, рамки съ начатой рѣзьбою, какія-то безформенныя фигурки изъ глины, высохшія и потрескавшіяся, плохо набитыя чучела птицъ, шкурки хомяковъ, раковины, камешки, флейта и т. п., множество подѣлокъ не то испорченныхъ, не то брошенныхъ, часто передъ самымъ окончаніемъ, рукою, вѣроятно, разочарованною и нетерпѣливой.

Слѣдующая комната была полной противоположностью первой: узенькая, съ однимъ окномъ, некрашеннымъ поломъ и чисто выбѣленными стѣнами. Подъ окномъ стояли нары изъ драни на козлахъ, покрытые грубымъ войлочнымъ одѣяломъ съ клеенчатою подушкой. Надъ ними висѣли въ рядъ пять гравюръ въ черныхъ рамкахъ: одна изъ нихъ изображала непреклоннаго старика Савинскаго, другая—небольшую энергичную голову Бэма; третья—Гарибальди въ блузѣ и широкой шляпѣ съ лицомъ херувима и львинымъ взглядомъ. Ниже, на гвоздикѣ висѣлъ богатоинкрустированный пистолетъ, а въ головахъ на маленькой полочкѣ, стояла рамка изъ тисненой кожи, въ ка-

кія прежде вставляли миніатюры. Рядомъ ночной шкафчикъ, на немъ огарокъ сальной свѣчки въ деревянномъ точеномъ подсвѣчникѣ, коробочка простыхъ сѣрныхъ спичекъ, щипцы для фитиля и томъ исторіи, заложенный обломкомъ сабли. Стоявшая въ углу на березовомъ пнѣ глиняная чашка съ кувшиномъ воды дополняли меблировку.

Это была чистая, темная комнатка, отличавшаяся суровой простотою, угрюмая, холодная и печальная.

Викторъ разсматривалъ гравюры и таинственную рамочку, которая нѣкогда интересовала его такъ же сильно, какъ пистолетъ, пока вопреки всѣмъ правиламъ скромности, онъ не убѣдился, что въ ней скрывается портретъ красивой молодой женщины въ большомъ декольтэ, задорно улыбавшейся страстной улыбкой розовыхъ губъ, съ лиловыми глазами и капризнымъ наклономъ черной, высоко причесанной головки.

«Это, вѣроятно, его бывшая симпатія и, должно быть, продолжительная», думалъ Викторъ, стараясь припомнить кокетливыя и миловидныя черты, но въ ту же минуту онъ услышалъ за стѣной острый визгъ пилы, прошелъ черезъ маленькую кухню и отворилъ заднюю дверь.

На утрамбованной площадкѣ, одѣтый въ холщевую рубашку и ниспадающія на лапти тиковыя брюки, докторъ усердно распиливалъ двухдюймовую доску.

Онъ мало измѣнился, это было то же большое лицо, гордое, выдѣляющееся на фонѣ длинныхъ сѣдыхъ волосъ головы, бороды и усовъ, изборожденное морщинами и ямами, которыя провело не столько время, сколько постоянная внутренняя борьба. Изъ-подъ разстегнутой рубахи виднѣлась косматая грудь, пересѣченная посреди полосою загорѣлой кожи, цвѣтомъ напоминавшей ремень; лицо также сильно загорѣло, а выступающій горбатый носъ походилъ цвѣтомъ на сильно пропеченный хлѣбъ.

— Богъ помощь!—привѣтствовалъ доктора Викторъ.

— А, это ты!—глухо проговорилъ Постанскій, подымая на него свои выпуклые глаза, съ большими бѣлками, покрытыми кровяными жилками, и немного мутными, блѣдно-голубыми зрачками.

— Садись, гдѣ хочешь,—и продолжая пилить добавилъ:—что твой Богъ и въ пилѣ?

— Если ужь Богъ, такъ вездѣ!—отвѣтилъ Викторъ, усаживаясь на завалинкѣ, а потомъ спросилъ:

— Что это вы мастерите?

— Вишь ты, какой зубастый, сразу видно, что дубъ, твердый такой,—бурчалъ подъ носъ докторъ, не прерывая работы.—Хату сколачиваю,—громче добавилъ онъ.

— Хату?—удивленнымъ голосомъ переспросилъ Викторъ, но взглянувъ на размѣры и число досокъ, понялъ въ чемъ дѣло и добавилъ:

— Откуда столь минорное настроеніе?

— И еще глупость,—отрѣзалъ докторъ, отбилъ ударомъ сильной руки отпиленный кусокъ, отбросилъ доску и сказалъ: — нѣтъ, милѣйшій, ни одинъ звукъ не бываетъ даромъ, а все-таки такъ называемая натура vacuum horret,—тутъ онъ подтянулъ брюки и прибавилъ, какъ бы обращаясь къ самому себѣ, поднимая палецъ къ небу:

— Не спѣшу я въ эту дыру, да и ей не къ спѣху, можетъ быть, потому, что есть у насъ съ нею счеты. Ой есть!—повторилъ онъ, махнувъ рукой и добавилъ:—нашлись сухія доски, вотъ я и воспользовался случаемъ, а теперь иду ужинать, хочешь, пойдемъ вмѣстѣ,—и съ этими словами онъ повернулъ въ садъ.

Тутъ онъ сорвалъ разщепленной палочкой нѣсколько румяныхъ грушъ, усѣлся на низко скошенную траву и, прожевывая сочный плодъ съ видимымъ удовольствіемъ, обратился къ Виктору:—Ѣшь!

Проглотивъ съ полдюжины грушъ, онъ вытеръ рукавомъ губы и, уставившись на Виктора своими блѣдными глазами, началъ:

— Поторапливайтесь тамъ съ вашимъ исправленіемъ міровыхъ устоевъ, не то поздно будетъ, ты же мнѣ всѣ уши прожужжалъ: «вотъ увидите, докторъ, увидите!» Я было и глаза вытаращилъ, и хотя на старости лѣтъ вижу лучше вдаль, чѣмъ вблизи, да что-то ничего интереснаго не выходитъ! Чего же ты надулся словно мышь на крупу, или животъ у тебя что ли болитъ, не то геморрой?

— Почему это вы говорите «интереснаго»? — прервалъ его равнодушно Викторъ и, откинувшись назадъ, погрузился съ плечами въ стогѣ свѣжескошеннаго сѣна.

— Прежде всего скажу тебѣ, почему я вообще говорю,—продолжалъ оживляясь докторъ.—Завтра Вознесеніе, понимаешь, послѣзавтра воскресеніе, а теперь уже вечеръ. Вечеръ наканунѣ праздника—время прекрасное... придутъ, бывало, и тотъ, и другой, и разговоровъ, разговоровъ, до самаго утра не переговорить, чуть языкъ не отвалится... чистое наказаніе, настоящій потопъ словъ! Почему «интересное», а вотъ почему: помнишь ты балаганъ на ярмаркѣ въ Труппѣ: свинья ходитъ на заднихъ лапахъ, при шпагѣ, въ плащѣ и шляпѣ съ пѣтушинымъ перомъ; пуделя—герольдами, а обезьяны—пажами; ты смѣялся тогда и визжалъ: «какъ интересно!» да и я хохоталъ. А смѣшнѣе всего казался намъ торжественный видъ свиньи и глупыя рожи деревенщины, расплывшіяся отъ восхищенія—помнишь?

— Помню, только не вижу связи!..

— Вздоръ, потому молодо-зелено... а вотъ я... Взять хотя бы тогда въ Берлинѣ: стоялъ прекрасный мартъ, а еще прекраснѣе былъ этотъ памятный день: четыре прусскихъ кабана въ экстазѣ, среди оглушительныхъ криковъ толпы «hoch!» несли въ потѣ лица мою тушу, истину тебѣ говорю. Одинъ отъ радости хваталъ меня за ногу, а я таялъ отъ восторга, лобызался съ какимъ-то мочимордой и, глядя на его

откормленную физіономію, думалъ: «вотъ левъ!..» Но ужъ въ маѣ эти львы показали намъ свою щетину; я и говорю своимъ: «Какъ же такъ! Недавно «hoch!» а теперь бацъ, бацъ», а они мнѣ на это: «Чего-жъ ты хочешь? Извѣстное дѣло, картофельныя души! Вотъ венгры, тѣ молодцы»!.. «Побрелъ я къ молодцамъ... Красиво раздается это ихъ «eljen!» даже въ ушахъ звенитъ... Итальянское «evviva!» тоже было ничего себѣ; а ужъ французское «vive!» прошу покорно! Кажется, сердце рвется на части. Ну и что ты на это скажешь? И «hoch», и «eljen», «evviva» и «vive»—все это по нашему значитъ: «Постанскій, вначалѣ хоть ножки на столъ; и картофель тебѣ, и перецъ съ солониной, и макаронъ, сколько хочешь, и рейнвейну! А какъ готово—пошелъ вонъ! и ни гроша на чаекъ!» И вѣрно, потому что и я былъ въ толпѣ... А теперь почитываю себѣ газетки... Нѣкоторые пошли очень высоко. Хоть бы, напримѣръ, самый ярый гарибальдіецъ, Криспи, сдѣлался министромъ, вотъ тебѣ и все!

Только какого чорта онъ копируетъ Бисмарка! Тянется за нимъ, да куда ему, не доросъ! Такъ себѣ, обыкновенный поросенокъ, а этотъ—геніальный іоркширскій кабанъ! Я просто влюбленъ въ него... вотъ это, дѣйствительно, башка! Безъ всякихъ метафизическихъ спекуляцій, схватилъ по-хамски черезъ anus духъ исторіи, вытащилъ его и показалъ какъ на ладони... Хоть и выражено это было довольно грязно, зато убѣдительно искренне... Вотъ это я понимаю! А если выползетъ этакій пасхальный поросенокъ и начнетъ пищать: «egalité, liberté», копаться въ прогорклой тушеной капустѣ, такъ меня просто тошнитъ...»

Докторъ плюнулъ и продолжалъ свой монологъ.

Викторъ лѣниво погружался въ свѣжее сѣно, пахнущее сыростью. Смыслъ словъ Постанскаго нимало его не задѣвалъ, зато хаотическій потокъ его рѣчи и хрипящій по временамъ голосъ, какъ скрипъ тупого напильника, развлекалъ его... Онъ чувствовалъ тогда, точно въ груди его образовывались безболѣзненные нарывы, которые лопались съ легкимъ напряженіемъ, обливая чѣмъ-то холоднымъ и безразличнымъ, какъ лимфа.

Ему не хотѣлось ни слушать, ни тѣмъ болѣе спорить, все его сознаніе поглощалъ мирный видъ яркаго заката, гдѣ громадный кругъ солнца, опускающагося во мглѣ золотистыхъ облаковъ, обливался кровью въ гордомъ молчаніи. Передъ нимъ въ красноватомъ туманѣ простирались обнаженныя поля, съ которыхъ вѣяло вечернею прохладой, поднимавшей изъ глубины овраговъ застывшій туманъ.

Густая, сѣрая тѣнь быстрымъ неувѣреннымъ движеніемъ прокрадывалась въ мѣста, покинутыя свѣтомъ, прячась по временамъ въ извилинахъ мѣстности. Какая-то величественная грусть, грусть безъ тѣни страданія, царила въ этомъ спокойномъ, медлительномъ взглядѣ угасающаго дня, въ этомъ пламенномъ заревѣ, образующемъ море огня, рас-

плывающееся розовымъ потокомъ въ роскошныя озера расплавленнаго золота, въ ясныя, блѣдно-зеленыя ленты, въ широкія распростертыя фіолетовыя полосы, точно схваченныя мѣстами воздушными устами лиловыхъ сумерекъ.

Солнечный дискъ становился съ каждою минутою багровѣе и больше, словно пылающій костеръ, растаскиваемый во всѣ стороны невидимыми поджигателями, которые, казалось, забрасовали горящія головни все выше, на груды горячихъ облаковъ, чтобы распространить общій пожаръ по небу и землѣ; но быстро угасали развѣянныя искры, мѣсто потухшаго зарева мгновенно было занято сѣрой мглою, точно дымомъ тлѣющаго пожарища, а центръ костра, выбившись изъ силъ, рдѣлъ все болѣе широкимъ, но понижающимся пламенемъ.

А докторъ возбужденно продолжалъ:

— Сила выше права, это немного поражаетъ, какъ всякая правда, освобожденная изъ-подъ сентиментальныхъ оболочекъ; а въ сущности гораздо лучше самая грубая сила, око за око, зубъ за зубъ, чѣмъ торжественное заковываніе ея въ холодныя цѣпи справедливости... по крайней мѣрѣ, это нѣчто живое, непосредственное, болѣе натуральное, человѣческое, подвижное... Сила можетъ быть исчерпана, она измѣняется, доступна различнымъ чувствамъ, можетъ гнѣваться, обезумѣть, но можетъ и растрогаться, сжалиться... А если тотъ или иной, изъ крючкотворовъ исполняетъ мнѣ за мѣсячное жалованье роль наемнаго мстителя, и преспокойно ковыряя въ носу, во имя параграфа такого-то закатываетъ въ каторгу опаршивѣвшаго въ тюрьмѣ бродягу, то мнѣ опять противно дѣлается! Ну, что-жъ ты молчишь, чортъ возьми?!— сердито обратился онъ къ Виктору.

— Потому что я согласенъ, даже съ апофеозомъ канцлера, какъ к винтъ-эссенціей современности, которая, однако, нисколько не предрѣшаетъ будущаго,—нехотя отвѣтилъ Викторъ.

Въ тонѣ его голоса проглядывала какая-то апатія, налагавшая отпечатокъ равнодушія на черты его лица.

— Тѣ отсылаютъ къ небу, а эти къ будущему!—пробормоталъ докторъ и быстро взглянулъ въ утомленные глаза Виктора.—У тебя какой-то гвоздь въ головѣ!—вдругъ сказалъ докторъ и поднялся.

— Есть!—отвѣтилъ, также вставая, Викторъ.

— Разумѣется; какъ только твой лысый братецъ прочиталъ мнѣ письмо, я сейчасъ же подумалъ: готовъ! это сразу было видно—идіотъ,—съ первой же ступени эта лѣстница ведетъ въ яму; а онъ еще гнѣздо себѣ лѣпитъ, птенцовъ выводитъ... Плюнь ты на все это, пока не поздно.

У старика голосъ дрогнулъ, точно онъ захлебнулся; онъ откашлялся и снова началъ говорить быстро и еще ворчливѣе:

— Только не думай, пожалуйста, что я изъ-за какого-нибудь романтизма... я только такъ, для собственнаго удобства... мнѣ тутъ, видишь

ли, лѣтомъ ничего, а вотъ какъ снѣгу навалитъ, такъ немного крутенько, то-есть скучно, не съ кѣмъ словомъ перекинуться!.. Знаю, ты мнѣ сейчасъ начнешь проповѣдывать о какой-то совѣсти, да только это глупая болѣзнь, хотя и органическая, какъ порокъ сердца, съ нею человѣкъ родится, кряхтитъ и умираетъ... Но, видишь ли, вѣдь ты могъ бы—такъ, гдѣ-нибудь, ну хоть бы здѣсь—отдѣлить себѣ клочокъ земли отъ свѣта, сколько тамъ на васъ придется, и жить... можетъ быть, до чего-нибудь лучшаго и дожилъ бы... Вѣдь это земля ничья, хоть я и плачу за нее подати... Ты говоришь: будущее! да вѣдь это журавль въ небѣ... Ты вотъ какъ откопаешь одного, другого съ закопчеными лапами, такого же безумца, какъ самъ, и скачешь отъ радости... А лучше посмотри-ка на этихъ мужичковъ, которыхъ вѣками лупили по мордѣ, на этихъ трупецкихъ жидковъ, босяковъ, ихъ много на свѣтѣ!.. Скажутъ имъ медовое словечко, и они вамъ покажутъ будущее, и какъ еще!.. Я-таки погулялъ по бѣлу свѣту, и до сихъ поръ еще шляюсь, слушаю и наблюдаю, потому по природѣ я любопытенъ; да мнѣ и ходить незачѣмъ... Собираются у меня тутъ на дворѣ ежегодно разные Цопки, Гжибы, Сайки, Солтыски, хватаютъ за ноги, лижутъ руки: «Хорошо бы было, кабы вы, добродію, намъ по-сосѣдски удружили и землицу продали!» Берите такъ, говорю, услугу окажете, потому меня подати заѣдаютъ, хотите—формально подпишу! И что-жъ ты думаешь? Глаза у нихъ разгораются отъ жадности, а подозрѣваютъ, что я какой-нибудь подкопъ подъ нихъ подвожу; ненавидятъ меня за это, готовы въ ложкѣ воды утопить; запахиваютъ у меня каждую весну по клочку земли, и ждутъ, пока я сдохну, чтобы разорвать на части всю усадьбу... А я, какъ на зло имъ, живу, потому что не хочу доставить имъ этого удовольствія... Поди-ка, поди-ка! Изложи имъ свои теоріи!..

И докторъ, желая загладить минуту излишней откровенности, началъ жаловаться на непріятность, которую причиняютъ непрошенные гости во время самой горячей работы, и не прощаясь побрелъ къ дому.

Уже сильно стемнѣло; въ густой синевѣ тучъ проскользывали иногда поблѣднѣвшіе отблески солнечной зари; по усѣянному облаками небу, блестѣли кое-гдѣ мерцающія звѣзды, какъ искорки послѣ потухшаго пожара. Викторъ шелъ дорогой между двумя высокими насыпями, какъ въ тунелѣ; онъ останавливался надъ неожиданнымъ предложеніемъ доктора, но такъ безучастно, какъ будто это было одно изъ несбыточныхъ мечтаній, съ которымъ мысль, освобожденная отъ строгихъ оковъ, позволяетъ себѣ играть для собственнаго удовольствія. Отрывки тирадъ доктора, скомканные съ цѣлою массою посторонних понятій, безформенной глыбой возставали въ его головѣ, какъ льдины въ узкомъ мѣстѣ рѣки, образуя временами непріятные заторы. Вся эта стихійная игра души носила отпечатокъ мучительнаго кризиса и происходила какъ-то помимо его участія. Самъ онъ во всемъ этомъ находился

въ положеніи разсѣяннаго зрителя, который спрашиваетъ себя, пожимая плечами, къ чему все это? что это значитъ? какое мнѣ до всего этого дѣло? и между тѣмъ, старается услѣдить за важнѣйшими моментами этого запутаннаго, унизительно-безсмысленнаго акта, предчувствуя, что совершится что-то, чего онъ ожидаетъ.

Въ своихъ чувствахъ онъ испытывалъ легкое подергиванье, какое испытываетъ рука рыбака, когда что-то дергаетъ за крючокъ. Это его сильно занимало, и онъ ожидалъ только соотвѣтственнаго момента, чтобы вытащить на свѣтъ изъ мутныхъ глубинъ невѣдомую добычу.

Когда все это сразу исчезло, погрузившись въ бездонный омутъ, Викторъ пережилъ минуту разочарованія, и осмотрѣвшись, замѣтилъ вдругъ, что онъ находится на улицахъ Трупца, совершенно зря прошелъ съ лишнюю версту дороги и что пора возвращаться домой.

Мѣстечко ночью выглядѣло такъ себѣ. Среди темной безжизненной массы скученныхъ домовъ, поблескивали освѣщенныя шабасовками окна, производя среди окружающей пустоты и темноты впечатлѣніе мертваго веселья. Пахло гнилью, ноги тонули въ жидкой, липкой грязи, смѣшанной, какъ хорошее тѣсто, все это указывало Виктору, что онъ находится въ самомъ центрѣ Трупца, на базарѣ. Это была довольно большая, овальная площадь, въ данную минуту безлюдная и тихая; временами только поперекъ ея быстро шмыгали длинныя, словно безногія, темныя фигуры и вдругъ исчезали въ одной и той же точкѣ, точно пропадая сквозь уголъ выступающей стѣны.

Вблизи этого мѣста Викторъ услышалъ продолжительный шумъ, точно глухой отзвукъ сдавленнаго голоса, выходящаго изъ-подъ земли.

— Просто сбѣсились эти пархатые, чортъ ихъ возьми, съ этимъ *магетомъ*!—пробормоталъ, проходя мимо него, ночной сторожъ и поплелся дальше, лѣниво постукивая толстой колотушкой.

Въ ту же минуту промелькнуло какъ разъ передъ Викторомъ нѣсколько длиннополыхъ тѣней. Онъ проводилъ ихъ взглядомъ въ глубь пасти, поглотившей ихъ. Когда онъ приблизился туда, на него, какъ изъ огромной пасти дракона, пахнуло удушливымъ запахомъ и тусклымъ свѣтомъ, а подходя еще ближе, онъ разслышалъ протяжные звуки и мѣрныя рукоплесканія.

Это былъ входъ въ синагогу. Устроенный ниже уровня площади длинный темный проходъ неожиданно переходилъ въ широкое сводчатое помѣщеніе. Съ перваго же взгляда было видно, что это прочная, вѣковая постройка. На шероховатыхъ стѣнахъ, покрытыхъ каплями сырости, расползлись какіе-то заплѣсневѣвшіе лишаи, которые при слабомъ свѣтѣ производили впечатлѣніе кусковъ малахита. Большая стрѣльчатая арка съ высокимъ каменнымъ порогомъ отдѣляла эту комнату отъ настоящаго мѣста молитвы; уровень ея, вѣроятно, былъ нѣсколько ниже.

Въ сумрачной передней толкалась кучка возбужденныхъ евреевъ,

которые бѣгали по поперечнымъ корридорамъ, показывались ежеминутно изъ многочисленныхъ входовъ, и выбѣгали по нѣскольку разомъ съ оживленнымъ бормотаніемъ; нѣкоторые стояли около стѣнъ, куря папиросы, и засматривали внутрь отъ времени до времени черезъ головы стоящихъ на порогѣ.

Очнувшись отъ охватившаго его въ первую минуту одуренія, Викторъ прежде всего увидѣлъ въ различныхъ мѣстахъ небольшой круглой молельни множество тоненькихъ свѣчекъ и лампочекъ различной величины и формы: все это коптило, мигало или горѣло синимъ раздутымъ пламенемъ, какъ бы стараясь набрать воздуху въ тяжелой атмосферѣ человѣческаго пота. Посреди, на концѣ высокаго шеста виднѣлся крупныхъ размѣровъ домикъ, склеенный изъ разноцвѣтной бумаги, освѣщенный изнутри; шестъ, какъ видно, былъ прикрѣпленъ къ высокой каѳедрѣ, буквально усыпанной еврейскими ребятишками, которые драли глотки, ссорясь и толкаясь сколько было мочи. Но надъ всѣмъ этимъ возвышался исходящій снизу голосъ, скорѣе вой, безпрерывно повторяющій въ довольно скоромъ темпѣ два монотонныхъ звука:

— Наай, наай, ля, ля, ля, ля!

Въ тактъ мѣрно раздавались рукоплесканія. Виктору приходилось видѣть молящихся евреевъ, но тутъ, очевидно, происходило что-то необыкновенное.

Поднявшись на носки, Викторъ увидѣлъ причину этого воя: толпу головъ въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, точно въ муфтахъ, надѣтыхъ стоймя, или въ плоскихъ черныхъ фуражкахъ. Какія-то совершенно чужія, точно въ первый разъ видѣнныя имъ лица, обращенныя къ нему профилемъ, мѣрно покачивались въ одномъ направленіи, ударяя въ ладоши. Видъ сотни движущихся лицъ и мелькающихъ ладоней снова на минуту ошеломилъ Виктора.

Очнувшись, онъ устремилъ глаза въ то мѣсто, куда были обращены взоры всѣхъ присутствующихъ.

Налѣво, между каѳедрой и стѣнной аркой, въ то сжимающемся, то расширяющемся кругѣ столпившихся евреевъ, на пространствѣ едва нѣсколькихъ футовъ, кружилось что-то, покрытое бѣлой кисеей, точно молодая барышня, танцующая соло оберка *).

Каждый разъ, какъ затихало пѣніе, въ первыхъ рядахъ подскакивали вверхъ нѣсколько хасыдовъ въ лисьихъ шапкахъ и атласныхъ халатахъ, съ громкимъ крикомъ оживленно ударяя въ ладоши. Особенно отличался одинъ еврей, черный какъ смоль, съ распущенными пейсами и высохшимъ блѣднымъ лицомъ, который подскакивалъ до половины роста и, обводя вокругъ разгорѣвшимися глазами, ударялъ въ ладони и издавалъ дикій, возбуждающій крикъ. Тогда, точно электрическая искра пробѣгала по толпѣ. Волну людей охватывало точно

*) Польскій народный танецъ.

эпилептическое содроганіе: сонныя лица замечтавшихся пробуждались на минуту, поднимая въ экстазѣ кверху глаза; черты лица неистовствующихъ искривлялись еще больше и выражали какую-то хищную ярость; оживлялись и загорались угасшіе зрачки оцѣпенѣвшихъ отъ изнеможенія, вой усиливался, а рукоплесканія принимали бѣшеный характеръ.

Фигура въ кисейной вуали продолжала кружиться на одномъ мѣстѣ съ не уменьшающейся скоростью.

— Что это тамъ, женщина?—спросилъ Викторъ ближайшихъ сосѣдей, двухъ солдатъ, которые смѣялись во все горло.

— Чаво?—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, окинувъ глазами Виктора, и ткнулъ сейчасъ же какого-то несчастнаго жидка, пробирающагося впередъ, такъ сильно, что тотъ свалился со ступеней внизъ и нырнулъ въ толпу. Раздался новый взрывъ грубаго смѣха.

— Ну, и чего ты толкаешь?—отозвался какой-то высокій безбородый еврей, блондинъ, съ чертами лица, не обличавшими его семитическаго происхожденія.

Солдаты подтолкнули другъ друга и вышли, осыпая всѣхъ по пути отборной руганью.

— Это не женщина: это *магетъ!*—объяснялъ Виктору высокій жидъ.—Онъ такъ въ каждый праздникъ кружится.

— Магетъ?—повторилъ Викторъ.

— О, это великій магетъ, онъ уже у насъ цѣлый годъ, мы его привезли на лошадяхъ, и этотъ домикъ несли, видите тамъ? Красивый домикъ! Онъ былъ еще красивѣе, да немножко подгорѣлъ! А вы не здѣшній?

— Нѣтъ!

— А можетъ у васъ есть папиросочка?

И, получивъ двѣ, жидъ испарился.

Тутъ пѣніе вдругъ прекратилось, кружащаяся фигура исчезла; проходъ мгновенно наполнился евреями; въ молельнѣ стало свободнѣе и тогда сверху Викторъ увидѣлъ толстаго еврея въ лиловомъ халатѣ, сидящаго на полу.

Это и былъ магетъ.

Кисея, откинутая на затылокъ, позволяла видѣть обыкновенное, немного расплывшееся, старческое лицо съ сѣдыми волосами; глаза были закрыты, а грудь тяжело дышала.

Черезъ нѣкоторое время старикъ поднялся и, слегка припадая на правую ногу, съ достоинствомъ прошелъ нѣсколько шаговъ, сопровождаемый свитой евреевъ, которые проталкивались къ нему, стараясь дотронуться до талеса и фіолетовой одежды концами пальцевъ, которые послѣ этого быстро цѣловали, чмокая, точно смакуя.

Въ это время старикъ остановился, закрылъ лицо вуалью, придерживая ее лѣвой рукой на груди, правою руку съ молитвеннымъ кубикомъ на короткой рукояткѣ поднялъ на высоту висковъ и кивнулъ

головой. Въ одну минуту образовался кругъ, нѣсколько лисьихъ шапокъ скакнули вверхъ, раздались рукоплесканія; раздался опять заунывный монотонный мотивъ, вуаль завертѣлась, молельня снова начала наполняться толпою.

— Совершенно другой міръ, невѣдомый міръ!—думалъ оттиснутый въ сторону Викторъ, глядя на мелькающія передъ нимъ одурѣвшія отъ усталости фигуры, возбужденныя, жаждущія участія въ непонятной для нихъ мистеріи.

— Какъ, и панъ тутъ?—прервалъ его мысли знакомый голосъ,— а когда панъ пріѣхалъ? Слышалъ я, что панъ женился; пришелъ панъ посмотрѣть? я теперь уже туда не полѣзу, потому что тамъ, уфъ, какъ жарко!—говорилъ очень красивый еврей, лѣтъ около пятидесяти, одѣтый въ новый, не особенно длинный халатъ и черную репсовую фуражку.

Викторъ хорошо его зналъ; въ свое время этотъ еврей ему дѣлалъ папиросы; позднѣе пустился въ хлѣбную торговлю рожью, нажился, прогорѣлъ, снова нажился и теперь имѣлъ въ Трупцѣ лавочку, гдѣ можно было достать все, что угодно.

Это былъ оборотливый жидокъ, понатершійся въ свѣтѣ, мошенникъ, но въ мѣру: ловкій, одаренный большой дозой проницательнаго ума, немножко даже скептикъ, хотя съ точностью исполнявшій предписанія своей вѣры.

Викторъ любилъ съ нимъ поболтать, а теперь поздоровался съ нимъ почти съ радостью.

— Объясните-ка мнѣ, Ицекъ, что это у васъ творится? Ибо я ничего не понимаю,—проговорилъ онъ.

Жидъ усмѣхнулся и, указывая на большой тюкъ у стѣны, отвѣтилъ:

— Прежде всего мы можемъ себѣ усѣсться, тутъ можно и закурить,—прибавилъ онъ.

Викторь вынулъ портсигаръ.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ еврей, беря папиросу.— Панъ уже видѣлъ его Это магетъ! Онъ все вертится.

— Видѣлъ, но зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?

— Онъ такъ молится, потому что у каждаго магета свой способъ. Былъ тутъ одинъ, который плакалъ, да такъ, что всѣ должны были плакать. Ну а этого мы выписали, дали ему тысячу рублей и домъ; только онъ хочетъ теперь, чтобы ему додали еще двѣсти, и навѣрное дадимъ, потому что пока онъ здѣсь, то тутъ вертятся евреи и изъ Россіи, и изъ Галиціи, есть движеніе, а есть движеніе, такъ оно намъ оплатится. Онъ вертится цѣлый часъ, потомъ три минуты отдыхаетъ, перейдетъ на другое мѣсто и опять вертится часъ, и не ошибется. И такъ семь разъ вокругъ молельни; я самъ не знаю, какъ онъ только можетъ, и старый, и хромой, а можетъ; панъ вѣдь видѣлъ, такъ вотъ оттого онъ и есть магетъ!

— Что это какой-нибудь высшій раввинъ, какъ у насъ епископъ?

— Нѣтъ, раввинъ — это раввинъ, какъ свадьба, такъ и къ раввину; а магетъ—это магетъ, какъ несчастье, такъ и къ магету; онъ съумѣетъ и *дыбка* (безумье) изгнать, посовѣтовать: купить ли не купить, какъ сдѣлать, чтобы дѣти были, у кого нѣтъ... А, панъ, какъ я слышалъ, и дитя уже имѣетъ?

— Да, есть одинъ, сынокъ.

— Сыночекъ! Вотъ и хорошо! Всегда лучше сынъ. У моего сына тоже сынъ, славный ребенокъ, умный мальчикъ. Онъ камашникомъ въ Варшавѣ; я ему скажу, чтобы онъ васъ навѣстилъ.

— Отлично! Вы говорите, что этотъ магетъ съ пользою совѣтуетъ?

— Онъ? Онъ отлично кружится, и мнѣ кажется,—прибавилъ жидъ вполголоса, — что онъ еще лучше кружится чѣмъ... Я вамъ скажу, только вы никому не говорите. По моему, онъ немножко поддѣльный магетъ... Я бы за него и трехъ копѣекъ не далъ.

— Ну, конечно, само собою разумѣется,—началъ увѣряющимъ тономъ Викторъ.

— Охъ, нѣтъ, не говорите такъ,—прервалъ его еврей,—есть хорошіе, настоящіе магеты, черезъ которыхъ Богъ говоритъ, только ихъ мало, все меньше становится, я зналъ одного, такъ это былъ, дѣйствительно, магетъ, какъ червонецъ, настоящій.

— Откуда же вы знаете, Ицекъ, что тотъ былъ настоящій?

— Откуда я знаю, я пану скажу. Было это такъ: былъ себѣ около Люблина такой себѣ бѣдный жидочекъ, у котораго и денегъ совсѣмъ не было, и не былъ онъ способенъ ни къ какому дѣлу, и радовался, если у него ежедневно была головка луку и хвостикъ селедки на шабасъ, какъ это у насъ часто случается. Приходитъ онъ какъ-то къ портному и проситъ, чтобы тотъ ему сдѣлалъ цыцели, вы знаете наши цыцели?... И говоритъ ему, чтобы онъ сдѣлалъ такъ и такъ! И тутъ сказалъ портному такое слово, какого ему еще никто не говорилъ. А портной былъ немножко ученый, и сейчасъ же подумалъ, что тутъ что-то есть. И говоритъ ему:

— Хорошо, Іосель, я тебѣ сдѣлаю хорошія цыцели, а ты мнѣ посовѣтуй въ одномъ дѣлѣ. Есть у меня триста рублей и три дочки, и не знаю, подѣлить ли имъ поровну или нѣтъ? Какъ ты думаешь?

А онъ ему отвѣчаетъ:

— Ты, Янкель, можешь каждой дать по триста рублей, потому что у тебя девятьсотъ.

— Такъ оно и было. Вотъ тутъ и видно стало сразу, что онъ магетъ. Начали къ нему съѣзжаться еврейчики, наняли ему квартиру во второмъ этажѣ, а въ первомъ былъ постоялый дворъ. Онъ совѣтовалъ, и честно совѣтовалъ. Какъ вдругъ случилась эта большая война. Ну, панъ, конечно, лучше меня знаетъ! И пришло страшное французское войско въ Люблинъ. Онъ позвалъ тогда къ себѣ мышуреса; далъ ему красивую перину и файнъ-подушку, и говоритъ:

— Иди съ ней до первой станціи, тамъ будетъ такой маленькій человѣкъ, ты его самъ узнаешь! Дай ему это и скажи, что магетъ присылаетъ, чтобы ему было хорошо спать!

Пошелъ мышуресъ и узналъ сразу этого маленькаго человѣка, хотя на станціи было много большихъ и богатыхъ генераловъ. И вы знаете, кто былъ этотъ маленькій человѣкъ? То былъ самъ Напольёнъ! А какъ онъ потомъ назадъ возвращался, то нарочно пошелъ на Люблинъ, а магетъ смотрѣлъ въ форточку. И вотъ онъ ему два раза до той форточки поклонился, шляпу снялъ и сказалъ: «блягадарю! блягадарю!», такъ что всѣ видѣли и слышали.

— И вы тоже видѣли,—засмѣялся Викторъ.

— Я-то не видѣлъ, потому меня еще тогда на свѣтѣ не было, а мнѣ отецъ разсказывалъ. А что я самъ видѣлъ, то я вамъ разскажу,—отвѣтилъ, оживляясь, еврей.—Я былъ въ то время такой же... Э! моложе, чѣмъ вы, а былъ уже женатъ и имѣлъ троихъ дѣтей, а самый младшій былъ мальчикъ, такой... тотъ самый, который теперь камашникомъ. Я держалъ перевозъ въ Охотницѣ, у пана Нементовскаго. Вы его знаете?

— Нѣтъ!

— Да, конечно, вѣдь это далеко. И былъ я себѣ бѣдный жидочекъ, и держался за этотъ перевозъ руками и ногами, потому что это былъ весь мой хлѣбъ. Панъ не былъ злой, а только горячій; какъ только что не такъ—то сейчасъ сдѣлается такой красный, какъ ракъ, кричитъ, топаетъ... а потомъ ничего... онъ не обижалъ меня. Только разъ говоритъ онъ мнѣ, чтобы я привезъ ему побольше мяса, потому что я ему возилъ, что нужно, изъ Козеницы; а тамъ какъ разъ евреи привезли этого магета изъ Люблина; онъ ужъ былъ старый и такой бѣлый, какъ коза. Ну, и надо же на бѣду, что я немного забылъ про то мясо; а у пана было много гостей, какъ онъ позвалъ меня, да началъ кричать: нѣтъ тебѣ, мерзавцу, больше мѣста съ Иванова дня, нѣтъ! Мнѣ даже немножко нехорошо сдѣлалось, пошелъ и думаю себѣ по дорогѣ, а, что тамъ! Выкричитъ всю злость и будетъ опять все хорошо. А на другой день онъ меня встрѣтилъ и, какъ всегда, говоритъ то то, то се. Шутитъ, ну извѣстное дѣло, панъ... А потомъ вдругъ:

— Только помни, Ицекъ, нѣтъ тебѣ больше мѣста съ Иванова дня.

— У меня и сердце упало!.. Ну, что тутъ дѣлать, жена больна, трое дѣтишекъ... Поѣхалъ къ магету. Положилъ ему полтинникъ и говорю, какъ все было: а онъ посмотрѣлъ въ большую книгу, которая у него всегда лежала на красивомъ столѣ, и говоритъ:

— Ты не бойся, Ицекъ!

— Ну, я и не боялся съ четыре недѣли. Какъ вдругъ тутъ снова говорю я съ паномъ то о томъ, то о другомъ, а панъ вдругъ:

— Только помни, Ицекъ, послѣ Иванова дня убирайся!

— Какъ будто меня кто палкой треснулъ; что тутъ дѣлать, самъ

не знаю? Былъ у меня около дома клочокъ земли; время сажать картофель, а какъ тутъ сажать, если онъ такъ говоритъ. Подождалъ я ярмарки и снова пошелъ къ магету, положилъ ему шесть гривенъ изъ послѣдняго рубля и спрашиваю, что дѣлать. А онъ говоритъ:

— Ты не бойся ничего, Ицекъ!

— А картофель сажать?

— Сажай!

— Посадилъ я картофель, выросъ такой красивый, и цвѣлъ такъ, что просто «ццъ»,—жидъ цмокнулъ,—а какъ разъ въ пятницу, въ Ивановъ день приходитъ управляющій рано утромъ, и говоритъ;

— Ицекъ, панъ приказалъ, чтобы ты духомъ убирался вонъ!

— И зачего мнѣ убираться?—говорю.—А кто будетъ держать перевозъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это ужъ не твое дѣло, пархатый! Убирайся, а то я тебя мигомъ выброшу.

— Я къ пану, прошу, даже плакать началъ. А онъ какъ крикнетъ, говорилъ тебѣ—пошелъ вонъ! Лечу я домой, а сердце такъ и прыгаетъ. На дворѣ выброшены всѣ перины, подушки, жена плачетъ, дѣтки плачутъ, да такъ плачутъ, что просто ужасъ, у меня даже въ головѣ помутилось. Взялъ я у корчмаря рубль въ долгъ, нанялъ телѣгу и лечу въ Козеницу. Прихожу. Меня не хотятъ пустить, потому что онъ теперь молится... Я поднялъ такой гвалтъ, что онъ самъ увидѣлъ и меня позвалъ. Какъ я началъ говорить: «ну и что мнѣ магетъ сдѣлалъ, я ничего, ничего не боялся, и картофель посадилъ, а теперь мой картофель въ землѣ, а перины, жена и дѣти на дворѣ!» А онъ какъ былъ въ молитвенной одеждѣ, съ толстой книжкой въ рукахъ, такой сѣдой, какъ коза, посмотрѣлъ только странно на меня и говоритъ:

— Просилъ пана?

— Просилъ.

— А онъ что?

— А онъ меня собаками...

— Какъ я это сказалъ, то онъ, какъ держалъ книгу, да какъ броситъ ее на землю и крикнетъ:

— Если онъ такой,—такъ пусть сдохнетъ, какъ собака!.. Такъ во мнѣ все и затряслось. Вышелъ я тихо и думаю: что теперь будетъ, ну и что теперь будетъ? Наступилъ шабасъ, я не могъ вернуться домой, и только въ воскресенье къ вечеру собрался я съ однимъ жидкомъ и ѣду. Подъѣзжаю къ Охотницѣ, а ужъ стемнѣло. Смотрю, а около костела столько свѣту, люди идутъ и что-то несутъ, спрашиваю—что это? Пана несутъ! У него какъ разъ въ тотъ же часъ, какъ магетъ крикнулъ, сдѣлался ударъ.

Тутъ еврей замолчалъ и сидѣлъ нѣкоторое время немного блѣдный, точно утомленный.

— Позвала меня на другой день пани и говоритъ:

— Ну что-жъ, Ицекъ, можетъ быть, и останешься; пока что... Я голову потеряла.—И въ слезы!..

— Я и остался и просидѣлъ на этомъ мѣстѣ цѣлыхъ пять лѣтъ, пока самъ не ушелъ... А картофеля-то было съ 20 мѣръ, едва выкопали, и такія большія, хорошія.

Жидъ цмокнулъ съ наслажденіемъ и сказалъ:

— Ну, и что-жъ вы изъ-подъ себя скажете?

— Что-жъ, случай!

— Случай? Если бы вы слышали, какъ онъ кричалъ, такъ вы бы не сказали «случай». Онъ скоро умеръ, а какъ онъ умеръ: не стоналъ, не болѣлъ, разъ только пискнулъ такъ нѣжно, точно на скрипкѣ заиграли, и ужъ не стало больше такого магета...

Жидъ снова задумался и спросилъ черезъ нѣкоторое время:

— А который теперь часъ?

Викторъ посмотрѣлъ на часы:

— Одиннадцать,—вставая, отвѣтилъ онъ.

— А вы уже уходите?.. Идите, идите, потому что онъ тамъ будетъ кружиться до четырехъ часовъ. До свиданія!—произнесъ Ицекъ и вошелъ въ молельню.

Выходя, Викторъ еще разъ взглянулъ подъ арку: дѣйствительно, разгорячившій толпу хасыдъ скакалъ вверхъ; Викторъ почувствовалъ на себѣ жаркій огонь его расширившихся зрачковъ, выдѣлявшихся на лицѣ, блѣдномъ, какъ бумага, и услышалъ его дикій крикъ.

Какая-то еврейка, которую оттолкнулъ отъ порога старый еврей, что-то ей живо объясняя, начала сейчасъ же хлопать въ ладони, худыя, какъ индюшиныя лапы; другая, сидѣвшая сгорбившись рядомъ съ ней въ съѣхавшемъ на бокъ парикѣ, обливалась сладкими слезами, осматриваясь по сторонамъ, точно въ испугѣ отъ чрезмѣрнаго счастья.

— Наай, наай, ла, ла, ла, ла,—преслѣдовалъ Виктора уже на улицѣ глухой вой, протяжный и жалобный, какъ вѣчные стоны безсильнаго горя!

— Иной міръ! Невѣдомый міръ!—шепталъ Викторъ, быстро удаляясь, словно убѣгая отъ этихъ стоновъ, которые цѣплялись за него и наполняли суевѣрнымъ страхомъ.

Въ головѣ у него зазвучали горькія слова доктора, какъ мѣткія стрѣлы съ отравленными остріями, и еще сильнѣе овладѣли имъ горькія сомнѣнія. Вся безполезность его усилій возставала минутами передъ его глазами, точно озими, потоптанныя обезумѣвшей толпой.

— Скоты!—шепталъ онъ.—Грязная тьма! Я бы не могъ въ такомъ зловоніи кружиться для нихъ ни одной минуты...

Мысли его, охваченныя гнѣвомъ, начинали путаться.

— Наай, наай, ла, ла, ла, ла!—ныло у него въ груди.

Онъ грубо засмѣялся.

Въ эту минуту нѣсколько силуэтовъ всадниковъ промелькнуло через дорогу и помчалось въ сторону деревни. Мужики удирали изъ кленовскаго клевера.

Викторъ, почти взбѣшенный, бросился за ними. Они исчезли и былъ только слышенъ удаляющійся топотъ, который показался ему тѣмъ же самымъ протяжнымъ мотивомъ, какъ вѣчные стоны безсильнаго горя.

Сердце его обливалось слезами горькой обиды:

— Стойте! вѣдь я для васъ...—хотѣлъ онъ крикнуть, но спазмъ въ горлѣ помѣшалъ ему.

Онъ пошелъ, точно придавленный тяжестью; въ груди его что-то сжималось, точно пружина, готовая каждую минуту развернуться, а въ спинѣ онъ чувствовалъ легкое, холодное прикосновеніе чуткой руки суевѣрнаго страха. Онъ боялся оглянуться; быстро прошелъ мимо узкихъ плетней и бѣлыхъ хатъ, блестѣвшихъ при свѣтѣ луны голубоватымъ свѣтомъ, и однимъ прыжкомъ влетѣлъ въ кленовскій садъ. Тутъ страхъ его покинулъ, онъ глубоко отдышался, точно послѣ чрезмѣрнаго усилія и побрелъ въ сторону дома.

Сжиманія въ груди увеличивались; онъ ощущалъ такое чувство, какое должна ощущать земная кора, когда въ одной изъ ея точекъ хочетъ пробиться на свѣтъ рѣчка, текущая въ нѣдрахъ ея, и взлетѣть къ солнцу живительной струей.

Это былъ особый родъ возвышенной надежды; торжественное ожиданіе чего-то желаннаго и великаго; гордость, что оно существуетъ; тихая печаль, что оно до сихъ поръ еще не проявилось.

Вдругъ все въ немъ заколебалось. Онъ очнулся и услышалъ изъ боковой веранды, обросшей дикимъ виноградомъ, хоровое пѣніе: два голоса — болѣе низкій — Изабэллы, болѣе высокій — Марыни пѣли: «Листья осыпались», басомъ вторилъ имъ Игнатій, немного фальшиво, но въ общемъ выходило довольно стройно, и это пѣніе произвело на Виктора милое впечатлѣніе.

Приближаясь, онъ запѣлъ баритономъ слѣдующій стихъ: «Птичка полевая на могилкахъ распѣваетъ».

— Ахъ, это ты, бродяга!—воскликнула Бэля.

— Что же ты, шабасовалъ?—прибавилъ Игнатій.

— Шабасовалъ и былъ у Постанскаго,—отвѣтилъ Викторъ.

И снова въ немъ проснулась болѣзненная печаль, онъ тяжело опустился на уголъ скамейки.

— Пойте!—произнесъ онъ, желая прервать дальнѣйшіе разспросы.

— Что же спѣть?—прошептала Марыня.

— Что-нибудь.

— Ужъ для тебя я знаю что! Вы это, навѣрное, знаете, невѣстка!—начала Бэля нѣсколько тактовъ.

— А какъ же,—отвѣтила Марыня.

И полились торжественные, стройные звуки гимна.

Ночь была ясная, освѣщенная полной луною, которая блистала, окруженная слабымъ ореоломъ разлитаго золота, почти въ самой вершинѣ лазореваго небеснаго свода.

Легкія, прозрачныя тучки быстро пробѣгали по лунному диску, какъ паутинныя нити, безъ начала и конца, влекомыя вдаль невѣдомой и невидимой рукою.

Викторъ смотрѣлъ въ блестящее лицо мѣсяца и весь поддался очарованію ночи и силѣ пѣсни; медленно расходились морщины на поверхности его души, а въ нѣдрахъ ея снова подымалось таинственное волненіе.

Когда запѣли другую пѣснь, Викторъ присоединился къ хору, точно желая отдѣлаться отъ своихъ мучительныхъ мыслей, чтобы ничто не мѣшало тому, что въ немъ зарождалось въ данную минуту.

И вдругъ, при третьей строфѣ, совершенно неожиданно для самого себя, точно повторяя за кѣмъ-то, онъ съимпровизировалъ на мотивъ припѣва:

Хочу уѣзжать;
Коней дай, Игнатій!
Есть много занятій,
Пора и начать!

Высокое сопрано Марыни задрожало и оборвалось сразу, какъ неосторожно задѣтый кусокъ кристалла.

Все затихло. Бэля невольно оглянулась и спросила съ безпокойствомъ:

— Въ чемъ дѣло?

— Викторъ хочетъ ѣхать!—отвѣтилъ вполголоса Игнатій.

— Когда?

— Завтра!

— Вотъ еще!—разсердилась Бэля.—Тоже острота изъ календаря. Солнце такъ ярко заходило — дурная погода или вѣтеръ, ужъ это навѣрное!

— Разумѣется,—присоединился къ ней Игнатій,—останься хоть до понедѣльника...

Викторъ молчалъ; онъ самъ былъ почти испуганъ своимъ заявленіемъ, которое вырвалось у него точно подъ вліяніемъ отголоска, идущаго изъ глубины его души. Но это возвышенное, горячее настроеніе оборвалось вмѣстѣ съ голосомъ Марыни и исчезло безслѣдно. Теперь онъ чувствовалъ, что чаша вѣсовъ нисколько не перетянула, а наоборотъ, тронутая какой-то посторонней силой, качается въ обѣ стороны въ страшно быстрыхъ колебаніяхъ.

Это было чрезвычайно болѣзненное чувство; Викторъ страдалъ прямо-таки физически.

А въ тоже время супруги налегали все сильнѣе, и, сверхъ, того Бэля потребовала содѣйствія Марыни.

Та, забившись въ уголъ беседки, молчала нѣкоторое время; потомъ подвинулась рѣзко, такъ что задрожали виноградные листья, и медленно не своимъ голосомъ произнесла:

— Если Викторъ хочетъ ѣхать, то пусть...

Еще разъ все заколебалось въ Викторѣ; сердце обливалось у него волненіемъ искренней благодарности. Что-то прорвалось, показался жаръ, и Викторъ узналъ въ себѣ тотъ давнишній столбъ огня, энергичный, горящій ровнымъ и чрезвычайно высокимъ пламенемъ.

— Да, долженъ!—произнесъ онъ совершенно сознательно, спокойнымъ, сильнымъ и увѣреннымъ голосомъ.

— Тѣмъ болѣе!—добавилъ онъ мысленно.

— Ну, а если долженъ, такъ ничего не подѣлаешь! — отвѣтила Бэля съ раздраженіемъ въ голосѣ.—Идемъ-те,—прибавила она холодно и, нетерпѣливо звеня ключами, ушла въ комнаты.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

На топкомъ болотѣ изсохшіе пни,
Гнилушки его освѣщаютъ...
Мучительно-долгіе сѣрые дни,
Здѣсь сѣрыя тѣни страдаютъ.
Подъ ними трясина, колеблясь, стоитъ,
Надъ ними туманъ блѣдносиній,
И птичка-пѣвунья сюда не летитъ,
И тихо надъ мертвой пустыней.
И солнца не видно... И гады шипятъ...
И тѣни печальныя стонутъ....
Безсильныя, рвутся на волю, назадъ,
Но тихо и медленно тонутъ.
И смотрятъ съ тоскою на небо онѣ,
На вольную, смѣлую стаю:
Свободныя, мчатся къ иной сторонѣ,
Къ далекому, свѣтлому краю!

Пѣсня птицъ.

Мы, свободныя, счастливыя,
Покидаемъ васъ, тоскливыя,
Молчаливыя мѣста!
Мы—туда, гдѣ моря южнаго,
Неогляднаго, жемчужнаго
Ярко блещетъ красота!
Мы хотимъ забыть унылое,
Вѣчно хмурое, постылое
Небо этой стороны!
Ищемъ вѣтра ароматнаго,
Ищемъ солнца незакатнаго,
Ищемъ жизни и весны!

*

Выше, выше мы поднимемся,
Шире, шире мы раскинемся
По равнинамъ голубымъ,
И усиліями дружными
Къ морю съ волнами жемчужными
Безъ оглядки полетимъ!

II.

Сонъ пропалъ. Не знаю, что со мной!
Красоту деревьевъ серебристыхъ,
Пыль снѣжинокъ, легкихъ и пушистыхъ,
Точно вновь я вижу предъ собой.
Мы летимъ.. Какъ хороши поля!
Подъ санями искра потухаетъ,
Чутъ мелькнувъ... А сзади убѣгаетъ
Въ быстромъ бѣгѣ бѣлая земля...
Мы одни... Ни звука... Какъ огнемъ,
Рѣзкій вѣтеръ лица обжигаетъ,
И желанье счастья закипаетъ
И отвага въ сердцѣ молодомъ.
Все слилось въ серебряной пыли;
На душѣ отрадно и тревожно,
И мечту, и небо невозможно
Отдѣлить отъ правды и земли...

Л. М. Василевскій.

ЧЕЛОВѢКЪ-ЗВѢРЬ.

(Изъ книги «По полямъ и лѣсамъ»).

...Я, кажется, никогда не переживалъ такихъ скучныхъ сумерекъ!.. Небо хмуро, темныя тяжелыя тучи завѣшиваютъ его отъ края до края... И тянутся тучи сплошной однообразной грядой и застилаютъ свѣтъ и безъ того короткаго осенняго дня...

Частая кисея дождя прячетъ отъ глазъ разостлавшуюся передъ станціей широкую, привольную степь. Я стою у окна и битый часъ смотрю на эту скучную панораму, прислушиваюсь къ шуму листьевъ на чахлыхъ деревцахъ, растущихъ въ станціонномъ палисадникѣ, и въ душѣ негодую на ямщика-башкирца за его дорожную проволочку, благодаря чему приходится заночевать на глухой станціи въ ожиданіи попутнаго поѣзда... А какъ подумаешь—жаль становится этого башкирца...

Крошечный, худенькій и узкоплечій, съ жиденькой сѣденькой бородкой, впалыми глазами и осунувшимися темно-бронзовыми щеками—онъ выглядѣлъ такимъ забитымъ. Помнится, какимъ жалкимъ казался онъ мнѣ, когда сидѣлъ на козлахъ въ сѣромъ коротенькомъ кафтанишкѣ и въ старенькой кошемной шляпчонкѣ... Мы ѣхали подъ дождемъ съ ранняго утра. На мнѣ былъ надѣтъ толстый армякъ, теплый и непромокаемый, а мой возница зябъ и ежился отъ сырости въ своемъ дырявомъ кафтанишкѣ, и, помнится, все старался усѣсться на козлахъ такъ, чтобы вѣтеръ дулъ ему въ спину...

Чѣмъ-то печальнымъ и жалкимъ вѣяло и отъ той деревушки, гдѣ мы съ нимъ повстрѣчались. Никто изъ обитателей Уракова, какъ называется деревушка, не соглашался везти меня на желѣзнодорожную станцію за сорокъ верстъ. Всѣ ссылались на ненастную погоду и на дурную дорогу, и, глядя на ихъ худыхъ, заморенныхъ лошадей, въ мысляхъ я соглашался съ ними, хотя меня и тянуло ѣхать. И вотъ нашелся этотъ бѣдняга, соблазнившійся заработкомъ въ ненастные дни осени, грозившей голодомъ въ теченіе долгой суровой зимы...

Мы ѣхали медленно... Сначала меня раздражала эта скучная томительная ѣзда, и я сердился на башкирца и кричалъ на него, заставляя понукать лошадей... Онъ что-то бормоталъ по-своему (по-русски онъ не говорилъ ни слова), повертывалъ ко мнѣ смущенное лицо, и его сѣрые печальные глаза безмолвно молили о чемъ-то... И мы ѣхали долго и медленно...

Мною овладѣла какая-то гнетущая скука... Я дремалъ, закрывая глаза и старался заснуть, но это мнѣ не удавалось. Я раскрывалъ глаза, осматривался по сторонамъ, и тотъ видъ холмовъ и лѣсовъ подъ сплошной кисеей дождя, и эта туманная даль, и темное небо, и сырой воздухъ—навѣвали еще бо́льшую тоску...

Помнится, мы перебрались черезъ плотину мельницы и въѣхали въ узкую улицу какой-то деревушки. Баршкирецъ обернулся ко мнѣ, что-то долго и убѣдительно бормоталъ, кивая головою на усталыхъ лошадей, а потомъ, не дождавшись моего отвѣта, подъѣхалъ къ воротамъ крошечной двухъоконной хатки... Впрочемъ, намъ отказали въ гостепріимствѣ. Я самъ просилъ хозяйку, бабу лѣтъ 40, пустить насъ погрѣться, но изъ этого ничего не вышло: она ссылалась на тѣсноту избы и на то, что у нея больныя дѣти. Мы поѣхали дальше. Въ воротахъ возлѣ двухъоконной избы съ голубыми ставнями стоялъ рыжій мужикъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ въ нашу сторону. Лошади снова остановились, и я попросилъ его впустить насъ погрѣться и передохнуть...

Въ маленькой хаткѣ топилась печь. На лавкѣ у окна спалъ ребенокъ. Молодая женщина убаюкивала другого въ люлькѣ, не громко напѣвая какую-то тягучую и печальную пѣсню. Когда мы съ хозяиномъ вошли въ избу — она смолкла.

— Вотъ только самоварчика-то у насъ не водится,—сказалъ хозяинъ,—а хорошо бы погрѣться...

Я пожалѣлъ объ этомъ, попросилъ-было пойти поискать самоваръ гдѣ-нибудь на деревнѣ...

— И-и, что вы!..—разсмѣялся онъ, — ни у кого нѣтъ... У мельника, вонъ, есть, да развѣ у той собаки выпросишь!..

Я сѣлъ къ окну, съ твердымъ рѣшеніемъ мужественно перенести предстоящее испытаніе.

Мы съ хозяиномъ разговорились... Впрочемъ, говорилъ больше онъ, а я молчалъ и слушалъ. Онъ разсказалъ мнѣ почти всю исторію ихъ Сосновки, насколько она сохранилась въ его памяти за сорокъ пять лѣтъ жизни. Я узналъ, кто былъ ихъ баринъ и на какомъ надѣлѣ они, сосновцы, начали новую жизнь послѣ освобожденія. Потомъ началась безконечная и длинная жалоба на жизнь послѣдующихъ лѣтъ. Цифръ въ этой длинной рѣчи, характеризующихъ безрадостную жизнь, не было, — слышались

ссылки на долгіе томительные годы, въ нихъ вкрапливались какія-то имена, урожаи и неурожаи, болѣзни на людей и падежи скота, градобитіе, пожары и много-много бѣдъ... Были, впрочемъ, въ этой рѣчи ссылки и на проблески жизни, но ихъ было немного, они потухали, поглощенные общимъ мрачнымъ тономъ картины.

Свою жалобу мужикъ закончилъ послѣднимъ періодомъ „сосновской" жизни, когда сосновцы „связались" съ какимъ-то купцомъ, арендовавъ у него луга и пахоти. Рѣшившись на это, наголодавшіеся крестьяне думали выбиться изъ неудачъ жизни, но разочаровались и еще больше запутались. Раньше ихъ „запутывало" нѣчто массовое—„округа",—теперь эта „округа" замѣнилась однимъ лицомъ, который „сначала казался сподручнымъ", а потомъ „захлестнулъ петлю-то и не дыхнуть"...

Мужикъ произнесъ эту фразу какимъ-то скорбнымъ и убитымъ голосомъ и глубоко вздохнулъ... Наша бесѣда прервалась: въ избу вошелъ мой жалкій возница, и я понялъ изъ перевода его рѣчи хозяиномъ, что лошади отдохнули... И опять мы поѣхали подъ дождемъ, гонимые вѣтромъ. И опять скучные и однообразные поля и холмы разстилались по сторонамъ дороги, хмурилось небо, и на душѣ было не весело...

Скучая у станціоннаго окна, я смотрѣлъ въ туманную даль степи, въ ту сторону, гдѣ, по моимъ предположеніямъ, должна быть Сосновка, и мнѣ припомнился ея „жалобщикъ" съ петлей на шеѣ, наброшенной какимъ-то предусмотрительнымъ купцомъ, припоминался мнѣ и мой возница. Ѣдетъ онъ, вѣроятно, теперь гдѣ-нибудь подъ дождемъ, подставляетъ холодному вѣтру свою промокшую спину и стонетъ... пѣть онъ едва ли будетъ, какъ это дѣлаютъ иногда „обратные", а, впрочемъ, можетъ быть, слушаетъ его тягучую пѣсню туманная степь, и вѣтеръ уноситъ ее, недопѣтую...

Въ комнату вошелъ невысокій коренастый человѣкъ въ духовной одеждѣ. Широко сшитый съ громаднымъ воротникомъ кафтанъ его былъ забрызганъ грязью, шляпа помята и также въ грязи, а изъ-подъ ея широкихъ полей виднѣлись длинные бѣлокурые волосы. Новый пассажиръ внесъ съ собою небольшой чемоданчикъ и подушку.

— Ахъ ты, Господи Боже мой!.. все-то обляпано да перемочено! — ворчалъ онъ, разсматривая свой багажъ, дѣйствительно замазанный грязью и промокшій на дождѣ. Вновь прибывшій пассажиръ стащилъ съ себя кафтанъ, размоталъ съ шеи длинный теплый шарфъ и остался въ короткомъ и помятомъ въ дорогѣ

полукафтаньѣ. Онъ прошелся по комнатѣ, потирая руки и, остановившись возлѣ какого-то объявленія, прибитаго къ стѣнѣ, принялся читать, но скоро, очевидно, не отыскавъ необходимыхъ свѣдѣній, повелъ сощуренными глазами по стѣнѣ и быстро прошелъ къ двери, гдѣ висѣло росписаніе поѣздовъ той самой дороги, на одной изъ станцій которой мнѣ пришлось проскучать нѣсколько часовъ.

— Если вы, батюшка, въ У..., то намъ съ вами долго ожидать, почти цѣлыя сутки,—обратился я къ нему.

Онъ быстро обернулся, внимательно посмотрѣлъ на меня и, съ развальцемъ, подойдя ко мнѣ, отрекомендовался:

— Діаконъ Темнокудринскій! честь имѣю представиться... Развѣ такъ долго придется ждать?—перемѣнивъ тонъ, переспросилъ онъ. Я повторилъ уже высказанное предположеніе, но это, видимо, не успокоило отца діакона. Вернувшись къ тому же росписанію, онъ долго и внимательно всматривался, водилъ перстомъ по цифрамъ и столбцамъ громаднаго листа и только уже послѣ того, убѣдившись во-очію, подошелъ ко мнѣ и со вздохомъ произнесъ:

— Да-а... согрѣшили мы съ вами... согрѣшили...

Я оправдывался передъ собесѣдникомъ и убѣждалъ его, что лично ничѣмъ, собственно, не согрѣшилъ, а во всемъ виноватъ башкирецъ.

— Погода скверная, это точно!.. Дороги у насъ тоже плохи—это неоспоримо!..—согласился и онъ:—Знаете что, чайку бы напиться, замерзъ я страсть какъ!..

Я кивкомъ головы согласился съ его предложеніемъ, и онъ быстро вышелъ. Немного спустя онъ вернулся и, какъ и прежде, потирая руки, сообщилъ, что самоварчикъ будетъ. Діаконъ перетащилъ къ столу свой чемоданчикъ, долго рылся въ немъ, перебирая какіе-то свертки и, наконецъ, вытянулъ со дня бутылку, обернутую въ полотенце и осторожно положилъ ее на столъ.

— Пока что... погрѣться хорошо бы... У меня, знаете ли, смородинная настоечка...

Онъ слегка улыбнулся и досталъ изъ чемодана еще какой-то свертокъ.

— Попьемъ мы съ вами чайку, погрѣемся, да—Богъ дастъ—и дождемся поѣзда,—говорилъ онъ, разматывая длинное полотенце, и, наконецъ, обнаживъ бутылку съ настоечкой, подсѣлъ къ столу. Я смотрѣлъ на его богатырскія руки и толстые пальцы, которыми онъ развязывалъ веревку. Въ сверткѣ оказалась жареная курица и нѣсколько сдобныхъ булочекъ. Доставъ изъ чемодана рюмку съ отбитой ножкой, онъ тщательно вытеръ по-

судину полотенцемъ и, какъ-то быстро всунувъ мнѣ въ руку рюмку, промолвилъ:

— Выкушайте-ка...

Я не отказался отъ его предложенія, въ свою очередь угостилъ его коньякомъ, и разговоръ между нами завязался. От. діаконъ разспросилъ меня, откуда и куда я ѣду, чѣмъ занимаюсь, а потомъ и самъ разсказалъ мнѣ, что онъ живетъ въ с. Булакѣ, заселенномъ „крещенами".

— Житье наше, я доложу вамъ, самое ужасное! — говорилъ онъ о своей паствѣ и о селѣ, гдѣ та обитаетъ.—Глушь, я вамъ скажу, непомѣрная! Вотъ до этой станціи пятьдесятъ слишкомъ верстъ!.. Дороги плохи—лѣса да буероги... Опять же народъ — совсѣмъ дикій... Вы понимаете — „крещены"!.. Это, знаете ли, выкресты изъ магометанъ... Ну-съ, крестили ихъ... да собственно не ихъ, а еще предковъ ихнихъ, но православная вѣра еще съ большимъ трудомъ и по сей часъ прививается... Батюшка-то нашъ тоже изъ крещеныхъ... Ему, конечно, нипочемъ среди нихъ, какъ будто среди своихъ живетъ, а вотъ мнѣ такъ трудненько... Кромѣ того, многіе изъ нихъ и до сихъ поръ не оставляютъ своего языка, прежняго-то, магометанскаго-то... Крестится, знаете ли, человѣкъ, въ храмъ Божій ходитъ, а говоритъ по-татарски... Какъ-то даже странно смотрѣть на нихъ!.. Придешь для какихъ-нибудь требъ, ну, тамъ отпѣвать или крестить кого, или что, а онъ говоритъ-говоритъ по-русски-то, а потомъ нѣтъ-нѣтъ, да и собьется на свой языкъ... Мученье съ ними страшное... Опять же насчетъ разныхъ приношеній—ужасно скупы! Церковь наша, если бы вы посмотрѣли, многаго желать должна. Стѣны это, знаете ли, пустыя, иконостасъ недорогой, такъ—простенькій... Вообще, многаго желать надо, многаго...

Діаконъ не отказался отъ второй рюмочки, предложенной мною, и долго еще говорилъ о жизни въ мѣстности, заселенной крещенами. Причемъ, разсуждая, онъ часто вдавался въ такія подробности и старался разъяснить мнѣ такія элементарныя истины, какъ будто считалъ меня только что свалившимся съ луны.

— Но, вѣдь, говорятъ, въ вашей мѣстности постоянные неурожаи? Можетъ быть, поэтому, они такъ и скупы? — спрашиваю я.

— О, что тамъ—неурожаи!.. Я восьмой годъ живу на одномъ мѣстѣ, бывали за это время всякія дѣла—урожаи и неурожаи, а толкъ отъ нихъ одинъ!.. Нѣтъ, это такъ ужъ, нерадивый такой народъ! Отстали вотъ они отъ одной вѣры, да и къ другой-то не пристали... Въ русскомъ поселеніи куда лучше!..

Діаконъ вздохнулъ и тихо добавилъ:

— Годика два только и пришлось мнѣ пожить въ одномъ селѣ около города, а потомъ сюда назначили... Тоже, знаете ли, теперь семья: сынка въ духовное училище опредѣлилъ, опять же черезъ годокъ - другой и дочурку надо куда-нибудь въ ученіе пристроить...

Намъ подали самоваръ, давно не чищенный и съ помятыми боками; стаканы и блюдца также не отличались чистотой. Отецъ діаконъ взялся хозяйничать.

— Ѣду, знаете ли, я въ городъ, къ преосвященному. Думаю проситься у него—не переведетъ ли тутъ въ одно сельцо,—началъ снова онъ, придвигая ко мнѣ стаканъ чая.

— Что же, вакансія свободна?

— Нѣтъ, а такъ... можетъ быть...

Отецъ діаконъ почему-то не докончилъ своей рѣчи и принялся отхлебывать чай большими и энергичными глотками, съ очевиднымъ намѣреніемъ какъ можно скорѣе наполнить желудокъ теплой жижицей въ надеждѣ поскорѣе отогрѣть прозябшіе члены.

На платформѣ загремѣли рѣдкіе и звонкіе удары колокола. Діаконъ вздрогнулъ и, поставивъ блюдце на столъ, насторожился:

— Что такое?.. поѣздъ?..

— Вѣроятно изъ У., а можетъ быть, товарный...

Минутъ пять спустя послышался отдаленный свистокъ паровоза и какой-то протяжный гулъ, причемъ я чувствовалъ, что диванчикъ подо мною дрожитъ. По запасному пути тихо продвинулся товарный поѣздъ и остановился. Діаконъ стоялъ у окна и усталымъ взоромъ слѣдилъ за движущимися вагонами. Вдругъ онъ сорвался съ мѣста и воскликнулъ:

— Батюшки! Никакъ это Никифоръ Андреичъ! Вотъ-то бы кстати!

Онъ схватилъ шляпу и почти выбѣжалъ на платформу. Минуту спустя онъ велъ за собою низенькаго и толстаго человѣка. Это былъ темнорусый коренастый мужчина въ драповомъ пальто поверхъ синей чуйки и въ громадныхъ сапогахъ бутылками. Когда онъ снялъ съ головы картузъ, я увидѣлъ широкій лысый черепъ. Глазки его, сѣренькіе и узенькіе, привѣтливо улыбались въ сторону діакона, а голосъ звучалъ густыми и пріятными нотками низкаго баса.

— Изъ Сурина, изъ Сурина, отецъ діаконъ—лошадокъ покупалъ! Да вотъ, видите ли, на товарномъ пришлось пріѣхать, потому тамъ несчастіе...—говорилъ онъ.

— Что такое?

— Да... крушеніе поѣзда...

— Да что вы?..

— Да-а... паровоза да двухъ вагоновъ какъ не бывало—въ щепы!.. костей тоже по-поломало не мало...

Купецъ раздѣлся, потеръ лысину и охотно согласился на предложеніе діакона присѣсть за чай. Изъ разговора повстрѣчавшихся я узналъ, что оба они изъ одной и той же мѣстности. Нѣсколько разъ назывались деревни и села, о которыхъ я уже слышалъ отъ діакона.

— Вотъ только нашъ старичокъ, ключевскій діаконъ, плохъ: заболѣлъ отъ огорченія...

— Да, да... плохъ, говорятъ, слышалъ я объ этомъ...—согласился и діаконъ.

— Ивана Иваныча въ Б. встрѣтилъ, говорилъ, что въ заштатъ его хотятъ, вотъ онъ и огорчился...—Купецъ покосился на діакона и спросилъ:—Говорятъ, вы на его мѣсто проситесь?..

Діаконъ, очевидно, не ожидалъ этого вопроса и немного смутился, мелькомъ взглянувъ въ мою сторону.

— То-есть, какъ это?.. Я не говорилъ... Человѣкъ еще живъ... Господи Іисусе Христе!.. развѣ мы вороны какіе, что на падаль слетаются...

Наступило неловкое молчаніе. Діаконъ, что называется, приросъ къ блюдцу, а купецъ пилъ чай медленно и кряхтѣлъ.

— Что это вы, батенька мой, на такую погоду глядя, въ городъ надумали?—началъ послѣ неловкаго молчанія купецъ.

— Да такъ... знаете ли... сынокъ вѣдь у меня въ городѣ... Такъ вотъ изъ училища написали, что прихворнулъ немного, ну да и скучаетъ, тоже вѣдь первый годъ въ чужомъ городѣ...

— Ага... ну, это такъ...

— А я еще не отблагодарилъ васъ, Никифоръ Андреичъ, за бычка-то!—началъ діаконъ съ видимымъ желаніемъ перемѣнить разговоръ.

— Ну, полноте, развѣ мнѣ жалко!.. Племя у васъ чудесное будетъ, вѣдь онъ у меня—черкасскій...

Съ разговора о хозяйствѣ мои новые знакомые перешли на тему о томъ несчастіи, о которомъ упоминалъ купецъ, только что появившись. Оказалось, что нынче утромъ было разоблачено срашное преступленіе. Злоумышленникъ развинтилъ гайки, скрѣпляющія рельсы, а поперекъ пути наложилъ шпалъ. Машинистъ проходившаго утренняго поѣзда за туманомъ не разсмотрѣлъ ужасной ловушки, результатомъ чего и было крушеніе. Пострадавшими оказались машинистъ, его помощникъ и нѣсколько человѣкъ пассажировъ.

— Говорятъ, кондуктора сильно разбило—не выживетъ, да еще какой-то башкиринъ пострадалъ, ну а остальные-то... ничего...—закончилъ сообщеніе купецъ.

Скоро отыскался и виновникъ преступленія. Это былъ чернорабочій на одной изъ ближайшихъ станцій. Давно ожидая вакансіи на должность сторожа, онъ рѣшился подвести своего счастливаго соперника, одного изъ дорожныхъ сторожей, съ этой цѣлью и приготовилъ для поѣзда ловушку, надѣясь, что послѣ катастрофы начальство разгнѣвается на нерадиваго служащаго и на мѣсто его опредѣлитъ кандидата.

— Ахъ, ты, нехристь какой!.. А!.. Вотъ-то!..—всплескивалъ руками и горячился от. діаконъ.—Вѣдь это какое преступленіе-то! Господи!.. да вѣдь ему прощенія не будетъ!..

Онъ долго еще говорилъ на эту тему, приводя даже тексты изъ священнаго писанія и стараясь внушить намъ съ купцомъ весь ужасъ преступленія злосчастнаго кандидата.

Въ преступленіи послѣдняго отецъ діаконъ насчитывалъ нѣсколько грѣховъ: во-первыхъ, то, что этотъ преступникъ задумалъ обмануть начальство, во-вторыхъ, обманулъ бы и другихъ, напримѣръ, слѣдственную власть, если бы преступленіе не такъ скоро открылось, въ-третьихъ, посягалъ на благополучіе сторожа и его семьи и, наконецъ, поѣздъ могъ разлетѣться въ дребезги и тогда сколько душъ погибло бы!..

— Звѣрь-человѣкъ... звѣрь-человѣкъ! — глубоко вздохнувъ, произнесъ онъ послѣ паузы.

Немного спустя онъ поднялся, нахлобучилъ на лобъ шляпу и вышелъ. Купецъ съ усмѣшкой на устахъ посмотрѣлъ въ его сторону и, когда за діакономъ захлопнулась дверь, тихо проговорилъ, поддѣлываясь подъ его тонъ:

— Звѣрь-человѣкъ... — и, указывая чрезъ плечо большимъ пальцемъ руки на дверь, добавилъ:—отецъ-то діаконъ, знаешь, зачѣмъ ѣдетъ къ преосвященному?..—Онъ еще ехиднѣе посмотрѣлъ на дверь и, слегка склонившись въ мою сторону, пояснилъ: — тоже духовное лицо... Господи, Господи!.. А вотъ посмотрѣли бы вы, что они тамъ съ діакономъ нашимъ, со старикомъ Христофоровымъ дѣлаютъ... Старикъ онъ, куча ребятъ, жена больная... А они и хотятъ, чтобы его за штатъ зачислили, а на его мѣсто вотъ этому діакону хочется... У насъ въ Ключахъ его братецъ двоюродный тоже вторымъ діакономъ... Ужъ я знаю все, что дѣлается, потому я третье трехлѣтіе въ церковныхъ старостахъ...—принялся почему-то увѣрять меня купецъ.

— Недавно какъ-то прихожу къ Христофорову—жалуется сердешный!.. „Хотятъ, говоритъ, меня со свѣта сжить! Слабъ, говоритъ, я и старъ, а все же службу исполняю". И правда, никто на него не пожалуется... Онъ-то вотъ, братецъ-то Чернокудринскаго, всему дѣлу голова выходитъ, всѣ онъ эти каверзы-

то и творитъ!.. Конечно, Христофоровъ уйдетъ, онъ на его мѣсто вступитъ, а этому-то свою вакансію предоставитъ!.. Вотъ, въ городъ тащится, смотрите-ка что-нибудь зачуяли!..

Въ комнату вошелъ от. діаконъ, и купецъ смолкъ.

— Дождь еще сильнѣе пошелъ! —вставилъ діаконъ, переступая порогъ. За нимъ слѣдомъ вошелъ сторожъ. Съ какой-то сладенькой улыбочкой поклонился онъ купцу и принялся зажигать лампы. Когда комнату озарилъ красноватый свѣтъ, лица діакона и купца показались мнѣ блѣдными и утомленными. Діаконъ расхаживалъ изъ угла въ уголъ и, видимо, о чемъ-то размышлялъ; купецъ сидѣлъ молча, барабаня пальцами по ручкѣ дивана и уставившись глазами въ одну точку. Молчаніе это показалось мнѣ какимъ-то необычнымъ, какъ будто всему этому виною свѣтъ лампъ. Сидѣли люди въ комнатѣ и разсуждали на извѣстныя опредѣленныя темы, а тутъ вдругъ свѣтъ словно спугнулъ всѣ мысли, а теперь люди какъ будто налаживаются и обдумываютъ, о чемъ говорить дальше?.. Купецъ началъ первымъ. Онъ приказалъ сторожу убрать самоваръ и посуду, а когда тотъ исполнилъ приказаніе, онъ вынулъ изъ кошелька пятіалтынный и бросилъ его на подносъ.

— А какъ у васъ тамъ, Никифоръ Андреичъ, съ Ивановской-то дачей, устроилось что-нибудь? — спросилъ діаконъ, останавливаясь около купца. Тотъ посмотрѣлъ на него и промолчалъ. Этимъ взглядомъ, казалось, выражался вопросъ: „а какое вамъ, отецъ діаконъ, дѣло?“ Немного помолчавъ, купецъ, однако, отвѣтилъ:

— Съ Ивановской дачей, отецъ діаконъ, дѣла не простыя! Пять тысячъ-то моихъ, вѣрно, ухнутъ!

— Да что вы?..

— Та-акъ!.. Управляющій-то этотъ, нѣмецъ-то, оказалось не управляющій, а прохвостъ!.. да и я-то дурака сыгралъ! Онъ не смѣлъ запродажной совершать, а я не могъ покупать, потому — Ивановская дача — маіоратная!.. Нѣмецъ денежки получилъ, да и укатилъ въ свою Пруссію! Поди да вотъ ищи его тамъ!..

Купецъ опустилъ голову и опечалился.

— Ну, да вамъ особенно что же горевать, сосновская земелька выручитъ, — утѣшалъ его отецъ діаконъ. При имени Сосновки я посмотрѣлъ на купца и подумалъ, ужъ не этотъ ли сосновскій благодѣтель, при которомъ „не дыхнуть?“ Дальнѣйшее подтвердило мое предположеніе.

— Да, выручитъ! — иронически согласился купецъ. — Надо ночи не спать, чтобы она выручила, а опять же съ мужиками... Вы думаете, отецъ діаконъ, нашему брату денежки легко достаются?..— вдругъ перемѣнивъ тонъ, обратился онъ къ собесѣднику и даже побагровѣлъ съ лица.

— Денежки безъ труда не достаются, что объ этомъ говорить!—соглашался діаконъ.

— То-то вотъ! Съ ними, съ проклятыми сосновцами, взвоешь! Рукавицы-то ежевыя надо одѣть, чтобы ихъ взять да съ мѣста стряхнуть!.. Вотъ они у меня луга арендовали, да пахоти десятинъ сто. Сѣна-то собрали да и хлѣбъ-то смолотили, а денегъ-то уплатили только половину... Судись съ нимъ каждый день да описывай у нихъ разную рухлядь! У меня дѣла, на Казанскую надо въ Б. ѣхать на ярмарку—а-нъ тутъ по сосновскому дѣлу въ судъ вызываюсь...

Купецъ немного помолчалъ и добавилъ:

— Въ нашу-то шкуру, отецъ діаконъ, не легко пролѣзть, а посмотрѣли бы вы, что подъ этой шкурой дѣлается?.. Вы вотъ отслужите свою службу, придете домой, откушаете чайку, да и заляжете спать, а мнѣ въ иную ночь глазъ не сомкнуть...

— Ну, тоже и вамъ, духовнымъ, не легко живется...— вздохнулъ отецъ діаконъ.

Его лицо какъ-то сразу вытянулось и поблѣднѣло, глаза потускнѣли и самъ онъ весь съежился. Купецъ сидѣлъ, уставившись задумчивыми глазами куда-то въ одну точку и негромко барабанилъ пальцами по столу.

Немного спустя, мы всѣ начали обсуждать вопросъ о ночлегѣ. Какъ-то сама собою разрѣшилась эта не мудрая задача: купцу пришлось уступить мягкій диванъ, діаконъ, жалуясь на свою „зябкость“, порѣшилъ устроиться у печи, а на мою долю остались три вѣнскихъ стула у окна.

Я вышелъ въ полутемный залъ третьяго класса. Здѣсь также были пассажиры, ожидавшіе поѣзда. Въ углу около холщевой котомки и сундучка дремала старушка, на лавкѣ спалъ мальчуганъ, подложивъ подъ голову собственную руку. У двери на лавкѣ сидѣли двое башкиръ, разсуждая о чемъ-то вполголоса. Не прерывая бесѣды, они осмотрѣли меня сонными глазами и потомъ, понизивъ голосъ, сокрушенно закивали головами.

Я вышелъ на платформу. Ночь была темная, дулъ вѣтеръ, шелъ мелкій осенній дождь. На бревенчатый помостъ платформы ложились полосы свѣта, падавшія изъ оконъ комнаты, гдѣ устраивались на ночлегъ мои собесѣдники. Свѣтъ переползалъ чрезъ рельсы, попутно озарялъ кучу дровъ за полотномъ дороги и тонулъ въ сумракѣ...

Сумрачная степь разстилалась во всѣ стороны отъ станціи, и чѣмъ-то угрюмымъ и суровымъ вѣяло изъ темной дали. Я посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда пріѣхалъ. Темнымъ пологомъ ночи были завѣшаны отъ меня и степь, и невысокіе холмики,

по которымъ пришлось пробираться по грязнымъ извилистымъ дорогамъ, и дремучіе лѣса, съ угрюмымъ обитателемъ лѣсной Башкиріи...

И мнѣ снова припомнилась Сосновка, куда я случайно попалъ въ первый разъ въ жизни, припомнилась и та башкирская деревушка, въ которой нашелся смѣльчакъ, рѣшившійся доставить меня на станцію въ непогоду по грязной дорогѣ... Добрался ли онъ засвѣтло до своей хаты? иль, можетъ быть, еще тащится въ непогожую ночь, проклиная злосчастный день? И какія мысли навѣваетъ ему эта темная, непогожая ночь?.. Можетъ быть, въ такую же ночь и „звѣрь-человѣкъ" обдумалъ свою страшную думу, крадучись подползъ къ рельсамъ и развинтилъ гайки...

Я дошелъ до конца платформы. Мелкій дождь орошалъ мнѣ лицо, вѣтеръ срывалъ съ головы шляпу. По сторонамъ лежала безграничная нѣмая степь...

Много тайнъ хранитъ она въ безмолвномъ сумракѣ...

Вас. Брусянинъ.

Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи.

Существуютъ историческіе вопросы, для рѣшенія которыхъ современные изслѣдователи располагаютъ значительнымъ матеріаломъ, обильными данными источниковъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ, несмотря на достаточный запасъ фактовъ и даже на одинаковое знакомство съ съ ними разныхъ изслѣдователей, между этими послѣдними возможны большія разногласія, но разногласія эти будутъ зависѣть не отъ количества и качества матеріала, а отъ таланта отдѣльныхъ лицъ, отъ степени ихъ проницательности, отъ ихъ критическаго чутья, отъ широты ихъ воззрѣнія, отъ глубины знаній. Если при этомъ и будетъ открытъ какой-нибудь новый, неизвѣстный прежде источникъ, то самое бо́льшее, что̀ онъ дастъ, будетъ заключаться въ нѣкоторой болѣе или менѣе ожидаемой поддержкѣ одного изъ борющихся воззрѣній въ ущербъ другимъ; совершенно новаго и неожиданнаго при наличности значительнаго уже изученнаго матеріала ожидать трудно, чтобы не сказать невозможно.

Не то въ научныхъ историческихъ вопросахъ, матеріалъ для рѣшенія которыхъ скуденъ. Здѣсь каждую минуту можно ожидать находки, которая въ состояніи бросить совершенно новый свѣтъ на дѣло, подарить насъ сюрпризомъ, произвести цѣлый переворотъ въ болѣе или менѣе установившихся воззрѣніяхъ. Къ числу такихъ скудно обставленныхъ матеріаломъ и потому наиболѣе спорныхъ вопросовъ принадлежитъ, между прочимъ, и вопросъ объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи.

Въ подготовкѣ всякой реформы слѣдуетъ, несомнѣнно, различать двѣ стороны,—реальную и идейную. Прежде чѣмъ идея извѣстнаго преобразованія приметъ опредѣленныя стройныя очертанія, прежде чѣмъ она сложится какъ нѣчто законченное и—главное—практически-осуществимое, должна произойти глубокая и неотвратимая перемѣна въ реальныхъ житейскихъ условіяхъ, перемѣна, которая подчеркнула бы невозможность сохраненія старины и указала бы пути съ созданію новыхъ порядковъ. Такой реальной перемѣны, подготовившей крестьян-

скую реформу 19-го февраля 1861 года, изслѣдователи ищутъ по преимуществу въ хозяйственныхъ условіяхъ первой половины XIX вѣка, въ тѣхъ новыхъ экономическихъ явленіяхъ, которыя обнаружились въ русской дѣйствительности, къ 40-мъ и 50-мъ годамъ истекшаго столѣтія. Говоря вообще, можно различить два основныхъ воззрѣнія на вопросъ объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Типическимъ представителемъ одного изъ нихъ является Заблоцкій-Десятовскій, выразителемъ другого надо признать П. Б. Струве.

Первый изъ названныхъ изслѣдователей напечаталъ въ IV томѣ своего сочиненія «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» составленную имъ еще въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ «Записку о крѣпостномъ состояніи въ Россіи» и ярко провелъ въ ней мысль, что крѣпостное право уже въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка было невыгодно для русскаго *земледѣльческаго* хозяйства, что русское земледѣліе уже тогда нуждалось въ вольнонаемномъ трудѣ, болѣе производительномъ, и потому, несмотря на бóльшую дороговизну, болѣе выгодномъ, чѣмъ подневольный, крѣпостной. Это положеніе авторъ доказываетъ ссылками на рядъ наблюденій своихъ надъ доходностью земледѣльческихъ хозяйствъ, основанныхъ на вольнонаемномъ трудѣ, и цифровыми выкладками, обнаруживающими болѣе слабую доходность предпріятій, организованныхъ на основѣ крѣпостной барщины *). Наблюденія надъ *отдѣльными* на выборъ взятыми хозяйствами,—вотъ основной матеріалъ, на которомъ строитъ авторъ свои заключенія. Конечно, этотъ матеріалъ имѣетъ свою цѣнность, но лишь въ томъ случаѣ, когда онъ достаточно обиленъ, а этого какъ разъ и нельзя здѣсь сказать. Нужно ждать его пополненія и всѣми зависящими отъ насъ средствами содѣйствовать его пополненію, но теперь строить на такомъ матеріалѣ всю теорію можно лишь гипотетически.

Есть, однако, другой матеріалъ,—свидѣтельства о степени развитія земледѣльческой барщины наканунѣ освобожденія сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда крѣпостное право достигало своего полнаго развитія,—съ XVIII вѣкомъ. Если будетъ доказано, что къ половинѣ XIX столѣтія количество крѣпостныхъ, обязанныхъ барщиной, сократилось, и что это сокращеніе было вызвано не посторонними вліяніями, а условіями именно *земледѣльческаго* хозяйства, то, очевидно, въ земледѣліи слѣдуетъ искать основной причины паденія крѣпостного права, т.-е. Заблоцкій-Десятовскій правъ. Уже въ 1881 г. г. Семевскій вычислилъ процентъ барщинныхъ (издѣльныхъ) крестьянъ въ 13-ти губерніяхъ въ XVIII в. и въ половинѣ XIX, причемъ оказалось, что изъ восьми нечерноземныхъ губерній только въ двухъ—Тверской и Новго-

*) *Заблоцкій-Десятовскій*, «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», томъ IV. Спб. 1882 г., стр. 281—284.

родской—процентъ барщинныхъ крестьянъ увеличился: въ первой съ 54-хъ въ XVIII в. до 60-ти въ половинѣ XIX [1]), во второй съ 51% до 54,5% [2]); въ остальныхъ шести губерніяхъ нечерноземной полосы процентъ барщинныхъ крестьянъ уменьшился: въ Вологодской съ 17-ти (XVIII в.) до 16-ти (полов. XIX в.), въ Костромской съ 15 до 12,5 въ Ярославской съ 22 до 12,5 [3]), въ Псковской съ 79 до 71 [4]), во Владимирской съ 50 до 30 и въ Московской губерніи съ 54-хъ % до 32-хъ [5]). Въ послѣднее время къ этому прибавлены еще цифры по двумъ нечерноземнымъ губерніямъ, Олонецкой, гдѣ въ XVIII в. было 34% издѣльныхъ крестьянъ, и въ половинѣ XIX 28%, и Смоленской, гдѣ % барщинныхъ крестьянъ повысился съ 70 до 73-хъ [6]). Это добавленіе, однако, мало мѣняетъ общее впечатлѣніе, такъ что можно вообще сказать, что барщина въ нечерноземныхъ губерніяхъ шла въ XIX вѣкѣ на убыль. Но г. Струве, заподозривая достовѣрность приведенныхъ г. Семевскимъ цифръ для XVIII в., полагаетъ, что барщина постепенно развивалась въ XIX в. [7]). При томъ же не надо забывать, что, какъ это уже и отмѣчено въ литературѣ, сокращеніе барщины и ростъ оброчной системы въ нечерноземныхъ губерніяхъ объясняется не условіями земледѣлія, а развитіемъ здѣсь обрабатывающей фабричной промышленности, дѣлавшимъ выгодной для помѣщиковъ оброчную систему: можно было повысить значительно оброкъ, отпуская крѣпостного крестьянина работать на фабрику. Такое объясненіе кажется тѣмъ болѣе правильнымъ, что въ черноземныхъ, чисто земледѣльческихъ губерніяхъ въ большинствѣ случаевъ замѣтенъ ростъ барщиннаго труда и вообще его широкое примѣненіе. Уже г. Семевскій констатировалъ, что въ Тульской губерніи въ XVIII в. было 92% барщинныхъ крестьянъ, а въ половинѣ XIX в. 75%, для Курской губерніи соотвѣтствующія цифры 92 и 74 [8]), для Воронежской 53 [9]) и 55,5 [10]), Орловской 66 и 72 и Пензенской 48 и 75% [11]). Если къ этому приба-

---

[1]) Г-жа Игнатовичъ исправляетъ послѣднюю цифру на 59: *И. Игнатовичъ*, «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія»,—«Рус. Богатство» за 1900 г., № 9, стр. 47.

[2]) У г-жи Игнатовичъ 54,4% (тамъ же).

[3]) У г-жи Игнатовичъ 12,6% (тамъ же).

[4]) По вычисленію г-жи Игнатовичъ, 77% (тамъ же).

[5]) *В. Семевскій*. «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II». Спб., 1881, стр. 48.

[6]) *И. Игнатовичъ*, «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія». «Рус. Богатство» за 1900 г., № 9, стр. 47.

[7]) *П. Струве*. «Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в.». «Міръ Божій» за 1899 г., № 12, стр. 272—274.

[8]) У г-жи Игнатовичъ 75,5% («Рус. Богатство» за 1900 г., № 9, стр. 47).

[9]) У г-жи Игнатовичъ 36 (тамъ же).

[10]) У г-жи Игнатовичъ 55 (тамъ же).

[11]) *Семевскій*. «Крестьяне въ царств. импер. Екатерины II», стр. 48.

вить еще губерніи Тамбовскую, Рязанскую и такія получерноземныя губерніи, какъ Нижегородская и Калужская, то впечатлѣніе нѣкотораго роста издѣлія и, во всякомъ случаѣ, значительной его распространенности въ черноземной полосѣ еще усилится: правда, въ Рязанской губерніи °/o издѣльныхъ съ 81-го (въ XVIII в.) понизился до 62-хъ (въ половинѣ XIX ст.), но въ другихъ онъ или повысился, какъ въ Нижегородской съ 18 до 32, въ Калужской съ 42 до 45, или не измѣнился, какъ въ Тамбовской губерніи, гдѣ и въ XVIII в. и въ половинѣ XIX сидѣло на барщинѣ 78°/o крѣпостныхъ крестьянъ *). Это увеличеніе барщиннаго труда въ чисто земледѣльческихъ губерніяхъ и даетъ право г-ну Струве отрицать вліяніе земледѣльческаго хозяйства на паденіе крѣпостныхъ отношеній: по его мнѣнію, земледѣліе и въ половинѣ XIX в., вопреки Заблоцкому-Десятовскому, соотвѣтствовало условіямъ крѣпостного права, было къ нимъ вполнѣ приспособлено, такъ что реформа 19-го февраля была вызвана необходимостью создать вольнонаемныхъ рабочихъ для обрабатывающей фабричной промышленности, въ которой—и только въ ней одной—и слѣдуетъ искать экономическихъ причинъ паденія крѣпостного права въ Россіи.

Нельзя сказать, чтобы и матеріалъ, касающійся распространенія барщины, былъ безукоризненъ, если его разсматривать критически: оставляя въ сторонѣ сомнѣнія г-на Струве относительно цифръ XVIII вѣка, можно отмѣтить, что всѣ приведенныя цифры охватываютъ всего 19 губерній, что не очень много. Къ тому же губернія—слишкомъ обширная территоріальная единица, включающая въ себѣ районы нерѣдко очень различные въ экономическомъ отношеніи, такъ что для того, чтобы уяснить вліяніе именно *земледѣльческаго* производства на формы труда, необходимо выдѣлить изъ территоріи отдѣльныхъ губерній чисто земледѣльческіе районы и изучить ихъ съ данной точки зрѣнія, что совершенно не сдѣлано. Такимъ образомъ, и употреблявшійся до сихъ поръ методъ изученія распространенности барщины небезупреченъ.

Очевидно, что при такомъ состояніи источниковъ всякое новое свидѣтельство, могущее бросить неожиданный свѣтъ на вопросъ, пріобрѣтаетъ особенную цѣнность.

Пишущему эти строки случайно удалось наткнуться на подобное свидѣтельство. Въ 1873 году московскій губернскій предводитель дворянства, князь Александръ Васильевичъ Мещерскій, владѣвшій имѣніями въ разныхъ полосахъ Россіи, между прочимъ въ нечерноземной Московской и черноземной Воронежской губерніяхъ, и бывшій хорошимъ хозяиномъ-практикомъ и предсѣдателемъ только что основаннаго тогда Московскаго Общества улучшенія скотоводства въ Россіи, написалъ

---

*) *Игнатовичъ*. «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія»—«Рус. Богатство» за 1900 г., № 9, стр. 47.

*

письмо тогдашнему министру государственныхъ имуществъ, прося у него ежегоднаго казеннаго пособія Обществу улучшенія скотоводства. Письмо это заключаетъ въ себѣ не мало вообще интересныхъ замѣчаній, но для насъ въ настоящее время важна въ немъ одна подробность, относящаяся какъ разъ къ земледѣльческому хозяйству степныхъ, черноземныхъ губерній наканунѣ освобожденія крестьянъ, причемъ мы не должны забывать, что степными черноземными губерніями тутъ называются тѣ, которыя лежатъ въ треугольникѣ, образуемомъ Окой, Волгой и Дономъ: это—губерніи къ югу отъ Оки, къ востоку отъ Дона и къ западу отъ Волги. Вотъ что писалъ объ этой области князь Мещерскій: «Хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ, черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и *при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлѣбовъ и травъ дополнительный вольнонаемный трудъ выходившихъ туда ежегодно на лѣтнія полевыя работы крестьянъ изъ густонаселенныхъ украинныхъ губерній»* *).

Съ перваго же взгляда ясно, какое серьезное значеніе имѣетъ приведенное свидѣтельство, особенно подчеркнутыя нами слова, для изученія экономическихъ причинъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Передъ нами открываются сразу совершенно неожиданныя перспективы: такъ, до сихъ поръ думали, что крестьянская реформа сильнѣе и вреднѣе отразилась на помѣщичьемъ хозяйствѣ черноземной полосы, чѣмъ нечерноземной; князь Мещерскій констатируетъ противное; далѣе: сильную распространенность барщины на черноземѣ привыкли признавать сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что въ этой полосѣ земледѣліе покоилось всецѣло на крѣпостной основѣ; между тѣмъ оказывается, если вѣрить князю Мещерскому, что вольнонаемный земледѣльческій трудъ игралъ въ степныхъ черноземныхъ губерніяхъ едва-ли не большую и во всякомъ случаѣ не меньшую роль, нежели барщинный подневольный; наконецъ, въ приведенномъ свидѣтельствѣ рѣзко подчеркивается необходимость освобожденія крестьянъ въ Малороссіи, выдѣлявшей въ отходъ значительный контингентъ изъ состава крестьянскаго населенія. Все это очень характерно, оригинально и неожиданно, достаточно неожиданно, чтобы направить мысль изслѣдователя на новые пути, поставить передъ нимъ новыя задачи.

Эти задачи заключаются въ повѣркѣ оригинальныхъ заключеній, необходимо слѣдующихъ изъ приведеннаго свидѣтельства. Насколько пострадало помѣщичье хозяйство черноземныхъ губерній отъ отмѣны крѣпостного права? Какъ великъ былъ контингентъ пришлыхъ вольнонаемныхъ рабочихъ сравнительно съ барщинными крѣпостными въ

*) Архивъ Московскаго Дворянства, дѣло № 16, за 1873 годъ, «Частная переписка», л. 31 об.

каждой изъ этихъ губерній? Откуда приходили эти вольнонаемные рабочіе? Вотъ три основныхъ вопроса, которые необходимо выдвинуть на первый планъ при изученіи земледѣльческаго помѣщичьяго хозяйства въ черноземной полосѣ Россіи передъ реформой 19 февраля 1861 года. Передъ важностью этихъ вопросовъ блѣднѣютъ цифры, указывающія на примѣненіе барщины и получающія совершенно иной смыслъ, если подтвердится фактъ сильнаго прилива вольнонаемныхъ рабочихъ со стороны.

Свидѣтельство князя Мещерскаго есть, конечно, не болѣе, какъ только единичное указаніе въ опредѣленномъ направленіи и, какъ таковое несомнѣнно подлежитъ критикѣ и повѣркѣ иными матеріалами. Не надо однако забывать, что это говоритъ хозяинъ-практикъ, хорошо знакомый съ условіями и формами земледѣльческаго производства въ обѣихъ полосахъ, черноземной и нечерноземной, и что этому хозяину-практику совершенно незачѣмъ было взводить напраслину на помѣщичье хозяйство черноземныхъ губерній въ послѣднее время существованія крѣпостныхъ отношеній. Вотъ почему a priori можно признать за приведеннымъ свидѣтельствомъ значительную степень достовѣрности, а если такъ, то взглядъ Заблоцкаго-Десятовскаго получаетъ неожиданное и довольно надежное подкрѣпленіе: очевидно, экономическихъ причинъ паденія крѣпостного права въ Россіи надо искать не только въ сферѣ обрабатывающей промышленности, игнорировать вліяніе которой впрочемъ нельзя, но и въ области земледѣльческаго производства. Да и въ самомъ дѣлѣ: было бы странно, если бы такая великая, можно сказать всеобъемлющая перемѣна, какою является уничтоженіе крѣпостного состоянія, обязана была своимъ происхожденіемъ вліянію исключительно одной лишь сравнительно второстепенной отрасли производства обрабатывающей промышленности, тогда какъ главный нервъ народнаго хозяйства Россіи того времени—земледѣліе—не только не подготовлялъ этой перемѣны, но даже будто бы стоялъ въ противорѣчіи къ ней.

Надо думать, что читатель согласится съ нами, если мы признаемъ вновь найденное свидѣтельство чрезвычайно важнымъ и во всякомъ случаѣ сильно обостряющимъ интересъ къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Правильное разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ спасенія, обнародованія и обработки матеріала старыхъ счетовъ, приходо-расходныхъ книгъ и хозяйственной переписки крѣпостной эпохи, матеріала еще сохраняющагося во многихъ имѣніяхъ, но легко могущаго скоро погибнуть. Его спасеніемъ каждый можетъ сказать неоцѣнимую услугу русской исторической наукѣ.

Н. Рожковъ.

ГОГОЛЕВСКІЙ СТИЛЬ.

(*І. Мандельштамъ*, проф. гельсингфорскаго университета. «О характерѣ гоголевскаго стиля». Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ» 1902).

«У всякаго человѣка—свой носъ и свой слогъ», сказалъ когда-то Лессингъ. Въ этомъ шутливомъ афоризмѣ заключена глубокая и вѣрная мысль: какъ носъ, самая выдающаяся часть лица, опредѣляетъ его выраженіе, такъ же точно и слогъ писателя, т.-е. его творческое отношеніе къ народной рѣчи, опредѣляетъ его литературную физіономію. Въ особенностяхъ слога сказываются, можетъ быть, даже и безсознательно для писателя, особенности его духа и міросозерцанія, его отношеній къ окружающей жизни и ея явленіямъ; по слогу мы судимъ о самобытности и оригинальности писателя, а слѣдовательно, и о степени его творческаго дарованія, и въ нашемъ представленіи о писателѣ впечатлѣніе, полученное отъ его слога, неотдѣлимо отъ впечатлѣнія, даннаго содержаніемъ его произведеній. Чѣмъ сильнѣе и ярче талантъ писателя, тѣмъ своеобразнѣе его слогъ, тѣмъ богаче его словарь, которымъ, въ свою очередь, обогащаются позднѣйшія литературныя поколѣнія. Поэтому характеристика писателя со стороны его слога должна служить необходимымъ и цѣннымъ дополненіемъ къ характеристикѣ его литературной дѣятельности. Другими словами—исторія языка должна быть необходимою частью исторіи литературы.

Къ сожалѣнію, наши историки литературы до сихъ поръ обращаютъ очень мало вниманія на эту сторону дѣла. Даже въ изслѣдованіяхъ о той порѣ, когда вопросъ о стилѣ стоялъ на первомъ планѣ въ нашей словесности, вопросъ этотъ трактуется очень поверхностно и небрежно. Языкъ и слогъ нашихъ великихъ писателей остается неизученнымъ, неуясненнымъ. Такое изученіе, конечно, требуетъ внимательнаго и кропотливаго труда; но будучи поставлено на правильную основу, оно будетъ далеко отъ простого «буквоѣдства»: раскрытіе стилистическихъ пріемовъ писателя, выясненіе его творчества въ области языка поможетъ уяснить и его характеръ; слогъ явится какъ бы «зеркаломъ души». А подобная работа надъ писателемъ, разумѣется, стоитъ труда и вниманія.

Такую, именно, задачу поставилъ себѣ проф. Мандельштамъ въ интересномъ изслѣдованіи, съ общими выводами котораго мы постараемся познакомить читателя. Предметомъ своего изученія онъ выбралъ какъ разъ наиболѣе своеобразнаго и характернаго представителя нашей новой литературы,—Гоголя, стиль котораго отличается особенною творческою оригинальностью и, можно сказать, неисчерпаемымъ богатствомъ.

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія русскій поэтическій языкъ, какъ и языкъ литературный, былъ дѣломъ новымъ, еще только достояніемъ отдѣльныхъ лицъ, больше—любителей, и вовсе не стоялъ на такой высотѣ, чтобы служить вѣрнымъ выраженіемъ жизни. Многіе люди, стоявшіе во главѣ общества, превосходно излагали свои мысли на французскомъ языкѣ, а по-русски писали самымъ неуклюжимъ образомъ,—точно съѣзжали, по выраженію Аксакова, съ торной дороги на жесткія глыбы только что поднятой нивы.

И дѣйствительно, нива была только что поднята.

Гоголю слѣдуетъ отвести первое мѣсто въ исторіи русскаго самосознанія, какъ первому писателю, внесшему въ литературу *народную* рѣчь, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Такимъ языкомъ не писалъ и Пушкинъ. Оттого-то изученіе гоголевскаго стиля и представляетъ особый, исключительный интересъ.

Для правильнаго рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ особенностей языка и слога отдѣльнаго писателя, необходимо, прежде всего, опредѣлить границы этого изученія. Эта внѣшняя сторона литературной дѣятельности писателя, какъ и внутреннее ея содержаніе, несомнѣнно, находится въ тѣснѣйшей органической связи со всѣмъ предшествующимъ развитіемъ народнаго языка и литературы. Вѣдь поэтъ можетъ проявлять свою личность лишь настолько, насколько это допускается народнымъ языкомъ; помимо своей воли, онъ повинуется законамъ языка своей страны, своего народа. Преобразовать языкъ онъ не въ силахъ. Наоборотъ, геній писателя расцвѣтаетъ вмѣстѣ съ расцвѣтомъ генія народа и гибнетъ вмѣстѣ съ паденіемъ и вымираніемъ народнаго языка, несмотря на то, что каждая личность вноситъ кое-что свое въ общую сокровищницу.

Такимъ образомъ, языкъ народа, народомъ же созданный и впродолженіи его исторической жизни все вновь и вновь созидаемый, обусловливаетъ предѣлы творчества отдѣльнаго лица и самый характеръ его мышленія. Это такъ же естественно, какъ естественна зависимость нашего физическаго существа отъ климата, почвы, пищи и пр.

При могуществѣ языка народа, значеніе усилій отдѣльныхъ личностей въ созиданіи языка сравнительно ничтожно. Писатель всегда строитъ свой языкъ и слогъ на основаніи уже данномъ, готовомъ; онъ не *изобрѣтаетъ* словъ, а только *видоизмѣняетъ* ихъ въ примѣненіи къ рѣчи. Однако, это видоизмѣненіе въ употребленіи словъ можетъ при-

нять такіе размѣры, что личность писателя становится замѣтной величиной—и, какъ таковая, подлежитъ отдѣльному изслѣдованію.

Слово само по себѣ—еще не образъ, не художественное созданіе: оно является такимъ только въ сочетаніи съ другими словами, въ предложеніи, въ цѣлой, законченной картинѣ. Слѣдовательно, оригинальность художественнаго языка писателя болѣе всего зависитъ отъ выбора отдѣльныхъ словъ для такого или иного ихъ сочетанія и отъ разнообразія этихъ сочетаній. Поэтъ является оригинальнымъ въ примѣненіи уже готоваго запаса словъ и выраженій къ способу изображенія предметовъ и явленій изъ міра внѣшняго и внутренняго.

Говоря о пользованіи словомъ, необходимо помнить, что языкъ былъ бы безсиленъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ мысли, если бы на каждое представленіе требовалась наличность соотвѣтствующаго новаго звукового сочетанія. Языкъ богатъ и мощенъ тѣмъ, что одному и тому же слову придается различное значеніе, въ зависимости отъ сочетанія этого слова съ другими. Одно и то же слово мы, можно сказать, ежеминутно употребляемъ въ самыхъ различныхъ значеніяхъ, которыя опредѣляются, конечно, его сочетаніемъ съ другими словами. Возьмите, напримѣръ, глаголъ «хватить» и сравните его значеніе въ такихъ фразахъ, какъ «хватилъ стаканъ водки», «хватилъ стаканъ объ полъ», «хватилъ кулакомъ по столу», «не хватило денегъ», «экъ, куда хватилъ!» и т. д.

Такимъ образомъ, съ перваго же взгляда видно, что творчество въ сферѣ языка заключается всего болѣе въ индивидуальномъ *примѣненіи* словъ въ предложеніи. Малѣйшее измѣненіе въ условіяхъ, въ какія поставлено слово, измѣняетъ смыслъ рѣчи, вызываетъ новое чувство, новое представленіе. Несмотря на то, что языкъ народа стѣсняетъ писателя, ставитъ ему извѣстныя непереходимыя грани, этотъ языкъ, все-таки, каждый разъ сызнова создается мыслью, сызнова оживаетъ въ рѣчи и ея пониманіи.

Творчество Гоголя именно тѣмъ и отличается, что онъ умѣетъ ставить слова въ особыя условія, пользуясь всѣмъ тѣмъ, что представляется ему случаемъ и подсказывается воображеніемъ. Въ его словарѣ есть особенности, какихъ мы обыкновенно не встрѣчаемъ въ обиходной рѣчи; но въ большинствѣ случаевъ Гоголь говоритъ тѣмъ языкомъ, которымъ говорятъ самые обыкновенные люди. И на эту-то простую рѣчь онъ умѣетъ накладывать тотъ своеобразный отпечатокъ, ему одному только свойственный, въ которомъ и заключается его сила и оригинальность. Прослѣдить разныя стороны этой оригинальности значитъ—уяснить себѣ душу писателя.

Изучая языкъ и слогъ писателя, прежде всего необходимо выдѣлить тѣ элементы, которые уже даны ему готовыми въ языкѣ народа, — тѣ пріемы словосочетаній, какіе онъ усвоилъ безсознательно отъ народной рѣчи, а затѣмъ указать соотношеніе его собственнаго

слога съ слогомъ другихъ современныхъ ему писателей и съ тѣмъ литературнымъ наслѣдствомъ, какое онъ получилъ отъ старшихъ.

Указывая на связь гоголевскаго стиля съ народною рѣчью, проф. Мандельштамъ останавливается на нѣсколькихъ, наиболѣе значительныхъ фактахъ, которые, такъ сказать, сами напрашиваются на вниманіе изслѣдователя.

Однимъ изъ оборотовъ рѣчи, особенно излюбленныхъ Гоголемъ, является *тавтологія*. Тавтологія—не только наслѣдіе стараго русскаго письменнаго языка съ древнѣйшихъ временъ; она — вообще наслѣдіе вѣками выработанной человѣческой рѣчи. Проф. Мандельштамъ приводитъ рядъ примѣровъ изъ Пятикнижія, греческихъ и римскихъ авторовъ, изъ современныхъ писателей на разныхъ языкахъ, изъ славянской народной поэзіи и древне-русской письменности. Сопоставляя эти примѣры съ употребленіемъ тавтологіи у Гоголя, онъ приходитъ къ заключенію, что нашему писателю принадлежитъ сознательное, преднамѣренное пользованіе этимъ стилистическимъ пріемомъ, съ цѣлями чисто художественными: Гоголь имѣетъ въ виду оживить, усилить впечатлѣніе, производимое выраженіемъ, произвести извѣстный эффектъ, заставить почувствовать дѣйствіе интенсивнѣе. Въ народной поэзіи причина тавтологическаго выраженія мысли—безсознательная, не преднамѣренная; у Гоголя всегда является намѣченная цѣль.

Вообще, стоя на почвѣ народнаго языка и склада рѣчи, Гоголь давалъ образцы языка своего собственнаго, лично ему принадлежащаго, съ помощью своеобразнаго примѣненія готовыхъ формъ и оборотовъ.

Но если между поэтомъ и народомъ, понимающимъ его произведенія, существуетъ связь неразрывная, если въ формахъ личной поэзіи всегда есть нѣчто выработанное народно-психологическимъ процессомъ, то, само собою разумѣется, въ еще болѣе тѣсной связи стоитъ поэтъ съ обществомъ, его создавшимъ и выдвинувшимъ: въ процессѣ творчества поэта участвуетъ въ бо̀льшей мѣрѣ все, ближе къ нему стоящее. Такимъ образомъ, языкъ даннаго писателя находится въ ближайшей связи съ языкомъ современнаго ему общества; эта связь проявляется въ весьма осязательной формѣ, напримѣръ, въ появленіи одновременно цѣлаго ряда типовъ однороднаго стиля.

Авторъ изслѣдованія и старается отмѣтить тѣ точки соприкосновенія, которыя, несомнѣнно, существуютъ между слогомъ Гоголя и современной ему литературой, — съ перваго момента его выступленія на литературное поприще.

Какъ извѣстно изъ біографіи нашего писателя, въ эту раннюю пору въ его душѣ рождались требованія чего-то неопредѣленнаго, иногда романтически-прекраснаго, иногда—призрачно-грандіознаго, въ въ чемъ онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета. Отсюда — и неясность

его тогдашнихъ мыслей вообще, и неясность образовъ, разумѣется, всегда субъективныхъ.

Гоголю незачѣмъ было создавать какія-либо новыя формы для выраженія своихъ случайныхъ представленій, неясныхъ стремленій, неопредѣленныхъ желаній. Форма была готова: она перешла къ нему отъ его предшественниковъ и современниковъ. Гоголь рано оказался подъ вліяніемъ кружка писателей, много потрудившихся надъ выработкой формы для выраженія указанныхъ настроеній. Такой готовой формой былъ стиль нашего, такъ называемаго, романтизма и въ частности—стиль Жуковскаго и раннихъ произведеній Пушкина.

Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ мы встрѣчаемъ у Гоголя стиль, обусловленный романтическимъ характеромъ его произведеній,—стиль дѣланный, риторическій. «Какъ въ душѣ художника былъ запросъ на что-то призрачное, такъ и въ языкѣ его слышатся отзвуки какого-то фантастическаго міра». Передъ нами то и дѣло появляются образы, въ которыхъ нѣтъ никакой собственно «гоголевской» манеры: словно кто-то диктуетъ ему съ готоваго образца, или онъ пишетъ на заданную, избитую тему. Такихъ образовъ множество—въ «Невскомъ проспектѣ», «Портретѣ», въ «Женщинѣ» и пр. Подобная же риторика возвращается въ послѣдніе годы жизни Гоголя, когда онъ начинаетъ говорить благонамѣренныя рѣчи: въ «Перепискѣ съ друзьями» снова является прежній «романтическій» стиль,—та же неясность, безсодержательность, призрачность...

Указанное подражаніе Гоголя готовымъ литературнымъ образцамъ, и при томъ далеко не всегда перваго сорта, обнаруживается во многихъ отношеніяхъ. Даже поверхностное наблюденіе надъ произведеніями перваго періода дѣятельности нашего писателя убѣждаетъ, что онъ не столько творитъ, сколько варіируетъ мотивы Жуковскаго и другихъ современныхъ представителей нашего романтизма. Разница съ позднѣйшими его произведеніями чувствуется очень сильно: когда Гоголь оригиналенъ, — тогда онъ весь иной и весь цѣленъ, а здѣсь онъ вялъ и какъ бы надломленъ; онъ неувѣренными шагами идетъ впередъ, двигаясь какъ-то нерѣшительно. О воспроизведеніи явленій, о реальной картинѣ жизни нѣтъ и помину: все только слова, сочетанія словъ, предложенія,—и никакого опредѣленнаго образа.

Что касается вліянія Пушкина, то оно отразилось на произведеніяхъ Гоголя гораздо слабѣе, чѣмъ «романтическій» стиль, и категорическое утвержденіе проф. Мандельштама, будто «Гоголь пишетъ языкомъ стихотвореній Пушкина», остается ничѣмъ не подкрѣпленнымъ. Если изслѣдователь хотѣлъ этимъ сказать, что Гоголь въ своихъ стихотвореніяхъ подражалъ Пушкину,—такъ, вѣдь, иначе и быть не могло; но тутъ, по нашему мнѣнію, вкралась методологическая ошибка: дѣло въ томъ, что Гоголь хотя и сочинялъ въ молодости стихи, но вовсе не былъ стихотворцемъ, и привлекать его риѳмован-

ныя строчки въ качествѣ источника для изученія гоголевскаго *стиля* не было и никакого основанія, и никакой надобности. Что же касается вліянія Пушкина на гоголевскую прозу, то̀ и самъ проф. Мандельштамъ признаетъ, что онъ отражается только въ идеяхъ, а не въ формѣ, т.-е. не въ стилѣ.

Выдѣляя въ произведеніяхъ Гоголя элементы заимствованій и общей для всѣхъ писателей литературной традиціи, мы подходимъ, наконецъ, къ главному вопросу: въ чемъ же именно заключаются особенные отличительные признаки собственно гоголевскаго языка и слога, принадлежащаго только ему и никому другому?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего необходимо обратить вниманіе на психологическія основанія своеобразности языка: чѣмъ въ большей мѣрѣ произведенія писателя носятъ на себѣ слѣды лично имъ пережитаго, прочувствованнаго и передуманнаго, тѣмъ больше въ языкѣ этихъ произведеній будетъ элементовъ собственной души писателя, его индивидуальности. Это—явленіе психологическое, и безъ него не было бы той внутренней движущей силы поэзіи, не было бы той правдивости и искренности, которыя производятъ такое сильное впечатлѣніе и ставятъ душевный строй писателя въ соприкосновеніе съ нашимъ собственнымъ.

Біографы Гоголя уже отмѣтили въ его произведеніяхъ мѣста, съ достаточной ясностью свидѣтельствующія о томъ, что въ его творчество въ значительной мѣрѣ вошли элементы его собственной личной жизни.

Мы знаемъ, что̀ Гоголю приходилось бороться съ обстоятельствами, мѣшавшими осуществленію тѣхъ мыслей, желаній, стремленій, которыя вытекали изъ его гордой, иногда заносчивой, самомнительной, взыскательной и требовательной природы; ему приходилось съ напряженными усиліями отстаивать то, что добыто было съ большимъ трудомъ и еще больше энергіи тратить на обезпеченіе желаемыхъ результатовъ, при томъ мало отвѣчавшихъ его таланту и положенію въ литературѣ. Противниками его были, въ большинствѣ случаевъ, люди, не отвѣчавшіе самымъ элементарнымъ правиламъ нравственности, и уже съ первыхъ дней сознательнаго отношенія къ жизни онъ не щадилъ, напр., пошлости, покупающей общественное положеніе цѣною уничтоженія въ себѣ человѣческаго достоинства. По мѣрѣ того, какъ расширялся его опытъ, знаніе людей, характеровъ, пониманіе отрицательныхъ сторонъ жизни, расширялись и задачи обличенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь изучалась интенсивнѣе и глубже.

Но недостатки, пороки, пошлыя стороны людей коснулись и самого обличителя. Онъ чувствовалъ ихъ въ себѣ и ясно ихъ сознавалъ. «Я имѣю дурной характеръ,—писалъ онъ, — испорченный, избалованный нравъ, въ этомъ признаюсь отъ чистаго сердца...»

И онъ искалъ исправленія, совершенствованія въ дѣятельности, такъ

какъ, говоритъ онъ, «лѣнь и безжизненное для меня здѣсь пребываніе непремѣнно упрочили бы эти недостатки навѣкъ».

Эта дѣятельность, въ силу душевнаго склада Гоголя, должна была заключаться въ борьбѣ за доброе. Для этого необходимо было очиститься самому, иначе говоря, — изучить самого себя и сдѣлать разсчетъ съ прошлымъ. Такой разсчетъ и представлялся возможнымъ путемъ объективированія своихъ недостатковъ въ словѣ, въ произведеніяхъ.

Что онъ ясно понималъ свои недостатки,—это видно изъ его собственныхъ признаній и изъ того, что имъ осуждены были проявленія собственной его жизни, которымъ позже онъ придалъ типическія черты. Вотъ нѣсколько фактовъ, болѣе крупныхъ:

«Я получилъ въ школѣ воспитаніе довольно плохое, а потому и не мудрено, что мысль объ ученіи пришла мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ, — говоритъ онъ: я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ свои занятія...» Несомнѣнно, Гоголь говорилъ правду: отсутствіемъ образованія объясняются и весьма несимпатичные пріемы, къ какимъ онъ прибѣгалъ иногда для устройства личныхъ своихъ дѣлъ, и то непониманіе, которое довольно долго обнаруживается въ его двусмысленномъ поведеніи въ отношеніи науки, даже и той, которую онъ самъ изучалъ. Эти пріемы отражаются въ языкѣ Гоголя весьма наглядно: онъ хотѣлъ «дернуть» исторію Малороссіи, «хватить» среднюю исторію — «томиковъ въ восемь-девять», «удрать» необыкновенное изданіе пѣсенъ, а когда ему не удалось упрочить за собою каѳедру, когда онъ не встрѣтилъ сочувствія къ своимъ неудачнымъ лекціямъ, онъ «расплевался» съ университетомъ. «Такія выраженія,—говоритъ проф. Мандельштамъ,—возможны въ устахъ человѣка, по малой мѣрѣ не умѣющаго уважать науку. Гоголь это сознавалъ и тайно страдалъ,—и создалъ Хлестакова».

Другой примѣръ. Въ письмахъ къ матери Гоголь возноситъ льстивыя похвалы своему вліятельному родственнику Трощинскому, зная, что эти письма будутъ показаны кому слѣдуетъ. Это подобострастіе, эта льстивость несомнѣнно тяготили самого Гоголя: недаромъ языкъ, которымъ выражается искательная угодливость Чичикова, такъ близко напоминаетъ указанныя письма самого автора «Мертвыхъ Душъ».

Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много.

Въ своемъ развитіи Гоголь былъ независимѣе отъ постороннихъ вліяній, нежели какой-либо другой изъ первоклассныхъ нашихъ писателей; если онъ въ началѣ своей дѣятельности, какъ мы видѣли, подчинялся традиціямъ и отдѣльнымъ образцамъ, то оригинальность его натуры, тѣмъ не менѣе, смѣло прокладывала себѣ собственный путь по тому направленію, которое подсказывалось врожденною силой, въ особенности силой юмора.

Собственный стиль Гоголя, несомнѣнно, обусловливается основнымъ мотивомъ его творчества, — изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ

жизни. Можетъ быть, справедливо мнѣніе, что онъ не всегда *понималъ* суть этихъ отрицательныхъ сторонъ, не всегда глубоко вдумывался въ причины этихъ явленій; но онъ *чувствовалъ* зло всѣми фибрами своей души, представлялъ его себѣ такъ ясно, какъ никто изъ болѣе раннихъ писателей, а потому именно и имѣлъ возможность изобразить его въ словѣ, какъ никто другой. Сила чувства придаетъ его изображеніямъ что-то стихійное, причемъ какъ будто вовсе исключается преднамѣренно-ясное, сознательно-аналитическое мышленіе.

Творческій геній Гоголя въ созданіи своеобразнаго языка обнаруживается не такъ скоро: первоначально характеръ его языка далеко не имѣлъ той оригинальной красоты, которая отличаетъ его отъ языка многихъ другихъ поэтовъ. Одно время Гоголь, какъ многіе, какъ большинство, не былъ свободенъ отъ вліянія слова, дѣйствующаго на мысль вредно, сковывая ее, какъ лозунгъ, не заключающій въ себѣ никакого опредѣленнаго содержанія. Онъ слѣдовалъ слову слѣпо, безсознательно, хотя и предполагалъ или былъ увѣренъ, что вполнѣ сознательно имъ пользуется. Въ своихъ разсужденіяхъ и лирическихъ мѣстахъ онъ прибѣгаетъ къ такимъ словамъ, которыя, собственно, ничего не выражаютъ, но которыми онъ пользуется какъ опредѣленными величинами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для него мысль не опредѣлилась настолько, чтобы сдѣлаться его духовнымъ достояніемъ, Гоголь и выраженія употреблялъ самыя неопредѣленныя, такія, напр., какія употребляются людьми мало развитыми или лѣниво мыслящими. Ничего нѣтъ скучнѣе этого безжизненнаго языка, этого стиля, въ которомъ слышатся одни только ничего не значущія, или все значущія отвлеченныя выраженія. И это не былъ тотъ родъ отвлеченныхъ выраженій, которыми пользуется писатель для обобщеній: они являются у Гоголя единственно вслѣдствіе его безсилія уловить въ данный моментъ наиболѣе существенные частные признаки. Нерѣдко мы видимъ также нелогичность и неграмматичность въ употребленіи словъ и предложеній, изысканныя, но все-таки неудачныя сравненія, отсутствіе соотвѣтствія между характеромъ лица и его рѣчью, вставки ни къ чему не идущихъ, лишнихъ словъ и частицъ, необыкновенную длинноту періодовъ, особенно въ описаніяхъ, и пр., и пр.

Такимъ образомъ, въ первомъ періодѣ творчества Гоголя его языкъ далеко не отличался точностью, ясностью, силою и выразительностью, какими характеризуется его стиль позднѣйшей поры, періода созиданія «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». Писателю предстояла въ этомъ отношеніи долгая и упорная работа, и именно въ пору наибольшей своей зрѣлости онъ работалъ наиболѣе медленно. Произведенія, повидимому, уже совсѣмъ готовыя къ печати, «вылеживались» по долгу, время отъ времени просматривались, снова отправлялись въ ящикъ, преднамѣренно забывались и опять подвергались усердному исправленію. Въ эту пору полной зрѣлости своего таланта Гоголь относился къ стилю

крайне заботливо и считалъ необходимою медленную работу, которая только и можетъ дать въ результатѣ вполнѣ художественное произведеніе. Художественный трудъ въ глазахъ Гоголя все больше получалъ характеръ священнодѣйствія. Искусство должно быть высшей цѣлью художника, и для достиженія этой цѣли онъ долженъ отвергнуть всѣ соблазны, повиноваться одному вдохновенію и прилагать усиленный трудъ къ выработкѣ формы.

Въ этой усиленной работѣ Гоголя надъ своимъ языкомъ и слогомъ можно отмѣтить нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ.

Прежде всего замѣчательно, что Гоголь не терпитъ иностранныхъ словъ; онъ вполнѣ сознательно старается сдѣлать свою рѣчь чисто русскою, а иностранныя слова употребляетъ только съ цѣлью вызвать въ читателѣ извѣстное юмористическое настроеніе или пренебреженіе къ французоманіи и ея вліянію, портящему чистоту русской рѣчи. Злая иронія звучитъ въ его словахъ по этому поводу:

«Какъ ни исполненъ авторъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ пользамъ, которыя приноситъ французскій языкъ Россіи; какъ ни исполненъ благоговѣнія къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во всѣ часы дня, конечно, изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ; но при всемъ томъ никакъ не рѣшается внести фразу какого бы то ни было чуждаго языка въ сію русскую свою поэму».

Гоголь не доходилъ до крайностей иныхъ гонителей иностранныхъ словъ; но онъ всегда выбиралъ слова русскія въ тѣхъ случаяхъ, когда понятіе поддавалось выраженію на русскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совершенно исключилъ изъ своего словаря и всѣ миѳологическія названія и сравненія, бывшія, какъ извѣстно, въ большомъ ходу у нашихъ писателей даже 30-хъ годовъ.

Внесеніе русскихъ словъ въ литературную рѣчь обусловливалось у Гоголя не только инстинктивною потребностью творческаго духа, но и сознательнымъ отношеніемъ къ языку. Гоголь понималъ, какъ немногіе понимаютъ и до сихъ поръ, что писатель не только можетъ, но и долженъ пользоваться не одними лишь словами и выраженіями, имѣющими право гражданства во всѣхъ слояхъ русскаго общества, но также и мѣстными, народными словами, употребляемыми въ разговорной рѣчи. Онъ не только не старался оградить литературный языкъ отъ вліянія народныхъ элементовъ, чего въ то время желали многіе, но, напротивъ, отводилъ народному языку широкое мѣсто,— какъ едва ли кто изъ другихъ писателей, даже позднѣйшихъ, какъ Толстой и Достоевскій. Гоголь хорошо понималъ, что литературный языкъ долженъ быть языкомъ народа, а потому необходимо умышленно къ нему приблизиться. Невозможно безъ вреда для развитія языка уклоняться отъ разговорной рѣчи образованныхъ классовъ обще-

ства, тѣмъ болѣе—отъ рѣчи народной, отъ которой литературный языкъ получаетъ живительные соки и обновленіе.

Записныя тетради Гоголя указываютъ на внимательную его работу по собиранію и изученію отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ оборотовъ народной рѣчи, которыми онъ весьма часто пользовался въ своихъ произведеніяхъ. Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни, тѣмъ болѣе, другіе наши поэты не допускали народныхъ выраженій въ такой широкой мѣрѣ, какъ Гоголь; у него, можно сказать, рѣчь не обходится безъ простонародныхъ выраженій или, вѣрнѣе, словъ, созданныхъ подъ вліяніемъ народной рѣчи. Но, помимо этого труда собиранія запаса словъ, Гоголю предстояла еще работа исправленія слога, который мѣнялся по мѣрѣ развитія въ писателѣ чутья къ русскому языку. Сравнивая нѣсколько редакцій одного и того же произведенія, мы видимъ, какое множество передѣлокъ, исправленій, замѣнъ, вставокъ и т. п. дѣлается Гоголемъ, чтобы довести произведеніе до желаемой формы. Преднамѣренность и сознательность составляютъ при этомъ существенные факторы. Изучая характеръ измѣненій, дѣлаемыхъ Гоголемъ, можно, вмѣстѣ съ тѣмъ, собрать превосходный матеріалъ для характеристики творчества поэта. Рядъ созданныхъ имъ картинъ принимаетъ совершенно иное освѣщеніе въ редакціяхъ окончательныхъ, благодаря часто ничтожнымъ сокращеніямъ, едва замѣтнымъ опущеніямъ одного слова, частички, фразы.

Помимо постояннаго совершенствованія, неустанной работы надъ исправленіемъ стиля, мы часто встрѣчаемся у Гоголя съ одними и тѣми же формами, которыя постоянно повторяются въ неизмѣняемомъ видѣ. У писателя есть любимые образы, любимые стилистическіе пріемы, къ которымъ онъ возвращается какъ будто съ особеннымъ удовольствіемъ. Такъ, напр., въ самыхъ различныхъ періодахъ творчества Гоголя мы встрѣчаемъ у него одинъ и тотъ же образъ,—«превращенія» человѣка въ то чувство или состояніе, какое въ данную минуту должно быть преобладающимъ въ его личности. Такія выраженія, какъ «весь превратился въ слухъ», въ зрѣніе, во вниманіе и т. п., принадлежатъ у нашего писателя къ числу самыхъ обычныхъ и наиболѣе часто повторяемыхъ. Далѣе, къ любимымъ образамъ Гоголя, съ которыми онъ не разстается, относится тотъ, съ помощью котораго художникъ выражаетъ совмѣстное пребываніе, сцѣпленіе отдѣльныхъ предметовъ: «Ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа», «ни одна звѣзда не убѣжитъ» изъ темнаго лона Днѣпра, и т. п. Сюда же относится извѣстная манера выраженія радости, удивленія, негодованія, хотя бы и притворныхъ, ироническихъ, съ помощью восклицаній, относящихся или къ предмету («Что за пироги!» «Фу ты, пропасть, какія смушки!» «Господи, Боже мой! какой у него домъ!»), или къ признаку («Безсильныя!» ««безпечныя!» «зеленокудрыя!» «пышный!» и пр.).

Одна изъ особенностей гоголевскаго стиля заключается въ необыкновенно частомъ употребленіи рядомъ двухъ синонимическихъ выраженій, напр.: «не торопитесь, не спѣшите», «сжатыя и краткія», «туманно и неясно», «орудія и средства» и т. д. Въ особенности эта манера усиливается въ ту пору дѣятельности Гоголя, когда онъ отъ творчества переходитъ къ поученію,—въ пору «Переписки съ друзьями»: чѣмъ дальше, тѣмъ меньше видно въ этомъ отношеніи чувства мѣры; Гоголь какъ будто старается съ помощью этого пріема пополнить пустоту содержанія своихъ рѣчей...

Къ числу любимыхъ стилистическихъ пріемовъ Гоголя относятся также: повтореніе частицы *«не»* при изображеніи отрицательныхъ сторонъ или свойствъ, повтореніе союза *«и»* передъ рядомъ сказуемыхъ и постановка сказуемаго передъ подлежащимъ, дополняемаго передъ дополняющимъ, опредѣляемаго передъ опредѣленіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обычная рѣчь ставитъ ихъ въ иномъ порядкѣ.

Пріемы творчества Гоголя, дѣлающіе его стиль отличнымъ отъ стиля другихъ великихъ русскихъ писателей, вообще довольно разнообразны. Какъ писатель эпическій, онъ вноситъ въ свои описанія такой элементъ, который въ значительной степени приближаетъ его къ народному эпосу: онъ обладалъ способностью переноситься въ народно-поэтическое міросозерцаніе, отъ котораго навсегда удалилась поэзія другихъ творцовъ русскаго слова. Достаточно указать на «Тараса Бульбу», произведеніе, представляющее своего рода эпизоды изъ «Иліады».

Очень оригинальны также средства, какими пользовался Гоголь для воспроизведенія характеровъ тѣхъ или иныхъ дѣйствующихъ лицъ. Рисуя людей съ весьма ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ, онъ любилъ выставлять особенно такихъ, у которыхъ мысль, и безъ того бѣдная, никакъ не можетъ быть облечена въ сколько-нибудь опредѣленную форму: имъ недостаетъ самыхъ необходимыхъ словъ, вслѣдствіе неясности представленій,—и въ результатѣ получается или недоконченная фраза, или отдѣльныя слова безъ связи между собою, напр.: «А, однако же, при всемъ томъ, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, можетъ даже... Ну, да и гдѣ же не бываетъ несообразностей,—а все, однако-жь, есть что-то...»

Эта манера изображенія не покидаетъ Гоголя отъ начала его писательской дѣятельности до послѣдняго времени, поры созданія «Мертвыхъ душъ».

Гоголь рисовалъ различныя фигуры людей грубыхъ изъ всякихъ слоевъ общества; но одну преобладающую черту грубости—потребность ругани—онъ выдвигаетъ постоянно; безъ нея не обходится ни одно лицо этой категоріи, хотя брань разнообразится въ зависимости отъ господствующей черты характера. Въ этомъ отношеніи можно установить извѣстныя группы: Кочкаревъ ругается, какъ Ноздревъ, Ноздревъ—какъ Подколесинъ, а послѣдній—какъ Кочкаревъ, и всѣ трое

въ этомъ отношеніи совершенно похожи другъ на друга. Бранится и баба Черевика въ «Сорочинской ярмаркѣ», и слесарша въ «Ревизорѣ», и брань ихъ, очень типичная для женщины изъ простонародья, почти вовсе не отличается, напр., отъ ругани свахи въ «Женитьбѣ». Бранятся городничій, Собакевичъ, Иванъ Никифоровичъ и т. д., каждый на свой ладъ. Словомъ, эта черта персонажей составляетъ у Гоголя пріемъ, безъ котораго онъ не обходится; а въ изобрѣтеніи словъ и выраженій онъ положительно неисчерпаемъ.

Къ обычнымъ пріемамъ Гоголя относится способъ характеристики при помощи повторенія собственнаго имени или званія даннаго лица каждый разъ, при перечисленіи его свойствъ. Такъ, напр., при характеристикѣ Ноздрева цѣлый рядъ предложеній, на протяженіи трехъ страницъ, начинается именемъ: «Ноздревъ... Ноздревъ...» (то-то и то-то).

Эпитеты у Гоголя очень оригинальны, и значительное большинство ихъ принадлежитъ ему самому, не составляя обычной ходячей монеты. Гоголевскіе эпитеты имѣютъ характеръ по преимуществу субъективный: дѣйствіе, настроеніе, состояніе, вызываемое въ немъ самомъ тѣмъ или инымъ предметомъ, писатель приписываетъ самому этому предмету, что вполнѣ соотвѣтствуетъ вообще преобладающему въ его творчествѣ субъективному тону. Такимъ же субъективнымъ характеромъ отличаются у него и сравненія, и гиперболы, причемъ послѣднія нерѣдко бываютъ слишкомъ громоздки, неестественны и мало характерны для изображаемаго предмета.

Совершенно своеобразный характеръ придаетъ всему стилю Гоголя элементъ, какого мы почти вовсе не встрѣчаемъ у другихъ русскихъ писателей,—элементъ малорусскій.

Какъ извѣстно, южныя и западно-русскія силы еще съ половины XVII столѣтія дѣятельно вмѣшивались въ образованіе новой русской литературы; такова была роль Симеона Полоцкаго, Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича и другихъ ученыхъ кіевлянъ; но это вмѣшательство ограничено было церковно-схоластическою областью, и въ немъ не было тѣни, или одна только тѣнь, южно-русскихъ народныхъ элементовъ. Малороссы являлись въ рядахъ русскихъ писателей и позже, въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка; но Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ и др. шли общимъ для современной имъ литературы классическимъ путемъ и рѣшительно ничѣмъ не заявляли въ писательствѣ племенныхъ своихъ особенностей. Проф. Мандельштамъ указываетъ, что въ XVIII вѣкѣ малороссійскіе мотивы вошли у насъ въ моду: въ первыхъ нашихъ пѣсенникахъ, которые явились въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія, цѣлый особый отдѣлъ отводился пѣснямъ малороссійскимъ, потому что и на самомъ дѣлѣ среди тогдашней публики онѣ были распространены наряду съ русскими; но собственно малороссійская литература существовала пока еще только въ рукописяхъ и была мало

извѣстна, такъ что въ русскую литературу малороссійскій элементъ не входилъ или входилъ едва замѣтными чертами.

А. Н. Пыпинъ полагаетъ, что Гоголь въ своихъ первыхъ повѣстяхъ обратился къ изображенію малорусской жизни и преданій именно потому, что, по собственнымъ словамъ писателя, въ Петербургѣ тогда «было въ ходу» все малороссійское. Съ этимъ, однако, не вполнѣ можно согласиться: въ то время Гоголь совсѣмъ не могъ писать иначе, даже если бы условія его дѣятельности были и другія. Все его существо проникнуто было малороссійскимъ элементомъ; малороссійскій языкъ былъ для него «языкомъ души», а потому понятно, что онъ прежде всего обратился къ народной словесности своей южной родины. Да и много лѣтъ спустя, въ 1844 году, онъ писалъ о себѣ: «Я соединилъ въ себѣ двѣ природы: хохлика и русскаго; я самъ не знаю, какая у меня душа, — хохлацкая или русская...» Гоголь, можетъ быть, самъ не всегда ясно сознавалъ, что возбужденіе его мысли шло именно по колеѣ родного, малорусскаго языка. Присматриваясь къ его слогу, мы видимъ, что оба языка, — малорусскій и великорусскій, — связаны были въ немъ съ различными областями и пріемами мысли: пользованіе тѣмъ или другимъ языкомъ даетъ его мысли то или иное направленіе, и наоборотъ, въ предчувствіи извѣстнаго направленія своей мысли онъ берется за тотъ или другой языкъ, смотря по тому, въ какой изъ нихъ мысль укладывается поэтичнѣе, легче, ярче. Правда, малороссійскій языкъ и переплетается у него съ русскимъ, но все же сохраняетъ свою отдѣльность, и чѣмъ больше выступаетъ на первый планъ основная стихія гоголевскаго міросозерцанія,—его юморъ, его чувство, тѣмъ ближе онъ къ малороссійскому языку. Сравнивая текстъ многихъ его произведеній съ обычной русской рѣчью, мы замѣчаемъ, что Гоголь часто *думалъ* по-малорусски и мысленно переводилъ слова и обороты малорусской рѣчи на русскій; постояннымъ и вѣрнымъ выразителемъ направленія мысли нашего писателя служилъ именно малорусскій языкъ, обороты котораго неизмѣнно появлялись въ его рѣчи всякій разъ, когда онъ, увлекшись творчествомъ, переставалъ слѣдить за формой. Обобщая свои наблюденія надъ этою особенностью гоголевскаго стиля, проф. Мандельштамъ совершенно вѣрно заключаетъ, что малорусскій языкъ преобладаетъ у Гоголя въ тѣхъ случаяхъ, когда мысль требуетъ выраженія *настроенія*. Въ подобныхъ случаяхъ онъ нерѣдко не только думалъ по-малорусски, но по-малорусски и писалъ, оставляя выраженія своего родного языка почти въ нетронутомъ видѣ.

Но были въ его творчествѣ и такіе моменты, которые повелительно заставляли его обращаться къ языку обще-русскому. Такихъ моментовъ проф. Мандельштамъ отмѣчаетъ три:

Во-первыхъ, Гоголь пользовался исключительно русскимъ языкомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовало изображеніе природы: мало-

русскій языкъ, не достигшій художественнаго развитія, не могъ дать ему въ этомъ отношеніи достаточнаго матеріала. Вотъ отчего всѣ картины природы у Гоголя, даже въ самыхъ малороссійскихъ повѣстяхъ,—въ «Тарасѣ Бульбѣ», въ «Сорочинской ярмаркѣ»,—нарисованы чистымъ русскимъ языкомъ.

Во-вторыхъ, творческая мысль писателя искала выхода въ языкѣ русскомъ, когда онъ захватывалъ вопросы, выходящіе за предѣлы узкой жизни Малороссіи, касался интересовъ общественныхъ и общенародныхъ. Этимъ объясняется, почему въ двухъ крупнѣйшихъ произведеніяхъ,—«Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ», рѣчь ведется и дѣйствующими лицами, и самимъ авторомъ почти исключительно русская.

Въ-третьихъ, Гоголь обращался къ русскому языку всякій разъ, когда его мысль работала надъ разрѣшеніемъ вопросовъ философскаго характера. Здѣсь малорусскій языкъ былъ безсиленъ; облекать свои философскія мысли въ соотвѣтствующія формы Гоголь и не могъ иначе, какъ по-русски. Насколько несомнѣнно то, что въ большей части поэтическихъ его произведеній сказывается племенная стихія, выражаясь языкомъ его родины, способнымъ передавать только образы, рисунки, а не отвлеченныя обобщенія,—настолько же несомнѣнно и то, что русскій языкъ долженъ былъ замѣнить родной въ такихъ произведеніяхъ, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ разсужденіе. Но въ этихъ произведеніяхъ Гоголь *не творитъ*, а потому онъ въ языкѣ прозы совсѣмъ не тотъ, что въ языкѣ поэтическомъ. Его разсужденія не идутъ далѣе общихъ мѣстъ, и стиль его, когда онъ начинаетъ проповѣдывать, оказывается очень плохимъ. «Собственно, даже и стилемъ назвать нельзя этотъ странный языкъ, который мы видимъ, напр., въ «Перепискѣ съ друзьями». Это—смѣшеніе предложеній, какъ будто взятыхъ на прокатъ у духовныхъ писателей разныхъ столѣтій,—не то языкъ отшельниковъ, оставляющихъ міръ, не то славяно-русскій и древнерусскій языкъ самобичующагося монаха... Всего чаще, это—риторическія умствованія, при невозможно-неясномъ способѣ выраженія...»

Невольно является вопросъ: можно ли считать искренними мысли и чувства Гоголя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заводитъ подобныя рѣчи?

И въ самомъ дѣлѣ, невозможно допустить, чтобы искреннее чувство выражалось въ стилѣ, лишенномъ всякой непосредственности, всякой естественности, не говоря уже о художественности. Возможности подобнаго совпаденія искренности чувства и неестественности рѣчи противорѣчатъ всѣ факты изъ жизни и творчества поэтовъ, и нашихъ, и иностранныхъ. Если и наблюдаются иногда противорѣчія, можетъ быть, даже и рѣзкія, между словомъ поэта и его дѣломъ, если иногда,—не въ минуты творчества,—«быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ», то въ минуты творчества онъ, несомнѣнно, искрененъ, и

*

инымъ быть не можетъ,—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ переживаетъ то, что имъ изображается. Этому противорѣчило бы и самое свойство поэтическаго языка, который не можетъ быть искреннимъ по заказу. А между тѣмъ, мы знаемъ, что Гоголь довольно часто могъ и умѣлъ писать совсѣмъ не то, что думалъ и чувствовалъ, умѣлъ быть неискреннимъ; это ясно отражается въ стилѣ его личныхъ писемъ, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ всегда чувствуется натянутость, искусственность, фальшь. Если сравнить его ранніе письма къ матери, въ которыхъ извѣстная доля притворства, по всей вѣроятности, обусловливалась обстоятельствами, — и тѣ письма, которыя включены имъ въ составъ «Переписки съ друзьями», то сходство стиля тѣхъ и другихъ окажется просто поразительнымъ. Здѣсь всѣ слова, всѣ фразы не создаются сами собою, а придумываются, высиживаются; языкъ становится какимъ-то страннымъ, тяжелымъ, неуклюжимъ, враждебнымъ всѣмъ законамъ благозвучія; видно, что писатель душевно не участвовалъ въ томъ, что писалъ. И такой поворотъ отъ живого, своеобразнаго поэтическаго слова къ вымученнымъ фразамъ, переполненнымъ всякими ненужными повтореніями и тавтологіями, странно «сдѣланными» словами и еще болѣе странными словосочетаніями, замѣчается у Гоголя всякій разъ когда онъ перестаетъ писать то, что дѣйствительно имъ продумано и прочувствовано. «Это—уже и не стиль, это—словоизліяніе».

Такимъ образомъ, по стилю Гоголя можно съ извѣстною степенью вѣрности опредѣлить переживаемыя имъ настроенія и чувства и, съ другой стороны, прослѣдить, какъ извѣстное настроеніе вызываетъ у него соотвѣтственные пріемы стиля, болѣе или менѣе постоянные. Въ жизни Гоголя есть періоды, оставшіеся до сихъ поръ психологически недостаточно разъясненными: его произведенія могутъ дать нѣкоторый матеріалъ для разъясненій, если удастся установить нѣкоторую закономѣрность въ отношеніи между его языкомъ и настроеніями.

Въ ряду этихъ настроеній господствующее мѣсто занимаетъ *юморъ*,— и изслѣдователь гоголевскаго стиля не можетъ не отнестись къ этому основному свойству нашего писателя съ особеннымъ вниманіемъ. Значеніе гоголевскаго юмора, по вѣрному замѣчанію проф. Мандельштама, заключается не только въ томъ, что ему опредѣлено было «чудной властью идти объ руку съ странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь сквовь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы»; значеніе его заключается также и въ формѣ. Она помогала и самому писателю «угонять прочь набѣгавшую на чело морщину и строгій сумракъ лица», — и такимъ же образомъ вліяетъ на читателей.

Гоголь говоритъ о себѣ, что онъ возбуждалъ «не тотъ пустой смѣхъ, которымъ пересмѣхаетъ человѣкъ человѣка, но смѣхъ, родив-

шійся отъ любви къ человѣку». Однако, это не всегда было такъ: юморъ его языка имѣетъ довольно длинную исторію, и, въ зависимости отъ душевной жизни писателя, обнаруживаются тѣ или иные моменты этой исторіи.

Причина той *веселости*, какую замѣтили въ первыхъ его сочиненіяхъ, появившихся въ печати, заключалась, по его собственному признанію, «въ нѣкоторой душевной потребности»: на него находили припадки тоски, ему самому необъяснимой,—можетъ быть, происходившей, какъ онъ думалъ, и отъ болѣзненнаго состоянія; и вотъ, «чтобы развлекать себя самого», онъ «придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать, выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала...» «Вотъ,—продолжаетъ онъ,—происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставили смѣяться такъ же беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости. Можетъ быть, съ лѣтами и съ потребностью развлекать себя веселость эта исчезла бы, а съ нею вмѣстѣ и мое писательство. Но Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно».

Этимъ вмѣшательствомъ Пушкина въ творчество Гоголя начинается второй періодъ въ исторіи гоголевскаго смѣха.

Разсматривая стиль перваго періода его творчества, мы, дѣйствительно, замѣчаемъ, что въ эту пору въ немъ менѣе всего обнаруживается тотъ идеализмъ, который такъ ярко сказался впослѣдствіи. Языкъ раннихъ произведеній Гоголя возбуждаетъ смѣхъ только ради смѣха; смѣхъ у него составляетъ самъ себѣ цѣль, какъ удовольствіе, и при томъ—удовольствіе довольно грубое, отзывающееся преувеличеніемъ, шаржемъ; въ дальнѣйшихъ передѣлкахъ этихъ первоначальныхъ редакцій своихъ произведеній писатель значительно смягчалъ прежнія грубыя краски и придавалъ своему смѣху уже гораздо болѣе тонкій оттѣнокъ. Стоитъ сравнить между собою, напримѣръ, любое дѣйствіе «Ревизора», любую главу «Мертвыхъ душъ» въ разновременныхъ редакціяхъ, чтобы увидѣть, какъ много труда самаго внимательнаго, самаго кропотливаго положено было авторомъ на очистку своихъ произведеній отъ остатковъ той поры, когда онъ смѣялся только для того, чтобы самого себя потѣшить.

Къ первому періоду развитія гоголевскаго юмора относятся нѣкоторые излюбленные имъ пріемы, разсчитанные на смѣхотворное дѣйствіе. Таково, прежде всего, придумываніе смѣшныхъ именъ и прозвищъ, и притомъ—способныхъ смѣшить скорѣе малоросса, чѣмъ русскаго, такъ какъ съ ними связывается нѣкоторое содержаніе, вполнѣ

доступное только малороссу (Пупопузъ, Голопузъ, Довгочхунъ, Свербыгузъ и т. п.). Къ этой же категоріи смѣшныхъ выраженій относится и брань,—какъ уже сказано выше, весьма разнообразная и характерная у Гоголя, и различныя выраженія, служащія синонимами глагола «ругаться» (ввернуть, закрѣпить, отпустить, загвоздить и пр.—словцо), и разныя простонародныя словечки, служащія, большею частью, для изображенія грубыхъ дѣйствій. Характеризуя своихъ героевъ прямо отъ себя, Гоголь нерѣдко говоритъ языкомъ, очень близкимъ къ способу выраженія самихъ этихъ лицъ, т.-е. языкомъ обиходнымъ и — когда нужно — простонароднымъ. Гораздо болѣе важное значеніе имѣютъ у Гоголя словесныя новообразованія, — слова и выраженія, необычныя или по своимъ звуковымъ сочетаніямъ, или по способу ихъ измѣненія, съ помощью, напримѣръ, особыхъ суффиксовъ, или, наконецъ, просто заново сочиненныя писателемъ. Въ способности своей создавать такія слова и выраженія Гоголь положительно неисчерпаемъ, и можно смѣло сказать, что его словарь, и вообще чрезвычайно богатый, въ этомъ отношеніи далеко оставляетъ за собою тѣ словесные запасы, какими пользуются всѣ прочіе наши писатели, не только ему современные, но и позднѣйшіе.

Второй періодъ гоголевскаго юмористическаго стиля характеризуется серьезной, вдумчивой работой надъ исправленіемъ и усовершенствованіемъ языка. Въ этихъ безчисленныхъ поправкахъ, вставкахъ и измѣненіяхъ, полную исторію которыхъ дали Тихонравовъ и Шенрокъ въ своемъ монументальномъ изданіи Гоголя, важнѣйшая забота писателя заключалась въ томъ, чтобы произвести на читателя, по возможности, то же самое впечатлѣніе, какое испытывалъ онъ самъ,—подойти къ изображаемому явленію какъ можно ближе и показать его читателю, держа передъ нимъ также какъ можно ближе. Оттого всякая фраза, произнесенная у Гоголя художественно созданнымъ лицомъ, кромѣ заключающейся въ ней мысли, содержитъ сумму свойствъ, весь характеръ, темпераментъ, позу, жестъ, взглядъ,—и все это получается соединеннымъ въ одномъ образѣ. Гоголь обладаетъ способностью, такъ сказать, въ одно мгновеніе воспроизводить цѣлую фигуру; его юморъ обладаетъ силой давать мыслямъ читателя самое разнообразное содержаніе.

Формы и пріемы гоголевскаго юмористическаго стиля отличаются чрезвычайною разносторонностью. Мы не станемъ ихъ перечислять, обращая читателя къ изслѣдованію проф. Мандельштама, подкрѣпляющаго свои выводы многочисленными примѣрами, которые здѣсь приводить было бы утомительно; укажемъ только на нѣкоторые изъ пріемовъ, особенно часто повторяющихся.

Прежде всего, источникомъ юмористическаго впечатлѣнія является у Гоголя—и очень часто—самое слово, повидимому, совершенно случайно подвернувшееся во время работы и немедленно вызвавшее извѣст-

ный ходъ мыслей, появленіе тѣхъ или другихъ связанныхъ съ этимъ словомъ образовъ. Такъ, напримѣръ, давая своему герою фамилію Башмачкина, Гоголь указываетъ на ея и на его происхожденіе отъ башмака, и тутъ же замѣчаетъ, что, впрочемъ, и отецъ, и дѣдъ, и даже шуринъ, всѣ совершенно Башмачкины, ходили въ сапогахъ. Такимъ образомъ, писатель неожиданно для самого себя оказался подъ властью созданнаго имъ слова. Подобныхъ примѣровъ можно набрать не мало.

Затѣмъ, юмористическое впечатлѣніе получается отъ различнаго пониманія разными людьми одного и того же слова, дающаго, такимъ образомъ, каламбуръ; отъ сочетанія словъ съ кажущимся содержаніемъ, вродѣ разныхъ присловій—«оно конечно», «тово-воно какъ оно», «въ нѣкоторомъ родѣ долженъ умереть» и т. п.; отъ вызыванія быстрой смѣны самыхъ различныхъ впечатлѣній (Ноздревъ купилъ «жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, крупичатой муки, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, сапоговъ...»); отъ сопоставленія сужденій, не имѣющихъ между собой никакой логической связи (Иванъ Ивановичъ боязливаго характера; у Ивана Никифоровича, *напротивъ того*, шаровары въ такихъ широкихъ складкахъ...»); отъ вплетенія не идущихъ къ дѣлу обстоятельствъ, отъ изображенія такихъ свойствъ даннаго лица, которыя противорѣчатъ всему его характеру, или отъ сопоставленія качествъ совершенно различныхъ категорій («пусть ваше ружье околѣетъ»); отъ примѣненія высокаго стиля и серьезнаго тона къ безсмыслицѣ или отъ неожиданнаго перерыва высокаго стиля вульгарнымъ выраженіемъ. Любопытно также, что у Гоголя нерѣдко источникомъ юмористическаго впечатлѣнія является просто грамматическая форма, напримѣръ, сочетаніе предложеній при помощи одного и того же союза «и», «но», «а», нѣсколько разъ повторяемаго, или повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ (въ разсказѣ о томъ, какъ судья угощалъ Ивана Ивановича чаемъ, пять разъ повторено сказанное первымъ слово «чашечку» и столько же разъ сказано, что Ив. Ив. «поклонился и сѣлъ»), или, наконецъ, необычное и потому комическое словообразованіе («молокососно», «непросвѣтительность», «портное народонаселеніе» и т. п.).

Благодаря этому неистощимому богатству языка и удивительному умѣнью имъ пользоваться, въ рѣчи Гоголя съ поразительною рельефностью выступаетъ цѣлый міръ живыхъ фигуръ, освѣщенныхъ яркимъ свѣтомъ. Мы какъ будто слышимъ ихъ голосъ, видимъ всѣ ихъ движенія, по нѣсколькимъ словамъ угадываемъ всего человѣка: изъ-за каждаго слова видна картина душевнаго настроенія, видны жестъ и поза. И такой поразительный результатъ достигается средствами, въ сущности очень простыми и безыскусственными. Главное дѣло въ томъ, что Гоголь умѣетъ переселяться въ душу своихъ дѣйствующихъ лицъ, до послѣдней тонкой черточки усваивать ихъ міросозерцаніе; это и даетъ ему возможность единственно при помощи вопроизведенія

языка каждаго лица возсоздавать характеры, причемъ обычный способъ ихъ изображенія,—описаніе ихъ дѣйствій, намѣреній, мыслей,—оказывается какъ будто совершенно излишнимъ.

Заключая свое изслѣдованіе гоголевскаго стиля, проф. Мандельштамъ высказываетъ, что источникомъ юмора у Гоголя является его идеализмъ, его возвышенныя требованія отъ жизни; хотя въ своихъ произведеніяхъ онъ и сосредоточивается на изображеніи житейскихъ мелочей, но эти мелочи пріобрѣтаютъ значительность благодаря силѣ языка, выражающаго внутренній міръ самого художника. Этою субъективностью гоголевскаго стиля обезпечивается единство формы и содержанія. Впечатлѣнія, изображаемыя въ словахъ Гоголя, выступаютъ по мѣрѣ ихъ возникновенія, а не являются готовыми, заранѣе опредѣленными, какъ у большинства другихъ писателей.

Тѣ идеально-высокія требованія, съ которыми Гоголь въ своихъ произведеніяхъ изображалъ жизнь съ отрицательной ея стороны, быть можетъ, не всегда составляли ясную принадлежность его собственнаго сознанія; онъ скорѣе чувствовалъ «бѣдность и несовершенство» нашей жизни, чѣмъ имѣлъ объ нихъ опредѣленное логическое понятіе. Но, каковы бы ни были собственныя воззрѣнія Гоголя на содержаніе его произведеній, эти произведенія остались, тѣмъ не менѣе, великой силой. Нравственная нищета бросалась въ глаза именно тѣмъ, что она воспроизведена была ежеминутно, во всѣхъ мелочахъ и во всѣхъ безъ исключенія лицахъ. И замѣчательнѣе всего-то, что у самого писателя взглядъ на литературу, какъ на отвлеченное художество, приводившій къ ея полному удаленію отъ вопросовъ дѣйствительной жизни, шелъ въ разрѣзъ съ внутренней потребностью поэта именно изображать дѣйствительность, и не только въ обобщеніяхъ, но и въ тѣхъ незамѣтныхъ ея проявленіяхъ, которыя ускользали отъ обыкновеннаго наблюденія; «житейское волненье» сильно било въ жилахъ Гоголя, помимо его воли и пониманія.

Такъ, напримѣръ, когда Гоголь рисовалъ взяточничество, ему, вѣроятно, и въ голову не приходило видѣть въ немъ результатъ общаго уклада нашей жизни; но онъ видѣлъ фактъ давленія, насилія, вымогательства, несправедливости,—видѣлъ то, на что всѣ смотрятъ, не возмущаясь. Онъ не выводилъ изъ своихъ сочиненій того, что изъ нихъ логически вытекаетъ; наоборотъ, онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на изображеніе «случая», чего-то «частнаго», когда въ этомъ-то именно и заключалось *общее* нашей жизни... Въ письмѣ къ гр. А. П. Толстому онъ простодушно разсуждаетъ о нашей администраціи: «Разсматривая каждую должность въ ея законныхъ предѣлахъ, мы находимъ, что онѣ—именно то, что имъ слѣдуетъ быть, всѣ до единой какъ бы свыше созданы для насъ, чтобы отвѣчать на всѣ потребности нашего быта». А читая его сочиненія, мы отчетливо представляемъ себѣ, какая пропасть лежитъ между его теоретическими понятіями и художественнымъ

изображеніемъ тѣхъ самыхъ должностей, которыя «какъ бы свыше созданы для насъ».

Въ подобныхъ случаяхъ, можно сказать, стиль выдаетъ художника даже помимо его сознанія: въ его рѣчи, при изображеніи случаевъ и лицъ, въ которыхъ онъ самъ видѣлъ только частныя явленія, чувствуется то горе, то озлобленіе, то негодованіе, слышится безнадежность при всемъ кажущемся расположеніи къ смѣху. И самъ онъ, и всѣ его герои не могутъ разсуждать вполнѣ спокойно; въ каждомъ слышится тревога или недовольство, иногда даже просто безотчетное... Преобладающую черту гоголевскаго комизма составляютъ моменты, проникнутые страданіемъ, а преобладающую черту гоголевскаго стиля— юмористическая форма мышленія.

Другое отличительное свойство гоголевскаго стиля изслѣдователь видитъ въ его *демократичности*, т.-е. въ его доступности пониманію каждаго русскаго человѣка. Ни у одного изъ нашихъ великихъ писателей даже у Толстого, это свойство стиля не проявляется такъ сильно и такъ ярко, какъ у Гоголя.

Мы далеко не исчерпали, да и не имѣли въ виду исчерпать въ этой статьѣ, содержаніе книги г. Мандельштама, потребовавшей отъ автора внимательнаго и кропотливаго труда. Изученіе отдѣльныхъ сторонъ гоголевскаго стиля представляетъ несомнѣнный интересъ и поучительность не только для біографа Гоголя, но и вообще для историка русской литературы; оно раскрываетъ передъ нами самую душу писателя, вводитъ во всѣ тайны его творчества, указываетъ ту внутреннюю связь, какая существуетъ между личностью автора и его созданіями. Все это вопросы первостепенной важности, и нельзя не пожелать, чтобы подробное изслѣдованіе стиля нашихъ великихъ писателей, такъ удачно начатое проф. Мандельштамомъ, привлекло къ себѣ и другія ученыя силы.

П Морозовъ.

СМЕРТЬ.

ПОВѢСТЬ АРТУРА ШНИЦЛЕРА.

Переводъ съ нѣмецкаго Т. Богдановичъ.

(*Окончаніе* *).

Еще до наступленія сумерекъ Феликсъ и Марія пріѣхали въ Зальцбургъ. Къ удивленію ихъ, большая часть домовъ была украшена флагами. Попадавшіеся имъ навстрѣчу люди были одѣты по праздничному, на нѣкоторыхъ виднѣлись кокарды. Въ гостинницѣ, гдѣ они остановились и заняли номеръ съ видомъ на гору Мёнхсбергъ, имъ объяснили, что въ городѣ происходитъ празднество пѣвческаго общества, и предложили билеты на концертъ, который долженъ былъ состояться въ городскомъ паркѣ, въ 8 часовъ вечера, при блистательномъ освѣщеніи. Комната ихъ была расположена въ первомъ этажѣ, прямо подъ окнами протекалъ Зальцахъ. Въ дорогѣ они оба дремали и теперь чувствовали себя вполнѣ бодрыми, такъ что вскорѣ послѣ пріѣзда рѣшили отправиться въ паркъ.

Въ городѣ царило радостное оживленіе. Казалось, что все населеніе высыпало на улицу, между прохожими то тутъ, то тамъ виднѣлись веселыя группы членовъ пѣвческаго общества со значками. Не мало было также и пріѣзжихъ, изъ сосѣднихъ деревень наѣхало много крестьянъ въ праздничныхъ одеждахъ. На домахъ развѣвались флаги городскихъ цвѣтовъ, на главныхъ улицахъ высились тріумфальныя арки, украшенныя цвѣтами, изъ всѣхъ переулковъ безостановочно катился людской потокъ и надо всѣмъ этимъ оживленіемъ мягкой прохладой вѣялъ лѣтній вечеръ.

Съ берега Зальцаха, гдѣ царила мирная тишина, Феликсъ и Марія вышли въ болѣе оживленную часть города; послѣ однообразной жизни на мирномъ озерѣ, у нихъ закружилась голова отъ непривычнаго шума. Но скоро къ нимъ вернулась увѣренность привычныхъ жителей большихъ городовъ и уличная суматоха перестала на нихъ дѣйствовать. Веселая толпа, какъ всегда, производила на Феликса не особенно пріят-

---

*) См. «Міръ Божій», январь 1902 г., № 1.

ное впечатлѣніе. Марія, наоборотъ, чувствовала себя прекрасно; какъ ребенокъ, она наслаждалась всѣмъ окружающимъ, съ любопытствомъ оглядывалась на женщинъ въ мѣстныхъ костюмахъ и на пѣвцовъ въ разноцвѣтныхъ шарфахъ. Иногда она останавливалась, чтобы хорошенько разсмотрѣть особенно великолѣпно разукрашенный домъ. Иногда она восклицала: «Смотри, какъ красиво!» обращаясь къ Феликсу, безучастно поглядывавшему по сторонамъ, но не получала никакого отвѣта, кромѣ молчаливаго кивка головой.

— Не правда ли,—сказала она, наконецъ,—какъ мы удачно попали?

Онъ посмотрѣлъ на нее взглядомъ, значеніе котораго она не могла понять.

— Тебѣ, пожалуй, хотѣлось бы также отправиться на этотъ концертъ въ городскомъ саду.

Она улыбнулась. Потомъ она сказала:

— Изъ-за чего же намъ себѣ во всемъ отказывать?

Ея улыбка окончательно вывела его изъ терпѣнія.

— Ты, кажется, и въ самомъ дѣлѣ готова отъ меня этого требовать!

— Да что съ тобой, Феликсъ!—воскликнула она испуганно, но сейчасъ же ея вниманіе отвлекла элегантная парочка, повидимому, совершающая свадебное путешествіе; молодые люди шли, ни на кого не обращая вниманія, отдавшись веселому и нѣжному разговору. Марія шла рядомъ съ Феликсомъ, но не брала его руки. Нерѣдко людской потокъ раздѣлялъ ихъ на нѣсколько секундъ, но потомъ она снова отыскивала его, пробирающагося у самыхъ стѣнъ, подальше отъ столкновеній со всѣми этими людьми. Между тѣмъ, становилось замѣтно темнѣе, въ фонаряхъ загорались огни, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно у тріумфальныхъ арокъ, зажигалась иллюминація. Главное теченіе направлялось теперь къ городскому саду. Приближалось время концерта. Сначала и ихъ повлекло туда же, но потомъ Феликсъ внезапно взялъ ея руку, свернулъ въ первую поперечную улицу и скоро вывелъ ее въ болѣе тихую и менѣе освѣщенную часть города. Черезъ нѣсколько минутъ они очутились на отдаленномъ глухомъ берегу Зальцаха, гдѣ до нихъ доносился лишь однообразный плескъ воды.

— Зачѣмъ мы пришли сюда?—спросила она.—Что намъ здѣсь надо?

— Покой,—отвѣтилъ онъ и продолжалъ нервно-возбужденнымъ тономъ:—намъ не мѣсто тамъ. Всѣ эти пестрые фонарики, все это веселье и пѣсни не для насъ. Мы не изъ тѣхъ, которые могутъ смѣяться, кому улыбается молодость. Наше мѣсто здѣсь, гдѣ не слышно звуковъ веселья, гдѣ мы одни. Мы не принадлежимъ этому міру,—и вслѣдъ затѣмъ онъ поспѣшно добавилъ холоднымъ тономъ:—я по крайней мѣрѣ.

Пока онъ говорилъ это, она съ удивленіемъ чувствовала, что на нее его слова не такъ сильно дѣйствуютъ, какъ обыкновенно. Она объяснила это себѣ тѣмъ, что уже много разъ слышала подобные

разговоры, и къ тому же онъ явно преувеличивалъ. И она отвѣтила ласково-снисходительнымъ тономъ.

— Этого я не заслужила, право, нѣтъ.

А онъ, по своему обыкновенію, отрывисто сказалъ:

— Извини, пожалуйста.

Но она продолжала, крѣпче прижимаясь къ его рукѣ.

— И оба мы не принадлежимъ этому міру.

— Нѣтъ, принадлежимъ,—почти крикнулъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она мягко.—Меня тоже не тянетъ въ ту толкотню. Мнѣ она почти также непріятна, какъ и тебѣ. Но я не вижу, какое мы имѣемъ основаніе бѣжать оттуда, какъ зачумленные?

Въ эту самую минуту раздались первые звуки оркестра. Въ тихомъ ночномъ воздухѣ они доносились до нихъ ясно и отчетливо. Это была торжественная увертюра, служившая, видимо, введеніемъ къ концерту.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ, простоявъ нѣсколько секундъ молча, прислушиваясь къ отдаленнымъ звукамъ. — Музыка издали разстраиваетъ меня больше всего на свѣтѣ.

— Да,—согласилась она.—Она звучитъ какъ-то печально.

Они быстро пошли по направленію къ городу. Здѣсь музыка слышна была не такъ ясно, какъ на берегу рѣки. Когда они дошли до освѣщенныхъ и людныхъ улицъ, Марія вновь почувствовала приливъ привычной нѣжности и состраданія къ своему мужу. Она снова понимала его и все прощала ему.

— Мы пойдемъ домой? — спросила она.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Развѣ ты хочешь спать?

— О, нѣтъ!

— Такъ побудемъ еще на воздухѣ. Хорошо?

— Съ удовольствіемъ, если тебѣ пріятно. Только, не сыро ли?

— Да нѣтъ же, скорѣе душно. Развѣ ты не чувствуешь, какъ жарко,—возразилъ онъ нервнымъ тономъ.—Мы поужинаемъ на воздухѣ.

— Съ удовольствіемъ.

Они подошли къ парку. Оркестръ кончилъ увертюру, и теперь изъ ярко освѣщеннаго парка доносился только многоголосый шумъ веселой и оживленной толпы. Немногіе запоздавшіе спѣшили еще на концертъ. Мимо нихъ быстро пробѣжали два члена пѣвческаго общества, тоже, видимо, опоздавшіе. Марія прослѣдила за ними глазами и сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ, робко, какъ виноватая, оглянулась на Феликса. Тотъ кусалъ губы и на лбу его лежала складка съ трудомъ сдерживаемаго гнѣва. Она думала, что онъ скажетъ что-нибудь, но онъ молчалъ. Съ ея лица онъ перевелъ взглядъ на двухъ мужчинъ, входившихъ въ ворота парка. Онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ своихъ чувствахъ. Онъ видѣлъ тутъ передъ собой то, что онъ ненавидѣлъ больше всего на свѣтѣ. Частицу того, что останется здѣсь, когда его уже не ста-

нетъ, того, что будетъ смѣяться и радоваться своей молодости, когда онъ уже не будетъ ни плакать, ни смѣяться. И тутъ рядомъ съ нимъ, крѣпко прижимаясь къ его рукѣ, шла такая же частица живой, смѣющейся юности, безсознательно чувствовавшая свое родство съ той. И онъ зналъ это и это наполняло его безумной мукой. Долгія минуты проходили въ молчаніи. Наконецъ, у него вырвался тяжелый вздохъ. Она хотѣла заглянуть ему въ лицо, но онъ отвернулся.

— Здѣсь будетъ хорошо,—сказалъ онъ вдругъ.

Она не сразу поняла, про что онъ говоритъ.

— Что ты сказалъ?—переспросила она.

Они стояли передъ садовымъ ресторономъ, у входа въ городской паркъ; высокія деревья осѣняли своими зелеными вершинами бѣлые столики, освѣщенные рѣдкими фонарями. Сегодня здѣсь было немного посѣтителей. Они могли выбрать любое мѣсто и заняли маленькій столикъ въ углу сада. Во всемъ саду было не больше двадцати человѣкъ посѣтителей. Невдалекѣ отъ нихъ сидѣла та самая элегантная парочка, которую они уже разъ встрѣтили сегодня. Марія сейчасъ же узнала ихъ. Въ паркѣ пѣлъ хоръ. Голоса слышались издали нѣсколько тише, но свободно и полно и казалось, что листья на деревьяхъ колебались подъ могучей волной веселыхъ звуковъ. Феликсъ заказалъ бутылку хорошаго рейнвейна и теперь онъ сидѣлъ, полузажмуривъ глаза, капельками пропуская вино въ ротъ, весь отдавшись очарованію далекой музыки. Марія сидѣла близко около него, такъ что онъ чувствовалъ теплоту ея колѣна. Послѣ страшнаго волненія послѣднихъ минутъ онъ почувствовалъ, какъ сразу на него сошло успокоеніе, и ему было пріятно, что онъ самъ, своей волей, справился со своимъ волненіемъ. Какъ только они сѣли за столъ, онъ принялъ твердое рѣшеніе побѣдить грызущую боль, терзавшую его сердце. Онъ слишкомъ ослабѣлъ, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ, какую роль въ этомъ играла его воля. Теперь ему приходили на умъ разныя успокоительныя соображенія,—несомнѣнно, онъ придалъ тому взгляду Маріи гораздо худшее значеніе, чѣмъ онъ заслуживалъ, точно также она могла посмотрѣть на кого угодно другого. Да вотъ и сейчасъ на эту незнакомую парочку она смотрѣла совершенно такимъ же взглядомъ, какъ и на тѣхъ пѣвцовъ.

Вино было вкусно, музыка звучала ласково, лѣтній вечеръ дышалъ тихой прелестью и изъ глазъ Маріи, когда Феликсъ взглянулъ на нее, лился цѣлый потокъ нѣжности и любви. И ему захотѣлось всѣмъ своимъ существомъ отдаться настоящему моменту. Онъ еще разъ приказалъ своей волѣ освободиться отъ власти прошедшаго и будущаго. Онъ хотѣлъ испытать счастье или, по крайней мѣрѣ, опьяненіе. И вдругъ, совершенно неожиданно у него явилось одно ощущеніе, въ которомъ было для него что-то успокоительное, разрѣшающее,—теперь, казалось ему, для него ничего бы не стоило разстаться

съ жизнью. Да, именно, теперь, сейчасъ. И вѣдь онъ всегда имѣлъ возможность исполнить это, такое настроеніе, какъ теперь, можетъ въ любой моментъ вернуться къ нему. Музыка, легкое опьяненіе и прелестная женщина рядомъ съ нимъ,—да, вѣдь это его Марія. Онъ задумался. Пожалуй, всякая другая на ея мѣстѣ могла бы замѣнить ее. Она также съ видимымъ удовольствіемъ пила вино. Феликсу пришлось заказать вторую бутылку. Онъ чувствовалъ себя прекрасно. Онъ рѣшилъ, что это было слѣдствіемъ непривычнаго для него опьяненія. Но важно то, что оно принесло съ собой. Право, теперь смерть не имѣла для него ничего ужаснаго. Ахъ, все это въ сущности такъ пусто и ничтожно!

— Ну, что, Марія?—сказалъ онъ.

Она ближе придвинулась къ нему.

— О чемъ ты думаешь, Феликсъ?

— Все это пустяки. Не правда ли, Марія?

— Да, все, — отвѣтила она, — все, кромѣ того, что я люблю тебя навѣкъ.

Ему показалось удивительно странно, что она именно теперь сказала это и такъ серьезно. Ея личность въ сущности не имѣла для него никакого значенія. Она сливалась для него со всѣмъ остальнымъ міромъ. Да такъ это и должно быть, такъ и надо относиться къ окружающему. Нѣтъ, это не вино внушаетъ ему эти мысли. Вино можетъ только снять съ насъ что-нибудь, какую-нибудь тяжесть, давящую на насъ, оно отнимаетъ у людей и у вещей ихъ значеніе. Да, теперь ничего бы не стоило всыпать какой-нибудь бѣлый порошокъ въ стаканъ — какъ это просто! И при этомъ онъ почувствовалъ, что на глаза ему навернулись слезинки. Ему стало немного жалко самого себя.

Тамъ, въ саду хоръ окончилъ свою пѣсню. Раздались аплодисменты, крики «браво», потомъ неясный шумъ и гулъ голосовъ, и оркестръ съ веселой торжественностью заигралъ полонезъ. Феликсъ слегка выбивалъ рукой тактъ. Въ головѣ его мелькнула мысль: «Ахъ, что тутъ думать, надо пользоваться хорошенько тѣмъ кусочкомъ жизни, который еще отпущенъ мнѣ на долю». И въ этой мысли не было никакой горечи. Скорѣе что-то горделивое, царственное. Какъ! Дрожать отъ страха, ожидая конца, который, въ концѣ-концовъ, предстоитъ каждому? Отравлять себѣ дни и ночи пустыми грезами, когда онъ до глубины души чувствуетъ, что всѣ виды наслажденій вполнѣ доступны ему. Музыка его очаровываетъ, вино нравится ему, а эту очаровательную дѣвочку онъ съ восторгомъ осыпалъ бы сейчасъ поцѣлуями. Нѣтъ, еще право слишкомъ рано отравлять свою душу! А какъ только настанетъ тотъ часъ, когда для него уже не будетъ существовать ни желаній, ни наслажденій, тогда... быстрый конецъ,—какое гордое, царственное рѣшеніе! Онъ взялъ руку Маріи и

долго сжималъ ее въ своихъ. Приблизивъ ее къ губамъ, онъ согрѣвалъ ее своимъ дыханіемъ.

— Полно, — сказала Марія голосомъ, звучавшимъ внутренней радостью.

Онъ посмотрѣлъ на нее долгимъ взглядомъ. Какъ она была красива, какъ красива!

— Пойдемъ, — сказалъ онъ ей.

Она отвѣтила непринужденно.

— Развѣ мы не прослушаемъ еще одну пѣсню?

— О, да, — сказалъ онъ,—мы откроемъ окно, и вѣтеръ принесетъ ее намъ въ комнату.

— Ты усталъ?—спросила она озабоченно.

Онъ ласково провелъ по ея волосамъ и засмѣялся.

— Да,—сказалъ онъ.

— Такъ пойдемъ.

Они встали и вышли изъ сада. Она взяла его руку, крѣпко прижалась къ ней и прислонилась щекой къ его плечу. Пѣніе хора все удалялось и удалялось, по мѣрѣ того какъ они приближались къ дому. Весело, темпомъ вальса звучали голоса, такъ что невольно шаги становились легче и свободнѣе. Ихъ отель оказался всего въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы. Когда они вошли на лѣстницу, музыки совсѣмъ не стало слышно. Но едва они вошли въ комнату, на встрѣчу имъ широкой волной ворвался безпечный напѣвъ вальса.

Окно было распахнуто настежь и голубая лунная ночь мягко вливалась въ комнату. Прямо противъ на фонѣ неба вырисовывалась гора съ рѣзкими очертаніями замка на вершинѣ. Не нужно было зажигать свѣчу, серебряный лунный свѣтъ заливалъ всю комнату, только углы тонули въ сумракѣ. Невдалекѣ отъ окна стояло кресло. Феликсъ бросился на него и притянулъ къ себѣ Марію. Онъ цѣловалъ ее, и она его цѣловала. Въ паркѣ замолкла пѣсня, но крики одобренія раздавались такъ настойчиво, что они начали ее сначала. Вдругъ Марія встала и подошла къ окну. Феликсъ пошелъ за ней.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!

Онъ нетерпѣливо топнулъ ногой.

— Почему не надо?

— Феликсъ!—она умоляюще сложила руки.

— Такъ не надо?—сказалъ онъ съ гнѣвнымъ подергиваньемъ губъ.— Нѣтъ? Мнѣ надо лучше думать о смерти.

— Да что ты, Феликсъ!—и она упала къ его ногамъ, обнимая его колѣни.

Онъ привлекъ ее къ себѣ.

— Ты дитя, Марія, — прошепталъ онъ и продолжалъ, касаясь губами ея уха.—Я люблю тебя, знаешь? И мы будемъ счастливы, пока

въ насъ есть хоть капля жизни. Я готовъ отказаться отъ цѣлаго года жизни, полной тоски и страха, мнѣ довольно нѣсколькихъ недѣль, пожалуй, нѣсколькихъ дней. Но я хочу ихъ прожить настоящимъ образомъ, я не хочу ни въ чемъ себѣ отказывать, ни въ чемъ! А потомъ... туда.—И обнимая ее одной рукой, онъ показалъ другой туда, гдѣ подъ окнами протекала темная рѣка. Хоръ окончилъ пѣсню и теперь до нихъ доносился тихій плескъ воды.

Марія ничего не отвѣчала. Она обѣими руками крѣпко обнимала его за шею. Феликсъ съ наслажденіемъ вдыхалъ ароматъ ея волосъ. Какъ онъ любилъ ее! Да, еще хоть нѣсколько дней счастья и потомъ...

Все было тихо кругомъ, и Марія спала. Концертъ давно кончился, подъ окнами съ громкимъ смѣхомъ и говоромъ проходили изъ сада запоздавшіе музыканты и пѣвцы. Феликсъ думалъ, какъ странно, что эти хохочущіе люди были, быть можетъ, тѣ самые, пѣніе которыхъ такъ глубоко трогало его. Наконецъ, и послѣдніе голоса замолкли и слышно было только жалобное рокотанье рѣки. Да, еще нѣсколько дней и ночей, и потомъ... Но она такъ любитъ жизнь. Рѣшится ли она когда-нибудь? Ей, впрочемъ, и не надо рѣшаться, не надо даже и знать. Когда-нибудь она также заснетъ въ его объятіяхъ и... не проснется больше. И когда онъ вполнѣ увѣрится въ этомъ, тогда и онъ уйдетъ туда же. Но онъ ничего ей не скажетъ, она слишкомъ любитъ жизнь! Она станетъ бояться его, и ему придется одному... Ужасно! Лучше всего было бы сейчасъ... она спитъ такъ хорошо! Покрѣпче сжать ея шею и все готово. Нѣтъ, это было бы глупо. Ему предстоитъ еще много часовъ блаженства; онъ будетъ знать, который долженъ стать послѣднимъ. Онъ смотрѣлъ на Марію и ему казалось, что передъ нимъ лежитъ его спящая рабыня.

Принятое имъ рѣшеніе успокоило его. Злорадная улыбка мелькала на его губахъ, когда онъ въ слѣдующіе дни гулялъ съ Маріей по улицамъ и подмѣчалъ восхищенные взгляды, какими окидывали ее встрѣчные мужчины. И когда они ѣздили вмѣстѣ кататься или сидѣли вечеромъ въ саду, или у себя въ комнатѣ, онъ держалъ ее въ своихъ объятьяхъ, онъ испытывалъ особое, не знакомое ему раньше, гордое чувство власти. Ему мѣшало нѣсколько только сознаніе, что она не добровольно послѣдуетъ за нимъ. Но у него были основанія думать, что его планъ ему удастся. Она уже не осмѣливалась больше протестовать противъ его бурныхъ ласкъ и никогда она не проявляла въ отношеніи его болѣе беззавѣтной преданности, чѣмъ въ эти послѣдніе дни. Съ радостной дрожью ожидалъ онъ того момента, когда онъ наконецъ рѣшится сказать ей: «Сегодня мы умремъ». Но онъ все откладывалъ наступленіе этого момента. Иногда онъ рисовалъ себѣ романтическую картину: онъ погружаетъ ей въ сердце кинжалъ, и она, уми-

рая, цѣлуетъ любимую руку. Онъ постоянно задавалъ себѣ вопросъ, достигла ли она уже такой степени самозабвенія. Но въ этомъ онъ еще сомнѣвался.

Разъ утромъ, проснувшись, Марія сильно испугалась. Феликса не было на его кровати. Она вскочила, и только тогда замѣтила, что онъ сидитъ въ креслѣ у окна, мертвенно-блѣдный, съ низко склоненной головой и раскрытой на груди рубашкой. Охваченная непреодолимымъ ужасомъ, бросилась она къ нему.

— Феликсъ!

Онъ открылъ глаза.

— Что? Что такое!—Онъ схватился за грудь и застоналъ.

— Отчего ты не разбудилъ меня?—воскликнула она, ломая руки.

— Теперь ничего,—сказалъ онъ.

Она подбѣжала къ постели, схватила одѣяло и накинула ему на ноги.

— Скажи же, Бога ради, какъ ты сюда попалъ?

— Не знаю, право, должно быть, во снѣ. Меня что-то душило за горло. Я не могъ вздохнуть. Я совсѣмъ забылъ про тебя. Здѣсь у окна стало лучше.

Марія наскоро накинула на себя платье и закрыла окна. Поднялся непріятный вѣтеръ, съ сѣраго неба моросилъ осенній дождикъ и въ окна проникала пронизывающая сырость. Комната ихъ стала сѣрой и чужой, утративъ сразу всю свою привѣтливую уютность. Наступило безрадостное осеннее утро и разсѣяло тотъ міръ очарованія, который они создали себѣ здѣсь.

Феликсъ былъ совершенно спокоенъ.

— Почему ты дѣлаешь такіе испуганные глаза? Что такое случилось? У меня бывали дурные сны и въ хорошіе дни.

Но она не успокаивалась.

— Прошу тебя, Феликсъ, поѣдемъ назадъ, въ Вѣну.

— Да почему же?

— Какъ бы то ни было, лѣто уже кончилось. Посмотри, какое безутѣшное небо. Вѣдь для тебя можетъ быть опасно, если начнутся холода.

Онъ внимательно слушалъ. Къ его удивленію именно теперь онъ испытывалъ очень пріятное чувство, легкую усталость выздоравливающаго. Дышать было легко и въ самой слабости было что-то успокоительное, разнѣживающее. Отъѣздъ вполнѣ согласовался съ его желаніемъ. Мысль о перемѣнѣ мѣста очень ему нравилась. Ему представлялось пріятнымъ въ дождливый день лежать въ купэ, положивъ голову на плечо Маріи.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—поѣдемъ.

— Сегодня же?

— Да, сегодня. Со скорымъ поѣздомъ, въ двѣнадцать часовъ.

— А ты не устанешь?

— Да что ты воображаешь? Развѣ это трудъ какой-нибудь—путешествіе. И ты вѣдь сама позаботишься обо всемъ, что мнѣ такъ надоѣдаетъ во время путешествія.

Она очень обрадовалась, что ей такъ легко удалось уговорить его ѣхать. Не теряя времени, она начала приготовляться, уложилась, потребовала счетъ, заказала карету и дала знать на желѣзную дорогу, чтобы имъ оставили купэ. Феликсъ тоже одѣлся, но не выходилъ изъ комнаты и все утро лежалъ на диванѣ. Онъ смотрѣлъ, какъ Марія озабоченно ходила по комнатѣ, и изрѣдка улыбался. Но по большей части онъ дремалъ. Онъ чувствовалъ себя такимъ усталымъ, и когда онъ устремлялъ на нее взглядъ, ему было пріятно, что она всегда будетъ съ нимъ, всегда и, наконецъ, они вмѣстѣ найдутъ послѣднее успокоеніе. «Скоро, скоро»,—говорилъ онъ про себя, а въ сущности еще никогда это не казалось ему такимъ далекимъ

Именно такъ, какъ онъ себѣ воображалъ, лежалъ онъ въ купэ, удобно устроившись на диванѣ, положивъ голову на плечо Маріи и закутавшись плэдомъ. Черезъ закрытыя окна смотрѣлъ онъ на струившійся съ неба дождь, вглядывался въ туманъ, изъ котораго по временамъ выплывали то холмы, то дома. Мелькали телеграфные столбы, убѣгали то вверхъ, то внизъ проволоки, поѣздъ останавливался на станціяхъ, но Феликсъ со своего положенія не могъ различать людей, которые, вѣроятно, сновали по платформѣ. Онъ слышалъ только замедлявшійся темпъ поѣзда, голоса, звонокъ и свистки. Сначала онъ просилъ Марію почитать ему газету, но ей приходилось слишкомъ напрягать голосъ, и скоро они оставили это. Оба были довольны, что ѣдутъ домой.

Смеркалось, и дождь все струился. Феликсъ чувствовалъ потребность уяснить себѣ что-то. Но мысли его не хотѣли принимать опредѣленныхъ очертаній. Онъ раздумывалъ. Итакъ, здѣсь лежитъ тяжело больной... Онъ возвращается съ горъ, такъ какъ тяжело больные люди обыкновенно ѣздятъ туда на лѣто... И рядомъ съ нимъ его милая, она самоотверженно ухаживала за нимъ все время и теперь устала... Какая она блѣдная, или это отъ освѣщенія? Да, вѣдь тамъ наверху уже горитъ лампа. А между тѣмъ не совсѣмъ еще стемнѣло... И вотъ пришла осень... Осень печальная и тихая... Сегодня вечеромъ мы будемъ въ нашей вѣнской комнатѣ... И мнѣ будетъ казаться, что я никогда не выѣзжалъ оттуда... Хорошо, что Марія спитъ, мнѣ не хотѣлось бы слышать теперь ея голоса. Интересно, есть ли въ поѣздѣ кто-нибудь съ пѣвческаго праздника?.. Я только усталъ, я совсѣмъ не боленъ. Навѣрно въ поѣздѣ много болѣе серьезно больныхъ, чѣмъ я... Ахъ, какъ пріятно одиночество... А какъ прошелъ сегодняшній день? Неужели я, въ самомъ дѣлѣ, сегодня лежалъ на диванѣ въ Зальцбургѣ? Это, кажется, такъ давно... Да, время и пространство, что мы

объ нихъ знаемъ? Загадка жизни! Быть можетъ, когда мы умремъ, мы разгадаемъ ее.

Въ ушахъ у него зазвучала мелодія. Онъ зналъ, что это просто шумъ поѣзда, и все-таки это была мелодія, какая-то народная пѣсня, должно быть, русская, однообразная и красивая.

— Феликсъ, Феликсъ!

— Что такое?

Марія стояла передъ нимъ и гладила его по лицу.

— Хорошо спалъ, Феликсъ?

— Да что же случилось?

— Черезъ четверть часа мы будемъ въ Вѣнѣ.

— Не можетъ быть!

— Это былъ здоровый сонъ, онъ, навѣрно, принесетъ тебѣ пользу.

Она сложила вещи. Поѣздъ сквозь ночной мракъ стремился дальше. Поминутно раздавались свистки и мимо оконъ мелькали огни. Поѣздъ шелъ мимо подгородныхъ станцій.

Феликсъ сѣлъ на диванѣ.

— Я слишкомъ долго лежалъ, меня совсѣмъ разбило, — сказалъ онъ. Онъ сѣлъ въ уголъ и сталъ смотрѣть въ окно. Издали онъ уже различалъ ряды мерцающихъ огоньковъ на городскихъ улицахъ. Поѣздъ шелъ медленнѣе. Марія открыла окно и высунулась изъ него. Замелькали фонари вокзала. Марія махала кому-то рукой, потомъ повернулась къ Феликсу и воскликнула.

— Онъ тутъ, онъ тутъ.

— Кто?

— Альфредъ!

— Альфредъ?

Она все продолжала махать рукой. Феликсъ всталъ и смотрѣлъ черезъ ея плечо. Альфредъ быстро подходилъ и протягивалъ руку Маріи.

— Ну, добро пожаловать! Феликсъ, здравствуй.

— Какимъ образомъ ты явился?

— Я телеграфировала ему, — быстро проговорила Марія, — что мы ѣдемъ.

— Ты настоящій другъ, — сказалъ Альфредъ. — Почта для тебя, конечно, незнакомое изобрѣтеніе. Однако, выходите же.

— Я такъ заспался, — сказалъ Феликсъ, — что едва стою на ногахъ.

Онъ улыбался, чувствуя, что качается, идя по корридору вагона.

Альфредъ взялъ его подъ руку, и Марія, какъ будто боясь потерять ихъ, быстро взяла его подъ другую.

— Вы оба, вѣрно, очень устали?

— Да, я совсѣмъ разбита, — сказала Марія, — послѣ этой глупѣйшей желѣзной дороги чувствуешь себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ, неправда ли, Феликсъ?

Они медленно спускались по ступенькамъ. Марія старалась встрѣ-

титься глазами съ Альфредомъ, а тотъ избѣгалъ ея взгляда. Внизу онъ подозвалъ знакомъ карету.

— Я радъ, что увидѣлъ тебя, дорогой Феликсъ,—сказалъ онъ.— Завтра утромъ я приду къ тебѣ поболтать.

— У меня совсѣмъ голова закружилась,—проговорилъ Феликсъ.— Ну, не настолько все-таки,—сказалъ онъ, когда Альфредъ хотѣлъ помочь ему войти въ карету. Онъ вошелъ самъ и протянулъ руку Маріи.—Вотъ видишь!

Марія вошла вслѣдъ за нимъ.

— Итакъ, до завтра,—сказала она, протягивая Альфреду руку черезъ окно кареты. И взглядъ ея, полный боязни, такъ настоятельно требовалъ отвѣта, что онъ принудилъ себя улыбнуться.

— Да, до завтра. Я буду съ вами завтракать, — крикнулъ онъ. Карета уже отъѣзжала.

Альфредъ нѣсколько секундъ простоялъ на мѣстѣ.

— Мой бѣдный другъ, — пробормоталъ онъ.

На слѣдующее утро Альфредъ пришелъ очень рано, и Марія встрѣтила его у дверей.

— Я должна поговорить съ вами,—сказала она.

— Лучше пустите меня къ нему. Когда я его изслѣдую, у насъ будетъ больше о чемъ говорить.

— Я только объ одномъ хочу просить васъ, Альфредъ! Какъ бы вы его ни нашли, не говорите ему ничего.

— Что вамъ приходитъ въ голову! Дѣло, вѣроятно, вовсе не такъ плохо. Что, онъ еще спитъ?

— Нѣтъ, онъ не спитъ.

— Какъ прошла ночь?

— До четырехъ часовъ онъ спалъ крѣпко, а потомъ сталъ безпокоиться.

— Пустите меня сперва одного къ нему. Вы должны постараться привести въ порядокъ свое блѣдное личико. Вы не должны показываться ему въ такомъ видѣ.

Онъ съ улыбкой пожалъ ея руку и одинъ прошелъ въ спальню.

Феликсъ лежалъ, закрывшись одѣяломъ до самого подбородка, и встрѣтилъ своего друга молчаливымъ кивкомъ головы. Тотъ сѣлъ къ нему на постель и сказалъ:

— Ну, вотъ мы и дома, наконецъ. Ты, повидимому, прекрасно поправился и, надѣюсь, оставилъ въ горахъ свою меланхолію.

— О, да!—сказалъ Феликсъ, не мѣняя выраженія лица.

— Не приподымешься ли ты чуточку. Такъ спозаранку я прихожу только въ качествѣ врача.

— Пожалуйста,—сказалъ Феликсъ равнодушно.

Альфредъ изслѣдовалъ больного, предложилъ нѣсколько вопросовъ, на которые получилъ краткіе отвѣты, и, наконецъ, сказалъ:

— Ну, какъ бы то ни было, мы можемъ быть довольны результатами.

— Оставь, пожалуйста, этотъ шарлатанскій тонъ,—съ нетерпѣніемъ перебилъ его Феликсъ.

— Лучше самъ ты оставь свои глупости. Взглянемъ хоть разъ на дѣло прямо. Ты долженъ хотѣть выздоровѣть, а не отдаваться пассивно во власть судьбы. Это тебѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести пользы.

— Что же мнѣ слѣдуетъ дѣлать?

— Во-первыхъ, ты пролежишь нѣсколько деньковъ въ постели.

— По правдѣ сказать, у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты вставать.

— Тѣмъ лучше.

Феликсъ нѣсколько оживился.

— Одно только хотѣлъ бы я знать. Что такое въ сущности было со мною вчера. Серьезно, Альфредъ, ты долженъ объяснить мнѣ это. Все время я былъ точно въ какомъ-то туманѣ. И на желѣзной дорогѣ, и на извозчикѣ, и когда спать ложился...

— Что-жъ тутъ объяснять? Ты не гигантъ какой-нибудь. Со всякимъ, кто усталъ, бываетъ такъ.

— Нѣтъ, Альфредъ. Такая усталость, какъ вчера, для меня что-то совершенно необычное. И сегодня я тоже чувствую усталость. Но голова у меня все-таки ясная. Вчера это не было даже непріятно мнѣ, но воспоминаніе объ этомъ мнѣ страшно тяжело. Какъ я только подумаю, что могу опять испытать нѣчто въ этомъ родѣ...

Въ эту минуту въ комнату вошла Марія.

— Поблагодари Альфреда,—обратился къ ней Феликсъ.—Онъ производитъ тебя въ сидѣлки. Съ нынѣшняго дня я остаюсь въ постели и имѣю честь рекомендовать тебѣ мое смертное ложе.

На лицѣ Маріи выразился ужасъ.

— Не давайте этому сумасшедшему запугивать васъ,—сказалъ Альфредъ.—Ему надо полежать нѣсколько деньковъ, и вы, конечно, присмотрите за нимъ.

— Еслибъ ты могъ вообразить себѣ, Альфредъ,—съ насмѣшливымъ паѳосомъ воскликнулъ Феликсъ,—что за ангелъ моя Марія.

Альфредъ ничего не сказалъ на это. Обратясь къ Маріи, онъ давалъ ей подробныя указанія, какой уходъ нуженъ Феликсу. Покончивъ съ этимъ, онъ сказалъ ему.

— Заявляю тебѣ, что я буду приходить къ тебѣ въ качествѣ врача только черезъ день. Чаще нѣтъ необходимости. Въ другіе дни о твоемъ здоровьи не будетъ и рѣчи. Я буду заходить къ тебѣ по старой привычкѣ просто поболтать.

— Богъ мой,—воскликнулъ Феликсъ,—что за психологъ этотъ человѣкъ! Право, оставь ты всѣ эти глупости для другихъ твоихъ паціентовъ, особенно такія, самыя примитивныя.

— Милый мой Феликсъ, я говорю съ тобой, какъ мужчина съ мужчиной. Совершенно вѣрно, ты боленъ. Но также вѣрно и то, что при правильномъ леченіи ты выздоровѣешь. Я не могу сказать тебѣ ничего иного.—Съ этими словами онъ всталъ.

Феликсъ слѣдилъ за нимъ недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Этакъ, пожалуй, можно было бы и повѣрить ему.

— Это ужъ твое дѣло, мой милый,—коротко отвѣтилъ докторъ.

— Ну, вотъ, Альфредъ,—сказалъ Феликсъ,—ты опять все испортилъ. Этотъ рѣзкій тонъ въ отношеніи тяжело больного—слишкомъ извѣстная уловка.

— До завтра,—сказалъ Альфредъ, поворачиваясь къ двери. Марія пошла за нимъ и хотѣла было проводить его за дверь. Но онъ повелительнымъ тономъ шепнулъ ей:

— Останьтесь!

Она заперла за нимъ дверь.

— Подойди ко мнѣ, малютка!—сказалъ Феликсъ, когда она съ спокойной улыбкой стала перебирать свою работу.—Сюда, сюда. Ты, право, удивительно доброе дитя.

Эти ласковыя слова онъ произнесъ сухимъ, даже жесткимъ тономъ.

Слѣдующіе дни Марія не отходила отъ его кровати. Она была сама доброта и самоотверженность. И при этомъ отъ всего ея существа вѣяло яснымъ и радостнымъ спокойствіемъ, которое должно было хорошо дѣйствовать на больного и иногда, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствовало хорошо. Но въ другія минуты его раздражала веселая мягкость, съ какою обращалась съ нимъ Марія, и когда она начинала болтать съ нимъ о какой-нибудь газетной новости, или о томъ, какъ они устроятъ свою жизнь, когда онъ будетъ здоровъ, онъ рѣзко прерывалъ ее, прося пощадить его и оставить въ покоѣ. Альфредъ приходилъ каждый день, иногда даже по два раза въ день, но, казалось, обращалъ очень мало вниманія на состояніе своего друга. Онъ говорилъ объ ихъ общихъ друзьяхъ, разсказывалъ разныя исторіи изъ своей больничной практики, иногда вдавался даже въ какой-нибудь литературный или художественный разговоръ, но всегда умѣлъ такъ устроить, чтобы Феликсъ много не говорилъ. Оба, и жена, и другъ вели себя такъ непринужденно, что иногда Феликсу трудно было не поддаться непрошеннымъ надеждамъ, которыя назойливо осаждали его. Онъ говорилъ себѣ, что оба они по чувству долга играютъ передъ нимъ комедію, которая съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ разыгрывается у постели каждаго тяжело больного. Но сколько онъ ни старался не поддаваться и съ своей стороны тоже играть роль въ ихъ комедіи, онъ постоянно ловилъ себя на беззаботной болтовнѣ о разныхъ знакомыхъ, какъ будто бы ему самому предстояло еще много лѣтъ бродить среди живыхъ, въ этомъ освѣщенномъ солнцемъ мірѣ. Потомъ ему прихо-

дило на память, что такое спокойное состояніе у больныхъ его болѣзнью часто служитъ предвѣстіемъ близкаго конца, и эта мысль въ одну минуту отравляла всѣ его надежды. Дошло до того, что онъ сталъ считать мрачное настроеніе благопріятнымъ признакомъ и почти радовался, когда оно овладѣвало имъ. Потомъ онъ снова приходилъ къ заключенію, что это совершенно нелѣпый ходъ разсужденій, и что тутъ вообще невозможно никакое знаніе, никакая увѣренность. Онъ снова принялся за чтеніе, но романы уже не доставляли ему удовольствія, они ему надоѣли, а нѣкоторые, въ которыхъ рисовалась цвѣтущая, полная событій жизнь, глубоко разстраивали его. Онъ обратился къ философамъ и заставлялъ Марію доставать себѣ изъ книжнаго шкафа то Шопенгауэра, то Нитцше. Но не долго дѣйствовала на него успокоительно ихъ мудрость.

Однажды Альфредъ засталъ его въ то время, когда томъ Шопенгауэра лежалъ у него на одѣялѣ, а самъ онъ съ мрачнымъ видомъ смотрѣлъ прямо передъ собой. Марія сидѣла рядомъ съ работой.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Альфредъ,—вскричалъ онъ возбужденнымъ тономъ, замѣтивъ входившаго Альфреда,—я хочу снова приняться за романы.

— Что же такъ?

— Это, по крайней мѣрѣ, басня какъ басня. Хорошая или плохая, смотря по разсказчику. А эти господа,—показалъ онъ глазами на книгу,—это просто жалкіе фразеры.

— Ого!

Феликсъ приподнялся на кровати.

— Презирать жизнь, когда самъ здоровъ, какъ Богъ, спокойно смотрѣть въ глаза смерти, путешествуя по Италіи и любуясь роскошной жизнью кругомъ,—это я называю рисовкой. Запереть бы этакого господина въ комнату, заставить его дрожать въ лихорадкѣ и задыхаться, да сказать, что между 1-мъ января и 1-мъ февраля слѣдующаго года онъ будетъ лежать въ землѣ, и вотъ пусть-ка онъ тогда пофилософствуетъ.

— Полно,—сказалъ Альфредъ,—что за парадоксы!

— Тебѣ этого не понять. Ты, просто, не въ состояніи этого понять! А мнѣ это противно. Всѣ они фразеры!

— И Сократъ?

— Тоже былъ комедіантъ. Нормальный человѣкъ естественно испытываетъ страхъ передъ неизвѣстнымъ, въ лучшемъ случаѣ его можно только скрыть. Это я говорю тебѣ совершенно искренно. Психологія умирающихъ сплошь фальсифицирована, потому что всѣ великіе люди, смерть которыхъ извѣстна, чувствовали себя обязанными передъ потомствомъ играть комедію. А я? Что я дѣлаю? Что я дѣлаю, когда говорю съ вами о всевозможныхъ вещахъ, до которыхъ мнѣ въ сущности нѣтъ никакого дѣла? Что?

— Не говори ты такъ много, особенно такихъ глупостей.

— Я тоже почему-то чувствую себя обязаннымъ представляться, а въ дѣйствительности я испытываю одинъ безграничный, безумный ужасъ, о которомъ здоровые люди не могутъ составить даже понятія. И всѣ они испытываютъ этотъ самый страхъ, всѣ, и герои, и философы, только эти умѣютъ лучше играть комедію.

— Да успокойся же, Феликсъ.

— Вы, оба, навѣрно, воображаете,—продолжалъ больной,—что вы можете спокойно смотрѣть въ глаза вѣчности, потому что вы не имѣете объ ней пока никакого понятія. Надо быть обреченнымъ, какъ какой-нибудь преступникъ или какъ я, только тогда можно говорить объ этомъ. И жалкій бѣдняга, идущій въ цѣпяхъ къ висѣлицѣ, и великій мудрецъ, выдумывающій изреченія, выпивъ кубокъ яда, и герой, идущій на смерть за свободу и съ улыбкой встрѣчающій направленныя на его грудь дула ружей, всѣ они лицемѣрятъ, я знаю это,—ихъ самообладаніе, ихъ улыбки—рисовка, такъ какъ всѣ они въ сущности испытываютъ страхъ, отвратительный страхъ смерти. Этотъ страхъ также естественъ, какъ сама смерть!

Альфредъ спокойно пересѣлъ къ нему на кровать и, когда онъ кончилъ, сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, съ твоей стороны неблагоразумно говорить такъ много и такъ громко. А кромѣ того, ты болтаешь чистѣйшій вздоръ и, очевидно, страдаешь жестокой ипохондріей.

— Вѣдь ты же теперь такъ хорошо себя чувствуешь!—воскликнула Марія.

— Неужели она въ самомъ дѣлѣ такъ думаетъ?—сказалъ Феликсъ, обращаясь къ Альфреду,—Хоть бы ты ей объяснилъ все когда-нибудь.

— Милый другъ,—отвѣтилъ докторъ, — въ объясненіяхъ нуждаешься только ты. Но сегодня ты такъ упрямъ, что я отказываюсь объяснять тебѣ что-нибудь. — Черезъ два, три дня если ты не будешь больше произносить такихъ длинныхъ рѣчей, тебѣ можно будетъ встать, и тогда мы серьезно обсудимъ причины твоихъ мрачныхъ настроеній.

— Еслибъ я только могъ не видѣть тебя насквозь,—сказалъ со вздохомъ Феликсъ.

— Ну, хорошо, хорошо,—прервалъ его Альфредъ.—Не дѣлайте такого огорченнаго лица,—обратился онъ къ Маріи,—когда-нибудь и къ этому господину вернется разсудокъ. А теперь скажите мнѣ, почему у васъ всѣ окна заперты. Сегодня чудный осенній день, лучше и вообразить нельзя.

Марія встала и открыла одно окно. Начинало смеркаться, и изъ окна повѣяло такой живительной прохладой, что она почувствовала потребность подольше подышать этимъ воздухомъ. Она осталась у окна и наклонила впередъ голову. У нея сразу явилось такое ощуще-

піе, точно она совсѣмъ ушла изъ той комнаты. Она вдругъ очутилась на свободѣ и одна. Уже много дней она не испытывала такого пріятнаго чувства. Когда она снова повернула голову назадъ, въ комнату, на нее пахнуло душнымъ больничнымъ воздухомъ и на грудь ея легла тяжесть. Она видѣла, что Феликсъ и Альфредъ разговариваютъ между собой, но не могла въ точности разобрать словъ, да и не стремилась къ этому. Она снова наклонилась впередъ. На ихъ улицѣ было тихо и почти пусто, только съ большой улицы изъ-за угла доносился заглушенный грохотъ колесъ. По тротуару какъ-то по домашнему шли двое прохожихъ, у противоположнаго дома болтала и смѣялась кучка горничныхъ. Какая-то молодая женщина, также какъ и Марія, выглядывала изъ окна напротивъ. Марія не могла понять, почему эта женщина не идетъ гулять. Она завидовала всѣмъ людямъ, всѣ они были счастливѣе ея.

Настали мягкіе и ясные сентябрьскіе дни. Вечера наступали рано, но были теплы и безвѣтренны.

Марія составила себѣ привычку отодвигать стулъ отъ кровати больного, какъ только представлялась малѣйшая возможность, и сидѣть у открытаго окна. Такъ она просиживала цѣлые часы, особенно если Феликсъ дремалъ. Ею овладѣло глубокое утомленіе, она чувствовала полную неспособность уяснить себѣ положеніе, даже больше—совершенно опредѣленное нежеланіе думать. Цѣлыми часами въ головѣ ея не проходило ни воспоминаній, ни мыслей о будущемъ. Она дремала съ открытыми глазами и была довольна, что свѣжій воздухъ съ улицы обвѣвалъ ея лобъ. Но едва до ея слуха достигалъ слабый стонъ больного, она вскакивала. Она замѣтила, что постепенно утрачивала способность сочувствія. Ея состраданіе превратилось въ нервное возбужденіе, а ея горе стало смѣсью страха и равнодушія. Ей не въ чемъ было упрекнуть себя, и когда недавно докторъ серьезно назвалъ ее ангеломъ, она почувствовала лишь небольшое смущеніе. Но она устала, безгранично устала. Уже дней десять или двѣнадцать она не выходила изъ дому. Почему же? Почему? Объ этомъ надо было подумать. Да, да, мелькнуло у нея въ головѣ, это обидѣло бы Феликса. И она вѣдь охотно сидѣла около него, да. Она любила его, нисколько не меньше, чѣмъ раньше. Она только устала, а вѣдь это вполнѣ естественное чувство. Желаніе пробыть хоть часа два на улицѣ становилось все настойчивѣе. Было положительно ребячествомъ отказывать себѣ въ этомъ. Въ концѣ концовъ, и онъ долженъ понять это. И она снова приходила къ убѣжденію, что она должно быть, безгранично его любитъ, если хочетъ отстранить отъ него даже слабую тѣнь непріятности. Она уронила на полъ свою работу и бросила взглядъ на кровать уже окутанную сгущавшимися сумерками. Больной задремалъ послѣ относительно спокойнаго дня. Теперь она могла бы уйти, и онъ

даже не узналъ бы объ этомъ. Да, да, туда внизъ, къ людямъ, въ городской паркъ, на Рингштрассе, гдѣ горитъ электричество, въ самую толкотню, именно къ этой толкотнѣ она стремилась всей душой. Но когда это можетъ осуществиться? Только если Феликсъ выздоровѣетъ. А иначе, что для нея этотъ паркъ, эта улица, эти люди! Что ей вся эта жизнь безъ него!

Она осталась дома.

Она придвинула свой стулъ къ его кровати, взяла руку агспящо и плакала тихими, печальными слезами, и все продолжала плакать, когда мысли ее унеслись уже далеко отъ этого человѣка, на блѣдную руку котораго падали ея горячія слезы.

Когда въ этотъ вечеръ Альфредъ пришелъ къ Феликсу, онъ нашелъ его гораздо свѣжѣе, чѣмъ въ послѣдніе дни.

— Если такъ пойдетъ дальше, — сказалъ онъ ему, — черезъ два, три дня я спущу тебя съ кровати.

Больной принялъ это, какъ и все, что ему говорили, съ недовѣріемъ и отвѣтилъ обиженнымъ тономъ:

— Конечно, конечно.

Альфредъ обратился къ Маріи, сидѣвшей у стола, и сказалъ ей.

— Вамъ бы тоже не мѣшало выглядѣть немного получше.

Даже Феликсъ, взглянувшій при этихъ словахъ на Марію, нашелъ ее страшно поблѣднѣвшей.

Онъ пріучилъ себя никогда не останавливаться на мысли объ ея самоотверженной добротѣ. Иногда это самопожертвованіе казалось ему не вполнѣ искреннимъ, его раздражала ея неизмѣнная терпѣливая мягкость. Порой ему даже хотѣлось, чтобы она когда-нибудь вышла изъ терпѣнія. Онъ съ наслажденіемъ ждалъ момента, когда она выдастъ себя хоть словомъ, хоть взглядомъ, и онъ злобно броситъ ей въ глаза упрекъ, онъ скажетъ ей, что онъ ни минуты не обманывался въ ней, что ея лицемѣріе возбуждало въ немъ отвращеніе и что лучше бы она оставила его умереть спокойно.

Теперь, когда Альфредъ заговорилъ о ея внѣшнемъ видѣ, она слегка покраснѣла и улыбнулась.

— Я совершенно хорошо себя чувствую,—сказала она.

Альфредъ подошелъ къ ней ближе.

— Нѣтъ, это не такъ просто. Плохое будетъ выздоровленіе для вашего Феликса, если вы захвораете.

— Да я право же совершенно здорова.

— Скажите, вы выходите хоть не надолго на воздухъ?

— Я не чувствую никакой потребности.

— Скажи, пожалуйста, Феликсъ, неужели она ни на шагъ не отходитъ отъ тебя?

— Ты же знаешь, что она ангелъ,—сказалъ Феликсъ.

— Но, извините, Марія, это просто-напросто глупо. Это безполезное ребячество изводить себя подобнымъ образомъ. Вы должны выходить на воздухъ. Я нахожу это совершенно необходимымъ.

— Да что вы на меня нападаете, — возразила Марія съ слабой улыбкой,—мнѣ, право, не хочется выходить.

— Это не имѣетъ никакого значенія. Впрочемъ, то что васъ не тянетъ на воздухъ, само по себѣ нехорошій признакъ. Но вы сегодня же пойдете гулять. Отправляйтесь въ городской паркъ или, если это вамъ не улыбается, возьмите экипажъ и поѣзжайте прокатиться хоть въ Пратеръ. Тамъ теперь прекрасно.

— Но...

— Безъ всякихъ «но». Если вы будете продолжать въ такомъ же родѣ и захотите окончательно превратиться въ ангела, вы погубите себя.

Когда Альфредъ произнесъ эти слова, Феликсъ почувствовалъ болѣзненный уколъ въ сердце. Въ груди его клокотало бѣшенство. Въ чертахъ Маріи онъ читалъ выраженіе терпѣливаго страданія, просящаго сочувствія. И вдругъ въ его сознаніи мелькнула мысль, останавливаться на которой до сихъ поръ казалось ему дерзостью,—мысль о томъ, что эта женщина обязана страдать съ нимъ и умереть съ нимъ. Она губила себя, ну что-жъ, это само собою подразумѣвается. Она, можетъ быть, хотѣла бы сохранить красныя щеки и блестящіе глаза въ то время, какъ онъ близится къ концу? Неужели же Альфредъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что эта женщина, его жена, имѣетъ право заглядывать дальше того часа, который будетъ для него послѣднимъ? Быть можетъ, и она сама осмѣливается...

Съ жаднымъ любопытствомъ вглядывался Феликсъ въ выраженіе лица Маріи, пока докторъ на разные лады повторялъ ей одно и то же.

Наконецъ, онъ заставилъ Марію дать ему обѣщаніе, что она сегодня же выйдетъ на воздухъ, и заявилъ ей, что это обѣщаніе входитъ также въ кругъ ея обязанностей, какъ сидѣлки.

— Со мной ужъ больше не считаются,—подумалъ Феликсъ.—Пусть себѣ погибаетъ тотъ, кто все равно обреченъ на гибель!

Онъ, не глядя, протянулъ Альфреду руку, когда тотъ собрался наконецъ уходить. Онъ ненавидѣлъ его.

Марія проводила доктора только до двери и сейчасъ же вернулась назадъ къ Феликсу. Онъ лежалъ съ крѣпко сжатыми губами и гнѣвной морщиной на лбу. Марія поняла его, она всегда его понимала. Она наклонилась надъ нимъ и улыбнулась.

Онъ перевелъ дыханіе, онъ хотѣлъ бросить ей въ лицо какое нибудь неслыханное оскорбленіе. Ему казалось, что она вполнѣ заслужила это. Но она, проводя ласково рукой по его волосамъ и сохраняя на лицѣ все ту же усталую терпѣливую улыбку, прошептала нѣжно, почти касаясь губами его губъ:

— Я вѣдь не иду.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Весь долгій вечеръ до глубокой ночи просидѣла она у его кровати, пока, наконецъ, не задремала на своемъ стулѣ.

Когда Альфредъ пришелъ на другой день, Марія старательно избѣгала разговора съ нимъ. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ и самъ, повидимому, совсѣмъ забылъ объ ней и занимался исключительно Феликсомъ. Но онъ ничего не упоминалъ о вставаньи съ постели, а больной не рѣшался спросить его объ этомъ. Онъ чувствовалъ себя сегодня слабѣе, чѣмъ въ предшествующіе дни. Ему очень не хотѣлось говорить и онъ былъ радъ, когда докторъ, наконецъ, оставилъ его. На вопросы Маріи онъ тоже отвѣчалъ коротко и неохотно. Когда, послѣ нѣсколькихъ часовъ молчанія, она спросила его:

— Ну, какъ ты себя чувствуешь?

Онъ отвѣчалъ:

— Не все ли равно?

Онъ закинулъ руки за голову, закрылъ глаза и почти все время дремалъ. Марія долго сидѣла около него, потомъ мысли ея стали расплываться и она тоже забылась. Когда она черезъ нѣсколько времени очнулась, какое-то удивительно - пріятное ощущеніе разлилось по ея членамъ, точно она проснулась послѣ долгаго и здороваго сна. Она встала и подняла опущенныя занавѣси. Изъ ближняго сада доносился ароматъ запоздавшихъ осеннихъ цвѣтовъ. Никогда еще воздухъ, пахнувшій въ комнату, не казался ей такимъ прекраснымъ.

Она оглянулась на Феликса, онъ спалъ все въ томъ же положеніи и ровно дышалъ. Обыкновенно въ такія минуты она чувствовала себя растроганной, состраданіе, точно какая то тяжесть разливалась по всему ея существу и приковывала ее къ мѣсту. Но сегодня она осталась спокойной, порадовалась, что Феликсъ спитъ и почти безъ всякой внутренней борьбы, точно это случалось ежедневно, рѣшила пойти погулять часокъ. На цыпочкахъ прошла она къ кухнѣ, попросила служанку посидѣть въ комнатѣ больного, быстро схватила шляпу и почти бѣгомъ спустилась съ лѣстницы. Наконецъ-то, она очутилась на улицѣ, скорыми шагами дошла она до городского сада и радостно вздохнула, увидѣвъ вокругъ себя деревья, о которыхъ она такъ давно мечтала. Она сѣла на скамью. Неподалеку отъ нея на другихъ скамьяхъ сидѣли няньки и бонны. Въ аллеѣ играли дѣти. Но наступали уже сумерки и ихъ веселью тоже приближался конецъ. То то, то другая нянька поднималась съ мѣста, подзывала кого-нибудь изъ дѣтей и за руку уводила изъ сада. Скоро Марія осталась почти одна, прошло еще двое, трое гуляющихъ и въ аллеѣ совсѣмъ затихло.

Итакъ, она была здѣсь, на свободѣ. Да, ну какъ же обстоятъ теперь дѣла? Ей казалось, что наступилъ моментъ, когда она должна

бросить безпристрастный взглядъ на все. Она хотѣла выразить, наконецъ, въ словахъ тѣ мысли, которыя шевелились у нея внутри. «Я живу съ нимъ, потому что я люблю его. Я не приношу никакой жертвы, потому что я не могу поступать иначе. А что будетъ дальше? Сколько времени это будетъ еще тянуться? Никакого спасенія не можетъ быть... И что же? Что же? Я хотѣла умереть съ нимъ вмѣстѣ. Почему же теперь мы стали совсѣмъ чужими другъ другу? Онъ думаетъ только о себѣ. И хочетъ ли онъ самъ до сихъ поръ умереть вмѣстѣ съ ней?» Но въ ту же минуту она ощутила увѣренность, что онъ хочетъ этого. Но онъ представился ей теперь уже не въ видѣ любящаго юноши, съ которымъ она хотѣла быть соединенной навѣки. Нѣтъ, теперь ей казалось, что онъ тянетъ ее за собой куда-то внизъ, упрямо, завистливо, только потому, что когда-то она принадлежала ему.

Рядомъ съ ней на скамейку сѣлъ какой-то молодой человѣкъ и что то сказалъ ей. Она разсѣянно отвѣчала:

— Что?

Но опомнившись, она быстро встала и пошла прочь. Взгляды прохожихъ въ паркѣ были ей непріятны. Она вышла на Рингштрассе, подозвала экипажъ и велѣла прокатить себя.

Наступилъ вечеръ, она удобно откинулась въ уголъ коляски и испытывала пріятное ощущеніе отъ этого спокойнаго движенія, отъ мелькающихъ мимо предметовъ, озаренныхъ невѣрнымъ свѣтомъ газа. Прекрасный сентябрьскій вечеръ вызвалъ на улицу цѣлую массу гуляющихъ. Проѣзжая мимо народнаго сада, Марія услышала веселые звуки военной музыки и невольно ей пришелъ на память тотъ вечеръ въ Зальцбургѣ. Напрасно она старалась увѣрить себя, что все въ этой жизни кругомъ было такъ ничтожно, такъ преходяще, что разстаться съ ней въ сущности ничего не стоило. Она не могла пересилить чувства радости жизни, постепенно проникавшаго ее всю. Ей было хорошо. Все ей нравилось. Ей нравилось, что театръ былъ ярко освѣщенъ, что изъ общественнаго сада выходили толпы гуляющихъ, нравилось, что передъ кафэ-ресторанами сидѣли за столиками люди, что вообще были люди, о тревогахъ и заботахъ которыхъ она ничего не знала. Ей было пріятно, что воздухъ такъ мягко и ласково обвѣвалъ ея лицо, и что она увидитъ еще много такихъ вечеровъ, тысячи прекрасныхъ дней и ночей, что по жиламъ ея разливается ощущеніе жизнерадостнаго здоровья. Ну и что же? Неужели она должна была упрекать себя за то, что послѣ смертельнаго изнеможенія, владѣвшаго ею долгіе дни, она, наконецъ, на минуту пришла въ себя? Развѣ мимолетный отдыхъ не былъ ея правомъ? Она же была здорова, она была молода и со всѣхъ сторонъ вокругъ нея кипѣла радость жизни. Вѣдь это же такъ естественно, какъ потребность дыханія, какъ высокое небо надъ ней—и она будетъ стыдиться этого? Она вспомнила о Феликсѣ. Если случится чудо, и онъ выздоровѣетъ, она, конечно, бу-

детъ попрежнему неразлучна съ нимъ. Она думала о немъ съ мягкой, снисходительной грустью. Пора вернуться къ нему. А пріятно ли ему, когда она съ нимъ? Цѣнитъ ли онъ ея нѣжность? Какъ жестки всегда его слова! Какой колющій взглядъ у него! А его поцѣлуй! И какъ давно они не цѣловались! Его губы теперь всегда сухи и блѣдны. Она охотнѣе цѣлуетъ его теперь въ лобъ. А лобъ его холоденъ и влаженъ. Какая скверная вещь болѣзнь!

Она перемѣнила положеніе. Она намѣренно гнала отъ себя мысли о немъ. Чтобы не думать о немъ, она усиленно смотрѣла на улицу и такъ внимательно всматривалась во все, точно хотѣла навсегда запечатлѣть себѣ это въ памяти.

Феликсъ открылъ глаза. У его кровати горѣла свѣча и распространяла слабый свѣтъ. Около него сидѣла ихъ старуха, равнодушно сложивъ руки на колѣняхъ. Онъ приподнялся и вскричалъ:

— Гдѣ же она?

Женщина объяснила ему, что Марія ушла и скоро вернется.

— Вы можете идти,—сказалъ Феликсъ. И когда она, видимо, колебалась, онъ повторилъ снова:—идите же. Мнѣ не нужно васъ.

Онъ остался одинъ. Мучительное безпокойство овладѣло имъ.

Гдѣ она? Гдѣ она? Онъ едва могъ усидѣть на кровати, но встать боялся. Вдругъ у него мелькнула мысль. Ну вотъ, наконецъ, она и ушла! Она рѣшила бросить его совсѣмъ. Она не можетъ больше выносить жизни съ нимъ. Она боится его. Она прочла его мысли. Или, можетъ быть, онъ во снѣ выговорилъ вслухъ, то, что всегда живетъ въ глубинѣ его сознанія, иногда даже безотчетно для него самого. И она не хочетъ умирать съ нимъ. Мысли вихремъ проносились въ его головѣ. Его била лихорадка, возвращавшаяся къ нему каждый вечеръ. Уже такъ давно онъ не говорилъ ей ни одного ласковаго слова, быть можетъ, именно, изъ-за того она бросила его. Онъ замучилъ ее своей мрачностью, своими недовѣрчивыми взглядами, своими горькими рѣчами, а ей нужна была благодарность!.. Нѣтъ, нѣтъ, даже просто справедливость! О, если бы, она только была здѣсь! Онъ долженъ ее видѣть! Безъ нея онъ не можетъ существовать! Съ жгучей болью онъ сознаетъ это,—лишиться ея онъ не въ состояніи. Онъ за все вымолитъ у ней прощеніе. Онъ снова будетъ глядѣть на нее нѣжнымъ взглядомъ и снова найдетъ для нея слова, полныя глубокой ласки. Ни звукомъ онъ не выдастъ своихъ страданій. Онъ будетъ улыбаться, когда невыносимая тяжесть ляжетъ ему на грудь. Онъ будетъ, задыхаясь, цѣловать ея руки. Онъ разскажетъ ей, что ему снятся разныя нелѣпости и все, что онъ говоритъ во снѣ—лихорадочный бредъ. И онъ поклянется ей, что обожаетъ ее, что желаетъ ей долгой, счастливой жизни. Только пусть она останется съ нимъ до конца, только пусть она не отходитъ отъ его постели, не дастъ ему умереть одному.

Онъ будетъ въ мирѣ и спокойствіи ожидать ужаснаго часа, если только онъ будетъ увѣренъ, что она съ нимъ. А этотъ часъ можетъ придти скоро, каждый день онъ можетъ настать. Поэтому она должна всегда быть около него, на него нападаетъ ужасъ, когда онъ остается безъ нея.

Гдѣ же она? Гдѣ она? Кровь шумѣла у него въ головѣ, въ глазахъ мутилось, дыханіе стало затрудненнымъ и никого не было съ нимъ! Ахъ, зачѣмъ онъ отослалъ ту женщину? Все-таки это была живая душа. А теперь ему нѣтъ больше помощи, нѣтъ помощи. Онъ выпрямился и почувствовалъ себя сильнѣе, чѣмъ думалъ, только воздуху, воздуху все не хватало. Ужасно, какъ это его мучило. Онъ не могъ этого выносить. Онъ вскочилъ съ постели и, полуодѣтый, какъ былъ, бросился къ окну. Воздуху, воздуху! Тутъ онъ вздохнулъ разъ, другой. Ахъ, какъ это было хорошо! Онъ взялъ широкій халатъ, висѣвшій на спинкѣ кровати и опустился на кресло. На нѣсколько секундъ голова у него закружилась и онъ не могъ собрать мыслей, но потомъ одна мысль, все та же, какъ молнія пронзила его. Гдѣ она? Гдѣ она? Быть можетъ, она часто бросала его такъ, когда онъ спалъ? Кто знаетъ? И куда она могла пойти? Хотѣла ли она просто на нѣсколько времени уйти отъ больничнаго воздуха его комнаты, или она хотѣла убѣжать отъ него самого, потому что онъ боленъ? Быть можетъ, его близость противна ей? Или она боится тѣней смерти, которыя уже носятся въ этой комнатѣ? Или она тоскуетъ о жизни? Быть можетъ, ищетъ жизни? Развѣ не въ немъ теперь ея жизнь? Чего она ищетъ? Чего она хочетъ? Гдѣ она? Гдѣ она?

Торопливыя, лихорадочныя мысли прорывались шопотомъ, стонами, громкими словами. Онъ вскрикивалъ:

— Гдѣ она? Гдѣ она?

И онъ видѣлъ ее передъ собой, какъ она бѣжала по лѣстницѣ, съ улыбкой освобожденія на устахъ, куда-нибудь, гдѣ нѣтъ болѣзни, нѣтъ всей этой мерзости, нѣтъ медленнаго умиранія, стремилась къ чему-нибудь неизвѣстному, ароматному, цвѣтущему. Онъ видѣлъ, какъ она постепенно исчезала въ легкомъ туманѣ и изъ тумана до него доносился только ея смѣхъ, счастливый, радостный смѣхъ. Туманъ разсѣевался и онъ видѣлъ, какъ она танцуетъ. Она кружилась все дальше и дальше и, наконецъ, опять исчезала. Вмѣсто того раздавался какой-то глухой грохотъ, подвигался все ближе, ближе. Онъ вскочилъ. Гдѣ она? Онъ бросился къ окну. Это гремѣла подъѣзжавшая карета, вотъ она остановилась у воротъ дома. Да, конечно, ему даже видно было ее. А изъ кареты выпрыгнула... да, да, это Марія! Такъ вотъ что! Онъ выскочилъ въ переднюю, тамъ было темно, и онъ не могъ найти входной двери. Но вотъ ключъ повернулся въ замкѣ, дверь распахнулась, и Марія вошла, изъ-за ея спины на мгновенье блеснулъ свѣтъ газа на лѣстницѣ. Она прямо наткнулась на него, не замѣтивъ его, и

громко вскрикнула. Онъ схватилъ ее за плечи и втащилъ въ комнату. Онъ открывалъ ротъ, но не могъ произнести ни звука.

— Что съ тобой?—закричала она въ ужасѣ.—Ты съ ума сошелъ?

Она освободилась отъ него, но онъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ. Казалось, что онъ становился все выше. Наконецъ, онъ могъ заговорить.

— Откуда ты пришла? Откуда?

— Бога ради, Феликсъ, опомнись. Какъ ты можешь... Да сядь же, по крайней мѣрѣ.

— Откуда ты пришла?—повторилъ онъ тише.—Откуда? откуда?—шепталъ онъ.

Она схватила его за руки, онѣ пылали. Онъ, не сопротивляясь, почти безсознательно, позволилъ ей довести себя до дивана и медленно опустился на него. Онъ осматривался кругомъ, точно съ трудомъ приходя въ себя. Потомъ онъ снова повторилъ тѣмъ же однообразнымъ тономъ, но внятно:

— Откуда ты пришла?

Она до нѣкоторой степени успокоилась, сняла шляпу, сѣла на диванъ рядомъ съ нимъ и, ласково склоняясь къ нему, сказала:

— Дорогой мой, я вышла немного подышать воздухомъ. Я боялась сама захворать. Какая бы тебѣ была тогда отъ меня польза? Я взяла экипажъ, чтобъ поскорѣе вернуться къ тебѣ.

Онъ откинулся въ уголъ, утомленный, полусонный. Онъ поглядывалъ на нее сбоку, но не отвѣчалъ ничего.

Она продолжала говорить, ласково проводя по его пылающимъ щекамъ.

— Не правда ли, ты не сердишься на меня? Я велѣла служанкѣ сидѣть у тебя до моего возвращенія. Ты не видѣлъ ее? Куда же она дѣвалась?

— Я отослалъ ее.

— Зачѣмъ же, Феликсъ? Она должна была посидѣть только до моего прихода. А я такъ стремилась къ тебѣ! Что мнѣ свѣжій воздухъ, когда тебя нѣтъ со мною.

— Марія! Марія!—Онъ положилъ голову ей на грудь, какъ больное дитя. Какъ въ прежніе дни, губы ея прикасались къ его волосамъ. Онъ посмотрѣлъ на нее умоляющимъ взглядомъ.

— Марія,—сказалъ онъ,—ты должна всегда оставаться со мной, всегда, не правда ли?

— Да,—отвѣтила она и поцѣловала его спутанные, влажные волосы. Ей было такъ грустно, такъ грустно. Ей такъ хотѣлось бы поплакать, но въ ея грусти было что-то тяжелое, вялое. Ниоткуда не могла она ждать облегченія, даже отъ своего горя. Она завидовала ему, такъ какъ видѣла на щекахъ его слезы.

Всѣ слѣдующіе дни и вечера она снова неотлучно сидѣла у его кровати, приносила ему ѣсть, подавала лекарства и читала ему, когда онъ былъ въ состояніи слушать, газету или какой-нибудь романъ. На утро послѣ ея прогулки, пошелъ дождь и сразу началась осень. Цѣлыми часами, цѣлыми днями, не переставая, по стекламъ оконъ струился дождь. Послѣднее время по ночамъ больной нерѣдко говорилъ какія-то безсвязныя слова. Тогда она тихонько проводила рукой по его лбу и волосамъ и повторяла точно безпокойному ребенку:

— Спи, Феликсъ, спи!

Онъ замѣтно становился слабѣе, но не очень страдалъ, и когда проходили припадки задыханья, которые не давали ему забывать объ его болѣзни, онъ погружался по большей части въ полудремотное состояніе, въ которомъ онъ самъ себѣ не отдавалъ отчета. Иногда его нѣсколько удивляло: «Почему это меня теперь ничто не волнуетъ?» Замѣчая, что на улицѣ идетъ дождь, онъ говорилъ: «Ахъ, да, осень». Ни о какой перемѣнѣ онъ больше не думалъ. Ни о концѣ, ни о выздоровленіи. Въ эти дни и Марія также утратила всякое представленіе о другой жизни. Даже посѣщенія Альфреда пріобрѣли характеръ чего то обычнаго. Но для него, приходившаго оттуда, гдѣ шла впередъ и шумѣла жизнь, комната больного съ каждымъ днемъ измѣняла видъ. Онъ хорошо видѣлъ, что для Феликса и Маріи наступило такое время, какое переживаютъ обыкновенно люди послѣ сильныхъ потрясеній, время, когда нѣтъ ни страха, ни надежды, когда даже сознаніе настоящаго становится смутнымъ и неяснымъ, потому что ему не хватаетъ представленія о будущемъ и воспоминанія о прошломъ. Онъ всегда съ тяжелымъ чувствомъ входилъ въ комнату больного, желая одного—найти ихъ въ томъ же состояніи, въ какомъ оставилъ. Такъ какъ, въ концѣ концовъ, долженъ былъ наступить часъ, когда они будутъ вынуждены подумать о томъ, что имъ предстоитъ.

Когда однажды съ этой мыслью онъ вошелъ въ дверь, онъ увидѣлъ въ передней Марію, блѣдную, ломающую руки.

— Идите, идите,—вскричала она. Онъ быстро пошелъ за ней. Феликсъ сидѣлъ на кровати и устремивъ на входившихъ злой взглядъ, воскликнулъ:

— Что вы со мной дѣлаете?

Альфредъ подошелъ къ нему.

— Что тебѣ опять приходитъ въ голову, Феликсъ?—спросилъ онъ.

— Что ты со мной дѣлаешь, хотѣлъ бы я знать?

— Что за ребяческіе вопросы, Феликсъ.

— Вы хотите дать мнѣ погибнуть, погибнуть самымъ жалкимъ образомъ,—воскликнулъ Феликсъ пронзительнымъ голосомъ.

Альфредъ подошелъ къ нему и хотѣлъ взять его руку, но больной рѣзко отдернулъ ее.

— Оставь меня, а ты, Марія, перестань ломать руки. Я долженъ знать, что вы хотите со мной дѣлать? Что же будетъ дальше?

— Дальше было бы гораздо лучше,—спокойно возразилъ Альфредъ,—если бы ты меньше волновался.

— Да вѣдь ужъ сколько времени, сколько времени я лежу такъ. А вы только смотрите и оставляете меня лежать. Что же ты, въ самомъ дѣлѣ хочешь со мной сдѣлать?—обратился онъ вдругъ къ доктору.

— Не говори-жъ ты такихъ нелѣпостей.

— Для меня ничего, ничего не дѣлается. Надо мной готовъ разразиться ударъ, и ни одна рука не протягивается, чтобъ отвратить его.

— Феликсъ,—началъ Альфредъ убѣдительнымъ тономъ, опять присаживаясь на кровать и пытаясь овладѣть рукой больного.

— Ну да, ты просто махнулъ на меня рукой. Ты совсѣмъ меня забросилъ и только пичкаешь меня морфіемъ.

— Тебѣ придется потерпѣть еще нѣсколько дней...

— Да вѣдь ты видишь, что мнѣ ничто не помогаетъ! Я же чувствую, каково мнѣ! Зачѣмъ же ты даешь мнѣ такъ погибать безъ помощи? Вы видите, что здѣсь я гибну. Я не выдержу этого. А вѣдь должна же существовать какая-нибудь помощь, какая-нибудь возможность помощи. Подумай же объ этомъ, Альфредъ, вѣдь ты врачъ, это, наконецъ, твоя обязанность.

— Конечно, помощь возможна,—сказалъ Альфредъ.

— А если не помощь, то, можетъ быть, чудо. Но здѣсь чудо не можетъ совершиться. Я долженъ уѣхать отсюда, уѣхать.

— Ты и уѣдешь, какъ только ты станешь немного посильнѣе и будешь въ состояніи встать.

— Альфредъ, говорю тебѣ, тогда будетъ слишкомъ поздно. Почему я долженъ оставаться въ этой отвратительной комнатѣ? Я хочу уѣхать, уѣхать изъ этого города. Я знаю, что мнѣ нужно. Мнѣ нужна весна, мнѣ нуженъ югъ. Когда я снова увижу солнце, я буду здоровъ.

— Все это совершенно разумно,—сказалъ Альфредъ.—Само собой разумѣется, тебѣ нужно на югъ, только тебѣ придется немного потерпѣть. Не можешь же ты ѣхать сегодня или завтра. Какъ только тебѣ станетъ немного получше...

— Я могу ѣхать сегодня, я это чувствую. Какъ только я выйду изъ этой ужасной комнаты смерти, я стану другимъ человѣкомъ. Каждый лишній день здѣсь увеличиваетъ опасность.

— Дорогой другъ, долженъ же ты понимать, что я, какъ твой врачъ...

— Ты врачъ и судишь по рутинѣ. Больные лучше всѣхъ знаютъ, что имъ нужно. Оставлять меня лежать здѣсь и умирать безразсудно и преступно. На югѣ случаются иногда чудеса. Нельзя складывать руки, когда есть хоть тѣнь надежды, а надежда всегда есть. Безжа-

лостно оставлять человѣка на волю судьбы, какъ вы со мной дѣлаете. Я хочу на югъ, я хочу туда, гдѣ весна.

— Ты и поѣдешь туда,—сказалъ Альфредъ.

— Не правда ли, — быстро прервала его Марія, — мы можемъ завтра же выѣхать?

— Если Феликсъ пообѣщаетъ мнѣ провести два дня спокойно, я отпущу его. Но сегодня, сейчасъ—это было бы преступленіемъ! Этого я не допущу ни при какихъ условіяхъ. Посмотрите, какая погода,—обратился онъ къ Маріи,—дождь, вѣтеръ, даже здоровому я не посовѣтовалъ бы выѣзжать сегодня.

— Итакъ, завтра!—воскликнулъ Феликсъ.

— Если хоть немного прояснитъ,—сказалъ докторъ,—самое большее черезъ два, три дня,—даю слово.

Больной недовѣрчиво посмотрѣлъ на него.

— Честное слово?

— Да!

— Ну вотъ, слышишь?—вскричала Марія.

— Ты не допускаешь,—сказалъ больной, обращаясь къ Альфреду,—что для меня возможно спасеніе? Ты хотѣлъ дать мнѣ умереть на родинѣ? Это ложная сентиментальность. Когда дѣло идетъ о смерти, родины не существуетъ. Возможность жить—вотъ родина. И я не хочу, не хочу такъ безпомощно умирать.

— Дорогой мой Феликсъ, вѣдь ты же хорошо знаешь, что я всегда имѣлъ намѣреніе послать тебя на всю зиму на югъ. Но не могу же я отпускать тебя по такой погодѣ.

— Марія,—сказалъ больной,—приготовь все.

Марія робко-вопросительно посмотрѣла на доктора.

— Приготовляйтесь,—сказалъ докторъ,—это вѣдь ничему не можетъ повредить.

— Все приготовь, черезъ часъ я встану. Мы выѣдемъ, какъ только проглянетъ первый лучъ солнца.

Послѣ обѣда Феликсъ всталъ. Казалось, что мысль о перемѣнѣ мѣста оказала на него благотворное дѣйствіе. Онъ не спалъ, цѣлый день лежалъ на диванѣ, но не впадалъ больше ни въ припадки отчаянія, ни въ тупую безучастность предшествующихъ дней. Онъ интересовался приготовленіями, давалъ совѣты, указывалъ, какія взять книги изъ его библіотеки и даже самъ отобралъ изъ своего письменнаго стола цѣлую кипу рукописей.

— Я хочу просмотрѣть мои старыя работы,—сказалъ онъ Маріи.

И позднѣе, когда она укладывала ихъ въ сундукъ, онъ снова вернулся къ той же мысли.

— Кто знаетъ, быть можетъ, это время отдыха принесло пользу моему уму. Я чувствую, что я умственно созрѣлъ. Иногда все, что я

раньше думалъ, озаряется какимъ-то особеннымъ удивительно-яркимъ свѣтомъ.

На слѣдующій же день погода совсѣмъ разгулялась. Въ срединѣ дня стало настолько тепло, что можно было открыть окно. Теплый осенній день дышалъ мягкимъ спокойствіемъ, и когда Марія стояла на колѣняхъ около сундука, ея волосы отливали золотомъ на солнцѣ.

Альфредъ пришелъ въ то время, когда Марія заботливо укладывала въ сундукъ бумаги, а Феликсъ, лежа на диванѣ, развивалъ ей свои планы.

— И на это я долженъ дать разрѣшеніе? — спросилъ, улыбаясь, Альфредъ.—Ты, кажется, думаешь, что тебѣ пора поспѣшить приняться за работу.

— О, это я не считаю за работу,—сказалъ Феликсъ.—Тысячи мыслей, которыя прежде были мнѣ неясны, теперь озарились новымъ свѣтомъ.

— Это прекрасно,—медленно произнесъ Альфредъ, всматриваясь въ больного, устремившаго неподвижный взоръ въ пространство.

— Ты, можетъ быть, не понялъ меня,—продолжалъ тотъ,—у меня еще нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ идей, только такое ощущеніе точно что-то подготовляется.

— Такъ, такъ.

— Какъ будто я прислушиваюсь, какъ настраиваютъ инструменты оркестра. Это и въ дѣйствительности всегда сильно на меня дѣйствуетъ. Въ слѣдующій моментъ родится чистая гармонія и всѣ инструменты зазвучатъ согласно.—И вдругъ, приподнимаясь, онъ спросилъ:—а ты заказалъ купэ?

— Да,—отвѣтилъ докторъ.

— Итакъ, завтра утромъ,—радостно вскричала Марія.

Она все еще была занята, переходила отъ комода къ сундуку, оттуда къ книжному шкафу, потомъ опять къ сундуку и старательно укладывала все. Альфредъ испытывалъ странное волненіе. Точно онъ попалъ къ счастливымъ молодымъ людямъ, собиравшимся въ веселое путешествіе. Въ этой комнатѣ снова царило радостное, почти беззаботное настроеніе. Когда онъ уходилъ, Марія проводила его въ переднюю.

— Боже!—воскликнула она,—какъ хорошо, что мы уѣзжаемъ. Я такъ рада! И онъ совершенно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ это рѣшено.

Альфредъ не нашелъ въ себѣ силы отвѣтить. Онъ пожалъ ея руку и пошелъ къ двери. Но потомъ онъ снова повернулся къ Маріи и сказалъ:

— Вы должны мнѣ обѣщать...

— Что?

— Вѣдь другъ больше, чѣмъ врачъ. Вы знаете, я всегда въ вашемъ распоряженіи. Вамъ стоитъ только мнѣ телеграфировать...

Марія замѣтно испугалась.

— Такъ вы думаете, что это можетъ оказаться нужнымъ?

— Я говорю на всякій случай.

Съ этими словами онъ ушелъ.

Одну секунду она простояла въ раздумьи, но потомъ быстро вошла въ комнату, боясь, что Феликса встревожитъ ея отсутствіе. Но тотъ ждалъ только ея возвращенія, чтобы снова приняться за свои разсужденія.

— Знаешь, Марія,—сказалъ онъ,—солнце всегда оказываетъ на меня благотворное дѣйствіе. Если и тамъ станетъ холодно, мы поѣдемъ еще дальше, на Ривьеру, а то, пожалуй, и въ Африку! Что ты на это, скажешь? Подъ экваторомъ моя работа навѣрно пойдетъ удачно.

Такъ онъ продолжалъ болтать, пока, наконецъ, Марія подошла къ нему, ласково погладила по щекѣ и съ улыбкой сказала:

— Ну, будетъ. Надо быть благоразумнымъ. Пора тебѣ ложиться, вѣдь завтра надо рано встать.—Щеки его горѣли, глаза сверкали, а руки пылали, какъ въ огнѣ.

Какъ только стало свѣтать, Феликсъ проснулся. Онъ чувствовалъ радостное возбужденіе, точно ребенокъ, котораго обѣщали взять въ циркъ. За два часа до того времени, когда имъ надо было ѣхать на желѣзную дорогу, онъ сидѣлъ на диванѣ совершенно готовый къ отъѣзду. У Маріи тоже все давно было готово. Въ сѣромъ ватерпруфѣ, въ шляпѣ съ голубой вуалью, стояла она у окна, чтобы видѣть, какъ подъѣдетъ заказанная наканунѣ карета. Феликсъ каждыя пять минутъ спрашивалъ, пріѣхала ли она. Онъ выходилъ изъ терпѣнія и просилъ послать за другой. Онъ говорилъ именно объ этомъ, когда Марія воскликнула:

— А вотъ и онъ, вотъ и онъ! Альфредъ самъ ѣдетъ въ ней,— прибавила она, обращаясь къ Феликсу.

Дѣйствительно, Альфредъ выглядывалъ изъ окна кареты и дружески кивалъ Маріи. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ онъ вошелъ въ комнату.

— А вы ужъ совсѣмъ готовы!—вскричалъ онъ.—Что же вы будете дѣлать съ такихъ поръ на вокзалѣ, тѣмъ болѣе, что вы, какъ я вижу, уже позавтракали.

— Феликсъ очень торопится,—сказала Марія.

Альфредъ подошелъ къ нему, больной встрѣтилъ его веселой улыбкой и сказалъ:

— Прекрасная погода, какъ разъ для путешествія.

— Да, вамъ будетъ чудесно ѣхать,—подтвердилъ докторъ.—Можно? —сказалъ онъ, беря со стола сухарь.

— Вы, должно быть, совсѣмъ не завтракали?—спросила Марія.

— Нѣтъ, нѣтъ, я выпилъ рюмочку коньяку.

— Подождите, въ кофейникѣ еще есть кофе.—Она налила ему

остатки кофе въ чашку и вышла, чтобъ сдѣлать послѣднія распоряженія прислугѣ. Альфредъ долго не поднималъ глазъ отъ чашки. Ему было тяжело наединѣ съ другомъ и онъ никакъ не могъ заставить себя заговорить. Марія снова вошла и сказала, что можно ѣхать. Феликсъ всталъ и первый пошелъ къ двери. На немъ было сѣрое пальто, мягкая черная шляпа, а въ рукѣ онъ держалъ палку. По лѣстницѣ онъ хотѣлъ было тоже идти впереди всѣхъ. Но едва онъ взялся рукой за перила, какъ зашатался. Марія и Альфредъ, шедшіе слѣдомъ за нимъ, поддержали его.

— У меня немного кружится голова,—сказалъ Феликсъ.

— Это вполнѣ естественно,—замѣтилъ Альфредъ.—Послѣ стольких недѣль ты первый разъ всталъ съ постели.

Онъ взялъ больного за одну руку, Марія за другую и такимъ образомъ они свели его внизъ. Кучеръ снялъ шапку, увидѣвъ больного.

Въ окнахъ противоположнаго дома видны были соболѣзнующія женскія лица. Изъ воротъ дома выбѣжалъ хозяинъ, предлагая свою помощь Альфреду и Маріи, усаживавшимъ въ карету блѣднаго, какъ смерть, Феликса. Когда карета отъѣхала, хозяинъ дома, и сострадательныя женщины обмѣнялись многозначительными печальными взглядами.

До послѣдняго звонка Альфредъ болталъ черезъ окно съ Маріей. Феликсъ забился въ уголъ и казался совершенно безучастнымъ. Только когда раздался свистокъ локомотива, онъ нѣсколько оживился и кивнулъ на прощанье своему другу. Поѣздъ отошелъ. Альфредъ еще нѣсколько мгновеній простоялъ на платформѣ, смотря ему вслѣдъ. Наконецъ, онъ повернулся къ выходу.

Какъ только поѣздъ вышелъ изъ вокзала, Марія подсѣла къ Феликсу и спросила его, чего онъ хочетъ. Не откупорить ли бутылку съ коньякомъ или, можетъ быть, дать ему книгу, или почитать газету. Онъ, повидимому, былъ благодаренъ ей за такую заботливость и пожалъ ей руку. Потомъ онъ спросилъ.

— А когда мы пріѣдемъ въ Меранъ?

Она не знала точно времени, и онъ заставилъ ее найти ему въ путеводителѣ время главнѣйшихъ остановокъ. Онъ хотѣлъ знать, гдѣ будетъ обѣденная станція, гдѣ ихъ застанетъ, ночь и вообще интересовался тысячью внѣшнихъ мелочей, къ которымъ онъ въ обыкновенное время былъ совершенно равнодушенъ. Онъ пытался вычислить, сколько народу можетъ ѣхать въ поѣздѣ, и задавался вопросомъ, есть ли среди пассажировъ другія новобрачныя пары. Черезъ нѣсколько времени онъ потребовалъ коньяку, но тотъ вызвалъ у него такой припадокъ кашля, что онъ сердито приказалъ Маріи ни при какихъ обстоятельствахъ не давать ему больше, даже если онъ самъ будетъ просить. Потомъ онъ заставилъ ее прочесть въ газетѣ метеорологическій

бюллетень и одобрительно кивалъ головой при всякомъ благопріятномъ показаніи о погодѣ. Они проѣзжали Зеемерингъ. Онъ внимательно слѣдилъ за мелькавшими мимо оконъ картинами, но ограничивался односложными замѣчаніями вполголоса: «очень хорошо, очень красиво», и въ этихъ словахъ не звучало ни малѣйшей радости. Въ обѣденное время онъ поѣлъ взятыхъ на дорогу холодныхъ закусокъ и очень разсердился, когда Марія отказалась было дать ему коньяку. Въ концѣ концовъ, она все-таки принуждена была дать. Онъ выпилъ его совершенно благополучно, сразу сталъ свѣжѣе и опять началъ интересоваться всевозможными мелочами. Но скоро онъ по обыкновенію перешелъ отъ замѣчаній по поводу мелькавшихъ за окнами картинъ къ разговору о своей болѣзни.

— Я читалъ о сомнамбулахъ,—сказалъ онъ,—видѣвшихъ во снѣ какое-нибудь средство, на которое не нападалъ ни одинъ врачъ, и оно вылѣчивало ихъ. Больной долженъ слѣдовать своему влеченію, говорю я.

— Конечно,—подтвердила Марія.

— Югъ! Южный воздухъ! Они думаютъ, вся разница въ томъ, что тамъ тепло, что тамъ цвѣтутъ цвѣты, что больше озона и нѣтъ снѣга и вьюгъ. А кто знаетъ, въ этомъ ли все дѣло! Кто знаетъ, что тамъ носится. въ этомъ южномъ воздухѣ! Тайные элементы, которыхъ мы еще совсѣмъ не знаемъ.

— Конечно, тамъ ты выздоровѣешь,—сказала Марія, взявъ обѣими руками руку больного и прижимая ее къ своимъ губамъ.

Онъ заговорилъ о живописцахъ, живущихъ постоянно въ Италіи, о страстномъ тяготѣніи къ Риму королей и художниковъ, о Венеціи, гдѣ онъ былъ много раньше, чѣмъ познакомился съ Маріей. Наконецъ, онъ утомился и захотѣлъ лечь на диванъ. Такъ онъ пролежалъ до вечера, большей частью въ полудремотѣ.

Марія сидѣла напротивъ и наблюдала за нимъ. Она чувствовала себя вполнѣ спокойной. Мягкая грусть наполняла ея сердце. Какъ онъ былъ блѣденъ. И какъ онъ постарѣлъ. Какъ измѣнилось съ весны это прекрасное лицо! И блѣдность была совсѣмъ не та, какая покрывала теперь и ея щеки. Ея блѣдность дѣлала ее только еще моложе, она казалась теперь почти дѣвочкой. И насколько ей все-таки лучше, чѣмъ ему! Первый разъ эта мысль съ такой отчетливостью пришла ей въ голову. Она хотѣла бы, чтобъ ея горе было еще тяжелѣе, еще мучительнѣе. Это, конечно, зависѣло не отъ недостатка сочувствія, причиной была исключительно безграничная усталость, никогда не покидавшая ее послѣднее время, даже когда она чувствовала себя относительно свѣжѣе. Иногда она радовалась этой усталости, ее пугало страшное горе, которое должно наступить, когда пройдетъ усталость.

Вдругъ Марія вздрогнула, оказалось, что она задремала и не замѣтила, какъ стемнѣло. На лампѣ была опущена зеленая ширмочка

и ихъ купэ тонуло въ слабомъ зеленоватомъ полусвѣтѣ. А тамъ за окномъ была ночь, ночь! Казалось, что они ѣхали по безконечному черному туннелю. Но что же ее такъ испугало? Было почти совсѣмъ тихо, слышался только однообразный стукъ колесъ. Постепенно глаза ея привыкли къ полутьмѣ и она снова могла различить черты больного. Онъ лежалъ неподвижно и, повидимому, спокойно спалъ. Вдругъ онъ вздохнулъ глубоко, прерывисто, жалобно. У нея забилось сердце. Вѣрно онъ и раньше такъ вздохнулъ, это-то и разбудило ее. Но что такое? Она пристальнѣе вглядѣлась въ него. Да онъ совсѣмъ не спалъ. Онъ лежалъ съ широко, широко открытыми глазами, она видѣла это совершенно ясно. Эти глаза, глядящіе куда-то въ пространство, въ темноту, наводили на нее страхъ. И снова у него вырвался стонъ, еще жалобнѣе предыдущаго. Онъ подвинулся и опять застоналъ но уже не жалобно, а какъ-то дико. Онъ порывисто приподнялся, опираясь обѣими руками на сидѣнье, столкнулъ ногами прикрывавшій его плащъ и попытался встать. Но движеніе поѣзда мѣшало ему и онъ снова сѣлъ въ свой уголъ.

Марія вскочила и хотѣла отдернуть зеленую занавѣску лампы. Но въ ту же минуту она почувствовала, что его руки обхватили ее, и онъ съ силой привлекъ ее, всю трепещущую, къ себѣ на колѣни.

— Марія, Марія,—проговорилъ онъ свистящимъ голосомъ.

Она хотѣла освободиться, но это не удавалось ей. Казалось, что вся его сила вернулась къ нему, онъ крѣпко-крѣпко прижималъ ее къ себѣ.

— Готова ли ты, Марія?—прошепталъ онъ, почти касаясь губами ея шеи. Она ничего не понимала, но чувствовала безграничный ужасъ. Она была совершенно беззащитна и ей хотѣлось кричать.

— Готова ли ты? — повторилъ онъ, менѣе сильно сжимая ее. Она не ощущала уже такъ близко его губъ, его дыханія и могла нѣсколько свободнѣе вздохнуть.

— Что ты хочешь сказать?—спросила она робко.

— Развѣ ты не понимаешь меня?—проговорилъ онъ.

— Пусти меня, пусти меня! — закричала она, но грохотъ поѣзда заглушилъ ея голосъ.

А онъ точно не слышалъ ея словъ. Руки его сами собой опустились, она быстро встала и пересѣла въ другой уголъ купэ.

— Развѣ ты не понимаешь меня?—спросилъ онъ снова.

— Чего ты хочешь?—прошептала она изъ своего угла.

— Я хочу отвѣта,—сказалъ онъ.

Она молчала, дрожа и страстно желая одного, наступленія дня.

— Нашъ часъ приближается,—сказалъ онъ еще тише, но нагнувшись къ ней, чтобы она могла яснѣе слышать его слова.—Я спрашиваю тебя, готова ли ты?

— Какой часъ?

— Нашъ часъ, нашъ часъ!

Она поняла его. У нея захватило дыханіе.

— Ты помнишь, Марія? — его голосъ сталъ мягкимъ, почти умоляющимъ. Онъ взялъ обѣ ея руки.—Ты сама дала мнѣ право спрашивать такъ,—прошепталъ онъ.—Ты помнишь?

Къ ней снова вернулось самообладаніе, когда онъ говорилъ эти послѣднія ужасныя слова, голосъ его потерялъ угрожающій тонъ и взглядъ сталъ мягче. Онъ уже не угрожалъ, а просилъ. Чуть не со слезами онъ спрашивалъ ее.

— Помнишь ты?

И она нашла въ себѣ силу отвѣтить ему дрожащимъ голосомъ.

— Ты совершенный ребенокъ, Феликсъ.

Онъ, казалось, не слышалъ ея. Однотоннымъ голосомъ, точно въ полузабытьи, но совершенно отчетливо говорилъ онъ дальше:

— Приближается конецъ, Марія, намъ пора приготовляться, наше время пришло.

Что-то роковое, рѣшительное и неизбѣжное звучало въ этихъ словахъ, хотя они были произнесены совсѣмъ тихо. Лучше бы онъ попрежнему угрожалъ ей, тогда она могла бы защищаться. На одну минуту, когда онъ ближе придвинулся къ ней, ею овладѣлъ безумный ужасъ, ей казалось, что онъ сейчасъ кинется душить ее.

Она уже думала о томъ, чтобы броситься въ противоположную сторону купэ, выбить окошко и кричать о помощи. Но въ тотъ самый моментъ онъ отпустилъ ея руки и откинулся назадъ, точно больше ему нечего было сказать. Тогда она заговорила:

— Что ты такое говоришь, Феликсъ! И именно теперь, когда мы ѣдемъ на югъ и ты скоро совершенно выздоровѣешь.

Онъ сидѣлъ, прислонясь къ спинкѣ, видимо погруженный въ размышленія. Она быстро встала и отдернула зеленую занавѣску съ лампы. О, какъ это успокоило ее! Сразу стало свѣтло, сердце ея забилось ровнѣе, и страхъ почти исчезъ. Она снова сѣла въ свой уголъ. Онъ поднялъ на нее глаза и сказалъ медленно:

— Марія, завтра ничто не измѣнится, и югъ не поможетъ. Сегодня я это знаю.

«Почему теперь онъ говоритъ такъ спокойно», подумала Марія. «Можетъ быть, онъ хочетъ усыпить мои подозрѣнія. Можетъ быть, онъ боится, что я сдѣлаю попытку спастись?»

И она рѣшила быть все время на сторожѣ. Она не спускала съ него глазъ, но почти не слушала словъ, слѣдя за каждымъ его движеніемъ, за каждымъ взглядомъ.

— Но ты вѣдь свободна, и даже твоя клятва не связываетъ тебя. Развѣ я могу тебя принудить? Ты не хочешь протянуть мнѣ руки?

Она подала ему руку, но такъ, что ея рука легла поверхъ его рукъ.

— Скорѣй бы насталъ день!—прошепталъ онъ.

— Я хочу сказать тебѣ что-то, Феликсъ,—проговорила она.—Попробуй заснуть немного, тогда скорѣй придетъ утро. А черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ въ Меранѣ.

— Я не могу спать,—отвѣтилъ онъ и поднялъ глаза. Въ это мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились. Онъ замѣтилъ недовѣрчивое, подстерегающее выраженіе ея глазъ. И онъ понялъ все. Она хотѣла заставить его заснуть, чтобы на слѣдующей же станціи незамѣтно ускользнуть и бѣжать отъ него.

— Что ты хочешь сдѣлать?—закричалъ онъ.

Она вздрогнула.

— Ничего!

Онъ стремительно поднялся. Едва она замѣтила это, какъ моментально бросилась въ другой уголъ купэ.

— Воздуху!—вскричалъ онъ,—воздуху!—Онъ открылъ окно и подставилъ голову ночному вѣтру. Марія успоилась,—онъ всталъ оттого, что ему недоставало воздуху. Она снова подошла къ нему и мягко отстранила его отъ окна.

— Это не можетъ принести тебѣ пользы,—сказала она.

Онъ снова сѣлъ въ свой уголъ, съ трудомъ переводя дыханіе. Она стояла передъ нимъ, держась одной рукой за окно, потомъ она снова сѣла на свое прежнее мѣсто. Постепенно его дыханіе стало ровнѣе, слабая улыбка появилась на губахъ. Она смотрѣла на него смущенная, робкая.

— Я закрою окно,—сказала она.

Онъ кивнулъ головой.

— Утро, утро!—воскликнула она.

На горизонтѣ появились сѣровато-розовыя полосы.

Долго сидѣли они молча другъ противъ друга. Наконецъ, онъ заговорилъ и блѣдная улыбка все еще бродила около его губъ.

— Ты еще не готова!—сказалъ онъ. Она хотѣла отвѣтить что-нибудь въ такомъ же родѣ, какъ она всегда съ нимъ говорила. Хотѣла сказать ему, что онъ ребенокъ и... не могла. Эта улыбка убивала всякую попытку отвѣтить такъ.

Поѣздъ шелъ медленнѣе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ остановился на большой станціи съ буфетомъ. По платформѣ бѣгали кельнеры съ кофэ и буттербродами. Многіе вышли изъ вагоновъ. Вокругъ былъ шумъ и движеніе. Маріи казалось, что она проснулась отъ тяжелаго сна. Вся эта будничная желѣзнодорожная суета была ей удивительно пріятна. Съ чувствомъ полнѣйшей безопасности встала она и смотрѣла въ окно. Потомъ она махнула кельнеру, чтобъ онъ подалъ ей чашку кофе. Феликсъ смотрѣлъ на нее, какъ она пила кофэ, но отрицательно покачалъ головой, когда она предложила и ему.

Скоро поѣздъ тронулся дальше, и когда они выѣхали изъ-подъ

крыши вокзала, было уже совсѣмъ свѣтло. [И какъ красиво! Вдали виднѣлись горы, озаренныя розовымъ свѣтомъ зари. Марія твердо рѣшила больше никогда не поддаваться ночнымъ страхамъ, Феликсъ упорно смотрѣлъ въ окно, онъ какъ будто избѣгалъ ея взгляда. Ей казалось, что онъ немного стыдится минувшей ночи.

Еще нѣсколько разъ поѣздъ на мгновеніе останавливался. Было теплое, почти жаркое лѣтнее утро, когда они подъѣхали къ Мерану.

— Вотъ мы и пріѣхали,—вскричала Марія, наконецъ-то, наконецъ!

Они взяли экипажъ и поѣхали выбрать себѣ подходящее помѣщеніе.

— Экономить намъ не нужно, — сказалъ Феликсъ. — Моего состоянія еще хватитъ пока.

У нѣкоторыхъ виллъ они приказывали кучеру остановиться и Марія осматривала квартиру и садъ, а Феликсъ ждалъ ее въ коляскѣ. Скоро они нашли вполнѣ подходящій для себя домикъ. Это была небольшая вилла, окруженная садомъ. Марія попросила сдававшую ее экономку выйти на улицу и объяснить всѣ преимущества своей виллы сидящему въ экипажѣ молодому человѣку. Феликсъ все одобрилъ, и черезъ нѣсколько минутъ они заключили условіе и вошли въ домъ.

Не принимая участія въ хлопотливомъ осмотрѣ помѣщенія, которымъ сейчасъ же занялась Марія, Феликсъ попросилъ проводить его въ спальню. Онъ окинулъ ее бѣглымъ взглядомъ. Это была просторная привѣтливая комната, съ свѣтло-зелеными обоями и очень большимъ, теперь открытымъ настежъ, окномъ, всю ее наполняло свѣжее благоуханіе сада. Противъ окна стояли кровати. Феликсъ такъ утомился, что тотчасъ же прилегъ на одну изъ нихъ.

Между тѣмъ, Марія заставила показать себѣ весь домъ, и ей особенно понравился садъ, окруженный высокой рѣшеткой. Изъ комнатъ былъ прямой выходъ въ этотъ садъ. Съ другой стороны сада шла дорога къ вокзалу, болѣе близкая, чѣмъ та улица, по которой они пріѣхали.

Вернувшись въ спальню, гдѣ она оставила Феликса, Марія нашла его на кровати. Она окликнула его, онъ не отвѣчалъ. Она подошла ближе, и онъ показался ей блѣднѣе обыкновеннаго. Она снова позвала его, — отвѣта не было, онъ не шевелился. Ужасъ охватилъ ее, она кликнула женщину и послала ее за докторомъ. Какъ только женщина вышла, Феликсъ открылъ глаза. Но не успѣлъ онъ произнести ни слова, какъ вдругъ лицо его исказилось ужасомъ, онъ хотѣлъ приподняться, но снова упалъ на подушки и захрипѣлъ. Изо рта его поползла струйка крови. Марія, безпомощная, дрожащая, склонилась къ нему. Потомъ она бросилась къ двери посмотрѣть, не идетъ-ли докторъ, оттуда опять вернулась къ нему, называя его по имени. «Ахъ, если бы Альфредъ былъ здѣсь», подумала она.

Наконецъ, пришелъ докторъ, пожилой господинъ съ сѣдыми бакенбардами.

— Помогите, помогите!—вскричала Марія, увидѣвъ его. Она постаралась объяснить ему, въ чемъ дѣло, насколько позволяло ей ея волненіе. Докторъ осмотрѣлъ больного, пощупалъ пульсъ, сказалъ, что сейчасъ, послѣ кровотеченія его нельзя изслѣдовать и далъ необходимыя указанія. Марія проводила его изъ комнаты и спросила, чего можно ждать.

— Пока ничего не могу сказать,—отвѣтилъ докторъ,—немного терпѣнія. Я хочу надѣяться.

Онъ обѣщалъ вечеромъ пріѣхать опять и изъ окна кареты любезно и непринужденно поклонился Маріи, точно сдѣлалъ ей обычный свѣтскій визитъ.

Минуту Марія безпомощно простояла въ дверяхъ, но потомъ ей мелькнула мысль, сулившая, какъ ей казалось, спасеніе. Она быстро пошла въ почтамтъ отправить телеграмму Альфреду. Пославъ ее, она почувствовала облегченіе. Она поблагодарила женщину, смотрѣвшую за больнымъ во время ея отсутствія, извинилась, что они съ перваго дня причиняютъ ей столько хлопотъ, и сказала, что они надѣются не оказаться неблагодарными.

Феликсъ все еще лежалъ одѣтый, безъ сознанія, но дыханіе его стало спокойнѣе. Марія сѣла у изголовья, и женщина стала утѣшать ее, разсказывая, какъ многіе тяжело больные люди выздоравливали въ Меранѣ, она сама, по ея словамъ, была сильно больна въ молодости и теперь вполнѣ оправилась. А при этомъ ей пришлось еще перенести не мало горя. Мужъ ея умеръ послѣ двухъ лѣтъ брака, а сыновья уѣхали далеко—да, все могло бы сложиться иначе. Но она очень довольна, что получила мѣсто въ этомъ домѣ. На хозяина нельзя было пожаловаться, тѣмъ болѣе, что онъ и пріѣзжалъ-то сюда не чаще, чѣмъ разъ въ два мѣсяца. Такъ, переходя отъ одной темы къ другой, болтала она, стараясь развлечь Марію. Потомъ она предложила разобрать сундукъ, на что Марія съ благодарностью согласилась. Позднѣе она подала ей сюда же обѣдъ. Молоко для больного давно было готово, онъ началъ слегка двигаться и, видимо, скоро долженъ былъ придти въ себя.

Наконецъ, Феликсъ очнулся, онъ нѣсколько разъ повернулъ голову и, наконецъ, остановилъ взглядъ на Маріи, склонившейся надъ нимъ. Онъ улыбнулся ей и слегка пожалъ руку.

— Что со мной было?—спросилъ онъ.

Пришедшій послѣ обѣда докторъ нашелъ, что ему гораздо лучше и посовѣтовалъ раздѣть его и уложить въ постель. Феликсъ, не сопротивляясь, предоставилъ продѣлать съ собой все, что тотъ сказалъ.

Марія ни на шагъ не отходила отъ постели больного. Вечеру, казалось, не будетъ конца. По настоятельному приказанію доктора, окно оставалось открытымъ, и изъ сада доносилось мягкое благоуханіе цвѣтущихъ деревьевъ—глубокая тишина стояла кругомъ. Машинально

Марія слѣдила за солнечными пятнами на полу. Феликсъ не выпускалъ ея руки. Его руки были холодны и влажны, и это вызывало непріятное ощущеніе у Маріи. Иногда она прерывала молчаніе нѣсколькими словами, къ которымъ она должна была съ трудомъ принуждать себя.

— Тебѣ лучше, не правда ли?.. Ну вотъ, видишь!.. Не говори, не говори! Тебѣ нельзя говорить!.. А послѣ завтра тебѣ можно будетъ выйти въ садъ!

Онъ кивалъ головой и улыбался. Потомъ Марія начинала разсчитывать, когда можетъ пріѣхать Альфредъ. Завтра вечеромъ онъ можетъ быть здѣсь. Значитъ, еще одна ночь и одинъ день. Ахъ, если бы онъ былъ здѣсь!

Безконечно, безконечно тянулся вечеръ. Солнце исчезло, комната начала погружаться въ сумерки, но въ саду на деревьяхъ еще скользили золотые лучи. Вдругъ, въ ту минуту, когда она глядѣла въ окно, она услышала голосъ больного:

— Марія!

Она быстро повернула къ нему голову.

— Теперь мнѣ гораздо лучше,—сказалъ онъ громко.

— Ты не долженъ говорить громко,—ласково остановила она его.

— Гораздо лучше,—прошепталъ онъ.—На этотъ разъ сошло хорошо. Можетъ быть, это былъ кризисъ.

— Безъ сомнѣнія,—подтвердила она.

— Я надѣюсь на хорошій воздухъ. Но это не должно повторяться, иначе я не перенесу.

— Ты же видишь, что теперь ты вполнѣ хорошо себя чувствуешь.

— Ты молодецъ, Марія, благодарю тебя. Но будь внимательна ко мнѣ, будь внимательна!

— Неужели мнѣ надо напоминать объ этомъ,—сказала она тономъ легкаго упрека.

— Потому что,—продолжалъ онъ шопотомъ,—если я уйду отсюда, я возьму тебя съ собой.

Она вздрогнула и невольно схватила его обѣ руки. Онъ повторилъ тихо:

— Тогда я возьму тебя съ собой.

Смертельный ужасъ охватилъ ее, когда онъ произнесъ эти слова. И почему? Вѣдь онъ былъ слишкомъ слабъ для какого бы то ни было насилія. Она была теперь въ десять разъ сильнѣе его. О чемъ онъ могъ думать? Чего онъ искалъ глазами въ воздухѣ, на стѣнѣ, въ пространствѣ? Онъ не могъ подняться, и у него не было никакого оружія. Но, быть можетъ, ядъ! Онъ могъ добыть себѣ яду, быть можетъ, онъ держалъ его у себя и хотѣлъ всыпать въ ея стаканъ? Но гдѣ могъ онъ хранить его? Она сама помогала раздѣвать его. Можетъ быть, онъ спряталъ порошокъ въ карманъ пиджака? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Онъ произнесъ эти слова просто въ бреду или изъ желанія ее

помучить, не болѣе... Но если лихорадка могла вызвать такія мысли, то почему же и не дѣйствія? Быть можетъ, онъ хочетъ воспользоваться минутой, когда она заснетъ, чтобъ задушить ее. Для этого не нужно много силы. Она сейчасъ же лишится сознанія и будетъ беззащитна. О, она ни на мигъ не заснетъ сегодня ночью, а завтра здѣсь будетъ Альфредъ!

Вечеръ проходилъ, наступала ночь. Феликсъ не произносилъ больше ни слова, но зато и улыбка совершенно исчезла съ его губъ,—мрачно, сосредоточено смотрѣлъ онъ прямо передъ собой. Когда стемнѣло, женщина принесла свѣчи и предложила постелить постель рядомъ съ больнымъ. Марія сдѣлала ей рукой знакъ, что это не нужно. Феликсъ замѣтилъ.

— Почему же нѣтъ?—спросилъ онъ и сейчасъ же прибавилъ:—ты слишкомъ добра, Марія, ты должна лечь, я чувствую себя гораздо лучше.

Ей показалось, что въ этихъ словахъ прозвучала насмѣшка. Она не легла спать. Всю долгую молчаливую ночь просидѣла она у его кровати, не смыкая глазъ. Феликсъ почти все время лежалъ совершенно неподвижно. Иногда у нея являлась мысль, что онъ, быть можетъ, только представляется спящимъ, чтобъ усыпить ея подозрѣнія. Она ближе вглядывалась въ него, но колеблющійся свѣтъ свѣчи давалъ иллюзію какихъ-то подергиваній вокругъ губъ и вокругъ глазъ больного, которыя приводили ее въ ужасъ. Разъ она подошла къ окну и посмотрѣла въ садъ. Тамъ все тонуло въ голубоватомъ полусумракѣ, и, выглянувъ немного дальше въ окно, она замѣтила луну, плывшую надъ самыми деревьями. Не чувствовалось ни малѣйшаго движенія воздуха, и среди безконечной тишины и неподвижности, охватывавшей ее, ей казалось, что прутья рѣшетки медленно колебались взадъ и впередъ.

Послѣ полуночи Феликсъ проснулся. Марія поправила ему подушки и, по внезапному побужденію, ощупала, не спряталъ ли онъ что-нибудь между ними. И въ эту минуту въ самое ухо ей прозвучало:

— Я возьму тебя съ собой! Я возьму тебя съ собой!

Но неужели бы онъ сказалъ это, если бы у него, дѣйствительно было такое намѣреніе? Если бы онъ вообще былъ способенъ составить какой-нибудь планъ? Прежде всего ему пришла бы тогда мысль не выдавать себя. Съ ея стороны было настоящимъ ребячествомъ придавать значеніе безпорядочнымъ фантазіямъ больного. Сонъ сталъ овладѣвать ею, и она отодвинула кресло подальше отъ больного — на всякій случай. Но засыпать она все-таки не хотѣла. Только мысли ея утратили опредѣленность и изъ яснаго свѣта дня погрузились въ область смутныхъ грезъ. Изъ глубины сознанія выплыли воспоминанія, воспоминанія о дняхъ былого цвѣтущаго счастья. Воспоминанія о тѣхъ минутахъ, когда онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, и надъ

ними носилось вѣянье молодой весны. Теперь у нея было смутное ощущеніе, что благоуханіе сада не смѣетъ проникать въ эту комнату. Она должна подойти къ окну, чтобы ощутить его вѣянье. Отъ влажныхъ волосъ больного поднимались какія-то удушливыя испаренія, наполнявшія всю комнату. Ну и что же? И что же? Ахъ, если бы это все кончилось! Да, кончилось! Она не отступила передъ этой мыслью. Она напала на то слово, которое самому ужасному желанію придаетъ видъ лицемѣрнаго состраданія: «Скорѣй бы онъ освободился»... И что же тогда? Она увидѣла себя, сидящую въ саду на скамейкѣ подъ высокимъ деревомъ, блѣдную и заплаканную. Но эти признаки горя были только на ея лицѣ. Душа ея погрузилась въ блаженный покой, какого она давно-давно не испытывала. И она увидѣла, какъ эта блѣдная фигура подымается со скамейки, выходитъ на улицу и медленно удаляется отсюда. Тогда ей можно будетъ идти, куда она захочетъ.

Но среди этихъ грезъ она все-таки прислушивалась къ дыханію больного, прорывавшемуся иногда тяжелымъ стономъ. Наконецъ, медленно, какъ бы колеблясь, стало пробуждаться утро. При первомъ проблескѣ зари въ комнату заглянула экономка и ласково предложила Маріи смѣнить ее. Она съ радостью согласилась на это. Бросивъ бѣглый взглядъ на Феликса, она вышла въ сосѣднюю комнату, гдѣ удобный диванъ такъ и манилъ отдохнуть. Ахъ, какъ хорошо было здѣсь! Не раздѣваясь, бросилась она на него и сейчасъ же закрыла глаза.

Она проснулась долгое время спустя. Пріятный полумракъ окружалъ ее. Сквозь щели закрытыхъ ставень проникали длинные лучи солнца. Какъ только она подняла голову, она сразу вспомнила все. Сегодня долженъ пріѣхать Альфредъ! Съ этой мыслью она смѣлѣе смотрѣла навстрѣчу предстоящему дню. Безъ колебаній вошла она въ сосѣднюю комнату. Когда она открыла дверь, ее въ первую минуту ослѣпило бѣлоснѣжное одѣяло, покрывавшее постель больного. Вслѣдъ затѣмъ она замѣтила женщину, встававшую со стула, прижимая палецъ къ губамъ.

— Онъ крѣпко спитъ,—прошептала она и разсказала потомъ, что почти все время у него былъ бредъ и онъ нѣсколько разъ спрашивалъ про госпожу. Раннимъ утромъ заходилъ докторъ и нашелъ его въ томъ же положеніи. Она хотѣла тогда разбудить госпожу, но докторъ не позволилъ. Онъ обѣщалъ еще разъ зайти послѣ обѣда.

Марія внимательно слушала старушку, поблагодарила ее за заботы и заняла ея мѣсто.

День былъ теплый, почти душный. Близокъ былъ полдень. Прежде всего ей бросились въ глаза блѣдныя руки больного, лежавшія поверхъ одѣяла и изрѣдка вздрагивавшія. Подбородокъ его слегка опустился, губы были полуоткрыты, и лицо подернуто мертвенной блѣд-

ностью. Долгіе промежутки дыханія совсѣмъ не было слышно, потомъ оно вырывалось поверхностное, хриплое.

— Онъ умретъ, прежде чѣмъ пріѣдетъ Альфредъ, — промелькнула у Маріи мысль.

Теперь лицо Феликса снова пріобрѣло юношески-страдальческое выраженіе, въ немъ чувствовалась какъ бы усталость послѣ невыразимыхъ мученій, отказъ отъ безнадежной борьбы. Марія вдругъ поняла, что̀ такъ страшно измѣняло это лицо въ послѣднее время и что отсутствовало въ немъ въ это мгновеніе. Это была горечь, которая появлялась въ немъ, когда онъ смотрѣлъ на нее. Теперь, должно быть, въ его грезахъ не было ненависти, и лицо его снова стало прекраснымъ. Она хотѣла, чтобы онъ проснулся. Такой, какой онъ былъ сейчасъ, онъ снова возбуждалъ въ ней тяжелое горе, безграничный страхъ за него. Передъ ней снова былъ ея умирающій возлюбленный. Она сразу поняла все значеніе этого. Весь ужасъ надвигающагося на нее неизбѣжнаго, неумолимаго горя всталъ передъ нею, и она все поняла сердцемъ: что онъ былъ ея счастье, ея жизнь, и что она хотѣла умереть съ нимъ и что теперь приближается минута, когда все навѣки кончится. Холодъ, наполнявшій ея сердце, равнодушіе, владѣвшее ею послѣдніе дни, все слилось въ какой-то темный, непонятный туманъ и отошло отъ нея. А теперь, теперь все снова стало хорошо. Вѣдь, онъ еще живъ, онъ еще дышетъ, онъ, можетъ быть, видитъ сны. А тогда онъ будетъ лежать неподвижный, мертвый, его закопаютъ въ землю, и онъ будетъ лежать глубоко подъ землей на тихомъ кладбищѣ; однообразные дни будутъ проноситься надъ этимъ кладбищемъ, въ то время, какъ онъ будетъ разлагаться въ землѣ. А она будетъ жить, она останется среди людей, зная, что тамъ, въ безмолвной могилѣ лежитъ онъ, тотъ, кого она любила! Слезы неудержимо лились изъ ея глазъ, наконецъ, она не смогла удержать рыданій. Онъ пошевелился, и едва она успѣла провести платкомъ по лицу, какъ онъ открылъ глаза и съ нѣмымъ вопросомъ взглянулъ на нее. Черезъ нѣсколько минутъ онъ прошепталъ:

— Поди сюда!

Она поднялась со стула, наклонилась надъ нимъ, и онъ поднялъ руки, точно хотѣлъ обнять ее, но тотчасъ же онѣ снова опустились и онъ спросилъ:

— Ты плакала?

— Нѣтъ, — отвѣтила она быстро, отстраняя волосы, упавшіе ей на лобъ.

Онъ долгимъ, серьезнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее и отвернулся. Онъ, казалось, что-то обдумывалъ.

Марія подумала, слѣдуетъ ли говорить больному про телеграмму Альфреду. Нужно ли подготовить его къ этому? Нѣтъ, къ чему? Лучше всего ей самой представиться удивленной его пріѣздомъ. Весь осталь-

ной день прошелъ въ напряженномъ ожиданіи. Внѣшнія событія проходили мимо Маріи точно въ туманѣ. Скоро пришелъ вторично докторъ. Онъ нашелъ больного въ состояніи полнѣйшей апатіи, лишь изрѣдка пробуждался онъ отъ тяжелаго забытья и равнодушнымъ голосомъ спрашивалъ о чемъ-нибудь, освѣдомлялся, который часъ, просилъ воды. Экономка то входила, то уходила, Марія же весь день провела на креслѣ у постели больного. Изрѣдка только она вставала, стояла нѣсколько минутъ, облокотясь на спинку своего кресла, или подходила къ окну и смотрѣла, какъ тѣни деревьевъ постепенно удлинялись и, наконецъ, надъ дорогой и садомъ стали сгущаться сумерки. Насталъ душный вечеръ, свѣча на ночномъ столикѣ у изголовья больного горѣла почти не колеблясь. Только когда наступила глубокая ночь и надъ деревьями снова выплылъ мѣсяцъ, поднялся легкій вѣтеръ. Марія почувствовала себя свѣжѣе, когда онъ обвѣялъ ея разгоряченный лобъ, и больному, повидимому, онъ доставилъ облегченіе. Онъ повернулъ голову, посмотрѣлъ широко открытыми глазами на окно и глубоко, со стономъ вздохнулъ:

— А-ахъ!

Марія взяла его руку, свѣсившуюся съ кровати.

— Не хочешь ли ты чего-нибудь?

Онъ медленно отнялъ у нея руку и сказалъ:

— Поди сюда, Марія!

Она придвинулась ближе, склонилась головой къ самой его подушкѣ. Тогда онъ, какъ бы благословляя ее, положилъ руку на ея волосы и оставилъ ее такъ. Потомъ онъ тихо произнесъ:

— Благодарю тебя за всю твою любовь.

Она не поднимала головы съ подушки и чувствовала, что глаза ея снова наполняются слезами. Въ комнатѣ стало совсѣмъ тихо. Только издали прозвучалъ свистокъ проходящаго поѣзда. Потомъ снова сомкнулась надъ ними тишина душнаго лѣтняго вечера, тяжелая, сладкая, исполненная тайны. Вдругъ Феликсъ выпрямился на кровати такъ неожиданно, что Марія невольно испугалась. Она тоже поднялась съ подушки и посмотрѣла Феликсу прямо въ лицо. Онъ схватилъ обѣими руками ея голову, какъ онъ дѣлалъ раньше во время бурныхъ порывовъ нѣжности.

— Марія,—воскликнулъ онъ,—теперь я хочу напомнить тебѣ.

— О чемъ?—спросила она и хотѣла освободить голову изъ его рукъ. Но къ нему, казалось, вернулась вся его сила, онъ крѣпко сжималъ ея голову.

— Я хочу напомнить тебѣ твое обѣщаніе умереть со мной, — быстро проговорилъ онъ. При этихъ словахъ онъ близко придвинулся къ ней. Она чувствовала на своемъ лицѣ его дыханіе и не могла отодвинуться. Онъ говорилъ такъ близко къ ея губамъ, точно она должна была пить его слова.

— Я возьму тебя съ собой, я не хочу уходить одинъ. Я люблю тебя и не оставлю тебя здѣсь.

Страхъ совершенно парализовалъ ее. Хриплый, заглушенный крикъ вырвался изъ ея груди и странно прозвучалъ въ ея ушахъ. Голова ея была все еще неподвижна въ его рукахъ, онъ точно въ тискахъ сжималъ ея за щеки и за виски. Онъ продолжалъ говорить, а его горячее влажное дыханіе обжигало ее.

— Вмѣстѣ! Вмѣстѣ! Вѣдь это же было твое желаніе! Мнѣ страшно умирать одному. Ты согласна? Ты согласна?

Она ногой оттолкнула стоявшее за ней кресло и наконецъ точно изъ желѣзнаго кольца съ силой вырвала свою голову изъ его рукъ. Онъ все еще держалъ руки въ воздухѣ и смотрѣлъ на нихъ, точно не понималъ, что ея уже нѣтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — закричала она и бросилась къ дверямъ. — Я не хочу!

Онъ поднялся, точно хотѣлъ вскочить съ постели. Но силы оставили его и, какъ безжизненная масса, съ глухимъ стукомъ онъ упалъ назадъ на постель. Но она уже не видѣла этого, она распахнула дверь и черезъ сосѣднюю комнату бросилась къ выходу. Она не владѣла собой. Онъ хотѣлъ задушить ее! Она еще чувствовала его твердые пальцы на щекахъ, на вискахъ, на шеѣ. Она выбѣжала на крыльцо, никого не встрѣтивъ. Тутъ она вспомнила, что женщина ушла купить чего-то къ ужину. Что же ей дѣлать? Она снова бросилась въ домъ и черезъ заднюю комнату пробѣжала въ садъ. Она мчалась, точно слѣдомъ за ней гналась погоня. Только на противоположномъ концѣ сада его она остановилась и оглянулась назадъ. Ей было видно открытое окно той комнаты, изъ которой она только что выскочила. Она видѣла свѣтъ свѣчи, но больше ничего не могла разсмотрѣть. «Что тамъ происходитъ? Что тамъ происходитъ?» повторяла она про себя. Она не могла рѣшить, что ей дѣлать. Безцѣльно ходила она взадъ и впередъ мимо рѣшетки. Вдругъ въ головѣ ея промелькнула мысль: «Альфредъ! Онъ пріѣдетъ теперь! Онъ долженъ теперь пріѣхать!» Она посмотрѣла черезъ рѣшетку на дорогу, ведущую къ вокзалу. Потомъ она поспѣшила къ калиткѣ и открыла ее. Дорога бѣлѣла передъ ней, тихая и пустынная. Можетъ быть, онъ придетъ съ той стороны, по улицѣ. Нѣтъ, нѣтъ... вонъ тамъ приближается какая-то тѣнь, быстро, быстро подходитъ она все ближе, это фигура мужчины. Онъ ли это? Онъ ли это? Она бросилась навстрѣчу къ нему, не въ силахъ удержаться.

— Альфредъ!

— Это вы, Марія?

Да, это былъ онъ. Она едва не заплакала отъ радости. Ей хотѣлось поцѣловать его руку, когда онъ подошелъ къ ней.

— Что случилось?—спросилъ онъ.

Она, не отвѣчая, потянула его къ дому.

Одну минуту Феликсъ пролежалъ безъ движенія, потомъ онъ поднялся и оглянулся кругомъ. Ея не было, онъ былъ одинъ! Пронизывающій страхъ охватилъ его. Онъ сознавалъ одно, что она должна быть здѣсь, около него. Однимъ прыжкомъ онъ вскочилъ съ постели. Въ головѣ его шумѣло и стучало. Онъ схватился за стулъ и переступалъ, двигая его передъ собой.

— Марія, Марія!—бормоталъ онъ.—Я не хочу, я не могу умирать одинъ! Гдѣ же она? Гдѣ она могла быть?—Двигая стулъ передъ собой, онъ добрался до окна. Тамъ былъ садъ и надъ нимъ въ голубомъ сіяніи покоилась душная ночь. И какъ она вся звенѣла и дрожала! Какъ плясали всѣ цвѣты и деревья! О, это была весна, которая должна принести ему здоровье. Что за воздухъ, что за воздухъ! Если бы всегда вокругъ него вѣялъ этотъ воздухъ, онъ бы, конечно, выздоровѣлъ. А тамъ... что такое тамъ? Тамъ у рѣшетки въ концѣ сада виднѣлась женская фигура, облитая голубымъ луннымъ сіяніемъ. Она точно плыла и колыхалась, но не двигалась съ мѣста. Марія! Марія! А за нею мужская фигура. Марія и съ ней какой-то мужчина, большой, большой... И вдругъ рѣшетка заплясала, а за ней заплясало черное небо и все, все вокругъ. А издали доносились какіе-то звуки, какой-то звонъ, какое-то пѣніе, такое прекрасное, прекрасное. И потомъ сразу стало темно...

Марія и Альфредъ подбѣгали къ дому.

У окна Марія остановилась и со страхомъ заглянула въ комнату.

— Его нѣтъ тамъ!—вскричала она.—Кровать пуста!

Вдругъ она пронзительно вскрикнула и упала назадъ, на руки Альфреда. Онъ наклонился, тихонько опустилъ ее на землю и въ ту же минуту увидѣлъ за окномъ на полу своего друга въ бѣлой рубашкѣ, съ широко раскинутыми ногами, а рядомъ съ нимъ опрокинутый стулъ, спинку котораго онъ сжималъ рукой. Изо рта по подбородку медленно ползла густая струя крови. Губы какъ будто вздрагивали и вѣки также. Но когда Альфредъ вглядѣлся внимательнѣе, оказалось, что это былъ обманчивый лунный свѣтъ, скользившій по блѣдному лицу...

КОНЕЦЪ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг.

*(Продолженіе *).*

IV.

Критическая мысль двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ недовольная старыми литературными традиціями.—Требованіе народнаго и самобытнаго творчества.—Мнѣнія, высказанныя по этому вопросу Кюхельбекеромъ, Бестужевымъ, Сомовымъ, кн. Вяземскимъ, Веневитиновымъ, Кирѣевскимъ, Полевымъ и Надеждинымъ.

Годы, когда «Вечера на хуторѣ» создались и увидѣли свѣтъ, были въ исторіи нашего словеснаго творчества годами переходными: старыя литературныя традиціи падали, подорванныя и обезцѣненныя, а «новое», которое должно было заступить ихъ мѣсто, еще недостаточно окрѣпло и утвердилось. Въ критикѣ шелъ нескончаемый и придирчивый споръ объ этомъ «новомъ и старомъ», о заимствованномъ и народномъ, споръ о старикахъ, которымъ пора перестать поклоняться, и о современникахъ, которые обѣщаютъ много, но пока еще такъ мало сдѣлали.

Въ исторіи литературы, какъ и въ иныхъ областяхъ жизни, существуютъ, дѣйствительно, свои переходныя критическія эпохи. Долго царствовавшая традиція—традиція и содержанія, и формы, начинаетъ уступать подъ напоромъ новизны, и эта новизна, еще не систематизированная, не объясненная критически, но сильная сознаніемъ своей житейской правды, начинаетъ требовать для себя признанія и почета, который, конечно, ей приходится брать съ боя. Проводники этого «новаго», въ чемъ бы оно ни сказывалось, въ идеяхъ ли, въ чувствахъ, въ ихъ ли художественномъ выраженіи, или въ иномъ какомъ либо способѣ ихъ проведенія въ жизнь—бываютъ всегда слишкомъ прямолинейны и увлечены, чтобы быть справедливыми; имъ всегда кажется, что новое должно начинать собой новую эру, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно только видоизмѣняетъ старую, имъ кажется, что оно есть нѣчто само по себѣ существующее, а вовсе не обусловленное тѣмъ, съ чѣмъ оно такъ задорно воюетъ. Смерть традицій—таковъ общій смыслъ всѣхъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь 1902 г.

революціонныхъ переходныхъ эпохъ, и забвеніе, что покойникъ былъ нѣкогда живымъ человѣкомъ и въ жизни свое дѣло сдѣлалъ—одна изъ характерныхъ чертъ въ психологіи всѣхъ, кто торжествующему новому прокладываетъ дорогу. Жаль только, что смерть стараго не сразу обозначаетъ торжество новаго, а всего чаще разрѣшается въ состояніе двойственное, неопредѣленное, обильное всякаго рода несправедливостями. Такой періодъ неопредѣленности и неустойчивости во вкусахъ настроеніяхъ и сужденіяхъ, такой періодъ не всегда справедливыхъ нападокъ на старое переживала наша словесность въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда къ старому въ искусствѣ читатели стали охладѣвать, новое предчувствовали, но никакъ еще не могли договориться и условиться, въ чемъ именно должны заключаться его характерные признаки.

Что однако должны мы понимать подъ этимъ словомъ «старое», когда говоримъ о литературныхъ теченіяхъ того времени?

Обыкновенно подъ этимъ словомъ разумѣютъ традицію классицизма, нѣкогда столь могущественную у насъ и, безспорно, отражавшую недавнюю правду своего времени—времени внѣшняго лоска, эксплуатаціи чужихъ мыслей, насильно привитыхъ чувствъ и готовыхъ, напрокатъ взятыхъ, формъ и оборотовъ рѣчи. Но что осталось отъ этихъ классическихъ традицій къ 30-мъ годамъ? Мы этого покойника давно снесли въ могилу и даже забыли дорогу къ ней. Достаточно перелистать журналы того времени, чтобы увидать, какъ рѣдко мы тревожили тогда прахъ старыхъ писателей XVIII вѣка. Если кого изъ нихъ мы тогда вспоминали, то развѣ тѣхъ, которые—какъ, напр., Фонвизинъ или Державинъ — сумѣли отстоять свою самостоятельность вопреки господствующему литературному шаблону.

Къ писателямъ современнымъ, придерживавшимся старыхъ формъ и не переступившимъ за черту этого, совсѣмъ истрепаннаго, мнимо-классическаго міросозерцанія, относились мы тогда также очень равнодушно. Кто, въ самомъ дѣлѣ, принималъ тогда близко къ сердцу писанія и творенія Василія Пушкина, Владиміра Панаева, Михаила Дмитріева и другихъ? Для болѣе рьяныхъ критиковъ эти писатели служили удобной мишенью, стрѣляя въ которую, трудно было промахнуться, для менѣе задорныхъ они просто не существовали. Во всякомъ случаѣ старый классицизмъ, какъ литературная традиція и форма, былъ въ тридцатыхъ годахъ стариной совсѣмъ отпѣтой. Онъ никого не стѣснялъ своимъ присутствіемъ и не съ нимъ должна была сводить счеты та новизна, которая уже давала себя чувствовать.

Начиналъ умирать и другой классицизмъ, болѣе молодой годами и болѣе живой по темпераменту—классицизмъ, который въ двадцатыхъ годахъ пользовался большимъ почетомъ у молодого поколѣнія. Это былъ классицизмъ не чистой пробы, такъ какъ въ немъ была большая примѣсь совсѣмъ моднаго сентиментализма, а иногда и либерализма; но онъ

всетаки сохранялъ классическую внѣшность и старался поддѣлаться подъ тонъ Анакреонта, Тибулла, Горація и Овидія или—когда былъ болѣе серьезенъ — подъ тонъ Тацита, Ювенала и другихъ сатириковъ; нѣкогда подогрѣтый симпатіями всей пушкинской плеяды, онъ имѣлъ широкій кругъ поклонниковъ; къ тридцатымъ годамъ онъ растерялъ ихъ всѣхъ и влачилъ жалкое существованіе на страницахъ какихъ-нибудь второстепенныхъ альманаховъ. Свое дѣло онъ сдѣлалъ: не такъ давно далъ рядъ красивыхъ образовъ и готовыхъ мотивовъ для прославленія кипучей молодости и связаннаго съ ней свободомыслія, теперь и онъ вырождался въ настоящій реэстръ шаблонныхъ фразъ и словъ, которые пошли гулять по рукамъ разныхъ бездарныхъ передѣлывателей чужихъ пѣсенъ.

Если, такимъ образомъ, подновленное античное въ разныхъ его видахъ совсѣмъ отходило въ прошлое, то можно было думать, что тѣ литературныя направленія, которыя болѣе всего способствовали гибели этого классицизма, а именно—сентиментализмъ и романтизмъ—сохранятъ свою власть надъ нами. Дѣйствительно, эти западныя направленія, пущенныя у насъ въ оборотъ Карамзинымъ, Жуковскимъ и отчасти Пушкинымъ и его друзьями, имѣли въ двадцатыхъ годахъ на своей сторонѣ симпатіи почти всей читающей публики. Не было писателя, который не заплатилъ бы своей дани Оссіану, Скотту, Муру, Байрону, Шиллеру, Гёте, Шатобріану—вообще всѣмъ западнымъ авторитетамъ, который не пожелалъ бы такъ или иначе пересадить ихъ красоты на русскую почву или на ихъ ладъ передѣлать русскіе сюжеты.

Попытки такого пересажденія сентиментализма и романтизма оказали нашей литературѣ и обществу не малую услугу: они пустили въ оборотъ много новыхъ для насъ чувствъ и настроеній, не говоря уже о томъ, что они много способствовали утонченію нашего эстетическаго вкуса. Они служили также лучшими проводниками западныхъ идей и вообще ускорили наше духовное общеніе съ культурнымъ міромъ. Все говорило въ пользу того, что вліяніе этихъ двухъ литературныхъ направленій, и сентиментализма, и романтизма, будетъ весьма продолжительно, что мы не скоро исчерпаемъ ихъ содержаніе и не скоро пресытимся ими, но, несмотря на то, что мы, дѣйствительно, не исчерпали ихъ содержанія, а лишь поверхностно усвоили ихъ, наша критика тѣмъ не менѣе очень скоро стала этими настроеніями тяготиться и готова была и ихъ отчислить съ разрядъ «стараго», которое должно уступить мѣсто новому. Въ тридцатыхъ годахъ къ сентиментализму критика совсѣмъ охладѣла, Карамзинъ съ его школой отошли для нея въ прошлое, Жуковскаго она не переставала уважать, но увлекалась имъ сдержанно (да и самъ онъ сталъ писать мало), на нѣмецкій бурный романтизмъ и на байронизмъ, недавно столь головокружительный, стала смотрѣть косо, и если что еще сохраняло тогда для нея свое обаяніе, такъ это были общеміровые памятники

литературы, какъ, напр., поэмы Гомера, драмы Шекспира, поэма Мильтона, романы Гёте и его «Фаустъ», наконецъ, историческіе романы Вальтеръ-Скотта, т.-е. продолжало нравиться то, что стояло внѣ всякихъ литературныхъ школъ и тенденцій...

Наша критическая мысль опередила, такимъ образомъ, въ эти годы значительно нашу словесность, которая за весьма рѣдкими исключеніями, по прежнему продолжала слѣдовать традиціямъ сентиментальнымъ и романтическимъ. У критики была одна мысль, одно желаніе, которое она высказывала очень опредѣленно и рѣзко—это было желаніе имѣть національную, самобытную литературу, черпающую свое содержаніе и свою форму изъ русской народной жизни. Желаніе было вполнѣ законное, указывающее на сознательное отношеніе критической мысли къ недочетамъ текущей словесности; но вмѣстѣ съ тѣмъ это было желаніе трудно исполнимое, такъ какъ національное и самобытное въ нашей литературѣ въ тѣ годы еще совсѣмъ не окрѣпло, и мы переживали тогда, именно, переходный періодъ смѣшенія иноземнаго съ русскимъ, періодъ борьбы подражанія съ самобытнымъ, періодъ отрицанія этого подражанія безъ возможности замѣнить его сразу полетомъ вполнѣ оригинальной фантазіи. Какъ и слѣдовало ожидать, критика была невоздержана и несправедлива въ своихъ нападкахъ на недавнихъ кумировъ, была непослѣдовательна въ ихъ осужденіи и, наконецъ, была не совсѣмъ ясна въ своихъ требованіяхъ «новаго», которое она опредѣляла однимъ словомъ—«народность», пытаясь, но почти всегда безуспѣшно, выяснить, въ чемъ именно долженъ заключаться смыслъ этого таинственнаго слова.

Какъ бы то ни было, но въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда Гоголь выступалъ со своими первыми произведеніями—всѣ прежнія литературныя традиціи, и классическія, и сентиментальныя, и романтическія, были уже значительно подорваны критикой и для огромнаго большинства литературныхъ судей была ясна необходимость имѣть нѣчто свое, столь же совершенное и народное, какъ то, чему эти критики покланялись на западѣ. Что касается самой литературы, то, какъ мы сказали, она плохо отвѣчала на эти требованія критики и никакъ не могла взять вѣрнаго самобытнаго тона въ выборѣ и разработкѣ сюжетовъ. За исключеніемъ двухъ-трехъ писателей, на которыхъ были устремлены взоры всѣхъ, остальные пребывали все еще въ разныхъ ученическихъ классахъ, гдѣ писали не съ натуры, а съ образцовъ и моделей. Случалось иногда, что одно и то же лицо, было и критикомъ, и художникомъ и тогда, какъ, напр., у Полевого, Марлинскаго, Кюхельбекера — получалось странное противорѣчіе между тѣмъ, что творилъ писатель, и тѣмъ, что онъ думалъ о творчествѣ. Какъ художникъ, онъ оставался рабомъ традиціи западной, какъ критикъ, онъ продолжалъ распинаться за народность.

Прислушаемся же къ нѣкоторымъ голосамъ изъ этого лагеря кри-

тиковъ и тогда борьба между старымъ и новымъ, споръ заимствованнаго съ самобытнымъ и надежды возлагаемыя на «народность» обрисуются передъ нами очень ясно. Намъ необходимо подробно ознакомиться съ этими критическими взглядами, чтобы не возвращаться къ ихъ изложенію, когда ихъ суду подпадутъ произведенія Гоголя.

Еще въ серединѣ двадцатыхъ годовъ, т.-е. въ самый разгаръ подражанія иноземнымъ образцамъ сентиментальнаго и романтическаго типа, нѣкоторые, еще очень молодые, писатели стали опредѣленно требовать народныхъ, самобытныхъ сюжетовъ и національныхъ пріемовъ въ творчествѣ.

Изъ нихъ наиболѣе характерные, въ то время достаточно популярные, но затѣмъ быстро забытые критики, были Кюхельбекеръ—одинъ изъ редакторовъ альманаха «Мнемозина», Александръ Бестужевъ, редакторъ альманаха «Полярная Звѣзда», Веневитиновъ, членъ редакціи «Московскаго Вѣстника», Сомовъ—литературный обозрѣватель и князь Вяземскій—членъ редакціи «Московскаго Телеграфа».

Въ 1824 году была въ «Мнемозинѣ» напечатана статья Кюхельбекера «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе» *). Въ этой статьѣ авторъ резюмировалъ свои мысли, разсѣянныя въ разныхъ мелкихъ критическихъ замѣткахъ, которыя, начиная съ 1820 года, онъ печаталъ въ періодическихъ журналахъ Критикъ произносилъ очень суровое осужденіе господствующему въ русской литературѣ направленію. Онъ осуждалъ нашихъ поэтовъ за тотъ печальный минорный тонъ, который преобладалъ въ ихъ стихотвореніяхъ. Неистовая печаль не есть поэзія, говорилъ онъ, а бѣшенство. Скучно слушать разныхъ Ивановъ да Ѳедоровъ, которые намъ поютъ про свои несчастія. А кто отучилъ насъ понимать радость жизни и на нее откликаться? Это грѣхъ Жуковскаго, который сталъ подражать новѣйшимъ нѣмцамъ, преимущественно Шиллеру, и грѣхъ Батюшкова, который взялъ себѣ за образецъ двухъ пигмеевъ французской словесности—Парни и Мильвуа. Но больше всѣхъ виновата поэзія романтиковъ. Хороша была эта романтическая поэзія въ Провансѣ и у Данте, въ свое время; но теперь, что отъ нея осталось? Одинъ Гёте, пожалуй, удовлетворяетъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній ея требованіямъ, объ остальныхъ поэтахъ говорить не стоитъ; они почти всѣ подражатели, а наша русская романтика есть подражаніе—подражанію. Сила? гдѣ мы найдемъ ее въ большей части нашихъ мутныхъ, ничего не опредѣляющихъ, изнѣженныхъ, безцвѣтныхъ произведеніяхъ? Богатство и разнообразіе? Прочитайте любую элегію Жуковскаго, Пушкина или Баратынскаго, знаешь всѣ. Чувствъ у насъ уже давно нѣтъ: чувство унынія поглотило всѣ прочія. Чайльдъ-Гарольды насъ

*) «Мнемозина», II, 29—44.

одолѣли, и отчего все это? Оттого, что мы не рѣшаемся быть самобытными. Изъ богатаго и мощнаго русскаго слова, мы извлекаемъ небольшой, благопристойный, приторный, искусственно-тощій, приспособленный для немногихъ языкъ... Печатью народности ознаменованы всего лишь какіе-нибудь 80 стиховъ въ «Свѣтланѣ» и въ «Посланіи къ Воейкову» Жуковскаго, нѣкоторыя мелкія стихотворенія Катенина, два или три мѣста въ «Русланѣ и Людмилѣ» Пушкина. Будемъ благодарны Жуковскому за то, что онъ освободилъ насъ изъ-подъ ига французской словесности, отъ Лагарпа и Батте, но не позволимъ ни ему, ни кому другому наложить на насъ оковы нѣмецкаго или англійскаго владычества. Всего лучше имѣть поэзію народную, но ужъ если подражать, то надо знать кому, а у насъ художественный вкусъ настолько не развитъ, что мы не отличаемъ поэтовъ. Мы одинаково цѣнимъ великаго Гёте и недозрѣвшаго Шиллера, огромнаго Шекспира и однообразнаго Байрона... Мы благоговѣемъ передъ всякимъ нѣмцемъ или англичаниномъ. Не довольно присвоить сокровища иноплеменниковъ! Да создастся для славы Россіи поэзія истинно-русская! Да будетъ святая Русь не только въ гражданскомъ, но и въ нравственномъ мірѣ первой державой во вселенной! Вѣра праотцевъ, нравы отечественности, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя—лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей словесности. Станемъ надѣяться, что наши писатели сбросятъ съ себя поносныя цѣпи нѣмецкія и захотятъ быть русскими.

Статья Кюхельбекера—одного изъ самыхъ закоренѣлыхъ подражателей въ своемъ собственномъ творчествѣ — явленіе очень характерное; это—прямое порицаніе всему иноземному въ нашей словесности, даже тому, которое, какъ поэзія Шиллера или байронизмъ, пользовалось тогда огромной популярностью. Кюхельбекеръ недоволенъ уныніемъ, т.-е. одной изъ отличительныхъ и сильныхъ сторонъ тогдашняго романтизма; онъ давно отрекся отъ классическихъ традицій и требуетъ теперь отреченія отъ сентиментализма и романтизма западнаго во имя «народности», наступленіе которой онъ предчувствуетъ, но на готовыхъ примѣрахъ доказать и провѣрить не можетъ.

Въ этомъ же смыслѣ высказывался и его сверстникъ Александръ Бестужевъ — знаменитый впослѣдствіи Марлинскій — въ своихъ критическихъ обзорахъ текущей русской литературы, которые онъ печаталъ въ «Полярной Звѣздѣ».

Въ статьѣ «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи» *) Бестужевъ, нежелая, какъ издатель альманаха, ссориться съ писателями, наговорилъ кучу любезностей каждому изъ нихъ безъ различія школъ и направленій. Исполнивъ этотъ актъ приличія, онъ очень вѣжливо сталъ распространяться о причинахъ паденія нашей литера-

*) «Полярная Звѣзда» 1823 г.

туры (совсѣмъ непонятнаго «паденія» послѣ тѣхъ комплиментовъ, которыми онъ осыпалъ рѣшительно всѣхъ писателей). Онъ усмотрѣлъ ихъ въ изгнаніи родного языка изъ общества и въ равнодушіи прекраснаго пола (?) ко всему, что на этомъ языкѣ пишется. «Утѣшимся, говоритъ онъ, однако. Вкусъ публики какъ подземный ключъ стремится къ вышинѣ и время невидимо сѣетъ просвѣщеніе». Въ этихъ словахъ высказанъ только намекъ на то, что два года спустя съ большой силой было сказано въ томъ же альманахѣ—но уже ставшемъ на ноги и завоевавшемъ симпатіи публики и писателей.

«Мы воспитаны иноземцами, писалъ Бестужевъ въ статьѣ «Взглядъ на русскую словесность въ теченіи 1824 и началѣ 1825 года» *), — мы всосали съ молокомъ безнародность и удивленіе только къ чужому. Измѣряя свои произведенія исполинскою мѣрою чужихъ геніевъ, намъ свысока видится своя малость еще меньшею, и это чувство, не согрѣтое народной гордостью, вмѣсто того, чтобы возбудить рвеніе сотворить то, чего у насъ нѣтъ, старается унизить даже и то, что есть. Къ довершенію несчастія мы выросли на одной французской литературѣ, вовсе не сходной съ нравомъ русскаго народа, ни съ духомъ русскаго языка... Чтобы все выразить, надо все чувствовать; но развѣ не надобно всего чувствовать, чтобы все понимать? А мы слишкомъ безстрастны и слишкомъ лѣнивы и не довольно просвѣщены, чтобы и въ чужихъ авторахъ видѣть все высокое, оцѣнить все великое».

Замѣтивъ мимоходомъ, что мы начинаемъ уже чувствовать и мыслить, но пока еще ощупью, Бестужевъ выясняетъ значеніе критики у насъ вообще и, послѣ цѣлаго обвинительнаго акта противъ прозаичности нашей жизни, противъ безлюдья и ничтожества, онъ подробно останавливается на томъ, что болѣе всего лежитъ у него на сердцѣ—именно на вопросѣ о «подражаніи». «Насъ одолѣла страсть къ подражанію, пишетъ онъ; было время, что мы невпопадъ вздыхали по-стерновски, потомъ любезничали по французски, теперь залетѣли въ тридевятую даль по-нѣмецки. Когда же попадемъ мы въ свою колею? Когда будемъ писать прямо по-русски? Богъ вѣсть! До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, наша муза остается невѣстою-невидимкою. Конечно, можно утѣшиться тѣмъ, что мало потери—такъ и сякъ пишутъ сотни чужестранныхъ и междуусобныхъ подражателей; но я говорю для людей съ талантомъ, которые позволяютъ себя водить на помочахъ. Оглядываясь назадъ, можно вѣкъ назади остаться, ибо время съ каждой минутой разводитъ насъ съ образцами. При томъ, всѣ образцовыя дарованія носятъ на себѣ отпечатокъ не только народа, но вѣка и мѣста, гдѣ жили они—слѣдовательно, подражать имъ рабски въ другихъ обстоятельствахъ невозможно и неумѣстно. Творенія знаменитыхъ писателей должны быть только мѣрою достоинства нашихъ твореній...»

---

*) «Полярная Звѣзда» 1825 года.

Разсуждать такъ—было, конечно, не трудно, и критикъ зналъ, что теоретически онъ совершенно правъ, что лучше имѣть свое, чѣмъ подражать чужому. Но художнику эти замѣчанія критика, при всей ихъ убѣдительности, приносили мало пользы, такъ какъ заставить себя быть «народнымъ» художнику было невозможно: все зависѣло отъ степени таланта, но и кромѣ таланта нужна была еще школа и опытъ: наша-же культурная жизнь была еще слишкомъ молода, чтобы найти себѣ сразу оригинальную форму и самобытное отраженіе въ искусствѣ. Даже тѣ немногія талантливыя натуры, какъ, напр., Батюшковъ, Жуковскій, Крыловъ и Грибоѣдовъ, даже они, при всей силѣ ихъ дарованія, не сразу и не всегда могли освободиться отъ иноземнаго вліянія и русскую дѣйствительность изображали либо рѣдко, какъ напр., Батюшковъ и Жуковскій, либо не совсѣмъ по-русски, какъ напр., Крыловъ и Грибоѣдовъ. Когда же имъ удавалось взять вѣрный самобытный тонъ, нарисовать правдивую русскую картину нравовъ, какъ это иногда дѣлалъ Пушкинъ, то эта картина была такъ необычна, что критики сами не сразу научались цѣнить ее: такъ случилось, напр., съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ».

Тѣмъ не менѣе критика продолжала твердить свое и требовать «народности». Въ 1823 году появилась маленькая книжечка О. Сомова, небезызвѣстнаго тогда беллетриста; книжка была озаглавлена «О романтической поэзіи» *); на нее обратили мало вниманія, но она его заслуживала. Сомовъ былъ изъ числа первыхъ нашихъ беллетристовъ, которые въ своихъ разсказахъ старались разрабатывать матеріалъ народныхъ сказаній и повѣрій въ болѣе или менѣе реальной формѣ, т.-е. стремились сохранить ихъ колоритъ и наивность. Онъ принималъ эту народность близко къ сердцу и въ своей книжкѣ о романтизмѣ поставилъ себѣ цѣлью направить наше вниманіе на тѣ богатства, которыя кроются въ нашей старинѣ и которыми нужно воспользоваться именно въ интересахъ «народнаго» нашего романтизма, а отнюдь не того подражательнаго, который ничего не даетъ для русскаго читателя.

Французская поэзія суха и холодна, говорилъ Сомовъ, и даже среди пресловутыхъ французскихъ классиковъ есть только одинъ хорошій—Парни. Мы дѣлаемъ грубѣйшую ошибку, когда смѣшиваемъ классицизмъ французскій съ античнымъ. Античный классицимъ полонъ жизни и природа его разнообразна—это классицизмъ «народный», «мѣстный», согласный съ нравами и міросозерцаніемъ той страны, въ которой онъ родился; въ этомъ вся его свѣжесть и прелесть, которая отсутствуетъ во всѣхъ попыткахъ воскресить его. У старыхъ мастеровъ должно учиться, но подражать имъ не слѣдуетъ. Народной была и поэзія романтическая, въ тѣ годы, когда она пришла на смѣну классической; народной не

*) *О. Сомовъ*. «О романтической поэзіи. Опытъ въ трехъ статьяхъ». Спб. 1823 г. стр. 102.

перестаетъ она быть и въ наши дни въ тѣхъ странахъ, гдѣ она вытекла изъ жизни, гдѣ она развилась свободно. Словесность каждаго народа есть говорящая картина его нравовъ, обычаевъ и образа жизни—вотъ почему тщетны всѣ надежды возростить самобытную литературу на почвѣ подражанія, и мы русскіе должны наконецъ имѣть свою народную поэзію, въ которой бы отразились отличительныя черты характера нашей націи, какъ напр., твердость духа, безропотное повиновеніе законнымъ властямъ, радушное гостепріимство и т. д. Сомовъ указываетъ затѣмъ на богатство нашей миѳологіи, на разнообразіе нашей природы, на обиліе всякихъ красотъ въ нашей древней исторіи—все это затѣмъ, чтобы пристыдить насъ и упрекнуть за то, что мы небрежно проходимъ мимо своихъ богатствъ, заглядываясь на чужія. Заимствованіе и подражаніе къ добру насъ не приведутъ: и безъ того въ нашей словесности замѣтно цѣлое наводненіе унылыми элегіями; вездѣ встрѣчаешь унылыя мечты, желаніе неизвѣстнаго, утомленіе жизнью. Всѣ эти нѣмцеобразныя рапсодіи противны живому и пылкому русскому народу. Онъ долженъ же наконецъ сказать свое слово, и мы можемъ надѣяться: у насъ есть таланты, много обѣщающіе—таковъ юный Пушкинъ, въ вымыслахъ, языкѣ и выраженіи котораго уже раскрываются черты народныя.

Гораздо болѣе сдержанно, хотя въ этомъ же приблизительно духѣ, высказывался въ двадцатыхъ годахъ и князь Вяземскій въ своихъ критическихъ статейкахъ.

Сдержанность его тона и нѣкоторая недоговоренность въ его сужденіяхъ о подражаніи и «народности» объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что по своему воспитанію и образованію, самъ онъ былъ рѣдкимъ примѣромъ запоздавшаго классика, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ при широтѣ своего литературнаго образованія, лучше, чѣмъ кто-либо, понималъ, чѣмъ наша культура была обязана западнымъ литературнымъ теченіямъ. Вяземскій въ сущности былъ скорѣе историкъ, чѣмъ критикъ; для настоящаго критика у него не хватало темперамента, и слишкомъ трезвый и холодный разсудокъ уберегалъ его отъ крайностей, которыя въ разгарѣ борьбы не всегда бываютъ лишними. Онъ былъ живой свидѣтель исторіи развитія нашей словесности, начиная съ самыхъ первыхъ годовъ XIX вѣка, для него наши классики и сентименталисты были совсѣмъ родные люди, какъ позднѣе для него родными стали и молодые романтики двадцатыхъ годовъ, въ кругу которыхъ онъ—старшій годами—былъ принятъ на правахъ товарища. Рѣзко судить о нашемъ классицизмѣ и романтизмѣ онъ не могъ, въ силу его способности все понимать, во всемъ оттѣнять достоинство и на все смотрѣть спокойнымъ и уравновѣшеннымъ взглядомъ. Вотъ почему его критическія статьи, собранныя вмѣстѣ, и поражаютъ читателя нѣкоторой неопредѣленностью въ сужденіяхъ. Ласковое слово нашлось у него для всѣхъ: и для классиковъ XVIII вѣка, и для

сентименталистовъ Карамзина и Жуковскаго, и для классиковъ болѣе новой формаціи, какъ, напр., Озеровъ и Дмитріевъ, наконецъ, и для романтиковъ. Онъ симпатизировалъ имъ всѣмъ, правильно измѣряя историческую стоимость каждаго; и никогда у него не повернулся бы языкъ сказать, что Карамзинъ устарѣлъ, что Дмитріевъ плохая копія плохихъ оригиналовъ или что Жуковскій навредилъ нашей словесности слишкомъ безотчетнымъ преклоненіемъ передъ нѣмцами. Быть можетъ, въ душѣ Вяземскій все это и чувствовалъ, но извѣстная корректность XVIII-го вѣка не позволяла ему въ данномъ случаѣ оттѣнить свою мысль какъ бы слѣдовало. Впрочемъ, и ему иногда приходилось проговариваться и онъ тогда говорилъ приблизительно то же, что и другіе критики, но говорилъ какъ бы въ скобкахъ.

«О чемъ мы хлопочемъ, кого отстаиваемъ?» говоритъ онъ по поводу разгорѣвшагося у насъ спора между классиками и романтиками. «Имѣемъ ли мы литературу отечественную, уже пустившую глубокіе корни и ознаменованную многочисленными, превосходными плодами? До сей поры малое число хорошихъ писателей успѣли только дать нѣкоторый образъ нашему языку; но образъ литературы нашей еще не означился, не прорѣзался. Признаемся со смиреніемъ, но и съ надеждою: есть языкъ русскій, но нѣтъ еще словесности, достойнаго выраженія народа могучаго и мужественнаго *).

«Литература должна быть выраженіемъ характера и мнѣній народа», пишетъ онъ въ другой статьѣ. «Судя по книгамъ, которыя у насъ печатаются, можно заключить, что у насъ или нѣтъ литературы, или нѣтъ ни мнѣній, ни характера; но послѣдняго предположенія и допустить нельзя. Дайте намъ авторовъ, пробудите благородную дѣятельность въ людяхъ мыслящихъ и—читатели родятся. Они готовы; многіе изъ нихъ и вслушиваются, но ничего отъ насъ дослышаться не могутъ, и обращаются поневолѣ къ тѣмъ, кои не лепечутъ, а говорятъ. Бѣда въ томъ, что писатели наши выпускаютъ мало ходячихъ монетъ. Радуйтесь пока, что хотя иностранныя сочиненія находятся у насъ въ обращеніи; пользуясь ими, мы готовимся познавать цѣну и своихъ богатствъ, когда писатели наши будутъ бить, изъ отечественныхъ рудъ, монету для народнаго обихода» **).

Въ своей извѣстной статьѣ «Вмѣсто предисловія къ «Бахчисарайскому фонтану». Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской Стороны или съ Васильевскаго Острова» (1824)—князь Вяземскій беретъ на себя боевую роль защитника новизны въ литературѣ противъ старыхъ традицій. Въ данномъ случаѣ онъ подъ новизной

---

*) «О Кавказскомъ плѣнникѣ», повѣсти А. Пушкина. Полное собраніе сочиненій кн. *П. А. Вяземскаго*», I, 74—75.

**) «Замѣчаніе на краткое обозрѣніе русской литературы 1822 года». Полное собраніе сочиненій кн. *П. А. Вяземскаго*», I, 103.

разумѣлъ поэзію «романтическую». Вяземскій стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что всякая поэзія, не насаженная извнѣ, а вырастающая органически на своей почвѣ, среди своего народа—всегда поэзія самобытная, будь она классическая, какъ въ древности, или романтическая, какъ въ настоящее время, въ Европѣ. Народность въ словесности заключена не въ правилахъ, а въ чувствахъ. «Отпечатокъ народности, мѣстности—вотъ что составляетъ, можетъ быть, главное существеннѣйшее достоинство древности и утверждаетъ ея право на вниманіе потомства. Гомеръ, Горацій, Эсхилъ имѣютъ гораздо болѣе сродства и соотношенія съ главами романтической школы, чѣмъ съ своими холодными рабскими послѣдователями, кои силятся быть греками и римлянами заднимъ числомъ». Отсюда, повидимому, прямой выводъ, что подражать вообще никому не слѣдуетъ, ни старымъ, ни новымъ, и что современная романтическая литература русская, которую Вяземскій защищаетъ, также есть попытка быть заднимъ числомъ кѣмъ угодно, но только не самимъ собою. Вяземскій это понимаетъ, но принужденъ склониться передъ необходимостью. Онъ признаетъ, что мы, начиная съ Ломоносова, все только подражали, но что дѣлать, если пока нѣтъ своего? «Поэты современники наши, говоритъ онъ, не болѣе грѣшны поэтовъ предшественниковъ. Мы еще не имѣемъ русскаго покроя въ литературѣ; можетъ быть, его и не будетъ, потому что его нѣтъ; но, во всякомъ случаѣ, поэзія новѣйшая, такъ называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова или Хераскова, которую силятся выставить за классическую *)».

Взгляды Вяземскаго на народность, какъ видимъ, достаточно скептичны. Въ его словахъ нѣтъ обычнаго тогда крика: долой иностранцевъ и да здравствуетъ свое національное; и эта сдержанность вполнѣ понятна въ немъ—въ человѣкѣ съ весьма развитымъ и требовательнымъ вкусомъ, большой литературной опытностью и вообще крайне осторожнымъ умомъ. Но что самъ Вяземскій, предпочиталъ національное подражательному — въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; онъ только не хотѣлъ увеличиватѣ собою кругъ тѣхъ лицъ, которыя въ первыхъ росткахъ самобытной словесности готовы были видѣть уже осуществленіе своихъ ожиданій.

Полвѣка спустя, когда наша самобытная народная литература уже одержала побѣду надъ Европой, когда всякое подражаніе стало преданіемъ, Вяземскій въ 1876 году сдѣлалъ такую приписку къ одной изъ своихъ старыхъ критическихъ статей **), въ которой онъ разбиралъ вопросъ о романтизмѣ и классицизмѣ: «У насъ не было среднихъ вѣковъ, ни рыцарей, ни готическихъ зданій съ ихъ сумракомъ

*) «Полное собраніе сочиненій кн. *П. А. Вяземскаго*». I, 169.

**) «О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова». «Полное собраніе сочиненій кн. *П. А. Вяземскаго*», I, 57.

и своеобразнымъ отпечаткомъ, говорилъ онъ. Греки и римляне, грѣхъ сказать, не тяготѣли надъ нами. Мы болѣе слыхали о нихъ, чѣмъ водились съ ними. Но романтическое движенiе, разумѣется, увлекло и насъ. Мы въ подобныхъ случаяхъ очень легки на подъемъ. Тотчасъ образовались у насъ два войска, два стана; классики и романтики доходили до чернильной драки. Всего забавнѣе было то, что налицо не было ни настоящихъ классиковъ, ни настоящихъ романтиковъ: были одни подставные и самозванцы. Грѣшный человѣкъ, увлекся и я тогда разлившимся и мутнымъ потокомъ». Легко было такъ говорить о мутномъ потокѣ, когда онъ давно изсякъ, но въ двадцатыхъ годахъ, при желанiи имѣть свое «собственное» и при отсутствiи его, оставалось лишь кланяться направо и налѣво—и классикамъ, и романтикамъ, что̀ Вяземскiй и дѣлалъ, разсуждая вполнѣ правильно, что писатели этихъ обоихъ направленiй имѣли свои заслуги передъ нашей культурой.

Если Вяземскiй былъ такъ остороженъ, какъ третейскiй судья между «народностью» и подражанiемъ, то молодой его современникъ—Веневитиновъ былъ въ рѣшенiи этого вопроса выразителемъ самаго крайняго взгляда, какой можно только себѣ представить. Веневитиновъ былъ одаренъ большимъ критическимъ чутьемъ и то малое, что онъ успѣлъ сдѣлать (а онъ умеръ дадцати двухъ лѣтъ) показываетъ, какую большую умственную силу мы въ немъ потеряли. Но онъ былъ преимущественно философъ-метафизикъ и потому очень склоненъ къ обобщенiямъ. Мало углубляясь въ факты, онъ предпочиталъ оперировать съ самыми общими формулами. Такую общую формулу примѣнилъ онъ и къ вопросу о самобытности нашей духовной жизни, и къ вопросу о томъ, какъ оградить намъ себя отъ подражанiя. Мысли его заключены въ маленькой статейкѣ, въ которой онъ обсуждалъ планъ затѣяннаго имъ и его товарищами философскаго журнала.

«Какими силами подвигается Россiя къ цѣли просвѣщенiя?—спрашивалъ Веневитиновъ. Какой степени достигла она въ сравненiи съ другими народами на семъ поприщѣ, общемъ для всѣхъ? У всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщенiе развивалось изъ начала, такъ сказать, отечественнаго; ихъ произведенiя, достигая даже нѣкоторой степени совершенства и входя, слѣдственно, въ составъ всемiрныхъ прiобрѣтенiй ума, не теряли отличительнаго характера. Россiя все получила извнѣ; оттуда это чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ даръ не удивленiе, но раболѣпство; оттуда совершенное отсутствiе всякой свободы и истинной дѣятельности... мы воздвигли мнимое зданiе литературы безъ всякаго основанiя, безъ всякаго напряженiя внутренней силы; мы, какъ будто предназначенные противорѣчить исторiи словесности, мы получили форму литературы прежде самой ея существенности. Вотъ положенiе наше въ литературномъ мiрѣ—положенiе совершенно отрицательное. Что изъ того, что мода у насъ держится недолго? Давно ли сбивчивыя сужденiя

французовъ о философіи и искусствахъ почитались у насъ законами? И гдѣ же слѣды ихъ? Освобожденіе Россіи отъ условныхъ оковъ и отъ невѣжественной сомоувѣренности французовъ было бы торжествомъ ея, если бы оно было дѣломъ свободнаго разсудка; мы отбросили французскія правила, не отъ того, что мы могли ихъ опровергнуть какою-либо положительною системою; но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся. Такимъ образомъ правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Языкъ поэзіи обратился у насъ въ механизмъ, онъ сдѣлался орудіемъ безсилія, которое не можетъ себѣ дать отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка».

«При семъ нравственномъ положеніи Россіи, одно только средство представляется тому, кто пользу ея изберетъ цѣлью своихъ дѣйствій,— надобно бы совершенно остановить нынѣшній ходъ ея словесности и заставить ее болѣе думать, нежели производить».

Средство, какъ видимъ, радикальное, передъ неисполнимостью котораго Веневитиновъ, однако, не останавливается. «Надлежало бы, говоритъ онъ, нѣкоторымъ образомъ устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя происшествія въ литературномъ мірѣ, безполезно развлекающія ея вниманіе, и, опираясь на твердыя начала философіи, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой бы она видѣла свое собственное предназначеніе». Веневитиновъ рекомендуетъ для этого одно средство—философскій журналъ, который заставитъ насъ дѣйствовать собственнымъ умомъ, устранитъ насъ на время отъ настоящаго и, главное, сдѣлаетъ насъ самихъ предметомъ нашихъ разысканій. «Россія нуждается въ твердомъ основаніи изящныхъ наукъ и найдетъ сіе основаніе, сей залогъ своей самобытности, и, слѣдственно, своей нравственной свободы въ литературѣ, въ одной философіи, которая заставитъ ее развить свои силы и образовать систему мышленія» *).

Можно, конечно, только улыбнуться, читая, какъ этотъ восторженный философъ думалъ сразу остановить все развитіе нашей словесности и начать его вновь сначала, заставивъ нашу мысль предварительно пройти строгій и полный курсъ философія, но значеніе словъ Веневитинова отъ этого не убавится—они ясно указываютъ на то, какъ критическая мысль того времени опережала наше словесное творчество, какъ люди умные были недовольны опекой надъ нами иностраннаго, какъ, наконецъ, имъ хотѣлось имѣть свою самобытную словесность, которая могла бы состязаться съ западной. И все это писалось и говорилось въ тѣ годы, когда власть западныхъ литературныхъ теченій достигала въ на-

---

*) «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала». «Сочиненія *Д. В. Веневитинова*». Москва, 1831 г., II, 25—31.

шемъ словесномъ творчествѣ своего апогея. Ничѣмъ въ нашей литературѣ критика тогда не была довольна, и она была права не потому, что въ творчествѣ Жуковскаго, Пушкина, Языкова, Баратынскаго и другихъ не было ничего достойнаго восхваленія, а потому, что то, что этими художниками было создано, обѣщало въ дальнѣйшемъ оправданіе самыхъ смѣлыхъ надеждъ. Читая Жуковскаго, Пушкина и иныхъ, критикъ думалъ, какъ хорошо было бы, если бы эту силу употребить на разработку истиннонароднаго сюжета и истинно самобытнымъ способомъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ критика не менѣе настойчиво продолжала требовать все той же народности, и мысли самыхъ авторитетныхъ критиковъ, при рѣзкомъ несогласіи во многихъ вопросахъ, совпадали именно въ этомъ—въ желаніи имѣть какъ можно скорѣе литературу, выросшую на русской почвѣ, пропитанную русскимъ духомъ и разрабатывающую русскіе сюжеты. Въ этомъ были согласны три наиболѣе видныхъ литературныхъ судей начала 30-хъ годовъ—И. В. Кирѣевскій, редакторъ журнала «Европеецъ», Н. А. Полевой, редакторъ «Московскаго Телеграфа», и Н. И. Надеждинъ, редакторъ «Телескопа»—какъ видимъ, предсѣдатели всѣхъ главныхъ литературныхъ трибуналовъ того времени.

Взгляды Кирѣевскаго на назначеніе русской словесности тѣсно связаны съ его общими историко-философскими взглядами. Знаменитый нашъ славянофилъ былъ въ тридцатыхъ годахъ большимъ поклонникомъ Запада. Онъ стоялъ, въ интересахъ русскаго просвѣщенія, за наше тѣсное общеніе съ сосѣдями. Ему хотѣлось, чтобы китайская стѣна, которая отдѣляетъ Россію отъ Запада, скорѣе рушилась. Образованность наша должна возвыситься, говорилъ онъ, до европейской степени и наша обязанность содѣйствовать этому. Существуетъ одинъ важнѣйшій вопросъ для всѣхъ образованныхъ людей русскихъ: это вопросъ объ отношеніи русскаго просвѣщенія къ просвѣщенію остальной Европы; отъ его рѣшенія зависитъ вся совокупность нашихъ мыслей о Россіи, о будущей судьбѣ ея просвѣщенія и о нашемъ настоящемъ положеніи.

Кирѣевскій рѣшаетъ этотъ вопросъ не въ пользу тѣхъ лицъ, которыя говорятъ о просвѣщеніи національномъ, которыя не велятъ заимствовать и хотятъ возвратить насъ къ коренному и старинно-русскому. Все благоденствіе наше, думалъ Кирѣевскій, зависитъ отъ нашего просвѣщенія, а искать у насъ національнаго значитъ искать необразованнаго; не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возьмемъ мы его, если не изъ Европы? Повидимому, нашъ критикъ, оставаясь послѣдовательнымъ, долженъ былъ стать рѣшительно въ ряды сторонниковъ всякаго подражанія, въ томъ числѣ и литературнаго. Но мысль Кирѣевскаго нельзя понимать такъ просто. Онъ соглашается, что мы смѣшны, подражая иностранцамъ, но только потому, что подражаемъ неловко и не вполнѣ. Когда наше сближеніе съ Западомъ станетъ болѣе тѣсное, тогда

только и окажутся плодотворныя послѣдствія этого сближенія. Утратить своей національности намъ бояться нечего: наша религія, наши историческія воспоминанія, наше географическое положеніе, вся совокупность нашего быта столь отличны отъ остальной Европы, что намъ физически невозможно сдѣлаться ни французами, ни англичанами, ни нѣмцами. «До сихъ поръ національность наша была національность необразованная, грубая, китайски-неподвижная. Просвѣтить ее, возвысить, дать ей жизнь и силу развитія можетъ только вліяніе чужеземное; и такъ какъ до сихъ поръ все просвѣщеніе наше заимствовано извнѣ, такъ только извнѣ можемъ мы заимствовать его и теперь, и до тѣхъ поръ, покуда поравняемся съ остальною Европой. Тамъ, гдѣ *обще-европейское* совпадетъ съ нашею *особенностью*, тамъ родится просвѣщеніе истинно русское, образованно національное, твердое, живое, глубокое и богатое благодѣтельными послѣдствіями».

Мысль Кирѣевскаго стала теперь совсѣмъ ясна и для самолюбія нашего не обидна. Критикъ хочетъ сказать, что мы должны идти въ школу общечеловѣческую, усвоить себѣ все, что до насъ было сдѣлано въ области духа и, окончивъ, этотъ курсъ ученія, сочетать это «общее» съ тѣмъ «частнымъ», которымъ мы одарены отъ природы. Не чужое эхо должны мы изображать изъ себя, мы должны только обработать хорошо нашъ голосъ; теперь еще рано, но придетъ время, когда мы запоемъ свою пѣсню. А школа намъ пока не опасна, уже по одному тому, что въ настоящую минуту (т.-е. въ началѣ XIX вѣка) она учитъ очень хорошему.

А чему можетъ научить насъ современное просвѣщеніе Европы? спрашиваетъ Кирѣевскій, и на этотъ вопросъ у него есть отвѣтъ очень характерный и очень опредѣленный. Кирѣевскій начинаетъ съ того, что указываетъ, какъ вообще истинная поэзія въ его время на Западѣ пала, какъ *соотвѣтственность съ текущею минутою* стало первымъ требованіемъ, которое предъявляетъ общество писателю, какъ отъ этой погони за современностью понизился уровень творчества и какъ все указываетъ на то, что въ обществѣ начинаетъ преобладать исключительное стремленіе къ практической дѣятельности. Все это факты, повидимому, неутѣшительные, но Кирѣевскій изъ нихъ дѣлаетъ очень любопытный выводъ. «Неужели,—спрашиваетъ онъ,—въ этомъ стремленіи къ жизни дѣйствительной нѣтъ своей особенной поэзіи? Именно изъ того, что жизнь *вытѣснила* поэзію, должны мы заключить, что стремленіе къ жизни и къ поэзіи *сошлись* и что, слѣдовательно, часъ для поэта жизни наступилъ. То же сближеніе жизни съ развитіемъ человѣческаго духа наблюдается и во всѣхъ остальныхъ сферахъ духовной дѣятельности человѣка. И философія открываетъ теперь новую цѣль и прокладываетъ новую дорогу. Она стремится къ истинному познанію, положительному, живому, составляющему конечную цѣль всѣхъ требованій нашего ума, и это познаніе не заключается въ логическомъ

развитіи необходимыхъ законовъ нашего разума. Оно *внѣ* школьно-логическаго процесса, и потому *живое*; оно *выше* понятія вѣчной необходимости и потому *положительное*; оно существеннѣе математической отвлеченности, и потому *индивидуально-опредѣленное*, *историческое*. Это требованіе исторической существенности и положительности въ философіи сближаетъ весь кругъ умозрительныхъ наукъ съ жизнью и дѣйствительностью. То же стремленіе къ существенности, то же сближеніе духовной дѣятельности съ дѣйствительностью жизни замѣтно въ настоящее время и въ религіи. Всѣ самыя разнообразныя современныя религіозныя партіи, которыя въ такомъ множествѣ волнуются теперь по Европѣ и которыя не согласны между собой во всемъ остальномъ, всѣ однакоже въ одномъ сходятся: въ требованіи бóльшаго сближенія религіи съ жизнью людей и народовъ. Это сближеніе замѣтно и на всей европейской образованности. Вездѣ господствуетъ направленіе чисто практическое и дѣятельно положительное: дѣло беретъ верхъ надъ системой, сущность надъ формою, существенность надъ умозрѣніемъ. Человѣкъ нашего времени уже не смотритъ на жизнь, какъ на простое условіе развитія духовнаго; но видитъ въ ней вмѣстѣ и средство, и цѣль бытія, вершину и корень всѣхъ отраслей умственнаго и сердечнаго просвѣщенія. Ибо жизнь явилась ему существомъ разумнымъ и мыслящимъ, способнымъ понимать его и отвѣчать ему, какъ художнику Пигмаліону его одушевленная статуя».

«Въ наше время всѣ важнѣйшіе вопросы бытія и успѣха таятся въ опытахъ дѣйствительности и въ сочувствіи съ жизнью общечеловѣческой, говоритъ Кирѣевскій, уже обращаясь прямо къ поэту, а потому поэзія, не проникнутая существенностью, не можетъ имѣть вліянія довольно обширнаго на людей, ни довольно глубокаго на человѣка».

Если это такъ, то наше общеніе съ западнымъ просвѣщеніемъ въ данную минуту, чѣмъ оно будетъ тѣснѣе, тѣмъ для насъ полезнѣе. Мы научимся цѣнить дѣйствительность и существенность, мечтательность перестанетъ искажать правильность нашего взгляда на жизнь, мы въ угоду старинѣ не будемъ жертвовать настоящимъ и сентиментальное и романтическое отношеніе къ жизни уступятъ трезвому взгляду на нее.

«Мы должны всему этому учиться, чтобы готовиться къ той роли, которая намъ предстоитъ, а вся наша роль въ будущемъ, а не въ настоящемъ. Судьба Россіи заключается въ ея просвѣщеніи: оно есть условіе и источникъ всѣхъ благъ. Когда эти всѣ блага будутъ нашими, мы ими подѣлимся съ остальной Европой и весь долгъ нашъ заплатимъ ей сторицею. Пока мы можемъ спокойно усваивать себѣ умственныя богатства чужихъ странъ. Чужія мысли должны быть полезны только для развитія собственныхъ. Придетъ время, и мы будемъ имѣть и свою философію, которая должна будетъ развиться изъ нашей жизни, создасться изъ текущихъ вопросовъ, изъ господствую-

щихъ интересовъ *нашего* народнаго и частнаго быта. Когда и какъ, скажетъ время. Блестящее поприще открыто еще для русской дѣятельности; всѣ роды искусствъ, всѣ отрасли познаній еще остаются неусвоеннымъ нашему отечеству, намъ дано еще надѣяться... А пока надо учиться».

Таковы общіе взгляды молодого Кирѣевскаго, высказанныя имъ не всегда безъ противорѣчій на разныхъ страницахъ его критическихъ статей. Критикъ не систематизировалъ ихъ, но и въ этомъ разрозненномъ видѣ они показались нашей цензурѣ настолько оскорбительными для русскаго самолюбія, что она прикрыла журналъ, гдѣ они были напечатаны *).

Этими общими взглядами Кирѣевскаго опредѣляются и его сужденія о русской литературѣ. Заранѣе можно сказать, что къ этой литературѣ, живущей, главнымъ образомъ, насчетъ запада, онъ отнесется мягко, какъ къ ученику, который учится прилежно. Съ другой стороны, принимая во вниманіе его требованія, чтобы литература сближалась съ жизнью, и съ дѣйствительностью, нельзя ожидать отъ него милостиваго отношенія къ классическимъ, сентиментальнымъ и романтическимъ традиціямъ. Наконецъ, зная его мысли о великомъ будущемъ нашей родины, можно быть увѣреннымъ, что свой оптимизмъ онъ проявитъ и въ отношеніи къ русской словесности. Дѣйствительно, критика его въ общемъ очень мягкая: въ ней нѣтъ вызывающаго, насмѣшливаго, не говоримъ уже—ругательнаго тона, которымъ иногда злоупотребляли его современники, какъ, напр., Полевой и Надеждинъ. Стоитъ только просмотрѣть «Обозрѣнія русской словесности за 1829 и 1831 годъ», чтобы увидать, какъ Кирѣевскому непріятно сказать что-либо рѣзкое. Онъ для всѣхъ находитъ слова ободренія, въ комъ только видитъ искренное желаніе служить литературѣ. Но эта мягкость не мѣшаетъ ему критически отнестись даже въ лицамъ, къ которымъ онъ питалъ большое уваженіе, и еще строже не къ отдѣльнымъ лицамъ, а къ литературѣ вообще. Отдавая все должное заслугамъ Карамзина, онъ опредѣляетъ причины, почему образъ его мысли, нѣкогда для Россіи столь плодотворный, сталъ для насъ теперь неудовлетворительнымъ; онъ видитъ причину этой неудовлетворительности въ томъ, что идеальная, мечтательная сторона человѣческой жизни, которую преимущественно развиваетъ поэзія нѣмецкая, оставалась у насъ еще невыраженной; онъ указываетъ на то, что люди, которые начали воспитаніе мнѣніями карамзинскими, съ развитіемъ жизни увидѣли неполноту ихъ и чувствовали потребность новаго. Для молодой Россіи нуженъ былъ Жуковскій. Его поэзія, хотя совершенно оригинальная въ средоточіи своего бытія (въ любви къ прошедшему), была, однако

*) Всѣ эти взгляды взяты изъ разныхъ критическихъ статей Кирѣевскаго за періодъ отъ 1829—1830 г. См. «Полное собраніе сочиненій *И. В. Кирѣевскаго*», Москва. 1861 г. I, 72, 82, 83, 108—109, 67, 69, 71, 72, 137, 46, 33, 15.

же, мало оригинальна. Она передала намъ идеальность, которая составляетъ отличительный характеръ нѣмецкой жизни, и на этомъ роль ея кончилась. Лира Жуковскаго замолчала, но развитіе духа народнаго не могло остановиться. Народъ искалъ поэта. Народу необходимъ былъ наперсникъ, который бы сердцемъ отгадывалъ его внутреннюю жизнь, и въ восторженныхъ пѣсняхъ велъ дневникъ развитію господствующаго направленія, народу нуженъ былъ проводникъ народнаго самопознанія. И вотъ, явился Пушкинъ. «Въ его поэзіи совпалъ французскій сентиментализмъ съ нѣмецкимъ идеализмомъ и поэзія эта выражала собой стремленіе къ лучшей дѣйствительности. Сначала поэзія Пушкина была веселая, затѣмъ байронически разочарованная. Но въ обоихъ случаяхъ она выражала двѣ крайности. Между безотчетностью надежды и байроновскимъ скептицизмомъ есть однако середина: это—довѣренность въ судьбу и мысль, что сѣмена *желаннаго будущаго* заключены въ *дѣйствительности настоящаго*; что въ необходимости есть Провидѣніе; что если прихотливое созданіе мечты гибнетъ, какъ мечта, зато изъ совокупности существующаго должно образоваться лучшее прочное. Отгуда *уваженіе къ дѣйствительности*, составляющее средоточіе той степени умственнаго развитія, на которой теперь остановилось просвѣщеніе Европы и которая обнаруживается историческимъ направленіемъ всѣхъ отраслей человѣческаго бытія и духа».

И вотъ этого-то уваженія къ дѣйствительности, или, выражаясь проще, этого правдиваго реализма, Кирѣевскій и не находилъ въ современной словесности. Хоть критикъ и отстаивалъ самобытность Пушкина противъ обвиненій, которыя на него сыпались за его «подражаніе» Байрону, хоть онъ и утверждалъ, что Пушкинъ уже почувствовалъ силу дарованія самостоятельнаго, свободнаго отъ постороннихъ вліяній, но все-таки Пушкинъ въ его глазахъ еще не оправдалъ всѣхъ надеждъ, которыя Кирѣевскій возлагалъ на истиннаго «поэта жизни»; и даже послѣ хвалебнаго разбора «Бориса Годунова» нашъ критикъ замѣтилъ, что Пушкинъ выше своей публики, но что онъ былъ бы еще выше, если бы былъ общепонятнѣе. «Своевременность—говорилъ Кирѣевскій, столько же достоинство, сколько красота, и «Промеѳей» Эсхила въ наше время былъ бы анахронизмомъ, слѣдовательно ошибкой».

О литературѣ же нашей вообще, безъ примѣненія къ какой бы то ни было личности, Кирѣевскій говорилъ сурово. Общій характеръ всѣхъ первоклассныхъ стихотворцевъ нашихъ, а слѣдовательно, и характеръ нашей текущей словесности вообще, выражается въ сочетаніи «собственнаго» съ вліяніемъ шести чужеземныхъ поэтовъ: Гёте, Шиллера, Шекспира, Байрона, Мура и Мицкевича. Это добрый знакъ для будущаго, говоритъ Кирѣевскій. Но мы можемъ спросить, а для настоящаго? Очевидно, что даже въ отношеніи къ первоклассньмъ стихотворцамъ, Кирѣевскій объ этомъ настоящемъ былъ не особенно высокаго мнѣнія. Что же касается литературы вообще, какъ итога дѣятельности всѣхъ пишу-

щихъ, то нашъ критикъ видѣлъ въ ней нѣчто совсѣмъ не самобытное, а продуктъ соединеннаго вліянія почти всѣхъ словесностей. «Нѣмецкое и французское вліяніе у насъ господствуютъ, говорилъ онъ, замѣтно много мотивовъ Байрона и Оссіана, вліяютъ также и подражанія древнимъ, Италія имѣетъ среди насъ своихъ представителей въ видѣ Нелединскаго и Батюшкова. Все это живетъ вмѣстѣ, мѣшается, роднится, ссорится и обѣщаетъ литературѣ нашей характеръ многосторонній, когда добрый геній спасетъ ее отъ безхарактерности». Изъ словъ Кирѣевскаго, однако, видно, что пока еще такого добраго генія среди насъ не имѣется. «Будемъ же безпристрастны, говоритъ онъ, и сознаемся, что у насъ еще нѣтъ полнаго отраженія умственной жизни народа, у насъ еще нѣтъ литературы. Но утѣшимся, у насъ есть благо, залогъ всѣхъ другихъ: у насъ есть надежда и мысль о великомъ назначеніи нашего отечества! А пока всѣ движенія нашей словесности похожи на нестройныя движенія распеленатаго ребенка, движенія, однако, необходимыя для развитія силы, для будущей красоты и здоровья *)».

Таковы взгляды Кирѣевскаго на наше литературное движеніе того времени: все у насъ въ будущемъ, а въ настоящемъ только намеки. Настоящая народность еще должна появиться, и мы въ ожиданіи истиннаго «поэта нашей жизни».

Гораздо болѣе суроваго и язвительнаго судью, вооруженнаго далеко не такой глубокой мыслью, какъ Кирѣевскій, но съ языкомъ болѣе острымъ, нашла себѣ наша молодая словесность въ Н. А. Полевомъ. Положеніе его въ данномъ случаѣ было трудное; онъ былъ признанный и самый откровенный защитникъ «романтизма», т.-е. всего новаго въ западной словесности его времени. Его журналъ «Московскій Телеграфъ» былъ проводникомъ этого западнаго романтизма у насъ въ Россіи; всѣ самыя злыя статьи противъ враговъ романтики были написаны имъ и его сотрудниками и ему же пришлось теперь творить свой судъ и расправу надъ учениками тѣхъ самыхъ учителей, которымъ онъ поклонялся. Онъ это сдѣлалъ со свойственной ему откровенностью, выясняя значеніе западныхъ мастеровъ, защищая ихъ отъ разныхъ нелѣпыхъ нападокъ, которымъ они подвергались со стороны слишкомъ ярыхъ поборниковъ всего національнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ же былъ и свирѣпымъ гонителемъ всякаго подражанія. И у него, несмотря на его преклоненіе передъ западомъ, была завѣтная мысль о народной русской словесности, о «самобытномъ», которое онъ искалъ въ текущей словесности съ терпѣніемъ муравья и которое весьма неудачно стремился создать самъ въ своихъ повѣстяхъ и драмахъ.

Когда онъ говорилъ о старикахъ, о классикахъ, даже о сентименталистахъ, онъ, конечно, не испытывалъ никакого стѣсненія въ мысляхъ

*) Полное собраніе сочиненій *И. В. Кирѣевскаго* I, 22, 23, 24, 14, 94, 43, 38, 44, 19.

и рѣчи: они были его добычей, и онъ расправлялся съ ними жестоко и смѣло. Надобно было быть смѣлымъ, чтобы написать такую статью, которую онъ написалъ о Дмитріевѣ, въ годы, когда Дмитріевъ былъ настоящей литературной иконой. И Полевой попалъ вѣрно; старому классику было отведено подобающее мѣсто; судъ былъ произнесенъ не только надъ нимъ, но и надъ всѣми, кто съ нимъ во главѣ думалъ такъ неумѣло воскресить классическое въ XIX вѣкѣ. Полевой у Дмитріева отнялъ сразу право на званіе поэта, онъ же назвалъ его космополитомъ, въ твореніяхъ котораго нѣтъ ничего русскаго, ни по уму, ни по языку. Критикъ вышутилъ классическую литературную традицію, всѣхъ этихъ цыганокъ, восклицающихъ «Эвое!» въ Марьиной рощѣ, всѣхъ этихъ пернатыхъ сиренъ на Волгѣ, и онъ подъ своими шутками похоронилъ и маститаго старца Ивана Ивановича, и его родственника, продолжителя семейныхъ литературныхъ традицій—Михаила Александровича Дмитріева, надъ которымъ онъ издѣвался, какъ надъ мальчишкой *).

Въ сужденіяхъ о новыхъ писателяхъ романтикахъ приходилось конечно быть болѣе сдержаннымъ въ отзывахъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ были затронуты интересы самого критика. Онъ любилъ романтиковъ истинныхъ, западныхъ; когда Надеждинъ обрушился на нихъ своею тяжеловѣсною диссертаціей, Полевой поднялъ перчатку. Въ очень остроумной статьѣ, самой злой, какую онъ когда либо написалъ, сталъ онъ метать ядовитыя стрѣлы противъ своего врага и также попадалъ вѣрно. Мѣрить западныя литературныя теченія аршиномъ прописной морали и реторическаго патріотизма, какъ это дѣлалъ Надеждинъ—Полевой считалъ непорядочнымъ и неумнымъ пріемомъ со стороны критика. Онъ видѣлъ—и справедливо—нѣкоторую нечистоплотность въ частыхъ указаніяхъ Надеждина на французскую революцію, какъ на источникъ романтическаго настроенія, и полагалъ, что клеймить Байрона клеймомъ Каина надо предоставить кому угодно, но только не литератору **).

Съ горячностью отстаивая всѣхъ великихъ художниковъ романтической школы на западѣ, Полевой поглядывалъ однако очень косо на ихъ русскихъ учениковъ. Самый сильный изъ этихъ, учениковъ, съ которымъ Полевому пришлось сводить свои счеты былъ Жуковскій. Оцѣнить его поэзію вѣрно и безпристрастно, опредѣлить точно его значеніе для Россіи было въ тѣ времена очень трудно, какъ вообще трудно писать о живыхъ еще въ полномъ цвѣту находящихся писателяхъ, которыхъ нужно, однако, вдвинуть въ историческую перспективу.

*) Статьи: «Сочиненія И. И. Дмитріева» и «Стихотворенія Михаила Дмитріева». «Очерки русской литературы» *Н. Полевого*. Спб., 1839., II, 451—482, II, 439—447.

**) Статья «О началѣ, сущности и участи поэзіи, романтической называемой. Сочиненіе Н. Надеждина». «Очерки русской литературы». *Н. Полевого* II, 284—298.

Полевой не убоялся трудности, и статья его—лучшее, что *до сихъ поръ* написано о Жуковскомъ, и тотъ, кто въ наше время будетъ писать о Жуковскомъ, вѣроятно только подпишется подъ доброй половиной словъ Полевого. Статья справедливая, но строгая и выдержанная въ спокойномъ, для Полевого рѣдкомъ, ровномъ тонѣ. Она помимо цѣнности критическихъ взглядовъ, въ ней высказанныхъ, замѣчательна и по тому историческому взгляду, который проведенъ въ ней. «Въ наше время годами проживаютъ десятки лѣтъ — говоритъ критикъ. Духъ испытательности сорвалъ съ глазъ нашихъ всѣ повязки, развилъ въ душахъ нашихъ новыя, невѣданныя отцамъ нашимъ струны. Наступило и время суда надъ Жуковскимъ. Заслуги его велики и говоря о немъ, никогда не должно забывать, что мы теперь выросли и усвоили всѣ духовныя богатства запада. Чтобы судить Жуковскаго, надо быть и критикомъ, и историкомъ. Онъ явился среди насъ въ безцвѣтную эпоху нашей словесности. Онъ замыкалъ собою тотъ періодъ свѣтскости, любезности, невѣрныхъ, но положительныхъ понятій, періодъ сентиментальный и лощенный, когда не было различія между переводомъ и сочиненіемъ, не было слова о народности, когда никто не прислушивался къ родному голосу... Въ этотъ періодъ безцвѣтный и несамобытный, когда мы отъ кафтановъ переходили къ фракамъ, отъ Корнеля къ Дюсисамъ, когда единственнымъ лучшимъ памятникомъ вѣка, со всѣми признаками тогдашняго образованія, была «Исторія Государства Россійскаго» (!); когда самыя великія явленія Европы оставались неизвѣстными и никто объ этомъ не безпокоился; когда все было усыпано эпиграммами, мадригалами, акростихами, баснями, тріолетами, романсами, рондо, дистихами, которые писались на розовыхъ листочкахъ—въ это время явился на сцену Жуковскій и съ нимъ вмѣстѣ живое чувство и идеальный взглядъ на жизнь. Онъ сталъ у насъ проводникомъ не щегольской, а истинной меланхоліи, пѣвцомъ неопредѣленнаго, очень искренняго, но неглубокаго чувства, которое одушевляетъ лишь юношу мечтателя. И даже языкъ, на которомъ этотъ юноша изъяснялъ любовь свою чужестранкѣ, даже этотъ языкъ былъ невѣренъ, ошибоченъ, хотя и пламененъ. Жуковскій взялъ его у нѣмцевъ, да и самъ поэтъ очень скоро, послѣ краткой вспышки «собственной» поэзіи, превратился въ смиреннаго переводчика и подражателя. Ходъ развитія его идей остановился, онъ застылъ задумчивымъ мечтателемъ, любовникомъ всего прекраснаго въ мірѣ, безотчетно мечтающимъ о небѣ и недоступнымъ высокому міру фантазіи, какой развили для насъ питомцы Шекспира и философіи, германская и англійская новѣйшія музы. Однообразіе мысли Жуковскій замѣнялъ только разнообразною формою стиха. Какъ за двадцать лѣтъ не зналъ онъ національности русской, когда писалъ «Марьину рощу» и старался обрусить Ленору, такъ онъ и въ тридцатыхъ годахъ остался незнакомъ съ этой національностью, пересказывая на русскій

ладъ сказку Перро о спящей царевнѣ. Принято думать, что Жуковскій представитель современнаго романтизма. Это невѣрно; онъ былъ представителемъ только одной изъ идей его и міръ новаго романтизма проходилъ и проходитъ мимо его такъ, что онъ едва успѣваетъ схватить и разложить одинъ изъ лучей, какими этотъ романтизмъ осіялъ Европу. Чего же Жуковскому недоставало? Въ прозѣ идей; въ стихахъ глубины восторга, но звуки его были прелестны. Читая созданія Жуковскаго, вы не знаете: гдѣ родился онъ, гдѣ поетъ онъ? хочетъ ли онъ передать вамъ чужое, оно обращается въ его собственное собственныя же созданія Жуковскаго, напротивъ до такой степени *космополитны* въ мірѣ литературномъ, что едва отличите вы ихъ отъ переводовъ. При такомъ направленіи эта поэзія и не могла быть народной и народности нечего искать у Жуковскаго. Онъ живетъ духомъ не на землѣ и что ему въ положительныхъ земныхъ формахъ» *)

Произнеся такой строгій судъ надъ старикомъ, Полевой совсѣмъ иначе отнесся къ его великану наслѣднику. Въ одной изъ своихъ статей критикъ далъ цѣлый историческій очеркъ развитія творчества Пушкина. Онъ судилъ поэта, если не всегда вѣрно, то все-таки объективно. Онъ привѣтствовалъ «Руслана», какъ блестящее прекрасное начало, въ которомъ, хотя и не было тѣни народности, но зато были краски. Онъ ставилъ Пушкину въ заслугу, что онъ не увлекся тогдашнимъ классическимъ громкословіемъ и не замечтался въ блѣдныхъ подражаніяхъ Жуковскому. Положимъ, что свѣтское карамзинское образованіе тяготѣло надъ его дѣтствомъ, и Байронъ былъ игомъ его юности, но Пушкинъ отъ этихъ опекуновъ скоро избавился. Онъ заплатилъ, впрочемъ, довольно дорого за свое увлеченіе Байрономъ: блѣденъ и ничтоженъ былъ его «Кавказскій плѣнникъ», нерѣшительны его «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Цыгане» и легокъ «Евгеній Онѣгинъ»—русскій снимокъ съ лица Донъ-Жуанова, какъ кавказскій плѣнникъ и Алеко были снимками съ Чайльдъ-Гарольдова лица. Но съ каждымъ шагомъ Пушкинъ становился выше, самобытнѣе, разнообразнѣе и единство его генія прояснялось болѣе и болѣе. Ростъ его таланта всего яснѣе сказался на отдѣльныхъ пѣсняхъ «Евгенія Онѣгина». Первая глава пестра, безъ тѣней, насмѣшлива, почти лишена поэзіи; вторая впадаетъ въ мелкую сатиру, но въ третьей Татьяна уже есть идея поэтическая; четвертая облекаетъ ее еще болѣе увлекательными чертами; пятая—сонъ Татьяны—довершаетъ поэтическое очарованіе; въ шестой поэтъ снова впадаетъ въ тонъ насмѣшки, эпиграмму, и то-же слѣдуетъ въ седьмой, но поединокъ Ленскаго съ Онѣгинымъ искупаетъ все, а въ восьмой послѣднее изображеніе Татьяны показываетъ, какъ возмужалъ поэтъ семью годами.. Идея народности появляется наконецъ

*) Статья: «Баллады и повѣсти В. А. Жуковскаго». «Очерки русской литературы». *Н. П. Полевого*, I, 95—144.

въ «Полтавѣ», и Русь отзывается сквозь байроновскую оболочку даже въ «Братьяхъ Разбойникахъ». А сколько у Пушкина художественныхъ мелкихъ стихотвореній и сколько чисто народнаго въ его «Вступленіи къ Руслану», въ «Женихѣ» и «Утопленникѣ»! Пушкину не чуждо было и есть все, что волновало, двигало, тревожило нашъ разнообразный вѣкъ. Всего болѣе онъ подчинялся могуществу Байрона, но и другія силы романтизма ярко отражались на немъ: баллада испанская, нѣмецкая, поэзія восточная и библейская, эпопея и драма романтическая, разнообразіе юга и сѣвера вдохновляли его лиризмъ, стремящійся къ эпопеѣ и драмѣ. Все это, выражая характеръ современности, составляя характеръ Пушкина, должно было напослѣдокъ привести его къ драмѣ и роману. Романъ ему не удался, какъ прозаическое отдѣленіе, но онъ создалъ «Бориса Годунова», который удовлетворилъ бы всѣмъ условіямъ настоящей исторической и самобытной драмы, если бы Карамзинъ своимъ освѣщеніемъ эпохи Бориса не сбилъ поэта съ толку *).

Воздавъ такую хвалу Пушкину, Полевой остался все-таки при своемъ мнѣніи, что наша словесность пока еще переживаетъ періодъ младенчества. Въ своихъ фельетонахъ, которые онъ помѣщалъ въ «Телеграфѣ» подъ разными заглавіями и которые потомъ объединилъ въ шести томахъ «Новаго живописца общества и литературы», онъ, пользуясь правомъ не называть никого по имени, далъ цѣлый рядъ памфлетовъ, въ которыхъ осмѣивалъ нашу литературную братію того времени. Памфлетами были иногда и его критики въ самомъ журналѣ. Доставалось всѣмъ, и молодымъ, и старымъ, и доставалось главнымъ образомъ все за ту же страсть къ подражанію. Все прильнуло къ намъ снаружи, говорилъ онъ. Мнѣнія русскихъ классиковъ, какъ и русскихъ романтиковъ, представляютъ нелѣпую смѣсь, разнородную странную сложность противорѣчій. «Наши романтики большею частью показываютъ тоже дѣтство образованія, какое видимъ въ нашихъ классикахъ, дѣтство, повторяю, ибо все, что мы замѣчаемъ смѣшного въ тѣхъ и другихъ, совсѣмъ не доказываетъ, чтобы наши классики и романтики были злые люди и глупцы: нѣтъ, это недоученые дѣти, такъ какъ и наше русское (литературное) образованіе еще не вышло изъ пеленокъ и едва, едва ходитъ на помочахъ, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, схоластическихъ, всякихъ—только не самобытныхъ русскихъ **)». На нашемъ Парнассѣ толкутся—какъ говорилъ критикъ, разные Ѳеокритовы, Шолье-Андреевы, Гамлетовы, Анакреоновы, Обезьянины, Демишиллеровы ***), пишутъ они въ стихахъ и въ прозѣ—и

---

*) Статья «Борисъ Годуновъ» «Сочиненіе А. С. Пушкина. Очерки русской литературы» *Н. Полевого* I, 160—188.

**) «Очерки русской литературы» *Н. Полевого* II, 286, 288.

***) «Новый живописецъ общества и литературы». Москва, 1832 г., II, 181. «Поэтическая чепуха».

толку отъ нихъ никакого. Всѣ эти Талантины, Аріостовы, Оріенталины, Эпитетины, витаютъ мечтой, кто на востокѣ, кто на западѣ, кто любитъ пальму Ливанона, кто испанскій романсъ, кто Петрарку, кто Шиллера за его романсъ «Kennst du das Land», кто, наконецъ, бредитъ народностью и думаетъ, что будетъ истинно самобытенъ, если напишетъ романъ, въ которомъ Наполеона русская баба бьетъ башмакомъ и гдѣ у маршала Нея голодная кошка выхватываетъ жареную ворону... Чужое дано намъ, какъ образецъ; отчего же не составить планъ новой поэмы: основаніе взять изъ Гяура, дѣйствіе перенести на Кавказъ, началомъ сдѣлать разговоръ Ромео и Юліи, и потомъ ввести Миньону, похищенную черкесами? *).

Всего ядовитѣе и злѣе бывала шутка Полевого, когда онъ направлялъ ее противъ всевозможныхъ попытокъ молодой поэзіи создать насильственно во что бы то ни стало что нибудь «народное» и «самобытное». Эта «народность» была для самого Полевого вопросомъ больнымъ: онъ самъ изо всѣхъ силъ старался быть въ своемъ творчествѣ русскимъ по преимуществу и собственная неудача озлобляла его противъ другихъ—надо признаться не болѣе счастливыхъ—конкурентовъ.

Что онъ самъ понималъ подъ словомъ «народность», это изъ его рѣчей не вполнѣ ясно: само слово онъ произносилъ часто, обставлялъ его пышными эпитетами, но изъ его же собственной критической оцѣнки Пушкина мы могли видѣть, что онъ не всегда обладалъ этимъ чутьемъ народности. Одно не подлежитъ сомнѣнію: и онъ былъ недоволенъ направленіемъ текущей русской словесности и понималъ, что наше творчество—за исключеніемъ развѣ поэзіи Пушкина—расходится съ русской дѣйствительностью, вмѣсто того, чтобы съ нею сближаться. Продумавъ надъ этимъ вопросомъ много лѣтъ, онъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, уже послѣ Пушкина и послѣ выхода въ свѣтъ всѣхъ повѣстей Гоголя, пришелъ къ такому безотрадному выводу: «Народность бываетъ двоякая, писалъ онъ, всѣ народы испытываютъ первую—не всѣ достигаютъ до второй. Первая народность та, которую можно назвать дѣтскимъ возрастомъ каждаго народа. Климатъ, мѣстность, происхожденіе, обстоятельства придаютъ особенную физіономію самому дикому и первобытному обществу... Но есть и высшая народность; она не можетъ быть создана; она создается сама собою, какъ создаются сами собою, исторически, временемъ, изъ народовъ государства и изъ множества народныхъ жизней самобытная жизнь государственная. Стремясь къ сей цѣли, народы переходятъ періодъ подражанія чужеземцамъ—стараніе переработать въ свою самобытность хорошее чужое — и потомъ періодъ тщетныхъ усилій образовать систематически свою народность въ литературѣ... Мы русскіе, мы дошли до эпохи государственной на-

*) «Новый живописецъ общества и литературы», IV, 202—204. «Бесѣда у молодого литератора или старымъ бредитъ новизна».

родности и она создается у насъ трудами правительства и нашею исторіею, въ государственныхъ постановленіяхъ, нравахъ, обычаяхъ, законахъ, гдѣ всюду появляется русскій самобытный духъ добрый, сильный, православный. Но словесность наша едва только касается сего періода. Она только что перешла періодъ подражанія, кипитъ, какъ ключъ подъ землею, новою самобытностью, но ключъ еще не пробился на поверхность... Время, когда насильно стараются создать народную словесность, при высшей государственной гражданственности, представляетъ всегда усилія безплодныя и нерѣдко забавныя. Мы теперь находимся въ такомъ времени. Самая простая и обольстительная идея прежде всего бросается въ глаза: обратиться къ первобытной народной поэзіи. Но это все равно, что завернуть взрослаго въ пеленки и завязывать его покромками». И съ большой грустью Полевой заканчиваетъ свою статью словами: «И кто знаетъ будущее? оно такъ обманчиво: сколько было прекрасныхъ началъ, по которымъ мы ворожили счастье и богатство нашей словесности? А чѣмъ кончалось? скучнымъ ничтожествомъ» *).

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на будущее современникъ Полевого и его большой противникъ Н. И. Надеждинъ. Полевой былъ рыцарь романтизма, осужденный карать его слабыхъ адептовъ; Надеждинъ былъ защитникъ классицизма — воспитанный на немъ и ожидавшій отъ него спасенія для нашей юной словесности. Но какъ бы эти два критика ни ссорились, они сходились въ одномъ: въ недовольствѣ современнымъ имъ положеніемъ дѣлъ на литературномъ рынкѣ.

Критическіе взгляды Надеждина выражены очень ясно въ отрицательныхъ положеніяхъ и очень неопредѣленно и неясно въ положеніяхъ утвердительныхъ. Критикъ безъ стѣсненія, иногда даже неприлично, разноситъ своихъ враговъ, но когда ему приходится говорить о томъ, что онъ желалъ бы видѣть на мѣстѣ разрушеннаго, онъ теряется въ общихъ словахъ и мысль замѣняетъ патетической реторикой.

У Надеждина былъ одинъ непримиримый врагъ, это—современное ему западное романтическое движеніе и преимущественно его отраженіе во французскомъ романтизмѣ и байронизмѣ; къ нѣмцамъ онъ былъ болѣе снисходителенъ, хотя и поругивалъ Гете за его «Фауста». Но въ своей брани на романтизмъ онъ не зналъ границъ. Въ этой брани было кое-что и вѣрнаго, но въ общемъ она указывала на малое эстетическое пониманіе и развитіе критика.

«Романтизмъ въ настоящее время, разсуждалъ Надеждинъ, совершенный анахронизмъ. Беззаботное удальство, заставлявшее нѣ-

*) Статья «Чари». Сцены изъ народныхъ былей и разсказовъ малороссійскихъ «Очерки русской литературы», *Н. А. Полевого.* II, 483—487, 510.

когда рыцарей мыкаться по бѣлому свѣту и доискиваться приключеній, нынѣ возбуждаетъ не почтительное изумленіе, но улыбку сожалѣнія, если еще не презрѣнія. Тоскливыя жалобы и грустныя томленія безутѣшной мечтательности сами нагоняютъ тоску, и не вымаливаютъ привѣтный отзывъ изъ оглушаемаго ими сердца. Если человѣкъ нынѣ не такая уже неподвижная статуя, каковою представлялся онъ въ панорамѣ поэзіи классической, то, конечно, не такой же летучій змѣй — игралище буйныхъ вихрей необузданнаго произвола, носимое по безмѣрнымъ пустынямъ фантастическаго міра, каковымъ его изображала романтическая поэзія... Чтобы воскресить нынѣ эту поэзію, надлежало бы измѣнить весь настоящій порядокъ вещей и вовзвать къ жизни святую старину среднихъ вѣковъ, и право смѣшно заставлять теперь поэтическую фантазію безпрестанно скитаться со странствующими рыцарями по вертепамъ колдуновъ, страшилищъ и привидѣній, какъ безсмысленно и смѣшно принуждать ее вертѣться до упаду вокругъ Иліонскихъ стѣнъ и отпѣвать безконечную фамилію Атридовъ и Пріамидовъ... И зачѣмъ намъ все это, когда наше время значительно выше во всѣхъ смыслахъ временъ прошлыхъ? Человѣкъ классическій былъ покорный рабъ влеченія животной своей природы; человѣкъ романтическій былъ своенравный самовластитель движеній своей природы. И тамъ, и здѣсь упирался онъ въ крайности, или какъ невольникъ вещественной необходимости, или какъ игралище призраковъ собственнаго своего воображенія, но нашъ вѣкъ выше всего этого: онъ стремится къ соединенію сихъ двухъ крайностей чрезъ упроченіе,—освященіе узъ общественныхъ, и существенный характеръ періода, въ которомъ живемъ мы, это возвышеніе и просвѣтленіе гражданственности. Въ этомъ-то гражданскомъ смыслѣ и вреденъ нынѣ романтизмъ: самонравная покорность своимъ прихотямъ, мечтамъ и страстямъ, составлявшая душу временъ романтическихъ въ настоящее время есть преступное буйство; романтизмъ—славословіе порока и грѣха, онъ явная несправедливость и клевета на природу человѣческую, которая устроена такъ, что всѣ частные ея разногласія и перекоры спасаются во всеобщей гармоніи, какъ было. А что силится прославить современная романтика? Жалкія и отвратительныя судороги бытія: наша романтическая поэзія есть лобное мѣсто—настоящая торговая площадь. Мы охотнѣе позволимъ неподвижнымъ статуямъ, выписаннымъ изъ древняго міра, истязать слухъ нашъ чиннымъ разглагольствованіемъ, чѣмъ представлять взорамъ нашимъ жизнь человѣческую въ столь ужасныхъ конвульсіяхъ или со столь отвратительными гримасами. Это лжеромантическое неистовство способно совратить даже великаго генія. Примѣръ тому знаменитый Байронъ: онъ представляетъ плачевный примѣръ того всегубительнаго эгоизма, который, ярясь на все, добирается, наконецъ, до себя самого и истребивъ собственное бытіе, низвергается съ шумомъ въ мрачную бездну ничтожества. Онъ родственникъ

Вольтера, этого выродка подновленнаго фальшиваго классицизма. Байронъ и Вольтеръ—двѣ зловѣщія кометы, производившія и производящія доселѣ сильное и пагубное давленіе на вѣкъ свой и они, несмотря на ихъ видимое другъ отъ друга различіе, только отсвѣчиваютъ мрачное пламя одной и той же эсѳетической преисподней; британскій ненавистникъ показываетъ ужасный примѣръ души, которая, закатившись въ безпредѣльную бездну самой себя, обрушивается собственною тяжестью глубже и глубже до тѣхъ поръ, пока, оглушенная безпрерывнымъ риновеніемъ, ожесточается злобною лютостью противъ всего сущаго и изрыгаетъ собственное свое бытіе въ святотатскихъ хулахъ съ неистовыми проклятіями».

«Если таковъ самъ Байронъ, то что же сказать объ его подражателяхъ: объ этихъ весеннихъ мошкахъ, съ ихъ пискливыми жалобами и кислыми гримасами на все, не исключая своей человѣческой природы? О времена! о нравы! *)».

А кто опредѣлитъ сколько нанесла вреда эта романтическая поэзія намъ русскимъ? Мы теперь безъ ума отъ нея, и что же такое наша изящная словесность?

«Въ политическомъ состояніи отечества нашего все обстоитъ благополучно. Подъ благодатною сѣнью Промысла, при отеческихъ попеченіяхъ мудраго правительства, мать святая Русь исполинскими шагами приближается неукоснительно къ своему величію... Но наше просвѣщеніе и преимущественно наша литература, составляющая цвѣтъ народной образованности? Можно ли указать въ толпѣ безчисленныхъ метеоровъ, возгарающихся и блуждающихъ въ нашей литературной атмосферѣ, хоть одинъ, въ коемъ бы открывалось таинственное пареніе генія въ горнюю страну вѣчныхъ идеаловъ?—даромъ что мы перечитали всѣ нѣмецкія эсѳетическія теоріи о поэзіи. По сю пору, говоритъ критикъ, близорукій взоръ мой, преслѣдуя неизслѣдимыя орбиты хвостатыхъ и безхвостыхъ кометъ, кружащихся на нашемъ небосклонѣ, сквозь обливающій ихъ чадъ, могъ различить только то одно, что всѣ онѣ влекутся, силою собственнаго тяготѣнія, въ туманную бездну пустоты или въ страшный хаосъ».

«Нашъ Парнассъ не трудно спутать съ желтымъ домомъ. Богъ судья покойному Байрону. Его мрачный сплинъ заразилъ всю настоящую поэзію и преобразилъ ее изъ улыбающейся хариты въ окаменяющую медузу. Всѣ наши доморощенные стиходѣи, стяжавшіе себѣ лубочный дипломъ на имя поэтовъ, загудѣли à la Byron **)».

---

*) «О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи» (отрывокъ изъ диссертаціи *Н. И. Надеждина* 1830 г.) — перепечатано въ полномъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго. *С. А. Венгерова*, I, 501—511.

**) «Литературныя опасенія за будущій годъ». Статья *Н. И. Надеждина* 1828 г. Перепечатана у *Венгерова*. I, 455—465.

«Нельзя, конечно, отрицать, что сближеніе съ Европой принесло намъ великую неоцѣненную пользу; оно вдвинуло насъ въ составъ просвѣщеннаго міра, но за это мы заплатили весьма дорого; мы стали пересаживать къ себѣ цвѣты европейскаго просвѣщенія, не заботясь, глубоко-ль они пустятъ корни и надолго ли примутся. Это иногда удавалось: и отсюда тѣ блестящія, необыкновенныя явленія, кои изумляютъ наблюдательность, блуждающую въ пустыняхъ нашей словесности. Сіи явленія суть или переводы, или подражанія: они не самородныя русскія, хотя часто имѣютъ русское содержаніе и составлены изъ чисто русскаго матеріала. Такъ растенія иноземныя, лелѣемыя въ нашихъ садахъ, питаются русскимъ воздухомъ, сосутъ русскую почву, а все не русскія! Тяжело, а должно признаться, что доселѣ наша словесность была, если можно такъ выразиться, барщиной европейской; она обработывалась руками русскими не по русски; истощала свѣжія неистощимыя силы юнаго русскаго духа для воспитанія произрастеній чуждыхъ... Благодатный весенній возрастъ словесности, запечатлѣваемый у народовъ, развивающихся изъ самихъ себя, свободною естественностью и оригинальною самообразностью, у насъ, напротивъ, обреченъ былъ въ жертву рабскому подражанію и искусственной принужденности. Всѣ наши литературныя направленія весьма быстро выцвѣтали: отцвѣли Ломоносовъ и классицизмъ; Карамзинъ съ его незабудками, розами, горленками и мотыльками. Зазвучали серебряныя струны арфы Жуковскаго, настроенныя нѣмецкою мечтательною музою, и все бросилось подстраиваться подъ тонъ, имъ заданный: фантазія переселилась на кладбище, мертвецы и вѣдьмы потянулись страшною вереницею, и литература наша огласилась дикими завываніями, коихъ запоздалое эхо отдается еще нынѣ по временамъ въ мрачныхъ руинахъ «Московскаго Телеграфа». Новое броженіе, пробужденное своенравными капризами Пушкина, метавшагося изъ угла въ уголъ, угрожало также всеобщею эпидеміею, которая развѣялась собственной вѣтротлѣнностью. Кончилось тѣмъ, чѣмъ обыкновенно оканчивается всякое круженіе—утомленіемъ, охладѣніемъ, усыпленіемъ: литература онѣмѣла, подобно ратному полю, и минувшій годъ (1831) является молчаливымъ пустыннымъ кладбищемъ, на которомъ изрѣдка возникаютъ призраки усопшихъ воспоминаній *)».

Такова картина развитія нашей литературы, которую нарисовалъ такъ поспѣшно этотъ желчный критикъ, не углубляясь въ факты, не споря по существу, а держась лишь самыхъ общихъ мѣстъ и опредѣленій. Ученаго значенія эта критика, конечно, не имѣла, она была простымъ крикомъ недовольства на скудость реализма, правды и самобытности въ искусствѣ, крикомъ иногда совсѣмъ неприличнымъ, когда рѣчь

*) «Лѣтописи отечественной литературы». Статья *Н. И. Надеждина*, 1831 г., перепечатана у *Венгерова*, I, 527—529.

заходила о молодомъ Пушкинѣ, въ которомъ Надеждинъ видѣлъ главнаго виновника нашего байроническаго бѣснованія.

Что касается положительной стороны въ сужденіяхъ Надеждина, то она грѣшила большой неясностью. Прежде всего, полагалъ онъ, необходимо придумать что-нибудь, чтобы остановить этотъ потокъ романтизма, который грозитъ обратить нашу литературу въ грязную лужу, и Надеждинъ хотѣлъ вѣрить, что намъ въ данномъ случаѣ можетъ оказать большую помощь истинное классическое образованіе.

«Дѣйствительное и цѣлебное противоядіе романтизму, думалъ Надеждинъ, заключается въ возвращеніи къ тщательному и благоговѣйному изученію священныхъ памятниковъ классической древности: разумѣется, не въ поддѣльныхъ французскихъ слѣпкахъ, но въ самыхъ чистѣйшихъ оригинальныхъ источникахъ. Вездѣ и всегда изученіе классической древности поставлялось во главу угла умственнаго и нравственнаго образованія юношества, какъ первоначальная стихія развиваемой духовной жизни. Пусть въ этой правдѣ убѣдятъ насъ примѣры великихъ мужей, которыми хвалится наше время. Припомнимъ Клопштока, который любилъ классическую древность, Гёте, автора «Ифигеніи», Шиллера, который съ классическимъ міромъ былъ знакомъ гораздо раньше, чѣмъ познакомился съ Шекспиромъ. У грековъ и римлянъ должны мы учиться истинной поэзіи, и если мы этого не дѣлаемъ, то потому, что такое изученіе сопряжено съ большими трудностями и мы ихъ боимся». Надеждинъ понимаетъ, однако, что средство имъ рекомендуемое не вполнѣ современно и онъ спѣшитъ оговориться: онъ отнюдь не желаетъ вернуть нашу словесность къ старому, но ему хотѣлось бы, чтобы новая словесность представляла собою разумное сочетаніе романтическаго съ классическимъ; какъ «эти *полярныя* противоположности должны быть возведены къ *средоточному* единству»— на это у Надеждина, конечно, нѣтъ яснаго отвѣта, и мысль его, развивая этотъ взглядъ, окончательно теряется въ реторическихъ фигурахъ и въ разныхъ ничего не говорящихъ сравненіяхъ.

Но какова же собственно должна быть наша народная современная словесность и что такое эта желанная «народность», которая должна же наконецъ придти на смѣну тому литературному хаосу, который насъ окружаетъ?

«Судьбы, коими благодатное Провидѣніе ведетъ, питаетъ и раститъ колоссъ Россійскій, поистинѣ удивительны!—восклицалъ Надеждинъ. Уже вся Европа или лучше весь земной шаръ, осужденный быть благоговѣйнымъ свидѣтелемъ ея дивнаго могущества, величія и славы— объемлется трепетнымъ изумленіемъ. Не можетъ же такая страна не имѣть своей словесности, не можетъ же статься, чтобы живое сознаніе внутренней своей гармоніи она не изразила внѣшнимъ гармоническимъ пѣснопѣніемъ? Тѣмъ болѣе, что былъ же у насъ Ломоносовъ, по превосходству поэтъ русскій, въ коемъ его великій народъ пробудился къ

полному поэтическому сознанію самого себя, былъ же Державинъ, — второе око нашего поэтическаго міра, коимъ ни одна страна и ни одинъ вѣкъ не посовѣстились бы хвалиться, былъ и Жуковскій, но только не «пѣвецъ Свѣтланы», а «пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», въ коемъ столь торжественно гудитъ величественное эхо святой любви къ отечеству; была же у насъ и басня въ лицѣ Хемницера, Дмитріева и Крылова, ознаменованная печатью высочайшей народности — вѣстовщица духа и характера русскаго... Чудное и достойное великаго народа направленіе! И—о несчастіе! уже скудѣетъ сіе благородное стремленіе, гаснетъ сіе небесное пламя, умолкаетъ сія священная поэзія! Въ писателяхъ какъ будто перестаетъ течь кровь русская и они хотятъ быть только романтиками»!.. Но Надеждинъ былъ оптимистъ. «Святая Русь, говорилъ онъ, которая маніемъ Промысла предназначается разыгрывать первую роль въ новомъ дѣйствіи драмы судебъ человѣческихъ, создастъ свою поэзію. Эта поэзія придетъ на смѣну и классицизму и романтизму, набогатившись ихъ неистощимымъ богатствомъ, и муза наша воспрянетъ тогда къ живой и бодрой самодѣятельности»...

«Мало, конечно, можно надѣяться, но не должно и отчаяваться! Подождемъ внимательно, что принесетъ намъ поздній вечеръ»,—заканчиваетъ свою мысль Надеждинъ, какъ бы устыдившись своего слишкомъ громкаго патріотическаго «энеузіазма» *).

Но всѣми этими словами понятіе о «народности» въ литературѣ мало выяснялось, въ особенности со стороны эстетической, и самъ Надеждинъ, все время говоря объ искусствѣ, какъ будто не хотѣлъ съ этой точкой зрѣнія считаться, браня напропалую Пушкина. Въ 1831 году онъ, впрочемъ, значительно смягчилъ свой отзывъ. Сказавъ нѣсколько словъ ободренія такимъ писателямъ, какъ Орловъ, Гурьяновъ, Кузмичевъ съ братіею, которые «какъ самородная трава, на подобіе мха и плѣсени, стали пробиваться изъ чисто народной почвы», Надеждинъ замѣтилъ, что въ русской словесности близокъ долженъ быть поворотъ искусственнаго рабства и принужденія, въ которомъ они доселѣ не могли дышать свободно, къ естественности и къ народности. Залогъ этого онъ видѣлъ въ романахъ Загоскина, «въ коихъ русская народность выработана до идеальнаго изящества, въ «Марѳѣ Посадницѣ» Погодина, въ сказкахъ Жуковскаго и въ особенности въ «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина,—драмѣ, которая, по его отзыву, отличается глубокой народностью и особенно любопытна тѣмъ, что представляетъ сраженіе чистѣйшей національности содержанія съ строжайшею покорностью искуственной сценической формѣ **)»...

---

*) «О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи», статья *Н. И. Надеждина*, перепечатана у *Венгерова*, I, 517—524.

**) «Лѣтописи отечественной литературы. Отчетъ за 1831 г.», статья *Н. И. Надеждина*, перепечатана у *Венгерова*, I, 530, 531.

Таковы въ общихъ, самыхъ основныхъ положеніяхъ сужденія литературныхъ судей о наличности русской словесности ихъ времени.

Этотъ судъ надъ литературой былъ, какъ мы видимъ, не въ ея пользу. Изъ какихъ бы точекъ отправленія критики ни исходили въ своихъ сужденіяхъ, они совпадали въ конечномъ выводѣ. И этотъ выводъ можетъ быть формулированъ такъ: содержаніе и форма русской словесности не соотвѣтствуютъ тому положенію, которое Россія заняла среди иныхъ цивилизованныхъ націй міра и не соотвѣтствуютъ также тѣмъ національнымъ формамъ быта и тому національному смыслу, который, безспорно, заключенъ въ нашей народной и государственной жизни. Мы—нація съ физіономіей самобытной, нація, развивавшаяся иначе, чѣмъ другія, и уже имѣющая нѣкоторыя заслуги передъ культурнымъ міромъ, и тѣмъ не менѣе отраженіе нашей жизни въ искусствѣ до сихъ поръ было и остается пародіей искусства западнаго, несмотря на присутствіе среди насъ большихъ талантовъ, обѣщающихъ многое въ будущемъ. У насъ нѣтъ ни силы, ни умѣнья провести нашу національную идею въ нашемъ художественномъ творчествѣ, отлить ее въ самобытную форму: въ художникахъ нашихъ совсѣмъ еще не развито чутье «народности». Таковъ былъ приговоръ критики, приговоръ, долгое время подвергавшійся пересмотру и дополненіямъ,—источникъ размышленій и споровъ и для критиковъ позднѣйшихъ лѣтъ, и для самихъ художниковъ.

И развѣ Гоголь не былъ первымъ, безжалостно подчинившимъ свое вдохновеніе этому приговору? Развѣ его стремленіе выяснить себѣ особенности народнаго русскаго духа, осмыслить религіозное и нравственное содержаніе нашего быта и попытка облечь результатъ этихъ размышленій въ художественные образы — развѣ все это не было своего рода поисками «народности», той самой «народности», которую всѣ кругомъ него требовали отъ художника?

Слово было какъ будто бы ясное, всѣмъ родное, а между тѣмъ очень неопредѣленное, способное сбить и художника, и критика на невѣрную дорогу.

Дѣйствительно, въ томъ, что говорила критика о «народности» было много правды, но не мало и несправедливаго.

Несправедливо было, напр., отнимать у писателя право на званіе «народнаго» писателя только потому, что онъ бралъ свои сюжеты или форму своихъ произведеній у сосѣдей. Писатель могъ и подражать и все-таки оставаться народнымъ — какъ отдѣльное лицо, какъ продуктъ нашей культуры. Народенъ былъ и Батюшковъ, какъ выразитель чувствъ и настроеній цѣлаго опредѣленнаго кружка интеллигентныхъ «русскихъ» людей десятыхъ годовъ XIX вѣка; народенъ былъ и Жуковскій со всѣми его иноземными балладами, опять-таки какъ истолкователь думъ цѣлаго молодого поколѣнія, народенъ былъ Пушкинъ, русскій либералъ двадцатыхъ годовъ, почитывавшій Юве-

пала и Байрона; наконецъ, народными можно назвать и нашихъ классиковъ формацiи, какъ, напр., Дельвига, Языкова, Баратынскаго, Веневитинова, которые такъ часто поминали Парнассъ, Феба, Музъ, Бахуса, Хлою, Дафну и Аглаю, наядъ и дрiадъ, думая о своихъ друзьяхъ, своихъ литературныхъ бесѣдахъ, о дѣвицахъ, которыми плѣнялись, и о своихъ усадьбахъ. Эту «народность» въ подражанiи критика просмотрѣла, мало вникая въ психологiю поэта и слишкомъ придирчиво относясь къ внѣшней формѣ его рѣчей.

Въ смыслѣ, который тогдашняя критика придавала «народности», крылась еще и другая ошибка, или вѣрнѣе односторонность. Само слово «народность» заставляло и поэта, и критика, прежде всего, думать о «народѣ» и при томъ о простомъ народѣ, который, такимъ образомъ, являлся какъ бы единственнымъ носителемъ народныхъ традицiй. Критика какъ-то забывала, что слово «народность» можно и должно понимать въ смыслѣ болѣе широкомъ, что всѣ классы общества, даже съ простымъ народомъ разобщенные, все-таки «народны», какъ продуктъ органической нацiональной жизни; что всякая культура, даже заимствованная, никогда не заимствуется безъ измѣненiя, что она всегда претворяется, видоизмѣняется отъ перехода въ другую среду и что, такимъ образомъ, самый ревностный ученикъ вноситъ все-таки нѣчто свое въ слова учителя, которыя онъ вытвердилъ и повторяетъ. Критика тридцатыхъ годовъ эту «народность» совсѣмъ не оттѣняла и всегда указывала на бытъ простого народа, какъ на главный источникъ, откуда художникъ долженъ черпать свою рѣчь, свое вдохновенiе и сюжеты.

Такимъ образомъ была допущена одна большая ошибка: критика, сама того не замѣчая, толкала художника на открытую и легкую дорогу «фальшивой» народности. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть, конечно, никакого сомнѣнiя въ томъ, что народный бытъ, народные обряды, пѣсни, повѣрья, миѳы, легенды, вообще вся народная старина—самый лучшiй родникъ и хранитель того, что называется народнымъ «духомъ», народной оригинальностью. Несомнѣнно также, что въ старинѣ вообще больше «самобытнаго», чѣмъ во времени новомъ, когда нацiя успѣла уже болѣе или менѣе тѣсно сблизиться съ другими. Все это вѣрно, но напирать въ разсужденiяхъ о народности на возвратъ къ старинѣ, на изученiе и воспроизведенiе лишь стараго мiросозерцанiя и старыхъ чувствъ, хотя бы и очень оригинальныхъ, значило прививать художнику извѣстную тенденцiозность. Чтобы давать художнику такой совѣтъ, надобно было быть увѣреннымъ въ большомъ его художественномъ тактѣ, въ большой поэтической силѣ, въ его способности проникаться стариной, а не поддѣлываться подъ нее. На самомъ же дѣлѣ то литературное теченiе, которое критика такъ привѣтствовала, а именно разработка старыхъ народныхъ преданiй и воскресенiе исторической старины вообще — порождало лишь подражанiя не менѣе

*

опасныя для истинной «народности», чѣмъ подражанія иноземному. Художникъ корчилъ изъ себя «русскаго» — щеголялъ народными словами и оборотами, рядился въ національный костюмъ, воображалъ себя современникомъ то Владиміра Краснаго Солнышка, то царя Іоанна Грознаго, а на дѣлѣ оставался весьма посредственнымъ компиляторомъ. Между нимъ и народомъ была все та же пропасть, которую онъ напрасно хотѣлъ заполнить цвѣтами краснорѣчія. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ такая ложная народность благополучно процвѣтала и критика иной разъ сама не знала, что ей дѣлать съ этимъ растеніемъ, заглушающимъ литературную ниву, растеніемъ, которое она сама же выращивала.

Такимъ образомъ, когда Гоголь выступалъ со своими «Вечерами на хуторѣ», на нашемъ литературномъ рынкѣ вращалась цѣлая масса разнообразнѣйшихъ произведеній словесности, въ которыхъ идея «народности» была понята и выражена въ этомъ историко-археологическомъ и этнографическомъ смыслѣ. Существовали слабыя попытки историческихъ романовъ, были болѣе или менѣе удачные примѣры передѣлокъ русскихъ темъ на иностранный образецъ, была простая перелицовка старыхъ сказокъ и легендъ, были недурные образцы реставрированной старины, какъ, напр., двѣ-три пѣсенки Жуковскаго, Дельвига и Мерзлякова, были, наконецъ, какъ исключеніе, настоящіе перлы вродѣ сказокъ Пушкина и его «Бориса», но въ общемъ преобладалъ литературный хламъ и мусоръ—для развитія истинно-народной словесности, пожалуй, болѣе опасный, чѣмъ столь гонимая критикой тенденція прямого подражанія и списыванія съ западныхъ образцовъ.

«Вечера на хуторѣ» были однимъ изъ первыхъ и относительно удачныхъ откликовъ, которыми настоящій талантъ отозвался на требованіе «народности», понимаемой въ этомъ довольно узкомъ смыслѣ.

Въ одномъ, однако, тогдашняя критика была права, не безусловно, но все-таки права. Когда она говорила, что наша словесность не отражаетъ нашей «существенности», т.-е. дѣйствительности, и предпочитаетъ ей иные вѣка и бытъ иныхъ народовъ—критика констатировала безспорный фактъ, хотя при обрисовкѣ его и сгущала нѣсколько краски.

Въ этомъ смыслѣ въ нашей словесности того времени былъ дѣйствительно большой недостатокъ «народности», т.-е. наша *тогдашняя* жизнь не находила себѣ достаточно полнаго отраженія въ искусствѣ. Эта жизнь была очень сложна, очень пестра, характерна по разнообразію идей, чувствъ и настроеній, которыми жили разные классы и группы нашего общества, но о всемъ этомъ разнообразіи нельзя было себѣ составить и приблизительнаго понятія по наличному богатству литературныхъ памятниковъ.

Критика, отмѣчавшая это явленіе, была права въ своихъ жалобахъ.

по существу, хотя требованія, которыя она предъявляла нашей еще очень юной литературной жизни, были чрезмѣрны, а нападки критики на эту юную словесность были—какъ мы увидимъ—слишкомъ огульны: кое на что изъ «существенности» литература всетаки успѣла откликнуться, и то, что она уловила, было въ достаточной степени характерно для нашей тогдашней дѣйствительности. Критика просмотрѣла это малое, требуя многаго.

Мы должны быть болѣе внимательны, въ особенности если хотимъ выяснить, какова была въ данномъ случаѣ заслуга Гоголя. Онъ—поэтъ дѣйствительности, «истинный поэтъ жизни», котораго призывалъ Кирѣевскій—что нашелъ онъ уже свершеннымъ въ той области, въ которой былъ призванъ свершить многое?

Такъ ли въ самомъ дѣлѣ была тогда глуха литература къ явленіямъ современности, какъ мы привыкли думать? и такъ ли полно отразилъ эту современность самъ Гоголь—вмѣстѣ съ Пушкинымъ нашъ первый реалистъ въ искусствѣ?

А наша дѣйствительность тѣхъ лѣтъ могла по праву горевать о томъ, что было такъ мало художниковъ, ея достойныхъ.

Это была дѣйствительность, отливавшая самыми разнообразными оттѣнками мысли и чувства. Вѣкъ дѣятельный и тревожный, за которымъ слѣдовала эпоха сосредоточеннаго раздумья—иной разъ очень печальнаго. Вѣкъ броженія идей и подъема чувствъ, и годы замиренія и притиханія ума и сердца.

Эпоха Александра I могла въ особенности дать много матеріала и красокъ для историка, психолога и художника.

Въ кругахъ высшихъ были еще живы традиціи временъ Екатерины. Обломки этого царствованія еще сохраняли обаяніе старины и выдѣлялись среди новаго поколѣнія своей запоздалой оригинальностью. Люди стараго времени не играли уже никакой общественной и политической роли, но оставшіеся жить въ столицахъ или разсѣянные по усадьбамъ, отходили медленно въ прошлое, унося съ собою цѣлую отжившую культуру. Опустѣвшіе ряды пополнялись новыми лицами—той вольнодумной или вольнодумствующей аристократіей, которую такъ поощрялъ въ началѣ своего царствованья императоръ Александръ. Самъ онъ и всѣ, кого онъ приближалъ къ себѣ и которымъ довѣрялъ, составляли совсѣмъ особую интеллигентную группу, съ необычнымъ для тогдашней Россіи либеральнымъ міросозерцаніемъ на религіозной подкладкѣ, міросозерцаніемъ не стойкимъ и перемѣнчивымъ, а потому вдвойнѣ интереснымъ. Умственный и психическій міръ этихъ людей въ началѣ царствованія Александра и въ концѣ его могъ дать богатѣйшую пищу для наблюдателя, и тотъ же наблюдатель, столь восторженный въ 1801 году, не могъ не задуматься, когда около своего лю-

бимца увидалъ Аракчеева и его свиту. Сложность и пестрота этой жизни высшихъ классовъ усложнялась въ зависимости отъ того, протекала ли она въ столицѣ на службѣ, гдѣ нужно было умѣть плыть по вѣтру, или въ деревняхъ, гдѣ на свободѣ можно было отдаться болѣе спокойно своимъ симпатіямъ и продолжать подгонять русскую жизнь подъ иностранный образецъ или, наоборотъ, аффишировать даже до мелочей свою патріотическую и національную тенденцію.

Менѣе разнообразна, но не менѣе типична была военная среда того царствованія. Были здѣсь и военные екатерининскаго времени, болѣе свѣтскіе люди, чѣмъ воины, были питомцы павловскаго царствованія, люди суворовской школы, и, наконецъ, военная молодежь новѣйшей формаціи, столь много видавшая и столь многому научившаяся на западѣ, молодежь во многихъ своихъ представителяхъ либеральная, даже готовая ринуться въ политическую агитацію.

Это воинство съ честью вынесло на своихъ плечахъ всѣ трудности отечественной войны, шествіе его по всей Европѣ было шествіемъ тріумфальнымъ, и никогда не думало оно такъ много о самыхъ разнообразныхъ общественныхъ вопросахъ, какъ въ эти годы, когда цивилизованныя націи встрѣчали его, какъ своего избавителя, и все-таки давали этимъ избавителямъ понять, что они полуобразованные люди.

Удивительное разнообразіе типовъ и характеровъ можно было найти въ это царствованіе и въ слояхъ бюрократіи, готовящейся стать всесильной. Кто сможетъ исчислить всѣ эти оттѣнки общественной мысли, которая, начиная отъ полной косности и полной грубости въ низшихъ инстанціяхъ, восходила иногда до очень просвѣщенныхъ взглядовъ въ инстанціяхъ высшихъ, всего чаще, однако, смѣшивая и грубость, и просвѣщеніе, и невѣжество вмѣстѣ? Любопытная эта амальгама мѣнялась, проявлялась разно въ столицахъ, въ губернскихъ городахъ и въ глухой провинціи...

Пестро и типично было также интеллигентное общество тѣхъ годовъ, общество, въ составъ котораго входили люди разныхъ сословій, слоевъ и профессій... Условія благопріятствовали его развитію. Идеямъ религіознымъ, философскимъ, общественнымъ и политическимъ дарована была относительная свобода развитія, по крайней мѣрѣ, въ первую половину царствованія. Этой свободой интеллигентное общество широко воспользовалось. Въ ней можно было встрѣтить и старыхъ волтерьянцевъ, и читателей энциклопедіи, сентименталистовъ карамзинскаго типа, массоновъ, ревностно принявшихся за прерванную дѣятельность, мистиковъ и піэтистовъ разныхъ оттѣнковъ, настоящихъ сектантовъ отъ добрыхъ знакомыхъ Татариновой и Дубовицкаго до скопцовъ включительно, людей съ большимъ тяготѣніемъ къ католичеству, философовъ въ нѣмецкомъ стилѣ, учениковъ Шеллинга и натуръ-философіи, экономистовъ, ревностныхъ читателей Смита, свободомыслящихъ въ политическомъ смыслѣ, сторонниковъ конституціи, людей радикальнаго

образа мыслей, будущихъ декабристовъ и рядомъ съ ними ревнителей православія и самодержавія и, наконецъ, форменныхъ обскурантовъ, гонителей и гасителей науки и всякаго просвѣщенія. Всѣ эти люди высказывались довольно открыто и откровенно, говорили и дѣйствовали на виду, имѣя иногда къ своимъ услугамъ спеціальные органы печати.

Такой же пестротой взглядовъ отличалась и пишущая братія, составлявшая обширный кругъ литераторовъ въ разныхъ смыслахъ этого слова. По вышеизложеннымъ отзывамъ критики мы съ ними отчасти знакомы. Всѣ эти классики, сентименталисты, романтики, старики и молодежь, находились въ постоянномъ общеніи, перебранивались, договаривались, вновь ссорились, издавали цѣлыми группами журналы и альманахи, имѣли свои собранія и бесѣды, иногда съ признанными уставами и церемоніями, и опять-таки, что очень важно, могли на первыхъ порахъ говорить съ достаточной свободой.

Столько движенія было тогда въ жизни тѣхъ классовъ, которымъ матеріальное и общественное положеніе гарантировало извѣстную или полную самостоятельность. Особое разнообразіе въ эту и безъ того разнообразную толпу вносили женщины—по образованію, направленію ума и чувствъ болѣе сходныя между собой, чѣмъ мужчины, но, тѣмъ не менѣе, все-таки очень типичныя.

Если изъ этихъ привилегированныхъ классовъ мы спустились бы въ болѣе низкіе и темные слои общества, то и здѣсь, въ средѣ купеческой, мѣщанской, и наконецъ, крестьянской, мы могли бы натолкнуться на обильнѣйшій запасъ всевозможныхъ оригиналовъ, людей хотя и темныхъ, но не менѣе интересныхъ съ психологической точки зрѣнія, чѣмъ люди образованные. Богатство этихъ типовъ удесятерялось этнографическими условіями нашей обширной родины. Каждая національность, входящая въ составъ нашего государства, имѣла, въ особенности въ низшихъ слояхъ, свою характерную физіономію и могла обогатить яркими красками палитру любого художника.

Когда кончилось царствованіе Александра и послѣ тревожнаго декабрьскаго дня наступило новое царствованіе, оно отозвалось сразу и очень сильно на внутренемъ строѣ нашего общества и на его внѣшнемъ обликѣ. Нѣкоторыя теченія мысли и нѣкоторыя настроенія стали исчезать, замѣнялись другими, исчезать стали и нѣкоторые типы и зарождались новые. Къ началу тридцатыхъ годовъ эта перемѣна стала достаточно замѣтна. Религіозная, общественная и политическая мысль были приведены къ полному молчанію и исчезли совсѣмъ тѣ кружки и общества, которые служили проводниками этихъ мыслей въ царствованіе Александра. Большее однобразіе мысли установилось въ слояхъ военныхъ и бюрократическихъ и значительно понизился уровень серьозности въ журналистикѣ и литературѣ. Интеллигентное общество стало казаться болѣе однороднымъ по своимъ взглядамъ и вкусамъ, конечно, не потому, что оно стало однороднымъ, а потому, что

многое въ мысляхъ и чувствахъ не имѣло возможности всплыть наружу.

Появились и новые типы: зарождался и крѣпъ тотъ типъ разочарованнаго интеллигента, которому затѣмъ предстояла интересная будущность въ новое царствованіе; продолжалъ развиваться на университетской скамьѣ типъ сосредоточеннаго въ себѣ философа, который предпочитаетъ глядѣть вдаль или въ глубь самого себя, чтобы не озираться вокругъ, типъ въ общемъ пока смирнаго служителя науки, который однако скоро станетъ въ ряды оппозиціи; наконецъ, надъ этими частными типами сталъ возвышаться одинъ общій и въ военной, и въ чиновной сферѣ, собирательный типъ человѣка николаевскаго царствованія, для котораго дисциплина, послушаніе, исполнительность и трепетъ испытываемый и наговяемый, были первыми параграфами гражданской морали.

Всѣ эти видоизмѣненія произошли, конечно, не вдругъ, а постепенно, и сама метаморфоза была, пожалуй, болѣе интересна, чѣмъ тотъ результатъ, къ которому она приводила. Художникъ могъ бы имѣть въ ней тонкую канву для цѣлаго ряда психологическихъ этюдовъ.

А какъ же воспользовался всѣмъ этимъ матеріаломъ художникъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ? Онъ, свидѣтель царствованія Александра и свидѣтель первыхъ годовъ новаго царствованія, уловилъ ли онъ смыслъ или хотя бы только внѣшнюю форму того историческаго процесса, который передъ нимъ развернулся? Была ли критика права, когда упрекала его въ непониманіи дѣйствительности и въ нежеланіи изображать ее, могъ ли онъ отвѣтить ей, что и она слишкомъ невнимательно отнеслась къ тому, что онъ по мѣрѣ силъ своихъ сдѣлалъ?

На эти вопросы отвѣтить не трудно.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Н. Котляревскій.

НАУКА И ЖИЗНЬ.

(По поводу XI-го съѣзда естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ).

Наука—созданіе жизни, съ этимъ, конечно, должны быть согласны всѣ ученые.

Мысль о происхожденіи науки изъ жизни, о томъ, что наука есть символическое выраженіе накопленнаго опыта, наиболѣе ярко и точно выражена въ трудахъ физика Эрнеста Маха. Махъ доказываетъ, что наука и начало свое беретъ изъ жизненныхъ потребностей, и развивается на ихъ почвѣ. «Первыя свѣдѣнія о природѣ человѣкъ пріобрѣтаетъ полусознательно и непроизвольно. Онъ инстинктивно отражаетъ факты въ мысляхъ, представляетъ себѣ ихъ, дополняя быстро движущимися мыслями то, что даетъ ему медленный опытъ, и во всемъ этомъ руководствуется прежде всего своей матеріальной выгодой... Важнѣйшіе успѣхи достигались тогда, когда то, что инстинктивно сознавалось уже давно, удавалось облечь въ форму отчетливыхъ понятій, т.-е. въ такую форму, которая позволяла бы сообщать эти свѣдѣнія другимъ... Все это касается той почвы, на которой выростаетъ наука. Но развиваться она начинаетъ лишь въ обществѣ и въ особенности въ эпоху расцвѣта ремеслъ, когда является необходимость дѣлиться съ другими своимъ опытомъ. Тогда только является потребность отчетливо представлять себѣ важность и существенныя черты наблюдаемыхъ явленій для того, чтобы давать имъ наименованія и сообщать о нихъ другимъ. То, что мы называемъ обученіемъ, имѣетъ цѣлью только сбереженіе опыта одного человѣка посредствомъ опыта другаго» *). Вообще же, по мнѣнію Маха, наука есть систематическая символизація фактовъ міроваго опыта, ведущая къ экономіи мысли. «Мышленіе, говоритъ Махъ **),—пытаясь отразить богатую жизнь вселенной, жизнь, лишь маленькою частью которой является оно само, и исчерпать которую у него не можетъ быть никакой надежды, вынуждено пользоваться для этого своими ограниченными средствами, и потому имѣетъ основаніе экономно расходовать свои силы». Первоначально знанія являются

---

*) Д-ръ Э. Махъ. «Научно-популярные очерки». Переводъ А. А. Мейера. 1901 г. Выпускъ I, стр. 29—31.

**) Ibid. стр. 27—56.

результатомъ «экономіи» самосохраненія. Благодаря сообщенію, опыты *многихъ* индивидовъ, опыты, которые въ свое время, дѣйствительно, должны были быть произведенными, становятся достояніемъ одного. Потребность отдѣльнаго лица овладѣть всею суммою опыта съ наименьшей тратой умственныхъ силъ служитъ, наряду съ сообщеніемъ, побужденіемъ къ экономическому упорядоченію. Но этимъ и исчерпывается всемогущество науки, представляющееся столь загадочнымъ. Въ частности она не можетъ дать намъ ничего, чего не могъ бы узнать каждый въ достаточно продолжительное время, не пользуясь никакимъ методомъ... Наука увеличиваетъ производительность умственной работы тѣмъ, что даетъ намъ уже испытанные методы мышленія и объединенныя данныя нашего опыта. Такимъ образомъ, прогрессомъ науки является постепенное приспособленіе къ все возрастающему коллективному опыту».

Итакъ, наука—дочь жизни и опыта, вѣчно ими обновляемая и совершенствуемая.

Порой кажется, что наука живетъ самостоятельной жизнью. Герцъ говоритъ объ электромагнитной теоріи свѣта Максвеля, что «при изученіи ея, по временамъ, испытываешь чувство какъ будто въ математическихъ формулахъ есть самостотельная жизнь, какъ будто онѣ умнѣе насъ, умнѣе даже своего автора, какъ будто онѣ даютъ намъ больше, чѣмъ въ свое время было въ нихъ вложено» *).

Махъ прекрасно объясняетъ эту кажущуюся самостоятельность. «Кто занимается математикой,—говоритъ онъ **),—тѣмъ иногда можетъ овладѣвать непріятное чувство, какъ будто его наука, даже его карандашъ, превосходятъ его умомъ. Отдѣлаться отъ такого впечатлѣнія не всегда былъ въ состояніи даже великій Эйлеръ, какъ онъ самъ сознается въ этомъ. Чувство это до извѣсной степени законно, если принять во вниманіе, какъ много чужихъ мыслей, часто насчитывающихъ за собой столѣтія существованія, находятся въ нашемъ распоряженіи и какъ легко мы ими оперируемъ. Этотъ умъ является для насъ отчасти *чужимъ*».

Такимъ образомъ, въ математическихъ формулахъ Максвеля Герцъ, дѣйствительно, могъ видѣть «жизнь», но то была не «самостоятельная» жизнь, а жизнь прошлыхъ тысячелѣтій, и авторомъ этихъ формулъ былъ не одинъ Максвелль, а милліоны ранѣе жившихъ, или лучше сказать, милліоны ранѣе жившихъ дали возможность Максвелю стать авторомъ электромагнитной теоріи свѣта. Въ одномъ Герцъ ошибался, что эти формулы даютъ «болѣе, чѣмъ въ свое время было въ нихъ вложено»; больше того, что вложили въ эти символы создавшіе ихъ милліоны и Максвель въ томъ числѣ, они дать не мо-

*) Цитирую по Столѣтову: «Общедоступныя лекціи и рѣчи».

**) Ibid., стр. 35.

гутъ, они только выражаютъ весь предшествовавшій опытъ въ болѣе удобной, болѣе экономной и болѣе общей формѣ.

Это—полезная и, если хотите, этическая мысль о неразрывной связи науки и жизни. Она значительно опускаетъ пьедесталы людей, мнящихъ, что они занимаются «чистой» наукой, и нѣсколько приподнимаетъ простыхъ смертныхъ, тѣхъ изъ нихъ, конечно, которые не о хлѣбѣ единомъ живы, а мыслятъ и стремятся къ тому, что зовется истиной. Такая переоцѣнка будетъ, по нашему мнѣнію, только способствовать прогрессу науки.

«Чистая» наука, «чистое» знаніе—какія важныя и пустыя слова! Чистая, значитъ,—безпримѣсная наука. Но какія же примѣси могутъ быть въ наукѣ и не превратить ее въ шарлатанство?! «Hier ist der Hund begraben». «Примѣси» жизни боится «чистая» наука, какъ и «чистое» искусство. Сами вышедшія изъ жизни, они боятся, какъ бы новые пришлецы, новыя дѣти великой матери не заставили ихъ уступить имъ мѣсто. Жрецы «чистой» науки забыли о низкомъ происхожденіи своей богини, забыли о томъ, что наука, строго говоря, всегда была прикладной, всегда являлась слѣдствіемъ запросовъ жизни, что самостоятельность ея всегда была только кажущейся, какъ самостоятельность формулъ Максвеля. Математику породила потребность въ болѣе «экономномъ» мышленіи, геологію преимущества каменнаго топора предъ дубиной и, конечно, еще многія другія вещи, астрономія вышла изъ волнъ разлившагося Нила.

И если потомъ наука спеціализировалась и расчленилась, то это тоже явилось послѣдствіемъ принципа экономіи, такъ какъ въ теченіе вѣковъ накопилась масса еще не систематизированнаго опыта. При спеціализаціи легче, скорѣе было его систематизировать, легче провѣрить новымъ опытомъ. Теперь представители чистой науки часто не думаютъ уже о волнахъ житейскаго моря, но это будетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока такой порядокъ въ общей системѣ жизни все же будетъ экономнѣе всякаго другого. Ждать этого еще долго и на нашъ вѣкъ, конечно, хватитъ.

Но симптомы другого порядка уже имѣются. На мой взглядъ три такихъ симптома.

Во-первыхъ,—развитіе техники, во-вторыхъ,—все усиливающееся стремленіе массъ къ образованію самому широкому, университетскому и, въ-третьихъ, все усиливающаяся спеціализація научныхъ изслѣдованій и, несмотря на это, прогрессивное сближеніе отдѣльныхъ наукъ.

Что такое техника? Это—приложеніе систематизированнаго научнаго опыта къ жизненнымъ потребностямъ, это—возвращеніе науки въ жизнь, дочери въ лоно матери, откуда она выходитъ снова обновленной и обогащенной и еще болѣе экономной. Мы знаемъ, что не только техника развивается благодаря наукѣ, но и, наоборотъ, наука, благодаря

техникѣ *). Это было болѣе или менѣе всегда, но усиливается съ каждымъ днемъ. Кто Тесла, Эдиссонъ, Маркони—чистые ученые или техники? Тысячи электротехниковъ и механиковъ, инженеровъ, работающихъ надъ усовершенствованіемъ машинъ, мостовъ, различныхъ путей сообщенія, ученыхъ химиковъ и физіологовъ, работающихъ надъ разрѣшеніемъ проблемы воздухоплаванія... Какъ отдѣлить въ нихъ ученаго отъ техника, и профессора отъ профана?

Второй симптомъ—стремленіе массъ къ образованію. Человѣчество, когда-то сдавшее на откупъ ученымъ систематизированіе опыта и созданіе науки, хочетъ само пріобщиться этихъ даровъ, оно неудержимо стремится къ тому, чтобы каждая его индивидуальность владѣла всей наукой, всѣмъ систематизированнымъ опытомъ. Мы наблюдаемъ еще только начало процесса. При томъ состояніи науки, въ которомъ она находится теперь, это еще невозможно не только для обыкновеннаго человѣка, но даже и для генія. Нужна болѣе экономная, болѣе систематическая обработка опыта, нужна болѣе обобщенная наука, чтобы ею вполнѣ могъ овладѣть каждый отдѣльный человѣкъ. Но когда наука достигнетъ этого, тогда прогрессъ пойдетъ гигантскими шагами. Каждая индивидуальность, пріобщенная къ міровому опыту, будетъ немедленно вносить свой опытъ въ общую систему знанія. Каждое движеніе, каждая мысль будутъ использованы во всемъ своемъ объемѣ. Передъ человѣчествомъ встанутъ новыя задачи, гигантскаго объема и глубины которыхъ мы не можемъ себѣ представить нашими близорукими глазами.

Третій симптомъ—спеціализація растетъ, но, несмотря на это, науки все болѣе и болѣе объединяются, и методы и идеи, присущіе сначала какой-нибудь одной, изъ нихъ проникаютъ въ другія и содержанія отдѣльныхъ наукъ сливаются своими пограничными концами.

Многочисленныя уродливости спеціализаціи отмѣчали уже давно. Ультра спеціальныя изслѣдованія безъ мысли и цѣли—тоже, конечно, отраженіе дѣйствительности, тоже накопленіе опыта, но плюшкинское накопленіе: хламъ и мусоръ собираются въ безобразную кучу, а цѣлая усадьба безъ надзора и системы разрушается и глохнетъ. Кучу мусора выкинутъ наслѣдники, а на устройство и поправку разсыпавшагося хозяйства придется затратить много силъ. Конечно, иногда даже и такія работы вносятъ нѣчто въ общую систему знанія и, вѣроятно, благодаря этому, а также и общему несовершенству нашего научнаго хозяйства, у котораго на первомъ планѣ были другія, болѣе неотложныя дѣла упорядоченія и систематизаціи, только благодаря этому и держится подобная спеціализація. Но намъ кажется, что для нея тоже скоро пробьетъ смертный часъ. Конечно, и здѣсь на нашъ вѣкъ хватитъ. Такого рода неэкономическая спеціализація исчезнетъ тогда только, когда спаяются звенья великой цѣпи наукъ. И они уже начали спаиваться.

---

*) См. «Научный обзоръ» въ этой книжкѣ—«Прикладная и чистая наука».

Астрономія и физика обмѣнялись великими обобщеніями и неразрывно связаны механическими законами. Съ другой стороны къ физикѣ, при посредствѣ лучистой энергіи, сплавовъ, растворовъ и многихъ другихъ цементовъ присоединилась химія. Астрофизика—пышный цвѣтокъ дружбы этихъ трехъ наукъ. Геологія все еще продолжаетъ описывать свои обширныя владѣнія, но въ нѣкоторыхъ областяхъ уже приступила къ болѣе общей обработкѣ фактовъ и привлекла для этой цѣли методы физики и химіи; нѣкорыми вопросами, она занимается совмѣстно съ астрономіей, нѣкоторыми совмѣстно съ зоологіей и ботаникой. Наслѣдство минералогіи раздѣлили между собой физика, химія и геологія. Ботаника, зоологія и физіологія описываютъ и систематизируютъ отношенія организмовъ другъ къ другу и къ «неорганизованному» міру, и взаимоотношенія элементовъ организма. Многочисленными, но пока еще тонкими, отдѣльными нитями связаны онѣ со всѣми предъидущими науками. Сравнивая и систематизируя онѣ выработали уже, нѣсколько руководящихъ идей, которыя оказываютъ непосредственное вліяніе не только на общее развитіе науки, но и на жизнь.

Такъ постепенно систематизируется міровой опытъ и выражается все въ болѣе и болѣе общихъ, легче усвояемыхъ символахъ.

Въ настоящее время произошла какъ будто заминка. Говорятъ о банкротствѣ науки, о разочарованіи въ наукѣ, о какихъ-то поворотахъ назадъ, къ кому-то и къ чему-то. Я не стану здѣсь подробно разбирать это явленіе, оно слишкомъ сложно, но мнѣ кажется, что отчасти въ этомъ виновата и наука даннаго момента: во-первыхъ, ея излишняя переоцѣнка своихъ символовъ, а во-вторыхъ и главное, уже указаныя нами уродливости современной спеціализаціи, благодаря которымъ наука постепенно становится все менѣе и менѣе экономной хозяйкой.

Каста воиновъ изъ орудія защиты превратилась въ орудіе порабощенія, каста жрецовъ изъ хранителей народнаго опыта и просвѣтителей выродилась въ проповѣдниковъ мрака и застоя, ученые хотятъ увѣрить человѣчество, что наука развивается по какимъ то особымъ, ей одной присущимъ законамъ. Это мало-по-малу становится не экономнымъ, и человѣческій опытъ ищетъ другихъ путей. Отъ воиновъ и жрецовъ человѣчество отдѣлалось съ большимъ трудомъ, да и то еще далеко не совсѣмъ, съ невыгоднымъ направленіемъ науки оно справится гораздо скорѣе, такъ какъ живемъ мы теперь уже въ болѣе экономномъ хозяйствѣ. Можно даже сказать, что невыгодность распорядка не успѣетъ даже и бѣдъ надѣлать, какъ незамѣтно и постепенно онъ будетъ замѣненъ новымъ, болѣе экономнымъ. Въ этой саморегуляціи и сила науки. Мы уже указывали, куда направлены исканія. Человѣчество неуклонно стремится къ тому, чтобы всѣ пріобщились къ готовому уже всеміpному опыту, и въ то же время, оно совершенствуетъ этотъ опытъ запросами жизни. Въ ежесекундномъ общеніи науки и жизни, въ ихъ вѣчномъ взаимодѣйствіи—залогъ прогресса человѣчества.

Намъ кажется, что развитая нами точка зрѣнія вскрываетъ основу симпатій культурнаго общества къ народному образованію, ко всѣмъ этимъ народнымъ чтеніямъ, библіотекамъ, народнымъ дворцамъ и университетамъ и къ популяризаціи. Здѣсь нами движетъ не одна только филантропія и этика, подъ ними скрытъ другой, болѣе могучій и общій мотивъ: чувство общечеловѣческой выгоды.

Мы только что упомянули о характерномъ для науки саморегулированіи въ цѣляхъ болѣе экономнаго развитія. Вначалѣ оно была слабо, теперь же проявляется все рѣзче и рѣзче. Съ каждымъ годомъ общеніе между учеными становится тѣснѣе, растетъ число научныхъ журналовъ и обществъ, все чаще различные съѣзды, гдѣ ученые стремятся сговориться другъ съ другомъ для болѣе плодотворной дальнѣйшей работы. XX вѣкъ начался грандіознымъ предпріятіемъ, которое дастъ блестящіе плоды для раціональной и экономной научной работы; я говорю о международной ассоціаціи академій, которой въ январьскомъ № нашего журнала была посвящена статья акад. А. С. Фаминцына *).

Въ русской научной жизни наиболѣе прогрессивнымъ явленіемъ мы считаемъ съѣзды естествоиспытателей и врачей, несмотря на тѣ недостатки ихъ, о которыхъ намъ приходилось уже говорить по поводу московскаго съѣзда **).

Эти съѣзды, можетъ быть, единственное мѣсто въ Россіи, гдѣ сталкиваются и вліяютъ другъ на друга наука и жизнь: въ нихъ участвуютъ не только представители «чистой» науки, но и учителя, и агрономы, и статистики и вообще всѣ интересующіеся естествознаніемъ.

Слабо у насъ взаимодѣйствіе науки и жизни и выражается оно часто въ уродливыхъ формахъ; потому такое отрадное впечатлѣніе производятъ всегда эти съѣзды; чувствуется подъемъ духа, нѣкоторая гордость при сознаніи, что и мы не на самыхъ ужъ задворкахъ міровой жизни, часто прорывается досада и неудовлетворенность, но все же общее настроеніе приподнятое и радостное. Все же и на нашей улицѣ праздникъ.

Мы не станемъ останавливаться здѣсь на исторіи возникновенія и развитія нашихъ съѣздовъ; интересующихся отсылаемъ къ цитированнымъ выше статьямъ. Здѣсь мы отмѣтимъ только, что цѣль перваго съѣзда была формулирована слѣдующимъ образомъ. «Съѣздъ русскихъ испытателей въ С.-Петербургѣ имѣетъ цѣлью

---

*) Этому вопросу — объ ассоціаціи академій и вопросу о международной библіографіи была посвящена и рѣчь акад. А. С. Фаминцына на одномъ изъ общихъ засѣданій съѣзда.

**) См. наши статьи: «По поводу IX-го съѣзда естествоиспытателей и врачей». («Русское Богатство» 1894 г., мартъ) и «IX-й съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ («Міръ Божій» 1894 г., февраль).

споспѣшествовать ученой и учебной дѣятельности на поприщѣ естественныхъ наукъ, направлять эту дѣятельность, главнымъ образомъ, на ближайшее изслѣдованіе Россіи и на почву Россіи и доставлять русскимъ естествоиспытателямъ случай личнаго знакомства между собою». Такимъ образомъ, съѣздамъ были поставлены цѣли *научныя*, *общественныя* и *педагогическія*. Цѣли поставлены правильно и широко, несмотря на убогую форму.

Дѣйствительно, какіе запросы мы можемъ предъявить такимъ съѣздамъ русскихъ естествоиспытателей, врачей, педагоговъ и вообще всѣхъ интересующихся естествознаніемъ? Во-первыхъ, запросы единой, если можно такъ выразиться, международной науки. Русскіе съѣзды должны, конечно, способствовать развитію науки *непосредственно*. Въ какой же формѣ можетъ это осуществиться? Конечно, не въ формѣ узко-спеціальныхъ докладовъ, ихъ всегда можно напечатать въ спеціальныхъ журналахъ и обсудить въ болѣе замкнутомъ и компетентномъ кружкѣ. Нужно быть экономнымъ, особенно намъ, которымъ такія собранія выпадаютъ не часто. На съѣздахъ должны обсуждаться общіе вопросы, хотя бы и спеціальныхъ наукъ, вопросы, посильное выясненіе которыхъ способствовало бы систематизаціи нашего знанія.

Увы, къ сожалѣнію, мы видимъ обратное явленіе — съѣзды наши подавлены спеціальными сообщеніями, интересными докладчику, да, можетъ быть, еще одному, двумъ спеціалистамъ, и только изрѣдка проскальзываютъ сообщенія болѣе общаго характера. Можно даже утверждать, что эта тенденція къ спеціализаціи докладовъ все усиливается. Меньше всего ихъ было на I-мъ съѣздѣ (1867—68 г.), больше всего на послѣднемъ—XI-мъ (въ концѣ декабря минувшаго года). Распорядительные комитеты съѣзда, вѣроятно, сознаютъ эту опасность, и начали принимать нѣкоторыя мѣры. Такъ, на XI-мъ съѣздѣ были организованы программныя засѣданія, но, кажется, выработка постановленій была поручена въ концѣ концовъ особымъ коммиссіямъ, по закрытіи съѣзда.

Затѣмъ, у русскихъ естествоиспытателей есть свои, если хотите національныя, вѣрнѣе *мѣстныя*, спеціальныя цѣли — это изслѣдованіе необъятной нашей родины. И на съѣздахъ русскихъ естесвоиспытателей должны обсуждаться вопросы, какъ лучше, скорѣе и полнѣе организовать и вести эти изслѣдованія. Это первоначальное накопленіе фактовъ, не вполнѣ законченное еще и въ Западной Европѣ, должно вестись систематично, такъ какъ иначе придется всѣ наличныя силы растратить на эту описательную, такъ сказать, черную работу, и болѣе высокая научная работа отойдетъ къ нашимъ счастливымъ сосѣдямъ. Здѣсь можно имѣть нѣкоторую національную гордость, такъ какъ это полезная гордость — она вызываетъ болѣе производительную трату силъ. Нужно отдать справедливость русскимъ съѣздамъ естествоиспытателей—они много сдѣлали въ дѣлѣ изученія страны. Благодаря

имъ, основались общества естествоиспытателей при нашихъ университетахъ, различныя научныя станціи, предприняты нѣкоторыя областныя изслѣдованія (Крыма, Кавказа, глубоковод. изслѣдованія Чернаго моря). Отчасти благодаря убѣжденію въ первостепенной важности изученія Россіи, съѣзды естествоиспытателей обогатились секціями — медицины (на II-мъ съѣздѣ 1869 г.), антропологіи и географіи (на IV-мъ, 1873 г.), и, наконецъ, подсекціею статистики (на IX-мъ, 1894 г.).

XI-й съѣздъ тоже не отсталъ въ этомъ отъ предъидущихъ и среди его многочисленныхъ «ходатайствъ» имѣются слѣдующія: 1) присоединяться къ ходатайству общества естествоиспытателей при петербургскомъ университетѣ объ организаціи мурманской біологической станціи; 2) объ устройствѣ на вершинѣ Чатыръ-Дага географической станціи; 3) объ учрежденіи института экспериментальной агрономіи и объ устройствѣ въ ближайшемъ будущемъ порайонныхъ научно-опытныхъ учрежденій. Только въ этомъ смыслѣ—изслѣдованія родной страны—и можно говорить о національной, о русской наукѣ. Это, пожалуй, работа низшаго порядка, но въ Россіи, въ силу и жизненныхъ, и научныхъ соображеній, ее поневолѣ приходится выдвигать на первый планъ. Эта работа должна быть сдѣлана, и мы, русскіе, сдѣлаемъ ее скорѣе и лучше другихъ.

Затѣмъ слѣдуютъ *научно-общественныя* задачи съѣздовъ. Мы лично считаемъ ихъ фактически наиболѣе важными, такъ какъ задачи, которыя мы назвали научными, могутъ удовлетворяться въ Россіи и при помощи другихъ учрежденій, но живое, непосредственное воздѣйствіе науки на жизнь возможно въ Россіи только на подобныхъ съѣздахъ. И русское общество поняло это, и число интересующихся (а по точной буквѣ программы съѣздовъ — научно работающихъ) естествознаніемъ довольно быстро растетъ: на первомъ съѣздѣ (1867—1868 г., Петербургъ) членовъ было 465, на послѣднемъ (1901 г., Петербургъ) что-то около 5.000. Къ сожалѣнію, организація этого воздѣйствія до сихъ поръ еще хромаетъ. Нужны лекціи по общимъ вопросамъ науки, какъ спорнымъ, такъ и уже вырѣшеннымъ; нужны дебаты по этимъ вопросамъ, чтобы слушатели видѣли самый процессъ мысли, а не получали ее готовой, парадной и неприкосновенной; нужны обзоры успѣховъ наукъ за извѣстные періоды, нужны общедоступныя, хорошо поставленныя демонстраціи наиболѣе выдающихся событій науки, нужны выставки коллекцій, приборовъ и хорошія, доступныя объясненія къ нимъ.

На нѣкоторые изъ этихъ запросовъ жизни съѣзды уже отвѣчаютъ, но далеко не съ желаемой полнотой. Такъ, демонстраціи различныхъ новинокъ по физикѣ уже окончательно привились къ нашимъ съѣздамъ. На XI-мъ—были показаны опыты Тесла, полученіе жидкаго воздуха, поющая вольтова дуга и нѣкоторые другіе. Демонстрацій и опытовъ

по другимъ отраслямъ естествознанія, поставленныхъ такъ, чтобы они были доступны и интересны не только спеціалистамъ, но и вообще всякому, знакомому съ основами науки, было очень мало. Были выставлены коллекціи, аппараты, приборы, совершены экскурсіи, но все больше на спеціалиста. Исключеніемъ являлась — выставка ископаемыхъ ящеровъ, добытыхъ проф. Амалицкимъ изъ пермскихъ отложеній по берегу Малой Сѣверной Двины. Наши читатели знакомы съ этими раскопками и съ замѣчательными результатами ихъ изъ статьи проф. Амалицкаго, помѣщенной въ январьской книгѣ прошлаго года. Выставлены три громадныхъ великолѣпно препарированныхъ скелета. Въ зоологическомъ музеѣ университета была выставлена коллекція инъецированныхъ макроскопическихъ препаратовъ Ф. Ф. Остермана, препаратора естественно-историческаго музея бессарабскаго земства, необыкновенная по изяществу выполненія и точной передачѣ мельчайшихъ деталей. Устроена была также выставка по физической географіи. Здѣсь находились этюды, фотографіи карты и діаграммы, Байкала, Онежскаго озера, экспедиціи въ Сѣверный Ледовитый океанъ, различные инструменты для изслѣдованія морскихъ глубинъ, для опредѣленія солнечнаго лучеиспусканія, облачности и т. д., самопишущіе инструменты, аппараты для метеорологическихъ наблюденій въ высокихъ слояхъ атмосферы и др. Были выставлены также различные физическіе приборы физическаго института, а также приборы, минералогическія и геологическія коллекціи, доставленныя нѣкоторыми заграничными фирмами. Большое вниманіе педагоговъ обращали на себя естественно-историческія коллекціи петербургскаго подвижнаго музея учебныхъ пособій — начинаніе, дѣйствительно заслуживающее всякаго одобренія.

Вотъ почти все. Лекцій не было. Изъ всѣхъ рѣчей «научнымъ обзоромъ» мы можемъ назвать только крайне интересную, но, по нашему мнѣнію, слишкомъ богатую, слишкомъ подавлявшую фактами, рѣчь проф. Ф. Ю. Левинсона-Лессинга. Въ большую заслугу этому оратору нужно поставить и то, что онъ отмѣчаетъ неразрывную связь геологіи съ другими науками, и то, что онъ страшится внести въ нѣсколько смутную общественно-научную атмосферу болѣе ясное настроеніе, противопоставляя Дюбуа-Реймоновскому, «ignorabimus» — бодрое: «speremus». «Будемъ же и впредь дружно и безкорыстно работать, говоритъ онъ, въ надеждѣ, что наши потомки достигнутъ той вершины знанія, съ которой можно будетъ обнять всю совокупность и причинную связь прошедшихъ, настоящихъ, быть можетъ, и будущихъ измѣненій земной поверхности». Рѣчь проф. Гольдгаммера «Столѣтіе физики» носила характеръ не обзора, а скорѣе была хвалебной пѣснью въ честь богини физики, самой настоящей, самой первой, самой лучшей изъ всѣхъ богинь, какъ аттестуетъ ее намъ ея жрецъ. Мы оста-

новимся нѣсколько на этой рѣчи, такъ какъ она касается основной мысли нашей статьи *).

Проф. Гольдгаммеръ утверждаетъ, что XIX вѣкъ можетъ быть названъ вѣкомъ физики. Физика въ теченіе предыдущихъ столѣтій дала другимъ наукамъ ихъ главные методы изслѣдованія и тѣмъ поставила ихъ въ возможность самостоятельно развиваться. Астрономіи она дала телескопъ, химіи—вѣсы, біологіи—микроскопъ. Въ XIX столѣтіи она создала астрофизику, физическую химію, экспериментальное направленіе въ біологіи, электротерапію и леченіе свѣтомъ. Въ настоящее время прогрессъ физики невозможенъ безъ хорошо обставленныхъ физическихъ институтовъ. Величайшіе умы не сдѣлали въ свое время важныхъ открытій только потому, что не имѣли необходимой для этого обстановки. Никакая затрата не бываетъ такъ плодотворна для прогресса человѣчества, какъ затрата на науку. Но наука не должна преслѣдовать утилитарныхъ цѣлей: практическія приложенія должны являться необходимымъ слѣдствіемъ самодовлѣющихъ теоретическихъ изслѣдованій. Интересно отмѣтить, что когда люди стремились непосредственно къ осуществленію открытій практическаго характера (какъ, напримѣръ, «perpetuum mobile» или летательныя машины), они не имѣли успѣха, а съ другой стороны, теоретическія открытія (гальванизмъ, X-лучи, электрическія волны Герца) имѣли громадное практическое значеніе, которое выросло совершенно неожиданно для изслѣдователей. Величайшіе наши враги—природа и смерть, и съ этими врагами можно бороться только съ помощью цѣлой арміи ученыхъ. Науку часто обвиняютъ въ безсиліи. Но много ли дѣлаютъ люди, чтобы помочь наукѣ? Россія особенно отстала въ развитіи науки. Только что открытъ первый въ Россіи физическій институтъ въ Петербургѣ, строится подобный же въ Москвѣ, а во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе физики и работы въ физическихъ лабораторіяхъ поставлены въ убогія условія. Наука нуждается въ многомилліонной поддержкѣ, и только тогда мы можемъ ожидать отъ нея того, что она способна дать человѣчеству. Пусть нашимъ девизомъ будетъ: да здравствуетъ чистое знаніе! Такъ закончилъ свою рѣчь проф. Гольдгамеръ.

Безспорно хорошъ физическій институтъ въ Петербургѣ и дай Богъ, чтобъ такіе же, еще лучшіе, если можно, появились и въ Москвѣ, и въ Харьковѣ, въ Казани и въ Одессѣ—пусть процвѣтетъ тогда русская физика и «величайшіе умы сдѣлаютъ своевременно важныя открытія», но все же зачѣмъ пугать такими врагами, какъ природа (?!) и смерть, наше бѣдное министерство финансовъ?! Въ концѣ концовъ, вѣдь еслибъ оно даже испугалось, денегъ-то все-таки на физическіе институты при всѣхъ университетахъ не дастъ. «На нѣтъ и суда нѣтъ».

*) Къ сожалѣнію, рѣчи, произнесенныя на общихъ собраніяхъ XI-го съѣзда, будутъ напечатаны цѣликомъ только въ 11-мъ № «Дневника», въ мартѣ мѣсяцѣ,— и при изложеніи содержанія ихъ мы пользовались, главнымъ образомъ, отчетами «Русскихъ Вѣдомостей».

Одного только мы боимся, какъ бы этотъ хвалебный гимнъ физикѣ не обидѣлъ другихъ богинь. Вѣдь жрецы ихъ тоже пѣли о подаркахъ, расточаемыхъ ими человѣчеству и сосѣднимъ наукамъ. Впрочемъ, верховные жрецы науки обыкновенно проще и точнѣе въ своихъ выраженіяхъ. Напр., Бертело *) утверждаетъ, что « одно изъ самыхъ странныхъ заблужденій—это утвержденіе, что вѣсы въ химіи введены въ концѣ прошлаго столѣтія. На самомъ дѣлѣ объ употребленіи вѣсовъ упоминается въ сочиненіяхъ, написанныхъ 1.600 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ ими постоянно пользовались какъ въ химіи, такъ и въ ремеслахъ; изображеніе ихъ встрѣчается на древнихъ памятникахъ Египта». Сомнѣваюсь, чтобы въ тѣ времена существовала богиня проф. Гольдгаммера—«чистая физика». Другой подарокъ физики—телескопъ тоже относится скорѣе къ области миѳологіи, чѣмъ исторіи науки. Извѣстно, что въ 1608 г. шлифовальщикъ стеколъ Гансъ Липперсгей представилъ голландскому правительству инструментъ, «чтобы далеко видѣть», и хлопоталъ о привилегіи. Существуетъ преданіе, что дѣти этого шлифовальщика, играя стеклами отъ очковъ, случайно расположили ихъ такъ, какъ въ бинокляхъ, и замѣтили, что далекая колокольня кажется черезъ нихъ ближе. О своемъ наблюденіи они сообщили отцу.

Какъ бы тамъ ни было, если уже говорить о подаркахъ, то телескопъ подарила астрономіи не чистая физика, а скорѣе случай, иначе говоря сама жизнь. Говорить и спорить о томъ, кто создалъ астрофизику, физика или астрономія, кто физическую химію — физика или химія, по нашему мнѣнію, занятіе, по крайней мѣрѣ, непроизводительное. Такой же характеръ носятъ и разговоры о томъ, что физика дала біологіи экспериментальное направленіе, медицинѣ — электротерапію и свѣтолѣченіе. Въ этомъ повинны не только физика, но и тысячи другихъ обстоятельствъ. Методы науки коренятся въ глубинахъ жизни и развитіе ихъ связано съ нею тысячью видимыхъ и миріадами невидимыхъ нитей. Что зовемъ мы даже въ великихъ открытіяхъ случаемъ, вдохновеніемъ? Это—незамѣтное для насъ, но могучее вліяніе жизни, мірового опыта на наше сознательное, систематическое мышленіе.

Не понимаемъ мы также и того, почему исканіе perpetuum mobile проф. Гольдгаммеръ приравниваетъ къ той систематической интенсивной и все же плодотворной работѣ, которая идетъ теперь въ области воздухоплаванія и стремится выработать принципы и типъ летательной машины, почему онъ считаетъ одинаково безплодными два эти несоизмѣримыя практическія стремленія, чѣмъ обусловлено такое пессимистическое отношеніе къ бѣднымъ аэропланамъ?! Къ perpetuum mobile мы могли бы присоединить и жизненный элексиръ, и философскій камень. Къ слову сказать, даже и эти неудачныя «практиче-

*) См. рѣчь Бертело. «Лавуазье». «М. Б.», январь.

*

скія» предпріятія все же не были безплодны въ «теоретическомъ» отношеніи: изъ нихъ многое почерпнули и физика, и химія, и медицина.

Итакъ, на съѣздѣ былъ данъ всего одинъ научный обзоръ.

Лучше была выполнена другая просвѣтительная задача съѣзда — ознакомить людей, интересующихся наукой, съ ея жгучими, «философскими» вопросами и задачами, напр., съ вопросами о границахъ нашего знанія, объ отношеніи живого и мертваго, о цѣляхъ и методахъ научнаго изслѣдованія, о *непосредственной* связи науки и жизни

Остановимся сначала на рѣчахъ проф. Лукьянова и Умова, такъ какъ онѣ касаются очень близкихъ другъ другу вопросовъ и трактуютъ ихъ съ діаметрально-противоположныхъ точекъ зрѣнія.

Рѣчь проф. С. М. Лукьянова носитъ заглавіе «О предѣлахъ цитологическаго изслѣдованія при нормальныхъ и патологическихъ условіяхъ». Развитіе ученія о клѣткѣ составляетъ, по мнѣнію оратора, одну изъ главныхъ побѣдъ науки XIX вѣка. Цитологическое изслѣдованіе даетъ, конечно, большія надежды и на дальнѣйшія побѣды, но встаетъ вопросъ, каковы предѣлы познанія въ этомъ направленіи и какими условіями они обусловливаются. Прежде всего надо остановиться на методологическихъ пріемахъ изслѣдованія. Сложный микроскопъ, являющійся орудіемъ цитологическаго изслѣдованія, ставитъ намъ вполнѣ опредѣленные предѣлы изслѣдованія. На основаніи различныхъ соображеній проф. Лукьяновъ приходитъ къ выводу, что при идеальныхъ условіяхъ построенія сложнаго микроскопа, нынѣ далеко еще не осуществленныхъ, мы сможемъ различать разстоянія въ 0,1 микрона, между тѣмъ, по вычисленіи физиковъ, діаметръ молекулы долженъ лежать въ предѣлахъ отъ 0,00001 до 0,000001 микрона, слѣдовательно этотъ діаметръ, по крайней мѣрѣ, въ 10.000 разъ меньше, чѣмъ діаметръ самаго маленькаго элемента, который мы можемъ надѣяться увидѣть при идеальныхъ условіяхъ наблюденія въ идеальный микроскопъ. Съ другой стороны, современные бактеріологи допускаютъ нынѣ существованіе такихъ микроорганизмовъ, которыхъ нельзя видѣть въ микроскопъ, а между тѣмъ, эти организмы живутъ, питаются, размножаются. Такимъ образомъ надежда проникнуть съ помощью микроскопа въ тайны строенія вещества является грубою переоцѣнкой нашихъ средствъ изслѣдованія. Выясненіе же физіологическихъ процессовъ, хотя бы питанія, при которомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, должны происходить измѣненія динамическаго строя частицъ, лежитъ, по мнѣнію нашего ученаго, уже совершенно внѣ предѣловъ нашего изслѣдованія, и мы не можемъ имѣть надежды проникнуть въ ту лабораторію, гдѣ жизнь ладитъ свои синтезы и анализы. Микротомъ достигъ, по всей вѣроятности, уже предѣловъ своего совершенства, а между тѣмъ самые тонкіе разрѣзы, которые мы можемъ получать съ его помощью, въ тысячу разъ толще, чѣмъ слой серебра, который намъ удается отложить на стеклѣ.

Въ общемъ, проф. Лукьяновъ признаетъ, что ученіе о клѣткѣ на-

ходится въ настоящее время въ періодѣ быстраго и могучаго роста, но говоритъ, что нужно отличать достижимое отъ недостижимаго. Кромѣ условій техники, предѣлы цитологическаго изслѣдованія опредѣляются самыми свойствами познанія. Это предѣлы безусловные. Прежде всего мы сталкиваемся съ неразрѣшимымъ вопросомъ о клѣткѣ, какъ носительницѣ психическихъ свойствъ. Даже по отношенію къ нервнымъ клѣткамъ, спеціальнымъ носительницамъ психическихъ функцій, въ наилучшихъ случаяхъ удается только установить параллелизмъ между физическими и психическими явленіями. Передъ задачей объяснить психическое матеріальнымъ цитологія безсильна. Второй предѣлъ нашего познанія — цѣлесообразность въ строеніи и дѣятельности клѣтокъ. Третьимъ предѣломъ является непостижимость претворенія мертваго питательнаго матеріала въ живое вещество клѣтки. Намъ можно и должно перекидывать мостки отъ механическихъ явленій къ телеологическимъ, но надо сознаться, что наука безсильна понять, въ чемъ отличіе живого отъ мертваго. Въ жизни есть, несомнѣнно, не только матеріальное, но и духовное начало и наука должна признать непереходимыя границы между духовнымъ и матеріальнымъ, между живымъ и мертвымъ. Однѣми науками далеко не исчерпывается построеніе міросозерцанія и къ нимъ на помощь, по мнѣнію проф. Лукьянова, должны быть призваны исскуство, философія и богословіе.

Проф. Умовъ озаглавилъ свою рѣчь «Физико-химическая модель живого вещества».

Со стороны нѣкоторыхъ біологовъ, говоритъ нашъ маститый физикъ, все съ большей и большей настойчивостью распространяется ученіе о томъ, что живое вещество, если и подчиняется законамъ, управляющимъ неорганизованной природой, то все же таитъ въ себѣ такія свойства, которыя нельзя объяснить съ механической точки зрѣнія. Представители такого ученія, въ отличіе отъ прежнихъ виталистовъ, называются неовиталистами. Главная аргументація ихъ, по мнѣнію проф. Умова, построена на присутствіи въ нашемъ тѣлѣ опредѣленнаго числа опредѣленныхъ органовъ чувствъ. Разнообразіе и характеръ явленій природы ограничиваются, такимъ образомъ, разнообразіемъ и характеромъ нашихъ органовъ чувствъ. Логически развивая эту мысль, неовиталисты приходятъ къ заключенію, что если мы и въ организованномъ, и въ неорганизованномъ мірѣ встрѣчаемъ одни и тѣ же законы, которымъ подчиняется матерія, то это происходитъ не потому, что субстратъ изслѣдованія въ одномъ и другомъ случаѣ подчиняется одинаковымъ законамъ, а потому, что орудіе изслѣдованія, слишкомъ несовершенное, идентично въ обоихъ случаяхъ. Такому воззрѣнію проф. Умовъ противопоставляетъ слѣдующее. Область научнаго изслѣдованія природы не ограничена явленіями природы, непосредственно воспринимаемыми нашими органами чувствъ; она гораздо шире. Для электричества у насъ нѣтъ непосредственнаго органа чувствъ, но мы не только

можемъ судить о присутствіи электричества,—мы можемъ его измѣрять и оперировать имъ съ такою же, если еще не съ большею точностью, какъ съ любимымъ объектомъ, вполнѣ доступнымъ нашему непосредственному воспріятію. Блескъ всякаго научнаго открытія заключается именно въ томъ, что мы укладываемъ данныя явленія въ такую систему, которая недоступныя для насъ свойства преобразуетъ въ доступныя. Наша сѣтчатка не ощущаетъ X-лучей, фотографическая же пластинка подъ вліяніемъ ихъ испытываетъ такія измѣненія, которыя мы можемъ уже ощущать при помощи сѣтчатой оболочки. Такихъ примѣровъ можно привести сколько угодно. Профессоръ разсматриваетъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ воздѣйствіе механической системы на живую и живой на механическую и вездѣ находитъ аналогію въ функціяхъ живой и неживой системы. Живая клѣтка имѣетъ тенденцію сохранять свою форму, свое положеніе, свое движеніе. Тѣ же свойства имѣетъ и камень. Трудно, по мнѣнію проф. Умова, представить себѣ такую форму дѣйствія какого-либо живого существа, для которой нельзя было бы придумать автомата. Животное встрѣчается гдѣ-нибудь съ опасностью, предупреждаетъ крикомъ своихъ товарищей и убѣгаетъ. Актъ, требующій, несомнѣнно, сложной организаціи съ тонко развитой нервной системой. Но развѣ не въ состояніи автоматъ выполнить съ такимъ же успѣхомъ подобную задачу? Развѣ трудно устроить такой локомотивъ, который на своей передней сторонѣ несъ бы селеновую пластинку, включенную въ цѣпь, дѣйствующую на реле. Свѣтъ отъ вольтовой дуги, помѣщенной на локомотивѣ, несущемся противъ перваго, могъ бы благодаря проводимости освѣщеннаго селена открывать какой-нибудь клапанъ для подачи свистка, для мгновенной остановки всего поѣзда, обратнаго движенія поѣзда и т. д. Проф. Умовъ разсматриваетъ затѣмъ всевозможныя опредѣленія жизни и не видитъ въ нихъ тѣхъ элементовъ, которые проводили бы рѣзкую грань, отдѣляющую живое отъ неживого. На живое вещество слѣдуетъ въ принципѣ смотрѣть какъ на всякое другое вещество, имѣющее только свои отличительныя свойства. Съ точки зрѣнія физика мы должны поэтому приступать къ изслѣдованію живого вещества, пользуясь тѣми орудіями и методами, которые оказались плодотворными при изученіи неорганизованнаго міра. Ораторъ останавливается на введеніи въ физіологію моделей, какъ это дѣлается съ успѣхомъ физиками. Современная физика, пытаясь проникнуть не въ сущность явленій, а только въ зависимость, и стараясь установить законы этой зависимости, создаетъ механическія модели, въ которыхъ зависимость отдѣльныхъ частей подчиняется такому же закону, какъ и зависимость изучаемыхъ явленій. Преимущество такихъ моделей заключается въ томъ, что онѣ даютъ возможность подмѣчать новыя зависимости. Проф. Умовъ пытается, затѣмъ, установить ту область въ живомъ веществѣ, для которой зависимость отдѣльныхъ свойствъ могла бы быть установлена съ по-

мощью модели. Разсматривая характеръ проявленій дѣятельности организма, мы поражаемся послѣдовательностью, закономѣрностью и предусмотрительностью, съ которыми совершается движеніе живого вещества. Локомотивъ, сошедшій съ рельсъ, движется еще только очень короткое время впередъ; живое существо обладаетъ безчисленнымъ количествомъ необыкновенно тонко дѣйствующихъ регуляторовъ, которые позволяютъ ему сохранять стройность своего движенія среди самыхъ разнообразныхъ неожиданностей и препятствій. Такимъ образомъ, стройность есть прежде всего тотъ фонъ, на которомъ можно будетъ начертать проектъ первой физіологической модели. Но и болѣе специфическія свойства живаго вещества, какъ, напримѣръ, психика, память и т. под., могутъ быть, по мнѣнію проф. Умова, субстратами для физико-химической модели живого вещества. Блестящій примѣръ осуществленія подобной модели памяти мы можемъ видѣть въ пленкѣ Липпмана для цвѣтной фотографіи. Здѣсь въ чистой, еще не тронутой свѣтомъ пленкѣ, подъ вліяніемъ лучей опредѣленной цвѣтности развиваются стоячія волны, длина которыхъ закрѣпляется отложеніями серебра. Самъ цвѣтной лучъ создалъ для отбора свой собственный аппаратъ, и пока этотъ аппаратъ не сотрется, онъ всегда будетъ отвѣчать на данный цвѣтъ, онъ будетъ помнить о данномъ цвѣтѣ.

Среднюю между двумя изложенными нами взглядами и болѣе удобную и менѣе опасную позицію занялъ проф. В. И. Бѣляевъ въ своей рѣчи «О дѣленіи клѣтокъ и размноженіи организмовъ». Впрочемъ, намъ кажется, что почтенный ботаникъ имѣетъ все же нѣкоторое тайное влеченіе къ витализму, хотя и полагаетъ, что и механисты, и виталисты грѣшатъ однимъ и тѣмъ же: «укладываютъ знаніе на Прокрустово ложе заранѣе готовыхъ шаблоновъ». Выяснивъ значеніе для организмовъ акта воспроизведенія, являющагося основнымъ свойствомъ живыхъ организмовъ, профессоръ Бѣляевъ развилъ ту мысль, что дѣленіе клѣтокъ—простѣйшая форма воспроизведенія—дѣлаетъ неограниченной продолжительность жизни. Одно изъ крупнѣйшихъ завоеваній науки составляетъ выясненіе вопроса о дѣленіи клѣтокъ. Прежнее грубо-механическое воззрѣніе, что клѣтки при дѣленіи распадаются подъ вліяніемъ простыхъ механическихъ причинъ, смѣнилось сложнымъ ученіемъ о каріокинезѣ. Указавъ затѣмъ на осложненіе процесса воспроизведенія у высшихъ формъ (половое размноженіе), проф. Бѣляевъ заключилъ свою рѣчь мыслью, что выясненіе тончайшихъ подробностей строенія клѣтки и всего хода процесса размноженія все-таки не даетъ пока отвѣта на вопросъ: что такое жизнь?

По истинѣ «жгучіе» вопросы.

Попытаемся же нѣсколько разобраться въ нихъ. Но предупреждаемъ читателя, что въ задачи данной статьи не входитъ полное изложеніе нашего собственнаго взгляда на эти вопросы.

Прежде всего ясно, конечно, что проф. Умовъ, съ одной стороны,

и проф. Лукьяновъ и Бѣляевъ—съ другой вкладываютъ въ слово «объясненіе» совершенно различное содержаніе. Лукьяновъ категорически утверждаетъ, что наука безсильна понять, въ чемъ отличіе живого отъ мертваго, г. Бѣляевъ, придерживаясь средней позиціи, болѣе осторожно заявляетъ, что наука пока не даетъ отвѣта на вопросъ, что такое жизнь. Но и категоричность г. Лукьянова, и осторожность г. Бѣляева, въ концѣ концовъ, сводится къ одному и тому же: они хотятъ *понять* что-то, для нихъ совершенно неясное и непонятное, что-то, чего не дано въ міровомъ опытѣ. Понятно, что на помощь приходится звать и «философію», и богословіе: они, вѣдь, искони занимались тѣмъ, что стремились объяснить необъяснимое, волоча людей отъ андорской волшебницы къ вещи an und für sich и обратно.

Какъ давно уже всѣмъ извѣстно, подобныя «объясненія» замѣняютъ только одну «тайну»—другой. Роскошныя метафизическія блюда не насыщаютъ, только отягчаютъ.

Риль еще въ 70-хъ годахъ говорилъ относительно этихъ объясненій, что это «настоящіе опіяты для нашего разсудка; они приводятъ его въ безчувствіе, вмѣсто того, чтобы оживлять и прояснять его. Они имѣютъ видъ всеобъемлющаго знанія, которое не трудно, впрочемъ, пріобрѣсть, если только считать желаніе и исполненіе за одно и то же» *).

Одно изъ двухъ—или почтенные ораторы знаютъ, какое содержаніе вкладываютъ въ слово *жизнь*, или же имъ нужно вычеркнуть его изъ своего словаря. Вѣдь не слово же опредѣляетъ содержаніе понятія, а наоборотъ, появленіе новаго понятія, вслѣдствіе накопленія новаго опыта, вызываетъ появленіе слова. Не можетъ же быть въ понятіи, въ словѣ больше содержанія, чѣмъ вложила въ него опредѣленная группа людей, а въ идеальномъ случаѣ болѣе, чѣмъ вложено въ него міровымъ опытомъ. Потому научное, а не «опійное» объясненіе всегда будетъ только сравненіемъ — сведеніемъ новыхъ фактовъ опыта къ фактамъ уже извѣстнымъ, старымъ.

Проф. Умовъ близко стоитъ къ этой точкѣ зрѣнія; но, по нашему мнѣнію, нѣсколько осложняетъ ее введеніемъ понятія о зависимости явленій. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками рѣчи проф. Умова цѣликомъ; можетъ быть, это осложненіе только кажущееся.

Итакъ, если гг. виталисты не могутъ дать «объясненій» для имѣющихся у нихъ понятій, то это еще не такъ печально для науки и для профановъ.

Обратимся теперь къ горестямъ гг. виталистовъ, носящимъ болѣе спеціальный характеръ.

Вотъ, напр., проф. Лукьяновъ говоритъ о методологическихъ предѣлахъ микроскопическаго изслѣдованія. Несомнѣнно, они существуютъ.

---

*) Цитирую по В. В. Лесевичу. «Что такое научная философія».

Но опять таки это ужъ не такъ печально. Не разъ ставились такіе предѣлы, хотя бы, напр., въ органической химіи, но открывались новые методы и предсказанія оказывались несбывшимися. То же, я убѣжденъ, будетъ и въ изслѣдованіи клѣтокъ и тканей; мы не дойдемъ еще до границы микроскопическаго изслѣдованія, какъ будутъ изобрѣтены другіе методы, болѣе тонкіе и чувствительные. Мы даже имѣемъ нѣкоторый намекъ на такую возможность въ фотографическомъ методѣ г. Буринскаго. Также непонятно, почему г. Лукьяновъ утверждаетъ, что выясненіе физіологическихъ процессовъ лежитъ внѣ предѣловъ нашего изслѣдованія. Мнѣ кажется, что знаменитые коллеги почтеннаго профессора по институту экспериментальной медицины могутъ обидѣться на такое утвержденіе. Впрочемъ, и здѣсь объясненіе предполагается, вѣроятно, трансцендентальное.

Въ той же степени призрачна неразрѣшимость вопроса о клѣткѣ, какъ носительницѣ психическихъ свойствъ, и непостижимость претворенія мертваго въ живое. Что же здѣсь неразрѣшимаго и непостижимаго, если такое претвореніе совершается, если клѣтка, дѣйствительно является такой носительницей, и если мы твердо и ясно установили, что̀ мы называемъ психическими свойствами, что «мертвымъ» и что «живымъ». Изъ того, что параллелизмъ между «физическими» и «психическими» явленіями констатированъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ по отношенію къ нервнымъ клѣткамъ, еще не слѣдуетъ, что онъ не будетъ констатированъ и въ другихъ случаяхъ, а главное ничто не говоритъ намъ, что «объясненіе» лежитъ въ данномъ случаѣ только въ установленіи этого параллелизма.

Тоже нужно сказать и о «непереходимыхъ границахъ между духовнымъ и матеріальнымъ». Эти границы существуютъ въ самомъ опредѣленіи «духовнаго» и «матеріальнаго», доставшемся намъ по наслѣдству отъ временъ доисторическихъ, и существуютъ до тѣхъ поръ, пока мы придерживаемся этого опредѣленія и проводимъ эти границы. Это circulus vitiosus, въ который попадаетъ всякій метафизикъ, ищущій причинъ внѣшнихъ, тогда какъ они въ немъ самомъ. Онъ спрашиваетъ, кто разгородилъ его комнату, забывъ, что онъ самъ когда-то сдѣлалъ это для своего собственнаго удобства. Еще одинъ «безусловный предѣлъ» для познанія организмовъ видитъ проф. Лукьяновъ въ цѣлесообразности строенія и дѣятельности клѣтокъ.

Тоже древняя старушка эта цѣлесообразность. Давно уже ее выставляли, какъ «непереходимую границу между живымъ и мертвымъ», какъ яркое доказательство плана въ природѣ, какъ отрицаніе случайностей въ появленіи и развитіи организмовъ. Съ нашей точки зрѣнія всякій процессъ явится цѣлесообразнымъ, если послѣднее его звено принимать за цѣль. Шаръ катится по наклонной плоскости. Этотъ процессъ можно назвать цѣлесообразнымъ, разъ цѣлью его считать конечный пунктъ даннаго движенія. Можно выразить это еще въ болѣе общей

формѣ. Причинность и цѣлесообразность могутъ быть мыслимы, когда изъ цѣлой груды элементовъ нами выдѣляется послѣдовательный рядъ и затѣмъ обрывается на опредѣленномъ элементѣ. Но мы съ проф. Лукьяновымъ говоримъ на разныхъ языкахъ и потому, можетъ быть, будетъ полезнѣе привести мнѣніе о цѣлесообразности и случайности собрата профессора по наукѣ, знаменитаго зоолога Бючли *). Возражая виталистамъ, сравнивавшимъ цѣлесообразность организмовъ съ цѣлесообразностью машинъ и художественнаго произведенія, Бючли указываетъ на то, что въ появленіи и паровой машины, и Пароенона большую роль играли элементы случайнаго. Такъ, напр., «паровая машина произошла не изъ готовой идеи, а изъ случайныхъ наблюденій надъ дѣйствіемъ парового давленія, послѣ продолжительнаго примѣненія новыхъ, незначительныхъ, но усовершенствованныхъ комбинацій, цѣлесообразность которыхъ обнаружили лишь испытаніе и опытъ. Всѣ нецѣлесообразныя комбинаціи были откинуты въ сторону и забыты; цѣлесообразныя, наоборотъ, сохранились... Ходъ развитія машинъ имѣетъ большое сходство съ постепеннымъ преобразованіемъ организмовъ, какъ его считаетъ вѣроятная теорія Дарвина». Также и Пароенонъ явился продуктомъ всей предыдущей эпохи греческаго искусства. Все, что случай, въ лицѣ геніальныхъ стремленій, создалъ и сохранилъ, стало основой, на которой случайно же появившійся геній созидалъ Пароенонъ.

Бючли считаетъ возможнымъ, что случайно появившійся, способный къ сохраненію и размноженію организмъ въ состояніи развиться до болѣе сложнаго организма, функціонирующаго цѣлесообразно, способнаго къ сохраненію путемъ накопленія случайныхъ новыхъ комбинацій.

«Въ неорганической природѣ,—говоритъ Бючли,—допущеніе цѣлей является чѣмъ-то совершенно неопредѣленнымъ, произвольнымъ, въ концѣ концовъ, здѣсь можно было бы только сказать, что цѣль процесса состоитъ въ томъ, что онъ совершается. Но и въ организованномъ мірѣ, если имѣть въ виду весь организмъ и его жизненный процессъ, невозможно точное опредѣленіе цѣлей, ибо вся цѣль этого процесса можетъ состоять только въ томъ, что данный организмъ существуетъ и сохраняется. Но это то же, что сказать: цѣль движенія планетъ состоитъ въ томъ, что онѣ существуютъ, сохраняются, и такимъ образомъ вся система ихъ остается такой, какъ она есть». Вообще, принципъ цѣлесообразности насквозь проникнутъ антропоморфизмомъ. Можно ли допустить, задаетъ риторическій вопросъ Бючли, «что цѣль органа является мотивомъ его происхожденія и его цѣлесообразной дѣятельности?»

Переходя отъ вопроса о происхожденіи цѣлесообразности къ вопросу о ея распространеніи въ мірѣ организмовъ, Бючли указываетъ, что послѣднее далеко ужъ не такъ широко, какъ думаютъ, и рядомъ съ

---

*) Prof. Bütschli. «Mechanismus und Vitalismus» 1901.

цѣлесообразными реакціями органи ;а на раздраженія существуютъ и нецѣлесообразныя, которыя, напр., почти всегда проявляются, когда перейденъ извѣстный предѣлъ раздраженія. Также не видитъ Бючли никакой цѣлесообразности въ томъ, что въ теченіе исторіи земли вымерло множество организмовъ оттого, что они не смогли приспособиться къ мѣнявшимся окружающимъ условіямъ. «Фактъ этотъ непримиримъ съ допущеніемъ, что организму, какъ таковому свойственны цѣлесообразныя и направленныя къ сохраненію его реакціи».

Итакъ, призывъ виталистами на помощь метафизической философіи и богословія, по нашему мнѣнію, излишенъ, по крайней мѣрѣ, въ построеніи нашего міропониманія они помочь намъ не могутъ.

Переходимъ теперь къ механическому «объясненію». Въ методологическомъ отношеніи оно, конечно, неизмѣримо выше, чѣмъ виталистическое, такъ какъ, по крайней мѣрѣ въ чистомъ своемъ видѣ, напр., въ рукахъ проф. Умова, признаетъ основой объясненія—сравненіе, аналогію. Но оно грѣшитъ другимъ грѣхомъ. Оно слишкомъ упрощаетъ дѣйствительность. Напримѣръ, проф. Умовъ, опредѣляя живое вещество, какъ вещество, имѣющее свои отличительныя свойства, все же утверждаетъ, что *вездѣ* въ функціяхъ живой и не живой системы наблюдается аналогія и потому форма дѣйствія какого-либо живого вещества всегда можетъ быть выражена при помощи автомата.

Конечно, можетъ, но только для этого «живое вещество» надо обезличить, не принять въ разсчетъ его отличительныхъ свойствъ, а только тѣ общія свойства, на которыя простирается аналогія; это, конечно, очень полезный методъ и съ нимъ можно работать, но только до тѣхъ поръ, пока мы не касаемся спеціально того, что проф. Умовъ называетъ «отличительными свойствами живого вещества». Здѣсь уже сравненіе не примѣнимо, и познаніе обращается къ основному своему методу—описанію. Съ чѣмъ въ мертвомъ веществѣ можно сравнить такія свойства живого, какъ половой актъ, наслѣдственность, сознаніе и т. п.?

Проф. Умовъ на своемъ примѣрѣ двухъ паровозовъ пытается аналогизировать крикъ животнаго, предупреждающаго объ опасности своихъ товарищей. Не будемъ спорить, аналогія имѣется, но что съ ней дѣлать? Чему она помогаетъ? Развѣ она увеличиваетъ наше знаніе живого вещества? Нѣтъ, напротивъ, она его сознательно съуживаетъ. Въ крикѣ этого животнаго — цѣлый міръ ощущеній, — а мы сводимъ это на взаимодѣйствіе селеновой пластинки и вольтовой дуги. Пленка Липмана «помнитъ о данномъ цвѣтѣ». Затѣмъ даже такая сложная модель? Можно взять простое фотографическое клише, оно тоже «помнитъ», или еще проще. Я бросилъ свинцовый шаръ въ мягкій воскъ, получилось углубленіе, которое сохранится, конечно, гораздо дольше, чѣмъ Липмановская пластинка, воскъ будетъ «помнить» о полученномъ имъ ударѣ. Но какія «зависимости» могутъ уяснить такія модели, что мы выиграемъ отъ ихъ примѣненія? Опять-таки изъ

громадной, еще более сложной, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, совокупности ощущеній, которыя мы схематизируемъ словомъ «память», берется абстракція послѣдовательности явленій и въ тоже время обезцѣнивается, отбрасывается несоизмѣримая съ этой абстракціей громада всего остального. Немудрено, что послѣдовательность явленій, въ еще болѣе абстрактной формѣ—причинной связи—можетъ быть констатирована нами всюду. Проф. Умовъ увлекся выясненіемъ «зависимостей», т.-е. сведеніемъ одного явленія на другое, которое и разсматривается какъ причина перваго. Но вѣдь фактъ появляется въ силу цѣлой совокупности другихъ фактовъ и причина есть искусственное выдѣленіе изъ этой совокупности послѣдняго уловленнаго нами факта.

Физикъ Махъ предостерегалъ отъ сведенія всѣхъ другихъ наукъ къ положеніямъ физики и, наоборотъ, предлагалъ физику расширить до такихъ предѣловъ, чтобы включить въ нее опытъ большей полноты, чѣмъ нынѣ, напр., опытъ химіи. По мнѣнію Маха, злоупотребленіе механической физикой приводитъ къ тому, что мы приписываемъ явленіямъ пространства и времени бо́льшую реальность, чѣмъ цвѣтамъ, звукамъ и запахамъ, тогда какъ всѣ они сводятъ къ одному—къ ощущеніямъ.

Гораздо ближе къ этой точкѣ зрѣнія стоитъ *А. Я. Данилевскій* въ своей рѣчи—«Соціально-физическое значеніе нервной системы».

Нервная система, говоритъ Данилевскій, оказываетъ первенствующее вліяніе на весь строй человѣческой жизни, и поэтому важно выяснить съ научной точки зрѣнія значеніе различныхъ сторонъ нервной дѣятельности для человѣческаго общежитія. Задерживающіе центры нервной системы, благодаря которымъ человѣкъ можетъ сдерживать страсти и аффекты—позднѣйшее и, можетъ быть, самое важное и высокое пріобрѣтеніе человѣка; чѣмъ выше культура, тѣмъ большее значеніе получаютъ эти волевые регуляторы. Дѣятельность задерживающихъ центровъ можетъ быть понижена вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія нервной системы (отравленіе алкоголемъ, переутомленіе). Ослабленіе задерживающей дѣятельности мозга ведетъ къ уменьшенію альтруизма, проявленію низшихъ чувствъ и вообще къ редукціи нравственной личности. Высшія функціи головного мозга, развившись позже другихъ, еще не закрѣпились у человѣка въ достаточной степени и потому отличаются неустойчивостью. Къ этимъ высшимъ функціямъ, кромѣ задерживающей дѣятельности, проф. Данилевскій относитъ и область чувствованій, дающихъ начало всѣмъ нашимъ идеальнымъ стремленіямъ, напр.,—чувства гармоніи, красоты, пока не поддающіяся еще научной формулировкѣ. Вообще же первичнымъ источникомъ соціальной нравственности Данилевскій считаетъ нашу чувственную воспріимчивость, а исполненіе альтруистическихъ обязанностей органической потребностью. Одинаковыя эмоціи, подражательность, взаимное внушеніе—все это имѣетъ гро-

мадное значеніе въ соціальной жизни людей, и надо остерегаться, чтобы въ нашей жизни, полной утомленія и излишествъ, не предъявлять чрезмѣрныхъ требованій къ нервной системѣ. Переутомленіе можетъ вызвать рѣзкія извращенія всего умственнаго строя. Съ другой стороны, цѣлесообразное воспитаніе содѣйствуетъ укрѣпленію и развитію высшихъ сторонъ нервной дѣятельности. Такая біологическая точка зрѣнія на нервную систему даетъ, по мнѣнію проф. Данилевскаго, прочную основу нашему мышленію, и наука оказываетъ намъ великую воспитательную услугу.

Какъ видимъ, проф. Данилевскій стоитъ на эволюціонно-описательной, если можно такъ выразиться, точкѣ зрѣнія и близко подходитъ къ эмпиріокритицизму Авенаріуса. Послѣдній, какъ извѣстно, развивалъ въ своемъ ученіи мысль, что «вещь» и «мысль» суть функціи центральной нервной системы и окружающей ее среды. Безъ мыслящаго индивида—нѣтъ и среды, нѣтъ, значитъ и вещи; безъ окружающей индивидъ среды—нѣтъ измѣненій въ центральной нервной системѣ, а слѣдовательно, нѣтъ и мысли. Такова нераздѣльная связь центральной нервной системы и окружающей ее среды, вещи и мысли. Только нашъ почтенный физіологъ не договорилъ этой мысли. Этимъ, конечно, объясняется и его утвержденіе, что наши идеальныя стремленія не поддаются еще научной формулировкѣ. Стоя на точкѣ зрѣнія эмпиріокритицизма, нельзя было бы такъ ставить вопроса и можно было бы найти пути для выработки такой формулировки. Во всякомъ случаѣ, большой заслугой проф. Данилевскаго является то, что онъ сумѣлъ въ своей рѣчи показать большой публикѣ, какъ можно «объяснять» явленія духовной жизни, не прибѣгая ни къ бѣлой, ни къ черной магіи, не вдаваясь ни въ витализмъ, ни въ механизмъ.

Научно-общественныя задачи преслѣдовались также и работами статистической подсекціи. Статистика на съѣздѣ естествоиспытателей—это русская жизнь, ворвавшаяся въ «храмъ чистой науки». Ее долго туда не пускали; но разъ жизнь ввела уже въ этотъ храмъ медицину, гигіену и агрономію, статистика неизбѣжно должна была попасть туда тоже. И она попала, хотя и въ качествѣ несовершеннолѣтней подсекціи. Мнѣ приходилось отмѣчать уже 7 лѣтъ тому назадъ, какъ оживило московскій съѣздъ появленіе этой гостьи.

Другая сторона русской жизни до сихъ поръ не можетъ еще офиціально проникнуть на съѣзды естествоиспытателей. Я говорю о педагогикѣ. Не смотря на то, что въ задачи съѣздовъ, какъ помнитъ читатель, были внесены и *учебныя*, но до сихъ поръ, несмотря на многократныя ходатайства, педагогической секціи не образовано.

Впрочемъ, распорядительный комитетъ послѣдняго съѣзда сдѣлалъ большой шагъ впередъ: въ росписаніе занятій съѣзда были внесены два соединенныя засѣданія членовъ съѣзда съ преподавателями естествознанія. Собранія эти, какъ и слѣдовало ожидать, были многолюдны и оживленны. Большая часть времени была посвящена обсужденію

програмы о преподаваніи природовѣдѣнія въ средней школѣ проф. Кайгородова, програмы, предложенной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія учителямъ среднихъ учебныхъ заведеній въ видѣ руководства.

Изъ цѣлаго ряда докладовъ и дебатовъ по поводу этого выяснилось, что подавляющее большинство преподавателей естествознанія относится отрицательно къ программѣ проф. Кайгородова.

Здѣсь мы не можемъ входить въ обсужденіе сложнаго и важнаго вопроса о преподаваніи естествознанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, скажемъ только, что отвязаться отъ схоластики и суши, ввести болѣе близкое общеніе съ природой, обратить вниманіе на біологію, дать свободу преподавателю—все это желательныя и необходимыя измѣненія,—но прекраснодушное «общежитіе» проф. Кайгородова, полное изгнаніе имъ системы и опыта, если и лучше схоластики и суши, то всеже не многимъ. Наука всегда была и будетъ систематизаціей опыта, а преподаваніе имѣетъ одну, общую всѣмъ отраслямъ знанія, цѣль — передать другимъ эту систему наиболѣе экономнымъ образомъ. Пусть хоть наши дѣти не будутъ краснѣть, читая знаменитыя строфы Пушкина:

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Видимо, много наболѣло на душѣ у преподователя естествознанія въ средней школѣ, относительно многаго хотѣлось бы потолковать другъ съ другомъ, посовѣтоваться, выяснить,—а «храмъ» все запертъ. Неужели и на будущемъ одесскомъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей не будетъ образовано педагогической секціи?! А пока что, русскіе преподаватели выработали разныя desiderata, представленныя ими распорядительному комитету съѣзда. Самое существенное изъ нихъ: ходатайство о томъ, чтобы «естествовѣдѣніе, введенное въ среднюю школу, какъ предметъ, имѣющій свое самостоятельное значеніе, было проведено черезъ всѣ ея классы, какъ младшіе, такъ и старшіе, независимо отъ того, какой родъ дѣятельности изберетъ учащійся по окончаніи школы».

На долю XI-го съѣзда выпала задача большого научнообщественнаго значенія:—«окончательно обсудить уставъ ассоціаціи русскихъ естествоиспытателей съ цѣлью согласовать его съ указаніями министерствъ». Съѣздъ, въ лицѣ распорядительнаго Комитета, принялъ эти указанія, но ходатайствуетъ передъ министромъ просвѣщенія о томъ, чтобы было оставлено названіе «ассоціація» или, по крайней мѣрѣ, «союзъ», а не «общество», какъ почему то настаиваетъ министерство.

Въ этой ассоціаціи мы видимъ залогъ того, что наука въ Россіи не удалится въ скиты «научной чистоты», а будетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сливаться съ жизнью, изъ нея почерпая и факты, и вдохновеніе, въ нее внося—систему и экономію.

В. Агафоновъ.

ЗА РАБОТОЮ.

Съ пилой, съ зубиломъ, съ молоткомъ,
  Средь чаду, дыма и огня,
Подъ лязгъ и грохотъ за станкомъ
  Пилю, рублю желѣзо я...

Гремятъ машины надо мной,
  Свистятъ пары, шумятъ приводы...
Проходитъ день, идетъ другой;
  Недѣли, мѣсяцы и годы...

Насъ много здѣсь; все молодежь,
Немного встрѣтишь съ бородами.
А стариковъ наврядъ найдешь;
Сѣдыхъ нѣтъ вовсе между нами...
Старикъ лишь каменный заводъ,
Станокъ иной давно ведется.
А мы—все молодой народъ:
Намъ почему-то не живется...
Иль въ жизни намъ судьба такая,
Загадку эту какъ понять?..
Заноетъ грудь и чахнешь, тая,
Изъ года въ годъ... а тамъ... кровать
Въ стѣнахъ больницы... и... конецъ...
. . . .
О, Ты, всеправедный Творецъ!
О, Господи, съ слезами молимъ:
Взгляни на ратниковъ труда...
Избавь отъ скорбной, горькой доли
Въ такіе юные года,
Когда такъ хочется любить,

Все видѣть, чувствовать и знать,
И жить... хоть мучиться, но жить...
Страдать, но жить—не умирать!
Твой міръ такъ чуденъ, такъ хорошъ,
Такъ много свѣта и свободы...
О, Боже правый! отчего-жъ
Не жить бы долгіе намъ годы?!.

Ѳ. Поступаевъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Великая годовщина—пятидесятилѣтіе смерти Гоголя.—Литературная и общественная среда, его окружавшая.—Изъ сборника «Подъ знаменемъ науки».—Что погубило Гоголя, какъ художника и человѣка.—«На задворкахъ фабрики» и «Край безъ будущаго», г. Маликова.—Гдѣ же хуже—на фабрикѣ или въ деревенскомъ мірѣ?—Наблюденія г. Маликова изъ жизни сектантовъ. — Памяти Ивана Васильевича Мушкетова.

Однимъ изъ поучительнѣйшихъ явленій русской жизни представляется намъ судьба величайшаго нашего художника-реалиста Гоголя. Едва выступивъ въ литературѣ, онъ сразу занялъ единственное и никѣмъ не оспариваемое мѣсто, какъ великій и несравненный изобразитель русской дѣйствительности, какою она была въ угрюмое время крѣпостного царства. Въ десять лѣтъ почти онъ далъ такія картины изъ этого царства мертвечины и гнили, что послѣдующимъ художникамъ осталось развѣ только дорисовать детали, но главное—было дано, и какъ дано! Въ образахъ столь геніально-правдивыхъ и глубокихъ, что, казалось, художникъ заглянулъ въ самую глубь крѣпостного царства, въ его святая святыхъ и представилъ на поученіе и страхъ современности и потомству—весь ужасъ и отвратительное существо этой «злой ямы», которая называлась тогда «исконнымъ» строемъ русской жизни. Великій юмористъ, онъ не рисовалъ трагедій, совершавшихся тогда на каждомъ шагу,—трагедій, такъ хорошо повѣданныхъ намъ впослѣдствіи Щедринымъ и Терпигоревымъ,—и хотя безсознательно, но поступилъ какъ мудрѣйшій изъ мудрыхъ: онъ осмѣялъ этотъ строй. Трагедія, даже самая ужасная, есть все же борьба, въ ней есть исходъ въ смерти, и зритель такъ или иначе возбуждается, вдохновляется ею и примиряется съ судьбой, ибо смерть—великая примирительница. Гоголь далъ нѣчто болѣе важное — картину пошлости русской жизни, онъ показалъ пораженному читателю то, что лежало въ основѣ окружающей жизни. Немногочисленное тогдашнее общество русской интеллигенціи встрѣтило это геніальное воспроизведеніе пошлости русской дѣйствительности съ восторгомъ откровенія, такъ какъ и самые проницательные наблюдатели не видѣли всей глубины того, что далъ Гоголь. Но самого художника погубилъ его великій даръ, и пошлость жестоко отомстила ему за себя.

Слишкомъ неблагопріятны были условія, при которыхъ Гоголь совершилъ свое дѣло. Представимъ только подавляющую обстановку жизни тридцатыхъ и со-

роковыхъ годовъ, когда ему пришлось жить. Въ литературной средѣ полный разгулъ Булгариныхъ и Сенковскихъ, Гречей—и Дубельта. Пушкинъ только-что кончилъ трагически мучительную жизнь, и трупъ его втихомолку, какъ нѣкую заразу, препроводили подальше отъ тѣхъ, кто могъ его оплакать. А въ общественной средѣ — полный разгулъ тѣхъ самыхъ «потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ», которыхъ другой геніальный поэтъ только-что пригвоздилъ къ позорному столбу исторіи своимъ стихомъ, «облитымъ горечью и злостью». На кого могъ опереться Гоголь? У кого могъ онъ найти поддержку и дружественное укрѣпленіе въ минуты душевной слабости и колебаній?

Онъ меньше всего былъ натурой героической, которая въ себѣ самой ищетъ стимула для борьбы и въ самомъ одиночествѣ находитъ новый источникъ силы. Гоголь былъ человѣкъ слабый, приспособляющійся инстинктивно къ обстоятельствамъ и шедшій не противъ теченія, хотя и не за нимъ. Онъ искусно лавировалъ тамъ, гдѣ было можно, а больше всего ему было по душѣ—стоять въ сторонкѣ и съ своей скрытой, полуязвительной, полугрустной усмѣшечкой созерцать жизнь. Болѣзненный, мнительный, недовѣрчивый, самолюбивый до чудовищности, онъ сторонился отъ жизни и боялся ея. Ему легче дышалось за границей, гдѣ міръ былъ ему глубоко чуждый, но гдѣ онъ могъ уйти въ свою скорлупу, не вызывая ни удивленія, ни порицанія своей замкнутостью. На родинѣ это было немыслимо, здѣсь онъ былъ слишкомъ огромной величиной, чтобы не принимать участія въ окружающей дѣйствительности, а послѣдняя положительно пугала его. На родину, въ рѣдкіе наѣзды, онъ являлся только за поклоненіемъ, безъ котораго жить не могъ. Онъ упивался ѳиміамомъ, которымъ со всѣхъ сторонъ окружали его Аксаковы, Плетневы, Смирновы и др. Въ запахѣ этого ѳиміама онъ плохо, лучше сказать, вовсе не разбирался. Въ то время, какъ кругъ Аксаковыхъ славилъ его великое художественное дарованіе и въ унизительномъ для обѣихъ сторонъ преклоненіи ждалъ, требовалъ и молилъ новыхъ проявленій того же дара, — кругъ Смирновыхъ и Плетневыхъ тянулъ его въ противоположную сторону, восхваляя его проповѣдническій даръ, глубину его взглядовъ какъ мыслителя, и возбуждая сказать «великое слово», которое должно довершить дѣло его жизни, вскрывъ таинственную для всѣхъ суть русской жизни. Онъ, Гоголь, нарисовалъ только видимую, поверхностную сторону, тогда какъ только онъ можетъ раскрыть изумленному міру и тайну этой жизни.

И все это Гоголь принималъ какъ должное, безъ критики, безъ вдумчиваго отношенія и къ той, и къ другой сторонѣ. Голова его кружилась и не было около него ни одной души, ни одного человѣка, равнаго ему по таланту и силѣ слова, который могъ бы внести въ эту атмосферу хвалы здоровую струю отрезвленія. Принимая все за чистую монету, онъ и самъ проникся убѣжденіемъ, что онъ-то и есть провиденціальный человѣкъ, который завершитъ зданіе русской жизни и откроетъ человѣчеству великую правду, и придутъ всѣ, и поклонятся.

Ни для кого, быть можетъ, не была бóльшей потерей смерть Пушкина,

какъ для Гоголя *). Пушкинъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ бы уберечь Гоголя отъ головокруженія и своимъ здоровымъ умомъ оздоровить и эту болѣзненную, шаткую, колеблющуюся душу. Какъ бы далеко ни склонялся Пушкинъ вправо, онъ никогда не перешелъ бы того предѣла, за которымъ начинается нравственное разложеніе. Его умъ былъ для этого слишкомъ великъ и чувство—здорово, чтобы не видѣть той бездны, которая скрывалась за крѣпостнымъ режимомъ и за всѣмъ, что зиждилось на немъ. А голосъ Пушкина даже взъ-за могилы былъ единственнымъ, къ которому еще прислушивался Гоголь и которому вѣрилъ безусловно, хотя уже и пускался въ своеобразныя толкованія мыслей Пушкина.

Въ только что вышедшемъ сборникѣ «Подъ знаменемъ науки», изданномъ въ честь Н. И. Стороженки, есть очень интересная статья «Гоголь и Бѣлинскій лѣтомъ 1847 г.», въ которой проф. А. И. Кирпичниковъ даетъ любопытныя черты для характеристики этого упоеннаго своимъ величіемъ настроенія Гоголя. Не прошло еще и десяти лѣтъ съ того момента, какъ появились «Мертвыя души» и «Ревизоръ», два капитальныхъ творенія Гоголя, поставившія его имя въ зенитѣ литературнаго міра. Бѣлинскій уже написалъ свои великія статьи, разъяснившія всѣмъ значеніе этихъ произведеній, и Гоголь былъ на высотѣ, до которой послѣ Пушкина не поднимался писатель. Его не только признавали славой и гордостью родной литературы,—его чтили, какъ нѣкую сокровищницу, его обожали, предъ нимъ благоговѣли и преклонялись. У Аксаковыхъ предъ нимъ, по свидѣтельству очевидцевъ, чуть не молебны служили. А суетливыя и егозливыя великосвѣтскія дамочки, разныя Смирновы и Віельгорскія, въ письмахъ выпрашивали у него чуть не благословенія и закидывали его просьбами по части совѣтовъ на всякій случай жизни **).

Въ этомъ небываломъ для русскаго писателя положеніи было нѣчто глубоко комическое, и странно, какъ Гоголь съ его юморомъ не замѣчалъ этого. А онъ не только не замѣчалъ, но прямо-таки опьянѣлъ отъ хваленій и въ упоеніи разразился книгой дерзкой, легкомысленной и патетической, книгой, которая, кромѣ святошъ и ханжей, повергла всю собравшуюся около его имени клику въ великій конфузъ. Самъ авторъ, возбуждаемый и разгорячаемый

*) «Ты знаешь,—говорилъ Гоголь Ал. Ив. Тургеневу,—какъ я люблю мою мать, но еслибъ я потерялъ даже ее, то такъ не могъ бы быть огорченъ, какъ теперь—Пушкинъ въ этомъ мірѣ не существуетъ больше». Его же слова: «Пушкинъ!—какой прекрасный сонъ видѣлъ я въ моей жизни». По словамъ Кулиша, перваго біографа Гоголя, «смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя рѣзкую грань... При жизни Пушкина—Гоголь былъ одинъ человѣкъ, послѣ его смерти сдѣлался другимъ».

**) Вотъ что говоритъ о нихъ С. Т. Аксаковъ: «...Не менѣе вредны были ему дружескія связи съ женщинами большею частью высшаго свѣта. Онѣ сейчасъ сдѣлали изъ него нѣчто въ родѣ духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и увѣреніями, что его письма и совѣты поддерживаютъ или возвращаютъ ихъ на путь добродѣтели. Нѣкоторыхъ я даже не знаю, знаю только Віельгорскую, Соллогубъ и Смирнову». Въ особенности, вредна была послѣдняя, въ то время «кающаяся Магдалина», по выраженію Аксакова.

чрезмѣрностью хвалы и поощреній—стать на всероссійскую каѳедру и озарить міръ «всею правдой», былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, что даже «заранѣе велѣлъ заготовить бумагу для второго изданія», и писалъ Плетневу, тоже пресмыкавшемуся предъ нимъ, какъ Смирнова и проч., что «это его до сихъ поръ *единственная дѣльная книга*, необходимая въ настоящее время многимъ и многимъ». И первое время тѣ же Плетневы поддерживаютъ его въ этомъ убѣжденіи. «Гоголь на основаніи словъ Плетнева увѣрился, что изданіе распродастся въ мѣсяцъ», и торжествовалъ новую побѣду. Быть можетъ, ему уже предвидѣлась вся Россія, устремляющаяся къ нему, какъ къ новому пророку, а поученіемъ и духовной пищей. Скоро однако и Плетневъ палъ духомъ и смиренно увѣдомлялъ «учителя», что «книгопродавцы пріостановились своими требованіями и о второмъ изданіи никто изъ нихъ не заикается».

Этотъ чувствительный для адскаго самолюбія Гоголя ударъ былъ однако ничтоженъ въ сравненіи съ удручающими отзывами именно тѣхъ, кто прежде благоговѣлъ предъ нимъ, какъ предъ «величайшимъ писателемъ времени». По словамъ проф. Кирпичникова, «изъ лицъ, прикосновенныхъ къ русской литературѣ и познакомившихся съ «Выбранными мѣстами», болѣе 90 процентовъ оказалось противъ него». Даже великосвѣтскія поклонницы новаго пророка вынуждены сознаться что эффектъ книги совершенно неожиданный. Такъ, гр. С. М. Соллогубъ пишетъ: «Критики столь язвительны, разборъ вашихъ писемъ такъ немилосердно строгъ и насмѣшливъ и выведенныя заключенія изъ собственныхъ вашихъ словъ и сужденій такъ странны и преувеличены, что я считаю лишнимъ упоминать о нихъ здѣсь, руководствуясь этимъ правиломъ: плетью обуха не перешибешь». Этимъ «обухомъ» оказалось общее возмущенное чувство стыда и обиды за Гоголя, а въ друзьяхъ и поклонникахъ—и за себя. Вопреки ихъ ожиданіямъ, Гоголь, что называется, «повелъ себя неприлично», «понесъ дичь» и выказалъ себя такимъ «моветономъ», что даже у самыхъ заядлыхъ хвалителей его не хватило духу выступить на его защиту. Дѣло было погибшее и настолько погибшее, что только Смирнова да еще небольшой кружокъ обскурантовъ, ханжей и мистиковъ въ духѣ византизма, рѣшился отстаивать его.

Самъ Гоголь вначалѣ еще не даетъ себѣ отчета, что онъ надѣлалъ, и пытается, по обыкновенію, хитрить и выкручиваться. Его книга только попытка узнать мнѣніе другихъ о положеніи Россіи. «Письма эти вызвали бы отвѣты; отвѣты эти дали бы мнѣ свѣдѣнія. Мнѣ нужно много набрать знаній; мнѣ нужно хорошо знать Россію»—для работы надъ второю частью «Мертвыхъ душъ». Увѣряетъ, что «почти нарочно» помѣстилъ въ своей книгѣ много такихъ мѣстъ, которыя заносчивостью тона способны «задрать за живое и разсердить читателя», такъ какъ «русскаго человѣка до тѣхъ поръ не заставишь говорить, покуда не разсердишь его и не выведешь изъ терпѣнія». Потомъ, какъ набалованный и слабый человѣкъ, «старается всю отвѣтственность въ неудачѣ книжки возложить на своихъ близорукихъ поклонниковъ, которые слишкомъ торопили его и приставали къ нему». Но въ концѣ концовъ

падаетъ духомъ и признается, что «размахнулся въ своей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣетъ духу заглянуть въ нее».

Знаменитое письмо Бѣлинскаго довершило ударъ, нанесенный ему общественнымъ мнѣніемъ. «Душа моя изнемогла,—пишетъ онъ ему въ отвѣтъ.— Могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено пораженіе еще прежде, нежели я получилъ письмо ваше. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно, но тѣмъ не менѣе былъ не въ силахъ отвѣчать. Да и что мнѣ отвѣчать! Богъ вѣсть, можетъ быть, въ словахъ вашихъ есть часть правды...» Такое признаніе послѣ всего, что было сказано въ «Выбранныхъ Мѣстахъ», являлось для Гоголя отказомъ отъ учительства и пророческихъ откровеній. Въ другомъ письмѣ (къ Анненкову) онъ, по словамъ проф. Кирпичникова, «какъ-бы взываетъ въ милосердіи самаго благороднаго изъ своихъ противниковъ» (Бѣлинскаго), чувствуя себя глубоко виноватымъ, хотя потомъ въ письмахъ къ другимъ онъ же передаетъ впечатлѣніе отъ письма Бѣлинскаго и свой отвѣтъ на него уже въ совершенно другомъ тонѣ. По этому поводу проф. Кирпичниковъ замѣчаетъ:—«такая тенденціозная передача фактовъ, по моему глубокому убѣжденію, не есть умственное коварство или ложь, но результатъ той наклонности и умѣнья *приспособляться* къ людямъ и положеніямъ, которая замѣчается и въ скромномъ Гоголѣ-юношѣ, и въ прославленномъ авторѣ «Ревизора». Эта приспособляемость тѣсно связана съ живымъ воображеніемъ: обдумывая письма, онъ представляетъ себѣ того, кому пишетъ, и беретъ тотъ тонъ, какой онъ взялъ-бы въ разговорѣ съ нимъ».

Несомнѣнно, что горячій и убѣдительный тонъ Бѣлинскаго подѣйствовалъ на Гоголя сильно. «Съ тѣхъ поръ Бѣлинскій для него не литературный наѣздникъ, а одинъ изъ неглупыхъ людей и пріятелей, не безъ нѣкотораго основанія считающій его книгу *вредной*». Также вредной призналъ ее и Аксаковъ, «и такое удивительное согласіе двухъ представителей враждующихъ лагерей, людей идеальной прямоты и честности и знатоковъ искусства, не могло не оказать сильнаго и благотворнаго вліянія на самоувѣреннаго, упорнаго, но геніально-умнаго малоросса», заключаетъ авторъ.

Къ великой печали всѣхъ истинныхъ цѣнителей таланта Гоголя, побѣда осталась не за Бѣлинскимъ и Аксаковымъ. Повернуть снова на путь творчества, отказаться отъ роли учителя и открыто признать свою ошибку Гоголь уже не могъ. Самолюбивый до болѣзненности и захваленный не въ мѣру, онъ не могъ примириться съ неудачей «Выбранныхъ мѣстъ» и все больше погружался въ ханжество и мистику, куда его усердно тянули Смирнова, Толстой, Стурдза при помощи пресловутаго ржевскаго проповѣдника о. Матвѣя Константиновскаго. Въ мучительной борьбѣ, которая несомнѣнно свела его преждевременно въ могилу, Гоголь не имѣлъ возлѣ себя никого, кто поддержалъ-бы его въ свѣтлые промежутки, чей авторитетъ былъ-бы достаточно силенъ, чтобы противостать комплоту ханжей, тѣсно окружавшихъ несчастнаго писателя и уже взиравшихъ на него, какъ на славнѣйшую жертву, какую они могли-бы принести своему византійскому Богу. Мракъ, нависшій надъ русской жизнью съ

конца сороковыхъ годовъ, гробовое молчаніе, воцарившееся въ литературѣ подъ гнетомъ знаменитаго Бутурлина, въ значительмой степени усилили меланхолическое настроеніе, свойственное Гоголю вообще, и помогли развиться тому отчаянію, которое и привело къ катастрофѣ, такъ преждевременно лишившей Россію одного изъ лучшихъ ея сыновъ.

Такимъ образомъ Гоголь палъ жертвой не столько своей слабости, сколько жестокихъ условій, при которыхъ ему довелось жить и дѣйствовать. Онъ не былъ душевно-больнымъ, когда печаталъ свою «переписку», но глубокое разочарованіе, послѣдовавшее затѣмъ, упадокъ творческой способности и сознаніе ошибки, имъ совершенной—надломили его силы. Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ онъ уже не былъ прежнимъ Гоголемъ, творцомъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора». Все послѣдующее время было въ сущности сплошной мучительной агоніей, безуспѣшными порывами къ творческой работѣ, которая не давалась, а вслѣдъ затѣмъ наступалъ такой упадокъ духа, когда несчастный писатель хватался за все, лишь бы найти успокоеніе для своей пошатнувшейся гордости, какъ писателя. Въ это-то время имъ и овладѣлъ о. Матвѣй и его присные. Имъ досталась одна тѣнь прежняго величія, надъ которой они и могли торжествовать легкую побѣду. Но что Гоголь и въ эти минуты роковой слабости пытался все-таки бороться съ ними, показываютъ обстоятельства его смерти. Онъ не примирился и ушелъ скорѣе подавленный, разбитый, уничтоженный, но не примиренный. Иначе, откуда эти муки послѣднихъ минутъ, этотъ странный конецъ, тамъ похожій на сознательное самоубійство? Онъ отдалъ имъ свое творчество, уничтожилъ вторую часть «Мертвыхъ душъ», уничтожилъ и многое другое, что было у него въ рукописяхъ, но одного не могъ отдать — свободы духа, которую требовали у него ослѣпленные враги ея, и унесъ ее съ собой, какъ горькую жалобу къ Тому, Кого онъ, конечно, понималъ лучше, чѣмъ окружавшіе его фанатики.

Побѣда ихъ была, слѣдовательно, далеко не полной и превратилась скорѣе въ пораженіе, такъ какъ жертва, въ концѣ концовъ, ускользнула, а то, что осталось отъ нея въ наслѣдіе потомству, принесло пышный плодъ, заставившій всецѣло забыть всѣ ошибки писателя, на которыхъ имъ хотѣлось бы обосновать славу его. Такъ жизнь торжествовавала побѣду надъ смертью, и нынѣ въ пятидесятилѣтнюю годовщину печальной кончины великаго писателя мы можемъ вдвойнѣ чествовать его: и какъ творца русской литературы, давшаго ей то направленіе, отъ котораго она никогда потомъ не уклонялась, и какъ человѣка, мучительно алкавшаго правды и своею смертью запечатлѣвшаго вѣковѣчную истину, что жизнь только въ свободѣ духа, а не въ отреченіи отъ нея. Онъ далъ намъ великій урокъ. Не будемъ же забывать его, и если иногда кажется, что беретъ верхъ иное начало, то это лишь иллюзія, самообманъ, временное затменіе, «туманъ предъ зарею», какъ было и въ тѣ дни, когда Гоголь въ мукахъ сомнѣнія кончалъ свою жизнь. А заря возрожденія была уже такъ близко, міръ крѣпостничества, такъ имъ осмѣянный, доживалъ послѣднія минуты, и подъ неподвижной, мертвой поверхностью уже кипѣла новая жизнь.

Сложными и трудными путями идетъ жизнь, и нужно вдумчивое наблюденіе, чтобы даже и въ разложеніи увидѣть ростки будущаго. Не всѣмъ это дано, какъ, напр., доказываетъ своими очерками г. Маликовъ. Въ первомъ изъ нихъ — «На задворкахъ фабрики» онъ далъ такую жуткую картину разложенія человѣка на фабрикѣ, что вчужѣ становится страшно.

Очерки его очень интересны. Авторъ былъ приглашенъ устроить ферму, гдѣ можно было бы использовать отбросы фабрики, заражавшіе воздухъ. Ферма была устроена тутъ же подъ бокомъ огромной фабрики, гдѣ работало до четырехъ тысячъ человѣкъ, набиравшихся изъ ближайшихъ деревень.

Благодаря такому сосѣдству, авторъ могъ наблюдать и сравнивать нравы и обычаи двухъ мірковъ—фабричнаго и у себя, на фермѣ, деревенскаго. Оба міра, въ сущности мало рознились, такъ какъ оба были одного корня, деревенскаго, давшаго обильные ростки, въ видѣ обезземелившагося и отбившагося отъ земли люда, главная масса котораго устремлялась въ фабричные корпуса, гдѣ заработки были больше. И только незначительное меньшинство, по разнымъ причинамъ не устроившееся на фабрикѣ, шло искать пріюта на фермѣ. «Весь этотъ людъ когда-то, конечно, тоже принадлежалъ къ дѣйствительному крестьянству, когда-то и онъ имѣлъ кусокъ земли и уголъ въ собственной избѣ, но теперь все это провалилось въ какую-то пропасть. Давнымъ-давно уже мнимое крестьянство оторвалось отъ своей безплодной родимой глины и давнымъ-давно даже забыло и дорогу туда».

Авторъ не обозначаетъ точнѣе, о какой мѣстности нашего обширнаго отечества идетъ рѣчь, но изъ приведенной характеристики можно заключить, что рѣчь идетъ о какой-нибудь центральной губерніи. Далѣе это становится еще яснѣе, когда авторъ рисуетъ свою фабрику, какъ очень старую, имѣющую традиціи, и цѣлое поколѣніе, выросшее и воспитавшееся на фабрикѣ.

Не веселое впечатлѣніе производитъ на автора эта фабричная молодежь, не знавшая иной жизни, кромѣ фабричной казармы со всѣми ея специфическими сторонами. И то, что повѣствуетъ авторъ объ этихъ впечатлѣніяхъ, дышетъ правдой, рисующей неприглядныя стороны фабричнаго быта со всѣми его прелестями.

«—Охъ, эта фабрика, фабрика! Много она изъ меня крови выпила,—разсказывалъ мнѣ одинъ фабричный юноша, съ которымъ довелось мнѣ какъ-то познакомиться поближе. И я смотрѣлъ на этого, дѣйствительно безъ кровинки въ лицѣ юношу, смотрѣлъ, какъ онъ при своемъ разсказѣ медленно, какъ-то по-старчески, качалъ бѣлокурой головой; какъ было при этомъ серьезно его исхудалое, поблекшее и все въ веснушкахъ лицо, и мнѣ дѣлалось какъ-то неловко, не по-себѣ: точно я находился при постели трудно-больного, гдѣ чувствуешь, что нельзя вести себя, какъ привыкъ, а мягко и осторожно, чтобы невзначай не причинить лишней боли такому человѣку.

«—Я на фабрикѣ съ 10 лѣтъ,—продолжалъ онъ.—Отецъ отдалъ меня туда изъ деревни, потому что братъ мой женатый жилъ здѣсь въ ткачахъ, земля у насъ плохая, такъ что и одни старики то еле прокормятся; ну, онъ и хотѣлъ пустить меня по той же части. Опредѣлили меня сначала въ размотчики, года

4 я тамъ находился и въ школу въ то время ходилъ. Спасибо учительницѣ. Да... хорошо она учила... И полюбилась мнѣ очень эта наука. Кончилъ я въ школѣ первымъ. Послѣ сдѣлали меня прядильщикомъ, и сталъ я зарабатывать по 7 руб. въ мѣсяцъ. До той поры все съ братомъ жилъ, да ужъ больно тяжко съ нимъ было: пилъ онъ шибко и дрался чѣмъ ни попадя; бывало, то жену бьетъ, то меня таскаетъ, и все, все въ кабакъ, да въ кабакъ... Ушелъ я отъ него тогда въ общую... И самъ я тогда тоже много этой водки принималъ, шибко пилъ. Ну, вотъ какъ я ушелъ отъ брата, мнѣ и захотѣлось выбиться какъ-нибудь изъ этой праклятой жизни, захотѣлось учиться, потому учительница обѣщала хлопотать за меня у хозяина, чтобы помѣстить въ какое-нибудь училище техническое; сталъ я тогда часто къ учительницѣ ходить за книгами. Добрая она такая: все, бывало, направляла меня, книжки тоже давала читать. Очень ужъ понравилась мнѣ тогда исторія, да вотъ еще математика. Въ праздники или какъ со смѣны придешь, все больше читаешь или задачи дѣлаешь. Только ужъ очень трудно, неспособно учиться то въ нашей казармѣ. Не повѣрите, придешь иногда со смѣнки, ляжешь на нары, книжку возьмешь въ руки, а самъ ничего не понимаешь. Въ ушахъ шумъ да гулъ идетъ—это отъ машинъ да отъ станковъ, голова болитъ, першитъ отъ пыли бумажной, а грудь такъ и ноетъ; такая тоска нападетъ,—дернуть развѣ въ кабакъ. А то и подъ машину что ли? Одинъ конецъ по крайности...»

Что и говорить,—правъ авторъ, жестоко бичуя фабрику, гдѣ выматываются до такой степени люди. Но странное дѣло, и у него выходитъ все же отрадное заключеніе: этотъ испитый работникъ является въ его изображеніи настолько вполнѣ человѣкомъ, что читателя нисколько не удивляетъ конецъ, когда изъ разсказчика вырабатывается дѣльный техникъ, поступающій на туже фабрику. Правда, не всѣ такъ благополучно кончаютъ, и тотъ же юноша такъ характеризуетъ своихъ сотоварищей: «Вы не повѣрите, если вамъ скажу, какой у насъ на фабрикѣ народъ есть отчаянный. Вотъ тутъ у насъ партія одна подобралась изъ молодыхъ парней... Страшный народъ! Особенно одинъ изъ нихъ... Идетъ, примѣрно, онъ по улицѣ и не пьяный... Встрѣтится кто-нибудь съ нимъ въ недобрый часъ... Расшибетъ, такъ, совсѣмъ ни за что: хочешь, говоритъ, я рожу ему своротчу... Это первому встрѣчному, не разбирая, кто бы онъ ни былъ: ему все равно... А ужъ изругаетъ, что ни на есть хуже. Мы знаемъ, ужъ онъ подберется кой къ кому!.. Такому человѣку ужъ и не говори ничего: иди скорѣе мимо, потому страшный онъ!.. Здоровенный, зубами заскрипитъ, ровно звѣрь!.. «Я знаю, —зарычитъ бывало, что Владимірки не миную, такъ мнѣ все равно, когда ни начинать». А вѣдь какой товарищъ хорошій: умретъ, не выдастъ! Только ужъ, значитъ, злоба то больно кипитъ въ немъ, съ нее, видно, и пьетъ шибко».

Такіе типы, конечно, не изъ симпатичныхъ, но когда мы переходимъ на ферму, тутъ, при всемъ желаніи автора зарекомендовать своихъ «феллаховъ» возможно лучше,—они все же только и остаются «феллахами», какъ ихъ окрестилъ одинъ изъ фабричныхъ служащихъ. Преобладающей чертой своихъ феллаховъ авторъ, помимо воли, изображаетъ тупость, а взаимныя, «душевныя»,

отношенія, напр., между супругами рисуетъ въ такой, весьма намъ знакомой картинкѣ «деревенскаго уклада». Были у него на фермѣ мужъ и жена, оба горьчайшіе пьяницы, причемъ жена, Арина, любила не только выпить, но еще и «поколобродить», чего не любилъ ея Николай, мужикъ угрюмый и пившій мрачно-сосредоточенно. «Арина, вся блѣдная, какъ мертвецъ, дико взвизгивала какія-то неистовыя пѣсни, приплясывала, прихлопывала въ ладоши и кружилась и колобродила до невозможности. Въ такія-то минуты вдругъ откуда-нибудь изъ-за угла поднималась мрачная фигура пьянаго дяди Николая. Молча онъ ухватывалъ подругу своей жизни за косу и мгновенно повергалъ на полъ. Это начиналось ученіе. Никто тогда не смѣлъ противодѣйствовать Николаю, ибо силищи онъ былъ неимовѣрной и однажды, при попыткѣ отвлечь его отъ поученія, такъ крикнулъ: «не мѣшайся, убью!» — что вся публика постаралась тотчасъ же убраться изъ избы. А дядя Николай все также молча связывалъ свою бабу, медленно бралъ возжи и начиналъ жестоко, съ какимъ-то хладнокровіемъ тупой страсти, беззвучно передвигая посинѣлыми губами, учить ее. Дикіе крики неслись тогда изъ избы: «ой, убилъ, ой, смерть моя!..», а рабочіе и ребятишки серьезно и молчаливо прислушивались со двора къ этому вою и свисту возжей, и на вопросъ, въ чемъ дѣло, серьезно и тихо говорили: «дядя Николай тетку Арину учитъ». Словомъ, феллахи вполнѣ оправдывали свою нелестную кличку, данную имъ фабрикой. Не въ обиду будь сказано автору, но и намъ эта кличка кажется очень мѣткой, и если бы пришлось выбирать между «звѣремъ», котораго описываетъ его пріятель, и дядей Николаемъ, строгимъ учителемъ, мы бы затруднились сказать, кто изъ нихъ хуже.

Несмотря на всѣ отрицательныя стороны, фабрика вносила и нѣчто новое въ окружающее населеніе, то, что можно бы назвать солидарностью интересовъ. Авторъ называетъ это «силою рубля», который объединялъ всѣхъ вокругъ себя. Сказалась эта солидарность въ трудную минуту, когда «рубль пошатнулся» и дѣла фабрики пріостановились. Фабричное населеніе, въ концѣ концовъ, сумѣло отстоять свои интересы и заставило выплатить себѣ слѣдуемое, хотя и продѣлало все это дико и грубо, но вполнѣ сознательно и планомѣрно. А ферма съ ея феллахами, потерпѣвшая крушеніе при общемъ паденіи дѣла, просто и тихо умерла, исчезнувъ безслѣдно и безрезультатно.

И вообще пора бы бросить эти ни къ чему не ведущія противопоставленія фабрики и деревни. Первая явилась у насъ давно, въ силу необходимости, а не по людской злобѣ, чтобы насолить деревнѣ. И если послѣдняя расшаталась и «претъ» на ту же фабрику, то не отъ соблазна «легкимъ» заработкомъ на фабрикѣ, гдѣ въ мѣсяцъ можно заработать столько, сколько въ деревнѣ за все лѣто. Подкладка этого явленія такая простая и ясная, и самъ г. Маликовъ ее превосходно опредѣлилъ, указавъ на безземелье и безплодность «родимой глины». Этимъ вопросъ рѣшенъ если не навсегда, то надолго, и всѣ лирическія изліянія по этому поводу просто комичны. Кажется, будто какіе-то злодѣи, невѣдомо откуда явившіеся, понастроили эти адскія фабрики и сманиваютъ туда ошалѣвшихъ отъ нужды добродѣтельныхъ землепашцевъ. И странное дѣло! Не успѣетъ такой кладезь добродѣтели побывать на фабрикѣ, какъ моментально претво-

рается въ «злодѣя», пьяницу, развратника и пр. Противники фабрики сами не замѣчаютъ, какъ они конфузятъ своего добродѣтельнаго феллаха, который такъ радикально и быстро мѣняется. Возникаетъ невольно вопросъ, стоитъ ли жалѣть такую добродѣтель, которая такъ слаба и не выдерживаетъ при первомъ же искушеніи. Смѣемъ заподозрить, что и у себя въ деревнѣ эта феллахская добродѣтель болѣе или менѣе съ изъяномъ и проявляетъ свои качества при первой же возможности.

За доказательствами намъ не приходится далеко ходить, такъ какъ авторъ въ слѣдующемъ очеркѣ «Край безъ будущаго» даетъ достаточно для этого матеріала. Онъ описываетъ степную поволжскую область, гдѣ еще фабрики нѣтъ и деревенскій міръ во всей своей красѣ. Останавливается онъ прежде всего на хохлахъ и нѣмцахъ-колонистахъ, и тѣ, и другіе поражаютъ его своей почти дикостью, некультурностью, отсутствіемъ всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя мы склонны приписывать этимъ національностямъ. Хохлы утратили всякое воспоминаніе о своей прекрасной Украйнѣ, а нѣмцы потеряли все, что нѣкогда принесли изъ родины. «Полтораста лѣтъ и болѣе живутъ всѣ эти люди вмѣстѣ въ самой глубинѣ Россіи и за такое долгое время не нажили сообща никакого нравственнаго добра, никакой симпатіи; нѣтъ у нихъ общаго идеала, кромѣ одного: купить, продать, нажить. Нѣтъ у нихъ ни общаго родного языка, а съ нимъ ни общей думы, ни любви и никакого великаго и дорогого для всѣхъ имени человѣческаго; словомъ, нѣтъ никакой общей духовной культуры, а между тѣмъ, свое истинно хорошее и культурное они потеряли. Что теперь для здѣшняго нѣмца великія общечеловѣческія имена людей его прежней родины, что значатъ эти имена на почвѣ какого-нибудь Новоузенскаго уѣзда?.. Что значатъ теперь и для здѣшняго хохла славныя и поэтическія преданія и пѣсни его прекрасной Украйны? Все сгибло, все озвѣрилось и окиргизилось».

Конечно, виною является опять-таки злодѣйскій рубль, который всѣми здѣсь управляетъ, хотя уже не на фабрикѣ, коихъ здѣсь и въ поминѣ нѣтъ, а въ видѣ «зерна», являющагося объектомъ купли-продажи. Огромныя степныя пространства создали здѣсь своего рода фабрику хлѣба, преимущественно пшеницы, а желѣзныя дороги и все усиливающійся экспортъ за границу создали настоящую хлѣбную лихорадку, въ родѣ «золотой», развивающейся въ мѣстахъ новыхъ открытій золота. «Эта лихорадка заставляетъ безпрестанно многихъ малосостоятельныхъ лицъ бросаться на аренду казенныхъ, городскихъ и частныхъ участковъ и, какъ при очень дешевомъ хлѣбѣ, такъ и при сильномъ неурожаѣ, быстро пролетать въ трубу или при удачѣ наживаться... Вообще въ здѣшнихъ мѣстахъ явленія этого быстраго прогоранія или такой же наживы очень часты и никого не удивляютъ. Возможность очень легкаго благопріобрѣтенія около крестьянскаго добра, барыши, перекупка, закладываніе хлѣба въ банкъ и вообще полученіе разныхъ ссудъ подъ хлѣбъ, съ тѣмъ, чтобы занять деньги и опять бросить ихъ въ ту же спекуляцію, все это такъ возбуждаетъ аппетиты, такъ поднимаетъ пульсъ этой наживной горячки, что зачастую побуждаетъ людей, даже совсѣмъ незнакомыхъ съ торговымъ дѣломъ или хозяйствомъ,

кидаться или на аренду участковъ, или въ хлѣбную торговлю, и также лихорадочно скоро прогорать, какъ и наживаться».

Ну, а какъ же чувствуетъ себя при этомъ добродѣтельный самарскій феллахъ, проще говоря богобоязненный, добродѣтельный мужичокъ-общинникъ? Увы! И здѣсь его «исконная» добродѣтель «пошатилась» и осталось развѣ одно — сознаніе своего безсилія да неумѣніе пріобщиться къ общему «золотому» дну.

«Одинъ только настоящій пахарь-мужикъ стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ этой заразы,—говоритъ авторъ, которому нельзя отказать въ искренности и откровенности,—т.-е. я хочу сказать, не играетъ въ ней никакой активной роли, а всегда лишь роль жертвы и при томъ лишь единственно потому, что этому мѣшаетъ его вѣчная скудость. Внутренно онъ всей душой радъ былъ бы устремиться, конечно, на подобный путь, и умъ его постоянно настроенъ тоже въ этомъ направленіи, но для него ужъ нѣтъ живого объекта для этихъ вожделѣній, нѣтъ, такъ сказать, еще другого подъ-мужика, который былъ-бы предоставленъ въ его исключительное пользованіе; для него существуетъ только крестьянскій надѣлъ да черные заработки, на которые не оказывается охотниковъ изъ людей болѣе широкаго размаха, а на этихъ крыльяхъ не взмахнешь ни въ высь, ни въ ширь».

И выходитъ, что ничѣмъ не отличаетсв мужичокъ-пахарь отъ прочихъ его окружающихъ смертныхъ, кромѣ скудости, которая, понятно не можетъ ему внушить ничего, кромѣ мечтаній о «бѣлой Арапіи» и «теплыхъ водахъ», гдѣ живутъ мужики все крѣпкіе и гдѣ отъ хлѣба не «продыхнешь». Любопытнѣе всего, что, по утвержденію автора, какъ только мужикъ выбьется «въ люди», въ немъ съ поразительной быстротой происходитъ перемѣна. Понагрѣвъ руки около зерна, «живутъ эти зерновщики, какъ ихъ называютъ, хорошо: двухъэтажные дома съ садиками, крашеные полы, мягкая мебель и зеркала—все это въ порядкѣ, все блеститъ чистотою и дышетъ изобиліемъ. Всѣ они, развѣ за рѣдкими исключеніями, весьма склонны къ своеобразному свободомыслію и вообще либерализму, любятъ читать газеты и интересуются политикой; словомъ, носятъ въ себѣ вѣрные зачатки буржуазнаго духа, облеченнаго пока еще въ костюмъ россійскаго самодурства и въ долгополые сюртуки съ сапогами бутылкой, хотя и въ этомъ отношеніи произошли уже значительныя измѣненія въ пользу европеизма. Эти солидные люди, какъ истинная заря россійскаго будущаго, суть первые піонеры и руководители крестьянской жизни...»

Таковы пока плоды крестьянской жизни теперь, и нельзя сказать, чтобы они были очень симпатичны. Но въ этомъ же «Краѣ безъ будущаго» авторъ отмѣчаетъ и другое явленіе, тоже чреватое будущимъ, въ противность заголовку очерковъ г. Маликова. Это развитіе сектантства, смѣшаннаго изъ всякихъ толковъ и сектъ. Молокане, баптисты, хлысты, раскольники, штундисты—всѣ имѣютъ здѣсь своихъ представителей, довольно мирно уживающихся на широкомъ степномъ просторѣ.

«Самарская губернія переполнена всевозможными сектами и разновѣрами, которыхъ, по свѣдѣніямъ полиціи, въ 1895 г. считалось тамъ 102.837 человѣкъ, въ дѣйствительности же ихъ, конечно, гораздо больше, такъ какъ многіе

изъ совратившихся, въ виду отвѣтственности, не обнаруживають свою принадлежность къ той или другой сектѣ. Всѣхъ же иновѣрцевъ, считая въ томъ числѣ и раскольниковъ, числилось по этимъ же источникамъ 632.007 человѣкъ, т.-е. свыше 23°/о всего населенія губ. Уже одно это отношеніе должно наводить на мысль, что, въ силу лишь безпрестаннаго столкновенія между собою людей съ столь разнообразными воззрѣніями, религіозное возбужденіе у нихъ должно быть сильно приподнято.

Во время посѣщенія авторомъ этихъ мѣстъ населеніе было сильно возбуждено «выемкой» дѣтей у сектантовъ, и всюду шли объ этомъ оживленные толки и разговоры. Первый повѣдалъ объ этомъ автору одинъ изъ его знакомыхъ помѣщиковъ, Шелеховъ, нѣкогда радикалъ, потомъ осѣвшій на землю, которую любилъ и умѣлъ извлекать изъ нея пользу.

«Въ сосѣдней деревнѣ Антоновкѣ живетъ довольно много молоканъ, о которыхъ Сергѣй Петровичъ разсказалъ мнѣ исторію, нынѣ уже знакомую изъ газетъ, но тогда еще мало кому извѣстную, о томъ, какъ въ нѣсколькихъ семействахъ отобрали было дѣтей.

Говорятъ, по разнымъ монастырямъ развезены, такъ сами родители разсказывали—пояснилъ Шелеховъ... Тяжелое впечатлѣніе произвела эта исторія на весь здѣшній народъ!.. Да и что за мѣра?—продолжалъ онъ... Развѣ такой жестокостью возможно внести Христовъ миръ въ души преслѣдуемыхъ и преслѣдующихъ?

«— Что же, удалось ли родителямъ розыскать своихъ дѣтей?—спросилъ я.

«— Мать нашла свою дѣвочку въ одномъ монастырѣ, но свиданія не дали. Разсказываютъ, дѣвочка-то увидѣла свою мать случайно, въ дверь, да такъ съ крикомъ и бросилась на шею къ ней, такъ и замерла. Ну ихъ сейчасъ же развели. «Уходи, говорятъ, съ Богомъ, а то и намъ изъ-за тебя бѣда будетъ». Одинъ изъ отцовъ, бывшій солдатъ, въ Петербургѣ кинулся къ большимъ людямъ, гдѣ онъ въ полку прежде служилъ. Тамъ не вѣрятъ. «Ты что-нибудь врешь и путаешь», возражаютъ ему. «Не можетъ этого быть, чтобы малыхъ дѣтей отнимали у родителей». Вотъ тебѣ и не можетъ быть,—заключилъ онъ».

Вскорѣ, какъ извѣстно, мѣра эта была отмѣнена свыше, но взбудоражила она всѣхъ въ краѣ. Шелеховъ указалъ автору на печальныя послѣдствія, въ видѣ общаго озлобленія, какое вызвалъ фактъ отнятій дѣтей.

«— Такъ ты, значитъ, думаешь,—спрашиваетъ авторъ,—что въ дѣлѣ вѣры должна быть полная свобода?

«— А какъ же иначе?—удивленно взглянулъ онъ на меня.—Развѣ вѣчно живого Бога, источника истинной свободы, сыщешь внѣ своей свободной совѣсти? Ты пойми, пойми это,—опять горячо заговорилъ Сергѣй Петровичъ.—Вѣдь и самъ Богъ никого не насилуетъ спасеніемъ, а люди берутся за это? Свободой, наконецъ, только обличается злое и узнается доброе. Помнишь плевелы и пшеницу. Нѣтъ!.. Къ источнику свободы человѣку надо идти свободно и искренно. И, конечно, тѣ простые и лишенные духовнаго хлѣба люди, которые сами искренно и свободно ищутъ въ своей совѣсти живого Бога, безъ сомнѣнія, уже

болѣе жизненны, чѣмъ тѣ, которые спятъ мертвымъ сномъ подъ покрываломъ знамени истины.

«— Ты сейчасъ замѣтилъ мнѣ,—скромно продолжалъ Шелеховъ,—что-то о порядкѣ, объ укладѣ. Да развѣ всякій такой укладъ не требуетъ для своего существованія живой и нравственно-религіозной основы, словомъ того, что, помимо страха и сыска, должно свободно связывать людей. И если это вѣрно, такъ не творите себѣ кумира изъ этого уклада. Христіанство есть жизнь и жизнь непрерывная, вѣчная. Бодрствуйте, говоритъ Учитель. Такъ чего же бояться тогда человѣку, носителю такой жизни?.. Какой сектантъ можетъ нарушить эту жизнь? Нѣтъ, дѣло не въ этомъ, мой другъ,—заговорилъ онъ какъ-то особенно мягко.—За такую жизнь бояться нечего, да и никто не боится. А боятся за то, что само по себѣ не вѣчно, и боятся тѣ люди, которые не совершенны въ любви Спасителя. Вѣрные послѣдователи не боялись ни мукъ, ни креста, а іудеи, представители мертваго порядка, вотъ тѣ боялись и потому кричали: «распни!» И какъ часто мы видимъ, что люди смѣшиваютъ этотъ человѣческій укладъ съ укладомъ вѣчнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего лучше для лѣниваго раба, увѣровавшаго, что онъ въ истинѣ, кричать и требовать, особенно еще когда ему тепло на свѣтѣ, самыхъ строгихъ мѣръ къ охраненію этого уклада до полиціи включительно. Загналъ всѣхъ подъ одну крышу, а затѣмъ и спи спокойно! Но только наврядъ ли такими мѣрами удовлетворится народная совѣсть... Неужели для борьбы со зломъ, а тѣмъ болѣе заблужденіемъ да еще добросовѣстнымъ, необходимо бороться злыми, насильственными мѣрами? Допустимъ на минуту, что всѣ требованія и пріемы нынѣшняго уклада перенесены въ давно прошедшія времена, когда только что загоралась заря вѣчной жизни человѣчества... Что же, всѣ великіе и святые люди пошли бы тогда бить и колоть?..»

«— Духъ времени,—замѣчаетъ Шелеховъ по поводу такихъ новыхъ пріемовъ борьбы.—И что всего поразительнѣе, такъ это то, что никто изъ общества, даже никто изъ исполнителей этихъ мѣръ ни крошечки вѣдь не вѣритъ въ дѣйствительность и полезность ихъ: всѣ пожимаютъ плечами или прямо относятся отрицательно, и все-таки дѣлаютъ! Удивительно мертвое время... Ну я понимаю, въ вѣкъ пламенной борьбы, когда горѣлъ этотъ все сокрушающій непримиримый огонь вѣры... А то теперь-то? Захотѣли во время всеобщаго равнодушія такими мѣрами раздувать потухшій пламень?

«— Ну, что же,—вставилъ я вскользь,—ты можешь, значитъ, только радоваться этому съ своей точки зрѣнія: скорѣе къ концу.

«— Я?! удивился онъ, пожимая плечами.—Съ какой стати? Чему же тутъ радоваться, когда растетъ одичаніе, злоба и фанатизмъ; развѣ эти опасныя страсти хорошее поле для дѣла жизни?»

И по всей мѣстности авторъ слышитъ такіе разговоры и толки. Оживленіе, видимо, было огромное, и до сихъ поръ мирный и тихій край сектантства загудѣлъ, какъ улей. Результаты несомнѣнно получились обратные тому, что ожидалось, и, какъ извѣстно, мѣра эта—отнимать дѣтей у упорствующихъ—была отмѣнена.

Таковы интересныя наблюденія автора въ «Краѣ безъ будущаго», хотя мы не понимаемъ, почему г. Маликовъ отрицаетъ за нимъ возможность развитія? Онъ приводитъ хозяйство того же Шелехова, дающее изрядный доходъ при дѣльномъ и умномъ управленіи и усиленной работѣ самого хозяина. А живая работа совѣсти, никогда здѣсь не прерывающаяся, даетъ особый подъемъ духа всему населенію, которое гораздо и зажиточнѣе, и предпріимчивѣе, чѣмъ въ центрѣ Россіи.

Не прошло и года, какъ русское общество и наука понесло невознаградимую потерю въ лицѣ Манасеина. Теперь опять новая такая же потеря, еще болѣе жестокая и неожиданная, въ лицѣ такъ внезапно и безвременно скончавшагося Ивана Васильевича Мушкетова, котораго мы всѣ привыкли видѣть такимъ мощнымъ, свѣжимъ, энергичнымъ, всегда готовымъ откликнуться на всякое живое общественное дѣло. Кто изъ нѣсколькихъ тысячъ ученыхъ, естествоиспытателей и врачей на послѣднемъ всероссійскомъ съѣздѣ не помнитъ свѣтлую, бодрую, все и всѣхъ оживлявшую фигуру Ивана Васильевича, одного изъ главныхъ устроителей и руководителей послѣдняго съѣзда? Кто могъ подумать, что мы видимъ его въ послѣдній разъ? Глядя на его радушное и такое пріятное лицо, полное жизни, ума и веселости, никому и въ мысль не могло придти, что предъ нами человѣкъ обреченный, на котораго судьба уже наложила свои «необорныя руки». Хочется всѣми силами души протестовать противъ этой жестокой несправедливости, лишившей насъ этого неоцѣнимаго человѣка и дѣятеля именно въ ту минуту, когда онъ былъ бы всего нужнѣе, всего незамѣнимѣе.

Мы, писатели, ближе узнали его въ бывшемъ союзѣ взаимопомощи, гдѣ Мушкетовъ игралъ, какъ и вездѣ, одну изъ важнѣйшихъ и благороднѣйшихъ ролей. На общихъ собраніяхъ онъ былъ всегда предсѣдателемъ, а въ судѣ чести—безсмѣннымъ судьей. Довѣріе, которое питала къ нему писательская братія, было неограниченно, а его выдающійся острый умъ, природное добродушіе и затаенный, чисто русскій юморъ—вносили ту примирительную ноту, которая такъ необходима во всѣхъ дѣлахъ чести. Не смотря на гибель дѣлъ, лежавшихъ на его плечахъ, Мушкетовъ никогда не отказывался принимать участіе ни въ одномъ дѣлѣ, быстро, умѣло, ловко разбираясь въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ. Онъ также рѣшительно велъ и тѣ засѣданія, гдѣ предсѣдательствовалъ, съ обычнымъ своимъ безпристрастіемъ направляя пренія и удивительно ясно резюмируя ихъ результаты и постановляя вопросы на баллотировку. На душѣ веселѣе становилось, когда на предсѣдательскомъ мѣстѣ виднѣлась эта могучая, жизнерадостная фигура, съ проницательными, умными, зоркими глазами, красивыми, энергичными движеніями и едва замѣтной доброй усмѣшкой, когда ему приходилось утишать расходившіяся страсти.

Въ чемъ же коренилось то довѣріе и искреннія симпатіи и уваженіе, которыя внушалъ всѣмъ Мушкетовъ помимо своей воли, ни мало объ этомъ не заботясь и нисколько не добиваясь популярности? Прежде всего и главнымъ образомъ—въ его добротѣ, искренности и твердомъ характерѣ. Всякій чувствовалъ, что

на этого человѣка можно положиться, что ни въ какомъ положеніи онъ не измѣнитъ и не отдастъ своего «первородства» ни за какую «чечевичную похлебку». И въ тревожныя минуты общественной смуты взоры всѣхъ невольно направлялись въ его сторону съ ожиданіемъ и надеждой, что скажетъ Мушкетовъ, зная, что сказанное имъ—будетъ сдѣлано. Былъ извѣстный предѣлъ, дальше котораго онъ не шелъ, но всякій былъ увѣренъ, что до этого предѣла онъ имѣетъ въ Мушкетовѣ надежнѣйшаго союзника и товарища. Среди массы «праздноболтающихъ», колеблемыхъ, какъ тростникъ, Мушкетовъ былъ твердымъ дубомъ, подъ сѣнью котораго укрывались въ дни непогоды робкіе и обездоленные,—и не было для нихъ болѣе надежной опоры. Самая смерть его въ значительной степени объясняется тѣми тягостными мытарствами, нравственными терзаніями и физическими трудами, которыя приходилось выносить ему, отстаивая и защищая довѣрившихся ему. Сердце его истерзалось и не выдержало, сердце этого на рѣдкость мощнаго организма, въ пятьдесятъ лѣтъ производившаго впечатлѣніе человѣка въ расцвѣтѣ силъ. Удивительно трогательны были послѣднія минуты его, когда уже въ бреду онъ продолжалъ тревожиться и заботиться о разныхъ «малыхъ сихъ», за которыхъ никогда не уставалъ хлопотать при жизни.

Съ твердостью убѣжденій соединялась въ Мушкетовѣ рѣдкая въ наши дни ясность взглядовъ и глубокое пониманіе интересовъ текущей жизни. Это былъ,—мы не можемъ подыскать лучшей для него характеристики,—«практическій идеалистъ». Фраза его не увлекала никогда, и на первомъ мѣстѣ для него было—дѣло, возможность хоть на одну пядь подвинуться къ тому, что горитъ вдали яркой звѣздой идеала. Идеализмъ стремленій не допускалъ его до низменности компромиссовъ, до сдѣлокъ съ нечистыми злобами дня, а чисто-русская практическая сметка помогала найти вѣрный путь, ближе всего ведущій къ цѣли. Вотъ почему его участіе въ каждомъ общественномъ дѣлѣ было такъ цѣнно и незамѣнимо, какъ истиннаго «мужа совѣта и дѣла». И еще была у него замѣчательная черта, какъ общественнаго дѣятеля,—онъ никогда не терялся и въ самомъ трудномъ положеніи умѣлъ найти наилучшій выходъ, какъ Одиссей многоопытный. Помогала ему жизнерадостная натура, безсознательный оптимизмъ, съ которымъ онъ смотрѣлъ на жизнь и людей. «Духъ праздности унылой» былъ ему чуждъ и глубоко противенъ этой энергичной, дѣловой и богатой иниціативой душѣ. Эти драгоцѣнныя качества настоящаго общественнаго дѣятеля оцѣнятъ вполнѣ въ Мушкетовѣ только теперь, когда его не стало.

Да, какъ ни горько сказать, а его не стало. «У счастливаго недруги мрутъ, у несчастнаго другъ умираетъ...» Нѣтъ Манасеина, нѣтъ Мушкетова,—а кто же ихъ замѣнитъ? «Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далёко», мѣста ихъ на аренѣ общественной жизни зіяютъ пустотой, и словно смерть стоитъ на стражѣ возлѣ. Но жизнь не терпитъ пустоты. «Сомкнись!»—вотъ ея пароль и «впередъ»—ея лозунгъ, впередъ, туда, куда «выносятъ волны только смѣлаго душой»...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Грамотность Петербурга. Вышла первая тетрадь свѣдѣній о населенія Петербурга по первой всеобщей переписи 28 января 1897 года. Пользуясь этими свѣдѣніями, «Русскія Вѣдомости» въ обширной статьѣ рисуютъ картину грамотности населенія столицы. При этомъ газета высказываетъ слѣдующее вполнѣ основательное соображеніе. Разработка матеріаловъ первой всеобщей переписи населенія должна намъ дать цифру грамотныхъ въ Россіи къ концу девятнадцатаго вѣка. Когда это будетъ,—сказать трудно, такъ какъ до настоящаго времени опубликованы лишь десятка полтора погубернскихъ сводокъ переписныхъ данныхъ о грамотности. Но съ появленіемъ первой тетради переписи по Петербургу мы узнаемъ, по крайней мѣрѣ, какой предѣльной высоты достигла грамотность въ нашемъ отечествѣ. Городовъ, могущихъ соперничать съ Петербургомъ въ этомъ отношеніи немного, а мѣстности, превосходящія столицу по грамотности, врядъ ли даже и встрѣтятся. Поэтому можно безъ риска сколько-нибудь значительной ошибки принять петербургскую грамотность за кульминаціонный пунктъ русской грамотности.

Остановимся затѣмъ на нѣкоторыхъ фактахъ, констатируемыхъ газетою на основаніи данныхъ переписи. Грамотныхъ въ Петербургѣ (безъ иностранцевъ) оказывается 62,6 проц., неграмотныхъ 37,4 проц.

Такимъ образомъ, треть населенія Петербурга (и даже болѣе) къ концу девятнадцатаго вѣка оказывается неграмотной, хотя нѣтъ сомнѣнія, что наибольшій изъ крупныхъ русскихъ городскихъ центровъ предъявляетъ сильнѣйшій спросъ на грамотныхъ людей и имѣетъ возможность притянуть ихъ къ себѣ изъ другихъ мѣстъ. Этотъ фактъ, конечно, не представляетъ ничего неожиданнаго, но онъ важенъ, какъ наглядное доказательство нашихъ слабыхъ успѣховъ въ дѣлѣ просвѣщенія. И не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что, по мѣрѣ разработки матеріаловъ переписи 1897 года, эта печальная истина будетъ подтверждаться все новыми и новыми цифрами.

Сколько извѣстно изъ непосредственныхъ наблюденій и отрывочныхъ статистическихъ данныхъ, мужская грамотность у насъ значительно опередила женскую. И Петербургъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Грамотныхъ мужчинъ въ немъ насчитывается 488.886 человѣкъ, или 71,6 проц.

всего мужского населенія города, а грамотныхъ женщинъ—284.209, т.-е. только 50,7 проц. общаго числа ихъ въ Петербургѣ. Разницу между этими цифрами нельзя не признать значительной и въ то же время нельзя объяснить ее меньшимъ спросомъ на женскую грамотность со стороны столицы. По сравненію съ низкимъ уровнемъ грамотности женщинъ во всей странѣ, представляется высокимъ и процентъ грамотныхъ женщинъ въ Петербургѣ, какъ ни отстали онѣ въ этомъ отношеніи отъ мужского населенія. Въ самомъ дѣлѣ, много ли найдется, да и найдутся ли въ нашемъ отечествѣ еще такія мѣстности, гдѣ бы изъ полумилліона женщинъ половина была грамотныхъ? Не забудемъ при этомъ, что среди женщинъ живущихъ въ Петербургѣ большинство (52,5 проц.)—крестьянки и что двѣ пятыхъ женскаго населенія Петербурга находится въ возрастѣ отъ 21 до 40 лѣтъ. Оба эти факта указываютъ на громадную роль пришлаго элемента въ ростѣ населенія столицы и, въ связи съ приведенными данными о грамотности ея женскаго населенія, заставляютъ думать, что и въ средѣ женщинъ, прибывающихъ въ Петербургъ въ рабочемъ возрастѣ, грамотныхъ тоже довольно много. Ясно, что Петербургъ, притягивая рабочія силы, сталъ предъявлять особенный спросъ на грамотныхъ. При томъ, женская грамотность цѣнится въ столицѣ, повидимому, не меньше, чѣмъ мужская. Но сельское населеніе, за счетъ котораго, главнымъ образомъ, растетъ Петербургъ, не можетъ вполнѣ удовлетворить этому спросу, а по части женской грамотности въ особенности.

Если въ настоящее время предъявляемый Петербургомъ спросъ на грамотныхъ еще не удовлетворяется вполнѣ, то съ теченіемъ времени все-таки возможность его удовлетворенія облегчается.

Въ этомъ убѣждаетъ сопоставленіе данныхъ о грамотности и о возрастѣ населенія. Такъ, среди мужчинъ въ возрастѣ 40—49 лѣтъ, грамотные составляютъ въ Петербургѣ 73,5 проц., для возраста 30—39 лѣтъ тотъ же процентъ будетъ 77,7; молодые люди въ 20—29 лѣтъ даютъ 79,9 проц. грамотныхъ, а въ возрастѣ 10—19 лѣтъ—даже 89,5 проц. Такая же прогрессія получается и для женщинъ: въ возрастѣ 40—49 лѣтъ между ними грамотныхъ меньше половины (47,0 проц.), въ 30—39 лѣтъ—51,8 проц.; среди 20—29-лѣтнихъ женщинъ грамотныхъ 61,1 проц., а для слѣдующей десятилѣтней группы болѣе ранняго возраста (10—19 лѣтъ)—грамотность опредѣляется въ 80,8 проц. Есть и другое указаніе на то, что потребность большого города въ притокѣ грамотныхъ, хотя и медленно, насыщается. По городской переписи 1890 года, въ Петербургѣ, безъ пригородовъ, значилось въ числѣ жителей мужского пола старше 5 лѣтъ 74 проц. грамотныхъ, и среди женщинъ того же возраста—54 проц. Такой же разсчетъ, по даннымъ переписи 1897 года, показываетъ, что мужская грамотность въ той же возрастной группѣ населенія Петербурга повысилась до 79,4 проц., а женская—до 58 проц. Эти цифры указываютъ на прогрессъ; но нельзя сказать, чтобы онъ совершался быстро даже въ Петербургѣ. Въ остальной странѣ, за исключеніемъ немногихъ городовъ, прирость грамотныхъ идетъ, безъ сомнѣнія, еще медленнѣе.

Дворяне о дворянской идеѣ. Недавно издатель «Гражданина» кн. В. П. Мещерскій торжественно отпраздновалъ тридцатилѣтній юбилей своей публицистической дѣятельности. Какъ видно изъ газетныхъ отчетовъ, юбилей собралъ въ помѣщеніи редакціи «Гражданина» многихъ представителей чиновнаго міра, привѣтствовавшихъ князя Мещерскаго въ высокой степени сочувственнымъ адресомъ, а присутствовавшій тутъ же издатель «Московскихъ Вѣдомостей» г. Грингмутъ обратился къ юбиляру съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ: «Кто не подписывается на вашу газету, тотъ не русскій».

Незадолго до юбилея кн. Мещерскій обратился къ предводителямъ дворянства съ слѣдующимъ печатнымъ циркулярнымъ воззваніемъ:

«Послѣ 30-тилѣтія изданія мною газеты *Гражданинъ*, неуклонно служившаго истолкователемъ и защитникомъ интересовъ духовныхъ и матеріальныхъ русскаго земельнаго дворянства, мнѣ грустно, въ видѣ главнаго итога, удостовѣрить тотъ печальный фактъ, что именно оно, это дворянство, всегда отвѣчало равнодушіемъ на мои усилія честно служить вышесказанной цѣли и всегда въ моей одинаковой борьбѣ съ врагами дворянскихъ завѣтовъ оставляло меня безъ защиты подъ не прерывавшимися 30 лѣтъ ударами злобы и ненависти. Тѣмъ не менѣе ради «30-ти лѣтія Гражданина», считаю своимъ долгомъ, какъ бы слаба ни была надежда на успѣхъ, еще разъ попытаться обратить на свое изданіе благосклонное вниманіе тѣхъ гг. предводителей, которые рѣшились бы органъ печати, 30 лѣтъ самостоятельно отстаивавшій идеалы, преданія и завѣты русскаго дворянства, удостоить своимъ сочувствіемъ хотя бы въ силу поговорки: «лучше поздно, чѣмъ никогда».

Предводители дворянства не замедлили отвѣтить, и вотъ на страницахъ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» появились слѣдующія строки, подписанныя валковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства г. Ширковымъ:

«Передъ праздниками много нищаго народу обиваютъ пороги, прося Христовымъ именемъ къ Христову дню. По Харькову, между прочимъ, ходятъ двѣ-три цыганки, водящія съ собою чужихъ дѣтей, которыхъ онѣ пріучаютъ къ нищенству. Этимъ, грѣшный человѣкъ, я ничего не даю! хотя бы онѣ просили ради Христа. Христовымъ именемъ должно дѣлаться добро, а не упрочиваться неправда. Такое цыганское прошеніе принесла мнѣ сегодняшняя почта въ воззваніяхъ князя Мещерскаго о подпискѣ на «Гражданинъ».

«Эти воззванія присланы мнѣ подъ предлогомъ, что кн. Мещерскій 30 лѣтъ поддерживаетъ какую-то дворянскую идею въ своемъ «Гражданинѣ». Если бы онъ былъ только наивенъ и полуграмотенъ, «Гражданина» можно было бы просто не читать. Но такъ какъ отсутствія ума нѣтъ, то къ нему надо относиться нѣсколько иначе, а именно понять, что тутъ подъ видомъ наивности уже 30 лѣтъ ведется подпольная интрига для компрометтированія идеи дворянства».

Идея же дворянства, по мнѣнію г. Ширкова, заключается въ слѣдующемъ:

«Вся идея дворянства состоитъ въ воспитаніи не случайныхъ, преходящихъ слугъ государства, а слугъ коренныхъ, связанныхъ съ далекою будущностью отечества, которые приносили бы ему необходимый матеріалъ, его силы, а не расхищали бы его. Тѣ, которыхъ я называю случайными и преходящими, ра-

стаскиваютъ матеріалъ отечественной крѣпости, увѣряя, что они его этимъ сохраняютъ».

Одновременно съ этимъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано открытое письмо къ издателю «Гражданина», подписанное тамбовскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства В. М. Петрово-Соловово.

«Текстъ вашего письма —обращается онъ къ кн. Мещерскому—и то обстоятельство, что оно не рукописное, а печатное, приводитъ меня къ заключенію, что это есть нѣчто вродѣ циркулярнаго посланія къ предводителямъ дворянства и нѣчто болѣе серьезное, нежели обычная газетная реклама, съ которой нѣкоторыя изданія обращаются въ концѣ года къ читающей публикѣ, съ цѣлью увеличить число своихъ подписчиковъ. Поэтому я нахожу необходимымъ отвѣтить вамъ и въ то же время считаю полезнымъ мой отвѣтъ предать гласности. Подводя итоги вашей тридцатилѣтней дѣятельности на почвѣ публицистики, вы съ горькимъ чувствомъ признаете полное равнодушіе къ вамъ русскаго дворянства. Но, сами того не подозрѣвая, въ вашихъ сѣтованіяхъ вы воздаете ему величайшую хвалу. Въ самомъ дѣлѣ, если къ тѣмъ идеямъ и убѣжденіямъ, которыя вы неуклонно проводили, русское дворянство относилось несочувственно, то это значитъ, что въ немъ не заглохли тѣ высокіе идеалы, съ которыми оно, обновленное реформами 60-хъ годовъ, выступило на открывшееся ему новое поприще общественной дѣятельности; это значитъ, что «эпоха великихъ реформъ» твердо опредѣлила путь, по которому оно должно идти, несмотря на всѣ усилія его ложныхъ друзей своротить его съ этого пути; это значитъ, что, несмотря на долголѣтнюю реакцію, проводникомъ которой вы такъ долго и такъ усердно служили, въ русскомъ дворянствѣ не угасло безкорыстное стремленіе въ живомъ общеніи и при полной равноправности съ остальными сословіями русской земли трудиться надъ постепеннымъ водвореніемъ того порядка вещей, который составляетъ необходимое условіе нормальнаго общественнаго и государственнаго роста нашего отечества. А если иногда и можно было отмѣтить желательныя съ вашей точки зрѣнія исключенія, то вѣдь это только проявленія спеціальнаго атавизма, который не является тормазомъ въ общемъ органическомъ развитіи. Вы ошибаетесь, усматривая только холодность и равнодушіе къ вамъ русскаго дворянства. Нѣтъ! Негодованіе и протестъ вызывала не только въ передовыхъ его представителяхъ, но и въ громадномъ его большинствѣ ваша проповѣдь узко-сословныхъ тенденцій, ваша апологія дореформенныхъ порядковъ въ видѣ розги и административнаго произвола, ваша защита не духовныхъ интересовъ дворянства, какъ вы ошибочно полагаете, а низменныхъ побужденій кастоваго эгоизма. Ваша тридцатилѣтняя работа, въ безплодности которой вы сами сознаетесь, могла бы, кажется, достаточно убѣдить васъ, что идеи, которымъ вашъ журналъ служитъ выраженіемъ, не соотвѣтствуютъ стремленіямъ и надеждамъ Россіи XX столѣтія. Итакъ, не ждите отъ насъ сочувствія, на которое вы, повидимому, все еще продолжаете надѣяться. Но если вы, прочтя мое письмо, еще разъ оглянетесь на пройденный вами жизненный путь публициста, на которомъ вы, по собственному признанію, видите одни только разочарованія и неудачи, то, быть можетъ, вы откажитесь и отъ слабой надежды

на успѣхъ и бросьте вашу неблагодарную Сизифову работу, хотя бы слѣдуя той же самой поговоркѣ, которую вы приводите въ концѣ вашего обращенія къ намъ: «лучше поздно, чѣмъ никогда».

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, датированнымъ 21-го декабря, въ тѣхъ же «Русскихъ Вѣдомостяхъ» опубликовано «Открытое письмо тамбовскому уѣздному предводителю дворянства В. М. Петрово-Соловово», датированное 8-го января и подписанное на этотъ разъ семью предводителями дворянства: рузскимъ — кн. П. Долгоруковымъ, звенигородскимъ—гр. П. Шереметевымъ, дмитровскимъ — гр. М. Олсуфьевымъ, опочецкимъ—гр. Н. Гейденомъ, темниковскимъ—Ю. Новосильцевымъ, елецкимъ—А. Стаховичемъ и ливенскимъ—А. Шереметевымъ. Всѣ названные предводители дворянства, выражая полную солидарность съ г. Петрово-Соловово, заявляютъ, что и они точно также считаютъ, что «не защитникомъ истинныхъ интересовъ русскаго дворянства былъ въ теченіе 30-ти лѣтъ «Гражданинъ», а злымъ врагомъ; что неизмѣнно проповѣдывалъ онъ не чувство *единенія всѣхъ сословій русскаго народа*, а сословную рознь; что онъ всячески оскорблялъ тѣхъ людей изъ среды дворянства, которые искали воплотить въ жизни это насущное для страны единеніе; что, стоя далеко отъ жизни, онъ не переставалъ нападать на наше земство, гдѣ еще можетъ, несмотря на преграды, жить это единство; что онъ не желалъ безпристрастно вглядѣться въ помѣстную жизнь, а всегда предпочиталъ спокойному и трезвому безпристрастію озлобленную страстность, правдѣ—неправду».

Одиссея тифлисскаго самоуправленія. Тифлисская городская дума, говоритъ газета «Право», всегда имѣла привилегію приковывать вниманіе не только мѣстной, но и столичной прессы и возбуждать страсти и споры. Одни ее превозносятъ за интеллигентность личнаго состава (75% всѣхъ гласныхъ—люди съ высшимъ образованіемъ), за культурную и просвѣтительную дѣятельность; другіе, наоборотъ, клеймятъ ее за «исключительность» національнаго состава гласныхъ, за то, что въ столицѣ Грузіи (въ которой, кстати сказать, большинство избирателей принадлежитъ къ армянской національности) въ числѣ гласныхъ думы грузинъ—только двое, а большинство гласныхъ—армяне. Между армянами и грузинами вокругъ городского самоуправленія сосредоточена была національная борьба, причемъ грузины въ своей печати осыпали армянъ всевозможными обвиненіями. Пока эти обвиненія печатались по-грузински, администрація не обращала на нихъ вниманія. Но появляется въ Тифлисѣ В. Л. Величко, кратковременное пребываніе котораго на Кавказѣ оставило тамъ глубокіе слѣды. L'homme passe—l'idée reste. Въ скромной роли редактора оффиціознаго «Кавказа» онъ возымѣлъ дерзкую мысль сдѣлаться Катковымъ незнакомой—увы! русскому обществу окраины, вдохновителемъ высшей кавказской администраціи... Знакомый съ Кавказомъ лишь по разсказамъ грузинъ и по произведеніямъ поэтовъ, переводимыхъ имъ на русскій языкъ, В. Л. Величко сдѣлался органомъ грузинской думской партіи, забаллотированной на выборахъ 1897 года. Обвиненія, печатавшіяся раньше на страницахъ «Иверіи», перешли на страницы «Кавказа». Тифлисское самоуправленіе стало называться «само-

управствомъ»; стачка гласныхъ съ поставщиками, своекорыстное участіе гласныхъ въ городскихъ поставкахъ, непринятіе на городскую службу не армянъ, неодинаковое отношеніе къ обывателямъ армянамъ и не армянамъ, взяточничество, хищенія,—вотъ въ чемъ обвинялъ болѣе или менѣе открыто г. Величко дѣятелей тифлисскаго самоуправленія. Русскіе, бывшіе на сторонѣ армянъ, относились имъ либо къ категоріи «дрейфусаровъ», либо къ категоріи людей слабыхъ, не устоявшихъ передъ «капуанскими делисами».

16-го октября 1898 г., по распоряженію главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, производится ревизія тифлисской городской управы и всѣхъ подвѣдомственныхъ ей органовъ городского самоуправленія. Очевидно, не сомнѣваясь въ томъ, что имѣются дѣйствительно злоупотребленія, кн. Голицынъ немедленно, *не потребовавъ отъ нихъ даже объясненій*, отстраняетъ отъ должности членовъ управы — Иваненко и Вермишева. Величко, представитель русскаго телеграфнаго агентства на Кавказѣ (!), сообщаетъ, что обнаружены въ тифлисской управѣ крупныя злоупотребленія, что двое изъ членовъ управы отстранены отъ должностей и что населеніе г. Тифлиса въ ликованіи.

Результаты административной ревизіи были представлены на заключеніе совѣта главноначальствующаго, который, 16-го января 1899 года, *не потребовавъ отъ обвиняемыхъ объясненій*, рѣшилъ предать уголовному суду всѣхъ, въ томъ числѣ и Г. Г. Евангулова, утвержденнаго городскимъ головой лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до ревизіи. Но князь—главноначальствующій не желалъ доводить дѣло до суда, такъ какъ установленная ревизіей запущенность хозяйства гор. Тифлиса представляется результатомъ равнодушнаго и неумѣлаго отношенія къ городскимъ интересамъ не одного только нынѣшняго состава управы, но также, и въ гораздо большей степени, и прежнихъ составовъ ея. Находя, въ виду этого, крайне несправедливою мѣрой привлеченіе къ отвѣтственности одного только нынѣшняго состава управы, а съ другой стороны, не находя возможнымъ собственной властью прекратить дѣло въ виду доказанности ихъ вины и прямого требованія закона, князь-главноначальствующій предполагалъ испросить Высочайшее соизволеніе на прекращеніе настоящаго дѣла, съ оставленіемъ, однако, при этомъ, на отвѣтственности состава управы возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ городу неправильными дѣйствіями.

Къ предположеніямъ кн. Голицына не признали возможнымъ присоединиться ни министръ юстиціи, ни министръ внутреннихъ дѣлъ. Дѣйствительно, едва ли привлеченіе къ уголовной отвѣтственности кого бы то ни было, при полной доказанности его вины, являлось бы мѣрою «крайне несправедливою». Засимъ, то обстоятельство, что къ винѣ этой были причастны и губернская администрація, и дума, и прежніе городскіе головы и члены управы, можетъ служить только поводомъ къ возбужденію противъ всѣхъ виновныхъ уголовнаго преслѣдованія, но отнюдь не къ освобожденію отъ взысканія даннаго состава городской управы; наконецъ,—что самое главное,—разрѣшеніе дѣла въ томъ порядкѣ, который предлагался главноначальствующимъ, представлялось для самихъ заподозрѣнныхъ мѣрой крайне несправедливой. Если они были въ чемъ-либо виноваты—они должны были быть наказаны. Если же не виноваты, то адми

нистрація должна была признаться въ своей ошибкѣ, дѣло должно было быть безусловно прекращено, и отстраненные члены управы возстановлены въ должности.

Такимъ образомъ, дѣлу было дано дальнѣйшее законное направленіе и заподозрѣннымъ представителямъ тифлисскаго самоуправленія дана возможность очиститься отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій, доказать своимъ избирателямъ, что тѣ не ошиблись въ своемъ выборѣ, а всему русскому обществу, что тифлисское самоуправленіе ничѣмъ не нарушило оказаннаго ему довѣрія.

Дѣло было передано судебному слѣдователю. 8-го апрѣля 1899 года впервые узнали обвиняемые отъ слѣдователя, въ чемъ ихъ подозрѣваютъ. До тѣхъ поръ узнавали они о предъявляемыхъ имъ обвиненіяхъ лишь изъ частныхъ слуховъ, статей г. Величко и корреспонденцій «Новаго Времени». Судебному слѣдователю предстояла не легкая задача провѣрить результаты административной ревизіи и подвести расплывчатыя и неопредѣленныя обвиненія подъ статьи уложенія о наказаніяхъ. Предварительное слѣдствіе продолжалось два года. Въ это время вице-губернаторъ Стефановичъ, производившій ревизію, былъ причисленъ къ министерству, согласно прошенію,—душа же ревизіи В. Л. Величко вовсе отстраненъ отъ должности редактора «Кавказа».

Положеніе городского головы и членовъ управы было очень любопытно. Съ одной стороны, это были обвиняемые, которыхъ слѣдователь подвергалъ допросу, которымъ предъявлялъ обвиненія и которые не могли отлучиться изъ города безъ его разрѣшенія. Съ другой—это были лица, облеченныя довѣріемъ населенія и высшаго начальства, представители столицы края. Осенью прошлаго года празднуется столѣтіе присоединенія Грузіи. Городской голова, рядомъ съ губернскимъ предводителемъ кн. Меликовымъ, принимаетъ представителя государя — великаго князя Михаила Николаевича. Въ самый разгаръ торжествъ умираетъ отъ разрыва сердца Евангуловъ. Великій князь Николай Михаиловичъ, въ прочувствованной телеграммѣ изъ Боржома, выражаетъ свое соболѣзнованіе семьѣ покойнаго и сожалѣетъ, что не можетъ быть на похоронахъ. На первую же панихиду является князь-главноначальствующій. На похоронахъ присутствуетъ весь городъ съ помощникомъ главноначальствующаго во главѣ. Дума принимаетъ расходы по похоронамъ на счетъ города. Рѣшаетъ назвать именемъ покойнаго одну изъ главныхъ улицъ города и въ знакъ печали закрываетъ засѣданіе...

Предварительное слѣдствіе отбрасываетъ главные пункты административной ревизіи, остается обвиненіе по 410, 411 и 417 статьямъ, обвиненіе, которое въ любое время можетъ быть предъявлено къ лицамъ, стоящимъ во главѣ любого правительственнаго учрежденія—обвиненіе въ нерадѣніи, медленности и недостаточномъ надзорѣ за подчиненными. Однако, и это обвиненіе оказалось на судѣ несостоятельнымъ, и всѣмъ подсудимымъ вынесенъ палатою оправдательный приговоръ.

У гроба нечиновнаго труженика. 4 декабря въ г. Юрьевѣ-Польскомъ (Владимірской губерніи) скончался отъ скоротечной чахотки молодой и талантливый учитель мѣстнаго городского училища Павелъ Александровичъ

Бѣловъ. Уважаемый товарищами, горячо любимый учениками, покойный съ рѣдкой добросовѣстностью относился къ дѣлу, а всѣ короткіе досуги свои посвящалъ литературному труду. На похороны Бѣлова училищемъ былъ приглашенъ протоіерей Знаменскій, состоящій законоучителемъ того же городского училища, гдѣ работалъ покойный. И вотъ какъ описываетъ въ «Сѣверномъ Краѣ» скорбный обрядъ погребенія этого труженика вдова покойнаго, Ѳ. А. Бѣлова.

«На второй панихидѣ по усопшемъ, когда надо было покойнаго положить въ гробъ, въ присутствіи сослуживцевъ и знакомыхъ, о. протоіерей обратился ко мнѣ, какъ къ женѣ покойнаго, съ вопросомъ: почему я не сшила саванъ? Я отвѣтила, что не имѣю понятія о саванахъ, такъ какъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, гдѣ мнѣ приходилось жить, хоронятъ безъ савановъ. А также и присутствующіе стали говорить, что это—дѣло обычая и зависитъ отъ личнаго желанія... На это протоіерей Знаменскій далъ мнѣ и присутствующимъ слѣдующее разъясненіе: «Если бы вы, скажемъ, положили его въ мундирѣ съ галунами, или, тамъ, нашивками какими на рукавахъ и воротѣ, съ ясными пуговицами,—словомъ чиновникомъ,—тогда дѣло другое,—можно бы и безъ савана, а то онъ у васъ въ штатскомъ сюртукѣ безъ всякаго ордена и знака отличія? Какъ же онъ явится на тотъ свѣтъ? Кѣмъ онъ предстанетъ?—не то чиновникъ, не то еще кто?..»

«Многіе стали возражать и высказывать удивленіе, что на «тотъ свѣтъ» необходимы чины, ордена и галуны?!... Но о. протоіерей продолжалъ распространяться на эту тему и, стараясь, очевидно, подѣйствовать на меня, сказалъ: «Что же наконецъ, будутъ говорить про васъ въ городѣ?—Скажутъ: жена и савана не сшила!..» Я отвѣтила, что для меня безразлично, что-бы ни сказали...

«— Вамъ то все равно, а что скажутъ про насъ, про сослуживцевъ его:— учителю и на саванъ то не хватило...

«Я говорила, что, наконецъ, я не хочу безобразить покойника этимъ саваномъ... О. протоіерей продолжалъ стоять на своемъ и все не перекладывалъ усопшаго въ гробъ. Послѣ этого, одна изъ присутствовавшихъ женщинъ стала шить, и саванъ былъ положенъ въ гробъ. Затѣмъ, о. протоіерей перешелъ къ обуви, найдя, что въ штиблетахъ и притомъ старыхъ *неловко* являться на «тотъ свѣтъ», а надо надѣть туфли и притомъ новыя. Я сказала, что теперь прошли уже сутки и переодѣвать покойника невозможно, да, наконецъ, я не стану и не хочу... Въ этотъ разъ услыхала: «Ну, какъ хотите, только съ натоптанными подошвами неловко на «тотъ свѣтъ» являться... Въ заключеніе я получила нѣсколько замѣчаній относительно уборки свѣчъ, креста, чернаго и бѣлаго крепа и проч. Еще разъ подчеркиваю,—все это было сказано протоіереемъ, т.-е. человѣкомъ, учившимся въ духовной академіи. Но этимъ еще не исчерпывается *вниманіе* протоіерея Знаменскаго къ покойному сослуживцу; онъ простеръ его дальше, а именно: въ церкви сказалъ обличительную рѣчь у гроба Павла Александровича, зная, вѣрно, по долгому опыту, что на мертваго можно все говорить безнаказанно. Я не буду передавать подробно эту рѣчь, полную темныхъ и двусмысленныхъ намековъ, а скажу лишь объ основной

мысли, которая была такова: «Рабъ Божій Павелъ былъ грѣшникъ, заблудившійся въ дебряхъ нечестивыхъ идей, и только смерть, подоспѣвшая во время, спасла его отъ окончательной погибели...» Заканчивалась рѣчь буквально слѣдующимъ: «Смерть, братіе, большею частью, бываетъ несвоевременна, и въ данномъ случаѣ, беря во вниманіе молодые годы раба Божія Павла, можно подумать, что кончина была ранняя, но это будетъ не вѣрно: мы можемъ сказать: хорошо, что рабъ Божій Павелъ умеръ, ибо только смерть отвлекла его отъ дальнѣйшихъ заблужденій и окончательной духовной погибели и не дала окончательно укрѣпиться въ зловредныхъ идеяхъ... Неизвѣстно, до чего бы дошелъ онъ въ своихъ заблужденіяхъ, если-бы смерть не пришла во время! Итакъ, братіе, кончина раба Божія Павла была своевременна! Помолимся же о его грѣшной душѣ и проч...»

«По поводу вышеприведенныхъ словъ прот. Знаменскаго я замѣчу лишь, что всѣ эти темные и неопредѣленные намеки на какіе-то грѣхи были сказаны при маленькихъ дѣтяхъ, ученикахъ Павла Александровича, которые любили и хорошо относились къ нему и пришли проститься и проводить своего учителя въ вѣчное жилище... Кто былъ старше—несли его гробъ до могилы, а маленькіе несли свѣчи...

«Вотъ, за дѣтей-то, которые не могутъ еще разобраться въ этихъ таинственныхъ намекахъ на какія то заблужденія ихъ учителя, которому они привыкли вѣрить, и, знаю, постоянно обращались за разъясненіями, и онъ любилъ говорить съ дѣтьми, несмотря на запрещеніе врача много говорить; повторяю—за дѣтей обидно и больно, что законоучитель старается поселить столько дурныхъ мыслей противъ человѣка, который, кромѣ добраго и хорошаго, ничего никогда не желалъ и не дѣлалъ своимъ ученикамъ».

А въ доказательство того, что эти «темные и двусмысленные намеки», направленные о. Знаменскимъ по адресу свѣтлой личности покойнаго, не имѣли подъ собой рѣшительно никакой почвы и были измышлены достопочтеннымъ пастыремъ исключительно отъ собственнаго разума, можно привести другое слово, сказанное тутъ-же у гроба Бѣлова учителемъ А. Г. Вѣрнословомъ.

«Близкіе покойному—сказалъ онъ—собрались здѣсь, чтобы почтить его память, отдать ему послѣдній долгъ на землѣ. Сейчасъ онъ навсегда скроется отъ насъ. Ужель это вѣрно! Ужель мы больше уже не услышимъ умныхъ, проникнутыхъ правдой рѣчей нашего незабвеннаго друга! Бѣдный П. А.! Ожидалъ-ли кто и онъ самъ, что смерть такъ рано его похититъ? Помимо служебныхъ занятій, все свободное время онъ проводилъ въ усиленныхъ литературныхъ трудахъ, жертвуя для нихъ лучшими годами и здоровьемъ. Рѣдко можно было видѣть его свободнымъ отъ дѣла: то онъ читаетъ вновь пріобрѣтенную книгу, то обдумываетъ новое свое произведеніе, то пишетъ статью. И для чего-же? Все это какъ будто для того только, чтобы глубже, очевиднѣе познать горькую сторону жизни человѣческой, и съ тоской и скорбью покинуть ее, не успѣвъ сдѣлать для жизни и малой доли того, чтобы имъ было намѣчено. А ему такъ хотѣлось жить, страшно хотѣлось жить, не смотря на свой тяжелый недугъ; ему хотѣлось работать и работать!.. Умирая, онъ бре-

дилъ о своихъ и чужихъ литературныхъ трудахъ и наканунѣ смерти началъ писать статью... Одна педагогическая дѣятельность не удовлетворяла покойнаго онъ съ большимъ увлеченіемъ занимался литературнымъ трудомъ, путемъ печати защищая правду, истину и помогая въ нуждѣ, и въ своихъ произведеніяхъ являлся по преимуществу смѣлымъ и рѣзкимъ обличителемъ... Миръ праху твоему, незабвенный товарищъ! Сейчасъ ты на вѣки отъ насъ скроешься! Но память о тебѣ не умретъ въ насъ. Твой милый образъ, твои тихія умныя рѣчи—останутся надолго живыми въ нашей памяти» *)...

Изъ жизни Н. В. Гоголя. Послѣдніе годы жизни Н. В. Гоголя, были отравлены, какъ извѣстно, развивавшеюся болѣзнью. Этимъ состояніемъ великаго писателя въ широкой степени воспользовались разныя темныя силы, постепенно убивавшія въ немъ всякую волю. Въ «Нов. Времени» г. Щегловъ знакомитъ читателей съ ржевскимъ протоіереемъ Матвѣемъ Константиновскимъ, имѣвшимъ на Гоголя въ послѣднее время рѣшительное вліяніе.

«Въ Оптиной пустыни,—пишетъ онъ,—я слышалъ такой разсказъ о первой встрѣчѣ, въ одномъ московскомъ домѣ, Гоголя съ пресловутымъ ржевскимъ протоіереемъ о. Матвѣемъ Константиновскимъ. Гоголя представляютъ отцу Матвѣю. Отецъ Матвѣй строго и вопросительно оглядываетъ Гоголя:

— Вы какого будете вѣроисповѣданія?

Гоголь недоумѣваетъ.

— Разумѣется, православнаго!

— А вы не лютеранинъ?

— Нѣтъ, не лютеранинъ...

— И не католикъ?

Гоголь окончательно былъ озадаченъ:

— Да нѣтъ же, я православный... Я—Гоголь!...

— А по моему, выходитъ—вы просто... свинья!—безцеремонно отрѣзалъ отецъ Матвѣй.—Какой-же, сударь, вы православный, когда не ищете благодати Божьей и не подходите подъ пастырское благословеніе?...

«Гоголь смутился и растерялся и затѣмъ, во все время бесѣды отца Матвѣя съ другими гостями, сосредоточенно молчалъ. Очевидно было, что рѣзкое слово ржевскаго протоіерея произвело на него неотразимое впечатлѣніе. Да и не на него одного только».

О. Матвѣй былъ человѣкъ совершенно необразованный, но сильный, властный, безцеремонный, обладавшій большею долею ханжества и лицемѣрія.

«Жалуется ему какой-то сельскій дьячокъ на свое плохое житье-бытье, съ видимымъ простодушнымъ разсчетомъ на матеріальную поддержку или протекцію для полученія сана діакона. Со стороны о. Матвѣя отвѣтъ одинъ и тотъ-же: «Молись въ свое время, вина не пей совсѣмъ, никого не осуждай и

---

*) Покойный, кромѣ участія въ мѣстной провинціальной печати, принималъ участіе и въ журналахъ, посылая статьи и корреспонденціи въ «Новое Слово», «Жизнь», «Міръ Божій». Въ послѣднемъ см. «Картина кустарнаго производства въ с. Черкизовѣ», іюнь, 1900 г.

положи себѣ за правило—или прочесть пятьсотъ разъ въ день Іисусову молитву, или Спасителю акаѳистъ, или главу изъ Евангелія и Апостола—то увидишь помощь Божью... Не грусти; живи, за все Бога благодари. Прощай, братъ, спасайся!»

«Гонитъ купецъ-самодуръ изъ дому своего сына—тотъ съ слезнымъ прошеніемъ къ о. Матвѣю о заступѣ. А о. Матвѣй въ отвѣтъ на это: «Не отецъ гонитъ, а Богъ вызываетъ, чтобъ вы не были участниками съ неправдою собраннаго стяжанія. Смотри же съ радостью, какъ Авраамъ, прими этотъ гласъ и пикнуть не смѣй! Боже тебя сохрани. Если будешь слушать совѣта мудраго сатаны,—онъ никогда на добро не научитъ».

«Или вотъ еще крайне характерный образчикъ стиля о. Матвѣя—письмо къ неизвѣстному «безтолковому Матвѣю»: «Братъ о Христѣ, Матѳей, безтолковый, какъ и я! Жаль мнѣ тебя. Тебѣ трудно, а дѣло-то идетъ ладно. Ты не вышелъ отъ отца-то, ну такъ и быть, Богъ поправитъ; не скучай, братъ. Ты стоишь на правомъ пути; онъ тѣсенъ, да вѣренъ. Ступай, не ошибешься: царствіе Божіе нудится. Явится Христосъ, и будетъ тихо и ясно и все прекрасно».

«О. Матвѣй во всѣхъ случаяхъ, оставался вѣренъ себѣ—сельскому дьячку, какому-нибудь аристократу, ржевскому лавочнику... и автору «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» отпускалъ одинъ и тотъ-же знакомый рецептъ: «Не прилѣпляйся къ земному, братъ!..» Это между прочимъ, не мѣшало ему одновременно хлопотать о пристройствѣ черезъ Гоголя своей дочери въ Шереметевскій пріютъ и пользоваться другими земными услугами больного и удрученнаго сложной творческой работою писателя, въ родѣ высылки учебниковъ его сыну, нѣкоторыхъ личныхъ порученій по книжной части и пр.»

Какое сильное и вредное вліяніе оказывалъ на Гоголя о. Матвѣй, явствуетъ изъ брошюры доктора Тарасенкова о послѣднихъ дняхъ Гоголя. Мотивъ обличенія о. М. неизмѣнно былъ тотъ-же, т.-е. «не прилѣпляйся къ земному, братъ»; «слабость тѣла не можетъ насъ удерживать отъ пощенія; какая у насъ забота? Для чего намъ нужны силы?? Много званныхъ—мало избранныхъ!.. Путь въ царствіе Божіе тѣсенъ! Мы отдадимъ отчетъ за всякое слово праздное!» и т. п. По словамъ того-же Тарасенкова, однажды, когда о. Матвѣй зашелъ видимо черезчуръ далеко въ своемъ обличительномъ паѳосѣ, Гоголь не выдержалъ и простоналъ: «Довольно, довольно!... оставьте! Не могу долѣе слушать... Слишкомъ страшно!!»

«Бѣдный Гоголь!...—восклицаетъ Щегловъ.

«Трудно, право, представить сцену болѣе разительнаго контраста... Гоголь—великій Гоголь, безпощадный сатирикъ, геніальный провидецъ сердца человѣческаго—блѣдный, потрясенный, почти скованный отъ ужаса въ своемъ креслѣ.. и передъ кѣмъ же? Передъ невзрачнымъ и полуневѣжественнымъ, изступленнымъ, пугающимъ его больное воображеніе лубочнымъ свиткомъ загробныхъ мытарствъ... Развѣ только одна кисть Рѣпина была-бы въ состояніи обезсмертить на полотнѣ эту захватывающую тонко психологическую и глубоко національную трагедію!»..

За мѣсяцъ. Государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1902 годъ, свидѣтельствуя о неизмѣнномъ ростѣ нашего государственнаго бюджета, забалансирована въ настоящее время суммою почти въ два милліарда рублей. Въ роспись на 1902 годъ внесены:

Государственные доходы:	
Обыкновенные	1.800.784.482 р.
Чрезвычайные	1.800.000 »
Итого...	1.802.584.482 »
Государственные расходы:	
Обыкновенные	1.775.913.481 р.
Чрезвычайные	170.658.495 »
Итого...	1.946.571.976 »

Такимъ образомъ, обыкновенные доходы превышаютъ обыкновенные же расходы суммой въ 24,8 милл. руб.; въ общемъ же итогѣ бюджета, включая и чрезвычайный, на сторонѣ расходовъ оказывается перевѣсъ въ 144 милл. руб., которые будутъ покрыты изъ такъ называемой «свободной наличности государственнаго казначейства». Происхожденіе «свободной наличности», неизмѣнно фигурирующей въ бюджетахъ послѣднихъ лѣтъ, объяснялось въ прошлой росписи остатками, получающимися въ результатѣ исполненія росписи. Дѣло въ томъ—читали мы въ прошлогоднемъ объясненіи министра финансовъ,—что сумма обыкновенныхъ доходовъ исчисляется въ росписи «съ строгимъ соблюденіемъ осторожности», и обыкновенно за послѣдніе годы дѣйствительное поступленіе ихъ значительно превышаетъ предположенія. Такъ, по отчету государственнаго контроля, въ 1898 г. было получено доходовъ на 16% болѣе, нежели предположено по росписи, въ 1899 г. на 14%. Вотъ благодаря этому-то обстоятельству, не только покрываются обыкновенные расходы, но и чрезвычайные, и ежегодно извѣстная часть государственныхъ поступленій идетъ, такъ сказать, про запасъ, образуетъ «свободную наличность государственнаго казначейства». Въ настоящее время такое объясненіе оказывается уже неудовлетворительнымъ, такъ какъ, даже при продолжающемся «строгомъ соблюденіи осторожности» въ исчисленіи доходовъ, «свободная наличность» прошлаго года въ значительной своей части образовалась путемъ займовъ. Сильно истощенная въ началѣ истекшаго года, она замѣтно пополнилась отъ реализаціи выпущенной за границей 4% консолидированной ренты на 159 милл. руб., изъ которыхъ въ казну поступило 148,9 милл. руб.

По сравненію съ росписью на 1901 годъ обыкновенныхъ доходовъ ожидается въ текущемъ году болѣе на 70,7 милл. руб., обыкновенныхъ же расходовъ предположено болѣе на 119,3 милл. руб. Расходы нынѣшняго года обнаруживаютъ, стало быть, тенденцію къ возрастанію въ прогрессіи, значительно превышающей ростъ доходовъ. Наиболѣе крупный приростъ обыкновенныхъ доходовъ предположенъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, которыхъ ожидается на 35,3 милл. руб. больше, чѣмъ было назначено въ росписи 1901 г. Но этотъ

приростъ ожидается, однако, не отъ усиленія доходности желѣзнодорожныхъ предпріятій, а исключительно отъ расширенія самой сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, которая увеличивается переходомъ въ казну Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороги. Въ виду этого, вмѣстѣ съ ростомъ доходовъ по этой статьѣ смѣты растутъ и расходы, которые въ сущности почти цѣликомъ и поглощаютъ показанный приростъ. Слѣдующее затѣмъ по смѣтѣ увеличеніе дохода отъ казенной продажи питей (на 9,4 милл. руб.) точно также не можетъ идти въ счетъ, потому что по той же статьѣ расходы возросли въ значительно большей степени (на 22,2 милл. руб.). Остается отмѣтить болѣе или менѣе замѣтное возрастаніе доходовъ лишь по слѣдующимъ статьямъ: таможенный доходъ увеличился на 8,8 милл. руб., лѣсной—на 8,2, сахарный—на 7, почтовый и телеграфный—на 4, промысловый налогъ—на 3,5, гербовый и судебный сборы на 2 милл. руб.

Что касается обыкновенныхъ расходовъ, то почти $^2/_3$ громаднаго ихъ увеличенія сравнительно съ росписью 1901 г. падаютъ на долю двухъ вѣдомствъ: министерство путей сообщенія, бюджетъ котораго увеличился на 52,3 милл. рублей., и министерство финансовъ, съ бюджетомъ, увеличеннымъ на 30,2 милл. руб. Затѣмъ расходы увеличились: по уплатѣ займовъ на 11,5 милл. руб., по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на 4,7 милл. рубл., святѣйшаго синода—на 4,2 милл. руб., министерства народнаго просвѣщенія—на 3,6 милл. руб., министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ—на 2,5 милл. руб. и т. д.

Въ чрезвычайномъ бюджетѣ, въ которомъ создалось громадное несоотвѣтствіе между ожидаемыми доходами, исчисленными въ 1,8 милл. руб., и предположенными расходами въ 170,6 милл. руб., расходныя статьи исчерпываются слѣдующими предположеніями: на Сибирскую жел. дорогу вмѣстѣ со вспомогательными предпріятіями 15,9 милл. руб., на сооруженіе другихъ желѣзн. дорогъ 149,9 милл. руб. и на вознагражденіе частныхъ владѣльцевъ за потерю ими питейнаго дохода 5 милл. руб. На 1902 годъ предположено, между прочимъ, сооруженіе дорогъ: Оренбурго-Ташкентской, второй Екатерининской, Бологое-Сѣдлецкой и Сѣверной.

Юбилеи. Во второй половинѣ декабря въ Москвѣ, чествовалось тридцатилѣтіе учено-литературной дѣятельности двухъ старѣйшихъ и популярнѣйшихъ профессоровъ московскаго университета: *Н. И. Стороженко* и *В. О. Ключевскаго.*

Всемірно извѣстный ученый, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Шекспира и его эпохи, гуманный профессоръ, сохранившій лучшія преданія московскаго университета, выдающійся общественный дѣятель, которому обязаны въ Москвѣ очень многія культурныя учрежденія,—такова въ нѣсколькихъ словахъ характеристика Н. И. Стороженко. Не ограничиваясь лекціями, которыя онъ читалъ въ университетѣ, на высшихъ женскихъ курсахъ и въ театральномъ училищѣ, Н. И. въ широкой степени использовалъ и свою громадную эрудицію, и выдающійся литературный талантъ въ цѣломъ рядѣ статей по разнообразнымъ

вопросамъ европейскихъ литературъ, которыя въ разное время печатались въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ и сборникахъ. «Въ Мірѣ Божіемъ» напечатаны двѣ статьи Н. И. Стороженко: «Модная литературная ересь» (1895 г., ноябрь) и «Шекспиръ и Бѣлинскій» (1897 г., мартъ); всѣ же его статьи и замѣтки, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ, составили два большихъ тома печатныхъ вырѣзокъ, которые были преподнесены юбиляру однимъ изъ его учениковъ. Депутаціи, явившіяся отъ разныхъ учрежденій и обществъ съ привѣтствіемъ къ юбиляру, застали Н. И. больнымъ, и онъ принималъ посѣтителей, сидя въ креслѣ. Въ отвѣтной своей рѣчи Н. И. сравнилъ свой юбилей ученаго съ прощальнымъ бенефисомъ артиста, уходящаго со сцены, и высказалъ пожеланіе, чтобы московская alma mater всегда процвѣтала и занимала въ мірѣ русской науки такое же почетное мѣсто, какъ и до сихъ поръ.

В. О. Ключевскій началъ свою профессорскую дѣятельность по каѳедрѣ русской исторіи въ московской духовной академіи. Вскорѣ затѣмъ онъ распространяетъ ее и на московскій университетъ, и на высшіе женскіе курсы проф. Герье. Но этими тремя учрежденіями не замыкается кругъ слушателей талантливаго лектора. Его, такъ сказать, оффиціальные слушатели—студенты и курсистки — увлеченные блестящимъ изложеніемъ основныхъ моментовъ русской исторіи, въ многочисленныхъ спискахъ разносятъ записанныя ими лекціи по всей Россіи, превращая ее такимъ образомъ въ обширную безграничную аудиторію любимаго профессора. Неизданныя до сего времени лекціи В. О. Ключевскаго являлись, тѣмъ не менѣе, цѣннымъ пособіемъ при изученіи русской исторіи для десятковъ тысячъ молодыхъ людей, никогда не видавшихъ ихъ автора. Художественно-прекрасныя по изложенію, глубокія по содержанію, блестящія по цѣлому ряду остроумныхъ сопоставленій и характеристикъ, эти лекціи однѣ могли бы составить славу имени популярнаго историка. Но ими далеко, однако, не исчерпывается ученая дѣятельность В. О., давшаго цѣлый рядъ выдающихся изслѣдованій наиболѣе важныхъ сторонъ русской государственной жизни. Назовемъ хотя бы нѣкоторыя работы: «Боярская дума древней Руси», «Происхожденіе крѣпостного права», «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи», «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси» и др.

VIII-й пироговскій съѣздъ врачей въ Москвѣ.

(3—10 января 1902 г.).

Труды съѣзда кончены и, конечно, не теперь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго въ Москвѣ за эту недѣлю, подводить итоги съѣзду, цѣнности и значенію его результатовъ. Все это дѣло будущаго, но и сейчасъ нельзя достаточно надивиться энергіи и изумительной работоспособности какъ правленія пироговскаго общества, такъ и организаціоннаго комитета съѣзда.

Просто диву даешься, какъ сравнительно незначительное число людей, при

ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ, при крайне неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, продѣлываетъ такую массу тяжелаго, незамѣтнаго чернового труда. Для полученія одного доклада въ нѣсколько печатныхъ страницъ требуется иногда годъ работы, и все это дѣлаетъ правленіе, которое въ своемъ отчетѣ должно, въ виду скудости средствъ, довольно долго оправдывать расходъ въ 80 руб. на постановку такъ необходимаго правленію телефона...

Если къ этому прибавить всю неприглядную обстановку любого общественнаго дѣла у насъ, если обратить вниманіе на длинный перечень возбужденныхъ первостепенной важности ходатайствъ, оставляемыхъ безъ отвѣта или отвергаемыхъ, то станетъ понятно, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ небольшой арміей чистѣйшихъ идеалистовъ, видящихъ въ прекрасномъ далекѣ свою свѣтлую цѣль и идущихъ къ ней, хотя медленными шагами, черезъ всевозможныя препятствія.

Говоря о VII-мъ пироговскомъ съѣздѣ въ Казани *), я не могъ не отмѣтить, что врачи, при обсужденіи разныхъ вопросовъ, находятся какъ бы въ заколдованномъ кругу.

Въ самомъ дѣлѣ, уже давно стало общимъ мѣстомъ, что одной лечебной медицины, какъ бы велики и изумительны ни были ея успѣхи, недостаточно для борьбы съ народными болѣзнями, что безконечно важнѣе профилактика болѣзней, которой занимается общественная санитарія и гигіена. А эти послѣднія, по самой своей сущности, приходятъ въ соприкосновеніе со всевозможными сторонами общественной и соціальной жизни населенія, съ бытовыми условіями его жизни, со степенью его культуры, образованности и т. д. Отсюда понятно, что врачамъ, при обсужденіи, казалось бы, узкихъ вопросовъ своей спеціальности, приходится серьезно останавливаться на такихъ сторонахъ нашей жизни, которыя, съ точки зрѣнія близорукихъ людей, далеко выходятъ за предѣлы компетенціи врачей, и это тѣмъ болѣе необходимо у насъ, гдѣ огромная часть общества находится въ спячкѣ, гдѣ мы почти не имѣемъ другихъ обществъ, союзовъ, органовъ и т. д., которые взяли бы на себя трудъ если не разрѣшенія, то хотя возбужденія какихъ-либо важныхъ вопросовъ. Врачи, напр., обсуждаютъ вопросъ объ алкоголизмѣ, прямо относящійся къ ихъ спеціальности, но, обсуждая его, они не могутъ обойти молчаніемъ и того, что одной изъ причинъ развитія пьянства являются до сихъ поръ не отмѣненныя, позорящія насъ тѣлесныя наказанія, и понятно возбужденіе вновь ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Къ прискорбію, такія ходатайства остаются безъ отвѣта...

Признано всѣми, что для борьбы съ эпидеміями и вообще съ разнаго рода болѣзнями необходимо, чтобы въ населеніи развивались здравыя гигіеническія понятія, а для достиженія этой цѣли нужно устройство чтеній для народа, нужны библіотеки, книги, демонстраціи и т. д. Нѣкоторыя земства въ смѣту на борьбу съ эпидемическими болѣзнями прямо вносятъ уже извѣстную сумму на изданіе книгъ. Между тѣмъ, это дѣло обставлено у насъ величайшими

*) «Міръ Божій», іюнь 1899 г.

затрудненіями. Изъ доклада коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ мы узнаемъ, что ходатайства о разрѣшеніи такихъ чтеній остаются безъ отвѣта по годамъ, что даются они только извѣстному лицу, и нерѣдко случается такъ, что лицо, просившее въ данномъ мѣстѣ о разрѣшеніи, не дождавшись такого, мѣняетъ мѣсто службы и на старомъ мѣстѣ получается разрѣшеніе, когда уже нѣтъ просителя, а этотъ самый проситель на новомъ мѣстѣ долженъ вновь возбуждать ходатайство и т. д. безъ конца. Вѣдь это сказка про бѣлаго бычка...

Какъ врачамъ, обсуждающимъ вопросъ о вредѣ для здоровья и опасности для жизни цѣлаго ряда промысловъ, производствъ, не задумываться надъ вопросами объ огражденіи жизни рабочихъ, объ ихъ страхованіи, сокращеніи рабочаго времени, объ огражденіи труда малолѣтнихъ и т. п. Нельзя, поэтому, не согласиться съ д-ромъ Н. Ивановымъ, который въ своемъ докладѣ «Объ условіяхъ успѣшнаго проведенія въ жизнь санитарныхъ мѣропріятій», между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «При данныхъ экономическихъ условіяхъ, опредѣляющихъ матеріальную возможность тѣхъ или иныхъ санитарныхъ мѣропріятій, успѣхъ ихъ зависитъ отъ двухъ моментовъ: отъ сознательнаго отношенія къ нимъ населенія и привычки его къ самодѣятельности. Сознательное отношеніе къ общественному дѣлу, въ свою очередь, воспитывается только общественной самодѣятельностью. Отсюда ясно, что широкое пониманіе санитарныхъ мѣропріятій и проведеніе ихъ въ жизнь возможно лишь при посредствѣ самоуправляющихся общественныхъ организацій. Централизація, бюрократическая опека надъ населеніемъ и, какъ неизбѣжные спутники ихъ, приказъ и наказаніе за неисполненіе приказаній—враги истинной общественной санитаріи и медицины».

На съѣздѣ работало 25 секцій, въ которыя заслушаны были сотни докладовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ медицинской спеціальности.

Однимъ изъ центральныхъ, можетъ быть, важнѣйшимъ, былъ вопросъ о туберкулезѣ, какъ о народной болѣзни, и о мѣрахъ борьбы съ нимъ.

Еще на VII-мъ пироговскомъ съѣздѣ проф. В. Д. Шервинскимъ былъ представленъ докладъ, въ которомъ имѣлись слѣдующія положенія: 1) принять вопросъ о борьбѣ съ бугорчаткой въ число постоянныхъ работъ съѣзда; 2) образовать коммиссію изъ членовъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова для подготовительныхъ къ съѣзду работъ по этому вопросу и поручить этой коммиссіи выработать программу разработки этого вопросъ. Докладъ проф. Шервинскаго былъ одобренъ съѣздомъ, и коммиссія при правленіи общества изъ вполнѣ компетентныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ проф. Шервинскаго, была образована. Къ настоящему съѣзду коммиссія представила свой обстоятельный докладъ, и надо ей отдать справедливость—она сдѣлала большую и сложную работу.

Коммиссія изучила рѣшительно все, что относится къ туберкулезу, ознакомилась со всѣми трудами по этому вопросу не только у насъ, но и за границей, и приведенія нѣсколькихъ пунктовъ программы работъ коммиссіи будетъ достаточно для того, чтобы понять, какую поистинѣ удивительную работу сдѣлала эта коммиссія. Программа эта слѣдующая: 1) обзоръ трудовъ пироговъ-

скихъ съѣздовъ и другихъ русскихъ врачебныхъ обществъ, а также земствъ и городовъ; 2) обзоръ трудовъ заграничныхъ съѣздовъ по вопросу о туберкулезѣ; 3) сводъ научныхъ положеній о туберкулезѣ, какъ инфекціонной болѣзни: а) по діагностикѣ туберкулеза; б) по этіологіи туберкулеза (роль наслѣдственности, личнаго предрасположенія и внѣшней среды, какъ въ смыслѣ непосредственнаго вліянія на организмъ, такъ и въ смыслѣ распространенія заразнаго начала); в) по вліянію различныхъ факторовъ экономической и соціальной жизни на развитіе и распространеніе туберкулеза среди населенія и пр.; 4) положеніе статистики туберкулеза въ Россіи по вѣдомствамъ и учрежденіямъ въ связи съ общей санитарной статистикой; 5) сводъ статистическихъ данныхъ о туберкулезѣ въ Россіи, 6) санитарное законодательство и обязательное постановленіе по отношенію къ туберкулезу у людей и животныхъ и т. д. и 7) желательныя мѣры борьбы съ туберкулезомъ: законодательныя, общественныя и частныя. Въ исполненіе этой обширной программы въ коммиссіи было сдѣлано 20 обстоятельныхъ сообщеній, изъ коихъ нѣкоторыя появились къ съѣзду, какъ вполнѣ самостоятельныя и въ высокой степени цѣнныя сочиненія, а именно книга д-ра Ф. А. Гетье «Современное состояніе вопроса о народныхъ санаторіяхъ для чахоточныхъ» и д-ра Ф. М. Блюменталя: «Общественная борьба съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзнью, въ Западной Европѣ и Америкѣ». Часть I (Бельгія. Франція. Англія. Германія). Результаты дѣятельности коммиссіи, труды которой далеко еще не кончены, выразились пока: 1) въ разработкѣ программы по изученію туберкулеза; 2) въ выработкѣ мѣръ общественной борьбы съ туберкулезомъ; 3) въ выработкѣ проекта учрежденія при обществѣ врачей въ память Н. И. Пирогова постоянной коммиссіи и программы дѣятельности коммиссіи и 4) въ составленіи проекта устава русскаго общества для борьбы съ туберкулезомъ.

Не останавливаясь здѣсь на детальномъ разсмотрѣніи всѣхъ сдѣланныхъ коммиссіей трудовъ, скажемъ только, что коммиссія, правильно понявъ обширную свою задачу, поставила дѣло на надлежащую почву и теперь только нужна дружная работа всѣхъ общественныхъ силъ для того, чтобы, идя по прекрасно разработанному коммиссіей пути, добиться цѣли, т.-е. побѣды надъ однимъ изъ злѣйшихъ враговъ человѣчества.

Читатель не получилъ бы надлежащаго представленія о трудѣ коммиссіи по туберкулезу, если бы мы не сказали хотя нѣсколько словъ объ устроенной д-ромъ Ф. М. Блюменталемъ, однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ коммиссіи, выставкѣ по туберкулезу. Самъ Блюменталь скромно называетъ свою выставку иллюстраціей къ вышеназванной книгѣ его. Выставка пріютилась въ одной изъ комнатъ при бюро съѣзда, и собрано на ней рѣшительно все, что сдѣлано въ Европѣ въ смыслѣ ознакомленія населенія съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзнью. Тутъ имѣются всѣ изданія, всѣ афиши, брошюры, листки, картинки и т. д., которыя въ огромномъ количествѣ выпускаются въ Европѣ разными обществами по борьбѣ съ туберкулезомъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о туберкулезѣ, слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ отрадномъ явленіи, которое впервые отмѣчается именно на послѣд-

немъ съѣздѣ. Мы говоримъ о докладахъ по туберкулезу, представленныхъ двумя тюремными врачами, которые констатируютъ вредную роль тюрьмы, между прочимъ, и въ смыслѣ распространенія туберкулеза. По справедливому замѣчанію д-ра Жбанкова, эти доклады являются лучомъ свѣта въ темномъ царствѣ, о которомъ до сихъ поръ не было рѣчи на съѣздахъ врачей.

Сюда же надо отнести докладъ д-ра Л. Поддубскаго «Тюремный врачъ». Въ докладѣ д-ра Поддубскаго имѣются слѣдующія положенія: 1) настоящее положеніе тюремныхъ врачей какъ по закону, такъ и въ особенности на практикѣ крайне неопредѣленно, а дѣятельность ихъ совершенно пассивна, благодаря чему у нихъ есть возможность только лѣчить заболѣвшихъ въ тюрьмѣ, но не предупреждать заболѣванія. Это ненормальное положеніе служитъ одной изъ причинъ отсутствія развитія тюремной медицины и гигіены — отраслей науки, имѣющихъ значительныя особенности и заслуживающихъ права на самостоятельное существованіе; 2) необходимо дать тюремнымъ врачамъ опредѣленное, самостоятельное и отвѣтственное въ ихъ спеціальной дѣятельности положеніе, равносильное членамъ администраціи, чтобы ихъ изслѣдованія мѣстъ заключенія, преступниковъ и условій ихъ жизни, ихъ мнѣнія и заключенія имѣлись въ виду какъ для предупрежденія заболѣваній въ тюрьмахъ, такъ и для принятія мѣропріятій по воздѣйствію на преступниковъ въ цѣляхъ ихъ исправленія, соотвѣтственно изученнымъ врачомъ особенностямъ психической и физической организаціи каждаго отдѣльнаго преступника. Въ третьемъ своемъ положеніи д-ръ Поддубскій предлагаетъ на будущихъ съѣздахъ организовать отдѣльную секцію по тюремной медицинѣ.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ засѣданій съѣзда было соединенное засѣданіе секцій общественной медицины и нервныхъ болѣзней, посвященное не менѣе, чѣмъ туберкулезъ, страшному бичу—алкоголизму. Интересъ засѣданія усугублялся тѣмъ, что почетнымъ предсѣдателемъ его былъ избранъ д-ръ И. Н. Нижегородцевъ, предсѣдатель петербургской коммиссіи по алкоголизму, успѣвшей уже возбудить нѣсколько серьезныхъ ходатайствъ, между прочимъ, и по вопросу о принудительномъ лѣченіи въ особыхъ учрежденіяхъ «опасныхъ» пьяницъ. По этому послѣднему вопросу возникли горячіе дебаты, причемъ огромное большинство высказывалось противъ этой принудительной мѣрѣ, еще раньше осужденной *всей* нашей печатью.

Въ дебатахъ указывалось на то, что у насъ нѣтъ еще вполнѣ опредѣленныхъ терминовъ, по которымъ можно было бы раздѣлить алкоголиковъ на классы, что опредѣленіе «опасный пьяница» можетъ разными лицами и учрежденіями трактоваться по своему усмотрѣнію и что, такимъ образомъ, можетъ быть созданъ у насъ еще одинъ институтъ для произвола и усмотрѣнія. По вопросу о значеніи въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ личнаго примѣра вполнѣ справедливо указывалось на то, что и врачамъ самимъ слѣдовало бы не только говорить о вредѣ алкоголя, но и на дѣлѣ отказаться отъ него.

Какъ бы то ни было, всѣ споры и разговоры ни къ чему опредѣленному не привели, и рѣшено было сдѣлать вопросъ объ алкоголизмѣ программнымъ для будущаго съѣзда.

Вообще, по поводу передачи вопросовъ на слѣдующіе съѣзды и предложеній многихъ секцій о созданіи при правленіи для рѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ новыхъ коммиссій, приходится сказать, что такого рода резолюціи свидѣтельствуютъ о большомъ довѣріи и уваженіи къ правленію общества, какими по справедливости пользуется это правленіе среди врачей, но нельзя же забывать, что правленіе это врядъ ли въ силахъ, при всемъ желаніи, надлежащимъ образомъ справиться съ той массой порученій, которыя передаются ему съѣздами.

Проф. М. Я. Капустинъ въ послѣднемъ общемъ собраніи указывалъ на то, что такое обиліе предлагаемыхъ секціями коммиссій свидѣтельствуетъ о томъ, что секціи относятся съ большой осторожностью и серьезностью къ рѣшаемымъ вопросамъ.

Можетъ быть, это и такъ, но намъ кажется, что невозможность рѣшить какой либо вопросъ тутъ же въ собраніи можетъ быть еще объяснена недостаточной обоснованностью многихъ докладовъ, что вопросъ нерѣдко преподносится, такъ сказать, въ сыромъ видѣ.

Изъ имѣющихъ общій интересъ вопросовъ, обсуждавшихся на съѣздѣ, заслуживаетъ вниманія вопросъ о санитарной организаціи нашихъ городовъ.

По этому вопросу представлено было четыре доклада, изъ которыхъ особаго вниманія заслуживаетъ докладъ д-ра А. А. Чертова. Послѣдній воспользовался тѣмъ матеріаломъ, который былъ собранъ правленіемъ общества для предполагающагося къ изданію «Сборника свѣдѣній о городской медицинѣ въ Россіи».

Какъ и можно было предвидѣть, этотъ матеріалъ, хотя еще не полный— получено всего свѣдѣній о 258 городахъ—даетъ основаніе сдѣлать самые печальные выводы о положеніи у насъ врачебно-санитарнаго дѣла въ городахъ.

Въ большинствѣ городовъ число больничныхъ мѣстъ недостаточно и далеко не соотвѣтствуетъ численности городского населенія, внѣ больничная помощь тоже почти повсюду неудовлетворительно организована. Существующія санитарныя организаціи находятся почти во всѣхъ городахъ въ зачаточномъ состояніи, на лучшій конецъ имѣется одинъ или нѣсколько санитарныхъ врачей, усилія которыхъ направляются только на борьбу съ заразными болѣзнями; мѣстныя санитарныя условія нигдѣ почти не изучены, не обслѣдованы, а между тѣмъ, большинство городовъ находится въ крайне антисанитарномъ состояніи: только 8 городовъ располагаютъ правильной канализаціей, въ многихъ городахъ, если не повсюду, естественные водоемы загрязнены, правильное водоснабженіе отсутствуетъ и т. д. Участіе общественнаго элемента, въ видѣ такъ называемыхъ участковыхъ попечительствъ, въ дѣлѣ санитарнаго благоустройства, сводится почти къ нулю. «Только при сильномъ развитіи эпидемическихъ заболѣваній,—говоритъ докладчикъ,—или при появленіи слуховъ о надвигающейся бѣдѣ (въ родѣ холеры или чумы) начинается спѣшная работа въ видѣ усиленныхъ осмотровъ, чистки дворовъ и жилищъ, изданія обязательныхъ постановленій, увеличенія медицинскаго персонала и т. д. По миновеніи опасности все приходитъ въ прежній видъ».

Пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ одна Одесса, гдѣ, какъ намъ не разъ уже приходилось отмѣчать, участія общественнаго элемента въ санитарныхъ дѣлахъ поставлено болѣе или менѣе цѣлесообразно и приноситъ большую пользу населенію.

Расходъ городовъ на врачебно-санитарное дѣло, по имѣющимся свѣдѣніямъ, о 161 городѣ, сводятся къ слѣдующему: 4 города, а именно, Петербургъ, Москва, Рига, Одесса, удѣляютъ на это дѣло отъ 15 до 20% общаго городского бюджета, 7 городовъ тратятъ отъ 10 до 15%, 28—отъ 5 до 10%, 90 отъ 1 до 5%, 16 менѣе 1% и, наконецъ, 16 городовъ совсѣмъ ничего не расходуютъ.

Къ числу общеинтересныхъ докладовъ должны быть отнесены и доклады о введеніи преподаванія гигіены во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и и въ особенности профессіональной гигіены въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, объ огражденіи здоровья и жизни рабочихъ при сельско-хозяйственныхъ работахъ и на фабрикахъ и заводахъ, о сокращеніи на этихъ послѣднихъ рабочаго дня, о лучшей постановкѣ вопроса о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья и т. д.

Съ большимъ сочувствіемъ было принято съѣздомъ предложеніе д-ра Д. Н. Жбанкова, еще раньше сдѣланное имъ съ такимъ же успѣхомъ на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ, о возбужденіи ходатайства о допущеніи въ университетъ женщинъ безъ различія національности. Такъ какъ существующіе сейчасъ отдѣльные курсы и институты для женщинъ не могутъ пріютить у себя всѣхъ желающихъ учиться и такъ какъ для созданія новыхъ отдѣльныхъ учрежденій нѣтъ средствъ, то весьма естественнымъ является предложеніе о допущеніи женщинъ въ университеты и другія высшія учебныя заведенія для совмѣстнаго съ мужчинами обученія, тѣмъ болѣе, что тамъ, гдѣ такое совмѣстное обученіе практикуется, ничего, кромѣ хорошаго, не получилось.

Одной изъ самыхъ слабыхъ секцій на послѣднемъ съѣздѣ оказалась секція по вопросамъ врачебнаго быта. Если исключить докладъ д-ра К. Н. Соколова, предлагавшаго создать при пироговскомъ обществѣ врачей «Справочно-посредническую коммиссію», которая взяла бы на себя посредническія обязанности по замѣщенію вакантныхъ мѣстъ медицинскаго персонала, то на засѣданіяхъ этой секціи не было заслушано ничего такого, что заслуживало бы вниманія. И это тѣмъ болѣе удивительно и тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что взбудоражившія и врачей и публику «Записки врача» г. Вересаева давали бы, кажется, поводъ и защитникамъ, и противникамъ этихъ записокъ высказаться по многимъ животрепещущимъ вопросамъ врачебнаго быта. Выступившій съ докладомъ объ отношеніяхъ между врачами и публикой врачъ больше толковалъ о томъ, что при выслушиваніи и выстукиваніи больныхъ нужна абсолютная тишина, и въ отсутствіи этой тишины въ большихъ клиникахъ видѣлъ чуть ли не главный недостатокъ медицинскаго образованія, а для урегулированія тяжелаго гонорарнаго вопроса предлагалъ созданіе какихъ-то особыхъ билетиковъ, на которыхъ врачъ долженъ заранѣе обозначать предполагаемую имъ продолжительность и трудность лѣченія даннаго случая и соотвѣтственно

*

этому обозначалъ бы свой гонораръ. Одинъ изъ оппонентовъ предлагаетъ превратить паціентовъ въ кліентовъ и въ этомъ находитъ спасеніе всего дѣла, другой указываетъ на то, что медицинское образованіе идетъ плохо потому что профессора назначаются, а не избираются, и что эти назначаемые профессора оставляютъ при клиникахъ для усовершенствованія не самыхъ достойныхъ, а тѣхъ, кто имъ нравится, а третій заявляетъ, что налогъ устанавливается только на предметы роскоши, что налогъ на предметы первой необходимости несправедливъ, что врачи представляютъ предметъ первой необходимости и что, поэтому, неудобно говорить о гонорарѣ... Все это было вяло, непослѣдовательно и какъ-то внезапно...

А между тѣмъ, еще разъ повторяю, — можно только пожалѣть, что врачи, собравшись въ такомъ большомъ количествѣ, какъ будто обошли молчаніемъ книгу, такъ близко врачей касающуюся и обратившую на себя всеобщее вниманіе.

Появившіеся до сихъ поръ въ печати критическіе отзывы о «Запискахъ врача» г. Вересаева въ огромномъ большинствѣ—мы говоримъ о критикѣ со стороны врачей—были крайне пристрастны. Только за послѣдніе дни, въ видѣ протеста противъ такого рода критики, появляются сочувственныя автору «Записокъ» письма.

Группа врачей на одномъ изъ бывшихъ во время съѣзда обѣдовъ отправила г. Вересаеву привѣтственную телеграмму.

Еще на VII-мъ пироговскомъ съѣздѣ въ Казани, въ виду бывшаго тогда въ восточныхъ губерніяхъ голода, врачами былъ организованъ врачебно-продовольственный комитетъ, встрѣченный весьма сочувственно какъ населеніемъ, пострадавшимъ отъ голода, такъ и обществомъ, поспѣшившимъ на помощь комитету со своими пожертвованіями. Къ настоящему съѣзду изданы обстоятельный отчетъ какъ комитета, такъ и одесскаго его отдѣленія. Въ виду того, что голодъ не покидаетъ насъ, съѣздъ рѣшилъ продолжать свое полезное дѣло и перенести центръ комитета въ Москву, гдѣ, надо надѣяться, недостатка въ матеріальныхъ пожертвованіяхъ и моральной помощи не будетъ.

Какъ повторяется голодъ, такъ въ сущности при обсужденіи вопросовъ общественной медицины, какъ науки, на съѣздахъ повторяются, конечно, съ нѣкоторыми варіантами одни и тѣ же разговоры, которые ведутся почти одними и тѣми же лицами. Это постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же темъ и способа ихъ трактованія отнюдь не можетъ быть поставлено въ упрекъ участникамъ съѣзда. Поневолѣ приходится повторяться, разъ условія общественной жизни, создавшія извѣстное положеніе, остаются безъ измѣненія...

Говоря о съѣздѣ, нельзя не упомянуть о привѣтствіяхъ, полученныхъ съѣздомъ отъ Рудольфа Вирхова и Ф. Ф. Эрисмана. Оба привѣтствія вызвали бурю восторга, а отсутствіе Эрисмана проф. М. Я. Капустинъ вполнѣ мѣтко назвалъ большимъ недоразумѣніемъ... И Вирхову, и Эрисману посланы были отвѣтныя телеграммы.

Заканчивая бѣглую замѣтку о съѣздѣ, не могу не указать на то, что въ 25 секціяхъ за 6 дней было заслушано больше 300 докладовъ. Не слишкомъ

ли это много? Не лучше-ли было бы имѣть меньше докладовъ, но болѣе обоснованныхъ, какъ уже указано выше. Необходимо, кажется, хотя бы по возможности, достигнуть того, чтобы всѣ доклады были раньше напечатаны цѣликомъ, что лучше всего, или, по крайней мѣрѣ, въ видѣ рефератовъ въ издаваемыхъ къ съѣзду докладахъ. Тогда всякій могъ бы заранѣе ознакомиться съ тѣмъ, что ему предстоитъ прослушать въ данномъ засѣданіи, въ которомъ можно было бы прямо или только по прочтеніи положеній приступить къ преніямъ. А то теперь тратится много дорогого времени на самое чтеніе. Далѣе, повидимому, никакъ нельзя добиться того, чтобы въ возраженіяхъ говорилось только существенное, а не повторялось, какъ это часто бываетъ, сказанное уже кѣмъ-либо раньше.

Врачъ В. И. Бинштокъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Вѣстникъ Европы»—январь; «Журналъ для всѣхъ»—январь. «Русская Старина»—январь; «Русское Богатство»—декабрь).

Въ наступившемъ году «Вѣстнику Европы» исполнилось въ нѣкоторомъ смыслѣ столѣтіе его существованія, ибо журналъ того же названія, «издаваемый Николаемъ Карамзинымъ», вышелъ въ первый разъ въ началѣ января 1802 года. Но это только «въ нѣкоторомъ смыслѣ»; въ теченіе этого времени въ судьбѣ журнала былъ тридцатипятилѣтній перерывъ, и нынѣшній «Вѣстникъ Европы» вступилъ хотя и въ весьма почтенный, но сравнительно съ столѣтіемъ все же небольшой возрастъ, исчисляющійся въ тридцать шесть лѣтъ. Но выходъ первой книжки «Вѣстника Европы» сто лѣтъ тому назадъ фактъ во всякомъ случаѣ достойный того, чтобы быть особо отмѣченнымъ, и редакція журнала хорошо поступила, приложивъ къ январьской книжкѣ факсимиле «обертки журнала того же формата и цвѣта», подъ какою выходилъ онъ въ изданіи Карамзина. Лишь записнымъ спеціалистамъ дѣла да немногочисленнымъ любителямъ библіографіи приходится видѣть, роясь «въ хронологической пыли бытописанія земли», старые-старые журналы, т.-е. тѣ когда-то волновавшія кровь нашихъ дѣдовъ изданія, что мирно покоятся теперь на полкахъ немногихъ въ Россіи обширныхъ книгохранилищъ, и потому факсимиле карамзинскаго «Вѣстника Европы» явится для большинства нашей публики, именно вслѣдствіе «старости» его лѣтъ, полной «новинкой». Желаемъ почтенному журналу дожить до того времени, когда будетъ приложено къ нему какое-либо «факсимиле» по случаю *непрерывнаго* существованія «Вѣстника Европы» въ теченіе столѣтія.

Среди статей январьской книжки этого журнала насъ заинтересовала статья г. Гутьяра «И. С. Тургеневъ и П. И. Анненковъ», но, по прочтеніи ея, намъ показалась болѣе смѣлою, чѣмъ убѣдительною попытка г. Гутьяра опровергнуть установленное въ нашей литературѣ мнѣніе, что героями многихъ тургеневскихъ романовъ и повѣстей являлись, при прочихъ несомнѣнныхъ ихъ достоинствахъ, все же люди въ большинствѣ случаевъ слабые и безхарактерные.

«Слабовольность Рудина,—говоритъ г. Гутьяръ,—усматриваютъ обыкновенно въ его отказѣ (?) жениться на Наташѣ. Но при чемъ тутъ воля, крѣпость ея или безсиліе, когда Рудинъ не любилъ очарованной имъ дѣвушки»?

«Въ повѣсти «Ася» выведенъ не «слабовольный» человѣкъ, а неопытный юноша, застигнутый врасплохъ страстными признаніями дѣвушки, оригинальной, глубоко привлекательной и милой, но которую герой, конечно, не любилъ. Въ чемъ онъ выразилъ свою слабость? Въ томъ, что не до конца поддался обаянію ея внезапной любви? Въ томъ, что не сумѣлъ оцѣнить ея честной натуры, всей поэзіи ея молодости?»

Такова аргументація г. Гутьяра, по существу весьма и весьма слабая. Рудинъ «отказался» (когда это Рудинъ «отказывался» жениться на Наташѣ? Онъ рѣшилъ *покориться* встрѣченному со стороны родителей дѣвушки отказу, а вовсе не отказывался самъ, что далеко не одно и то же) жениться на Наташѣ, потому что не любилъ очарованной имъ дѣвушки. Но тогда, зачѣмъ же онъ домогался ея любви и ея руки? Г. Гутьяръ долженъ согласиться, что, защищая Рудина отъ упрека въ «слабовольности», онъ обрисовываетъ его личность гораздо худшими красками, даетъ такое толкованіе его характеру, подъ которымъ никогда не подписался бы Тургеневъ и которое идетъ совершенно въ разрѣзъ со всѣми нашими представленіями о полной нравственной порядочности того типа слабыхъ, но, безъ сомнѣнія, благородныхъ «людей, сороковыхъ годовъ», однимъ изъ представителей которыхъ является въ нашей литературѣ Рудинъ. Не любилъ Наташи! А если бы любилъ и все-таки получилъ *отказъ* со стороны ея родителей,—какъ повелъ бы онъ себя въ этомъ случаѣ? Въ томъ и дѣло, что внѣ фразъ: «что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами» и пр.,—Рудинъ не былъ бы Рудинымъ. То же самое и герой повѣсти «Ася». Герой былъ «застигнутъ врасплохъ страстными признаніями дѣвушки, оригинальной, глубоко привлекательной и милой, но которую онъ, конечно, не любилъ». Но зачѣмъ же герой такъ непозволительно велъ себя съ Асей *до* рокового съ ней свиданія и такъ нелѣпо *послѣ* этого свиданія? Насъ, конечно, мало бы интересовали сердечныя дѣла Рудина и героя «Аси», если бы обнаруженныя этими героями въ ихъ отношеніяхъ къ женщинамъ свойства не объясняли намъ совершенно ясно причины нерѣшительности такихъ героевъ и въ дѣлахъ иного порядка. Но въ томъ-то и состояло печальное свойство вскормленныхъ крѣпостными хлѣбами героевъ, что они всегда готовы были играть съ огнемъ, но такъ, чтобы не обжечься, раздражать свои нервы, но лишь до указываемаго «благоразуміемъ» предѣла. Статья Чернышевскаго «Русскій человѣкъ на rendez-vous», написанная имъ по поводу именно тургеневской повѣсти «Ася», выясняетъ какъ нельзя лучше эту сторону дѣла. Вѣдь, тутъ, въ этихъ свойствахъ «людей сороковыхъ годовъ», и лежала причина розни между ними и «разночинцами» типа Чернышевскаго и Добролюбова.

Кстати о Добролюбовѣ. Въ «Журналѣ для всѣхъ» помѣщена очень интересная статья г. М. Антоновича, подъ заглавіемъ «Изъ воспоминаній о Николаѣ Александровичѣ Добролюбовѣ». Намъ тѣмъ пріятнѣе остановиться на этой статьѣ.

что сорокалѣтіе со дня смерти знаменитаго критика-публициста ознаменовалось появленіямъ въ нашей литературѣ гораздо меньшаго количества статей и воспоминаній, чѣмъ этого можно было бы ожидать, принимая во вниманіе столь крупный въ исторіи нашей журналистики фактъ. Если не считать газетныхъ статей, то на годовщину смерти Добролюбова откликнулся одинъ лишь нашъ журналъ. Правда, въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» помянулъ память Добролюбова и этотъ журналъ, но лишь въ формѣ чрезвычайно легковѣсной попытки г. Подарскаго опровергнуть нѣкоторыя соображенія, высказанныя въ помѣщенной въ нашемъ журналѣ статьѣ г. Богучарскаго «Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли». Отмѣчая нѣкоторыя мысли по этому поводу г. Богучарскаго, г. Подарскій «оставляетъ вопросъ въ сторонѣ, въ какихъ индивидуальныхъ свойствахъ противниковъ лежитъ причина того распредѣленія историческихъ ролей, которыми распорядилась судьба, сдѣлавъ изъ Герцена, бывшаго соціалистомъ уже въ 40-хъ годахъ, временнаго, наиболѣе блестящаго выразителя русскаго либерализма, а изъ Чернышевскаго и Добролюбова представителей русскаго радикализма», но находитъ, что этотъ вопросъ «врядъ ли разрѣшимъ на основаніи слишкомъ простыхъ соображеній, вродѣ того, что Чернышевскій и Добролюбовъ были, молъ, семинаристами, а Герценъ—богатымъ «бариномъ»». Самъ г. Подарскій думаетъ, что «не въ разницѣ между типомъ «разночинца» и типомъ «барина» надо искать основыхъ причинъ столкновенія между Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и Герценомъ, а въ разницѣ между двумя типами общественныхъ партій». Совершенно вѣрно, но г. Подарскій занимается только игрою словъ. Если бы онъ занимался существомъ дѣла, то спросилъ бы себя: а почему же въ эпоху столкновенія между Чернышевскимъ-Добролюбовымъ и Герценомъ (не въ эпоху послѣдующую, а именно эту) на сторонѣ одного изъ двухъ «типовъ общественныхъ партій» оказались преимущественно «разночинцы», а на сторонѣ другого преимущественно «баре»? Если бы онъ хорошенько изслѣдовалъ этотъ вопросъ, то увидѣлъ бы, что г. Богучарскій говорилъ именно о столкновеніи двухъ «типовъ общественныхъ партій», да только, не останавливаясь на поверхности явленія, старался указать на ту, вызывавшуюся болѣе общими условіями, группировку общественныхъ силъ, вслѣдствіе которой долженъ былъ произойти расколъ между «разночинцами» и «барами». Г. Подарскій, да и нѣкоторые другіе сотрудники «Русскаго Богатства», все упрекаютъ своихъ литературныхъ оппонентовъ, что они статьи г. Михайловскаго плохо помнятъ *), а между тѣмъ, помнятъ они ихъ очень хорошо, помнятъ,

*) Вотъ слова г. Подарскаго: «Дѣйствительно то, что говоритъ г. Богучарскій о разницѣ между «прогрессистами» сороковыхъ годовъ, «вышедшими почти поголовно изъ барской среды», и «новоявленными разночинцами» было давно выражено въ «Отечественныхъ Запискахъ». Совѣтую развернуть читателю, напр., мартовскій номеръ 1874 года на «Литературныхъ и журнальныхъ замѣткахъ» (т.-е. одну изъ статей г. Михайловскаго): онъ найдетъ тамъ такое объясненіе различія въ міровоззрѣніи между двумя упомянутыми категоріями литераторовъ, какое въ смыслѣ пониманія соціальной почвы, выростившей эти различные же плоды торчества, *не оставляетъ желать ничего лучшаго*. Мы указываемъ потому на это обстоятель-

напр., такія слова г. Михайловскаго: «Каждый видалъ, вѣроятно, такъ называемыхъ людей сороковыхъ годовъ, которые въ свое время даже пострадали за свое пристрастіе къ лучамъ свѣта и свободы и которые въ шестидесятыхъ годахъ вдругъ окрысились, не будучи въ состояніи побѣдить въ себѣ непріятнаго чувства къ людямъ, въ конечномъ результатѣ имъ, повидимому, вовсе не столь противнымъ» *). Г. Михайловскій констатируетъ фактъ раскола, между «людьми сороковыхъ» и людьми шестидесятыхъ годовъ», а кому же неизвѣстно, что, за самыми незначительными исключеніями, «люди сороковыхъ годовъ» были всѣ по происхожденію «баре», а въ шестидесятыхъ на авансцену «разночинецъ выступилъ»? Значитъ, и по мнѣнію г. Михайловскаго, столкновеніе взглядовъ произошло именно между «барами» и «разночинцами», а г. Подарскій теперь упрекаетъ другихъ въ незнаніи статей г. Михайловскаго и пишетъ въ редактируемомъ г. Михайловскимъ журналѣ, что «не въ разницѣ между типомъ «разночинца» и типомъ «барина» надо искать основныхъ причинъ столкновенія между Чернышевскимъ-Добролюбовымъ и Герценомъ, а въ разницѣ между двумя типами общественныхъ партій». Не твердо, не твердо знаетъ г. Подарскій молитвы изъ своего Корана...

Перейдемъ, однако, къ статьѣ г. Антоновича, помѣщенной въ «Журналѣ для всѣхъ». Основываясь на своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Добролюбову, г. Антоновичъ обрисовываетъ личность славнаго дѣятеля на русской литературной нивѣ чрезвычайно симпатичными штрихами. Авторъ «Воспоминаній» написалъ для «Современника» свою первую статью, прочтя которую Добролюбовъ, хотя и забраковалъ ее, но письменно ободрилъ г. Антоновича, чтобы онъ не смущался такой неудачей, и въ заключеніе письма приглашалъ его зайти въ редакцію. Г. Антоновичъ не замедлилъ воспользоваться приглашеніемъ и былъ принятъ Добролюбовымъ крайне сердечно. «Онъ принялъ меня,—разсказываетъ г. Антоновичъ, — безъ всякихъ церемоній и чрезвычайно запросто, какъ бы давнишняго короткаго знакомаго или товарища... участливо сталъ разспрашивать меня о моемъ внѣшнемъ положеніи, о моихъ планахъ и намѣреніяхъ, о томъ, къ чему я чувствую особенное влеченіе и какая отрасль знанія мнѣ нравится и болѣе извѣстна... Въ заключеніе нашего свиданія онъ сказалъ: «непремѣнно приходите ко мнѣ вечеромъ въ такіе-то дни». Такъ сталъ бывать г. Антоновичъ на квартирѣ Добролюбова, и знаменитый критикъ тутъ же сталъ направлять въ наиболѣе цѣнное для него русло мысли новаго знакомца. «У Добролюбова библіотека была небольшая, но состояла изъ самыхъ избранныхъ книгъ. Узнавъ отъ меня, что я питаю нѣкоторую слабость къ философіи, а между тѣмъ, мало знакомъ съ крайней лѣвой гегеліанства и знаю Фейербаха только по наслышкѣ, онъ далъ мнѣ его сочиненія и настоятельно рекомендовалъ проштудировать его два сочиненія: «Das Wesen der Religion» и

ство, что слишкомъ уже часто русскіе люди *забываютъ* о преемственности идей и, *не справляясь съ исторіей нашей мысли*, склонны, сами того не подозрѣвая, какъ бы заново, трактовать *запамятованныя вещи*,—трата времени и логическихъ усилій довольно непроизводительная!..» Комментировать ли всѣ эти поученія г. Подарскаго?.. Нѣтъ, не стоитъ...

*) «Литературныя и журнальныя замѣтки», 1874 года. стр. 117.

«Das Wesen Christenthums». Давалъ Добролюбовъ мнѣ, между прочимъ, сочиненіе Прудона «Système des contradictions économiques». Когда я, возвращая ему книгу, пожаловался, что въ ней нѣтъ никакихъ положительныхъ выводовъ, что въ ней представлены двѣ противоположныя системы воззрѣній, всѣ pro и contra, но вовсе не указано, какъ ихъ примирить или что изъ нихъ вытекаетъ, то онъ сказалъ, что это то и хорошо, что догматичность вездѣ не хороша, что нужно самому думать и самому рѣшать для себя, на какую изъ противоположностей слѣдуетъ становиться и какіе выводы дѣлать изъ нихъ». Съ теченіемъ времени у г. Антоновича установились съ Добролюбовымъ довольно близкія отношенія. Автора «Воспоминаній» поражала въ Добролюбовѣ, «возбуждала удивленіе, почти даже благоговѣніе къ нему» одна характерная особенность его личности: «страшная сила, непреклонная энергія и неудержимая страсть его убѣжденій. Все его существо было, такъ сказать, наэлектризовано этими убѣжденіями, готово было каждую минуту разразиться и осыпать искрами и ударами все, что заграждало путь къ осуществленію его практическихъ убѣжденій. Готовъ онъ даже былъ жизнь свою положить за ихъ осуществленіе... «Постепенно», «потихоньку да помаленьку»—были противны его энергической, горячей, юношеской натурѣ. Но дѣйствительность грубо разрушала его мечты и точно издѣвалась надъ его горячими, нетерпѣливыми порывами и стремленіями, и это повергало его въ муку и отчаяніе. Но энергія и страстность не могутъ остановиться на отчаяніи: нужно дѣйствовать во что бы то ни стало, работать и бороться могучимъ орудіемъ печатнаго слова» Далеко, конечно, не всѣ факты изъ протекавшей тогда общественной жизни могли попадать въ печать, но они служили обыкновенно предметомъ бесѣды среди литераторовъ. Эти бесѣды приводили въ негодованіе Добролюбова одною своею особенностью. «Какъ только, бывало, соберутся литераторы гдѣ-нибудь, почти каждый изъ нихъ разскажетъ о какомъ-нибудь вопіющемъ фактѣ или безобразномъ явленіи, и всѣ пожалѣютъ. Но все это разсказывается и выслушивается спокойно, хладнокровно и благодушно; и разсказчики, и слушатели на другой же день продолжаютъ свои гимны «настоящему времени», процвѣтанію гласности и обличительной литературы. Добролюбова это бѣсило, просто приводило въ ярость, и онъ удивлялся, какъ это можно такъ спокойно и благодушно относиться къ подобнымъ фактамъ: и его мучило двойное негодованіе — и на самые факты и на печать. Всѣ сообщаемые ему этого рода факты онъ для чего-то аккуратно заносилъ въ свою записную книжку (неизвѣстно, сохранилась ли она послѣ погрома, разразившагося надъ литературнымъ душеприказчикомъ Добролюбова)...» Страшно огорчила Добролюбова направленная противъ него и Чернышевскаго статья Герцена «Very dangerous», о чемъ читатель найдетъ подробный разсказъ въ вышеупомянутой статьѣ г. Богучарскаго «Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли». («Міръ Божій», 1901, ноябрь). Авторъ этой статьи приводилъ тамъ, между прочимъ, свои соображенія въ опроверженіе словъ Головачевой, разсказывающей, будто бы статья Герцена не произвела въ редакціи «Современника» особаго впечатлѣнія. Нынѣ г. Антоновичъ разсказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ этой

статьей на Добролюбова, въ такихъ выраженіяхъ: «Если бы сильный и неожиданный ударъ грома разразился надъ головою Добролюбова, то онъ такъ не поразилъ бы и не потрясъ его, какъ эта замѣтка». Къ сожалѣнію, и г. Антоновичъ или не знаетъ, или не помнитъ, или забылъ разсказать объ отвѣтномъ письмѣ по этому же поводу Добролюбова къ Герцену, чему имѣются въ печатныхъ источникахъ лишь легкіе слѣды... Объ этомъ нельзя не пожалѣть!..

Въ величайшее негодованіе приводили Добролюбова и сужденія нашей печати о дѣлахъ Европы, ея то надменный, то снисходительный тонъ по отношенію къ происходившимъ за предѣлами Россіи событіямъ. «Отъ инквизиторскихъ взоровъ нашихъ,—говоритъ г. Антоновичъ,—не могли укрыться ни одна ошибка, ни одна стѣснительная мѣра, ни одно некорректное дѣйствіе Пальмерстоновъ или Росселей. Особенно сильно пушила печать Англію за сипаевъ, совершенно такъ же, какъ теперь пушитъ ее за буровъ. Наша печать до глубины души возмущалась жестокостью и кровожадностью, съ какими англичане усиливались подавить возстаніе сипаевъ въ Индіи. Тогдашняя печать глубоко сочувствовала порабощаемымъ сипаямъ такъ же, какъ нынѣшняя печать сочувствуетъ свободолюбивымъ и благочестивымъ бурамъ. Такая строгость и такое сочувствіе возставшимъ, по мнѣнію Добролюбова, были вовсе не къ лицу нашей печати, и ея судейская роль относительно иностранныхъ дѣлъ бѣсила его не менѣе, чѣмъ славословія «настоящему времени» и его гласности. Онъ возмущался каррикатурами Степанова на англичанъ и французовъ и по поводу ихъ написалъ на Степанова двѣ эпиграммы... Въ печати онъ издѣвался и глумился надъ стихотвореніями Розенгейма, содержавшими въ себѣ квинтэссенцію національнаго самохвальства... Но печатныя издѣвательства Добролюбова и пародіи на стихотворенія Розенгейма были только слабымъ выраженіемъ того негодованія, той злости, какія возбуждало въ немъ это національное бахвальство, свойственное не одному Розенгейму, но почти всей печати. Дать волю этому негодованію излиться въ серьезной статьѣ со всѣми его мотивами и аргументами Добролюбовъ не признавалъ возможнымъ. За англичанъ же онъ вступился и въ серьезной статьѣ и старался убѣдить русскихъ публицистовъ, что судить строго англичанъ и вообще всѣ иностранныя дѣла имъ вовсе не къ лицу, непристойно и что ихъ приговоры, при ихъ неумѣстности, еще и несправедливы. Въ своей статьѣ, которая, къ сожалѣнію, не попала въ собраніе его сочиненій, «Взглядъ на исторію и современное состояніе Остъ-Индіи», онъ писалъ слѣдующее: «Теперь, даже среди ожесточенія, которое возбуждено среди англичанъ неистовствами сипаевъ, раздаются уже въ парламентѣ и на митингахъ голоса противъ злоупотребленій англійскаго управленія въ Индіи; въ лондонскихъ газетахъ печатаются статьи и письма, полныя упрековъ Англіи и сожалѣнія объ участи туземцевъ. Въ этой смѣлости, безпощадности, съ которой во всякое время могутъ быть раскрыты общественные недостатки, заключается величайшая сила Англіи». Этому послѣднему обстоятельству тогдашніе публицисты не придавали никакого значенія, а, напротивъ, пользовались ими, какъ готовымъ и легкимъ орудіемъ противъ самихъ же англичанъ: «вотъ, молъ, сами англичане видятъ и сознаются, какъ они не-

хороши!» Какъ все это поразительно напоминаетъ отраженіе и оцѣнку въ современной русской печати англо-бурской распри! То-то бы пищи было теперь высокоталантливому Добролюбову для клейменія по заслугамъ многихъ изъ нашихъ доморощенныхъ «патріотовъ своего отечества». Всѣ эти черты характера Добролюбова находили самое восторженное къ себѣ отношеніе со стороны Чернышевскаго. «Вотъ,—говаривалъ онъ,—настоящій человѣкъ дѣла, жаждущій дѣла. У него полная гармонія между мыслью, словомъ и дѣломъ. Въ его глазахъ самыя прекрасныя намѣренія не имѣютъ никакого значенія и даже вызываютъ его неудовольствіе, если они не стремятся проявиться въ соотвѣтствующихъ дѣйствіяхъ. И какъ онъ во всемъ строгъ, непоколебимъ и непреклоненъ! Никогда онъ не пойдетъ на малѣйшій компромиссъ; никому и ни въ чемъ онъ не сдѣлаетъ ни малѣйшей уступки. Ко всему онъ относится сердечно, осмысленно, прочувствованно и страстно». Иное отношеніе вызывали къ себѣ Добролюбовъ и Чернышевскій со стороны другихъ писателей, писателей-баръ, принадлежавшихъ къ «людямъ сороковыхъ годовъ». «Тургеневу, напримѣръ,—разсказываетъ г. Антоновичъ,—въ то время приписывали такую фразу: «Добролюбовъ—просто змѣя, а Чернышевскій — ядовитая, гремучая змѣя». Тутъ г. Антоновичъ ошибается. Тургеневъ произнесъ эту фразу какъ разъ наоборотъ, о чемъ имѣется печатное свидѣтельство самого Чернышевскаго. («Въ изъявленіе признательности». Письмо къ г. З—ну. «Современникъ», февраль 1862 г., стр. 393—394). Причины столкновенія между людьми типа Добролюбова и «людьми сороковыхъ годовъ» были глубоки и г. Антоновичъ совершенно правъ, заявляя, что «расколъ неизбѣжно произошелъ бы, если бы даже Добролюбовъ былъ изысканно любезенъ и почтителенъ со старшими литераторами».

Объ отношеніяхъ, завязавшихся у Добролюбова въ Италіи, г. Антоновичъ ничего не сообщаетъ. Тутъ интересъ, конечно, не въ «итальянской сиренѣ», въ которую будто бы влюбился тогда Добролюбовъ,—это дѣло важности десятистепенной, — а въ отношеніяхъ нашего критика, имѣющихъ общественное значеніе къ нѣкоторымъ итальянцамъ, о чемъ глухо упоминаетъ въ своей напечатанномъ въ газетѣ «Новости» въ день сорокалѣтія смерти Добролюбова статьѣ библіографъ г. Сильчевскій. Другихъ свѣдѣній по этому поводу, сколько намъ извѣстно, въ напечатанной о Добролюбовѣ литературѣ не существуетъ, а лично знавшій Добролюбова г. Антоновичъ, къ сожалѣнію, также ничего объ этомъ предметѣ не сообщаетъ.

Свою статью г. Антоновичъ заканчиваетъ такими словами: «Умирая, Добролюбовъ съ полнымъ правомъ могъ сказать своему другу:

«Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ.
Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею!..»

Къ кому относятся эти стихи?

Въ вышеназванной статьѣ г. Сильчевскій говоритъ, на основаніи словъ Панаевой-Головачевой, лично ему ею сообщенныхъ, что стихотвореніе это по-

священо Добролюбовымъ ей, Панаевой. Въ письмѣ въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей» г. Пантелѣевъ сильно въ этомъ сомнѣвается.

Г. Антоновичъ коментируетъ это стихотвореніе такими словами:

«Другъ пошелъ тою же стезею и кончилъ такъ же, сгорѣлъ тѣмъ же, но медленнымъ огнемъ».

И на основаніи всего, о Добролюбовѣ извѣстнаго, намъ также кажется, что правъ именно г. Антоновичъ...

Въ январьской книжкѣ «Русской Старины» помѣщена статья недавно скончавшагося молодого и вдумчиваго писателя Арефьева, подъ заглавіемъ «М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири». Авторъ задался цѣлью собрать относящіеся ко времени пребыванія Петрашевскаго въ Сибири матеріалы для біографіи этой оставившей замѣтный слѣдъ въ исторіи нашей общественной жизни личности. Только недавно закончилось печатаніе въ «Вѣстникѣ Европы» (въ декабрьской книжкѣ 1901 г.) «Записокъ» одного изъ «петрашевцевъ» (Ахшарумова), съ которыми «Міръ Божій» своевременно знакомилъ и нашихъ читателей. Тѣмъ большій интересъ должны представлять попытки собрать данныя для несуществующей у насъ біографіи самого Петрашевскаго. Къ сожалѣнію, собранныя Арефьевымъ свѣдѣнія немногочисленны, хотя, разумѣется, произошло это не по винѣ автора разсматриваемой статьи. Напротивъ, съ своей стороны, онъ дѣлалъ все возможное для намѣченной цѣли, отъ переписки по этому поводу съ извѣстными сибирскими дѣятелями М. В. Загоскинымъ и В. И. Вагинымъ и разговоровъ съ лично знавшимъ Петрашевскаго енисейскимъ врачомъ А. И. Вициными до посѣщенія въ селѣ Бѣльскомъ, Енисейской губерніи, дома, въ которомъ нѣкогда жилъ Петрашевскій и могилы, въ которой покоится его прахъ. Въ своихъ извѣстныхъ «Воспоминаніяхъ» д-ръ Бѣлоголовый упоминаетъ вскользь о Петрашевскомъ и говоритъ, что онъ былъ высланъ изъ Иркутска генералъ-губернаторомъ Муравьевымъ (Амурскимъ) за то, что онъ въ когда-то громкомъ дѣлѣ о дуэли между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ принялъ сторону послѣдняго и рѣзко порицалъ какъ Беклемишева, такъ и стоявшую за его плечами генералъ-губернаторскую партію. Въ письмѣ къ Арефьеву В. И. Вагинъ мотивируетъ высылку Петрашевскаго тою же причиною, прибавляя, что вообще «Петрашевскій не стѣснялся въ выраженіи своихъ мнѣній о мѣстныхъ событіяхъ». Это очень характерно, если вспомнить, что дѣло происходило въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ и при управленіи краемъ Муравьева, такъ старавшагося, по разсказамъ многихъ декабристовъ, прослыть «либераломъ». Объ этомъ, впрочемъ, разсказываютъ и не одни декабристы. «Въ Иркутскѣ,—сообщалъ Арефьеву М. В. Загоскинъ,—жили всегда втроемъ Петрашевскій, И. А. Спѣшневъ и Ѳ. Н Львовъ (оба также «петрашевца»). Муравьевъ былъ тогда въ угарѣ либерализма и приблизилъ ихъ къ себѣ. Послѣ нѣсколькихъ моихъ статей въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» Муравьевъ пожелалъ со мной познакомиться и мы (не помню со Спѣшневымъ или Петрашевскимъ) отправились къ генералъ губернатору. У Муравьева въ кабинетѣ цѣлый уголъ былъ заваленъ заграничными изданіями о Россіи и онъ тутъ же пред-

ложилъ пользоваться этими книгами всѣмъ намъ». Все это не помѣшало Муравьеву выслать Петрашевскаго изъ Иркутска за свободное высказываніе своихъ мнѣній «о мѣстныхъ событіяхъ». Изъ Иркутска Петрашевскій былъ высланъ сначала въ глухое село Шушу Минусинскаго округа. «Сойдясь съ своими новыми односельцами, Петрашевскій сдѣлался ихъ адвокатомъ и отъ ихъ имени сталъ осаждать мѣстныя власти безпрестанными прошеніями на разныя утѣсненія и неправды. Прошенія эти доводились до свѣдѣнія Муравьева и постоянно поддерживали его раздраженіе. Одинъ старожилъ передавалъ мнѣ, со словъ самого Петрашевскаго, что въ Шушѣ изгнанникъ подвергался даже наказанію розгами». Вскорѣ послѣ этого Петрашевскій былъ переведенъ въ село Бѣльское Енисейскаго уѣзда. «Этотъ переводъ явился также наказаніемъ за недоразумѣнія съ начальствомъ». Въ Бѣльскомъ Петрашевскій и умеръ. «По справкамъ въ Благовѣщенской церкви с. Бѣльскаго оказалось слѣдующее: въ 1867 году въ третьей части объ умершихъ подъ № 4 муж. п. записанъ «политическій преступникъ Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій, умершій скоропостижно». Днемъ его смерти значится 7 декабря 1866 года, а днемъ погребенія 12 февраля 1867 года. Такимъ образомъ, покойный ждалъ погребенія болѣе двухъ мѣсяцевъ, находясь все это время въ мѣстномъ «холодникѣ». Хоронили Петрашевскаго на средства волостного правленія, и ни одна душа не провожала его до кладбища, кромѣ носильщиковъ. Какъ человѣкъ, умершій безъ покаянія, онъ былъ зарытъ внѣ кладбища.

«Безъ церковнаго пѣнья, безъ ладона,
Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка...»

Въ предыдущихъ нумерахъ «Міра Божія» читатели были уже ознакомлены съ началомъ и продолженіемъ очерковъ г. Короленко, подъ заглавіемъ «У казаковъ». Въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщено окончаніе этого интереснаго произведенія. Какъ въ предыдущихъ книжкахъ, такъ и теперь талантливый авторъ очерковъ старается прослѣдить среди уральскаго казачьяго войска борьбу стараго, полнаго поэзіи, но обреченнаго на смерть неумолимымъ ходомъ вещей, уклада жизни съ новыми, уже намѣтившимися въ ея глубинѣ, теченіями. Пристально наблюдалъ г. Короленко заслуживающія самаго серьезнаго вниманія религіозныя движенія и настроенія среди казаковъ, прямо въ глаза посмотрѣлъ онъ и совершающимся среди войска экономическимъ перемѣнамъ. Онъ не идеализируетъ «старину» и отъ него не укрываются всѣ безотрадныя стороны прежнихъ порядковъ. «Илецкая община,—говоритъ онъ,—подъ вліяніемъ своего сочлена, ученаго агронома Иванаева, въ 1888 году пережила довольно крутую реформу и перешла отъ захватнаго пользованія землями къ передѣламъ луговъ и ограниченію захвата пашень. Въ сущности это было вызвано самою жизнью, такъ какъ прежняя система вела къ чрезвычайной неравномѣрности, безпорядкамъ и злоупотребленіямъ: степи все равно распахивались, но дѣлалось это преимущественно зажиточными казаками, а бѣднота оставалась позади. Луга и ковыль косились «ударомъ», какъ это дѣлается и теперь въ уральской общинѣ». Г. Короленко описываетъ картину такого лугового покоса въ тотъ годъ, когда

онъ былъ въ Уральскѣ. По нѣкоторымъ причинамъ, косцовъ вышло немного «и, однако, то, что я видѣлъ,—говоритъ г. Короленко, далеко не вызвало представленія о братствѣ и общинныхъ чувствахъ...» «Въ другіе годы вся картина еще гораздо напряженнѣе. Очень рѣдко покосъ начинается въ свое время, такъ какъ первый же подозрительный звукъ сразу подымаетъ всѣ станы. Каждый кидается къ лучшей травѣ, стараясь перекосить другому дорогу. Иной разъ два враждебныхъ косца долго, до изнеможенія, идутъ рядомъ, пока одинъ не выйдетъ впередъ настолько, чтобы перерѣзать дорогу другому: «братцы, обкосилъ!»—слышится тогда отчаянный крикъ и менѣе усталый косецъ того же стана пускается въ догонку за врагомъ, врѣзающимся въ намѣченный участокъ. Говорятъ, при этомъ бывали иногда случаи, что разъяренные соперники подкашивали другъ другу ноги...»

Картины этихъ «общинныхъ» порядковъ говорятъ очень ярко сами за себя...

Наблюдалъ г. Короленко и представителей «стараго войска», гордящихся его прошлымъ. Но между этими представителями сѣдой старины и казацкой молодежью уже ясно пробѣжала черная кошка. Сидѣли въ одномъ изъ трактировъ три старыхъ казака, говорили о заслугахъ стараго войска и поучали молодежь, за что ему «медали даны».

«— Отцы! Дозвольте мнѣ... Я вамъ скажу, за что вамъ медали дадены! (проговорилъ одинъ изъ сидѣвшихъ въ трактирѣ молодыхъ казаковъ по имени Каллистратъ).

— Ну?—протянулъ Юносовъ подозрительно.

— Надѣлалъ, скажемъ такъ, мужикъ горшковъ.

— Не объ горшкахъ дѣло!

— А вы слушайте,—крикнулъ одинъ изъ молодежи, предвкушая новую выходку Каллистрата.

— Ну, надѣлалъ горшковъ,—продолжалъ тотъ, оглядываясь и играя веселыми глазами.—Надо ихъ куда-нибудь класть, такъ ли братцы?

— Вѣрно, вѣрно!—крикнули молодые.

— Ты это къ чему примѣнишь?—угрожающе спросивъ каюрчей (старый казакъ-знахарь).

— Ну, онъ ихъ, значитъ, на плетни и надѣлъ... то же самое, значитъ, и медалей много надѣлано. Куда дѣвать? На старое войско и надѣли!»

За этимъ чуть было не произошла между старыми и молодыми казаками жестокая схватка, предотвращенная лишь, повидимому, притворною покорностью Каллистрата.

По этому поводу г. Короленко замѣчаетъ: «Всѣ мы понимали, что въ только что разыгравшемся эпизодѣ судьба сдѣлала насъ свидѣтелями не простой трактирной ссоры подвыпившихъ казаковъ». И замѣчаніе г. Короленки совершенно справедливо: тутъ было нѣчто гораздо большее: тутъ было столкновеніе «стараго» и «новаго» среди еще недавно бывшей не монотонной, нѣтъ, а одноколоритной общей жизни войска. За «старое» говоритъ его поэзія, своеобразный размахъ жизни, широкое приволье. За «новое»... Въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь выступаетъ на сцену, въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго... Молодежь кичится своею лучшею

обмундировкою да умѣніемъ отличаться «на маневрахъ». Но не таится ли подъ этимъ то самое явленіе, которое появилось и въ русской деревнѣ въ формѣ столь когда-то осмѣяннаго въ нашей литературѣ и столь же ею непонятаго «пинджака»? Не наблюдается ли въ лицѣ молодыхъ казаковъ, въ ихъ неуваженіи къ традиціямъ «стараго войска», непочтеніи къ заслуженнымъ его представителямъ и даже въ ядовитыхъ насмѣшкахъ надъ ними и надъ ихъ заслугами,— тотъ же новый, разливающійся по всему лицу земли русской, противный «завѣтамъ святой старины», строптивый духъ индивидуализма, тотъ духъ, что, пройдя черезъ далеко не внушающія симпатіи фазы, приводитъ, въ концѣ концовъ людей къ гораздо болѣе совершеннымъ формамъ общенія, нежели описанныя г. Короленко уральскія, да и разныя другія пресловутыя русскія «общины»?.. Не знаемъ, приходили ли эти мысли въ голову самому г. Короленко, когда писалъ онъ свои интересные очерки казацкаго житья-бытья на Уралѣ. Главу, изъ которой мы заимствовали вышеприведенныя цитаты, г. Короленко заканчиваетъ такими словами: «Теперь эта старина тихо сходитъ со сцены, а въ лицѣ молодежи выступаетъ уже что-то другое, еще неясное и тоже странное. И невольно въ умѣ вставалъ вопросъ: неужели это только фрунтовая шеренга и честолюбіе ранжира?» Г. Короленко не пытается разрѣшить поставленный имъ вопросъ. Не претендуемъ на его рѣшеніе и мы, но кажется намъ, что далеко не въ одной только «фрунтовой шеренгѣ» и «честолюбіи ранжира» здѣсь дѣло и что за этимъ, какъ и за «пинджакомъ» въ деревнѣ, шествуетъ нѣчто иное, гораздо болѣе серьезное...

Въ той же книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщена заслуживающая большого вниманія статья г. Пѣшехонова, подъ заглавіемъ «Кризисъ въ земской статистикѣ». Статья эта посвящена выясненію причинъ многочисленныхъ конфликтовъ земскихъ статистиковъ съ администраціей, земскими управами и, наконецъ, завѣдующими статистическими бюро, которыми былъ такъ богатъ 1901 годъ. Въ началѣ своей статьи немногими, но вѣрными штрихами г. Пѣшехоновъ набрасываетъ небогатую еще временемъ, но очень богатую опытомъ, исторію нашей земской статистики. Лишь въ силу особенныхъ условій, среди которыхъ развивалась наша общественная жизнь, сложился у насъ совершенно особый типъ «земскихъ статистиковъ», организовавшихся для живого и въ высшей степени важнаго дѣла, такъ сказать, и въ особое «сословіе», составившее, по преимуществу, ядро того «третьяго элемента», на который, какъ на чреватый опасностями для государства, указывалъ въ прославившейся въ свое время рѣчи премудрый г. Кондоиди. Работа земскихъ статистиковъ требовала добросовѣстности въ ея исполненіи, не той чиновничьей добросовѣстности, о которой говорилъ одинъ изъ некрасовскихъ персонажей: «слава Богу, что чиновникъ у насъ не всегда добросовѣстенъ», а добросовѣстности истинной, основанной на горячей любви къ предмету, которому статистики посвящали свои силы. «Не безъ основанія, поэтому,—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—въ статистическихъ бюро установился тотъ свободный режимъ, который такъ шокируетъ земскихъ бюрократовъ новѣйшей формаціи. Вмѣсто безцѣльныхъ и стѣ-

снительныхъ внѣшнихъ формъ контроля, вродѣ Родзянкинскихъ дневниковъ, приходится полагаться на совѣсть самихъ работниковъ. И надо сказать, что уровень этики, установившійся въ статистическихъ бюро, даетъ полную къ тому возможность. Я не буду останавливаться на профессіональномъ значеніи такого «порядка», основаннаго на уваженіи къ личности и сознаніи ею своей отвѣтственности, и отмѣчу лишь общественное его значеніе. Земскимъ статистикамъ приходится имѣть дѣло не только съ мертвыми цифрами, но прежде всего съ живыми людьми, и при томъ въ условіяхъ крайне неблагопріятныхъ: съ одной стороны, чрезвычайное напряженіе ихъ собственной нервной организаціи, подавляемой обиліемъ впечатлѣній и труда, а съ другой—взволнованное состояніе психики того населенія, съ которымъ имъ приходится имѣть дѣло. Извѣстно, какое впечатлѣніе производятъ даже самыя несложныя переписи на массу; земская же статистика принуждена и рѣшается затрогивать самыя больныя и интимныя стороны ихъ жизни. При такихъ условіяхъ, но при иныхъ людяхъ и при иномъ тонѣ отношеній къ населенію, легко могли бы имѣть мѣсто факты самой беззастѣнчивой эксплуатаціи его, вплоть до открытаго взяточничества, самые острые конфликты съ нимъ, вплоть до статистическихъ бунтовъ, самыя ужасныя послѣдствія его невѣжества, вродѣ хотя бы тѣхъ, какими всеобщая перепись 1897 году сказалась въ Терновскихъ плавняхъ. Къ счастью, исторія земской статистики не знаетъ ни одного, хоть сколько-нибудь серьезнаго, эпизода въ этомъ родѣ».

Но эта-то сторона дѣла меньше всего и цѣнится, употребляя терминологію того же г. Кондоиди, «первымъ» и «вторымъ элементомъ». Имъ бросается въ глаза «непорядокъ» въ смыслѣ отсутствія «равненія подъ одно», не нравится особый, свойственный «третьему элементу», «вольный духъ» и вотъ «уже раньше,—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—былъ предпринятъ рядъ крайне стѣснившихъ проникновеніе въ среду земскихъ служащихъ отдѣльныхъ, почему-либо казавшихся неудобными, лицъ. Давно уже ни для одного правительственнаго и ни для одного частнаго учрежденія выборъ служащихъ не обставленъ такими затрудненіями, какъ для земства. За послѣдніе же годы противъ земской служилой интеллигенціи въ полномъ ея составѣ предпринятъ систематическій походъ, далеко еще не закончившійся и потому въ своихъ результатахъ не опредѣлившійся. Серьезное значеніе его усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ сразу ведется съ разныхъ сторонъ... Въ печати его представителями являются «Новое Время» и «Московскія Вѣдомости», возставшія въ защиту земства отъ «бюрократіи», разумѣя подъ послѣднею земскихъ служащихъ, объединенныхъ въ разнаго рода бюро... Изъ земской среды въ роли гонителей выступали «дѣятели новой формаціи»,—или сознательные представители сословно-классовыхъ интересовъ привилегированнаго меньшинства, или, — что чаще встрѣчается,—тѣ современные Янусы, у которыхъ кверху обращена подобострастная рожа холопа, а книзу—строгій ликъ громовержца!..» Эти господа стали пріискивать себѣ въ качествѣ завѣдующихъ бюро лицъ не изъ статистической среды. «Появляются въ этой роли департаментскіе чиновники, земскіе начальники, изгнанные товарищескимъ судомъ лѣсничіе, отставные гене-

ралы и тому подобные люди, хотя и вполнѣ «благонадежные», но къ данному дѣлу вовсе не пригодные». Все это вполнѣ достаточно опредѣляетъ почву для все учащающихся конфликтовъ между, съ одной стороны, земскими статистиками, а съ другой администраціей, земскими управами и завѣдующими статистическимъ бюро. Въ современномъ земствѣ происходитъ борьба двухъ теченій,—стараго и новаго,—но вызывается оно не естественнымъ развитіемъ земскаго дѣла, не тѣмъ органическимъ внѣдреніемъ «новаго» въ «старое», какое имѣетъ мѣсто хотя бы въ только что прошедшихъ передъ нашими глазами картинахъ быта уральскихъ казаковъ, а силою тѣхъ внѣшнихъ и независящихъ отъ самого земства условій, въ которыя все болѣе и болѣе ставитъ его суровая дѣйствительность. Принципъ, на которомъ зиждятся наши земскія учрежденія, принципъ вполнѣ здоровый, но та особая плоть и кровь, въ которыя облеченъ онъ въ жизни, все болѣе и болѣе вливаетъ въ него болѣзнетворное начало худосучія. Не закрытыя сверху отъ непогоды, не имѣющія громоотвода отъ грозъ, стѣны нашего земскаго зданія лишены, сверхъ того, и прочнаго фундамента, на которомъ, при другихъ обстоятельствахъ, могли бы онѣ не только держаться, но и, преодолѣвая препятствія, рости, цвѣсти и приносить плоды. Эту истину давно уже поняли наиболѣе прогрессивные элементы среди нашихъ земцевъ, но съ особенною ясностью сознаніе ея сказалось въ земскихъ собраніяхъ только что истекшихъ сессій въ формѣ поднятія во многочисленныхъ земствахъ вопроса объ учрежденіи мелкой земской единицы.

Разсмотрѣнію этого вопроса посвящена и очень интересная часть внутренняго обозрѣнія въ январской книжкѣ «Вѣстника Европы». Этимъ же вопросомъ займемся самымъ бѣглымъ образомъ и мы.

Вопросъ о мелкой земской единицѣ былъ возбужденъ въ земскихъ собраніяхъ: новгородскомъ, ярославскомъ, симбирскомъ, самарскомъ, курскомъ, воронежскомъ, пермскомъ, тверскомъ, рязанскомъ и многихъ другихъ. Обсужденіе это, не встрѣтивъ препятствій нигдѣ, было снято съ очереди въ одномъ лишь рязанскомъ земствѣ, гдѣ предсѣдатель собранія нашелъ этотъ вопросъ не мѣстнымъ, а государственнымъ. Само собою разумѣется, что предсѣдатель собранія не имѣлъ на это ни малѣйшаго ни права, ни основанія, и недопущеніе съ его стороны къ обсужденію вопроса, прежде всего, именно *мѣстнаго*, хотя,—какъ и всѣ важные вопросы земскаго дѣла,—тѣсно связаннаго съ вопросами общегосударственными, и свободно обсуждавшагося въ это же время въ многихъ другихъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, указываетъ на принадлежность г. рязанскаго предсѣдателя къ тому типу земцевъ «новой формаціи», яркую характеристику которыхъ далъ въ вышеразсмотрѣнной статьѣ г. Пѣшехоновъ. Во всѣхъ другихъ земствахъ, гдѣ обсуждался вопросъ о мелкой земской единицѣ (за исключеніемъ тверскаго, о чемъ мы скажемъ ниже), вопросъ этотъ признанъ настолько назрѣвшимъ, что осуществленіе въ жизни новой самоуправляющейся ячеи является, по мнѣнію многочисленныхъ земцевъ, дѣломъ безотлагательной необходимости. *Единогласно* въ этомъ смыслѣ высказались губернскія земскія собранія—новогородское и воронежское, причемъ первое постановило возбудить ходатайство объ этомъ предъ правительствомъ немедленно, а второе

учредить особую коммиссію изъ земцевъ для детальной разработки даннаго вопроса на мѣстѣ и представленія результатовъ работъ коммиссіи на обсужденіе уѣздныхъ и губернскаго собранія сессіи будущаго года. На предварительное обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній постановило передать этотъ вопросъ и пермское губернское земское собраніе. Въ докладѣ собранію по этому вопросу пермской губернской земской управы говорится, по словамъ корреспондента «С.-Пет. Вѣд.», слѣдующее: «Вопросъ о реформахъ мѣстнаго общественнаго устройства вполнѣ назрѣлъ; необходимость учрежденія мелкой земской единицы вполнѣ доказана, а потому всякое промедленіе въ рѣшеніи этихъ важныхъ вопросовъ будетъ тормозить поступательное движеніе народной жизни. Земству необходимо теперь же ходатайствовать предъ правительствомъ о томъ, чтобы вопросы эти были поставлены на очередь и чтобы разработка ихъ производилась не обычнымъ способомъ, а при непремѣнномъ участіи земства и всѣхъ вообще общественныхъ силъ». Какъ сообщаетъ тотъ же корреспондентъ, «собраніе *подавляющимъ большинствомъ голосовъ*, признавъ своевременнымъ дать дальнѣйшее движеніе вопросу о мелкой земской единицѣ, постановило передать его на разработку въ уѣздныя земскія собранія». («С.-Пет. Вѣд.» 21 декабря 1901 г. № 350). Въ курскомъ, ярославскомъ, симбирскомъ, самарскомъ и нѣкоторыхъ другихъ земствахъ (въ харьковскомъ вопросъ не разсматривался, вслѣдствіе случайной причины) вопросъ о мелкой земской единицѣ, будучи одобренъ принципіально, переданъ для детальной разработки въ экономическіе совѣты. Надо надѣяться, что сторонники широкой земской самодѣятельности, какъ изъ среды самихъ гласныхъ, такъ и тѣсно съ нею соприкасающихся всякаго рода спеціалистовъ земскаго дѣла (агрономы, техники, врачи, статистики, страховые агенты, ветеринары и т. д.) сумѣютъ усилить интересъ къ работамъ по данному вопросу спеціальныхъ коммиссій, экономическихъ совѣтовъ и уѣздныхъ земскихъ управъ, привлечь къ нему всѣ полезныя для его разработки мѣстныя силы и сосредоточить на немъ особое вниманіе какъ мѣстной, такъ и столичной печати.—Но особенно живыя пренія возбудилъ вопросъ о мелкой земской единицѣ въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Любопытно, что вопросъ этотъ вызвалъ сильное разногласіе мнѣній среди наиболѣе прогрессивной части тверскихъ земцевъ. Тогда какъ одни изъ такихъ земцевъ полагали, что учрежденіе мелкой земской единицы дастъ земству тотъ прочный фундаментъ, отсутствіе котораго чувствуется въ земской дѣятельности на каждомъ шагу, другіе (главнымъ образомъ, извѣстный земскій дѣятель В. Д. Кузьминъ-Караваевъ) опасались, какъ бы учрежденіе мелкой земской единицы не погрузило еще болѣе земства исключительно въ область самыхъ повседневныхъ, самыхъ будничныхъ интересовъ и не оторвало ихъ окончательно отъ «широкихъ общественныхъ перспективъ». Некультурность массы населенія и административный строй жизни деревни, созданный положеніемъ 12-го іюня 1889 года, внушали высказывавшимся противъ мелкой земской единицы ораторамъ серьезныя опасенія еще большаго, чѣмъ нынѣ, обезличенія земства, ибо его основная ячейка — мелкая земская единица—легко можетъ стать лишь послушнымъ исполнителемъ велѣній земскихъ начальниковъ.

Въ словахъ г. Кузьмина-Караваева и его сторонниковъ находится, безъ сомнѣнія, извѣстная доза правды, но намъ кажется, что здѣсь все дѣло заключается въ томъ, какая, именно, организація будетъ придана мелкой земской единицѣ.

Докладъ Пермской губернской земской управы пермскому губернскому земскому собранію могъ бы послужить образцомъ для возбужденія ходатайствъ о той формѣ, которую желательно было бы придать окончательной разработки даннаго вопроса. Что касается высказаннаго нѣкоторыми тверскими ораторами опасенія неудобствъ, которыя могутъ проистечь въ мелкой земской единицѣ отъ некультурности массы нашего населенія, то мы полагаемъ, что дарованіе выборныхъ правъ деревенской интеллигенціи въ лицѣ проживающихъ въ деревняхъ врачей, учителей, ветеринаровъ и пр. не только въ значительной мѣрѣ сгладитъ такія неудобства, но можетъ сильно двинуть впередъ и дѣло культурнаго развитія Россіи вообще Пониженіе имущественнаго ценза, если не до нуля, то до возможнаго минимума, и установленіе, наоборотъ, для лицъ, пользующихся выборными правами въ мелкую земскую единицу, ценза образовательнаго, въ размѣрѣ хотя бы свидѣтельства объ окончаніи земской народной школы, разсѣетъ всѣ тревоги и опасенія, навѣваемыя некультурностью нашихъ деревенскихъ массъ. При такихъ условіяхъ «широкія общественныя перспективы» не только не исчезнутъ изъ поля зрѣнія земцевъ, но, наоборотъ, загорятся ярче прежняго, ибо перспективы эти диктуются не погонею за призраками, какъ то думаетъ наша охранительная печать, а велѣніями самой жизни, ея все болѣе и болѣе развивающимися и усложняющимися требованіями. И чѣмъ тверже будетъ фундаментъ подъ органами нашего самоуправленія, чѣмъ больше лицъ будетъ заинтересовано въ его благахъ,—а учрежденіе мелкой земской единицы неизбѣжно должно будетъ надѣлить новыми правами милліоны жителей Россіи,—тѣмъ сильнѣе будетъ слышаться тотъ именно голосъ страны, который властно требуетъ заботъ о «широкихъ общественныхъ перспективахъ». Этотъ голосъ называется *интересами* страны.

За границей.

Общественная жизнь въ Германіи. Новый процессъ гунновъ. Недавно образовавшееся въ Германіи общество соціальной реформы рѣшило устроить свое первое общее собраніе въ сентябрѣ этого года, въ Кёльнѣ, причемъ въ программу внесенъ вопросъ о регулированіи женскаго фабричнаго труда. Кромѣ того, общество соціальной реформы выразило желаніе принимать женщинъ въ числе своихъ членовъ, и такъ какъ по прусскимъ законамъ это оказывается невозможно, то въ рейхстагъ и прусскій сеймъ внесена петиція, поддерживаемая депутатами самыхъ различныхъ партій, въ которой требуется уничтоженіе законодательнымъ путемъ всякихъ ограниченій, препятствующихъ въ разныхъ германскихъ государствахъ участію женщинъ въ соціально-политической дѣятельности. Прусскій законъ объ ассоціаціяхъ воспрещаетъ «женщинамъ, школь-

никамъ и ученикамъ» вступать въ такого рода ферейны, которые обсуждаютъ на своихъ собраніяхъ политическіе вопросы. Далѣе говорится въ той же статьѣ закона, что «женщины, школьники и ученики» должны быть удалены изъ такихъ политическихъ собраній, и «если они воспротивятся и по первому приказанію не оставятъ залы засѣданія, то засѣданіе должно быть закрыто, и общество должно быть распущено».

Въ Германіи, и въ особенности въ Пруссіи, замѣчается теперь усиленная борьба двухъ теченій, за и противъ женщинъ. Довольно оживленную полемику въ германской печати вызываетъ въ настоящее время распоряженіе ректора берлинскаго университета, профессора Кекуле фонъ - Страдовица, закрывшаго студенческій соціально-научный союзъ (Socialwissenschaftlicheverein), который оказался виновнымъ въ ослушаніи приказаній академическаго начальства. Дѣло въ томъ, что ректоръ—убѣжденный противникъ женскаго движенія, два раза уже вычеркивалъ изъ программы собраній этого союза женскіе доклады, объявивъ при этомъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не разрѣшитъ женщинамъ читать доклады въ студенческомъ обществѣ. Тѣмъ не менѣе, въ декабрѣ прошлаго года ему снова были представлены на утвержденіе два женскихъ доклада. Одинъ изъ нихъ должна была прочесть г-жа Цепнеръ на тему «Соціальная проблема женскаго вопроса; бракъ, семья и материнство». Ректоръ снова вычеркнулъ оба доклада. Тогда члены общества, не желая вычеркивать интересную тему изъ программы своихъ засѣданій, рѣшили устроить простой разговорный вечеръ (Disskussionsabend) на тему о бракѣ, семьѣ и материнствѣ и женскомъ вопросѣ вообще. Разумѣется, начальство не могло имѣть ничего противъ этого, но въ объявленіи объ этомъ вечерѣ было помѣщено примѣчаніе, что женщины могутъ принимать участіе въ преніяхъ по этому вопросу, близко ихъ касающемуся. Въ этомъ-то примѣчаніи начальство и усмотрѣло нарушеніе своихъ распоряженій, и ректоръ тотчасъ же распорядился о закрытіи студенческаго ферейна. Большинство германской печати отнеслось крайне неодобрительно къ такому поступку ректора, и въ самомъ университетѣ это вызвало довольно сильное волненіе, такъ что возбуждено ходатайство объ отмѣнѣ постановленія.

Германскія женщины вообще въ послѣднее время все болѣе и болѣе даютъ чувствовать свое вліяніе въ области германской экономической политики. Въ происходящей теперь агитаціи противъ новаго таможеннаго проекта, имѣющаго въ виду повышеніе пошлинъ на хлѣбъ, женщины играютъ довольно видную роль. Правда, онѣ не имѣютъ права голоса и избирательнаго права, но, тѣмъ не менѣе, онѣ оказываютъ вліяніе во время выборовъ. Онѣ пользуются печатью, чтобы заставить себя выслушать и подаютъ въ рейхстагъ петиціи и протесты противъ законопроектовъ, которымъ не сочувствуютъ. Не одинъ уже разъ приходилось германскому правительству отказываться отъ своего законопроекта, несмотря даже на обезпеченное большинство въ рейхстагѣ, вслѣдствіе того, что въ послѣдній моментъ весь народъ рѣшительнымъ образомъ высказывался противъ такого законопроекта. Напомнимъ нашимъ читателямъ о школьномъ законопроектѣ Цейдлица и законѣ Гейнце, который недавно еще вызвалъ такой протестъ въ германскомъ обществѣ. Весьма возможно, что такая же

участь ожидаетъ и таможенный законопроектъ, грозящій вздорожаніемъ жизненныхъ припасовъ. Во всякомъ случаѣ, женщины принимаютъ самое дѣятельное участіе въ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ и если эти законы не пройдутъ въ рейхстагѣ, то несомнѣнно, что этимъ успѣхомъ агитація будетъ обязана въ значительной мѣрѣ женщинамъ, которыя теперь устраиваютъ собранія, произносятъ рѣчи и доклады по этому вопросу, пишутъ статьи и организуютъ петиціи. Секретарь ферейна торговыхъ договоровъ Боргіусъ объясняетъ между прочимъ такую усиленную дѣятельность женщинъ тѣмъ, что таможенные законы угрожаютъ больше всего домашнему бюджету, такъ какъ послѣдствіемъ ихъ будетъ вздорожаніе жизненныхъ припасовъ; въ агитаціи, по его словамъ, играетъ роль, главнымъ образомъ, нѣмецкая хозяйка—«Hausfrau».

Университетскіе вопросы также не сходятъ со сцены въ Германіи. Въ настоящее время въ нѣмецкихъ газетахъ очень горячо обсуждается вопросъ о преобразованіи Мюнхенской академіи въ университетъ. Эта академія до сихъ поръ состояла изъ двухъ факультетовъ, богословія и философіи, а теперь хотятъ ввести юридическія и государственныя науки и съ теченіемъ времени медицинскій факультетъ. Либеральная германская печать обращаетъ вниманіе на строго-католическій характеръ академіи и, поэтому, рекомендуетъ принятіе мѣръ, чтобы будущій университетъ не былъ «конфессіональнымъ», и студенты не были бы вынуждены слушать исторію и философію лишь у такихъ профессоровъ, при назначеніи которыхъ была принята во вниманіе конфессіональная точка зрѣнія. Это замѣчаніе либеральной печати вызвало рѣзкую отповѣдь на страницахъ клерикальныхъ газетъ и «грянулъ бой»... разумѣется, только на газетныхъ столбцахъ. Полемика подерживается также и исторіей назначенія Шпана, которую все еще не могутъ забыть. Недавно гамбургское отдѣленіе гетевскаго союза посвятило дѣлу Шпана (der Fall Spahn—какъ говорятъ газеты) цѣлое засѣданіе, на которомъ профессоръ новой исторіи берлинскаго университета Максъ Ленцъ прочелъ свой докладъ о римско-католической вѣрѣ и свободной наукѣ. Онъ много распространялся насчетъ опасностей, угрожающихъ всей нѣмецкой культурѣ, вслѣдствіе нарушенія принципа, которымъ до сихъ поръ руководствовались при назначеніи на профессорскія каѳедры. Шпанъ—ученикъ Ленца и дѣло это особенно интересуетъ его. «Онъ сдѣланъ профессоромъ въ такіе молодые годы безъ научныхъ заслугъ,—сказалъ Ленцъ,—только потому, что онъ католикъ. Это неслыханный фактъ въ университетской исторіи. Надо протестовать противъ подобныхъ фактовъ, для того, чтобы спасти нѣмецкую культуру».

Рѣчь Ленца была покрыта самыми восторженными аплодисментами и была единогласно вотирована резолюція о необходимости бороться противъ воздѣйствія политическихъ конфессіональныхъ взглядовъ на назначеніе профессоровъ, такъ какъ въ этомъ заключается серьезная опасность, грозящая университетамъ и умственной жизни всей націи.

Какъ извѣстно, наслѣдный германскій принцъ находится въ настоящее время въ боннскомъ университетѣ, гдѣ въ свое время слушалъ лекціи и его отецъ Вильгельмъ II, но, какъ видно, ему тамъ не особенно нравится, и онъ даже

обратился къ отцу съ просьбою сократить его пребываніе въ университетѣ. Говорятъ, молодой принцъ недоволенъ обращеніемъ съ нимъ его университетскихъ товарищей, которые часто бываютъ слишкомъ фамильярны, особенно въ комерщахъ, когда бываетъ выпито изрядное количество кружекъ пива. Однако, императоръ не придалъ серьезнаго значенія жалобамъ своего наслѣдника и категорически объявилъ ему, что онъ долженъ оставаться въ Боннѣ положенное время. «Что же касается мелкихъ столкновеній, на которыя ты жалуешся,—сказалъ онъ своему сыну, то они научатъ тебя лучше знать людей и жизнь».

Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываютъ германскія газеты этотъ инцидентъ. Характеръ молодого принца, повидимому, не изъ покладистыхъ и недавно у него произошло изъ-за чего-то столкновеніе съ президентомъ корпораціи «Borussia», къ которой принадлежалъ нѣкогда и императоръ Вильгельмъ, въ бытность свою студентомъ боннскаго университета. Президентъ сдѣлалъ принцу строгій выговоръ и присудилъ его къ наказанію, которое заключалось въ томъ, что онъ долженъ былъ выпить двѣнадцать кружекъ пива. Разобиженный этимъ принцъ бросилъ ему въ лицо свою фуражку. Такъ какъ о дуэли между принцемъ и президентомъ корпораціи не могло быть и рѣчи, то президентъ сложилъ съ себѣ свое званіе, а остальные члены корпораціи объявили себя вполнѣ солидарными съ нимъ. Вообще, какъ говорятъ, между молодымъ принцемъ, будущимъ властителемъ Германіи, и его теперешними товарищами по университету не существуетъ большой симпатіи.

Новый «процессъ гунновъ», возникшій по поводу китайской экспедиціи, опять взволновалъ общественное мнѣніе Германіи. Обвинялись опять-таки германскіе журналисты, Робертъ Шмидтъ, Пауль Джонъ и Вильгельмъ Шредеръ, въ распространеніи ложныхъ и оскорбительныхъ обвиненій противъ германскаго экспедиціоннаго отряда въ Китаѣ. Дѣло возникло изъ-за того, что въ «Vorwärts» была напечатана корреспонденція, въ которой разсказывалось объ избіеніи жителей одной китайской деревни, на которыхъ одинъ китайскій мальчикъ, обращенный въ христіанство, указалъ, какъ на боксеровъ. Генералъ-маіоръ фонъ-Кеттелеръ, руководившій карательною экспедиціей, обидѣлся и потребовалъ слѣдствія и суда надъ журналистами, опубликовшими этотъ разсказъ.

На судѣ генералъ-маіоръ фонъ-Кеттелеръ доказывалъ, что карательныя экспедиціи были безусловно необходимы для возстановленія порядка и спокойствія въ странѣ и что растрѣлянные имъ въ деревнѣ 22 человѣка были дѣйствительно боксеры. Это было подтверждено двумя свидѣтелями изъ римско-католической миссіи. Что же касается «писемъ гунновъ», то уже самое названіе ихъ указываетъ, что оно было изобрѣтено съ цѣлями оскорбленія германскихъ воиновъ, которые рисуются въ этихъ письмахъ, заключающихъ въ себѣ одну только ложь, какими-то «каннибалами», кровожадными злодѣями и т. д. «Подобныя оскорбленія не должны оставаться безнаказанными, такъ какъ они касаются не отдѣльныхъ личностей, а цѣлаго экспедиціоннаго корпуса, и потому прокуроръ потребовалъ присужденія Роберта Шмидта, какъ редактора газеты,

напечатавшей оскорбительную статью, къ четыремъ мѣсяцамъ, а корреспондента Пауля Джона, доставившаго «Письма гунновъ» къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Послѣ очень долгихъ и бурныхъ дебатовъ судъ приговорилъ Роберта Шмидта къ *шести* мѣсяцамъ, а Джона къ *семи* мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Дѣло о Вильгельмѣ Шредерѣ будетъ разбираться отдѣльно.

Печальные итоги статистики населенія во Франціи. Новыя лиги. Жгучій вопросъ обезлюдѣнія Франціи продолжаетъ волновать французскихъ политическихъ дѣятелей. Въ концѣ прошлогодней сессіи сенаторъ Поль Страусъ предложилъ вотировать резолюцію, приглашающую правительство назначить внѣпарламентскую коммиссію съ цѣлью изслѣдованія вопроса объ убыли населенія и наиболѣе дѣйствительныхъ способовъ борьбы съ этимъ зломъ. Министръ-президентъ Вальдекъ Руссо высказался въ пользу этого предложенія, но прибавилъ, что нельзя возлагать слишкомъ большихъ надеждъ на эту мѣру. Пренія, происходившія въ экстренномъ засѣданіи сената, были непродолжительны, такъ какъ всѣ были согласны, что необходимо принять какія нибудь мѣры, чтобы задержать регрессивное движеніе населенія.

Докладъ сенатора Страуса основывался на данныхъ послѣдней переписи 10-го марта 1901 г., еще разъ подтвердившихъ, что населеніе Франціи находится позади другихъ государствъ вслѣдствіе прогрессивнаго уменьшенія цифры рожденій. Сто лѣтъ тому назадъ во Франціи приходилось въ среднемъ 38 рожденій на 1000 человѣкъ. Съ 1801 года по 1880 это число упало до 32,5; съ 1882 по 1890—до 24 а въ 1890 до 1900 успустилось уже до 23. На тысячу замужнихъ женщинъ приходится во Франціи всего лишь 163 рожденій, тогда какъ въ другихъ странахъ получаются слѣдующія цифры: въ Швейцаріи—236, Швеціи—240, Австріи—250, Англіи—250, Италіи—251 и Германіи—270.

Сенаторъ Страусъ въ основу уменьшенія населенія Франціи ставитъ смертность дѣтей и настаиваетъ главнымъ образомъ на принятіи мѣръ къ уменьшенію смертности въ дѣтскомъ возрастѣ. Однако, если сравнивать смертность въ другихъ государствахъ, то оказывается, что въ отношеніи смертности дѣтей Франція вовсе не занимаетъ перваго мѣста и въ Германіи напримѣръ цифра смертности гораздо больше. Вмѣстѣ съ Бельгіей и Голландіей, Франція принадлежитъ къ числу такихъ странъ, гдѣ смертность дѣтей въ возрастѣ до пяти лѣтъ наименьшая. Слѣдовательно, главная причина убыли французскаго населенія заключается не въ смертности дѣтей, а въ уменьшеніи числа рожденій. Относительно браковъ Франція стоитъ не въ худшемъ положеніи, нежели другія страны. Статистика указываетъ, что въ годъ на тысячу незамужнихъ женщинъ приходится среднимъ числомъ: 21 бракъ въ Ирландіи, 33 въ Швеціи, 36 въ Швейцаріи и Бельгіи, 44 во Франціи, 46 въ Голландіи, Германіи, Австріи и Англіи, 47 въ Италіи и Даніи, и 70 въ Венгріи. Но во Франціи въ бракахъ рождается слишкомъ мало дѣтей и французская статистика лучше всего подтверждаетъ это. По переписи 1886 года на тысячу семействъ 200 не имѣли вовсе дѣтей, 244 имѣли только одного ребенка и 218—двухъ. Двѣ

трети всѣхъ французскихъ семей имѣютъ не болѣе двухъ дѣтей, и замѣчательно, что именно въ самыхъ богатыхъ французскихъ департаментахъ обнаружено наибольшее число семействъ, имѣющихъ не болѣе одного ребенка.

Убыль рожденій начинаетъ теперь сильно безпокоить французскихъ политиковъ. Да оно и понятно. Сто лѣтъ тому назадъ Франція со своими 25-ю милліонами населенія стояла во главѣ культурныхъ націй, въ Германіи было только 14 милліоновъ, а въ Англіи 12. Теперь Франція со своими 38 милліонами занимаетъ шестое мѣсто, да и оттуда ее скоро вытѣснитъ Италія. Населеніе Германіи превышаетъ теперь на 18 милліоновъ населеніе Франціи, и если принять во вниманіе, что милитаристскія тенденціи попрежнему остаются въ силѣ въ Европѣ, то вполнѣ будетъ понятна озабоченность французскихъ политиковъ. Но какія мѣры думаетъ принять правительство для борьбы съ убылью населенія—пока неизвѣстно. Алькоголь, сифилисъ и распущенность нравовъ, безъ сомнѣнія, оказываютъ вліяніе на уменьшеніе числа рожденій, но главная причина, по мнѣнію одного французскаго журналиста, заключается въ эгоизмѣ французскихъ семей, въ постоянномъ стремленіи къ обогащенію и накопленію, чему препятствуетъ обиліе дѣтей. Съ этимъ эгоизмомъ, составляющимъ основную черту характера французскихъ крестьянъ и буржуа, бороться трудно.

За послѣдніе годы во Франціи развилось множество всяческихъ союзовъ, съ самыми разнообразными наименованіями, указывающихъ, что французскій народъ ощущаетъ необходимость защищать свои важнѣйшіе интересы самъ, даже противъ государства. Такими союзами являются, напримѣръ, «лига правъ человѣка», «лига плательщиковъ податей», насчитывающія тысячи членовъ. Недавно же образовался еще новый союзъ, носящій интересное названіе «Ligue pour la vie humaine» и поставившій своею цѣлью защищать человѣческую жизнь противъ безчисленнаго множества опасностей, угрожающихъ ей со всѣхъ сторонъ. Государственныя учрежденія, которыя должны были бы обезпечивать общественную безопасность, оказываются въ этомъ отношеніи совершенно не на высотѣ своихъ обязанностей, и жизни человѣческой постоянно угрожаютъ опасности вслѣдствіе небрежнаго отношенія наблюдательной власти къ своему долгу. Новая лига, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду борьбу съ безсовѣстною фальсификаціей жизненныхъ припасовъ, такъ вредно отзывающейся на здоровьи населенія, въ особенности же съ фальсификаціей молока. Французская печать встрѣтила очень сочувственно образованіе новой лиги, число членовъ которой быстро возрастаетъ.

Результаты двухлѣтней войны. Ирландскій вопросъ. Новыя англійскія общества. Нравственныя метаморфозы, происходящія въ Англіи, поражаютъ не однихъ только иностранныхъ наблюдателей. Англійскій журналъ «The Nineteenth Century and After», одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и вліятельныхъ въ Англіи, напечаталъ статью подъ заглавіемъ «Бѣлая опасность», авторъ который говоритъ, что надо бояться вовсе не «желтой опасности», о которой такъ много писали въ послѣднее время, а «бѣлой опасности», угрожающей бѣлымъ расамъ. Подъ этимъ названіемъ онъ подразумѣваетъ всѣ тѣ пагубныя

вредныя вліянія, которыя теперь господствуютъ въ Англіи. Авторъ въ особенности нападаетъ на легкомысліе и пошлость печати, на грубые эффекты, за которыми гонятся въ дешевой литературѣ, на глупость и безнравственность большинства театровъ и «Music Halls» и сравниваетъ теперешнюю Англію съ Англіей пятидесятыхъ годовъ, съ огорченіемъ констатируя громадный упадокъ и спрашивая себя, какіе шансы имѣетъ теперь городское населеніе современной Англіи достигнуть улучшенія въ физическомъ, нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніи? «Организмъ этого населенія отравленъ алькоголемъ, употребленіе котораго все болѣе распространяется, говоритъ онъ—душа же его отравляется фельетонами, въ одно и то же время матеріалистскими и сентиментальными, которые печатаются въ народныхъ газетахъ». Авторъ, однимъ словомъ, вездѣ видитъ одну только пошлость, вульгарность, матеріализмъ и самое грубое тщеславіе и съ ужасомъ спрашиваетъ себя, что ожидаетъ великую англійскую націю при такихъ условіяхъ. И не у него одного возникаетъ такой тяжелый вопросъ. Въ лучшей части англійской періодической печати также не разъ говорилось объ упадкѣ въ Англіи нравственныхъ идеаловъ. «Daily News», напримѣръ, говоритъ, что въ данный моментъ трудно повѣрить, что англійская нація служила нѣкогда идеаломъ свободы и единенія всѣхъ народовъ и всѣхъ расъ. Теперь въ англійской литературѣ преобладаютъ такъ называемые «Empire Makers», пророкомъ которыхъ является Киплингъ, талантливый проповѣдникъ торжества грубой силы и преимущества чисто эгоистическихъ и матеріальныхъ цѣлей, которыхъ должна добиваться имперія, желающая быть великой. Имперіализмъ, идущій рука объ руку съ милитаризмомъ, подкапывается подъ лучшія учрежденія страны и расшатываетъ ея основы. Неудивительно, что лучшіе люди Англіи со страхомъ смотрятъ въ будущее.

Новый годъ начался, для Англіи при дурныхъ предзнаменованіяхъ, такъ какъ въ первый день Рождества бурами была одержана крупная побѣда надъ англичанами, набросившая тѣнь на рождественскіе праздники и снова заставившая англичанъ пріуныть. Внутреннія дѣла тоже не могутъ веселить Англію, и призраки ирландскаго вопроса опять начинаютъ безпокоить англійскихъ государственныхъ дѣятелей, которые волей-неволей должны сознавать теперь, что они слишкомъ поторопились считать этотъ вопросъ поконченнымъ. Министерство вынуждено измѣнить свое, нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ Ирландіи и уже не можетъ болѣе отрицать того факта, что новая лига, преемница знаменитой аграрной лиги, существовавшей 20 лѣтъ тому назадъ, постепенно охватываетъ весь островъ, образуя такую силу, съ которою уже нельзя не считаться. Какъ прежде, такъ и теперь земельный вопросъ былъ главнымъ толчкомъ, вызвавшимъ движеніе. Новая лига представляетъ нѣчто въ родѣ аграрнаго трэдъ-юніона, имѣющаго цѣлью уничтожить взаимную конкуренцію ирландскихъ поселянъ, объединить ихъ, сгруппировать и мобилизовать противъ ландлорда или землевладѣльца. Въ Ирландіи, какъ извѣстно, вслѣдствіе долгой исторической эволюціи, владѣніе землей сосредоточено въ рукахъ ландлордовъ, но подъ вліяніемъ законовъ, введенныхъ Гладстономъ, ирландскіе ландлорды превратились въ кредиторовъ, владѣющихъ гипотеками, и земельная рента,

получаемая ими, устанавливается трибуналами, причемъ въ извѣстныхъ случаяхъ землевладѣлецъ бываетъ вынужденъ уступить свои права арендатору и продать ему арендуемую имъ землю по цѣнѣ, установленной трибуналами. Но, къ сожалѣнію, администрація страны большею частью состоитъ изъ членовъ и кліентовъ той же касты ландлордовъ, которая владѣетъ землей, и потому арендаторы всегда остаются въ проигрышѣ, такъ какъ законовѣды въ трибуналахъ толкуютъ законы по своему, т.-е. къ выгодѣ землевладѣльцевъ. Результатомъ этого бываютъ постоянные конфликты, вызывающіе, въ свою очередь, вмѣшательство лиги и бойкотъ. Все вмѣстѣ содѣйствуетъ накопленію раздраженія въ странѣ и глухая борьба между ландлордами и фермерами не прекращается Новый статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ Виндгэмъ сначала выказалъ себя весьма предупредительнымъ человѣкомъ, но затѣмъ и онъ не могъ удержаться и вступилъ въ конфликтъ съ лигой, введя снова ненавистные ирландцамъ принудительные законы, которые были вотированы Бальфуромъ въ 1888 г. и затѣмъ оставлены безъ употребленія Джономъ Морлеемъ, который бы ихъ отмѣнилъ съ удовольствіемъ, если бы могъ. Но Виндгэмъ не побоялся теперь начать примѣнять ихъ въ полной силѣ, стремясь подавить ирландское движеніе. Всѣ лица, возбуждающія подозрѣніе, подвергаются аресту и препровождаются въ судъ, причемъ судьи обходятся безъ присяжныхъ и присуждаютъ за ничтожный поступокъ въ тюрьму. Строгость судей въ особенности выражается по отношенію къ ирландцамъ, членамъ парламента. Однако, въ англійской печати раздаются голоса, осуждающіе такую строгость, тѣмъ болѣе, что дѣйствительность такой системы подавленія волненій весьма подлежитъ сомнѣнію. Виндгэму напоминаютъ о томъ, что эту систему пробовали уже практиковать въ Ирландіи, да толку было мало. Парнелль и его сотоварищи сидѣли вѣдь въ тюрьмѣ. Съ Уильямомъ О'Брайномъ обращались, какъ съ простымъ преступникомъ и т. д. И что же? Все-таки, въ концѣ концовъ, англійскія власти должны были уступить, выпустить на свободу бунтовщиковъ и заключить съ ними пресловутый Кильмангэмскій договоръ, подписанный въ тюрьмѣ вождями ирландскаго движенія, а затѣмъ предложить имъ Homerule и аграрный законъ 1881 или 1888 года. Всѣ эти факты доказываютъ, что преслѣдованіе разжигало еще больше пылкость ирландскаго патріотизма. Во всякомъ случаѣ, положеніе дѣлъ въ Ирландіи не теряетъ своего серьезнаго характера и, пожалуй, даже стало еще серьезнѣе съ тѣхъ поръ, какъ противъ правительства возстали не одни только католическіе кельтскіе элементы въ Ирландіи, но и протестантскіе, англосаксонскіе или шотландскіе фермеры Ульстера, тѣ, которые нѣкогда составляли гарнизонъ Кромвеля, главную силу партіи оранжистовъ, имѣющую безъ этихъ фермеровъ своими представителями лишь незначительную горсть ландлордовъ, большею частью, впрочемъ, даже не живущихъ въ Ирландіи. Теперь эти фермеры жалуются, что они обмануты, что интересы ихъ нарушены землевладѣльцами и англійскими властями. Они требуютъ массового выкупа земель, той самой гигантской операціи, которую Гладстонъ ставилъ въ связи со своимъ проектомъ гомруля въ 1886 году. Глава ульстерцевъ Руссель, принадлежавшій къ уніонистамъ, вышелъ даже въ отставку, чтобы не находиться въ составѣ

правительства лорда Салисбюри и располагать полною свободою дѣйствій, ставъ во главѣ ирландскаго движенія. Онъ считается однимъ изъ самыхъ выдающихся агитаторовъ въ настоящее время, и такъ какъ онъ вступилъ въ соглашеніе съ націоналистами, то оранжисты теперь дѣйствуютъ съ нимъ заодно, и англійское министерство очутилось, такимъ образомъ, между двухъ огней, не рѣшаясь идти наперекоръ желаніямъ крупныхъ ирландскихъ землевладѣльцевъ и сознавая, что такое положеніе вещей продолжаться не можетъ и что ирландское движеніе все разростается. Министерству приписывается желаніе поднять вопросъ объ уменьшеніи ирландскаго представительства, опираясь на то, что 102 депутата не соотвѣтствуютъ теперешней цифрѣ ирландскаго населенія. Но это была бы очень рискованная мѣра, такъ какъ если ирландское населеніе уменьшилось, то въ этомъ виноватъ жестокій режимъ, введенный Англіей въ Ирландіи, голодъ 1896 г. и выселеніе фермеровъ.

Недавно въ Лондонѣ происходилъ конгрессъ 400 делегатовъ рабочихъ обществъ, которыя явились представителями никакъ не менѣе трехъ милліоновъ рабочихъ. На конгрессѣ обсуждались различные вопросы, касающіеся интересовъ рабочихъ классовъ, и, главнымъ образомъ, вопросъ объ обезпеченіи старости. Члены конгресса присоединились къ идеѣ, которую нѣкогда развивалъ Чэмберленъ, что каждый гражданинъ британскаго государства безъ исключенія долженъ получать пенсію по достиженіи имъ 60-лѣтняго возраста. Такимъ образомъ, назначеніе этихъ пенсій не будетъ носить характера милостыни, выдаваемой лишь тѣмъ, которые не имѣютъ никакихъ средствъ къ существованію. Величина пенсіи опредѣлена въ пять шиллинговъ въ недѣлю. Конгрессъ постановилъ представить по этому поводу записку въ парламентъ.

Нѣсколько выдающихся англійскихъ ученыхъ и политическихъ дѣятелей обратились къ королю съ петиціей объ учрежденіи «британской академіи для поощренія историческихъ, философскихъ и филологическихъ изслѣдованій». Англійскія газеты привѣтствуютъ этотъ почивъ и при этомъ обращаютъ вниманіе на то, что подъ петиціей подписались рядомъ Бальфуръ съ Морлеемъ и Брайсомъ. «Это можетъ служить гарантіей, что британская академія не будетъ имѣть политическаго характера», замѣчаетъ «Daily Mail», выражая при этомъ желаніе, чтобы британская академія также не пошла по стопамъ французской и не навлекала бы на себя столько осужденій, сколько навлекаетъ французское собраніе «безсмертныхъ».

Воспоминанія французскаго журналиста о Гейне. Въ Парижѣ, на Монмартрѣ, живетъ еще одинъ изъ друзей Гейне, по всей вѣроятности, послѣдній оставшійся въ живыхъ, 83-хъ-лѣтній французскій журналистъ Филиберъ Одебранъ, принадлежавшій нѣкогда къ маленькому кружку литераторовъ, господствовавшихъ въ бульварной прессѣ. Одебранъ пользовался когда-то большою извѣстностью въ парижской публикѣ, и его статьи въ «Figaro Cittésoire», «Charivari» и др. газетахъ читались нарасхватъ. Но о немъ давно позабыли и врядъ ли кто-нибудь вспомнилъ бы даже его имя, если бы постоянный со-

трудникъ газеты «Temps», Адольфъ Бриссонъ, не вздумалъ разыскать его убѣжище и посѣтить его.

Филиберъ Одебранъ живетъ уединенно, но продолжаетъ попрежнему интересоваться парижскою жизнью и слѣдить за нею. «Это настоящій типъ «vieux parisien»—говоритъ Бриссонъ,—живой и впечатлительный, несмотря на свои 83 года». Онъ дебютировалъ во французской журналистикѣ въ 1839 году и тогда же началъ посѣщать знаменитое литературное кафе «Porte-Montmartre», гдѣ познакомился съ разными литературными свѣтилами, сходившимися въ этомъ кафе. Тамъ онъ встрѣтился и съ Гейне, которому всегда сопутствовалъ маленькій горбатый человѣкъ, очень веселый и шумный, Александръ Вейлль. Иногда являлась и красавица Матильда, на которую всѣ заглядывались и которая, сознавая свою власть надъ Гейне, изрядно-таки мучила его своими капризами, причемъ Вейлль всегда игралъ между супругами роль спасительнаго буфера. Одебранъ узналъ изъ разсказовъ Вейлля, что Матильда была продавщицей въ лавкѣ, гдѣ Гейне всегда покупалъ перчатки. Она поразила поэта своею красотой; онъ влюбился въ нее и сдѣлалъ ей предложеніе, но прежде чѣмъ отвѣтить на него, Матильда спросила у своей хозяйки: «Сколько зарабатываетъ нѣмецкій поэтъ?» — «Немного меньше французскаго поэта», отвѣтила та. Но Гейне выказалъ такую большую щедрость, что Матильда, наконецъ, согласилась выйти за него замужъ. Всѣмъ извѣстно, какова была его супружеская жизнь. Одебранъ разсказывалъ, что ему не разъ приходилось присутствовать при супружескихъ сценахъ, и онъ пришелъ къ убѣжденію, что у нихъ у обоихъ была страсть ссориться. «У него не хватало терпѣнія, а у нея кротости, и ссоры выходили изъ-за сущихъ пустяковъ», говоритъ онъ. Гейне очень любилъ сравнивать себя съ Сократомъ и говорилъ, что и Сократъ, вѣдь, женился на Ксантиппѣ, хотя никто его не обязывалъ къ этому. Одному изъ своихъ друзей въ кафе Монмартръ онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Я сдѣлалъ свое завѣщаніе. Все свое имущество я завѣщаю Матильдѣ, съ условіемъ, чтобы она вышла замужъ во второй разъ. Я хочу, чтобы, по крайней мѣрѣ, нашелся хоть одинъ человѣкъ на землѣ, который бы ежедневно вспоминалъ меня и говорилъ: «И зачѣмъ этотъ бѣдняга, Гейне долженъ былъ умереть! Вѣдь если бы онъ не умеръ, то мнѣ бы не пришлось жениться на его вдовѣ».

Въ политикѣ Гейне былъ также оригинальнымъ мыслителемъ. «Я какъ теперь помню одинъ завтракъ въ 1848 году,—сказалъ Одебранъ.—Мы собрались у Вейлля. За столомъ сидѣлъ Гейне, Бальзакъ и Евгеній Сю. Вина были все самыя изысканныя и кухня превосходная. Гости порядочно-таки разгорячились и принялись обсуждать различные соціальные вопросы и, разумѣется, при этомъ обнаружились большія разногласія. Евгеній Сю выставлялъ себя защитникомъ демократическихъ идей, Бальзакъ же горячо возставалъ противъ нихъ, Гейне велъ себя сдержанно и молчалъ. Споръ между Бальзакомъ и Сю становился все больше ожесточеннымъ.

«Развѣ это не позоръ,—говорилъ Сю,—что одни имѣютъ все въ избыткѣ, тогда какъ другимъ не хватаетъ даже самаго необходимаго?» — «Значитъ, по

вашему,—возразилъ Бальзакъ,—никто не долженъ быть умнымъ, потому что у очень многихъ не хватаетъ даже простого здраваго смысла?» Тутъ вмѣшался Гейне: «Это въ первый разъ,—сказалъ онъ,—что въ устахъ Бальзака слово «умъ» ассоціируется со словомъ «лишній».

«Сю замѣтилъ, что Гейне еще не высказалъ своего мнѣнія и присталъ къ нему. Гейне поднялъ свой стаканъ, посмотрѣлъ, какъ отражается въ немъ огонь свѣчей, словно ища вдохновенія, и, наконецъ, сказалъ:

«— Время сплетается изъ безконечнаго ряда дней и ночей. Какъ ночь безъ дня, такъ и день безъ ночи, не могли бы существовать. Кругомъ въ природѣ мы видимъ только различія и противоположности. Возьмите мужа и жену—развѣ это не есть соединеніе двухъ контрастовъ? Для всякаго выгоднаго дѣла необходимо, чтобы двое были налицо: одинъ злодѣй и одинъ дуракъ. Изъ двухъ диссонансовъ образуется гармонія... Однимъ словомъ: всюду контрастъ и только контрастъ!..

«Онъ снова началъ пристально всматриваться въ отраженіе свѣта въ своемъ стаканѣ, въ которомъ играло шампанское, съ видомъ авгура, старающагося угадать будущее, и, наконецъ, сказалъ:

«— Я не желалъ бы, чтобы была одна только республика или только одна монархія. Я желалъ бы и ту, и другую вмѣстѣ. Я думаю, что прочной могла бы только монархія, управляемая республиканцами или республика, управляемая монархистами...

«Бальзакъ громко расхохотался: «Голубчикъ, ты придумалъ оригинальное разрѣшеніе задачи,—сказалъ онъ.—Господа, я предлагаю овладѣть правительствомъ Франціи. Насъ тутъ достаточно для этого».

«Очень возможно,—прибавляетъ Бриссонъ,—что если бы тогда, за этимъ пирующимъ столомъ организовалось будущее правительство Франціи, то Бальзакъ былъ бы избранъ президентомъ, а Евгеній Сю былъ бы министромъ внутреннихъ дѣлъ. Гейне же составилъ бы конституцію въ стихахъ, а Одебранъ расхвалилъ бы ее въ газетахъ..» Во всякомъ случаѣ, однимъ безсмертнымъ произведеніемъ Гейне тогда было бы больше.

Библія, какъ руководство къ военному искусству. Одинъ изъ англійскихъ военныхъ корресподентовъ, пользующійся репутаціей хорошаго и безпристрастнаго наблюдателя, разсказываетъ, какъ буры научились по Библіи военному искусству. «Передъ началомъ теперешней войны,—говоритъ онъ,—всѣ эти полководцы, которые теперь пріобрѣли такую извѣстность, не имѣли ни малѣйшихъ свѣдѣній о европейскомъ военномъ искусствѣ. Луи Бота, Деветъ, Деларей, Оливье, Смутсъ, Принсло—всѣ, покрывшіе трансваальскій флагъ такою славой, являются продуктами момента. Всѣ эти люди, достигшіе высшаго положенія, были дѣтьми южно-африканскихъ степей и, за исключеніемъ только двухъ, не имѣли ни малѣйшихъ свѣдѣній объ искусствѣ руководить войной. Но если вникнуть хорошенько въ ихъ методы веденія войны, то можно убѣдиться, что всѣ они черпаютъ свои познанія изъ одного и того же источника. Каждый полководецъ сражается за свой собственный счетъ и дѣйствуетъ со-

вершенно независимо отъ своихъ сотоварищей, но при болѣе внимательномъ наблюденіи можно разсмотрѣть, что методы ихъ одинаковы: они производятъ внезапныя нападенія, отступаютъ, переходятъ на другую сторону, разсѣеваются и всегда при этомъ дѣйствуютъ на основаніи одного и того же принципа. Если организуется новая бурская команда, избирается новый вождь, то онъ сейчасъ же начинаетъ поступать такъ же, какъ поступаютъ всѣ бурскіе полководцы, какъ будто бы у него въ карманѣ были постоянно при себѣ печатныя инструкціи. До нѣкоторой степени оно такъ и есть, такъ какъ каждый буръ носитъ при себѣ руководства въ войнѣ — онъ черпаетъ свои инструкціи изъ Ветхаго завѣта. Ему все извѣстно въ подробностяхъ, что касается методовъ войны древнихъ евреевъ съ филистимлянами, ассирійцами, амалекитянами и др. Онъ знакомъ съ этими методами войны лучше, чѣмъ любой солдатъ со своимъ дѣломъ. Еще будучи мальчикомъ, каждый буръ разсуждалъ объ этомъ со стариками, во время трэковъ, когда они усаживались вокругъ лагернаго костра. Въ семейномъ кругу, на своей фермѣ, онъ также слышалъ разговоры объ этомъ и размышлялъ объ этомъ самъ, когда пасъ свои стада въ лугахъ между низкими холмами. Всѣ свои коварные военные методы онъ позаимствовалъ у древнихъ писателей и съ удивительною прозорливостью изучилъ ихъ. У древнихъ писателей Ветхаго Завѣта не очень много разсказывается о сраженіяхъ, и стратегія въ большинствѣ случаевъ идетъ впереди храбрости. Буръ принимаетъ это такъ, какъ оно есть; онъ восхищается Давидомъ и старается подражать древне-іудейскимъ законамъ. Къ Голіаѳу, напримѣръ, буры относятся презрительно, какъ къ дураку, обладавшему недюжинною силой; ума у него было столько же, сколько у быка—говорятъ они. Сауломъ они тоже не очень восхищаются. Главное поученіе они извлекаютъ изъ исторіи Давида. Вѣдь Саулъ хотѣлъ вооружить Давида по военному и заставить его сражаться по всѣмъ правиламъ искусства, но пастушокъ Давидъ разсудилъ иначе и побѣдилъ великана. Такъ и буръ. Каждый бурскій воинъ считаетъ себя современнымъ Давидомъ, которому однако нѣтъ дѣла до современныхъ способовъ войны и, которому только нужно имѣть въ рукахъ правильное оружіе, чтобы побѣдить своего противника. Военную хитрость они ставятъ выше личной храбрости и высоко цѣня человѣческую жизнь, не считаютъ позоромъ отступленіе тогда, когда врагъ превышаетъ ихъ силой. Вечеромъ каждый буръ, отдыхая у огня, вынимаетъ свою Библію и черпаетъ изъ нея мудрость. Полководцы буровъ даже свои приказанія передаютъ отрядамъ при помощи библейскихъ текстовъ. Когда Кронье узналъ, что Робертсъ окружилъ его у Паардеберга, то онъ послалъ Крюгеру слѣдующее донесеніе: «Читай Іова XVI главу, стих. 11—14». Если перевести на обыкновенный языкъ это донесеніе, то оно будетъ означать: «Враги окружили меня. Я нахожусь въ стѣсненномъ положеніи. Пища и питье на исходѣ». Библейскій текстъ, на который указывалъ Кронье, дѣйствительно подходитъ къ данному случаю и иллюстрируетъ его безвыходное положеніе.

«Когда первые англійскіе плѣнные попали въ руки буровъ, то Штейнъ обратился къ Крюгеру съ вопросомъ, какъ поступить. Отвѣтъ гласилъ: «2-я

Книга Царствъ, VI глава, стихъ 21». Это означало, что ихъ убивать не слѣдуетъ.

«Еще раньше, до того времени, когда Христіанъ Деветъ, вытѣснилъ Метуэна изъ его укрѣпленнаго положенія, въ лагерь Девета прибылъ посланный отъ Деларея съ инструкціей, слѣдующаго содержанія: «Исаія, VIII, глава стих. 1—22». Если прочесть эту главу, то вся тактика буровъ становится ясной, такъ какъ въ этой главѣ разсказывается о взятіи города Аи и о всякаго рода засадахъ и нападеніяхъ врасплохъ.

«Итакъ буръ смотритъ на Библію, не только какъ на источникъ премудрости, но и какъ на лучшее руководство въ военномъ искусствѣ. Тактика древнихъ, которую онъ усвоилъ себѣ, дѣйствительно помогала ему въ теперешней войнѣ и маленькій Давидъ до сихъ поръ успѣшно сражается съ огромными Голіаѳами. Да и во всѣхъ случаяхъ своей жизни буръ прибѣгаетъ къ Библіи, ищетъ въ ней наставленія и утѣшенія и находитъ его. Въ каждой семьѣ есть Библія, считающаяся семейнымъ сокровищемъ, которая передается по наслѣдству отъ отца къ старшему сыну. По этой Библіи мать учитъ читать своихъ дѣтей и изъ этой же Библіи полководцы почерпнули свое искусство бороться съ врагомъ, который далеко превышаетъ ихъ и своею численностью, и своею военною подготовкой».

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Потерянныя силы».—Докторъ Тулузъ и его изслѣдованія происхожденія геніальности.—Мнѣніе нѣмецкаго писателя о коллегіи Рёскина въ Оксфордѣ.

Французскій писатель Жоржъ Пико жалуется въ своей статьѣ «Les forces perdues» («Revue des deux Mondes») на ослабленіе у французовъ интереса къ общественнымъ дѣламъ. Въ этомъ усиливающемся равнодушіи заключается, по его мнѣнію, большая опасность. Свободный народъ, на котораго возлагаются обязанности самоуправленія, долженъ былъ бы получать практическое воспитаніе и вмѣшиваться до нѣкоторой степени въ дѣла, которыя вѣдь его же собственныя дѣла! Кромѣ того, благодаря такому отдаленію большинства французовъ отъ общественныхъ дѣлъ, чиновникъ оказывается въ изолированномъ положеніи, и между администраціей и администрируемыми образуется цѣлая пропасть. Пико полагаетъ, что именно это обстоятельство парализуетъ дѣйствіе многихъ хорошихъ законовъ, которые при другихъ условіяхъ непремѣнно принесли бы пользу странѣ.

«Въ чемъ заключается наука жизни? —говоритъ онъ.—Въ томъ, чтобы знать свои обязанности. Воспитаніе человѣка можно считать законченнымъ, если въ душу проникло сознаніе тройного долга: 1) долга по отношенію къ самому себѣ, такъ какъ безъ добродѣтели, безъ высшихъ принциповъ, которые бы руководили его поступками и вдохновляли его, онъ не будетъ обладать достаточною нравственною силой; 2) долга по отношенію къ своей семьи и, нако-

нецъ, 3) долга по отношенію къ обществу. Это общество не есть отвлеченное понятіе, такъ какъ оно не можетъ существовать внѣ человѣка и безъ него и человѣкъ долженъ внести въ него свое участіе, сообщивъ ему, такимъ образомъ, частицу своей жизни. Если человѣкъ уклоняется отъ этихъ трехъ обязанностей, то онъ не только безполезенъ, но даже вреденъ; если же онъ выполняетъ ихъ добросовѣстно, то заслуживаетъ названія человѣка и гражданина».

«Фанатическіе приверженцы государства мало заботятся о семьѣ и индивидѣ. Самодовлѣющая, независимая сила, которая должна заботиться о счастьи массъ,—государство, по мнѣнію ярыхъ приверженцевъ, представляетъ могущественную организацію, которая шествуетъ впередъ и ниспровергаетъ всѣ препятствія, властвуя надъ массами, прежде во имя божественнаго права, а теперь во имя верховной делегаціи большинства. Централизація, къ которой такъ стремилась Франція въ теченіе восьмисотъ лѣтъ, дѣйствительно, доставила ей въ XVII-мъ вѣкѣ всемірное вліяніе, но въ то же время она довела свои принципы до крайнихъ предѣловъ. Всемогущее въ дѣлѣ набора рекрутъ и вооруженія цѣлой націи, превратившейся такимъ образомъ въ первоклассный военный инструментъ въ рукахъ завоевателя—государство ввело въ мирное время и въ гражданскій строй страны извѣстную мелочную дисциплину, которая постепенно пріучила гражданъ ничѣмъ не интересоваться и сдѣлала ихъ пассивными. Подъ видомъ управленія государство ввело режимъ опеки, который распространился по всей территоріи страны и не допускаетъ никакой самостоятельности».

Разбирая далѣе признаки французскаго индиферентизма,—являющагося причиною того, что теряется такъ много полезныхъ силъ, авторъ говоритъ: «Въ теченіе прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ режимовъ и цѣлой серіи всякаго рода конституцій, монархическихъ и республиканскихъ, Франція выработала мало по-малу особый типъ людей: чиновниковъ и администруемыхъ. Делегатъ государства, имѣющій монополію общественной власти, только одинъ имѣетъ право возвышать голосъ и говорить во имя закона, толковать и примѣнять его, тогда какъ администрируемый видитъ передъ собою только одинъ путь—путь просьбъ и долженъ ждать, какъ милости, удовлетворенія этой просьбы. Въ то время, какъ у другихъ, дѣйствительно, сильныхъ націй, существуетъ право требовать отъ государства той или иной мѣры, во Франціи господствуетъ какая-то административная приниженность, превратившая французскій народъ въ толпу просителей... Разумѣется, такое состояніе умовъ открываетъ широкіе пути всемогуществу государства и въ интересахъ корпораціи чиновниковъ поддерживать всѣми способами такое положеніе дѣлъ. Лѣнь, присущая гражданамъ, заставляетъ ихъ мириться съ этимъ; подкупность избирательныхъ агентовъ извлекаетъ изъ этого свои выгоды, избранники же народа получаютъ только такимъ образомъ свои полномочія. Но прямымъ послѣдствіемъ этого является, конечно, оффиціальная кандидатура, и если не будетъ принято во-время мѣръ, то зло разростется въ ширь и въ глубь и въ самыя жилы страны проникнетъ родъ оцѣпененія. Пусть тогда явится деспотизмъ, страна будетъ готова принять его...

«Не операція политиковъ или борьба партій,—говоритъ авторъ,—не рели-

гіозные и расовые раздоры, со всѣмъ своимъ неизбѣжнымъ кортежемъ религіозной ненависти, подготовляютъ благосостояніе народовъ, а облегченіе страданій, соціальныхъ бѣдствій, организація плодотворныхъ и полезныхъ ассоціацій,—однимъ словомъ, примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ великаго христіанскаго закона любви къ ближнему, какъ бы мы ни называли его; милосердіе, братство или солидарность — вотъ что формируетъ людей - гражданъ и укрѣпляетъ тѣ узы, благодаря которымъ человѣческія общества могутъ сдѣлаться сильными и свободными».

Французскій психіатръ, докторъ Тулузъ предпринялъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ рядъ психологическихъ изслѣдованій надъ нѣкоторыми изъ своихъ знаменитыхъ соотечественниковъ, стремясь найти біологическую формулу ихъ геніальности. Первымъ онъ подвергнулъ своему анализу Эмиля Золя и его мозговыя функціи. А теперь онъ изучаетъ Бертело и сообщаетъ результаты своихъ изслѣдованій въ «Revue de Psychiatri». Докторъ Тулузъ прежде всего старается проникнуть въ тайну происхожденія генія и полагаетъ, что геній обусловливается тремя причинами: или онъ передается по наслѣдству отъ одного изъ предковъ, или онъ представляетъ счастливую комбинацію элементовъ наслѣдственности, или же онъ просто является результатомъ случайностей эволюціи. Разсматривая всѣ три гипотезы по отношенію къ Бертело, докторъ Тулузъ приходитъ къ слѣдующему заключенію. Первая причина генія встрѣчается всего рѣже и къ Бертело она совсѣмъ не примѣнима, такъ какъ его семья, всегда изобиловавшая людьми умными, спокойными и уравновѣшенными, не представила ни одного выдающагося человѣка. Вторая причина, т.-е. комбинація элементовъ наслѣдственности, можетъ быть допущена у Бертело. Полное равновѣсіе умственныхъ способностей знаменитаго химики, которое всѣхъ поражаетъ, могло быть унаслѣдовано имъ съ отцовской стороны; его же мать, обладавшая живымъ умомъ и подвижнымъ темпераментомъ, могла передать ему свою жажду дѣятельности, воспріимчивость и строгость къ изслѣдованію. Не слѣдуетъ также игнорировать того факта, что его отецъ былъ изъ Солоньи, а мать парижанка, такъ какъ скрещиваніе расъ представляетъ одно изъ наиболѣе благопріятныхъ условій для происхожденія выдающагося ума. Но обыкновенно этого бываетъ недостаточно для созданія генія, говоритъ Тулузъ, и геній, повидимому, большею частью обязанъ бываетъ своимъ происхожденіемъ третьей причинѣ, т.-е. случайностямъ эволюціи. Именно этой-то случайности мы обязаны большинствомъ своихъ великихъ умовъ. Докторъ Тулузъ захотѣлъ еще разъ провѣрить свою теорію. Между прочимъ, онъ старательно разузналъ, какія болѣзни въ дѣтствѣ могли повліять на мозговую дѣятельность Бертело. Но самое главное значеніе онъ придаетъ паденію, которому подвергся великій ученый, когда ему было семь лѣтъ. Онъ упалъ въ ровъ, на камень и серьезно поранилъ себѣ правую лобную область, гдѣ даже образовалось вдавленіе кости. Докторъ Тулузъ не сомнѣвается, что, именно, это приключеніе произвело глубокія измѣнененія въ нервной системѣ ребека и его интеллектуальныхъ способностяхъ, но, какъ осторожный человѣкъ, докторъ Тулузъ считаетъ нужнымъ предупредить, что одного

этого условія мало, чтобы вызвать геніальность и что сюда, вѣроятно, должны присоединяться еще нѣкоторые другіе, пока, впрочемъ, неизвѣстные элементы. «A la bonheur!» восклицаютъ французы. А то вѣдь въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, нашлись бы родѣтели, которые стали бы расшибать лбы своимъ дѣтямъ, чтобы они стали геніальными.

Въ издаваемомъ профессоромъ Франке въ Лейпцигѣ журналѣ «Sociale Praxis» помѣщена статья доктора Зигберта Шопера объ англійской высшей школѣ для рабочихъ имени Рескина, открытой въ Оксфордѣ.

«Прежде всего эта школа,—говоритъ авторъ,—стремится научить рабочихъ выполненію тѣхъ обязанностей, которыя налагаетъ на нихъ общественная жизнь ихъ отечества; на англійскаго рабочаго, возлагается больше такихъ обязанностей, чѣмъ на его собрата нѣмецкаго рабочаго и обязанности эти разнообразнѣе. Въ области своей гражданской дѣятельности англійскій рабочій отдѣленъ не такою глубокою пропастью отъ другихъ сословій общества, какъ въ Германіи, и вообще область самоуправленія въ Англіи гораздо шире, нежели въ Германіи. Высшая англійская школа рабочихъ старается сдѣлать ихъ полезными членами общины, сообщивъ имъ такія знанія, которыя необходимы для пониманія государственно-соціальной жизни и участія въ ней и болѣе глубокаго пониманія своихъ обязанностей по отношенію къ обществу, его учрежденіямъ и отдѣльнымъ индивидамъ. Для этого мало, конечно, профессіональныхъ знаній и нужно болѣе широкое міровоззрѣніе и способность самостоятельнаго сужденія и сознательнаго отношенія къ современнымъ проблемамъ. На этомъ основаніи, программа преподаванія въ высшей англійской школѣ для рабочихъ основывается, главнымъ образомъ, на соціологіи, куда причисляется и изученіе исторіи Англіи, и преимущественно англійской конституціи и современныхъ государственныхъ учрежденій, политическая экономія, развитіе промышленности, основы философіи (логика, психологія и этика) и англійская литература. Самособою разумѣется, что одною изъ главныхъ задачъ школы является доставленіе англійскимъ рабочимъ союзамъ цѣлесообразно образованныхъ вождей. Съ этою цѣлью организованы даже отдѣльные курсы, на которыхъ преподаются основы политики, преобразованіе промышленности, вслѣдствіе введенія машиннаго производства, изученіе организаціи рабочихъ союзовъ и ассоціацій и рабочаго движенія. При этомъ всегда имѣется въ ввиду не отягощать слушателей подробностями и отдѣльными знаніями, а представить имъ все въ широкомъ освѣщеніи, указывая на законы развитія. Этимъ избѣгается безплодное многознаніе, и слушатели пріучаются сразу охватывать предметъ со всѣхъ точекъ зрѣнія и составлять себѣ сужденіе о немъ.

«Передъ желающими воспользоваться сокровищами знанія открыты два пути: они могутъ оставаться для этого въ школѣ или обучаться письменно. Хотя «школа корреспонденціи» не можетъ возмѣстить пребываніе въ школѣ, но, тѣмъ не менѣе, она имѣетъ большое значеніе, такъ какъ лишь немногіе рабочіе въ состояніи на болѣе или менѣе продолжительное время прекратить свою

работу и посвятить нѣсколько мѣсяцевъ своему образованію. Для этихъ-то рабочихъ «школа корреспонденціи» представляетъ огромныя удобства. Письменное преподаваніе организовано такимъ образомъ, чтобы оно наиболѣе подходило къ устному преподаванію. Для каждаго курса ученику указывается руководство или изъ существующихъ уже въ литературѣ, или же оно нарочно составляется для этой цѣли. При этомъ ученику дается письменное наставленіе, какъ пользоваться этимъ руководствомъ и, такимъ образомъ, слѣдуя тщательно выработанному плану, онъ постепенно изучаетъ предметъ. Для провѣрки своихъ знаній ученикъ излагаетъ ихъ письменно и благодаря такому методу, совершенно усвоиваетъ себѣ предметъ.

«Жизнь въ коллегіи обходится не дорого—12 1/2 шиллинговъ въ недѣлю, включая сюда помѣщеніе, полное содержаніе и ученіе. Но даже и при такой небольшой платѣ число интерновъ въ коллегіи не многочисленно. Лишь немногіе могутъ оставаться годъ, большинство же поступаетъ на три мѣсяца; письменное же проподаваніе требуетъ не менѣе трехъ лѣтъ. «Russkin Hall» открываетъ свои двери не только для рабочихъ; молодые люди, принадлежащіе къ другимъ классамъ общества, но не обладающіе большими средствами, также принимаются туда, если они пожелаютъ воспользоваться тѣми средствами къ образованію, которыя доставляетъ коллегія и жить совмѣстною жизнью съ рабочими, слушателями коллегіи.

«Всѣ домашнія работы исполняются членами коллегіи по заранѣе опредѣленному плану. Учреждены еженедѣльныя дежурства въ кухнѣ и для уборки комнатъ и др. работъ. Никто изъ живущихъ въ коллегіи не уклоняется отъ этихъ работъ и охотно выполняетъ ихъ».

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Чистая и прикладная наука.

Въ послѣднемъ № журнала «Revue générale des sciences pures et appliqués» появилась статья извѣстнаго французскаго химика *Ле-Шателье*, посвященная вопросу о вліяніи запросовъ жизни и техники на научныя открытія величайшихъ французскихъ химиковъ. Съ содержаніемъ этой статьи мы и знакомимъ читателя въ настоящемъ обзорѣ.

Остановимся на четырехъ главныхъ этапахъ развитія современной химіи, оставляя въ сторонѣ работы нынѣ живущихъ ученыхъ.

Во-первыхъ, на установленіи химіи вѣсовой, количественной и открытіи ея законовъ, въ связи съ установленіемъ состава воздуха и воды, чѣмъ наука обязана генію *Лавуазье*; во-вторыхъ, на открытіи основныхъ принциповъ ученія объ энергіи *Сади Карно*; въ-третьихъ, на открытіи диссоціаціи *Анри Сентъ-Клэръ Девиллемъ*; въ четвертыхъ, наконецъ, созданіи микробіологіи *Пастеромъ*.

Работы всѣхъ этихъ ученыхъ позволяютъ прослѣдить происхожденіе ихъ идей и выяснить, въ какой мѣрѣ эти идеи возникали подъ вліяніемъ запросовъ жизни и техники.

Полное собраніе работъ Лавуазье состоитъ на три четверти изъ мемуаровъ, посвященныхъ выясненію техническихъ вопросовъ.

Здѣсь, въ этихъ мемуарахъ мы и присутствуемъ при рожденіи научныхъ идей, происхожденіе которыхъ осталось бы для насъ неизвѣстнымъ, если бы мы обладали только одними чисто научными трудами Лавуазье. Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ указаній. При изученіи рыночной стоимости селитру содержащей золы, собираемой тряпичниками и скупщиками золы, Лавуазье говоритъ:

«Предпринимая эту работу, я имѣлъ въ виду только для собственнаго своего поученія повторить надъ золою парижскихъ фабрикантовъ селитры то, что гг. Монте, Вене и Дю-Кудрэ сдѣлали надъ золою тамариска, и я отнюдь не предполагалъ, что бы изъ этого могло получиться нѣчто достойное вниманія академіи. Но мало-по-малу я былъ приведенъ къ совершенно неожиданнымъ результатамъ, и моя работа оказалась имѣющею связь съ чрезвычайно интересными фактами, относящимися къ теоріи двойныхъ сродствъ, почему я и вынужденъ раздѣлить ее на два отдѣльныхъ мемуара».

Три наиболѣе важныхъ изслѣдованія Лавуазье посвящены: установленію

состава воздуха и явленій горѣнія; опредѣленію состава воды и изслѣдованію природы горючаго газа, изъ нея получаемаго; изслѣдованію теплоты.

На этихъ трехъ капитальныхъ работахъ можно прослѣдить генезисъ идей основателя современной химіи.

Въ 1764 году Академія объявила конкурсъ для отысканія наилучшей системы фонарей, употребляемыхъ для городского освѣщенія. Лавуазье въ 1766 году прислалъ на этотъ конкурсъ мемуаръ, за который получилъ почетный отзывъ. Въ этомъ первомъ изслѣдованіи онъ ограничился разсмотрѣніемъ вопроса объ устройствѣ и формѣ головной части фонаря, о наиболѣе выгодной фигурѣ рефлекторовъ и о наиболѣе удобныхъ размѣрахъ резервуаровъ для масла.

Но уже изъ самаго введенія въ этотъ мемуаръ видно, что его занимаетъ вопросъ о горѣніи, и онъ объявляетъ о своемъ намѣреніи изучить этотъ вопросъ болѣе тщательнымъ образомъ.

Въ слѣдующихъ за этимъ мемуарахъ уже нѣтъ болѣе вопроса о горючихъ веществахъ и можно было бы предполагать, что Лавуазье уже совершенно потерялъ интересъ къ этому предмету, но въ 1777 году появляется послѣ цѣлаго ряда мемуаровъ относительно окисленіи металловъ при прокаливаніи и о дыханіи животныхъ послѣдняя замѣтка о горѣніи свѣчей. Ею заканчивается длинный рядъ опытовъ относительно состава воздуха и явленій горѣнія и дыханія. Эти изслѣдованіи, касающіяся горѣнія свѣчей, не являются въ глазахъ Лавуазье второстепеннымъ и сравнительно мало важнымъ слѣдствіемъ его предыдущихъ работъ. Напротивъ, въ его научныхъ занятіяхъ они занимаютъ главное мѣсто: именно въ этомъ мемуарѣ о горѣніи свѣчей, не довольствуясь достигнутыми результатами, онъ даетъ программу новыхъ изысканій, которыя со временемъ приведутъ его къ открытію состава воды и къ наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ его работъ—изслѣдованіямъ о теплотѣ.

Въ то время Лавуазье думалъ, что углекислота (мѣловая кислота) получается отъ сожиганія водорода (горючій воздухъ). Онъ вѣритъ въ матеріальность теплоты. Такъ опыты, поставленные для разрѣшенія техническаго вопроса о наилучшемъ способѣ освѣщенія городовъ, навели Лавуазье на путь къ познанію истинной природы воздуха и горѣнія.

Точно также первыя изслѣдованія Лавуазье относительно воды произошли благодаря путешествію, которое онъ совершилъ для минералогическаго изученія Франціи. Здѣсь всюду онъ интересовался природой и качествомъ воды какъ питьевой, такъ и минеральной, но въ особенности первой. Причину этого интереса онъ объясняетъ въ началѣ мемуара о водахъ въ Франшъ-Конте, изданномъ въ 1768 г., т.-е. до начала его чисто научныхъ работъ.

«Если для общества интересно знать природу этихъ цѣлебныхъ водъ, удивительное дѣйствіе которыхъ было столько разъ прославлено въ лѣтописяхъ медицины, то не менѣе важно изучить и тѣ, которыя употребляются ежедневно для текущихъ жизненныхъ потребностей. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, именно отъ этой воды зависитъ сила и здоровье гражданъ, и если первыя, т.-е. цѣлебныя воды, возвратили къ жизни нѣсколько драгоцѣнныхъ для государства жизней, то эти послѣднія воды, устанавливая непрестанно порядокъ и равновѣсіе въ экономіи животнаго организма, спо-

собствуютъ ежедневно сохраненію еще большаго числа жизней. Въ изслѣдованіи и изученіи собственно минеральныхъ водъ заинтересована лишь незначительная и при томъ слабѣйшая, подверженная недугамъ часть общества, тогда какъ изслѣдованіе обыкновенныхъ водъ затрогиваетъ интересы всего общества и, главнымъ образомъ, той его активной части, руки которой составляютъ въ одно и то же время и силу, и богатство государства».

Нѣсколько лѣтъ спустя, другія практическія задачи, не касающіяся вопросовъ общественнаго здравія, приводятъ его къ изученію природы воды; на этотъ разъ дѣло идетъ о здоровьи растеній, о процессахъ ихъ роста. Вопросы земледѣлія живо интересовали Лавуазье.

Тогда полагали, на основаніи невѣрно истолкованныхъ наблюденій, что растенія развиваются насчетъ воды. Какимъ образомъ вода можетъ дать рожденіе всѣмъ элементамъ, находимымъ въ растеніи: минеральной золѣ, горючимъ веществамъ, основанію мѣловой кислоты? Въ изысканіяхъ, предпринятыхъ въ эту эпоху, т.-е. въ 1771 году, Лавуазье удается доказать, что минеральный остатокъ, получающійся при выпариваніи всѣхъ натуральныхъ водъ, не составляетъ необходимой, конституціонной части воды: эти минеральныя вещества можно извлечь изъ воды, отнять отъ нея и коренныя свойства воды не измѣняются сколько-нибудь существеннымъ, замѣтнымъ образомъ.

Окончательное доказательство химической сложности воды было дано въ классическомъ мемуарѣ, который Лавуазье, и инженерный офицеръ *Менье* (Meunier) представили въ 1784 году академіи. Но если бы у насъ имѣлся только одинъ этотъ мемуаръ, то намъ было бы чрезвычайно трудно установить точно обстоятельства, которыя сопровождали открытіе анализа воды. Въ этомъ мемуарѣ не имѣется ни малѣйшаго указанія на условія, которыя намъ выясняются въ рѣчи, произнесенной Лавуазье въ одномъ изъ публичныхъ засѣданій Академіи:

«Таково было состояніе нашихъ знаній относительно разложенія и образованія воды, когда мы, г. Менье и я, почувствовали себя почти вынужденными взяться за этотъ предметъ съ совершенно новой точки зрѣнія съ 1783 по 1784 годъ. Порученіе, которое, согласно приказу Короля, Академія намъ дала, именно усовершенствованіе аэростатическихъ машинъ, неизбѣжно заставило насъ приняться за изысканіе наиболѣе экономическихъ средствъ приготовлять горючій воздухъ въ большихъ количествахъ, и конечно совершенно естественно, что мы задались мыслью извлечь его изъ воды, гдѣ онъ находится, какъ мы имѣли очень много вѣскихъ причинъ быть въ этомъ увѣренными въ большомъ количествѣ.

Изслѣдованіе желѣза мокрымъ путемъ давало мнѣ указаніе на несомнѣнное дѣйствіе желѣза на воду, почему мы, Менье и я, рѣшились слѣдовать этому указанію. Пропуская водяной паръ черезъ ружейный стволъ, нагрѣтый до краснаго каленія, мы нашли, что вода разлагается нацѣло и что черезъ нижнее отверстіе ствола не выходитъ вовсе водяныхъ паровъ; кислородное начало воды соединяется тамъ съ желѣзомъ и превращаетъ его въ окалину, въ то время какъ горючее водяное начало переходитъ въ воздухо-подобное состояніе».

Сложная природа воды такимъ образомъ была установлена. Оставалось только сдѣлать нѣсколько взвѣшиваній, чтобы установить вѣсовой составъ воды, что вскорѣ и было совершено.

Горѣніе было изучено съ точки зрѣнія чисто химической, но Лавуазье еще

не разрѣшилъ окончательно задачи, которую онъ самъ себѣ задалъ при своемъ первомъ изслѣдованіи фонарей и которую онъ расширилъ при своихъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ относительно горѣнія свѣчей, онъ еще не произвелъ изученія тепловыхъ явленій, сопровождающихъ горѣніе.

Обстоятельства, при которыхъ онъ приступилъ окончательно къ этому изученію указаны въ началѣ мемуара, въ которомъ онъ докладываетъ опыты надъ сравнительнымъ изученіемъ тепловаго эффекта различныхъ горючихъ веществъ.

«Въ виду того, говоритъ Лавуазье, что Управленіе финансами пожелало въ 1779 году узнать отношеніе между пошлинами на различныя горючія вещества, я былъ принужденъ, чтобы имѣть возможность давать требуемыя отъ меня объясненія, сдѣлать нѣсколько сравнительныхъ опытовъ надъ древеснымъ топливомъ различныхъ древесныхъ породъ. Такъ какъ эти опыты могутъ имѣть нѣкоторую пользу для промышленности, то я счелъ себя обязаннымъ сдѣлать о нихъ докладъ Академіи и помѣстить отчетъ о нихъ въ ея мемуарахъ».

Никакое, казалось бы, изслѣдованіе не могло имѣть болѣе низменной, болѣе практической цѣли. Но способы, употребленные въ дѣло, имѣли высоко научный характеръ: сравнительное тепловое дѣйствіе опредѣлялось взвѣшиваніемъ количества воды, превращаемой въ паръ въ одномъ и томъ же котлѣ равными вѣсовыми количествами различныхъ видовъ топлива. Этотъ мемуаръ опубликованъ въ 1781 году, но еще въ 1780 году Лавуазье и Лапласъ начали свои опыты съ ледянымъ калориметромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что несовершенство котла, какъ калориметрическаго прибора, привело Лавуазье къ открытію метода, научная точность котораго еще не превзойдена и по сіе время.

Въ это же самое время Лавуазье и Лапласъ производили свои совмѣстныя изысканія, не менѣе знаменитыя, надъ тепловымъ расширеніемъ твердыхъ тѣлъ. Они не только не скрываютъ чисто практическихъ соображеній, которыя ихъ побудили приняться за это изслѣдованіе, но, напротивъ, излагаютъ ихъ въ началѣ своего мемуара.

Такимъ образомъ, теоретическія изслѣдованія Лавуазье всегда имѣли цѣлью выяснить явленія въ практическоомъ отношеніи.

Современные Лавуазье химики и ихъ послѣдователи *Бертоллэ*, *Гей Люссакъ*, *Тэнаръ*, всѣ, кто съ нимъ и послѣ него трудились надъ укрѣпленіемъ основъ современной химіи, обнаруживали тотъ же самый практическій складъ ума.

Всегда интересуясь полезными, практическими приложеніями науки, эти ученые оставили много связанныхъ навѣки съ ихъ именами усовершенствованій въ области химической промышленности наряду съ общими законами высокаго научнаго значенія.

Въ хронологическомъ порядкѣ первымъ открытіемъ послѣ геніальныхъ работъ Лавуазье, которое послужило исходной точкой для чрезвычайно важной эволюціи въ области химіи, было безсмертное произведеніе *Сади Карно*— «Sur la puissance motrice du feu» (О движущей силѣ огня). Отъ него произошла вся термодинамика, которая, въ свою очередь, породила современную химическую механику. По отношенію къ Сади Карно мы не обладаемъ столь многочисленными документами, какъ относительно Лавуазье; даже самая біографія Сади Карно извѣстна лишь въ общихъ чертахъ. Но не нужно прибѣгать къ долгимъ

изысканіямъ, чтобы убѣдиться, въ какой степени имъ руководили практическія, техническія соображенія. Для этого стоитъ только прочитать три страницы, которыми начинаются «Reflexions sur la puissance motrice du feu et sur les machines propres à développer cette puissance»:

«Всякому извѣстно, говоритъ Карно, что теплота можетъ быть причиной движенія, что она даже обладаетъ большой движущей силой. Паровыя машины» въ настоящее время столь распространенныя, являются очевидными, наглядными тому доказательствами.

«Теплоту слѣдуетъ считать первопричиной всѣхъ большихъ движеній, поражающихъ наше зрѣніе на землѣ. Благодаря ей, совершаются всѣ движенія въ атмосферѣ, поднятіе облаковъ, паденіе дождя и другихъ метеоровъ, ею приводятся въ движеніе потоки воды, бороздящіе повсюду поверхность земного шара, потоки, отъ движенія которыхъ человѣкъ научался извлекать нѣкоторую незначительную часть въ свою пользу; наконецъ, землетрясенія, вулканическія изверженія также имѣютъ своею причиной теплоту.

«Изъ этого гигантскаго резервуара мы можемъ черпать движущую силу, потребную для нашихъ нуждъ. Природа, предлагая намъ со всѣхъ сторонъ топливо, намъ дала въ руки средство порождать, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, теплоту и получающуюся изъ теплоты движущую силу. Развивать эту силу, покорять ее и направлять на нашу пользу и является цѣлью различныхъ огневыхъ машинъ.

«Изученіе этихъ машинъ представляетъ предметъ глубочайшаго интереса; ихъ значеніе огромно; ихъ употребленіе и распространеніе растетъ съ каждымъ днемъ; онѣ предназначены на то, чтобы произвести величайшую революцію въ цивилизованномъ мірѣ. Машина, дѣйствующая благодарю огню, уже служитъ для эксплуатаціи нашихъ рудниковъ заставляетъ двигаться наши суда, углубляетъ наши гавани и порты, исправляетъ теченіе и русла нашихъ рѣкъ, куетъ желѣзо, обрабатываетъ дерево, мелетъ зерно, прядетъ и ткетъ намъ ткани, перевозитъ громадныя тяжести и т. д., и т. д. Близокъ уже день, когда она будетъ всеобщимъ двигателемъ и получитъ перевѣсъ надъ силою животныхъ, силою паденія воды и порывовъ воздушныхъ потоковъ».

И еще на многихъ страницахъ далѣе Сади Карно продолжаетъ развивать эти чисто практическія соображенія: онъ указываетъ на тѣ услуги, которыя уже оказали тепловыя машины въ Англіи, и старается предугать еще и многія будущія услуги, которые эти машины призваны оказать всему человѣчеству. И изъ этихъ-то почти что меркантильныхъ соображеній вышла наиболѣе совершенная изъ наукъ, когда-либо созданныхъ человѣческимъ разумомъ, наука, которая, вслѣдствіе ея всеобщности и абстрактности, можетъ считаться *чистою наукой* по преимуществу, образцомъ, къ которому стремятся приблизиться, всѣ другія научныя теоріи.

Это утилитарное предисловіе не является простымъ введеніемъ къ занимавшему Сади Карно вопросу, уступкой вкусамъ эпохи. Послѣ того, какъ была воздвигнута полная теорія полученія двигательной силы на счетъ теплоты, Сади Карно возвращается къ приложеніямъ ея на практикѣ, которыя его болѣе всего интересуютъ. Десять послѣднихъ страницъ его мемуара, въ которомъ всего шестьдесятъ страницъ, посвящены разбору, изслѣдованію и сравненію различныхъ типовъ дѣйствовавшихъ тогда паровыхъ машинъ.

Замѣтимъ здѣсь, что развитіе науки объ энергіи шло совершенно по другому пути, нежели тотъ, по которому пришли къ ея основамъ. Эта наука стала

областью, почти исключительно принадлежащею математикамъ; но *развивать не значитъ творить*, и, съ другой стороны, остается еще весьма гадательнымъ и недоказаннымъ, не задержало ли вмѣшательство Клаузіуса съ его кинетическою теоріей газовъ, эволюціи великаго открытія Сади Карно.

Для того, чтобы перейти отъ теоріи тепловыхъ машинъ къ химической механикѣ оставалось сдѣлать еще много: нужно было признать *обратимость* химическихъ явленій; честь этого открытія принадлежитъ *Анри Сентъ-Клэръ-Девиллю.*

Приблизительно около 1860 года, Сентъ-Клэръ-Девилль и Дебрэ были заняты давно уже ими начатыми изслѣдованіями по металлургіи платины.

Въ сообщеніи, сдѣланномъ въ 1861 году передъ химическимъ обществомъ, Дебрэ такимъ образомъ излагаетъ мотивы, которые заставили ихъ приняться за эти изслѣдованія.

«Платина сосудовъ, вышедшихъ изъ употребленія по какимъ-либо причинамъ, цѣнится не дороже самой платиновой руды вслѣдствіе обезцѣненія, которое испытываетъ бывшій въ дѣлѣ металлъ. Цѣна эта такова, что сосудъ платиновый, стоящій 80.000 франк., въ которомъ ежедневно совершается концентрированіе 4.000 килогр. сѣрной кислоты, продается за 50—60.000 фр., когда онъ кончаетъ срокъ своей службы, что случается довольно часто. Отсюдапонятны будутъ причины, побудившія С.-Клэръ-Девилля и меня приняться за розысканіе способа плавить платину,равно какъ и способа обработывать платиновую руду сухимъ путемъ. Мы предполагали, что разрѣшеніе такой задачи, устраняя причину обезцѣниванія платины въ дѣлѣ, позволитъ въ то же время расширить слишкомъ тѣсный кругъ приложеній этого драгоцѣннаго металла, обладающаго такими замѣчательными свойствами и встрѣчающагося чаще, нежели это принято думать».

Такимъ образомъ эта работа имѣла чисто прикладной, техническій характеръ. Но какое отношеніе имѣетъ все это къ диссоціаціи? Для выясненія этого будемъ продолжать чтеніе этой лекціи Дебрэ:

«Отыскивать способы обработки платиновой руды сухимъ путемъ—это, въ концѣ концовъ, значитъ искать способовъ полученія высокихъ температуръ, чтобы ихъ можно было употреблять для намѣченной выше спеціальной цѣли; поэтому, я предполагаю въ первой части этой лекціи разсмотрѣть передъ вами главные принципы, которыми должны руководствоваться химики при подобныхъ изслѣдованіяхъ; я покажу далѣе, что эти принципы находятся въ согласіи съ тѣмъ, на что указываетъ практика, причемъ я на вашихъ глазахъ приведу въ дѣйствіе приборы, которые мы изобрѣли, чтобы плавить и отливать, такъ сказать, неограниченныя количества платины».

Далѣе Дебрэ развиваетъ свое хорошо извѣстное вычисленіе температуры кислородо-водороднаго пламени, при чемъ оцѣниваетъ эту температуру приблизительно въ 6.800°. Онъ излагаетъ, въ то же время результаты точныхъ опытовъ, имѣвшихъ въ виду опредѣлить точку плавленія платины; эту температуру Дебрэ опредѣляетъ примѣрно въ 2.000°. Дебрэ, кажется, не поразила громадная разница, которая получается по его вычисленіямъ между температурой горѣнія гремучаго газа, необходимаго для сплавленія платины, и температурой, при которой плавится платина.

Но это противорѣчіе обратило на себя вниманіе Сентъ-Клэръ-Девилля и привело его къ ясному и точному понятію объ обратимыхъ химическихъ реакціяхъ

и диссоціаціи. Въ его двухъ лекціяхъ о диссоціаціи, прочитанныхъ въ 1864 году передъ парижскимъ химическимъ обществомъ и сдѣлавшихся съ тѣхъ поръ классическими, можно найти окончательный результатъ эволюціи его идей объ этомъ предметѣ. Взявъ за исходную точку вычисленія Дебрэ и повторивъ ихъ, Девилль противопоставляетъ этому теоретическому результату опытный, полученный имъ при измѣреніяхъ количества теплоты, содержащейся въ платинѣ, накаленной до самой высокой температуры, доступной въ лабораторіи при помощи пламени гремучаго кисловодороднаго пламени. При этомъ Девилль говоритъ слѣдующее: «На основаніи данныхъ этихъ опытовъ, можно утверждать, что температура, при которой происходитъ соединеніе ровныхъ эквивалентовъ кислорода и водорода, не превосходитъ 2,500°». Сентъ-Клэръ-Девилль приписываетъ это расхожденіе между наблюдимой и вычисленной температурой вліянію диссоціаціи водяного пара. Въ этомъ случаѣ онъ *въ первый разъ* заявляетъ объ обратимости реакцій и стремится доказать, что она необходимо должна существовать.

Къ числу величайшихъ открытій XIX вѣка, безъ сомнѣнія, относится возникновеніе микробіологіи, благодаря работамъ *Пастера.* И это завоеваніе науки произошло благодаря вмѣшательству жреца чистой науки въ технику, въ практическіе вопросы. Почти на каждой строкѣ своихъ научныхъ мемуаровъ Пастеръ объявляетъ объ этомъ самымъ откровеннымъ образомъ.

Сынъ мелкаго кожевеннаго заводчика въ Арбуа, Пастеръ не потерялъ во время своего пребыванія въ Ecole Normale интереса къ родному, такъ сказать, кожевенному дѣлу; объ этомъ свидѣтельствуютъ различные рецепты и усовершенствованія въ дубленіи кожъ, пересылаемые имъ въ письмахъ на родину и которые онъ горячо рекомендуетъ своимъ испробовать.

Однако, по выходѣ изъ Ecole Normale Пастеръ дебютировалъ работами по кристаллографіи чисто научнаго характера, но его изслѣдованій винной кислоты, конечно весьма замѣчательныхъ, все же не было бы достаточно для того, чтобы передать его имя отдаленному потомству. Вся его слава основывается, безусловно, на работахъ, имѣвшихъ въ виду чисто практическія цѣли и приведшихъ къ великимъ научнымъ результатамъ.

Фабрикація уксуса, лѣченіе болѣзней винъ и шелковичныхъ червей, пивовареніе, профилактическія мѣры противъ эпидемій рожи и прививки противъ бѣшенства и т. д. Возьмемъ изъ работъ Пастера примѣръ наиболѣе близкій къ химіи — изслѣдованія спиртового броженія. Пастеръ оканчивалъ свои работы надъ винными кислотами, когда онъ былъ посланъ въ Лилль профессоромъ Faculté des sciénces, который только что былъ основанъ, и гдѣ молодой начинающій ученый сразу занялъ мѣсто декана. Министръ народнаго просвѣщенія, ввѣряя Пастеру этотъ постъ, между прочимъ пишетъ ему слѣдующее:

«Пусть однако г. Пастеръ держится всегда на сторожѣ противъ увлеченія своею любовью къ чистой наукѣ, и пусть онъ не теряетъ изъ вида, что образованіе, даваемое въ факультетахъ, оставаясь всегда на высотѣ научныхъ теорій, должно, чтобы достигать полезныхъ результатовъ и расширять, на сколько возможно, свое

счастливое вліяніе, ближе всего интересоваться оказаніемъ научной помощи истиннымъ нуждамъ страны, къ просвѣщенію которой направлена дѣятельность факультетовъ».

Вѣрный этой программѣ Пастеръ тотчасъ вступаетъ въ сношенія съ промышленниками и заводчиками, организуетъ посѣщенія фабрикъ и заводовъ слушателями факультета и принимается изучать и искать приложеній науки съ тѣмъ же жаромъ, съ которымъ до тѣхъ поръ служилъ чистой наукѣ.

Въ такихъ то обстоятельствахъ ему и пришлось приняться за изученіе спиртоваго броженія. Вотъ, что говоритъ по этому поводу біографъ Пастера-Валлери-Радо:

«Лѣтомъ 1856 года Биго, заводчикъ въ Лиллѣ, потерпѣлъ, вмѣстѣ со многими другими, большія убытки при фабрикаціи спирта изъ свеклы. Онъ обратился за совѣтомъ къ молодому декану. Перспектива оказать услугу, сообщить благопріятный результатъ своихъ наблюденій многочисленнымъ слушателямъ, возможность наблюдать самымъ тщательнымъ образомъ явленія броженія, которыя его всегда чрезвычайно сильно интересовали, всѣ эти соображенія заставили Пастера принять предложеніе Биго произвести изслѣдованіе. Почти ежедневно онъ проводилъ много часовъ на этомъ заводѣ. По возвращеніи въ лабораторію, гдѣ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только одинъ микроскопъ и одну угольную печь для анализа, онъ изслѣдуетъ клѣтки, плавающія въ бродящей жидкости, сравниваетъ свекольный сокъ фильтрованный съ не фильтрованнымъ, строитъ всевозможныя гипотезы, которыя его подгоняютъ къ новой и новой работѣ, разъ оказывается, что ихъ приходится отбросить въ силу противорѣчій съ тѣмъ или другимъ вновь открываемымъ фактомъ... Наконецъ удается установить при помощи микроскопа, что дрожжевыя клѣтки бываютъ совершенно шарообразными, когда броженіе идетъ нормально, и что они удлиняются, принимаютъ вытянутый, овальный видъ, кода начинаются нежелательныя измѣненія въ составѣ бродящей жидкости, и наконецъ дѣлаются свершенно удлиненными, когда броженіе становится молочнокислымъ. Этотъ простой методъ контроля за ходомъ броженіе, говорилъ одинъ изъ сыновей Биго, тотчасъ устранилъ всѣ непріятности, причиняемыя неправильно идущимъ броженіемъ».

Такимъ образомъ и здѣсь часто практическіе запросы стали исходной точкой одного изъ самыхъ выдающихся научныхъ открытій истекшаго вѣка.

В. Як.

---

† И. В. Мушкетовъ.

Внезапная смерть И. В. Мушкетова (10 ноября) произвела на всѣхъ его знавшихъ самое тяжелое впечатлѣніе. Это одна изъ тѣхъ безцѣльныхъ жестокостей судьбы, послѣ которыхъ такъ страшно и тяжело становится на душѣ. Всего нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ еще полонъ силъ, полонъ плановъ и энергіи, среди любимой работы—научной, педагогической и общественной...

И. В. Мушкетовъ родился въ 1850 г. и происходилъ изъ донскихъ казаковъ. Среднее образованіе онъ получилъ въ Новочеркасской гимназіи, высшее—

въ Петербургскомъ горномъ институтѣ, съ которымъ и оставался неразрывно связаннымъ до самой смерти. Только первые четыре года своей самостоятельной научной дѣятельности (1873—1877 г.г.), онъ не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ своей alma mater. Въ 1873 г., чуть ли не прямо въ учебной скамьи, онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій по горной части при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ. Съ этого же года и начинаются его долголѣтнія, детальныя и плодотворныя геологическія изслѣдованія Туркестана. Геологическая характеристика Мушкетовымъ Тянь-Шаня считается классической и почти цѣликомъ помѣщена знаменитымъ Зюссомъ въ его не менѣе знаменитой книгѣ «Das Antlitz der Erde». Къ Туркестану, своему любимому дѣтищу, покойный возвращался не разъ втеченіе своей тридцатилѣтней геологической дѣятельности. Плодомъ долголѣтняго изученія этой области явилось его громадное сочиненіе «Туркестанъ»; напечатанъ, къ сожалѣнію, только первый томъ и геологическая карта этого края (составлена совмѣстно съ проф. Романовскимъ).

Въ 1877 г. Мушкетовъ былъ приглашенъ адъюнктъ-профессоромъ въ горный институтъ и до самой смерти не покидалъ уже профессорской каѳедры въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи, гдѣ читалъ физическую геологію. Насколько серьезно и вдумчиво относился Иванъ Васильевичъ къ своей педагогической дѣятельности, свидѣтельствуютъ какъ многочисленные и талантливые его ученики, такъ и два громадныхъ (до 1.500 стр.) тома его «Физической геологіи», капитальнаго сочиненія, одного изъ самыхъ полныхъ, которыя имѣются въ этой области во всей міровой литературѣ и, безспорно, самаго полнаго на русскомъ языкѣ. Для русскаго читателя значеніе этой книги, помимо ея полноты и безпристрастія, главнымъ образомъ, въ томъ, что предметъ въ ней излагается, преимущественно, на примѣрахъ, взятыхъ изъ геологіи нашей страны, и, кромѣ того, дается болѣе или менѣе полное знакомство съ работами русскихъ геологовъ Для того, чтобы написать *такую* энциклопедію «Физической геологіи», мало книжныхъ знаній, нужно непосредственное, личное знакомство съ страной. И дѣйствительно, не было, кажется, втеченіе 30 лѣтъ научной жизни Мушкетова ни одного лѣта, чтобы онъ не экскурсировалъ гдѣ-нибудь на окраинахъ нашей необъятной родины. Въ 1876 г. онъ изучаетъ златоустовскій округъ (Южн. Уралъ); въ 1877 и 78 годахъ мы его видимъ на Алаяхъ, Памирѣ и въ Восточной Монголіи, въ 1879 г.—въ Бухарѣ, на Аму-Дарьѣ, въ пустынѣ Кизилъ-Кумъ, съ 1880 года—до 1881 года на Кавказѣ, гдѣ онъ изучаетъ ледники Казбека и Эльборуса, изслѣдуетъ минеральные источники и мѣсторожденія каменнаго угля и марганцевыхъ рудъ, въ 1883 г. на изысканіяхъ липецкихъ минеральныхъ водъ, 1884 и 1885 г.—частью на Кавказѣ, частью въ Калмыцкихъ степяхъ и въ Крыму за изученіемъ соленыхъ озеръ. Такимъ перечисленіемъ научныхъ экскурсій неугомимаго геолога можно было бы заполнить нѣсколько страницъ. Наиболѣе важными послѣдующими его работами были изслѣдованія знаменитаго землетрясенія въ Вѣрномъ (1887 г.) и изысканія, произведенныя имъ въ 1893 г., въ высокихъ ледниковыхъ областяхъ Западнаго Кавказа, въ верховьяхъ рѣкъ

Тебердѣ и Чхаатѣ, въ цѣляхъ выясненія геологическихъ условій проектированнаго через Кавказскій хребетъ желѣзнодорожнаго тунеля. Результатомъ этихъ изслѣдованій явились—съ одной стороны классическій отчетъ о вѣрненскомъ землетрясеніи и описаніе вышеупомянутой ледниковой области, съ другой—цѣлый рядъ мѣропріятій. Съ обычной энергіей принялся И. В. за выработку проектовъ систематическаго изученія въ Россіи землетрясеній и жизни ледниковъ. Имъ была составлена брошюра о землетрясеніяхъ и способахъ ихъ наблюденій и предпринято, при содѣйствіи географическаго О-ва, собираніе свѣдѣній о русскихъ землетрясеніяхъ. Собранныя данныя легли въ основу «Матеріаловъ изученія землетрясеній въ Россіи» и «Каталога землетрясеній Россійской Имперіи», начатаго Орловымъ. Для наблюденія за жизнью ледниковъ Мушкетовымъ была также выработана программа и собраны свѣдѣнія о ихъ состояніи. Понятно, что и въ международныхъ коммиссіяхъ по изученіи ледниковъ и землетрясеній представителемъ отъ Россіи былъ избранъ покойный геологъ. Географическое О-ва почтило труды Мушкетова: въ 1880 г. за изслѣдованія въ средней Азіи онъ былъ удостоенъ высшей награды Константиновской медали, въ 1898 г. онъ былъ избранъ на 4-ое четырехлѣтіе предсѣдателемъ отдѣленія физической географіи. И. В. былъ почетнымъ членомъ многихъ другихъ русскихъ научныхъ обществъ.

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что жизнь столь безвременно скончавшагося ученаго была полна напряженной научной работы. Но, какъ читатель увидитъ въ другомъ отдѣлѣ нашего журнала, у Мушкетова находились все же силы и для плодотворной общественной дѣятельности.

В. Агафоновъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

О химическомъ составѣ звѣздъ и земного шара.—О зараженіи животныхъ туберкулезомъ человѣка.—Серотерапія брюшного тифа. Желтая лихорадка и комары.—О посѣдѣніи волосъ.—Нѣкоторыя научныя сообщенія, сдѣланныя на XI съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей.

О химическомъ составѣ звѣздъ и земного шара. Въ «Nature» опубликовано письмо извѣстнаго геолога Зюсса къ Локьеру, въ которомъ онъ обращаетъ вниманіе астрономовъ на аналогію, существующую между химическимъ строеніемъ нѣкоторыхъ звѣздъ и земного шара, аналогію, выяснившуюся изъ спектральнаго анализа этихъ звѣздъ. Вотъ выдержки изъ этого письма. Зюссъ согласенъ съ тѣми геологами, которые разсматриваютъ землю, какъ шаръ, образованный изъ желѣза и никкеля, окруженнаго корой, состоящей, главнымъ образомъ, изъ кремнезема. Кора раздѣляется на 2 пояса: одинъ изъ которыхъ

болѣе богатъ силикатами алюминія и минералами группы полевыхъ шпатовъ, другой—силикатами магнія; оба эти пояса соединены промежуточными породами.

Группа силикатовъ алюминія, болѣе легкая и расположенная во внѣшнемъ поясѣ, образуетъ частью осадочныя горныя породы; группа же силикатовъ магніи находится во внутреннемъ поясѣ и характеризуется присутствіемъ какъ никкеля, такъ и его сплавовъ съ желѣзомъ; вещества эти образуютъ кислотныя и щелочныя группы Бунзена, Дюроше и ихъ приверженцевъ.

Цѣлымъ рядомъ работъ Фохтъ (изъ Христіаніи) доказалъ, что металлическія руды, которыя сопровождаютъ горныя породы, состоящія изъ силикатовъ алюминія, отличаются отъ рудъ, встрѣчающихся вмѣстѣ съ силикатами магнія, и что горныя породы ultra-основныя характеризуются присутствіемъ некоторыхъ металловъ.

Главными элементами, входящими въ составъ кислыхъ породъ, являются: кремнеземъ, калій, литій, алюминій, вольфрамъ, уранъ, церій, иттрій, свинецъ, цинкъ, торій и въ небольшомъ количествѣ бериллій, мѣдь, висмутъ и фторъ.

Элементами основныхъ породъ являются: кальцій, магній, желѣзо, никкель, кобальтъ, хромъ, мѣдь, титанъ, платина и металлы, принадлежащіе къ группѣ платины, углеродъ, сѣра и въ небольшомъ количествѣ кремній, алюминій, барій, стронцій, марганецъ, ванадій, фосфоръ и хлоръ.

Составъ ultra-основныхъ породъ такой, какъ и въ метеоритѣ Chassigny.

Недавно берлинская академія наукъ опубликовала результатъ многочисленныхъ анализовъ метеоритовъ, сдѣланныхъ Cohen. Изъ этихъ анализовъ видно, что въ метеоритахъ находятся: желѣзо, никкель, кобальтъ, хромъ, мѣдь, углеродъ, фосфоръ, магній, кальцій, сѣра, хлоръ; послѣдніе 2 элемента иногда встрѣчаются въ соединеніи съ кремніемъ. Дэвисонъ, кромѣ того, нашелъ платину и иридій. Всѣ эти элементы, по Фохту, встрѣчаются и въ основныхъ породахъ.

Таблицы фраунгоферовскихъ линій говорятъ о присутствіи водорода, натрія, кальція, барія, магнія, желѣза, марганца, никкеля, хрома, кобальта и титана. Все это элементы воспроизведенныя экгстремомъ основныхъ породъ. Локьеръ недавними наблюденіями доказалъ существованіе среди фраунгоферовыхъ линій, линій нѣкоторыхъ металловъ, характерныхъ для серіи кислыхъ породъ, каковыми являются калій, литій, ураній, церій. Изъ всего этого Зюссъ заключаетъ, что всѣ элементы, входящіе по Фохту, въ составъ породъ основныхъ находятся и въ томъ слоѣ атмосферы солнца, который обусловливаетъ появленіе линій поглощенія (фраунгоферовыхъ) пектра.

Затѣмъ Зюссъ находитъ удивительное сходство въ составѣ солнечной хромосферы и звѣзды α изъ созвѣздія Лебедя. Спектръ этой звѣзды, изслѣдованный Локьеромъ, показалъ присутствіе на ней магнія, кальція, желѣза, титана, марганца, хрома, никкеля, ванадія, мѣди, стронція. Но пары этихъ металловъ находились когда то и на землѣ въ моментъ образованія основныхъ ultra-породъ это ясно видно изъ анализовъ нѣкоторыхъ норвежскихъ рудъ, гдѣ металлическія сставляющія тѣ же, что въ хромосферѣ и звѣздѣ α Лебедя.

Въ концѣ письма Зюссъ обращается къ Локьеру съ двумя вопросами: 1) думаетъ ли онъ, что пары металловъ, соотвѣтствующіе металламъ породъ

кислыхъ, представлены на солнцѣ и звѣздахъ въ меньшихъ количествахъ, чѣмъ элементы основныхъ породъ? 2) существуютъ ли причины, объясняющія преобладаніе на солнцѣ и звѣздахъ металловъ основныхъ породъ?

О зараженіи животныхъ туберкулезомъ человѣка. Наши читатели знакомы съ рѣчью Коха, произнесенной имъ на лондонскомъ конгрессѣ. *) Въ ней Кохъ доказывалъ, что туберкулезъ рогатаго скота отличается отъ туберкулеза человѣка и потому не прививается этому послѣднему. Это утвержденіе Кохъ основывалъ на томъ, что отрицательные результаты его опытовъ говорятъ о полной невозможности прививки туберкулеза человѣка рогатому скоту. Теперь же ліонскій профессоръ *Арлуанъ* (Arloing) сообщаетъ о результатахъ своихъ опытовъ надъ прививкою туберкулезныхъ бациллъ, взятыхъ изъ мокроты человѣка, плевритическаго эксудата и пр., быку, барану и козѣ. У всѣхъ этихъ животныхъ вспрыскиваніе такихъ туберкулезныхъ бациллъ въ вены вызывало зараженіе туберкулезомъ. Туберкулезные бугорки одиночные или сливающіеся были находимы, при этомъ, въ легкихъ, печени, селезенкѣ, почкахъ, лимфатическихъ железахъ и проч. органахъ. Во всѣхъ этихъ органахъ рано или поздно появлялось и творожистое перерожденіе. Арлуанъ, утверждаетъ, что ему удалось привить 23 животнымъ туберкулезъ человѣка. Если же Коху и Шютцу такія же прививки не удались, то это, по мнѣнію Арлуана, объясняется тѣмъ, что они, съ одной стороны, пользовались культурами бациллъ слабой ядовитости, съ другой, что количество этихъ культуръ прививаемыхъ животнымъ, были слишкомъ малы. Вообще Арлуанъ думаетъ, что ядовитость туберкулезныхъ бациллъ бываетъ различна и что нѣкоторые организмы могутъ приспособляться къ нимъ. Поэтому неудивительно, что туберкулезныя бациллы человѣка оказываютъ на нѣкоторыхъ животныхъ меньше дѣйствія, чѣмъ туберкулезныя бациллы коровы. Такимъ образомъ, по мнѣнію Арлауана, тотъ фактъ, что туберкулезъ у человѣка и у животныхъ вызывается бациллой Коха—остается неопровержимымъ. Изъ всего этого ліонскій профессоръ дѣлаетъ практическій выводъ, что мѣры предосторожности, которыя принимались и раньше по отношенію къ мясу и молоку животныхъ, могущихъ заразить туберкулезомъ, необходимо сохранить. Къ такимъ же выводамъ пришелъ и де-Жонгъ, лейденскій ветеринаръ, дѣлавшій подобные же опыты въ 1899 г. Онъ кромѣ того, находитъ, что туберкулезныя бациллы человѣка могутъ вызвать туберкулезъ не только у рогатаго скота, но и у такихъ животныхъ, какъ собаки, обезьяны, причемъ туберкулезъ не будетъ только такимъ сильнымъ, какъ при зараженіи подобными бациллами быка.

Вообще туберкулезная бацилла быка обладаетъ, по мнѣнію де-Жонга, большею ядовитостью, чѣмъ бацилла человѣческаго туберкулеза. Поэтому человѣкъ въ этомъ отношеніи менѣе опасенъ для коровы, чѣмъ корова для человѣка. Де-Жонгъ полагаетъ, поэтому, что гигіена должна требовать примѣненія еще болѣе радикальныхъ мѣръ, чѣмъ это дѣлается теперь по отношенію къ мясу и молоку животныхъ.

*) См. «Міръ Божій», октябрь 1901 г.

Кто правъ, Кохъ или многочисленные его противники, покажутъ будущія изслѣдованія, а пока что, отъ мѣръ предосторожности отказываться, конечно, нельзя.

Желтая лихорадка и комары. Желтая лихорадка распространена, главнымъ образомъ, на Антильскихъ островахъ и на южномъ берегу Сѣв.-Америк. Соед. Штатовъ. Симптомы ея: внезапное начало, ознобъ, сильная головная боль, боли въ суставахъ, тошнота, рвота, зловонный запахъ отъ кожныхъ испареній. Затѣмъ дня черезъ 2—4 наступаетъ желтуха, желудочныя и носовыя кровотеченія, полная апатія. Смертность отъ желтой лихорадки громадна. Особенно часто она заносится кораблями. Въ ноябрѣ 1900 г. нѣсколько американскихъ врачей устроили опытную станцію съ цѣлью выяснить причины зараженія и распространенія желтой лихорадки. Станція эта была устроена на островѣ Кубѣ, въ мѣстности вполнѣ здоровой и достаточно изолированной для того, чтобы зараза не могла туда проникнуть извнѣ. Опыты производились надъ испанскими эмигрантами, только что поселившимися на островѣ. Выводы, къ которымъ привели опыты, произведенные на этой станціи слѣдующіе: 1) бацилла Санарелли не есть специфическій микробъ желтой лихорадки, но появляется въ крови ужъ послѣ зараженія; 2) желтая лихорадка передается, благодаря укусамъ комаровъ особаго вида culex-fosciatus, напитавшихся кровью больныхъ желтой лихорадкой, и 3) укусъ комара становится заразительнымъ minimum черезъ 12 дней послѣ того, какъ комаръ напился крови больного; 4) вспрыскиваніе здоровому крови больного въ 1-ый и во 2-ой день болѣзни вызываетъ также заболѣваніе желтой лихорадкой; 5) періодъ инкубаціи продолжается отъ 41 часа до 5 дней 17 часовъ; 6) зараженіе желтой лихорадкой не происходитъ черезъ пыль, слѣдовательно, дезинфекція вещей больного, постели и пр. не необходима; 7) домъ можетъ считаться зараженнымъ желтой лихорадкой только въ томъ случаѣ, если въ немъ находятся зараженные комары; 8) распространеніе желтой лихорадки можетъ быть остановлено мѣрами, предохраняющими больныхъ отъ укусовъ комаровъ и уничтоженіемъ послѣднихъ; 9) такимъ образомъ, способъ распространенія желтой лихорадки вполнѣ опредѣленъ, но специфическій микробъ этой болѣзни до сихъ поръ еще не найденъ.

Сератерапія брюшного тифа. Брюшной тифъ распространяется почти повсюду и смертность отъ него до сихъ поръ все еще довольно велика. Въ 1892 г. Шантемессъ и Видаль приготовили противотифозную сыворотку изъ тифозныхъ бациллъ, но примѣненіе ея не дало никакихъ положительныхъ результатовъ. Недавно Шантемессу удалось приготовить сыворотку, но уже не изъ бациллъ, а изъ тифознаго токсина. Нужно замѣтить, что смертность отъ брюшного тифа различна въ различные періоды времени и въ различныхъ мѣстностяхъ, а поэтому, чтобы судить объ успѣхѣ сыворотки Шантемесса, необходимо сравнивать результаты, полученные при лѣченіи этой послѣдней съ результатами, полученными при лѣченіи обычными способами. Изъ 100 больныхъ брюшнымъ тифомъ, лежавшихъ въ различныхъ парижскихъ госпиталяхъ и пользовавшихся сывороткою Шантемесса, умерло всего 6; въ то же время смертность тифозныхъ больныхъ, не подвергавшихся этому лѣченію, равнялось 25%,

а въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ даже 31%. Изъ 100 больныхъ, которымъ была вспрыснута сыворотка до 8-го дня болѣзни, никто не умеръ; въ этихъ случаяхъ послѣ вспрыскиванія температура быстро падала, и затѣмъ слѣдовало выздоровленіе. Если же сыворотку вспрыскивали только послѣ 8-го дня болѣзни, то температура падала, но гораздо медленнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ случаяхъ и затѣмъ черезъ нѣсколько дней снова подымалась, такъ что необходимо было сдѣлать второе вспрыскиваніе.

Вообще же, тотъ или иной результатъ, какъ и слѣдовало ожидать, сильно зависитъ, какъ отъ степени ядовитости бациллъ, такъ и отъ большей или меньшей устойчивости организма больного.

Кромѣ паденія температуры, черезъ нѣсколько часовъ послѣ вспрыскиванія, замѣчается замедленіе пульса; поносъ прекращается черезъ 3 дня; количество мочи увеличивается и нерѣдко вскорѣ послѣ вспрыскиванія выдѣленіе бѣлка прекращается. Приблизительно черезъ 24 часа послѣ вспрыскиванія замѣчаются измѣненія въ крови, обычныя при всякомъ быстромъ выздоравливаніи; количество бѣлыхъ шариковъ сильно увеличивается. Нужно замѣтить, что при лѣченіи брюшного тифа Шантемессъ не пользовался исключительно одними только вспрыскиваніями противотифозной сыворотки, но примѣнялъ также холодныя ванны и давалъ больнымъ пить большое количество жидкостей; но ни хининъ, ни кофеинъ, ни подкожнаго вспрыскиванія соляного раствора, Шантемессъ не употреблялъ. Сыворотка вспрыскивалась подъ кожу руки въ количествѣ 15 куб. сантим. Чѣмъ раньше вспрыснута сыворотка, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ. Самое лучшее, при первомъ подозрѣніи, что у больного тифъ —сдѣлать вспрыскиваніе.

Если опыты Шантемесса оправдаются и другими изслѣдованіями, то можно будетъ поздравить медицину съ новой побѣдой: брюшной тифъ перестанетъ быть страшнымъ.

О посѣдѣніи волосъ. Досихъ поръ процессъ, благодаря которому происходитъ посѣдѣніе волосъ, былъ совершенно не изученъ.

Мечниковъ, изучая процессы старческой атрофіи, обратилъ вниманіе и на атрофію пигмента волосъ, столь обычную у пожилыхъ людей. По его мнѣнію, атрофія эта совершается благодаря дѣятельности фагоцитовъ (phagocytes des cheveux). У этихъ клѣточекъ всего одно ядро. Благодаря многочисленнымъ амебоиднымъ отросткамъ, не у всѣхъ одинаковымъ по количеству, видъ ихъ можетъ быть различенъ. Фагоциты эти происходятъ изъ сердцевиннаго слоя волоса, отуда проникаютъ въ корковый слой, гдѣ и поглощаютъ пигментныя зернышки. Если разсматривать волосы, часть которыхъ еще пигментирована, другая же уже посѣдѣла, то въ нихъ находятъ огромное количество фагоцитовъ. Въ волосахъ, совершенно посѣдѣвшихъ, фагоциты, содержащіе пигментъ, становятся все болѣе рѣдкими и, наконецъ, совершенно исчезаютъ. Такимъ образомъ неоспоримо, что фагоциты поглощаютъ пигментъ и уносятъ его въ другое мѣсто; результатомъ этого является посѣдѣніе волосъ. Если разсматривать корни сѣдыхъ волосъ, то въ нихъ часто можно наблюдать фагоцитовъ, наполненныхъ пигментомъ. По наблюденіямъ Мечникова посѣдѣніе шерсти у старыхъ собакъ, совершается, благодаря тому же процессу, что и у человѣка.

Роль, которую играютъ фагоциты въ посѣдѣніи волосъ, объясняетъ многое въ явленіяхъ, наблюдавшихся уже давно, но до сихъ поръ не объясненныхъ. Такъ извѣстно, что волосы могутъ посѣдѣть въ одну ночь или въ нѣсколько дней. Явленіе это можетъ быть теперь объяснено необыкновеннымъ усиленіемъ дѣятельности фагоцитовъ, которые дѣлаются способными поглотить въ короткое время весь пигментъ волосъ.

По Мечникову механизмъ посѣдѣнія волосъ относится къ общимъ явленіямъ атрофіи твердыхъ частей организма благодаря дѣятельности фагоцитовъ.

«О звучащей вольтовой дугѣ». При измѣненіи силы тока, проходящаго черезъ дугу, *проф. А. А. Эйхенвальдъ* нашелъ, что объемъ раскаленныхъ газовъ, образующихъ дугу, пульсируетъ въ тактъ съ измѣненіемъ тока. Если параллельно съ дугой поставить электрическій резонаторъ, онъ изъ всѣхъ случайныхъ колебаній тока усваиваетъ колебанія собственнаго періода, и дуга поетъ соотвѣтствующимъ тономъ. Если пустить черезъ дугу перемѣнный токъ отъ микрофона, возбуждаемаго какими-либо звуками, то дуга говоритъ, поетъ и т. п. Перемѣнный свѣтъ говорящей дуги, падая на селеновую пластинку, соотвѣтственно своей силѣ, мѣняетъ ея сопротивленіе: тогда токъ, въ которомъ включена пластинка, также соотвѣтственно мѣняется; введенный въ него телефонъ повторяетъ звуки, издаваемые дугой (безпроволочный телефонъ). Наконецъ, если сфотографировать перемѣнный свѣтъ говорящей дуги на кинематографической лентѣ и заставлять свѣтъ постояннаго источника падать на селеновую пластинку черезъ эту ленту, то связанный съ пластинкой телефонъ повторяетъ записанные на лентѣ звуки (фотофонографъ). Докладъ сопровождался цѣлымъ рядомъ опытовъ и демонстрацій.

«О рѣдкоземельныхъ элементахъ и отношеніи ихъ къ періодической системѣ Менделѣева» На основаніи своихъ работъ, проф. Браунеръ приходитъ къ заключенію, что группа рѣдкоземельныхъ элементовъ, какъ La, Ce, Pr, Nd и др., представляетъ въ періодической системѣ какъ бы сходство съ группой астероидовъ въ солнечной системѣ, и эта группа представляетъ какой-то узелъ въ періодической системѣ между церіемъ и неизвѣстнымъ элементомъ съ атомнымъ вѣсомъ въ 180. По поводу доклада (въ засѣданіи секціи химіи XI съѣзда естествоиспытателей) сдѣлали замѣчанія: академикъ Н. Н. Бекетовъ и творецъ періодической системы Д. И. Менделѣевъ. Н. Н. Бекетовъ находитъ, что плоскостное изображеніе системы элементовъ недостаточно для выраженій всѣхъ наблюдаемыхъ законностей между атомнымъ вѣсомъ и химическими свойствами; слѣдуетъ перейти къ тремъ измѣреніямъ въ изображеніи, главные элементы расположить въ плоскости, а рядъ элементовъ съ малымъ измѣненіемъ атомнаго вѣса (какъ рѣдкоземельные металлы) и близкіе по свойствамъ приходится расположить въ третьемъ измѣреніи.

Д. И. Менделѣевъ видитъ въ дополненіи и развитіи началъ періодическаго закона условіе успѣха нашихъ ученій объ элементахъ. Предложенное дополненіе заслуживаетъ большаго вниманія; по его мнѣнію, дѣло выиграетъ еще больше, если мы будемъ исходить не изъ гипотезы о происхожденіи элементовъ, а изъ принятія ихъ первичной индивидуальности. Индивидуальности, какъ и единство, должны составлять краеугольный камень естественной философіи, и индивидуальность въ первичной матеріи является прообразомъ индивидуальности въ мірѣ.

«Грунтовыя воды подъ лѣсами». *П. В. Отоцкій* въ различныхъ частяхъ Россіи,—въ Херсонской, Воронежской, Тульской, Новгородской, С.-Петербургской губерніяхъ закладывалъ скважины въ мѣстахъ, совершенно идентичныхъ въ геологическомъ отношеніи, но отстоящихъ на незначительномъ разстояніи одна отъ другой, отличающихся только растительнымъ покровомъ: однѣ скважины—въ лѣсу, другія—въ полѣ. Получился совершенно опредѣленный результатъ, справедливый для всѣхъ изслѣдованныхъ мѣстностей: грунтовыя воды подъ лѣсами залегаютъ глубже, чѣмъ подъ полями. Такимъ образомъ, вопреки общераспространенному мнѣнію, лѣса, по мнѣнію г. Отоцкаго, дѣйствуютъ на грунтъ изсушающимъ образомъ. Въ засѣданіи секцій геологіи XI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, въ которомъ г. Отоцкій докладывалъ о вышеизложенныхъ результатахъ своихъ десятилѣтнихъ изысканій, проф. А. П. Павловъ, возражая докладчику указалъ на то, что въ подобныхъ вопросахъ, имѣющихъ непосредственное практическое значеніе, слѣдуетъ быть осторожнымъ въ высказываніи опредѣленныхъ положеній. Чтобы признать изсушающее дѣйствіе лѣса въ общемъ водяномъ режимѣ, надо принимать во вниманіе весь сложный комплексъ явленій, вызываемыхъ существованіемъ лѣса, а не только уровень грунтовыхъ водъ.

«О гистологическихъ особенностяхъ развитія при искусственномъ партеногенезисѣ». Изучая явленіе такъ называемаго искусственнаго партеногенезиса, т.-е. развитія безъ оплодотворенія подъ вліяніемъ дѣйствія различныхъ раздражителей (погруженіе въ кислоты, треніе), у тутоваго шелкопряда, *проф. А. А. Тихомировъ* пришелъ къ выводу, что неоплодотворенное яйцо можетъ быть уподоблено любому спеціализированному элементу живого тѣла: какъ каждый такой элементъ отвѣчаетъ на раздраженія своимъ отправленіемъ (сокращеніемъ, выдѣленіемъ и т. п.), такъ и яйцо отвѣчаетъ на всякое раздраженіе своимъ развитіемъ. Проф. Тихомировымъ констатировано, что партеногенетическіе зародыши отличаются малой жизнеспособностью, слабостью тканей, запаздываніемъ дифференцировки клѣточныхъ элементовъ и т. п. Авторъ высказываетъ предположеніе, что то или другое раздраженіе мужскаго или женскаго половаго элемента до момента зачатія и во время самаго зачатія новой особи можетъ служить причиной измѣненія чертъ строенія потомства и въ этомъ быть можетъ, заключается важнѣйшее біологическое значеніе процесса оплодотворенія.

«Вліяніе искусственныхъ факторовъ на развитіе цыпленка». *Проф. В. М. Шимкевичъ* производилъ опыты путемъ вспрыскиванія въ яйцо различныхъ веществъ, какъ-то: воды, раствора сахара, раствора соли, никотина и т. п. Затѣмъ яйцо помѣщалось въ естественныя условія развитія. Опыты дали весьма интересные результаты; при разжиженіи бѣлка водою происходитъ скопленіе жидкости въ сосудахъ и другихъ полостяхъ, которыя пріобрѣтаютъ ненормально-большіе размѣры. При этомъ происходятъ различныя аномаліи въ положеніи самого зародыша. Вспрыскиваніе раствора сахара оказываетъ особенно сильное вліяніе на развитіе нервной системы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ проф. Шимкевичу удавалось получать совершенно ненормальное развитіе органовъ, въ томъ числѣ и нервной системы. *В. Аг.*

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Февраль 1902 г.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

В. Шенрокъ. «Письма Гоголя». — *Ж. Пелисье.* «Критическіе этюды современной литературы».

Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. (Годъ не выставленъ). Стр. XI+628+587+499+539. Ц. 6 р. Уже пять лѣтъ спустя послѣ смерти Гоголя Кулишъ выпустилъ изданіе сочиненій и писемъ знаменитаго писателя, причемъ письма заняли два большихъ тома. Но, къ сожалѣнію, Кулишъ могъ напечатать не всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи письма, а въ напечатанныхъ онъ сдѣлалъ много пропусковъ, частью по цензурнымъ, частью по чистоличнымъ соображеніямъ. По тѣмъ же самымъ соображеніямъ фамиліи многихъ лицъ, которымъ и о которыхъ писалъ Гоголь, были скрыты подъ произвольно выбранными литерами, такъ что впослѣдствіи понадобился составленный г. Шенрокомъ спеціальный указатель къ письмамъ. Послѣ 1857 года въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ было опубликовано много новыхъ писемъ Гоголя. Между прочимъ, значительное количество писемъ было разыскано въ архивахъ частныхъ лицъ г. Шенрокомъ, который давно уже занимается собираніемъ матеріаловъ для біографіи великаго юмориста.

Въ новое изданіе писемъ Гоголя вошли всѣ доселѣ извѣстныя, причемъ большая часть ихъ свѣрена съ подлинниками. Благодаря этому обстоятельству, письма, напечатанныя у Кулиша съ пропусками, являются въ новомъ изданіи въ полномъ видѣ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на пропуски, вызванные въ изданіи Кулиша цензурными соображеніями. Сорокъ пять лѣтъ тому назадъ нельзя было печатать, что почтмейстеръ распечаталъ письмо, нельзя было называть Москву «старой толстой бабой», а Петербургъ—«чухонскимъ городомъ», нельзя было называть старый стиль медвѣжьимъ и т. д.

Всѣ письма въ новомъ изданіи напечатаны почти безъ пропусковъ. Текстъ писемъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, сопровождается примѣчаніями, въ которыхъ сообщается, гдѣ впервые письмо напечатано и съ какими отступленіями отъ подлинника, кто были упоминаемыя въ письмахъ лица, какими обстоятельствами вызваны отдѣльныя письма, какое значеніе они имѣютъ для біографіи или для характеристики Гоголя и т. д. Кромѣ того въ примѣчаніяхъ указаны помарки и зачеркнутыя мѣста въ подлинныхъ письмахъ. Въ общемъ, примѣчанія г. Шенрока представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для пониманія писемъ Гоголя; но нельзя не указать, что въ этихъ примѣча-

ніяхъ много повтореній и черезчуръ мелочныхъ замѣтокъ, отсутствіе которыхъ нисколько не повредило бы изданію. Стоило ли, напримѣръ, указывать, что въ «Русскомъ Архивѣ» по ошибкѣ напечатано *туды* вмѣсто *туда*, что въ «Русской Старинѣ» вмѣсто *для ней* напечатано *для нея*, что у Кулиша напечатано *хоть* вмѣсто *хотя*, *внушеніе* вмѣсто *внушенье* и т. п.? А такихъ примѣчаній очень много.

Но самой слабой стороной новаго изданія является, безспорно, «алфавитный указатель». Въ указатель внесены фамиліи, имена географическія, названія литературныхъ произведеній и даже имена гоголевскихъ персонажей, но съ большими пропусками. Особенно много пропущено именъ географическихъ, пропущены, напримѣръ, Римъ, Петербургъ, Москва и цѣлый рядъ другихъ городовъ, о которыхъ въ письмахъ упоминается очень часто, и нерѣдко даются любопытные отзывы. Не мало также пропущено въ указателѣ страницъ съ характернѣйшими отзывами объ извѣстныхъ литературныхъ дѣятеляхъ. Наряду съ указанными пропусками въ указателѣ допущена излишняя роскошь. Многія лица помѣщены въ двухъ мѣстахъ, въ одномъ мѣстѣ по начальной буквѣ имени, въ другомъ по начальной буквѣ фамиліи, причемъ указанія страницъ въ обоихъ случаяхъ не всегда сходятся. Кромѣ того, многія фамиліи снабжены въ указателѣ совершенно излишними поясненіями, какъ напримѣръ, «Байронъ, знаменитый писатель», «Бѣлинскій, знаменитый критикъ», «Жуковскій, великій поэтъ», «Пушкинъ, великій поэтъ» и т. д. Другія же гораздо менѣе извѣстныя или даже и мало кому извѣстныя имена не снабжены подобными объясненіями. Къ недостаткамъ изданія надо отнести также и отсутствіе спеціальнаго указателя писемъ, который въ то же время могъ бы служить и оглавленіемъ. Отсутствіе такого указателя и пропуски въ приложенномъ указателѣ, безъ сомнѣнія, будутъ затруднять пользованіе письмами Гоголя.

Что касается самыхъ писемъ, то едва ли нужно указывать, какое первостепенное значеніе имѣютъ они и для внѣшней біографіи Гоголя, и для объясненія исторіи его духовнаго развитія. Напомню только, что въ концѣ сороковыхъ годовъ послѣ выхода въ свѣтъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» лучшіе друзья и восторженные поклонники Гоголя не остановились передъ обвиненіемъ его въ лицемѣріи, въ корыстныхъ разсчетахъ и даже въ подлости. Но черезъ десять лѣтъ появленіе писемъ Гоголя въ изданіи Кулиша дало Чернышевскому возможность заявить на страницахъ «Современника», что «Гоголь, если и заблуждался, то не измѣнялъ себѣ, и если мы можемъ жалѣть о его судьбѣ, то не имѣемъ права не уважать его». Какъ въ своей жизни, такъ и въ своей перепискѣ Гоголь не является передъ нами въ такомъ блескѣ нравственной чистоты, какъ Жуковскій. Творецъ Хлестакова, Чичикова и Манилова и самъ нерѣдко является въ своихъ письмахъ съ тѣми недостатками, которые онъ такъ геніально осмѣялъ въ своихъ произведеніяхъ. Но изъ тѣхъ же писемъ видно, что, при всѣхъ недостаткахъ своего характера, Гоголь всю жизнь мечталъ о томъ, чтобы принести людямъ пользу, и о томъ, чтобы самому сдѣлаться лучше. Эти стремленія и тѣ страданія, которыя выпали на долю великаго писателя, съ лихвой искупаютъ его заблужденія и заставляютъ забывать о несимпатичныхъ чертахъ его характера.

С. Ашевскій.

Жоржъ Пелисье. Критическіе этюды современной литературы. (Etudes de littèrature contemporaine). Вторая серія. Перев. съ франц. А. А. Заблоцкой. Москва. 1901 г. Среди современныхъ французскихъ критиковъ Пелисье принадлежитъ, несомнѣнно, къ наиболѣе симпатичнымъ. Большинство его коллегъ не имѣютъ никакой общей точки зрѣнія на литературныя явленія и ограничиваются сообщеніемъ читателю въ возможно граціозной и непринужденной формѣ нѣсколькихъ мыслей, пришедшихъ имъ въ голову при чтеніи по-

слѣдней появившейся книжки. Просматривая ихъ статейки (читать ихъ обыкновенно не трудятся) въ концѣ журнальной книжки, вы чувствуете себя въ атмосферѣ гостиной; за неимѣніемъ болѣе пріятной темы, разговоръ переходитъ на литературу; вашъ благовоспитанный собесѣдникъ, конечно, уже читалъ или видѣлъ на сценѣ послѣднюю новинку, она ему очень нравится или не нравится, но свое впечатлѣніе онъ выражаетъ въ такой забавной формѣ, такъ избѣгаетъ затрогивать какіе нибудь острые вопросы, такъ ловко цитируетъ общеизвѣстныхъ писателей и ограничивается афоризмами вмѣсто доказательствъ (желать что-нибудь серьезно доказать—педантизмъ дурного тона), что вы чувствуете себя очень пріятно, хотя бы имѣли совершенно противоположный взглядъ на данный предметъ. Распрощавшись со своимъ собесѣдникомъ, вы не можете припомнить, что, собственно, онъ говорилъ, но на лицѣ вашемъ еще сохраняется улыбка удовольствія отъ пріятно проведеннаго получаса. Исключеніе изъ этого благовоспитаннаго общества составляютъ скучные клерикалы, вродѣ Брюнетьера или виконта де-Вогюе, которые всюду готовы подсунуть свою постную мораль и по каждому поводу, воздѣвая очи горѣ, громятъ невѣріе и матеріализмъ; но зато они навѣваютъ скуку, и съ ними мало кто считается.

Жоржъ Пелисье не принадлежитъ ни къ празднымъ болтунамъ, ни къ тонзурованнымъ проповѣдникамъ. Не обнаруживая какого-нибудь яснаго міровоззрѣнія или особенно глубокаго критическаго анализа, онъ все таки разсматриваетъ литературу съ точки зрѣнія общественной жизни. «Жизнь идетъ впереди искусства», говоритъ онъ, въ одномъ мѣстѣ; поэтому его занимаетъ нестолько эстетическая оцѣнка даннаго произведенія, какъ отраженіе въ немъ извѣстныхъ общественныхъ явленій. Какъ рисуетъ современная беллетристика политическаго дѣятеля, писателя, священника, молодую дѣвушку, замужнюю женщину?—вотъ вопросы, которые болѣе всего останавливаютъ его вниманіе, причемъ онъ старается уяснить себѣ причины отрицательныхъ чертъ дѣйствительности, если она кажется ему правильно воспроизведенной въ литературѣ, а съ другой стороны причины предвзятаго отношенія литературы къ нѣкоторымъ элементамъ общественной жизни. Въ противоположность обычной манерѣ французскихъ критиковъ по возможности сузить свое поле зрѣнія до размѣровъ одного желтаго томика, Пелисье нерѣдко сопоставляетъ десять —пятнадцать произведеній, въ которыхъ затронуты интересующіе его вопросы, и вслѣдствіе этого ему удается нарисовать иногда довольно внушительную картину, напр., состоянія современнаго французскаго духовенства.

Нельзя, однако, сказать, что нашъ авторъ совсѣмъ свободенъ отъ обычныхъ недостатковъ французскихъ журналистовъ. Онъ самъ неоднократно указываетъ, что односторонность современной французской литературы зависитъ, главнымъ образомъ, оттого, что она воспроизводитъ жизнь лишь весьма тѣснаго круга парижскаго общества, роль котораго по отношенію къ жизни всего французскаго народа почти сводится къ роли паразита. Писатели, сами принадлежа къ этой средѣ, понимаютъ только ея психологію, живутъ только ея интересами и только къ ней обращаются со своими произведеніями, несмотря на традиціонную фикцію, будто французская литература всемірна. Къ такимъ авторамъ, какъ Пелисье, было бы несовсѣмъ справедливо отнести этотъ упрекъ въ полномъ объемѣ, но очень часто чувствуется, что и онъ предполагаетъ своихъ читателей исключительно въ парижскихъ литературныхъ сферахъ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга, гдѣ взаимное пониманіе дѣлаетъ излишними ясныя и опредѣленныя утвержденія: намекъ, гримаса, междометіе вполнѣ достаточны для сообщенія другъ другу своихъ мнѣній. Возьмемъ примѣръ изъ статьи объ одномъ изъ романовъ Бурже. «Сдѣлавъ Жака снобомъ,—пишетъ авторъ,—Бурже забылъ, что его самого упрекали въ снобизмѣ и что снобизмъ Жака снова возбудитъ замолкшія было на-

смѣшки по этому поводу». О своемъ хорошемъ знакомомъ, которому приходится постоянно съ привѣтливой улыбкой пожимать руку, неудобно сказать, что дѣйствующее лицо его романа вышло снобомъ потому, что онъ самъ породистый снобъ, и вотъ критикъ какъ бы вооружается за репутацію своего знакомаго, находя, что его неосторожный литературный пріемъ можетъ ей повредить. Когда нѣсколькими строками далѣе Пелисье говоритъ: «мелочи свѣтской жизни всегда интересовали этого проницательнаго психолога, этого серьезнаго патетическаго моралиста», то въ парижскомъ журнальномъ мірѣ всѣмъ ясно, что вмѣсто словъ «проницательный психологъ» слѣдуетъ читать «портретистъ великосвѣтскихъ кокотокъ», а вмѣсто «серьезный патетическій моралистъ»—«лицемѣрный ханжа». Въ другой статьѣ о романѣ Вогюе, указавъ цѣлый рядъ банальностей въ фабулѣ, въ характерахъ, даже въ языкѣ, критикъ прибѣгаетъ опять къ фигурѣ ироніи: «но какъ бы то ни было, у него неоспоримый талантъ, и стиль его мѣстами необыкновенно изященъ и граціозенъ. Какъ писателя, я нахожу его несравненно выше автора «На днѣ пропасти». Мы не говоримъ объ иностранныхъ читателяхъ, которые вовсе не должны помнить, что «На днѣ пропасти» это бездарнѣйшій романъ бульварнаго любимца Жоржа Онэ, но даже среди десятковъ или сотенъ тысячъ французскихъ читателей этого автора сравненіе съ нимъ Вогюе будетъ несомнѣнно понято, какъ комплиментъ, тогда какъ Пелисье хочетъ въ свѣтской формѣ нанести оскорбленіе, подобно тому, какъ кто-то въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» говоритъ: «Можно сказать и дуракъ, и свинья, но на все манера есть».

Къ сожалѣнію, нашему критику не чуждъ другой болѣе крупный недостатокъ, нерѣдкій у французскихъ журналистовъ: наивное—скажемъ для вѣжливости—невѣдѣніе. Жоржу Пелисье, какъ извѣстно, принадлежитъ сочиненіе «Литературное движеніе XIX вѣка», считающееся въ Франціи солиднымъ историко-литературнымъ трудомъ. Но вотъ оказывается, что этотъ историкъ французской литературы только вчера открылъ замѣчательное произведеніе: «Адольфъ» Бенж. Констана. «Я сталъ спрашивать о немъ у моихъ знакомыхъ,—разсказываетъ авторъ,—и убѣдился, что большинство моихъ соотечественниковъ его не читали». Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе, какъ легко французскій писатель отожествляетъ кругъ своихъ знакомыхъ съ «большинствомъ соотечественниковъ». Сдѣлавъ столь крупное открытіе, Пелисье преспокойно излагаетъ содержаніе «Адольфа», въ надеждѣ, что это «внушитъ, быть можетъ, нѣкоторымъ желаніе съ нимъ познакомиться». Такимъ образомъ, французская литература можетъ дѣйствительно доставить неисчерпаемый источникъ для критическихъ изысканій: сегодня Пелисье открылъ «Адольфа», завтра кто нибудь откроетъ «Мизантропа» или «Федру». У насъ едва ли кто-нибудь изъ солидныхъ историковъ литературы рѣшился бы признаться, что онъ «только вчера» прочелъ «Кто виноватъ?» Если французскіе писатели такъ забывчивы относительно своей родной литературы, то что же съ нихъ требовать знанія иностранныхъ литературъ! Въ этой области они никогда не обладали глубокою начитанностью, и В. Гюго, не стыдясь, могъ восклицать: «Шиллеръ или Гете—не все ли равно!» Такъ и Пелисье начинаетъ свою статью о «Воскресеніи» слѣдующимъ замѣчательнымъ изреченіемъ: «Лѣтъ двадцать Толстой не писалъ ничего литературнаго.» «Декабристы» остановились на третьей главѣ, въ «Хозяинѣ и работникѣ» «вымыселъ—только предлогъ». Если допустить даже это, то все таки еще остается «Власть тьмы», «Смерть Ивана Ильича», «Плоды просвѣщенія», «Крейцерова соната». Или и здѣсь нѣтъ ничего литературнаго? Но, быть можетъ, это только lapsus calami, необдуманный зигзагъ пера; далѣе мы встрѣчаемся съ простымъ непониманіемъ произведенія Л. Н. Толстого. Это обнаруживается хотя бы въ такихъ частностяхъ, какъ мнѣніе объ отдѣльныхъ персонажахъ. Такъ, напр., вице-губернаторъ Масленниковъ представляется французскому критику «чест-

нымъ и ограниченнымъ чиновникомъ, корректнымъ, ретивымъ къ службѣ». Но и въ общемъ, стремясь противопоставить романъ Толстого «классическій методѣ» французскихъ реалистовъ въ пику послѣднимъ, Пелисье никакъ не можетъ самъ отрѣшиться отъ своихъ «латинскихъ привычекъ». Онъ находитъ, что романъ, какъ художественное произведеніе, вышелъ бы сильнѣе, если бы выкинуть все, что не касается психологіи двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Его смущаетъ обиліе эпизодическихъ лицъ и сценъ. «Напримѣръ,—по его мнѣнію,—многочисленныя страницы, разсказывающія о мѣрахъ, какія принималъ Нехлюдовъ, чтобы добиться разрѣшенія проникнуть въ извѣстное отдѣленіе тюрьмы, не могутъ не быть нѣсколько утомительными». Словомъ, если бы Пелисье пришлось редактировать «Воскресеніе», то «изъ чисто эстетическихъ соображеній», какъ говоритъ г. Сементковскій, онъ бы отдѣлалъ его еще почище, чѣмъ оно почищено теперь.

Но останемся справедливы къ Пелисье: отмѣченныя нами отрицательныя черты, субтильность стиля, слабая начитанность, небрежность утвержденій и отсутствіе проникновенія въ чуждое искусство, свойственны не лично ему, а цѣлой литературной средѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Во многихъ другихъ отношеніяхъ онъ стремится—и не безуспѣшно—стать выше ея, и ее самое онъ оцѣниваетъ правильно, безъ кружкового самодовольства и предвзятости.

Е. Дегенъ.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

П. Пирлингъ. «Изъ смутнаго времени».—*В. Бильбасовъ* «Историческія монографіи». *Э. д'Эйхталь.* «Алексисъ Токвиль и либеральная демократія».

П. Пирлингъ. Изъ смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1902. in 8-vo. Стр. 8+270+8. Ц. 1 руб. 25 коп. Десять лѣтъ тому назадъ пишущій настоящія строки имѣлъ случай говорить въ библіографіи «Міра Божьяго» (1892 г., № 11, стр. 21—26) о превосходной книгѣ П. Пирлинга «Россія и Востокъ», единственной въ своемъ родѣ въ нашей исторической литературѣ. Научно-литературная дѣятельность автора, къ сожалѣнію, мало знакома нашей читающей публикѣ, такъ какъ по-русски печатается имъ очень мало, и если не ошибаюсь, книга «Изъ смутнаго времени», какъ отдѣльное изданіе, слѣдуетъ непосредственно за упомянутою выше книгой... Перлингъ—писатель серьезный, умный, чрезвычайно начитанный; для русскаго историка начитанность его особенно драгоцѣнна тѣмъ, что она опирается на матеріалъ, частью совершенно неизвѣстный, частью совершенно для него недоступный; для публики онъ привлекателенъ умѣньемъ живо, выпукло, интересно изложить ту или другую контроверзу; его критика деликатна, основательна и отличается всѣми свойствами краткаго изложенія безъ всякаго ущерба для существа дѣла. Читая Пирлинга, часто чувствуешь, сколько кропотливой черновой работы имъ продѣлано для какой-нибудь одной рѣшительной страницы его сочиненія. Большую роль въ трудахъ Пирлинга играетъ папскій престолъ. Кто знаетъ его книгу «La Russie et le Saint-Siège», которая не разъ цитуется въ разбираемомъ русскомъ изданіи, тотъ хорошо понимаетъ значеніе Пирлинга въ европейской исторической литературѣ. Авторъ много, съ большою любовью и недюжиннымъ литературнымъ дарованіемъ потрудился надъ темой, отлившейся въ приведенный выше французскій заголовокъ. «Тщетна надежда,—говоритъ онъ, узнать современную Россію, не восходя глубже въ ея исторію». Авторъ и пытается заглянуть въ глубину этой исторіи путемъ разработки матеріала

архивовъ Венеціи, Рима, Парижа, Вѣны и др. Работа въ высшей степени цѣнная, только мы должны оговорить, что кругъ вопросовъ, подлежащихъ его изученію, не широкъ: онъ ограничивается фактами и настроеніями политическихъ, дипломатическихъ и духовныхъ сферъ. И только что вышедшее въ свѣтъ изданіе книги «Изъ смутнаго времени» (часть ея статей печаталась ранѣе въ русскихъ журналахъ) отличается тѣми же особенностями, но и чрезвычайнымъ интересомъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, не интересовался, быть можетъ, празднымъ, но все же чрезвычайно жгучимъ вопросомъ о томъ, кто былъ первый Лжедимитрій? Какъ выражается самъ авторъ, онъ собралъ въ своей книгѣ отдѣльныя розысканія, которыя «преимущественно освѣщаютъ отношенія Димитрія къ папскому престолу». Если эти и подобныя имъ розысканія, среди которыхъ крупное мѣсто принадлежитъ работѣ С. Ѳ. Платонова, пойдутъ столь же энергично, какъ то замѣчалось за послѣднее десятилѣтіе, то фраза Пирлинга о томъ, что «сперва вышла въ свѣтъ исторія Смуты, а потомъ принялись за изученіе источниковъ», въ недалекомъ будущемъ отойдетъ въ область преданій. С. Ѳ. Платоновъ въ своей докторской диссертаціи, очень скоро вышедшей въ свѣтъ *вторымъ* изданіемъ (рѣдкій случай съ толстою и ученою книгой!) «Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ» (стр. 251, 598), выставилъ положеніе, что Димитрій былъ дѣйствительно самозванецъ и притомъ Московскаго происхожденія. П. Пирлингъ—одно изъ самыхъ надежныхъ основаній, на которыхъ построенъ этотъ выводъ; онъ опубликовалъ собственноручное письмо Димитрія къ папѣ Клименту VIII-му отъ 24-го апрѣля 1604 года, сохранившееся въ римскомъ архивѣ инквизиціи. На основаніи изученія этого письма, можно было доказывать (С. Л. Пташицкій), что Димитрій былъ лицомъ великорусскаго происхожденія, опытнымъ въ письмѣ московскаго характера и при томъ типа письма канцеляріи Сутупова, вмѣстѣ съ тѣмъ не чуждъ былъ греческой грамотѣ, но не имѣлъ навыка въ польской рѣчи и съ трудомъ овладѣвалъ польскою графикой (стр. 16 и 96). Депеша папскаго нунція Рангони отъ 2-го іюля 1605 года, записка Льва Сапѣги, докладъ князя Адама Вишневецкаго польскому королю Сигизмунду III, относящійся къ октябрю 1603 года—вотъ источники, которые отвергаютъ мысль о Димитріи, какъ сынѣ царя Ивана Грознаго, и подтверждаютъ его тожество съ Григоріемъ Богдановымъ Отрепьевымъ. Этотъ Отрепьевъ долго скитался по монастырямъ: монашескій бытъ ему знакомъ вдоль и поперекъ, и объ этомъ предметѣ онъ охотно толковалъ; къ чернецамъ онъ относился отрицательно, отзываясь о нихъ съ видимою горечью и даже негодованіемъ (стр. 137, 19). Вѣское свидѣтельство Льва Сапѣги вполнѣ согласуется съ московскими преданіями; въ этихъ преданіяхъ нѣтъ доводовъ противъ тожества Отрепьева съ Димитріемъ; московскія партіи, хотя и враждебныя между собою, единогласно выдаютъ Димитрія за Отрепьева.

Вслѣдъ за основною статьей «Новая постановка вопроса о Дмитріи» въ книгѣ П. Пирлинга идетъ рядъ другихъ, которыя имѣютъ цѣлью дать критически разработанный матеріалъ для исторіи царствованія ложнаго Димитрія Ивановича. Для большой публики послѣ вопроса о томъ, кто такой по своему происхожденію ложный царь Димитрій,. наибольшій интересъ представляютъ его отношенія къ Польшѣ, іезуитамъ и римскому престолу. Большая публика хорошо знаетъ, какъ скверно и тенденціозно стоитъ этотъ послѣдній вопросъ въ нашей литературѣ: его обыкновенно трактовали ученики академій и обыкновенно «безъ руля и безъ вѣтрилъ». П. Пирлингъ впервые вводитъ насъ въ него со стороны самой интимной, строго научной и на основаніи драгоцѣннаго архивнаго матеріала; онъ подвергаетъ превосходной критической оцѣнкѣ источники, которыми раньше пользовались у насъ безъ разбора. «Мнишки и бернардины», «Димитрій и кармелиты», «Нунцій Клавдій Рангони»,

«Андрей Лавицкій» и «Николай Чижовскій»—вотъ рядъ статей, которыя читатель одолѣваетъ съ большимъ удовольствіемъ: такъ хорошо умѣетъ Пирлингъ изложить иногда очень спеціальный вопросъ. «Исторію Государства Россійскаго» Н. М. Карамзина теперъ никто не читаетъ и, конечно, не станетъ читать, а потому мы не оговариваемъ особо интересныхъ замѣчаній П. Пирлинга объ исторіографическихъ пріемахъ этого стараго историка-беллетриста (стр. 175, 179, 180 и слѣд.); тѣмъ любопытнѣе и для историка, и для большой публики цѣлая статья П. Пирлинга «Н. И. Костомаровъ о Димитріи». Авторъ снабжаетъ Костомарова такими свойствами, какъ историческое чутье, историческій тактъ, выдающійся литературный талантъ; Костомаровъ, по его мнѣнію, чуждъ увлеченія «суетнымъ мудрованіемъ». Признаніе этихъ особенностей за Костомаровымъ не мѣшаетъ Пирлингу высказать сильныя замѣчанія по поводу извѣстной его статьи «Кто былъ первый Лжедимитрій?» Кто изъ пристрастныхъ къ отечественному прошлому не читалъ этой статьи? Кому не интересно сужденіе о ней спустя почти сорокъ лѣтъ по ея написаніи, сужденіе такого знатока исторіи смутнаго времени въ московскомъ государствѣ, какъ Пирлингъ? Послѣдній говоритъ, что нельзя не удивляться скудости костомаровыхъ доказательствъ: «опроверженіе лѣтописныхъ сказаній отчасти недостаточно, отчасти даже ошибочно, а главныя прямыя доказательства иностранцевъ-современниковъ сводятся на голословное утвержденіе ссыльнаго пьяницы, переданное Маржерету неизвѣстнымъ англичаниномъ; выводы, истекающіе изъ такихъ посылокъ, не могутъ имѣть окончательнаго и рѣшающаго значенія» (стр. 235).

Привѣтствуя появленіе книги П. Пирлинга, мы съ большимъ удовольствіемъ рекомендуемъ ее, какъ матеріалъ, для серьезнаго и интереснаго чтенія большой публикѣ: не менѣе высоко ея значеніе и для русскаго историка.

В. Сторожевъ.

В. А. Бильбасовъ. Историческія монографіи. Спб. 1901. Въ пяти томахъ. Ц. 10 руб. В. А. Бильбасовъ, какъ историческій писатель, прежде всего имѣетъ ту цѣну, что онъ вполнѣ доступенъ для чтенія большой публикѣ. Кто не зачитывался въ послѣднее время двумя превосходными томами его «Исторіи Екатерины Второй?» А кто ими зачитывался, тотъ, внѣ всякаго сомнѣнія, ждетъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ продолженія этого капитальнаго труда. В. А. Бильбасовъ, какъ русскій историкъ, тѣмъ интереснѣе, что онъ перешелъ къ русской исторіи, завоевавъ предварительно славу спеціалиста во всеобщей исторіи магистерскою диссертаціей о крестовомъ походѣ императора Фридриха Второго (Спб. 1863) и докторскою о поповскомъ королѣ Генрихѣ IV (Спб. 1867). В. А. Бильбасовъ *силенъ* тамъ, гдѣ требуется начитанность въ литературѣ и источникахъ на западно-европейскихъ языкахъ; по направленію своего историческаго міровоззрѣнія онъ нѣсколько *старъ*; его больше привлекаетъ описаніе и критически провѣренное изложеніе, нежели изслѣдованіе; ему, согласно избитому уже въ нашей литературѣ выраженію, гораздо болѣе понятна пѣна всякаго историческаго процесса, чѣмъ историческая эволюція. Энергіи и мощи современной научной исторической мысли въ его трудахъ, поэтому, искать *не* приходится; эту оговорку надо имѣть въ виду при чтеніи его историческихъ работъ.

Пять томовъ недавно изданныхъ г. Бильбасовымъ историческихъ монографій представляютъ, по собственнымъ словамъ автора, «изслѣдованія въ области исторіи, искусствъ, литературы и критики, помѣщавшіяся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ за послѣднія сорокъ лѣтъ»; перепечатывая, авторъ «для удешевленія изданія» опустилъ всѣ цитаты изъ книгъ. Эту особенность изданія должны имѣть въ виду всѣ тѣ лица, которыя пожелали бы воспользоваться историческими монографіями г. Бильбасова для какой-либо спеціальной цѣли. Въ небольшой библіографической замѣткѣ нѣтъ возможности сколько-нибудь по-

дробно говорить о содержаніи пяти томовъ монографій (въ каждомъ томѣ чуть не по 600 страницъ), а потому позволимъ себѣ остановиться лишь на томъ, что пишущему настоящія строки представляется особенно характернымъ для писателя или наиболѣе любопытнымъ для нынѣшняго читателя.

Пятый томъ монографій г. Бильбасова заключаетъ въ себѣ рядъ живыхъ и интересныхъ критическихъ статей, изъ которыхъ особенно драгоцѣнными для современнаго читателя являются двѣ: разборъ докторской диссертаціи В. С. Иконникова «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи» (Кіевъ. 1869) и докторской же Н. Д. Чечулина «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774 годы» (Спб. 1896). Послѣдній разборъ—крупная общественная заслуга г. Бильбасова: имъ онъ доказалъ глубокое паденіе науки въ русскомъ университетѣ, изъ котораго были изгнаны лучшія ученыя силы, и привлечены взамѣнъ лица, сегодня дебютирующія византинистами, завтра выступающія въ какой угодно другой, потребной для казеннаго университета спеціальности.

Третій и *четвертый* томы посвящены статьямъ и матеріаламъ о Екатеринѣ Второй: работы этого рода, написанныя г. Бильбасовымъ, имѣютъ большое значеніе, но не всѣ одинаково интересны для обычнаго читателя.

Статьи *перваго* тома касаются исключительно вопросовъ всеобщей исторіи. Западно-европейской литературѣ 60-хъ годовъ авторъ дѣлаетъ упрекъ, что она мало интересуется славянскимъ міромъ, русской исторической литературѣ того же времени достается за то, что она игнорируетъ изученіе Византіи, которая будто бы имѣла громадное значеніе для русской культуры. Стоитъ заглянуть въ «Очерки по исторіи русской культуры» П. Н. Милюковъ, чтобы понять, на какой ложной дорогѣ въ этомъ послѣднемъ отношеніи стоялъ авторъ. Интересомъ автора къ славянскому міру объясняется помѣщенная въ первомъ томѣ монографій статья «Легендарный образъ Кирилла и Меѳодія». Статья эта—живо написанный разсказъ, вполнѣ доступный для любого читателя. Тѣми же достоинствами живого разсказа отличаются статьи «Написса Іоанна», «Чехъ Янъ Гусъ» и др.

Обращаемся ко *второму* тому: въ немъ прежде всего читаемъ двѣ по своему капитальныхъ статьи г. Бильбасова: «Появленіе русскихъ на исторической сценѣ» (стр. 3 — 58) и «Памяти Екатерины Второй» (стр. 309 — 370). Обѣ любопытны для читателя изъ большой публики, обѣ необычайно характерны для самого автора: авторъ—чрезвычайный знатокъ екатерининскаго царствованія; онъ—чрезвычайный смѣльчакъ въ сужденіяхъ о началѣ Руси, и сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы не смущалъ простого читателя своею смѣлостью. Въ концѣ XIX вѣка (статья «Появленіе русскихъ на исторической сценѣ» написана въ 1892 году) авторъ задумалъ вести борьбу съ «норманистами»: теорію норманистовъ г. Бильбасовъ понимаетъ такъ, какъ ее давно въ наукѣ уже *не* понимаютъ; начальнаго лѣтописнаго свода онъ *не* знаетъ; совершенно справедливо выдвигаетъ роль археологическихъ раскопокъ, но не знаетъ, какъ ихъ можно и должно пріурочивать къ русской исторіи. На какую же точку зрѣнія онъ становится? Но мы умолчимъ объ этой точкѣ зрѣнія. Традиціонный вопросъ о происхожденіи русскаго государства былъ когда-то и очень моднымъ, и очень жгучимъ въ нашей исторіографіи; для его разрѣшенія было потрачено много труда, силъ, дарованій; на немъ упражняли свое ученое остроуміе многіе знатоки средневѣковыхъ историческихъ источниковъ. Трактовать теперь этотъ вопросъ путемъ однихъ лирическихъ словоизліяній нельзя! Намъ было чрезвычайно тяжело видѣть эту статью въ собраніи историческихъ монографій г. Бильбасова; статья эта—какой-то удивительный lapsus, присущій русскимъ ученымъ, которые порою любятъ браться за разрѣшеніе вопросовъ, имъ чуждыхъ и не знакомыхъ. Если бы читателямъ показался настоящій отзывъ рѣзкимъ,

то мы рекомендуемъ его сравнить съ тѣмъ, что пишущимъ настоящія строки уже однажды было высказано въ журналѣ «Русская Мысль» 1893 года (библіографическій отдѣлъ, январь, стр. 42—44) по поводу «Появленія русскихъ на исторической сценѣ». Такіе промахи въ исторіографіи никогда нельзя замалчивать, ибо они вводятъ читающую публику въ заблужденіе. Что касается статьи «Памяти Екатерины Второй», то это—блестящій апоѳеозъ Екатерины, выражающій общій взглядъ автора на значеніе этого царствованія. Второй томъ заканчивается статьями публицистическаго характера.

Рекомендуя читающей публикѣ знакомство съ историческими монографіями г. Бильбасова, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можемъ не подчеркнуть извѣстнаго своеобразія этого историко-литературнаго багажа. Г. Бильбасовъ, какъ историческій писатель, далеко не лишенный общественныхъ интересовъ и вкусовъ, заслуживалъ бы обстоятельной критической оцѣнки и опредѣленной характеристики.

В. Николаевъ.

Е. д'Эйхталь. Алексисъ Токвиль и либеральная демократія. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. И. Карѣева. Съ портретомъ Токвиля. Изданіе товарищества «XX вѣкъ». Ц. 1 руб. Имя Токвиля хорошо знакомо русскимъ читателямъ. Если не всякій образованный человѣкъ знаетъ его «Демократію въ Америкѣ», навѣрное немного найдется людей, не читавшихъ «Стараго порядка и революціи». Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ достаточно матеріала для характеристики Токвиля, какъ политическаго философа и какъ историка. Трудно было съ большей проницательностью, чѣмъ это сдѣлалъ онъ, раскрыть основы демократическаго строя Соединенныхъ Штатовъ, трудно было схватить духъ учрежденій союза съ такой необыкновенной вѣрностью, такъ безошибочно опредѣлить ихъ руководящіе принципы. Въ настоящее время никто не обратится къ его книгѣ, чтобы по ней познакомиться съ политическимъ устройствомъ Соединенныхъ Штатовъ, но всякій, кто хочетъ подняться выше фактовъ положительнаго порядка и освѣтить идеи и принципы,—тому Токвиля не миновать. Въ «Старомъ порядкѣ» поражаетъ другая черта—черта, обличающая геніальнаго историка. Изучая страницу за страницей этотъ замѣчательный трудъ, гдѣ каждое слово на вѣсъ золота, гдѣ одно широкое обобщеніе, глубоко продуманное, смѣняется другимъ, гдѣ, какъ картонные домики, валятся конструкціи прежней исторической школы и создаются новыя, поражающія своей убѣдительностью, читатель не можетъ отдѣлаться отъ почти благоговѣйнаго чувства. Токвиль не облекаетъ своихъ положеній въ броню документальныхъ ссылокъ, онъ даетъ почти афоризмы, но подъ этими афоризмами чувствуется увѣренный анализъ, тщательнѣйшее изученіе; тутъ нѣтъ ни одной сколько-нибудь ненадежной гипотезы; фактовъ — изобиліе. Но историкъ бережно оберегаетъ своего читателя отъ этой подавляющей массы фактовъ и даетъ ему одни лишь результаты, только синтезъ. Въ этомъ необыкновенно счастливомъ сочетаніи анализа съ синтезомъ и лежитъ причина того, что книга Токвиля сдѣлалась, подобно ѳукидидовой исторіи κτῆμα εἰς ἀεί, вѣковѣчнымъ плодомъ геніальной мысли.

Такая оцѣнка Токвиля доступна каждому, кто читалъ его два главныхъ произведенія. Быть можетъ, нѣсколько болѣе внимательный читатель сдѣлаетъ еще одно наблюденіе. Въ «Демократіи въ Америкѣ» историкъ какъ будто бы сознательно отступаетъ на задній планъ, уступая мѣсто политическому философу. Институты берутся тамъ, какъ таковые, и очень часто анализируются такъ, какъ будто готовыми появились на свѣтъ подобно Минервѣ изъ головы Юпитера. Авторъ какъ будто спѣшитъ окончить ихъ изученіе, чтобы примѣрить ихъ къ Европѣ, къ своей родинѣ,—годятся ли демократическія установленія заантлантической республики къ старымъ государствамъ европейскаго материка?

Такое наблюденіе должно быть продолжено. Источникъ такого отношенія Токвиля къ описываемымъ учрежденіямъ шире, чѣмъ можно подумать съ перваго взгляда. Токвиль—прежде всего практикъ. Это — глубокій философъ-политикъ, это — геніальный историкъ-практикъ до мозга костей. И въ историческую философію, и въ исторію онъ забирается потому, что его волнуютъ практическіе вопросы. Но онъ практикъ нѣсколько иного закала, чѣмъ большинство современныхъ политическихъ дѣятелей. Какъ разъ, какъ политическій дѣятель, Токвиль не стоялъ въ первыхъ рядахъ. Въ этомъ ему препятствовало многое и прежде всего нѣсколько внѣшнихъ условій, онъ не былъ хорошимъ ораторомъ, у него часто не хватало голосу. Но онъ, вопреки довольно распространенному мнѣнію, былъ практикомъ въ другомъ значеніи этого слова. Настоящее его интересовало непосредственно и прежде всего, и для того, чтобы выяснить это настоящее и его дальнѣйшую судьбу, онъ сдѣлался и философомъ-историкомъ, и историкомъ. Токвиль былъ либералъ. Культъ свободы былъ его основнымъ политическимъ принципомъ. Но онъ чувствовалъ, что принципу свободы угрожаетъ ростъ демократической идеи. И для того, чтобы измѣрить опасность, грозящую либеральному принципу, онъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы уѣхать въ Америку, тамъ изучать характеръ демократизма и выяснить размѣры его жизнеспособности. Этотъ шагъ былъ несомнѣннымъ шагомъ практика. Когда въ февралѣ 1848 года демократія восторжествовала во Франціи, Токвиль заранѣе предчувствовалъ переворотъ и тщетно предостерегалъ Гизо. Но демократія продержалась не долго. На смѣну ей явилась имперія. Токвиль снова задалъ себѣ вопросъ: почему Франція не можетъ отдѣлаться отъ этой роковой послѣдовательности въ слѣдованіи политическихъ формъ: демократіи и цезаризма. Попытавшись отвѣтить на вопросъ, онъ нѣсколько лѣтъ проработалъ въ архивахъ и выпустилъ «Старый порядокъ». И этотъ шагъ былъ шагомъ практики.

Но всего ярче сказывается основное направленіе мысли Токвиля въ его «Воспоминаніяхъ и перепискѣ». Здѣсь передъ нами тотъ же геніальный мыслитель, но такъ сказать, въ кругу друзей. Онъ не стѣсняется въ выраженіяхъ, скидываетъ съ себя сдержанный языкъ и приподнятый тонъ большихъ сочиненій, сыплетъ шутками, иронизируетъ, даетъ яркія картины, которыя быть можетъ, помимо его воли, превращаются въ сатиры. Насколько Токвиль чувствовалъ себя неловко въ парламентѣ, настолько же свободно и легко писалось ему въ кабинетѣ, гдѣ онъ мысленно вращался все въ тѣхъ же политическихъ кругахъ, но гдѣ онъ сознавалъ себя хозяиномъ. Если и въ «Воспоминаніяхъ» отказываются узнавать практика, то виною въ этомъ во всякомъ случаѣ не Токвиль.

Книга Эйхтеля появляется очень кстати. На русскомъ языкѣ мы знаемъ о Токвилѣ только статью М. М. Ковалевскаго, но и она затерялась въ книжкахъ «Вѣстника Европы». Зато у насъ имѣются переводы главныхъ вещей Токвиля: «Демократіи», «Стараго порядка» и «Воспоминаній» и книга Эйхтеля будетъ служить хорошимъ подспорьемъ при изученія этихъ произведеній. Авторъ работалъ по надежнымъ источникамъ, сочиненія Токвиля излагаетъ правильно, а это главное. Если настоящей книгѣ удастся и у людей, незнакомыхъ съ Токвилемъ, вызвать интересъ къ жизни и дѣятельности одного изъ величайшихъ умовъ Франціи XIX вѣка, то ея дѣло будетъ сдѣлано.

А. Дживелеговъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

«Землевладѣніе и сельское хозяйство».—*Пеллутье*. «Жизнь рабочихъ во Франціи».

Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Перев. подъ ред. С. Н. Булгакова. Спб. 1901 г. 388 стр. Ц. 1 р. 60 к. Превосходная энциклопедія экономическихъ наукъ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», составленная коллективнымъ трудомъ выдающихся нѣмецкихъ спеціалистовъ, представляетъ незамѣнимое руководство для всѣхъ—профановъ и спеціалистовъ,—занимающихся экономическими вопросами. Г-жѣ Водовозовой пришла счастливая идея сдѣлать эту энциклопедію доступной русской публикѣ, хотя бы въ видѣ отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ наиболѣе важнымъ вопросамъ, разобраннымъ въ упомянутомъ «Словарѣ государственныхъ наукъ».

Въ общемъ отлично справившись съ этой не легкою задачею, г-жа Водовозова, какъ намъ кажется, сдѣлала одинъ очень большой промахъ. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» представляетъ коллективный трудъ *нѣмецкихъ* ученыхъ, написанный на *нѣмецкомъ* языкѣ и по преимуществу для *нѣмецкихъ* читателей. Неудивительно поэтому, что въ немъ вездѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ Германія, о ней иногда съ утомительною, въ особенности для не нѣмецкаго читателя, подробностью говорятъ всѣ статьи, на нѣмецкую литературу по преимуществу указывается. Нѣмецкій читатель, вѣроятно, такимъ характеромъ этого «Словаря» весьма доволенъ, но русскій читатель, конечно, охотно бы довольствовался менѣе подробными свѣдѣніями о Германіи, пожелавъ болѣе обстоятельныхъ данныхъ о другихъ странахъ и прежде всего о Россіи.

Намъ думается, что, издавая такой трудъ для русскаго читателя, вполнѣ цѣлесообразно было бы сократить всѣ обильныя свѣдѣнія о Германіи, пополнить свѣдѣнія о всѣхъ другихъ странахъ и сдѣлать самостоятельныя добавленія о Россіи. И сдѣлать это было бы тѣмъ болѣе не трудно, что въ изданіяхъ г-жи Водовозовой принимаютъ участіе такіе выдающіеся спеціалисты, какъ гг. Туганъ-Барановскій и Булгаковъ. Въ выпускѣ «Законодательная охрана труда» эти добавленія были сдѣланы, въ лежащемъ же передъ нами выпускѣ, къ сожалѣнію, мы о Россіи почти ничего не находимъ.

Всѣми этими замѣчаніями мы не хотѣли умалить цѣнность лежащей передъ нами монографіи, мы хотѣли только показать, какимъ путемъ цѣнность эта для русскаго читателя могла бы быть значительно поднята.

Вышедшій теперь вторымъ изданіемъ сборникъ «Землевладѣніе и сельское хозяйство» сумѣетъ дать компетентные отвѣты рѣшительно на всѣ вопросы землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Читатель найдетъ здѣсь краткія свѣдѣнія и о происхожденіи земледѣлія, и о ходѣ его историческаго развитія отъ первобытныхъ временъ до нашихъ дней, и о хлѣбныхъ цѣнахъ, и о сельскохозяйственныхъ товариществахъ и т. д., и т. д. Всѣ эти статьи снабжены обильными и свѣжими статистическими данными, заимствованными изъ безусловно достовѣрныхъ источниковъ и составленными такими спеціалистами, какъ проф. Конрадъ. Общіе теоретическіе выводы высказываются авторами съ должною въ подобнаго рода трудахъ сдержанностью и осмотрительностью.

Наиболѣе общій и жизненный интересъ возбуждаютъ статьи о земледѣльческихъ кружкахъ, мелкомъ и крупномъ хозяйствѣ и сельскохозяйственныхъ товариществахъ. Проф. Конрадъ, авторъ статьи о земледѣльческихъ кризисахъ, справедливо видитъ коренныя причины длящагося вотъ уже второе десятилѣтіе аграрнаго кризиса въ общихъ условіяхъ всемірной торговли, созданныхъ появленіемъ на міровомъ рынкѣ новыхъ странъ, благодаря проведенію желѣзныхъ

дорогъ, сокращенію тарифа и т. д. Въ силу этого, и повышенія цѣнъ на міровомъ рынкѣ можно ожидать, по мнѣнію Конрада, лишь тогда, когда перепроизводство продуктовъ будетъ поглощаться увеличеніемъ населенія, и будутъ культивированы при томъ всѣ наиболѣе плодородныя земли. Для завершенія этого процесса понадобится 2—3 десятилѣтія. «Кризисъ окончится лишь тогда, говоритъ Конрадъ, когда покупныя и арендныя цѣны земельныхъ участковъ понизятся соотвѣтственно теперешнимъ обстоятельствамъ, и когда сельскіе хозяева измѣнятъ производство сообразно съ теперешними цѣнами продуктовъ, такъ какъ на этотъ разъ причины бѣдствія отличаются болѣе устойчивымъ характеромъ, чѣмъ когда либо прежде, и дѣйствіе ихъ распространяется почти на весь цивилизованный міръ» (103 стр.). Германскіе аграріи, какъ извѣстно, борятся съ аграрнымъ кризисомъ болѣе механическимъ орудіемъ—охранительными пошлинами. Поэтому указаніе Конрада на полную непригодность охранительныхъ пошлинъ для устраненія аграрнаго кризиса представляетъ въ настоящую минуту живѣйшій интересъ жизни. Къ сожалѣнію, авторъ коснулся этого вопроса лишь въ нѣсколькихъ словахъ.

Живой интересъ представляетъ затѣмъ статья того же Конрада «Крестьянство и крестьянское землевладѣніе». Разбирая возбуждающій большіе споры вопросъ о борьбѣ мелкаго крестьянства съ крупнымъ и съ крупными землевладѣльцами, Конрадъ, съ присущею ему осторожностью обобщеній, указываетъ на громадную зависимость хода и исхода этой борьбы отъ всей той естественной, исторической и культурной обстановки, въ которой она происходитъ. Тамъ, гдѣ личныя заботы хозяина имѣютъ важное значеніе, а большія средства и знанія не находятъ примѣненія, тамъ, гдѣ приходится на дорого стоющей землѣ съ необычайною старательностью вести интенсивное хозяйство или на дешевой землѣ разводить небольшое количество скота,—во всѣхъ этихъ условіяхъ крестьянинъ оказывается въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ крупный землевладѣлецъ. И наоборотъ, крупное землевладѣніе процвѣтаетъ при отсутствіи подобныхъ условій. Наконецъ, принципъ коопераціи, проникая въ деревню, дѣлаетъ положеніе крестьянъ болѣе устойчивымъ и т. д.

П. Берлинъ.

Ф. и М. Пеллутье. Жизнь рабочихъ во Франціи. Пер. съ фр. подъ ред. А. А. Мануилова. Спб. 1901 г. 312 стр. Ц. 1 р. 20 коп. Борьба со «старымъ порядкомъ», опиравшимся на широкую государственную поддержку привеллигированныхъ сословій и изжитыхъ формъ экономическаго быта, повела во Франціи восемнадцатаго вѣка къ разсцвѣту доктрины экономическаго индивидуализма или экономическаго либерализма, кратко и энергично формулированной физіократомъ Гурнэ въ знаменитой фразѣ—laissez faire, laissez aller... Съ тѣхъ поръ, однако, какъ этотъ «старый порядокъ» былъ низверженъ, прошелъ вотъ уже цѣлый вѣкъ и за этотъ долгій періодъ всѣ успѣли убѣдиться, что одной формальной свободы еще мало для созданія народнаго благосостоянія и что при существующемъ соотношеніи общественныхъ силъ провозглашеніе этой свободы было не декларацiей правъ человѣка и гражданина, а лишь декларацiей правъ капиталиста. Но не смотря на это разочарованіе, доктрина экономическаго либерализма, полное невмѣшательство государства въ сферу экономической жизни, продолжаетъ еще пользоваться во Франціи довольно широкимъ распространеніемъ среди самыхъ различныхъ элементовъ общества.

Съ этимъ факторомъ приходится серьезно считаться при изслѣдованіи вопроса о крайне отсталомъ положеніи рабочаго законодательства во Франціи и весьма безотрадномъ экономическомъ положеніи ея рабочаго класса. Безотрадность этого положенія ярко нарисовалъ Пеллутье въ вышеназванной книгѣ.

Во введеніи авторъ сразу вводитъ насъ въ ту безотрадную обстановку,

въ которой протекаетъ жизнь огромнаго большинства рабочаго класса Франціи. Уже со второй страницы мы узнаемъ объ обремененности французскаго рабочаго всяческими налогами. За послѣдніе годы это налоговое бремя непрерывно растетъ. А между тѣмъ заработная плата стоитъ на очень низкомъ уровнѣ и реально, т.-е. по своей покупателеспособности, для огромнаго большинства рабочихъ не возрастаетъ. Какъ низка эта плата, видно изъ того, что за обременительный *шестнадцатичасовой* трудъ кондуктора и кучера омнибусовъ получаютъ въ Парижѣ всего 5 фр. 75 сент. и это трудъ не чернорабочаго, а до извѣстной степени рабочей аристократіи.

Авторъ вполнѣ справедливо указываетъ на то, что тревожный вопросъ застоя или даже уменьшенія роста народонаселенія Франціи находится въ самой непосредственной связи съ угнетеннымъ экономическимъ положеніемъ широкихъ массъ народа.

Авторъ поэтому вполнѣ логично замѣчаетъ, что всѣ тѣ, кого тревожитъ проблема народонаселенія, должны требовать, чтобы республика пришла на помощь рабочему классу, чтобы его трудъ былъ менѣе продолжителенъ и лучше вознаграждался, чтобы рабочія жилища были болѣе удобны и здоровы, словомъ, республика должна «предоставить хотя нѣкоторое благосостояніе тому классу, который доставляетъ государству наибольшее количество податей и людей».

Установивъ общую точку зрѣнія, авторъ затѣмъ переходитъ къ изслѣдованію продолжительности труда во Франціи. Въ этомъ отношеніи Франція значительно отстала отъ остальныхъ культурныхъ странъ, такъ, напр., какъ мы уже упомянули, кондуктора и кучера омнибусовъ работаютъ до восемнадцати часовъ въ сутки. Служащіе на парижскихъ базарахъ работаютъ до пятнадцати, шестнадцати и семнадцати часовъ въ сутки. Прислуга многочисленныхъ кафе и ресторановъ работаетъ съ восьми утра за полночь, жалованія при этомъ никакого не получаетъ, живя лишь «pour boire». Мальчики въ мясныхъ лавкахъ работаютъ по пятнадцати и восемнадцати часовъ въ сутки, имѣя въ году лишь одинъ день отдыха.

Не лучше положеніе и болѣе интеллигентныхъ служащихъ, напр., желѣзнодорожныхъ. Въ 1894 г. послѣ желѣзнодорожной катастрофы было назначено слѣдствіе, которое выяснило, что одинъ начальникъ мелкой станціи долженъ былъ выдавать билеты, принимать багажъ и слѣдить за остановкой ста двадцати поѣздовъ, приходящихъ ежедневно (каждыя двѣнадцать минутъ). На станціи Ромальи-ля Бютэнэ, гдѣ ежедневно проходитъ 64 пассажирскихъ и 28 товарныхъ поѣзда, черезъ которую проходятъ около трехъ тысячъ телеграммъ въ мѣсяцъ, всего двое служащихъ и въ итогѣ начальникъ станціи одинъ производитъ маневры, присутствуетъ при отходѣ и приходѣ поѣздовъ, выдаетъ билеты, отправляетъ депеши, смотритъ за кассой, составляетъ счеты и подаетъ сигналы. «Въ результатѣ, — говоритъ авторъ, — выходитъ, что онъ встаетъ въ пять часовъ утра и ложится не ранѣе полуночи. Въ теченіе дня онъ совершенно не имѣетъ времени для ѣды и, въ буквальномъ смыслѣ, питается на ходу... Начальникъ этой станціи повѣсился, не будучи дольше въ состояніи выносить такого существованія».

Если таково положеніе привилегированныхъ служащихъ, то положеніе простыхъ рабочихъ не позволяетъ имъ даже сносно питаться.

Послѣ тщательныхъ изслѣдованій авторъ приходитъ къ выводу, что средній уровень заработной платы равенъ во Франціи 4 фр. 85 сант. для мужчинъ и 2 ф. 46 сан. для женщинъ.

Эта средняя цифра, конечно, какъ всякія среднія цифры, ничего не говоритъ намъ о реальномъ положеніи отдѣльныхъ рабочихъ, такъ какъ заработная плата отдѣльныхъ рабочихъ весьма значительно колеблется, поднимаясь значительно выше и опускаясь значительно ниже этого средняго уровня. Такъ,

напр., на фабрикѣ Крёзо рабочіе получаютъ за одиннадцати-часовой трудъ всего 3 фр., причемъ каждыя двѣ недѣли они въ теченіе трехъ дней не имѣютъ работы.

Мы не станемъ слѣдить дальше за колебаніями заработной платы для различныхъ отраслей производства, перейдемъ прямо къ весьма важному вопросу—улучшилось ли за послѣдніе годы положеніе рабочаго класса во Франціи? Авторы даютъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ, доказывая, что если номинально заработная плата и возросла, то это ея движеніе было цѣликомъ поглощено вздорожаніемъ продуктовъ пищи, жилищъ, возрастаніемъ налоговъ. «Заработная плата,—говорятъ авторы,—за послѣдніе полвѣка понизилась какъ по отношенію къ увеличившейся продолжительности труда, такъ и въ отношеніи къ возрастанію общественнаго богатства... Часто приходится слышать отъ старыхъ людей, что за ту же самую сумму денегъ прежде получалось гораздо больше, чѣмъ теперь. Этотъ доводъ является какъ нельзя болѣе вѣрнымъ. Получать сравнительно меньше (несмотря на абсолютное увеличеніе заработной платы) и платить за предметы необходимости дороже, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ—вотъ послѣдствія, которыя долженъ нести рабочій классъ при системѣ соперничества» (135 стр.).

Авторы, подробно, живо и тепло охарактеризовавъ жизнь рабочихъ во Франціи, иллюстрировавъ это прекрасное изложеніе сравнительными данными о другихъ странахъ, допустили, однако, большой пробѣлъ, совершенно не коснувшись вопроса о профессіональныхъ организаціяхъ французскихъ рабочихъ. Редакція русскаго перевода очень хорошо сдѣлала, помѣстивъ въ приложеніи къ книгѣ Пеллутье переводъ статьи Магайма о профессіональныхъ союзахъ во Франціи и статьи Скваржинскаго о профессіональныхъ синдикатахъ. Книгу Пеллутье можно рекомендовать всякому интересующемуся соціальными вопросами. Должны при этомъ, однако, прибавить, что сочиненіе Пеллутье не строго научное объективное изслѣдованіе, а публицистическая работа, въ виду чего въ кой-какихъ увлеченіяхъ она повинна и въ кой-какихъ ограниченіяхъ и поясненіяхъ нуждается.

Переведена и издана книга Пеллутье вполнѣ безукоризненно.

П. Берлинъ.

ФИЛОСОФІЯ.

М. Гюйо. «Искусство съ соціологической точки зрѣнія».

М. Гюйо. Искусство съ соціологической точки зрѣнія. Съ портретомъ автора, исполненнымъ фирмою Дюжардена въ Парижѣ. Спб. 1901. Цѣна 2 р. (464 стр.). «Важнѣйшія вещи Гюйо уже переведены почти всѣ на русскій языкъ («Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности», «Происхожденіе идеи о времени», «Задачи современной эстетики», «Наслѣдственность и воспитаніе», «Стихи философа»). Трактатъ, заглавіе котораго выписано выше, былъ предпослѣднимъ въ короткой, грустно оборвавшейся жизни французскаго философа. Въ настоящее время, когда только нѣмецкая философская мысль продолжаетъ самостоятельную и энергичную работу, когда западные (да и восточные) сосѣди нѣмцевъ слишкомъ часто довольствуются готовыми каштанами, вытащенными Паульсеномъ, Авенаріусомъ, Вундтомъ,—Гюйо являетъ собою образецъ вдумчиваго и глубокаго, а главное, вполнѣ оригинальнаго мыслителя. Онъ далекъ отъ наивнаго матеріализма, но для него отрицаніе этого ученія вовсе не составляетъ прелюдіи къ беззавѣтному обожествле-

нію старыхъ и новыхъ метафизическихъ философовъ или къ столь же беззавѣтному, но гораздо менѣе невинному, обкрадыванію современныхъ нѣмецкихъ представителей критической философіи.

Прежде всего—Гюйо настоящій философъ,—какъ понимаетъ это Шопенгауэръ: «всякое хотѣніе замирало» въ авторѣ «Міра, какъ воля и представленіе», когда онъ создавалъ свою систему (по собственному его признанію). Для непредубѣжденнаго читателя Гюйо совершенно ясно, что и въ немъ «замирали» всякія личныя страсти, стремленія и тенденціи, когда онъ писалъ свои книги. Все созданное имъ—работа безпристрастнаго и сильнаго интеллекта, не смущаемая ни суетливымъ и безпокойнымъ желаніемъ заявить свое «первенство» въ раскрытіи истины, ни другими страстями и страстишками, часто такъ непріятно сказывающимися даже въ самыхъ почтенныхъ научныхъ трудахъ. Свѣжестью, искренностью, силою вѣетъ отъ каждой страницы Гюйо: въ смыслѣ эстетическаго удовольствія чтеніе этого философа есть сущій отдыхъ для современнаго читателя.

Основныя идеи трактата объ искусствѣ таковы. Искусство вызываетъ общность чувствъ, «соціальную симпатію». Вотъ слова Гюйо по этому поводу: «Искусство есть расширеніе идеи общества (посредствомъ чувства) на всѣ существа на землѣ и даже на существа, превосходящія природу или, наконецъ, на существа, созданныя людскимъ воображеніемъ. Художественная эмоція, такимъ образомъ, непремѣнно соціальна. Результатомъ ея является расширеніе индивидуальной жизни, пріобщая ее къ болѣе широкой міровой жизни. Внутренній законъ искусства—созданіе эстетической эмоціи соціальнаго характера». Въ написанной Фулье вступительной статьѣ къ этой книгѣ авторъ говоритъ, что ощущенія и чувства—прежде всего наиболѣе разъединяютъ людей между собою. «О вкусахъ и цвѣтахъ не спорятъ, потому что ихъ считаютъ субъективными, и, однако же, есть средство нѣкоторымъ образомъ соціализировать ихъ, сдѣлать ихъ въ большинствѣ случаевъ тожественными для различныхъ индивидумовъ. Средство это—искусство. Изъ глубинъ несвязныхъ и несходныхъ индивидуальныхъ ощущеній и чувствъ искусство выдѣляетъ такую совокупность ихъ, которыя могутъ находить отзвукъ сразу у всѣхъ или у большинства и которыя, такимъ образомъ, могутъ вызвать ассоціацію наслажденій». Изъ всѣхъ родовъ искусства—искусство реальное, по мнѣнію Гюйо, едва ли не наиболѣе сильно въ распространеніи «соціальности», но реализмъ только тогда способенъ производить, дѣйствительно, сильныя эмоціи, когда успѣетъ отдѣлиться отъ того, что Гюйо называлъ «тривіализмомъ». Художникъ долженъ «найти поэзію въ предметахъ, которые кажутся намъ часто менѣе всего поэтичными по той простой причинѣ, что эстетическое ощущеніе притупилось отъ привычки». Но самый реализмъ, рамки реалистическаго творчества Гюйо понимаетъ чрезвычайно широко: «Для настоящаго творческаго генія дѣйствительная жизнь, среди которой онъ находится, есть только случайность среди всѣхъ формъ возможной жизни, которую онъ охватываетъ въ какомъ-то внутреннемъ видѣніи. Точно такъ же, какъ для математика нашъ міръ бѣденъ въ смыслѣ комбинацій линій и чиселъ, а размѣры нашего пространства есть только частичное осуществленіе безконечныхъ возможностей, такъ для истиннаго поэта характеръ, который онъ охватываетъ въ живомъ человѣкѣ, личность, которую онъ наблюдаетъ,—не есть цѣль, но средство отгадать безчисленныя комбинаціи, которыя можетъ представить природа. Геній занимается возможностями еще больше, нежели дѣйствительностью; ему тѣсенъ реальный міръ...» По мнѣнію Гюйо, нельзя жаловаться на то, что геній стремится непрерывно превзойти дѣйствительность; идеализмъ, по его понятіямъ, есть не зло, а скорѣе условіе существованія генія: «Нужно только, чтобы задуманный идеалъ, если даже онъ не принадлежитъ къ реальному, обыденно ощущаемому для насъ,—не выхо-

дилъ бы изъ серіи возможностей, которыя мы предвидимъ: все заключается въ этомъ. Истинный геній узнается потому, что онъ достаточно широкъ, чтобы подняться выше реальнаго, и достаточно логиченъ, чтобы никогда не блуждать въ сторонѣ отъ возможнаго».

Одна изъ характернѣйшихъ чертъ художественнаго генія—сила воображенія, а самъ онъ есть нечто иное, какъ «необыкновенно интенсивная форма симпатіи и общественности, которая можетъ удовлетвориться только создавая новый міръ и міръ живыхъ существъ». Понимаемое такимъ образомъ художественное творчество создаетъ искусство, которое Гюйо называетъ «сгущеніемъ реальности»: «Часто мы наблюдаемъ больше дѣйствія и рѣшительныхъ мыслей въ драмѣ», которая длится нѣсколько часовъ и развертывается въ комнаткѣ, имѣющей 10 квадратныхъ аршинъ, чѣмъ въ цѣлой человѣческой жизни. Гюйо много останавливается на одной изъ любимыхъ своихъ мыслей, что весьма часто произведенія художественнаго творчества важны и значительны не тѣмъ, что они непосредственно говорятъ, не прямымъ смысломъ своего содержанія, но тѣмъ, о чемъ они вовсе не говорятъ, а что они *внушаютъ*. Великіе типы, созданные лучшими драматургами и романистами,—говоритъ Гюйо, типы, которые можно было бы назвать высшими индивидуальностями въ области искусства, являются одновременно глубоко реальными и, несмотря на это, символическими. Одно изъ развѣтвленій этой мысли находимъ въ слѣдующихъ словахъ (взятыхъ нами уже изъ другой главы и сказанныхъ въ иной связи): «прекрасное никогда не бываетъ абсолютно простымъ: оно есть сложность въ соединеніи съ простотою; оно всегда выражалось въ нѣсколькихъ опредѣленныхъ формулахъ, скрывающихъ въ себѣ, въ обыкновенныхъ и глубокихъ терминахъ, очень разнообразные идеи и образы». Мы можемъ сопоставить съ этими словами мнѣніе русскаго критика о стихотвореніи Лермонтова («Ночевала тучка золотая» etc.) гдѣ расположеніе фразъ, подлежащихъ, сказуемыхъ и т. д. почти ничѣмъ не отличается отъ формъ прозаической рѣчи, слова и термины также совсѣмъ обыденны, и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубина поэзіи, сила вызываемой поэтической эмоціи поистинѣ удивительны. Вообще, сужденія Гюйо о природѣ художественнаго творчества отличаются замѣчательной для этой темной области отчетливостью. Онъ думаетъ, что самая прочная основа поэтическихъ созданій—воспоминаніе, т.-е. воспоминаніе обо всемъ, что художникъ видѣлъ и перечувствовалъ, *прежде чѣмъ сталъ профессіональнымъ художникомъ*. Воспоминанія объ эмоціяхъ юности всегда неизмѣнны, всегда свѣжи, и «только работая надъ этимъ не поддающимся порчѣ матеріаломъ, художникъ создаетъ свои лучшія, долговѣчныя произведенія». Наша литература, насчитывающая въ числѣ своихъ шедевровъ «Дѣтство, отрочество и юность», «Записки Багрова внука», «Пунинъ и Бабуринъ», отчасти подтверждаетъ мысль Гюйо. «Отчасти»,—потому что художники, создавшіе замѣчательныя картины по своимъ дѣтскимъ и отроческимъ воспоминаніямъ,—въ огромномъ большинствѣ случаевъ создавали столь же долговѣчныя творенія и по впечатлѣніямъ позднѣйшихъ лѣтъ.

По мысли Гюйо, истинный художникъ всегда понимаетъ, насколько жизнь богаче, ярче, шире искусства и, поэтому, всегда вкладываетъ въ искусство какъ можно больше жизни. Разсматривая искусство со стороны его общественнаго значенія, авторъ, какъ мы уже замѣтили, признаетъ реализмъ наиболѣе соціально-важнымъ и значительнымъ жанромъ художественнаго творчества. Но какая *форма* литературныхъ явленій можетъ быть названа по преимуществу соціальною, соціологически-важною? Гюйо склоненъ примкнуть къ мнѣніямъ Бальзака и Золя, — что романъ есть соціальная эпопея въ полномъ смыслѣ слова. «Романъ заключаетъ въ себѣ всю сущность поэзіи и драмы, психологіи и соціальной науки». Художественный романъ, утверждаетъ Гюйо, это при-

веденная въ систему и сконцентрированная исторія, въ которой участіе человѣческой воли ограничено строгою необходимостью... «Въ силу этого, романъ есть упрощенное и болѣе яркое изложеніе соціологическихъ законовъ». Входя въ пространный (и чрезвычайно интересный) анализъ европейскаго — преимущественно французскаго—романа, Гюйо говоритъ о натуралистическихъ тенденціяхъ много такого, что неминуемо должно было вывести изъ себя весьма преувеличивающаго свои дарованія нынѣшняго «патріарха натурализма». Гюйо останавливается на неудачности набившихъ уже всѣмъ оскомину параллелей между «экспериментальнымъ романомъ» и наукою. Наука, говоритъ онъ, никогда не бываетъ безстыдна, потому что она изслѣдуетъ все съ безкорыстною цѣлью... «Наши же современные натуралисты далеко не невѣжественны въ этомъ отношеніи; они очень хорошо знаютъ, чѣмъ оскорбить чувство стыдливости и очень часто оскорбляли его умышленно, чтобы вызвать одинъ изъ тѣхъ скандаловъ, которые создаютъ также книгопродавческій успѣхъ». «Теперешній учитель натурализма, — продолжаетъ Гюйо, — несомнѣнно, стремится къ скандаламъ... Необходимо отдать ему ту справедливость, что только въ его романахъ, и нигдѣ больше, наблюдается такое постоянство въ изысканіи и разработкѣ скабрезныхъ сюжетовъ». Въ видѣ, дѣйствительно, поучительнаго примѣра Гюйо приводитъ ту смѣшную, вслѣдствіе неправдоподобія, сцену изъ «Жерминаля», когда герой, тотчасъ послѣ *семидневнаго погребенія подъ обваломъ и семидневнаго голода*, все-таки думаетъ объ удовлетвореніи полового инстинкта... Золя и его послѣдователи, по словамъ Гюйо, «находятъ удовольствіе» въ изображеніи противоестественной любви, и долго, больше, чѣмъ нужно для «научной точности», распространяются на эту тему. Недавно въ «Revue des deux Mondes» появилась статья о Горькомъ Мельхіора де-Вогюэ; авторъ, говоря о скользкомъ сюжетѣ разсказа «Васька Красный», ставитъ Горькаго и его сдержанность въ примѣръ своимъ соотечественникамъ, которые, какъ онъ думаетъ, не преминули бы всячески разработать и украсить садистическіе мотивы разсказа. Горькаго Гюйо не зналъ, но, что несравненно печальнѣе, онъ, повидимому, весьма неохотно обращался, вообще, къ русской литературѣ: кромѣ двухъ случаевъ, онъ не говоритъ ни о Тургеневѣ, ни о Достоевскомъ, ни о Толстомъ. Если бы критикъ такой силы, такого проникновеннаго взгляда оперировалъ бы надъ этими величайшими геніями реалистическаго романа, его книга обогатилась бы рядомъ самыхъ яркихъ иллюстрацій къ тезисамъ и гипотезамъ, разсѣяннымъ въ трактатѣ. Три обширныя (и наименѣе интересныя) главы посвящены введенію философскихъ и соціальныхъ идей въ поэзію; тема могла бы сдѣлать эту часть работы одною изъ наиболѣе значительныхъ, но, къ сожалѣнію, предметъ трактуется въ тѣснѣйшей связи съ поэтическими произведеніями Ламартина, Виньи, Альфреда де-Мюссе, Виктора Гюго и его послѣдователей... Блестки поэзіи и страницы напыщенныхъ, то сентиментальныхъ, то барабанныхъ виршей, къ чему-то выписанныхъ Гюйо въ огромномъ количествѣ,—вотъ добрая половина содержанія этихъ главъ... Философъ, радующійся въ поэзіи не столько искусству, сколько втиснутому, насильно пригнанному, вымученному изложенію важныхъ и глубокихъ идей (взятыхъ часто, впрочемъ, поэтомъ на прокатъ изъ чужихъ произведеній), беретъ верхъ надъ критикомъ. «Мы испытываемъ неожиданность, счастливую и пріятную неожиданность, читая поэтовъ, одновременно мыслящихъ и чувствующихъ», чистосердечно признается Гюйо. Очевидно, благодарный за эти «неожиданные» сюрпризы, философъ заставилъ замолчать на время тонкаго и строгаго критика.

Послѣдняя глава имѣетъ для насъ интересъ современности: она посвящена литературѣ «декадентовъ и неуравновѣшенныхъ». Гюйо полагаетъ, что во французскую современную литературу вошли плотною гурьбою, въ качествѣ любимыхъ героевъ, невропаты и преступники. Характерною особенностью не-

уравновѣшенныхъ, невропатовъ Гюйо считаетъ чувство болѣзненнаго состоянія, смутнаго страданія въ соединеніи съ мучительными порывами. Въ ихъ литературѣ болѣзненный анализъ преобладаетъ надъ дѣйствіемъ. Кромѣ грусти, меланхоліи, часто, повидимому, безпричинной, — имъ свойственно тщеславіе, также болѣзненное, часто высокомѣрнѣйшее и нетерпимое. Внѣшній признакъ этой черты «увлеченіе автобіографіями», «стремленіе записывать и увѣковѣчивать даже маловажныя черты повседневной жизни, наблюдать себя и особенно свои страданія, возвеличивать себя въ собственныхъ глазахъ, стремленіе превращать малѣйшее дѣйствіе (свое) въ сюжетъ эпопеи». Далѣе, неуравновѣшенные любятъ страшные образы; писатели изъ этой категоріи любятъ описывать сцены преступленій и кровавыхъ происшествій. Кромѣ всѣхъ этихъ чертъ, у нихъ поражаетъ то, что переводчикъ неудачно выразилъ терминомъ: «одержимость словомъ». Не они владѣютъ словомъ, а слово ими владѣетъ, случайное сочетаніе звуковъ, запавшее въ голову, не только вызываетъ ассоціаціи, но, нерѣдко, прямо руководитъ и направляетъ мысль. Съ соціальной стороны искусство «неуравновѣшенныхъ», по мнѣнію Гюйо, способно вызвать симпатію къ ихъ страданіямъ, но не къ ихъ характерамъ: они часто уходятъ въ себя, не особенно склонны къ общительности, они не умѣютъ жалѣть другихъ. «Они боятся, что, начавъ жалѣть другихъ, перестанутъ жалѣть себя; а между тѣмъ, лучшее средство возстановить въ себѣ равновѣсіе,—это отдать часть себя другому. Излеченіемъ для неуравновѣшенныхъ было бы то, еслибъ они *научились жалѣть* и прониклись бы продолжительной и активною жалостью». Разбирая Бодлэра, Верлэна, Габріеля Розетти, Гюйо иллюстрируетъ живыми примѣрами сказанное въ первой части этой заключительной главы. Литература декадентовъ отличается, по мнѣнію Гюйо, «преобладаніемъ инстинктовъ, которые стремятся къ разложенію самого общества, и судить объ этой литературѣ должно съ точки зрѣнія законовъ индивидуальной и коллективной жизни». Выводъ его одинъ — литература декадентовъ носитъ характеръ антиобщественный.

Мы рекомендуемъ читателю эту книгу; кромѣ отмѣченныхъ экскурсовъ въ область французскаго стихотворства, она способна не только заинтересовать, но прямо увлечь нашихъ современниковъ, изголодавшихся въ пустынѣ эстетическихъ и всякихъ иныхъ трюизмовъ и (что не лучше) вымученныхъ оригинальничаній. Интересующійся соціологіей, эстетикою, критикою, исторіей культуры не пожалѣетъ о времени, потраченномъ на чтеніе Гюйо и поблагодаритъ переводчика, прекрасно справившагося со своею задачей.

Евг. Т.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Ф. Вольногорскій. «Растенія—друзья человѣка.—*Н. Вагнеръ.* «Картины изъ жизни животныхъ.—*Якобсонъ и Біанки.* «Прямокрылыя и ложносѣтчатокрылыя Россійской имперіи». *Мальчевскій и Якобсонъ.* «Рядъ простѣйшихъ опытовъ для начальнаго обученія».

П. Вольногорскій.—Растенія — друзья человѣка. Вып. 1—6. Москва 1901 г. Изд. К. Тихомирова. Какъ поясняетъ самъ авторъ, книжки эти предназначаются не для спеціалистовъ, а для широкой публики, поэтому главное вниманіе въ нихъ обращено не на подробное ботаническое описаніе культурныхъ растеній—«друзей человѣка», а скорѣе на изображеніе той великой роли, которую играютъ они въ обыденной жизни человѣчества, а также въ его исторіи. Давая лишь въ общихъ чертахъ ботаническій очеркъ каждаго даннаго

растительнаго вида, авторъ, затѣмъ, всюду спѣшитъ перейти къ изображенію тѣхъ способовъ, какими человѣкъ утилизируетъ полезныя свойства этого растенія, превращая его постепенно изъ объекта природы въ продуктъ промышленности. Но подчиняя природу, человѣкъ въ то же время становится въ еще большую отъ нея зависимость. Авторъ всюду стремится показать, какъ «власть земли», возникающая изъ культуры растеній, отзывается на судьбахъ человѣчества, какъ иногда милліоны людей перемѣщались по лицу земли, подчиняясь потребностямъ культуры того или другого растенія. Такъ, усиленное разведеніе хлопка и сахарнаго тростника въ Сѣверной Америкѣ и Вестъ-Индіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка повело къ вывозу изъ Африки и порабощенію милліоновъ чернокожихъ. Американскій хлопокъ, перерабатывавшійся почти цѣликомъ на англійскихъ фабрикахъ, послужилъ, съ другой стороны, источникомъ капиталистическаго могущества Англіи, которая въ теченіе всего XIX столѣтія собирала дань со всѣхъ концовъ міра. Въ 6-мъ вып. (стр. 65) авторъ указываетъ на причину усиленной эмиграціи изъ Европы въ Бразилію въ теченіе послѣдняго 10-лѣтія XIX вѣка: какъ извѣстно, въ Бразиліи невольничество было уничтожено лишь въ 1888 г., и немедленно по освобожденіи невольниковъ возникъ для кофейныхъ плантаторовъ рабочій кризисъ, такъ какъ негры были мало склонны работать на бывшихъ господъ; эти послѣдніе принуждены были объявить широкія льготы для эмигрантовъ изъ другихъ странъ, которыми они надѣялись замѣнить своихъ бывшихъ рабовъ. Началась усиленная эмиграція изъ Европы, принесшая много горькихъ разочарованій для переселенцевъ...

Все изданіе состоитъ изъ 6-ти выпусковъ, въ каждомъ изъ нихъ описана особая группа разводимыхъ растеній: 1-ый выпускъ посвященъ хлѣбнымъ злакамъ, 2-й—овощамъ, 3-й—пальмамъ, 4-й—плодовымъ, 5-й—техническимъ, 6-й—наркотическимъ растеніямъ. Впрочемъ, группы эти, по объясненію автора, имѣютъ значеніе лишь условное и, въ случаѣ надобности, онъ описываетъ заразъ и растенія, не принадлежащія къ данной группѣ. Изъ всѣхъ культурныхъ растеній описаны лишь главнѣйшія—имѣющія первостепенное значеніе для человѣчества по своему широкому рапространенію, обращенію въ міровой торговлѣ и т. д. Чрезвычайно интересенъ 1-й вып., гдѣ показано, какимъ образомъ весь земной шаръ распредѣленъ на отдѣльныя области, смотря по воздѣлываемымъ въ нихъ хлѣбнымъ растеніямъ. Авторомъ приводятся также и любопытныя историческія справки о побѣдоносномъ распространеніи въ новое время нѣкоторыхъ растеній, ранѣе вовсе неизвѣстныхъ цивилизованнымъ народамъ, какъ, напр., картофеля, кофе, сахарнаго тростника. Въ главѣ о картофелѣ узнаемъ исторію его проникновенія въ Россію, конецъ XVIII и начало XIX столѣтія. Здѣсь приведена даже въ точной копіи съ оригинала страничка изъ перваго русскаго сочиненія о картофелѣ (статья извѣстнаго Болотова въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества» 1770 года).

Помимо главъ о хлѣбныхъ растеніяхъ, болѣе другихъ интересны тѣ части очерковъ, гдѣ говорится о тропическихъ растеніяхъ, почти задаромъ кормящихъ, одѣвающихъ и грѣющихъ человѣка и о необычайной плодовитости и силѣ роста многихъ изъ этихъ растеній. Достаточно упомянуть, напр., о плодовитости банана, который, по Гумбольдту, приносилъ 100 пудовъ плодовъ на пространствѣ, гдѣ картофель дастъ лишь 98 фунтовъ, а рисъ—83 фунта, или о превосходныхъ качествахъ бамбука, который, благодаря быстротѣ своего роста и громадной высотѣ, на сравнительно малыхъ участкахъ земли приноситъ, въ безлѣсномъ Китаѣ, столько же древеснаго матеріала, сколько намъ наши обширные лѣса.

Все вышеизложенное достаточно говоритъ о содержательности разбираемыхъ очерковъ. Къ сожалѣнію, авторъ далеко не вездѣ остается на высотѣ удачно выбранной имъ задачи. Главнымъ недостаткомъ очерковъ является то, что они, съ одной стороны обременены массой ненужныхъ, мелочныхъ и скучныхъ под-

робностей о способѣ ухода и обработки, напр., такихъ растеній, какъ какао, бананы, каучукъ и пр., съ другой — рѣшительно ничего не сообщается о такихъ техническихъ процессахъ, какъ выдѣлка виноградныхъ винъ и приготовленіе шоколада. Затѣмъ, авторъ ужъ слишкомъ часто пускается въ длиннѣйшія отступленія, ничѣмъ съ темой не связанныя: см., напр., по поводу маиса— о Юкатанскихъ развалинахъ дано цѣлыхъ 12 страницъ! Есть, наконецъ, отдѣльныя главы, составленныя столь неряшливо, что читатель ничего ровно не разберетъ (о тропическихъ корнеплодахъ)... Часто при столкновеніи автора съ другими науками встрѣчаются грубыя ошибки. Такъ, у него оказывается, что ледниковой періодъ стеръ съ лица земли вмѣстѣ съ прочей прежней фауной сѣвернаго полушарія также и мамонта (мамонтъ—характернѣйшій представитель, именно, ледниковой фауны!); Ѳивы, по мнѣнію автора, существовали за 8.000 л. до Р. Х., т.-е. за 3.000 л. до оффиціальнаго сотворенія міра. Упоминаемъ о послѣднемъ потому, что въ другихъ случаяхъ авторъ относится къ официальности, съ большимъ интересомъ разсуждая о масляничной вѣтви Ноева голубя—была ли она отъ дикой, или культурной маслины (вып. IV, стр. 29), была ли виноградная кисть І. Навина, дѣйствительно, виноградная или же, по своему громадному объему, она могла принадлежать лишь банану (вып. IV, 48)?.. (вып. I, 46). Не мало найдется также противорѣчій, способныхъ подорвать довѣріе читателя къ автору. Съ внѣшней стороны изданіе также не безупречно. Во-первыхъ, корректуры поражаютъ неряшливостью: не говоря о безчисленномъ множествѣ опечатокъ, попадаются настоящіе каламбуры, напр., «на зеленомъ паркѣ» вмѣсто на «земномъ шарѣ» (вып. V, 101), Швейцарія простирается и за полярнымъ кругомъ (V, 39) и мн. др. Помимо корректуръ, плохи также нѣкоторые рисунки. Такъ, напр., всѣ снимки съ фотографій проф. Тширха не слѣдовало бы вовсе помѣщать, такъ какъ они представляютъ, выражаясь астрономически, какія то неразрѣшимыя туманности. Въ IV вып. мы не находимъ оглавленія. *А. Д.*

Проф. Н. П. Вагнеръ. Картины изъ жизни животныхъ. Очерки и разсказы съ 300 иллюстраціями. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1901 г. Цѣна (въ переплетѣ) 5 р. Книга проф. Н. П. Вагнера, всѣмъ извѣстнаго также подъ именемъ «Кота-Мурлыки», представляетъ выдающееся явленіе въ нашей бѣдной популярно-научной литературѣ. Эта книга можетъ быть поставлена во многихъ отношеніяхъ наряду съ «Жизнью Животныхъ» Брема, съ «Млекопитающими» Фохта и Шпехта, хотя во многомъ она и отличается отъ нихъ.

Книга Вагнера не сухой научный трактатъ, не учебникъ зоологіи: это именно рядъ блестяще написанныхъ картинъ изъ жизни звѣрей. Описанія животныхъ даны самыя краткія, но о каждомъ сообщается масса интереснѣйшихъ біологическихъ данныхъ, къ тому же всѣ эти звѣри изображены въ разныхъ видахъ на хорошихъ рисункахъ. Особенно подробно останавливается авторъ какъ на образѣ жизни отдѣльныхъ индивидуумовъ, добываніи пищи, устройствѣ жилища, такъ и на ихъ семейной жизни, уходѣ за потомствомъ, наконецъ, на проявленіяхъ общественности у звѣрей. Послѣднее въ особенности интересно... Надо ли говорить о томъ, что вездѣ звѣри являются дѣйствительно какъ бы живыми; читая книгу, видишь ихъ передъ глазами со всѣми ихъ повадками, добрыми и злыми привычками. Иногда прямо получаются какъ бы цѣлыя параллели, или вѣрнѣе противоположности: укажемъ хотя бы на описанія птицезвѣрей. Безобидный утконосъ, чрезвычайно любопытный и въ природѣ, и въ неволѣ (до сихъ поръ его не удалось, однако, привезти живымъ въ Европу),—и мрачная ехидна, въ сущности тоже незлобная, но только имѣющая какой то необычайно суровый внѣшній видъ: вотъ, — говоритъ авторъ, двѣ стороны жизни: блаженная, радостная, и другая—суровая, тяжелая, полная серьезнаго труда. Выбирайте любую...

Много говоритъ Вагнеръ и объ отношеніи звѣрей къ человѣку, подробно

описываетъ домашнихъ животныхъ, говоритъ объ ихъ породахъ (хотя мѣстами объ этомъ надо было бы сказать нѣсколько больше!), разсказываетъ способы охоты за разными звѣрями и приводитъ охотничьи эпизоды. Интересно описаніе первой охоты за орангутаномъ въ началѣ XIX вѣка (по ошибкѣ, авторъ говоритъ «въ началѣ *нынѣшняго* столѣтія»): голландскіе матросы смертельно ранили утана; умирая, онъ обвелъ своихъ враговъ такимъ грустнымъ взглядомъ и испустилъ такой жалобный стонъ, что у всѣхъ опустились руки и они съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга, какъ бы спрашивая: кого они убили? Звѣря или человѣка?

Не будемъ излагать всего содержанія книги. Полагаемъ, ее прочтутъ съ интересомъ и удовольствіемъ всѣ любители природы, старые и молодые.

Цѣну книги нельзя назвать высокой, принимая во вниманіе ея объемъ, массу рисунковъ, переплетъ. Издана она весьма изящно; въ латинскихъ названіяхъ кое-гдѣ мы замѣтили опечатки. *Б. Федченко.*

Г. Г. Якобсонъ и В. Л. Біанки. Прямокрылыя и ложносѣтчатокрылыя Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ странъ. Спб. 1902 г. Выпускъ I-ый, съ 5 таблицами (все изданіе въ 6 выпускахъ, съ 25 таблицами, цѣна по подпискѣ 10 р. 50 к.). Изданіе А. Ф. Девріена. Года два тому назадъ въ Германіи появилось превосходное сочиненіе Тюмпеля подъ заглавіемъ «Прямокрылыя средней Европы», въ которомъ были описаны и изображены представители отряда прямокрылыхъ, къ которому относятся весьма интересныя формы насѣкомыхъ, мало привлекающія къ себѣ вниманіе собирателей по той простой причинѣ, что совершенно не было пособій для опредѣленія насѣкомыхъ, принадлежащихъ къ этому отряду. Въ то время, какъ для опредѣленія жуковъ и бабочекъ существуетъ масса всевозможныхъ изданій, отъ самыхъ общедоступныхъ Käferbuch'овъ и до строго научныхъ Рейтеровскихъ «Bestimmungstabellen», и даже для опредѣленія мухъ имѣются пособія, для опредѣленія прямокрылыхъ даже на нѣмецкомъ языкѣ мы не имѣли почти ничего (кромѣ большого сочиненія Brunner'а). Появленіе книги Тюмпеля надо было привѣтствовать и нельзя было не пожелать скорѣйшаго перевода ея на русскій языкъ.

Передъ нами лежитъ 1-ый выпускъ предпринятаго А. Ф. Девріеномъ изданія, представляющаго не простой переводъ книги Тюмпеля, а полную самостоятельную передѣлку ея, составленную примѣнительно къ русской фаунѣ гг. зоологами зоологическаго музея академіи наукъ, Р. Г. Якобсономъ и В. Л. Біанки. Трудъ поистинѣ не малый, такъ какъ пришлось прибавить множество видовъ, въ средней Европѣ не извѣстныхъ, но попадающихся въ Россіи, Европейской и Азіатской, и ея сопредѣльныхъ странахъ до Крайняго Востока Камчатки и Кореи включительно. Списки литературы также пополнены указаніемъ всей русской литературы, не только спеціально научной, но и по вопросамъ о вредныхъ насѣкомыхъ изъ разсматриваемыхъ отрядовъ; не оставлены безъ вниманія даже такія трудно доступныя изданія, какъ, напр., различныя земскія изданія.

Кромѣ этихъ измѣненій, весьма пріятнымъ прибавленіемъ противъ книги Тюмпеля являются двѣ новыхъ крашеныхъ таблицы изображающія важнѣйшихъ русскихъ представителей.

Старый отрядъ прямокрылыхъ (Orthoptera) въ настоящее время разбиваютъ на 9 самостоятельныхъ отрядовъ; такого дѣленія придерживаются и авторы разсматриваемой книги. Въ первомъ выпускѣ описанъ лишь одинъ отрядъ — уховертки (Dermatoptera) и начато описаніе второго отряда — настоящія прямокрылыя (Orthoptera genuina). При просмотрѣ описаній видовъ уховертокъ мы не замѣтили какихъ-либо пробѣловъ или упущеній и такимъ образомъ нельзя не признать, что книга составлена весьма тщательно.

Внѣшность изданія не оставляетъ желать ничего большаго: бумага, печать, таблицы и политипажы все это превосходно.

Нельзя не пожелать изданію этому широкаго распространенія среди русскихъ энтомологовъ любителей; полагаемъ, что для многихъ изъ нихъ знакомство съ книгой гг. Якобсона и Біанки послужитъ толчкомъ къ энергичнымъ дальнѣйшимъ сборамъ и изслѣдованіямъ надъ прямокрылыми. Для спеціалистовъ эта книга также не лишена интереса, какъ первая и вполнѣ удачная попытка сводки имѣющихся въ литературѣ данныхъ по русскимъ прямокрылымъ.

При появленіи слѣдующихъ выпусковъ, мы будемъ еще имѣть случай говорить объ этомъ изданіи. *Б. Федченко.*

Рядъ простѣйшихъ опытовъ для начальнаго обученія. (Воздухъ.—Вода.—Горѣніе). Составили П. Л. Мальчевскій и А. Г. Якобсонъ, преподаватели школъ Имп. Русскаго Техническаго Общества, С.-Петербургъ, 1901 года.

Это изданіе Подвижного музея учебныхъ пособій Постоянной коммиссіи по техническому образованію при Имп. Русск. Технич. Обществѣ является пособіемъ для преподавателей сельскихъ начальныхъ школъ или техническихъ классовъ для рабочихъ. Очень часто молодой преподаватель самъ нуждается въ помощи и указаніяхъ, какъ поставить преподаваніе опытныхъ наукъ — химіи и физики, не имѣя подъ рукой лабораторіи или спеціальнаго физическаго кабинета. Средства многихъ школъ настолько ограничены, что всякое указаніе и совѣтъ, какъ устроить тотъ или другой опытъ съ *наименьшими* затратами, является прямо драгоцѣннымъ. Въ нашей бѣдной родинѣ всякую попытку удешевить средства для популяризаціи «научныхъ знаній» надо привѣтствовать, какъ весьма отрадное явленіе. И публика, для которой назначена разсматриваемая нами книга, — учителя начальныхъ и воскресныхъ школъ — всегда готова выслушать дѣльные совѣты, даваемые въ этомъ направленіи. Пишущему эти строки когда-то давно, въ 80-хъ годахъ, пришлось быть свидѣтелемъ дружной работы участниковъ одного изъ учительскихъ съѣздовъ въ Новгородѣ надъ составленіемъ физическихъ и химическихъ приборовъ изъ простыхъ предметовъ, встрѣчающихся въ обыденной жизни: старыхъ бутылокъ, стакановъ, рюмокъ, гвоздей, сюргуча, воска, лучинокъ и т. п. Надо было видѣть озабоченныя лица молодыхъ учителей и учительницъ, съ энтузіазмомъ предававшихся составленію такихъ импровизированныхъ на скорую руку физическихъ кабинетовъ и химическихъ лабораторій подъ руководствомъ опытнаго преподавателя физики Я. И. Ковальскаго—всякій его совѣтъ выслушивался внимательно, всякая удача опыта привѣтствовалась дружнымъ радостнымъ одобреніемъ. Мы увѣрены, что такая-же картина оживленнаго, проникнутаго любовью къ дѣлу труда повторилась и на съѣздѣ сельскихъ учителей въ Курскѣ, гдѣ авторы воспроизводили передъ глазами членовъ съѣзда опыты, описанные въ разсматриваемой книгѣ. Она начинается общими указаніями относительно пособій, необходимыхъ для опытовъ, при чемъ обращено особое вниманіе на доступность и дешевизну матеріаловъ. Даются самыя подробныя указанія, какъ составлять и обращаться съ приборами, чтобы они возможно *лучше* и *дольше* выполняли свое назначеніе. Затѣмъ дается краткое описаніе тѣхъ *немногихъ* матеріаловъ, при помощи которыхъ, однако, можно воспроизвести всѣ главнѣйшіе опыты начальной химіи: выяснить составъ атмосфернаго воздуха, дать цѣлый рядъ поучительныхъ опытовъ относительно горѣнія и дыханія, показать свойства естественныхъ водъ и воды перегнанной, дистиллированной. Далѣе отдѣльный рядъ опытовъ посвященъ явленію горѣнія и сухой перегонки. Наконецъ опыты съ паяльной трубкой даютъ возможность воспроизвести въ маломъ масштабѣ полученіе металловъ изъ рудъ, *возстановленіемъ* послѣднихъ при помощи угля. Въ концѣ книги имѣется общій перечень посуды и матеріаловъ, необходимыхъ для производства описанныхъ опытовъ съ указаніемъ стоимости наименьшаго количества потребнаго для опытовъ. Изъ этого перечня видно, что устройство такой педагогической лабораторіи, средствами которой, однако,

возможно выяснить въ достаточно удовлетворительной степени свойства воздуха и воды, обойдется всего въ 12 рублей 35 коп.

Можно отъ всей души рекомендовать эту книгу вниманію преподавателей не только низшихъ, но и среднихъ школъ. Чѣмъ ближе и точнѣе будутъ слѣдовать они совѣтамъ этой книги, хотя подчасъ эти совѣты и казались бы имъ слишкомъ мелочными, тѣмъ чище, успѣшнѣе и поучительнѣе будутъ выходить опыты. Вообще, отъ всей книги вѣетъ горячею любовью и преданностью дѣлу преподаванія, въ ней, какъ будто, слышится голосъ стараго опытнаго лаборанта, умудреннаго долголѣтнимъ опытомъ, поучающаго хорошимъ «химическимъ» манерамъ и пріемамъ своихъ молодыхъ сотоварищей. Исполняя желаніе авторовъ, просящихъ во введеніи сообщить имъ замѣчанія по поводу книги, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Въ опытѣ 12-мъ (стр. 33 и далѣе) говорится объ очисткѣ воды фильтрованіемъ, но мало упоминается объ органическихъ (гуминовыхъ) веществахъ, такъ часто окрашивающихъ наши болотныя воды. Здѣсь было бы, по нашему мнѣнію, умѣстно дать опытъ окисленія такихъ веществъ хамелеономъ, какъ примѣръ химической очистки воды. Въ опытѣ 14-мъ не обращено вниманіе на тепловыя явленія, совершающіяся при раствореніи въ водѣ солей. Въ опытѣ 15-мъ для демонстраціи того, что водородъ легче воздуха (стр. 12), можно было бы, кромѣ всего приведеннаго авторами, указать опытъ съ мыльными пузырями, наполненными водородомъ; онъ очень простъ и поучителенъ, воспроизводя въ маломъ видѣ аэростаты. *В. Яковлевъ.*

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Гротъ. «По поводу школьной реформы».—*Мижуевъ.* «Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи».—*Буцинскій.* «Шестилѣтняя дѣятельность лекціоннаго комитета въ Одессѣ».

По поводу школьной реформы. О необходимыхъ элементахъ общаго образованія и воспитанія. Я. К. Грота. Съ присоединеніемъ статьи К. Я. Грота «Къ вопросу о національзаціи русской школы». Спб. 1901 г. Ц. 50 коп. Въ настоящую брошюру вошли три статьи покойнаго академика Грота, написанныя имъ въ защиту классическаго образованія. Первая статья, напечатанная въ 1871 году въ газетѣ «Голосъ» была отвѣтомъ профессору А. Н. Бекетову, утверждавшему, что общее образованіе «должно предпочтительно основываться на естественныхъ наукахъ». Покойный Я. К. Гротъ горячо доказывалъ ошибочность подобнаго взгляда. Общеобразовательными знаніями, по его мнѣнію, можно считать только тѣ, предметъ которыхъ—«духовная сторона человѣка, въ обширномъ смыслѣ, а не тѣ, которыя оби имаютъ одну внѣшнюю природу». Принять естественныя науки, какъ основу образованія, вмѣсто древнихъ языковъ было бы по словамъ Я. К. Грота, «то же, что дать перевѣсъ бездушной природѣ надъ высшею духовною жизнью». Вторая статья настоящей брошюры явилась какъ отвѣтъ М. М. Стасюлевичу и была напечатана въ газетѣ «Спб. Вѣдомости» то же въ 1871 году. Она служитъ развитіемъ мысли, высказанной Я. К. Гротомъ въ полемикѣ съ профессоромъ А. Н. Бекетовымъ. Въ концѣ статьи покойный авторъ приходитъ къ выводу, что классическая система имѣетъ глубокое значеніе для умственнаго развитія молодого человѣка и потому незамѣнима въ образованіи не только ученыхъ и педагоговъ, но и вообще людей, предназначающихъ себя къ высшимъ духовнымъ задачамъ общественной дѣятельности. Третья статья Я. К. Грота не касается собственно классическаго образованія, а трактуетъ вопросъ о значеніи идеаловъ въ воспитаніи.

Возвращаясь ко взглядамъ Я. К. Грота на классическую систему образова-

нія, мы не видимъ въ нихъ чего-нибудь новаго и оригинальнаго. Это все тотъ же восторгъ передъ «древнимъ міромъ» и его геніальными писателями, которые даютъ, по мнѣнію всѣхъ защитниковъ классической школы, колоссальный матеріалъ для образованія юношества какъ въ литературномъ и моральномъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніяхъ гражданскомъ и политическомъ. Мы не будемъ полемизировать здѣсь съ покойнымъ ученымъ. Какъ и теперь, такъ очевидно и въ то время защитники классической системы защищали какую-то невѣдомую намъ классическую школу, въ которой дѣти и юноши проводили время надъ изученіями литературныхъ, историческихъ и политическихъ красотъ древняго міра. Мы, къ сожалѣнію, такой школы не знаемъ. Наше поколѣніе знаетъ только классическую бурсу—гимназію съ казарменной обстановкой, гдѣ все «классическое» образованіе заключалось въ идіотскомъ зубреніи грамматики Эллендта-Зейферта или Кюнера и писаніи экстемпоралей съ русскаго языка на латинскій и греческій. Никакихъ красотъ въ Ксенофонтахъ, Гомерахъ, Цицеронахъ и Вергиліяхъ—мы не видѣли. Они насъ давили, какъ кошмаръ, и выпускали по окончаніи курса съ большими запасами грамматическихъ «исключеній» и съ неменьшимъ запасомъ невѣжества и озлобленія.

Издатель статей покойнаго академика К. Я. Гротъ полагаетъ, что взгляды Я. К. Грота на классическое образованіе могутъ имѣть большое значеніе въ настоящій «критическій моментъ умственной жизни и культурнаго развитія Россіи», какъ безпристрастное, чисто объективное сужденіе извѣстнаго ученаго и педагога. Но мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, ибо, какъ мы уже сказали выше, въ статьяхъ Я. К. Грота нѣтъ ничего новаго. Все, что онъ говорилъ тридцать лѣтъ тому назадъ, все это можно и теперь найти въ статьяхъ и замѣткахъ сторонниковъ существующей системы. Поэтому настоящія статьи могутъ имѣть только чисто біографическое значеніе—не болѣе.

Гораздо интереснѣе для насъ статья самого издателя К. Я. Грота, которая составляетъ половину всей брошюры. Авторъ является поборникомъ «націонализаціи» русской школы, въ которой необходима, по его мнѣнію, «не только полнота преподаванія такихъ основныхъ предметовъ, какъ свой языкъ, словесность и исторія, но чрезвычайно важно также и направленіе, освѣщеніе, духъ ихъ изученія, программа, по которой оно ведется». Русская школа должна имѣть, по мнѣнію К. Я. Грота, *самобытное* основаніе. Это самобытное основаніе должно заключаться прежде всего въ сохраненіи преподаванія *греческаго языка*, значеніе котораго «для русскаго человѣка вполнѣ аналогично значенію латинскаго языка—для западнаго европейца». Необходимость греческаго языка по словамъ автора прямо уже подсказывается «нашей отечественной стариной, исторіей нашей христіанской культуры и православной церкви, судьбами нашего языка, письменности и всей старой литературы». Нужно выйти, наконецъ, по мнѣнію К. Я. Грота изъ заколдованнаго круга космополитической школы и, «понявъ, въ чемъ заключались грѣхи прошлаго, создать условія для возвращенія новыхъ поколѣній—настоящихъ русскихъ людей, знающихъ свою исторію, свой родъ и свою культурную колыбель, съ гордостью сознающихъ себя русскими, стоящихъ за свою народность и свою самобытность!» Надо ли дальше знакомить читателя со взглядами автора? Не читая слѣдующихъ страницъ, можно напередъ сказать, что дальше пойдутъ «судьбы славянскаго міра», «значеніе славянства въ культурной исторіи Европы», Кирилъ и Меѳодій, «русско-славянскія древности» и вообще весь арсеналъ славянофильскихъ аргументовъ современныхъ націоналистовъ, которые вкупѣ съ «Новымъ Временемъ», Сигмами и «Русскимъ Собраніемъ» стремятся вернуть Россію на путь ея «историческаго прошлаго». на страхъ врагамъ и къ вящему укрѣпленію «національнаго сознанія», Timeo danaos et dona ferentes! *Конст. Диксонъ.*

П. Г. Мижуевъ. Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи. Изда-

ніе журнала «Русская Школа». Спб. 1902 г. Ц. 80 к. Всякая система народнаго образованія обыкновенно тѣсно связана съ общимъ политическимъ режимомъ данной страны и поэтому всякое улучшеніе существующей уже системы зависитъ всецѣло отъ улучшенія всего государственнаго строя. Это—истина, которая, конечно, не требуетъ никакихъ особыхъ доказательствъ, хотя она и очень часто забывается многими сторонниками школьной реформы. Только тогда «новая система» можетъ разсчитывать на нѣкоторую прочность и сочувствіе, когда общество будетъ имѣть уже достаточно гарантій, обезпечивающихъ ему правильное развитіе народнаго образованія и полную самодѣятельность. Безъ этихъ гарантій—нѣтъ раціональной «системы», а есть только суррогатъ, который, конечно, можетъ поглотить громадныя суммы народныхъ денегъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не принесетъ ровно никакой пользы. Французская средняя школа «стараго режима» («ancien régime») является типичнымъ примѣромъ подобнаго суррогата. Въ этомъ отношеніи книга г. Мижуева особенно поучительна. Авторъ добросовѣстно изучилъ современное положеніе средней школы во Франціи, а также и ея исторію, и крайне рельефно оттѣнилъ ту связь, какая существуетъ между школой и политическимъ развитіемъ французскаго общества за послѣднюю четверть вѣка. За это время во Франціи нѣсколько разъ были пересмотрѣны учебные планы и программы среднихъ учебныхъ заведеній, какъ классическихъ, такъ и реальныхъ, опредѣлены ихъ взаимныя отношенія, а также и отношенія этихъ двухъ главныхъ типовъ средней школы къ университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Общественное мнѣніе, однако, далеко не было удовлетворено произведенными реформами, а болѣе прогрессивная часть французскаго общества продолжала требовать «болѣе полнаго согласованія организаціи средняго образованія съ демократическими принципами, лежащими въ основѣ государственнаго и общественнаго строя Франціи со времени установленія правительства третьей республики». Какъ результатъ этого требованія, явилось назначеніе въ концѣ 1898 г. особой парламентской коммиссіи для изслѣдованія современнаго состоянія средняго образованія во Франціи и указанія необходимыхъ реформъ. Изданный этой коммиссіей матеріалъ и послужилъ главнымъ основаніемъ для автора вышеуказанной книги, который, кромѣ того, нашелъ нужнымъ дать въ началѣ своего труда бѣглый очеркъ развитія и современнаго состоянія организаціи средней школы во Франціи. Здѣсь авторъ указываетъ, между прочимъ, на ту борьбу, какую пришлось и приходится до сихъ поръ еще вести французскому обществу въ области народнаго образованія, благодаря чрезмѣрной централизаціи административнаго строя Франціи, этого пережитка монархизма. Благодаря указанной централизаціи, французская средняя школа до сихъ поръ носитъ ясные слѣды наполеоновскаго режима, когда среднія учебныя заведенія представляли собою нѣчто въ родѣ казармъ съ военной дисциплиной, гдѣ воспитанники проводили свои школьные годы подъ бой барабана. Въ работахъ вышеуказанной парламентской коммиссіи приняли участіе тридцать три депутата подъ предсѣдательствомъ бывшаго перваго министра Рибо. Коммиссія выслушала цѣлый рядъ показаній профессоровъ высшихъ и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, извѣстныхъ ученыхъ, писателей и др. лицъ, мнѣніе которыхъ могло оказаться полезнымъ для разрѣшенія настоящаго вопроса. Между прочимъ, давали показанія писатели Лемэтръ, Леклеркъ, Брюнетьеръ, Кубертенъ, братья Анатоль и Поль Леруа-Болье и др. Изъ депутатовъ укажемъ на Жореса. Были приглашены также дать показанія бывшіе министры народнаго просвѣщенія Рамбо, Л. Буржуа, Пуанкаре и Комбъ. Кромѣ педагоговъ, служащихъ въ казенныхъ лицеяхъ и коллежахъ, коммиссія пригласила высказаться также и преподавателей частныхъ учебныхъ заведеній, большинство которыхъ, какъ извѣстно, de facto въ рукахъ католическаго духовенства. Такимъ образомъ, передъ коммиссіей дали свои показанія болѣе 15 аббатовъ, извѣстный о. Дидонъ и даже архіепископъ

тулузскій. Этотъ оригинальный «плебисцитъ» далъ крайне интересные результаты. Съ ними русскій читатель можетъ подробно ознакомиться по книгѣ г. Мижуева, появленіе которой нельзя не признать вполнѣ своевременнымъ.

Конст. Диксонъ.

1) Проф. П. Бучинскій. Шестилѣтняя дѣятельность лекціоннаго комитета при новороссійскомъ обществѣ естествоиспытателей. 1895—1901 г. Одесса. 1901 г. 2) Отчетъ о дѣятельности лекціоннаго комитета при одесской городской аудиторіи за 1897—1900 учеб. годы. Одесса. 1901 г. Въ то время, какъ въ Петербургѣ «народный университетъ», благодаря чисто внѣшнимъ условіямъ, «отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть»,—въ Одессѣ онъ занялъ вполнѣ прочное положеніе и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивается. Объясняется это отчасти счастливымъ уставомъ новороссійскаго общества естествоиспытателей, которымъ предусмотрѣно устройство, съ надлежащаго, конечно, разрѣшенія, публичныхъ лекцій, а также и тѣмъ энтузіазмомъ, съ какимъ профессора и молодые приватъ-доценты новороссійскаго университета относятся къ этому новому дѣлу. Надо сказать, что постановка публичныхъ лекцій въ Одессѣ вообще сопряжена съ большими затрудненіями, причемъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить малочисленность преподавательскаго персонала въ мѣстномъ университетѣ. Кромѣ того, лекціи по естествознанію требуютъ большихъ затратъ на постановку опытовъ и, само собой разумѣется, что лекціонному комитету, приступившему къ чтенію лекцій безъ всякихъ средствъ, трудно было самостоятельно справиться съ этой задачей. Къ счастью, къ нему на помощь пришелъ ректоръ университета Ѳ. Н. Шведовъ, который не только разрѣшилъ комитету пользоваться для лекцій актовымъ заломъ, аудиторіями, кабинетами и музеями, но все время,—по свидѣтельству проф. Бучинскаго, принимавшаго самое близкое участіе въ организаціи лекцій,—высказывалъ заботливое отношеніе къ дѣятельности комитета. Лекціи читались по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ составъ курса физико математическихъ факультетовъ нашихъ университетовъ и пользовались громаднымъ успѣхомъ. Проф. Бучинскій въ своей брошюрѣ даетъ подробный отчетъ объ этихъ лекціяхъ, о числѣ слушателей, о возрастѣ ихъ, степени подготовки, занятіяхъ и пр. Что касается количества лекцій, прочитанныхъ членами лекціоннаго комитета, то оказывается, что въ теченіе перваго двухлѣтняго цикла ими было прочитано 596 часовыхъ лекцій, а въ теченіе второго цикла, продолжавшагося 7 полугодій, прочитано 638 лекцій. Кромѣ лекцій, слушатели посѣщали также и практическія занятія, которыя состояли, смотря по предмету, или въ рѣшеніи задачъ, или же въ объясненіи приборовъ, а также различныхъ пріемовъ микроскопической техники, или же въ демонстрированіи различнаго рода микроскопическихъ препаратовъ, спиртовыхъ объектовъ и соотвѣтствующихъ моделей. Число посѣтителей на этихъ занятіяхъ превышало иногда 200 чел., а потому приходилось раздѣлять ихъ на группы около 30 чел. и вести занятія отдѣльно съ каждой группой по очереди.

Кромѣ этихъ популярныхъ университетскихъ лекцій по физико-математическимъ наукамъ, въ той же Одессѣ существуютъ еще элементарныя систематическія чтенія по литературѣ, исторіи и естествознанію, организованныя кружкомъ лицъ при городской аудиторіи. Эти чтенія служатъ какъ бы подготовительной ступенью къ лекціямъ новороссійскаго общества естествоиспытателей и имѣютъ большой успѣхъ. Вторая изъ указанныхъ выше брошюръ знакомитъ насъ съ дѣятельностью лекціоннаго комитета при одесской городской аудиторіи за 1897—1900 учебные годы. Слѣдя за ходомъ подписки на чтенія, представленной въ особой таблицѣ, можно видѣть, что интересъ къ лекціямъ не ослабѣваетъ, но увеличивается, по мѣрѣ того, какъ свѣдѣнія о лекціяхъ распространяются среди населенія все больше и больше. Въ первый годъ подписка дала въ среднемъ по каждому предмету 596 слушателей; во 2-й годъ

по 948 человѣкъ, а въ 3-й—по 1.078 человѣкъ. При этомъ отчетъ отмѣчаетъ, что нѣтъ ни одного предмета, по которому число записавшихся въ который нибудь изъ годовъ было бы меньше предыдущаго года. Курсы по литературѣ и географіи были распредѣлены на три года; по космографіи и анатоміи читались курсы по два года; по физикѣ и химіи сначала поставлены были одногодичные курсы, а потомъ двухгодичные; по всѣмъ прочимъ предметамъ курсы были одногодичные. На нѣкоторыхъ лекціяхъ число посѣтителей доходило до 1.000 человѣкъ и болѣе. Обращаясь къ характеристикѣ посѣтителей систематическихъ чтеній, отчетъ говоритъ, что «аудиторія являлась, дѣйствительно, храмомъ (какъ выразился одинъ изъ слушателей въ своемъ письмѣ), куда собираются люди безъ различія пола, возраста (начиная съ 14-ти лѣтъ), вѣроисповѣданія, общественнаго положенія, состоянія, занятій, образованія. Здѣсь вы могли встрѣтить педагоговъ, врачей, офицеровъ, чиновниковъ; тутъ же рядомъ сидѣли воспитанники учебныхъ заведеній, солдаты, мастеровые, модистки, поденщики, купцы, приказчики, горничныя, кухарки, служителя. Сюда приходили люди съ высшимъ образованіемъ и совсѣмъ неграмотные, богачи и бѣдняки; тутъ же смѣшивались между собою старцы и юноши; тутъ были люди дѣла, между ними попадались и праздношатающіеся. Одни шли съ серьезнымъ намѣреніемъ изученія предмета, другіе для пріобрѣтенія или пополненія своихъ знаній и для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ». Съ особеннымъ интересомъ относится къ этимъ лекціямъ рабочій людъ, что видно хотя бы по тѣмъ выдержкамъ изъ писемъ слушателей, которыя приведены въ отчетѣ. Въ концѣ отчета приложены программы читанныхъ лекцій, списокъ вопросовъ, предложенныхъ посѣтителями лекцій и списокъ учебныхъ пособій при одесской городской аудиторіи. Отчетъ написанъ крайне интересно, и мы горячо рекомендуемъ его тѣмъ, кто интересуется вопросомъ объ организаціи общедоступныхъ лекцій. Оказывается для Одессы это было вовсе не такъ уже трудно и даже не потребовало созданія особаго общества. Достаточно, повидимому, было организовать «кружокъ» лицъ, желающихъ читать лекціи, получить разрѣшеніе отъ попечителя округа и затѣмъ найти подходящее помѣщеніе. Но въ томъ-то и дѣло, что получить разрѣшеніе не вездѣ легко, и то, что возможно въ Одессѣ, можетъ оказаться невозможнымъ въ Москвѣ или Петербургѣ. Все въ данномъ случаѣ зависитъ отъ попечителя округа. Во всякомъ случаѣ, надо пожелать, чтобы примѣръ Одессы не остался безъ подражаній. Впрочемъ, въ провинціи дѣло общественныхъ лекцій, кажется, понемногу начинаетъ прививаться. По крайней мѣрѣ, такія лекціи читались въ Вильнѣ и въ настоящее время читаются въ Екатеринославѣ. Надо надѣяться, что они проникнутъ понемногу и въ другіе города и что, въ концѣ концовъ, то, что возможно для Одессы, будетъ возможно и для Петербурга съ Москвою, гдѣ число жаждущихъ просвѣщенія, конечно, во много разъ больше. *Конст. Диксонъ.*

СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ.

«Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ». — *Риманъ.* «Музыкальный словарь».

Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ. Подъ редакціей А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Спб. 1901 г. Изд. Т ва «Общественная польза» т., I. вып. III-й. Трудное и новое дѣло изданія на русскомъ языкѣ энциклопедіи общественно-юридическихъ наукъ быстро и успѣшно подвигается впередъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ вышедшій третій выпускъ. Къ участію въ словарѣ привлечены выдающіяся научныя силы и общая редакція находится, очевидно, въ опытныхъ рукахъ.

Весь лежащій передъ нами выпускъ заполненъ статьями на букву «б», здѣсь прежде всего отмѣтимъ сжатыя, но очень содержательныя и дѣльныя статьи по экономическимъ вопросамъ г. Филиппова, редактирующаго экономическій отдѣлъ. Статьи эти, что очень важно для «Словаря», снабжены очень богатыми библіографическими указаніяму.

Экономическія статьи, принадлежащія г. Свѣтловскому тоже весьма богаты библіографическими указаніями, но, къ сожалѣнію, слишкомъ уже кратки и афористичны. Луи-Блану, напр., исключая библіографическія указанія, посвящено всего нѣсколько строкъ.

Изъ не экономическихъ статей въ третьемъ выпускѣ обращаетъ на себя вниманіе статья о боярахъ и превосходная, и въ научномъ и еще болѣе того въ публицистическомъ отношеніи статья пр. д. Гессена «бюрократія». Нельзя не пожелать этому «Словарю наилучшаго успѣха. *П. Б.*

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Переводъ съ 5-го нѣмецк. изданія Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ, составленнымъ при сотрудничествѣ П. Веймарна, А. Преображенскаго, Н. Финдейзена, Ю. Энгеля и др. Цѣна по подпискѣ (предполагается 20 выпусковъ) 6 рублей, по выходѣ всего изданія въ свѣтъ 8 рублей. Изд. Юргенсона. Москва. Выборъ для изданія на русскомъ языкѣ «Музыкальнаго словаря» Г. Римана долженъ быть встрѣченъ съ полнымъ сочувствіемъ.

Риманъ одинъ изъ выдающихся современныхъ знатоковъ музыки (теорія и исторіи ея), въ то же время высоко образованный человѣкъ, и его «Словарь» заключаетъ въ себѣ, кромѣ обширнѣйшаго фактическаго матеріала, очень интересныя статьи по вопросамъ музыкальной теоріи и эстетики. Поэтому особенно желательно наибольшая точность перевода тѣхъ мѣстъ «Словаря», въ которыхъ содержатся общія характеристики и опредѣленія.

Съ этой точки зрѣнія нельзя признать удачно переведенными слово Римана о Бахѣ (стр. 89), о Бетховенѣ (стр. 120). Переведено: «I. С. Бахъ... одинъ изъ величайшихъ геніевъ всѣхъ временъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ превзойти нельзя, потому что они какъ бы воплощаютъ въ себѣ музыкальное искусство цѣлой эпохи». Въ подлинникѣ сказано: «... Weil sich in ihnen das musikalische Empfinden und Können einer Epoche gleichsam verkörpert». По нѣмецки выходитъ и красивѣе, и гораздо содержательнѣе. О Бетховенѣ Риманъ пишетъ: «Wenn das religiöse Empfinden in den Werken Bachs seinen schönsten Ausdruck gefunden hat, so ist es dagegen in denen Beethovens das rein Menschliche, Freud'und Leid, das mit der Sprache der Leidenschoft zu uns redet». Переведено: «Если религіозное чувство (?) нашло свое высшее (?) выраженіе въ произведеніяхъ Баха, то музыка Бетховена говоритъ намъ на языкѣ страстей (?) о чисто человѣческихъ радостяхъ и страданіяхъ». Въ переводѣ исчезли и сила выраженія, и точный смыслъ словъ автора.

Впрочемъ, въ общемъ, переводъ вполнѣ удовлетворительный.

Особое вниманіе редакція «Словаря» обратила на пополненіе русскаго отдѣла, который у Римана довольно слабъ. Это очень важная сторона русскаго изданія, которую хотѣлось бы видѣть наиболѣе полной. Этимъ не отличаются нѣкоторыя слова: напр., Бенуа Марія (піанистка). Кромѣ того, особенно желательно указаніе на общественное положеніе и спеціальныя занятій русскихъ музыкальныхъ дѣятелей, изъ которыхъ многіе не музыканты по профессіи (напр. Альферaки).

Новому музыкальному изданію (пока вышли 2 первые выпуска) слѣдуетъ пожелать полнаго успѣха. Боюсь только, чтобы исполненію этого желанія не помѣшало высокая цѣна изданія (переводъ!) и пренепріятная система давать читателю книгу черезъ мѣсяцъ по столовой ложкѣ, очень маленькими выпусками: пока получишь послѣдній выпускъ, потеряешь первый.

В. Вальтеръ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го декабря 1901 г. по 15-ое января 1902 г.).

Уильямъ Джемсъ. Психологія въ бесѣдахъ учителями. Перев. съ англ. Изд. Линда и Байкова. 1902 г. Ц. 50 к.

Джемсъ-Маркъ Бальдвинъ. Введеніе въ психологію. Переводъ съ англ. подъ ред. Спиридонова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

Куно Фишеръ. Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе. Перев съ нѣм. Спб. 1901 г. Ц. 3 р. 50 к.

Артуръ Шопенгауэръ. Полное собраніе сочиненій. Перев. подъ ред. Айхенвальда. Москва. 1902 г. Вып. VI.

О. Трубецкая. Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго. Москва. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гр. Арищенко. Любовь. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

П. Бакалейкинъ. Исповѣдь милліонера. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Ив. Лебедевъ (Одинокій). Въ тревогѣ и борьбѣ. Изд. Ильина. Мск. 1902 г. Ц. 75 к.

Ел. Буланина. Раздумье. Мск. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Свирскій. Рыжикъ (приключ. мал. бродяги). Библ. «Всходовъ». Спб. 1902 г. Ц. 80 к.

А. Челишовъ. Разсказы, очерки и стихотворенія. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.

Г. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства. Перев. Л. Максимова. «Книжное Дѣло». Мск. 1902 г. Ц. 2 р.

А. Ермоловъ. Народная сельскохоз. мудрость. Спб. 1901 г. Ц. 3 р.

Гр. Виленкинъ. Финанс. и эконом. строй соврем. Англіи. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

І. Деникеръ. Человѣческія расы. Перев. Ранцева. Изд. Большакова. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

В. Немировича-Данченко. За далекихъ братьевъ. Изд. «Всходовъ». Спб. 1902 г. Ц. 80 к.

Т. фонъ-деръ Гольцъ. Аграрный вопросъ. Пер. Фегексора. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. Изд. Павленкова.

Э. Лависсъ и Рамбо. Исторія французской революціи. Перев. М. Іолшина. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ Желэ. Преобразуемость живыхъ организмовъ. Перев. Ранцева. Спб. 1902 г. Изд. Большакова. Ц. 1 р. 25 к.

А. Брилліантовъ. Повѣсти и разсказы. Мск. 1902 г. Ц. 90 к.

Ю. Головкина. На Памирахъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. В. Барятинскій. Разсказы. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

И. Абрамовъ. Въ культурномъ скиту. Спб. 1902 г. Ц. 75 к.

Путеводитель по Велик. Сиб. жел. дор. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.

Записки истор.-филолог. факульт. Спб. 1900 г. Т. IV.

Другъ матери. Календарь для матерей. Изд. Ландау. Ц. 1 р. 25 к.

Э. Гриммъ. Изслѣдов. истор. развитія римской импер. власти. Спб. Стасюлевичъ.

Кіевскій календарь. на 1902 г. Бублика. Кіевъ. 1902 г. Ц. 40 к.

Ч. А. Юнгъ. Уроки астрономіи. Перев. съ нѣм. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 50.

Богородицкій. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Кзн. 1901 г. Ц. 2 р.

А. Киселевъ. Элементарная физика. Мск. 1902 г. Ц. 2 р. за 2 вып.

Герценштейнъ. Тифлисскій настольн. календарь за 1902 г.

Аріанъ. Первый женскій календарь. 1902 г. Ц. 1 р.

Труды коммиссіи по вопр. объ алкоголизмѣ. Подъ ред. Нижегородцева. Русское о—во охр. нар. здр.

Отчетъ Моск. о—ва научн. развлеч. за 1900 г.

Екатеринославское научное общество за 1901 г.

Б. Клейнъ. Къ вопросу объ электрич. токахъ въ растеніяхъ.

Село Ново-Животинное и дер. Моховатка въ санит. отнош. Прилож. къ «Сарат. Земской Нед.» за 1901 г.

В. Г. Алексѣевъ. Основы символ. теоріи инвентаріантовъ. Спб. 1901 г.

В. Ламань. Моя теорія оборон. системы верхнихъ путей. Спб. 1902 г.

Э. Меркъ. Іодипинъ. Химич. ф-ка. Дармштадтъ. Отчетъ врачебно-продов. комитета VII съѣзда о-ва русск. врачей 1899—1901 г. Кзн.

Краткая статистико-эконом. описаніе линіи Моск.-Яросл.-Арханг. ж. д.

Памятная книжка Семипал. обл. на 1902 г. Вып. VI.

Гр. Вольтке. Право торговли и промышл. въ Россіи. Спб. 1901 г.

Смирновъ. Ученическіе журналы и сборники. Мск. 1901 г.

П. Б—цкій. Что такое жизнь. Перев. съ нѣм. Ц. 20 к.

Сабанинъ. Системат. роспись книгъ, вышедшихъ въ Россіи за 1899 г. Изд. Русск. о-ва дѣят. печатн. дѣла.

Ежегодникъ для Императ. театровъ. Вып. 2 и 3 сез. 1899—1900 г.

Іос. Мадзини. Объ обязанностяхъ человѣка. Перев. Никифорова. Мск. 1902 г. Ц. 25 к.

Ант. Шенбахъ. Чтеніе и образованіе. Кіевъ. 1902 г. Ц. 40 к.

В. Герасимовъ. Устраненіе чтеній лекцій въ акад. или универс. сист. препод. наукъ. Спб. 1881 г. Ц. 80 к.

Р. Л. Вейнбергъ. Эсты. Изъ русск. антроп. журн. 1901 г.

Сельскохозяйств. обзоръ Нижег. губ. за за 1897—1899 гг. Вып. I.

В. Джемсъ. Стоитъ ли жить. Перев. съ англ. Мск. 1901 г. Ц. 20 к.

В. Гольцевъ. Уголовное право и уголовн. судъ. Изд. ред. «Педагогич. Листка». Мск. 1901 г. Ц. 15 к.

Дружининъ. Волостное правл. и волостной старшина. Изд. то же. Ц. 20 к.

Кеннингемъ. Западная цивилизація. Перев. Когана. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к.

Ив. Ивановъ. Ломоносовъ. Учит. библ. Мск. 1902 г. Ц. 15 к.

Г. Петровъ. Къ свѣту. Мск. 1901 г. Ц. 20 к.

А. Е. Бурцевъ. Библіографич. описаніе рѣдкихъ и замѣч. книгъ. 6 томовъ.

А. Е. Бурцевъ. Опись старыхъ славянскихъ и нов. русскихъ рукописей.

І. В. Гёте. Лисъ Патрикѣевичъ. Съ 36 эст. 24 гр. Каульбаха. Перев. Лихачева. Спб. Марксъ. 12 вып.—14 р.

Г. Зудерманъ. Собраніе сочиненій. Перев. подъ ред. Бальмонта. Изд. Скирмунта.

А. Соколинскій. 15 разсказовъ. Мск. 1902 г. Ц. 80 к.

В. П. Авенаріусъ. Первый вылетъ. Спб. Луковникова. Ц. 1 р.

Гай-Сагайдачная. Спасемъ Ниночку. Ком. для дѣтей. Ц. 30 к.

Гай-Сагайдачная. На чужой квартирѣ. Водев. въ одномъ дѣйствіи. Ц. 15 к.

Баранцевичъ. У камелька. Изд. «Дѣтскаго Чтенія». Мск. Ц. 30 к.

Маминъ-Сибирякъ. Изъ далекаго прошлаго. Изд. то же. Ц. 1 р.

Ив. Ивановъ. Рыцарь слова и жизни. То же. Ц. 50 к.

Баранцевичъ. Вечера. То же. Ц. 30 к.

Баранцевичъ. Къ свѣту. То же .25 к.

Гиляровскій. Портной Ерошка. То же. Ц. 5 к.

Немировичъ-Данченко. Подъ небомъ Африки. Тоже. Ц. 60 к.

Немировичъ-Данченко. Соколиныя гнѣзда. То же. Ц. 50 к.

Д. И. Тихоміровъ. О жизни Н. В. Гоголя. То же. Ц. 10 к.

Свѣшникова. Князь Серебряный. То же. Ц. 15 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ. Друзья. То же. Ц. 20 к.

Федоровъ-Давыдовъ. Ловкій башмачникъ. То же. Ц. 20 к.

Антонъ Чеховъ. Разсказы. Т. IX. Изд. Маркса. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. Изд. Скорпіона. Ц. 1 р. 35 к.

В. Брусянинъ. Разсказы. Изд. «Книжное Дѣло». Мск. Ц. 1 р.

Н. Н. Бахметевъ. Стихотворенія. Мск. 1901 г. Ц. 80 к.

Шевченко. Повѣсти. Т. I и II. Кіевъ. Ц. 80 к. 2 т.

А. Брэмъ. Жизнь животныхъ. П. П. Сойкина. Вып. II.

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Ирландіи. Доровативскаго и Чарушникова. Ц. 80 к.

П. Сергѣенко. Сократъ. Изд. «Дѣтскаго Чтенія». Ц. 40 к.

Свѣшниковъ. Ледяной домъ. Тоже. Ц. 30 к.

Короленскій. Прежде и теперь. Изд. «Всходовъ». Ц. 1 р.

І. Шерръ. Всеобщая исторія и литература. Подъ ред. П. Вейнберга. Мск. «Трудъ». Вып. I.

Джонъ Рёскинъ. Сельскіе листья. Перев. Никифорова. Мск. 1902 г.

П. Г. Мижуевъ. Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи. Изд. «Русск. Школы». Ц. 80 к.

С. Я. Надсонъ. Недопѣтыя пѣсни. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ. Разсказы и сказки. Изд. «Дѣтскаго Чтенія». Ц. 1 р.

Статистич. Сборникъ по Яросл. губ. Вып. 10. Яросл. 1901 г.

Заикинъ. Бесѣды о травосѣяніи. Деревенское хозяйство и деревенская жизнь подъ ред. Горбунова-Посадова. Мск. 1901 г. Ц 2 к.

Селивановъ. Какъ отъ болота хорошую пользу получить. Изд. то же. Ц. 3 коп.

Дегеренъ. Какъ лучше и выгоднѣе удобрять землю. Изд. то же. Ц 2 к.

Какъ выбрать хорошую лошадь и молочную корову. Изд. то же. Ц. 2 к.

Буткевичъ. Скарлатина самая тяжелая и опасная изъ дѣтскихъ болѣзней. Изд. то же. Ц. 2 к.

Буткевичъ. Дифтеритъ. Изд. тоже. Ц. 2 к.

Ив. Поповъ. Объ улучшеніи молочнаго скота. Изд. то же. Ц. 3 к.

И. Поповъ. О крестьянской рабочей лошади. Изд. то же. Ц. 3 к.

Жилинъ. Какъ сдѣлаться хорошимъ огородникомъ. Изд. то же Ц. 20 к.

Костычевъ. Общедоступное руководство къ земледѣлію. Изд. то же. Цѣна 50 коп.

Штейертъ. Какъ помогать скотинѣ въ несчастныхъ случаяхъ. Изд. то же. Ц. 40 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Science et Education» par M. Berthelot (*Lecène et Oudin*). *3 fr. 50.* (*Наука и воспитаніе*). Въ этомъ сборникѣ своихъ статей и рѣчей, знаменитый французскій ученый обсуждаетъ вопросы двоякаго рода: одни изъ нихъ касаются народнаго образованія и воспитанія и той роли, которую должна играть наука въ современныхъ обществахъ, другіе же относятся къ исторіи современныхъ наукъ. Авторъ излагаетъ свои взгляды на руководящую дѣятельность науки въ обществѣ и ея консервативное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эволюціонистское вліяніе въ нравственномъ, политическомъ и экономическомъ мірѣ. Въ особенности же онъ настаиваетъ на томъ, что наука должна служить основою нравственности и этическаго направленія общества. Въ своихъ статьяхъ о Бернарѣ, математикѣ, о Мильнъ Эдвардсѣ, зоологѣ, о ботаникахъ Ноденѣ и Декенѣ и о физіологѣ Броунъ-Секарѣ Бертело обсуждаетъ нѣкоторыя изъ великихъ проблемъ науки и самые возвышенные вопросы научной философіи.

(Journal des Débats).

«Ethnologische Novellen» von Otto Hauser (*Bonz und C°*). *Stuttgart.* (*Этнологическія повѣсти*). Подъ этимъ страннымъ названіемъ авторъ печатаетъ свои разсказы— «Плоды своихъ обширныхъ фольклористическихъ изслѣдованій», какъ говоритъ онъ въ своемъ предисловіи. Онъ сознается въ своемъ пристрастіи къ экзотическому матеріалу, но читатель охотно проститъ автору эту слабость, такъ какъ онъ изображаетъ въ своихъ разсказахъ совершенно новую область, рѣдко встрѣчающуюся въ обыкновенныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ, разсказы автора имѣютъ несомнѣнно, культурно-историческій интересъ, но, кромѣ того, они художественно обработаны и съ точки зрѣнія стиля не оставляютъ желать лучшаго.

(Berliner Tageblatt).

«Meine Wanderungen» von Eugen Wolf. (*Im Innern Chinas*). *Mit 67 Illustrationen. Stuttgart und Leipzig.* (*Deutsche Verlagsanstalt*). (*Мои странствованія*). Очень живо и занимательно написанныя путевыя замѣтки извѣстнаго нѣмецкаго корреспондента Вольфа. Въ этомъ томѣ Вольфъ описываетъ свои странствованія и приключенія внутри Китая. Кромѣ того, въ его книгѣ заключается много цѣнныхъ свѣдѣній и политическихъ соображеній, касающихся современнаго положенія дѣлъ въ Китаѣ.

(Berliner Tageblatt).

«Lamarck, the Founder of Evolution». His Life and Work. By Alphens Packard, prof. of Zoology und Geology im Brown University (*Ламаркъ, основатель эволюціи*). Ученый міръ обязанъ американскому профессору наиболѣе полнымъ и превосходнымъ описаніемъ жизни и трудовъ полузабытаго философа, считающагося истиннымъ творцомъ ученія объ органической эволюціи. Ламарковская теорія органической эволюціи, подъ именемъ неоламаркизма, привлекаетъ къ себѣ въ настоящее время интересъ современнаго ученаго міра и пріобрѣтаетъ въ немъ много сторонниковъ.

(Daily News).

«Constantinople and its Problem» by Henry Otis Dwight (*Oliphant*). *Константинополь и соединенныя съ нимъ проблемы*). Прекрасное описаніе константинопольской жизни и изслѣдованіе причинъ упадка ислама, въ связи съ изученіемъ недостатковъ и достоинствъ этого ученія. Книга представляетъ современный интересъ.

(Daily News).

«Zwanzig Jahre in Süd. Afrika». Reisen, Erlebnisse und Beobachtungen, von August Einwald. (*Gebrüder Iänecke*). *Hannover.* (*Двадцать лѣтъ въ Южной Африкѣ; путешествія, приключенія и наблюденія*). Во время своего долговременнаго пребыванія и многочисленныхъ странствованій по Южной Африкѣ, авторъ имѣлъ случай хорошо познакомиться и изучить буровъ и кафровъ. Разсказы его объ этихъ народахъ и вообще о южно - африканской жизни заключаютъ въ себѣ много интереснаго.

(Frankfurt. Zeitung).

«Selbst porträts und andere porträts» Kopenhagen (*Gyldendalske Voghandel*). (*Соб-*

ственные портреты и другіе портреты). Одна копенгагенская издательская фирма выпустила въ свѣтъ оригинальный издательскій каталогъ, для котораго болѣе пятидесяти шведскихъ и норвежскихъ писателей написали о себѣ или о другихъ краткія замѣтки или біографическія свѣдѣнія. Нѣкоторыя изъ этихъ краткихъ замѣтокъ очень характерны. Напримѣръ, Біорнсонъ Натесовъ пишетъ, что онъ родился въ Остердаленъ и что его «безчисленное множество разъ убивали въ Христіаніи»; въ послѣдній разъ его убили въ ноябрѣ 1901 г.—«aber nie genug», прибавляетъ онъ.

(Berliner Tageblatt».

«Essai d'une psychologie politique du peuple anglais au dixneuvième siècle» par M. Boutmy (*Armand Colni*). (*Опытъ политической психологіи англійскаго народа въ XIX вѣкѣ*). Книгу эту можно назвать образцовымъ произведеніемъ изъ области этнической психологіи. Въ ней разсматриваются и подвергаются всестороннему изученію всѣ проявленія жизни англійскаго народа, во всемъ своемъ великомъ разнообразіи. Авторъ отдѣляетъ постоянныя черты народнаго характера отъ такихъ, которыя подвергаются измѣненіямъ и складываются подъ вліяніемъ окружающей среды. Основную черту характера англійскаго народа составляетъ, по мнѣнію автора, индивидуализмъ, но, между тѣмъ, эти индивидуалисты ввели у себя такую свободную ассоціацію, какой нѣтъ у другихъ народовъ и извлекаютъ изъ нея наибольшую пользу. Авторъ подвергаетъ самому тщательному анализу душу англійскаго народа и отыскиваетъ въ психологіи англійскаго народа объясненіе нѣкоторымъ фактамъ современной англійской жизни, которые кажутся непонятными на первый взглядъ и противорѣчащими характеру англичанъ. Очень живо и остроумно написанная книга, обнаруживающая огромную наблюдательность и эрудицію автора, читается такъ же легко, какъ романъ и можетъ разсчитывать на большой кругъ читателей.

(Journal des Débats).

«The Making of an American» by Jacob A. Riis (*Macmillan and C°*) (*Воспитаніе американца*). Авторъ этой занимательной книги, довольно извѣстный американскій журналистъ, разсказываетъ въ ней исторію своей жизни и своего вступленія на поприще журнализма. Переселившись изъ Даніи въ Америку въ очень юномъ возрастѣ, съ нѣсколькими фунтами въ карманѣ, авторъ началъ борьбу за существованіе и перенесъ много лишеній и бѣдствій, прежде чѣмъ попалъ на дорогу. Онъ разсказываетъ о своей репортерской дѣятельности, о своей жизни въ трущобахъ Нью-Іорка, которыя онъ изучилъ очень хорошо. Вообще книга изобилуетъ интересными страницами и знакомитъ читателя съ жизнью большого американскаго города.

(Manchester Guardian).

«Alkoholism: A study in Heredity» by G. Archdall Reid. London (*Fisher Unwin*). (*Алкоголизмъ; изслѣдованіе наслѣдственности*). Авторъ доказываетъ, что прогрессъ расъ и переходъ ихъ отъ пьянства къ трезвости долженъ совершиться посредствомъ естественнаго процесса «алькоголической эволюціи». Онъ не придаетъ никакого значенія пропагандѣ трезвости и различнымъ методамъ, направленнымъ къ уменьшенію пьянства. По его мнѣнію, большинство этихъ методовъ, какъ, напримѣръ, ограниченіе продажи спиртныхъ напитковъ, приносятъ только зло, такъ какъ задерживаютъ ходъ естественной эволюціи. Онъ указываетъ на то, что южно-европейскія рассы уже достигли извѣстной стадіи этой эволюціи и поэтому отличаются трезвостью. Для ускоренія этого процесса авторъ совѣтуетъ запретить закономъ браки пьяницъ, такъ какъ наслѣдственность играетъ въ дѣлѣ распространеніе алкоголизма огромную роль.

(Daily News).

«An Introduction to Psychology» by prof. Mory Whitonlalkins. London (*Macmillan and C°*). *Введеніе въ психологію*). Прекрасно написанная книга, которая можетъ заинтересовать обыкновеннаго читателя, несмотря на свой строго-научный характеръ. Особенно интересна глава о воображеніи, которая заключаетъ въ себѣ много полезныхъ свѣдѣній для литературныхъ критиковъ, глава о памяти заслуживаетъ того, чтобы ее прочитали всѣ тѣ, кто имѣетъ дѣло съ воспитаніемъ дѣтей. Авторъ говоритъ въ отдѣльныхъ главахъ о религіозномъ сознаніи, о вѣрѣ и все сказанное имъ по этому поводу отличается ясностью и простотой и составляетъ пріятный контрастъ съ туманными разсужденіями, которыя встрѣчаются въ большинствѣ сочиненій, трактующихъ эти вопросы.

(Daily News).

«Ethik und Volkswirtschaft in der Geschichte» von D-r Z. Brentano. München 1901 (*Wolf und Sohn*). (*Этика и народное хозяйство въ исторіи*). Эта небольшая книга заключаетъ въ себѣ бѣглый обзоръ развитія политико-экономическихъ взглядовъ въ предѣлахъ христіанскаго міровоззрѣнія. Авторъ сначала излагаетъ взгляды отцовъ церкви, а затѣмъ временъ реформаціи. Приближаясь къ современной эпохѣ, авторъ становится болѣе краткимъ и поэтому даже не упоминаетъ о нѣкоторыхъ ученіяхъ, напр., о соціализмѣ.

(Berliner Tageblatt).

«Zwang nnd Freiheit, ein Generalfactor in Völkerleben» von D-r Karl Kindermann, prof. an der Universität Heidelberg. Tena (*Gustav Fischer*). (*Принужденіе и свобода.*

какъ главные факторы народной жизни). Авторъ задался трудною задачей отыскать для всѣхъ явленій народной жизни въ прошломъ и настоящемъ основныя положенія и такимъ образомъ выяснить происхожденіе этихъ явленій. Вообще цѣль автора—дать другое общефилософское направленіе воззрѣніямъ науки на жизнь народовъ и заставить ее бросить прежній путь изслѣдованія фактовъ, который до сихъ поръ считался главною задачей политической экономіи. Авторъ добивается этой цѣли посредствомъ математическаго анализа и классификаціи главныхъ теченій народной жизни, отыскивая въ ней общихъ факторовъ, которые обусловливаютъ появленіе этихъ теченій.

(Francfurt. Zeitung).

«*A History of German Litterature as determined by Social Forces*» *by Kuno Francke* (*Bellund Sous*). (*Исторія германской литературы, опредѣляемая соціальными силами*). Многообѣщающее названіе книги, однако, не вызываетъ разочарованія у читателей. Эта исторія литературы написана совсѣмъ не по тому шаблону, по какому пишутся обыкновенно такія книги. Авторъ ея поставилъ себѣ задачей, на основаніи изученія источниковъ, представить связную картину великихъ умственныхъ движеній германской жизни, отражающихся въ германской литературѣ. Такая картина, конечно, была бы въ то же время и картиною исторіи германскаго народа въ произведеніяхъ его мыслителей и поэтовъ. Эту задачу авторъ выполнилъ.

(Athaeneum).

«*Imperium et Libertas, a study in history and politics*» *by Bernard Holland. London* (*E. Arnold*). (*Имперія и свобода, очеркъ исторіи и политики*). Авторъ этой книги, исходя изъ того убѣжденія, что обширность британской имперіи представляетъ опасность для ея существованія и что имперія можетъ существовать и развиваться лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы метрополія предоставила максимумъ возможной свободы всѣмъ своимъ отдѣльнымъ частямъ, предлагаетъ организацію громаднаго имперскаго таможеннаго союза, въ составъ котораго вошли бы всѣ британскія колоніи. Англія въ этой могучей ассоціаціи должна играть такую же роль, какую игралъ нѣкогда древній Римъ по отношенію къ своимъ колоніямъ. Авторъ развиваетъ свою мысль, доказывая, что постоянное расширеніе владѣній британской имперіи ведетъ къ ослабленію связи съ метрополіей и въ результатѣ можетъ снова повториться исторія американскихъ колоній.

(Times).

«*Au bout du Monde*». *Une saison en Nouvelle Zélande, par Gaston de Ségur. Avec 23 gravures et cartes. 4 fr.* (*Plan et Nourrit*). (*На краю свѣта*). Новая Зеландія представляетъ для путешественниковъ громадный интересъ въ двойномъ отношеніи: во-первыхъ, ея соціальная организація очень интересна. Несмотря на свое недавнее существованіе, эта колонія уже можетъ похвастать большими городами, которые, въ отношенія комфорта и всякихъ современныхъ усовершенствованій и нововведеній, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Кромѣ того, своими смѣлыми нововведеніями и экспериментами въ области соціальнаго законодательства и соціальной жизни, Новая Зеландія приковываетъ къ себѣ вниманіе Европы. Во-вторыхъ, рядомъ съ цивилизаціей, такъ быстро развивающейся и достигшей уже огромныхъ успѣховъ, встрѣчается совершенно первобытная природа, напоминающая доисторическія времена, прообразомъ которой служатъ великія дѣвственныя лѣса южнаго берега. Конечно, рѣзкіе контрасты первобытной жизни съ цивилизованною постепенно исчезаютъ теперь и, пожалуй, скоро настанетъ время, когда уничтожатся послѣдніе слѣды первобытнаго характера страны. Но пока еще сохранились замѣчательные уголки въ Новой Зеландіи и они-то представляютъ такой разительный контрастъ съ ея теперешнею цивилизаціей.

(Journal des Debats).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

отвѣтилъ докторъ.—Врядъ-ли отъ этого будетъ какая-нибудь польза, но законъ такъ требуетъ.

— Развѣ не будетъ произведено разслѣдованіе?

— Непремѣнно. Вся бѣда, именно, въ томъ, что они черезчуръ много разслѣдуютъ и никогда не преслѣдуютъ.

— Благодарю васъ, — сказалъ Питеръ.

Онъ попрощался съ родителями и поднялся въ четвертый этажъ. Кусочекъ крепа у дверей указалъ ему, гдѣ жила Бриджетъ Миллиганъ. Здѣсь приготовленія къ похоронамъ значительно подвинулись. Не только горѣли у гроба свѣчи, но четыре откупоренныхъ бутылки стояли на холодной плитѣ, и деревянный жбанъ съ пивомъ охлаждался въ лоханкѣ, наполненной льдомъ. Питеръ задалъ нѣсколько вопросовъ. Родителей здѣсь не было, были только старшіе братъ и сестра. Патрикъ служилъ дворникомъ, Элленъ набивала папиросы. У нихъ было отложено нѣсколько денегъ, довольно, чтобы заплатить за похороны.

— М-ръ Моргерти уступилъ намъ виски и пиво за полцѣны,—обстоятельно объяснила дѣвочка.—Благодаримъ васъ, сэръ, намъ ничего не нужно.

Питеръ собрался уходить.

— Бриджетъ часто говорила намъ про васъ. Благодарю васъ за все, что вы для нея сдѣлали.

Питеръ спустился внизъ и зашелъ въ сосѣдній домъ, чтобы взглянуть на паціентовъ д-ра Племма. Они были уже на пути къ выздоровленію.

— Они не пили молока до вчерашняго дня,—разсказывалъ ему сѣдой съ печальнымъ взглядомъ докторъ,—а меня позвали сегодня рано утромъ. Я сейчасъ же заподозрилъ молоко и принялъ свои мѣры. Докторъ Соперъ, рядомъ, молодой человѣкъ, и не такъ скоро соображаетъ. Но онъ лучше знакомъ съ научной стороной и можетъ сдѣлать хорошій анализъ.

— Вы думаете, что они выкарабкаются?

— Если жара немного спадетъ, — сказалъ докторъ, вытирая лобъ.—Здѣсь девяносто восемь градусовъ, а этого довольно, чтобы убить даже здороваго ребенка.

— Можно ли ихъ перевезти?

— Думаю, что можно будетъ, завтра.

— Миссисъ Дулей, можете ли вы завтра увезти дѣтей въ деревню, если я вамъ укажу—куда?

— У меня очень мало денегъ, сэръ.

— Это вамъ не будетъ стоитъ ни копѣйки. Можете вы оставить свою семью?

— Да тутъ только одинъ, Майкъ, а онъ и самъ отлично справится.

— Такъ если дѣти завтра будутъ въ состояніи ѣхать, будьте готовы къ четверти двѣнадцатаго, и вы всѣ отправитесь недѣльки на двѣ въ Массачузетсъ, къ моей матери. Тамъ ихъ будутъ отлично кормить,—обратился онъ къ доктору, — передъ домомъ у насъ лугъ съ травой и цвѣтами, и лѣсъ недалеко.

— Это поставить дѣтей на ноги,— сказалъ докторъ.

— А кстати о молокѣ. Развѣ санитарное управленіе не оштрафуетъ торговцевъ?—спросилъ Питеръ.

— Вѣроятно нѣтъ,—былъ отвѣтъ.— Очень трудно заставить его что-нибудь сдѣлать, а въ это время года, когда многіе изъ его членовъ въ отпуску, еще труднѣе его расшевелить.

Питеръ отправился на ближайшую телеграфную станцію и послалъ депешу матери. Потомъ онъ вернулся въ свою квартиру и сталъ изучать стѣну. Но Питеръ не думалъ о темно-сѣрыхъ глазахъ. Онъ обдумывалъ свое первое дѣло. Онъ нашелъ себѣ кліента.

Глава XIII.

Дѣло.

На другое утро Питеръ принялся за дѣло съ такого часа, который, если мы въ это время случайно проснемся, служитъ намъ предисловіемъ сладкаго четырехчасоваго сна. Вечеръ наканунѣ онъ посвятилъ освѣженію въ своей памяти нѣкоторыхъ муниципальныхъ за-

коновъ и другихъ подробностей, которые могли ему понадобиться, и уже съ пяти часовъ утра былъ въ рабочемъ кварталѣ, допрашивая свидѣтелей и дѣлая замѣтки.

Произвести слѣдствіе было не трудно. Молоко было куплено съ телѣжки одной компаніи, которая каждый день проѣзжала по кварталу, но не развозила заказовъ, а просто по мелочамъ продавала молоко, кому нужно. Питеру указали въ это утро телѣжку, но онъ записалъ только адресъ компаніи и больше не обратилъ на нее вниманія. Ему было надъ чѣмъ задуматься, кромѣ телѣжки и возницы.

Онъ прервалъ свои занятія, только чтобъ проводить на вокзалъ миссисъ Дулей и ея двухъ дѣтей. Послѣ этого Питеръ отправился въ сѣверную часть города, пока не дошелъ до берега рѣки. Ему пришлось навести нѣсколько справокъ и, наконецъ, онъ добрался до дрянной лачуги съ вывѣской:

Національная молочная компанія.

КОНТОРА.

Лачуга была заперта, и кругомъ не было видно ни души, хотя у дверей стояло нѣсколько телѣжекъ. За лачугой рядъ сараевъ, примыкавшихъ къ большому пивоваренному заводу. Два человѣка стояли у дверей одного изъ сараевъ. Питеръ направился къ нимъ и и спросилъ, не могутъ ли они сказать, гдѣ онъ можетъ найти кого нибудь, имѣющаго отношеніе къ молочной компаніи.

— Управляющій пошелъ завтракать,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—если вамъ нужно сдѣлать заказъ, я могу принять его.

Питеръ сказалъ, что дѣло не въ заказѣ, и началъ разговаривать съ рабочими. Только что онъ собрался распросить ихъ, какъ третій человѣкъ, выйдя изъ сарая, присоединился къ нимъ.

— А корова подохла,—замѣтилъ онъ, подходя.

— Уже?—спросилъ тотъ, котораго звали Билль. Оба встали и вошли въ сарай. Питеръ послѣдовалъ за ними.

— Вамъ нельзя, сказалъ вновь пришедшій.

Но Питеръ вошелъ въ дверь, не обращая на него вниманія.

— Вернитесь, — кричалъ человѣкъ, идя за нимъ.

Питеръ обернулся къ нему:

—Вы служащій національной молочной компаніи?—спросилъ онъ.

— Да, отвѣтилъ человѣкъ,—и намъ приказано....

Питеръ обыкновенно выслушивалъ до конца, но тутъ онъ оборвалъ рабочаго прежде, чѣмъ онъ успѣлъ докончить свою рѣчь, заговоривъ такимъ рѣшительнымъ и повелительнымъ тономъ, что тотъ сразу замолкъ.

— Дѣлайте свое дѣло, — сказалъ онъ,—и не думайте меня выпроваживать. Я знаю, что мнѣ нужно.

Потомъ Питеръ пошелъ такъ скоро за двумя рабочими, какъ только могъ въ полумракѣ, господствовавшемъ въ сараѣ. Третій рабочій почесалъ затылокъ и тоже вошелъ за всѣми.

Хотя въ сараѣ было почти темно, Питеръ разглядѣлъ, что идетъ между двумя рядами коровъ по такому узенькому проходу, что два человѣка едва могли бы разойтись въ немъ. Было грязно, очень жарко, и въ воздухѣ стоялъ особенный запахъ, котораго Питеръ никогда прежде не замѣчалъ въ коровникахъ. Запахъ этотъ напоминалъ ему что то, чего Питеръ не могъ опредѣлить.

Наконецъ Питеръ догналъ обоихъ людей. Одинъ изъ нихъ зажегъ фонарь и разсматривалъ корову, которая лежала на землѣ. Было очевидно, что она издохла. Питеръ обратилъ вниманіе на облѣзлый и загноившійся хвостъ ея и на двѣ большія язвы на боку; при видѣ этого онъ вздрогнулъ отъ отвращенія.

— Плохо выглядитъ корова,—сказалъ Питеръ.

— Вы находите? — возразилъ человѣкъ съ фонаремъ.—Ничего не подѣлаешь, это неизбѣжно, когда коровъ кормятъ пивными остатками.

— Придержи языкъ, Билль,—сказалъ человѣкъ, пришедшій вслѣдъ за Питеромъ.

— Не мѣшайтесь не въ свое дѣло,—

отвѣтилъ Питеръ, быстро повернувшись такимъ голосомъ, что тотъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ. Сильное волненіе охватило Питера, глядя на издохшую корову, онъ думалъ о бѣдныхъ маленькихъ дѣтяхъ, метавшихся въ горячкѣ, и ему хотѣлось....

Питеръ опустилъ руку, которою безсознательно замахнулся.

— Дайте фонарь!—скомандовалъ онъ.

Человѣкъ колебался и глядѣлъ на товарищей.

— Давай фонарь сейчасъ!—сказалъ Питеръ не громко, но его голосъ такъ и звенѣлъ. Фонарь былъ поданъ ему, онъ взялъ его и пошелъ вдоль ряда коровъ. Питеръ увидѣлъ на многихъ изъ нихъ болѣе или менѣе развившіяся язвы. Двѣ или три были уже въ той сильной степени болѣзни, когда хвостъ начинаетъ гноиться. Рабочіе слѣдовали за нимъ во время этого осмотра и возбужденно перешептывались. Питеру не нужно было много времени, чтобы увидѣть все, что онъ хотѣлъ видѣть. Отдавая у дверей фонарь, онъ спросилъ:

—Какъ васъ зовутъ?

Рабочіе казались сконфуженными и нерѣшительно переступали съ ноги на ногу.

— Ваше имя? — переспросилъ Питеръ, глядя на того, который мѣшалъ ему войти.

— А вамъ зачѣмъ?—возразилъ тотъ.

— Это мое дѣло. Ваше имя?

— Джонъ Тинглей.

— Гдѣ вы живете?

— На 61-й улицѣ, номеръ 310.

Питеръ выспросилъ и записалъ имена и адреса всѣхъ трехъ, потомъ отправился въ контору компаніи, которая теперь была открыта.

— Что, это компанія, утвержденная правительствомъ?—спросилъ онъ человѣка, который качался, развалясь на стулѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ, переставъ качаться и съ подозрѣніемъ глядя на Питера.

— Кому она принадлежитъ?.. продолжалъ свой допросъ Питеръ.

— Я управляющій.

— Я васъ не объ этомъ спрашиваю.

— А я вамъ такъ отвѣчаю.

— А какъ ваше имя?

— Джемсъ Кольдманъ.

— Имѣете ли вы намѣреніе отвѣчать на мои вопросы?

— Не имѣю, пока не узнаю, что вамъ нужно.

— Мнѣ надо узнать, противъ кого здѣсь возбудить уголовное преслѣдованіе.

— По какой причинѣ?

— Узнаете изъ приказа.

Человѣкъ безпокойно задвигался на стулѣ.

—Дайте мнѣ срокъ до завтра.

— Нѣтъ. Приказъ о началѣ преслѣдованія выйдетъ сегодня. Рѣшайте.

— Я думаю, лучше противъ меня,—сказалъ человѣкъ.

— Прекрасно,—замѣтилъ Питеръ.— Вы, конечно, чувствуете, что вашему хозяину не сдобровать, а такъ какъ до васъ именно, мнѣ нѣтъ дѣла, то вы выиграете для него только нѣсколько дней безопасности цѣною тюремнаго заключенія.

— Ладно, я все-таки рискну,—сказалъ человѣкъ.

Питеръ повернулся и ушелъ. Онъ направился прямо къ Блакеттамъ.

— Я хочу, чтобы вы подали въ судъ,—сказалъ Питеръ отцу.—Эти люди заслуживаютъ хорошаго урока, и если вы поручите это дѣло мнѣ, то оно вамъ не будетъ стоить ни гроша. А если вы въ тоже время предъявите искъ гражданскимъ порядкомъ, то, вѣроятно, еще получите немного денегъ.

Блакеттъ согласился, также какъ Патрикъ Миллиганъ и Майкъ Дулей. Они уже пріобрѣли извѣстность въ своемъ кварталѣ благодаря смерти однихъ дѣтей и выздоровленію другихъ, а «дѣло въ судѣ» обѣщало имъ еще большую знаменитость. По этому они торжественно отправились съ Питеромъ, принесли жалобу подъ присягой и получили приказъ о привлеченіи управляющаго, какъ обвиняемаго, кучера и трехъ другихъ рабочихъ, какъ свидѣтелей, на слѣдующій день.

Въ этотъ вечеръ на порогѣ домовъ въ рабочемъ кварталѣ только и говорили, что о дѣлѣ, и наши три истца ста-

ли героями дня. Даже миссисъ Блакеттъ и Элленъ Миллиганъ забыли свое горе и присоединились къ компаніи на крыльцѣ.

— Вотъ досада-то, что миссисъ Дулей уѣхала!—говорила одна изъ кумушекъ. — Она будетъ страшно жалѣть, когда узнаетъ, что пропустила.

На другое утро Питеръ, оба доктора, супруги Блакеттъ, братъ и сестра Миллиганъ, Дулей, молочный квинтетъ и столько обитателей рабочаго квартала, сколько могло набиться, были въ судѣ въ девять часовъ утра. Обвинители и друзья были крайне разочарованы, что дѣло прошло такъ спокойно. Вопросы предлагались чисто формальные, кромѣ одного, когда Питеръ пожелалъ узнать имя или имена владѣльца или владѣльцевъ «Національной молочной компаніи». Тутъ адвокатъ обвиняемаго, искусный и опытный юристъ, вмѣшался, и произошла горячая схватка, съ попыткой вывести изъ себя Питера. Но Питеръ не потерялъ голову и, въ концѣ концовъ, добился своего. Хозяиномъ оказался владѣлецъ пивовареннаго завода, какъ Питеръ и подозрѣвалъ, утилизировавшій отбросы своихъ чановъ, кормя ими коровъ.

На требованіе Питера возбудить противъ владѣльца пивовареннаго завода дополнительное преслѣдованіе защитникъ обвиняемаго сумѣлъ доказать, опираясь на показанія управляющаго, хотя оное едва ли могло имѣть значенія, будто пивоваръ не имѣлъ понятія, что негодное для другихъ потребителей молоко на другой день развозилось по рабочему кварталу, а также, что фальсификація молока производилась безъ его вѣдома. Такимъ образомъ попытка наказать богача не увѣнчалась успѣхомъ. Онъ могъ на свои деньги купить подставное лицо.

— Ей-Богу,—говорилъ Дулей Питеру, когда они выходили изъ суда. —Я думаю, вы могли бы по крайней, мѣрѣ, высказать имъ свое мнѣніе.

— Подождите до разбирательства,—сказалъ Питеръ.—Мы не должны тратить пороху до начала сраженія.

Такимъ образомъ по кварталу прошелъ слухъ, что «будетъ потѣха въ настоящемъ судѣ», и его съ нетерпѣніемъ ждали пять тысячъ человѣкъ.

Глава XIV.

Нью-Іоркское правосудіе.

На слѣдующее утро Питеру удалось повидать на минуту прокурора и вручить ему памятную записку о нѣкоторыхъ подробностяхъ дѣла, которыя не были внесены въ протоколъ предварительнаго засѣданія суда.

— Я буду докладывать совѣту присяжныхъ завтра,—сказалъ прокуроръ, не обнаруживая ни малѣйшаго интереса къ дѣлу.

— Когда дѣло будетъ разбираться, если они найдутъ искъ правильнымъ?

— Не могу вамъ сказать,—отвѣтилъ прокуроръ.

— Я желалъ бы точно знать это,—замѣтилъ Питеръ,—такъ какъ трое свидѣтелей въ отсутствіи, а мнѣ важно, чтобы они во-время вернулись.

— Вѣроятно, недѣли черезъ двѣ, — зѣвая, отвѣтилъ служитель закона, и Питеръ, понявъ намекъ, поспѣшилъ откланяться.

Остатокъ утра посвященъ былъ собиранію необходимыхъ документовъ для возбужденія трехъ гражданскихъ исковъ противъ богатаго пивовара. Питеръ сейчасъ же написалъ прошенія и сдѣлалъ все необходимое, чтобъ поскорѣе подать ихъ.

Это произвело немедленное дѣйствіе въ видѣ визита на слѣдующій день того же адвоката, который защищалъ управляющаго молочной компаніи на предварительномъ слѣдствіи. Когда Питеръ возвращался домой послѣ завтрака, онъ встрѣтилъ адвоката на лѣстницѣ.

— А, м-ръ Стерлингъ, добраго утра!—сказалъ повѣренный, котораго звали Деммеръ. — Я принужденъ былъ вернуться отъ дверей вашей конторы, найдя ихъ запертыми.

— Войдите,—пригласилъ Питеръ.

Повѣренный оглядѣлъ скромную комнату, и на лицѣ его появилось выраженіе спокойнаго удовольствія. Оба сѣли.

— А теперь приступимъ къ дѣлу, м-ръ Стерлингъ.

— Чѣмъ могу служить?

— По причинамъ, которыя вы легко поймете, мы не хотимъ, чтобы иски дошли до суда.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— И мы разсчитываемъ, что ваши кліенты согласятся съ нами.

— Мы поговоримъ объ этомъ, когда уголовное преслѣдованіе окончится.

— Почему же не теперь?

— Потому что мы надѣемся, что заставимъ Кольдмана сказать правду на судѣ, и тогда доберемся и до Больмана.

— Вы даромъ потеряете время.

— О нѣтъ, если у насъ есть хоть маленькій шансъ посадить пивовара въ тюрьму.

— Но у васъ его нѣтъ. Кольдманъ будетъ держатся того, что онъ говорилъ раньше, если дѣло будетъ разбираться— а оно и не будетъ разбираться!

Питеръ спокойно смотрѣлъ на Деммера; ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ его лицѣ.

— Прокуроръ сказалъ мнѣ, что дѣло будетъ разбираться недѣли черезъ двѣ.

Деммеръ улыбнулся и прищурилъ одинъ глазъ.

— Прокуроръ старается говорить правду,—сказалъ онъ,—а я не сомнѣваюсь, что онъ думалъ, что говоритъ правду. Ну, а какова ваша цифра?

— Гражданскій искъ не будетъ возбужденъ, пока не кончится уголовное преслѣдованіе.

— Но я говорю вамъ, что уголовнаго преслѣдованія не существуетъ больше. Оно потушено. Мы съ Больманомъ повидали нужныхъ людей, а тѣ побывали у прокурора. Дѣло даже не будетъ доложено совѣту присяжныхъ. Поэтому бросьте это и скажите лучше, во что вы оцѣниваете гражданскіе иски?

— Джемсъ Кольдманъ пойдетъ въ тюрьму за убійство дѣтей,—сказалъ Питеръ,—а пока онъ не въ тюрьмѣ, не стоитъ терять время на разговоры о томъ, чтобы бросить или уладить что бы то ни было.

— Уфъ! —замѣтилъ повѣренный со смѣхомъ, хотя видно было, что упорство, выраженное въ лицѣ и въ голосѣ Питера, ему крайне непріятно.—Вы воображаете, что все знаете, но вы ошибаетесь. Вы можете работать десять лѣтъ, и всетаки дѣло не будетъ ближе къ суду, чѣмъ сегодня. Я говорю вамъ, молодой человѣкъ, вы не знаете Нью-Іорка!

— Я не знаю Нью-Іорка, но...

— Именно,—перебилъ Деммеръ, — а я знаю.

— Возможно, — спокойно отвѣтилъ Питеръ.—Вы можете знать Нью-Іоркъ, мистеръ Деммеръ, но вы не знаете меня. Дѣло будетъ разбираться.

— Хорошо,—засмѣялся Деммеръ,— если вы согласны не возбуждать гражданскихъ исковъ, пока то дѣло не кончится, мы не нуждаемся ни въ какихъ компромиссахъ. Будьте здоровы!

На другое утро Питеръ отправился къ прокурору и спросилъ, принимаетъ ли онъ. «Онъ уѣхалъ въ Баръ-Харбаръ, въ отпускъ недѣли на двѣ», былъ отвѣтъ.

— А кто его замѣняетъ?

Черезъ нѣсколько времени Питеръ былъ допущенъ до чиновника, замѣняющаго прокурора.

— М-ръ Нельсонъ говорилъ мнѣ, что онъ будетъ сегодня докладывать дѣло Кольдмана совѣту присяжныхъ, и услыхавъ, что онъ уѣхалъ изъ города, я хотѣлъ бы узнать, кому онъ его поручилъ?

— Онъ оставилъ мнѣ всѣ представленія,—отвѣтилъ чиновникъ, но въ числѣ ихъ этого дѣла нѣтъ.

— Не могъ ли онъ поручить это дѣло кому-нибудь другому?

— Нѣтъ.

Питеръ вернулся въ свою контору, досталъ кодексъ и просмотрѣлъ нѣкоторыя статьи. Взглядъ его былъ печаленъ, когда онъ послѣ занятія опять уставился въ стѣну, точно то, что онъ прочелъ, очень не нравилось ему. Но если глаза его были грустны, выраженіе энергичнаго рта было сурово и упрямо, что вовсе не указывало на слабость и желаніе покориться.

Питеръ подождалъ двѣ недѣли, а затѣмъ опять обратился къ властямъ.

— Прокуроръ занятъ и не можетъ васъ принять,—сказали ему.

Питеръ снова зашелъ среди дня, и съ тѣмъ же успѣхомъ.

Слѣдующее утро принесло тотъ же отвѣтъ, который повторился и днемъ. На третій день онъ сказалъ, что подождетъ, и нѣсколько часовъ сидѣлъ въ пріемной, надѣясь, что его примутъ, или что ему удастся перехватить прокурора. Но онъ только видѣлъ, какъ посѣтители одинъ за другимъ вводились въ кабинетъ, и наконецъ, ему сказали, что прокуроръ уѣхалъ завтракать и сегодня не вернется больше. Человѣкъ, говорившій это, ухмылялся, видно было онъ считалъ свои слова славной шуткой. Питеръ не могъ также не замѣтить, что писаря и мелкіе служащіе все утро хохотали и указывали на него другъ другу, пока онъ ждалъ. Но онъ только плотнѣе сжалъ зубы, выходя изъ пріемной.

Питеръ посмотрѣлъ въ адресной книгѣ адресъ прокурора и въ тотъ же вечеръ пошелъ къ нему. Онъ былъ достаточно проученъ и не послалъ своей карточки, поэтому мистеръ Нельсонъ не замедлилъ самъ выйти къ нему.

Въ ту минуту какъ онъ увидѣлъ Питера, онъ сказалъ:

— О, это вы! Я говорю о дѣлахъ только на службѣ, въ назначенные для этого часы.

— Я старался увидѣть васъ,—началъ Питеръ.

— Еще постарайтесь,—прервалъ его прокуроръ, улыбаясь, и направился въ гостиную.

Питеръ спокойно послѣдовалъ за нимъ.

— М-ръ Нельсонъ,—сказалъ онъ, намѣрены ли вы дать законный ходъ дѣлу?

— Непремѣнно, — улыбнулся Нельсонъ.—Послѣ того, какъ справлюсь съ четырьмя стами обвинительныхъ актовъ, которые предшествуютъ ему.

— Не раньше?

— Нѣтъ.

— М-ръ Нельсонъ, не можете ли вы на минуту забыть политику и подумать о...

— Кто говоритъ про политику?—перебилъ Нельсонъ.—Я просто объяснилъ вамъ, что у меня есть обвинительные акты, которые лежатъ уже по пяти лѣтъ и ждутъ предъявленія въ судъ, а ваше дѣло должно дождаться очереди.

И Нельсонъ ушелъ во внутреннія комнаты.

Питеръ удалился изъ квартиры прокурора, и въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ парадной двери, какой то человѣкъ собирался звонить.

— Дома м-ръ Нельсонъ?—спросилъ человѣкъ.

— Я прямо отъ него, м-ръ Деммеръ,—сказалъ Питеръ.

— А! Добрый вечеръ, м-ръ Стерлингъ. Я думаю, что угадываю, зачѣмъ вы приходили. Прекрасно! Какъ поживаете?

Деммеръ, очевидно внутренно смѣялся.

Питеръ спускался по лѣстникѣ, ничего не отвѣчая.

— Можетъ быть, я могу помочь вамъ? — продолжалъ Деммеръ. — Я хорошо знаю м-ра Нельсона по общественнымъ дѣламъ, и м-ръ Больманъ также. Если вы мнѣ скажете, что вамъ нужно, я попробую замолвить за васъ словечко.

— Я не нуждаюсь въ вашей помощи,—спокойно отвѣтилъ Питеръ.

— Превосходно,—сказалъ Деммеръ.—Не правда ли, вы думаете, что неизвѣстный двадцатилѣтній адвокатъ можетъ идти одинъ противъ всего городскаго управленія?

— Я знаю, что не имѣю достаточнаго вліянія, чтобы подвинуть это дѣло, м-ръ Деммеръ, но законъ на моей сторонѣ, и я еще не собираюсь уступать.

— Восхитительно; что же вы собираетесь дѣлать?—спросилъ Деммеръ насмѣшливо.

— Сражаться, — сказалъ Питеръ и ушелъ.

Онъ вернулся въ свою контору и, сѣвъ къ письменному столу, написалъ прокурору оффиціальное заявленіе, обращая вниманіе на дѣло и прося увѣдомить, когда оно будетъ разбираться. Питеръ сдѣлалъ съ заявленія копію, а оригиналъ отправилъ на почту. Затѣмъ онъ опять читалъ кодексъ, потомъ просматривалъ судебные отчеты и писалъ замѣтки. Во второй разъ утреннее солнце

застало Питера за письменнымъ столомъ, но на этотъ разъ голова его не лежала на столѣ, точно онъ безъ чувствъ или умеръ. Вся его фигура дышала рѣшимостью, а челюсти были сурово сжаты, какъ у бульдога, готоваго броситься на врага.

Глава XV.

Генеральное сраженіе.

Единственный отвѣтъ, который получилъ Питеръ на свой запросъ прокурору, было чисто формальное подтвержденіе прежняго устнаго заявленія, что дѣло будетъ разсматриваться въ очередь, послѣ того, какъ будутъ кончены предыдущія дѣла. Питеръ зналъ слишкомъ много дѣлъ, никогда не дошедшихъ до суда, чтобы не понять, что это обозначало: дѣло будетъ откладываться до тѣхъ поръ, пока не истечетъ давность, и оно само собой должно будетъ прекратиться.

Получивъ такой отвѣтъ, Питеръ сдѣлалъ новый шагъ—отправился въ редакцію трехъ газетъ и старался повидать редакторовъ.

Первый не принялъ Питера. Второй сейчасъ же сказалъ, не давъ ему даже окончить свой разсказъ, что крайне занятъ и не имѣетъ времени разслѣдовать дѣло, но пусть Питеръ попробуетъ зайти черезъ мѣсяцъ. Третій далъ Питеру досказать всю его повѣсть, а потомъ покачалъ головой:

— Я не сомнѣваюсь, что вы правы, но мы не можемъ воспользоваться вашимъ сообщеніемъ. Такія дѣла разбираются не раньше какъ черезъ полгода, даже черезъ годъ, и если мы теперь же начнемъ кампанію, то провалимся. Если вамъ удастся добыть отъ прокурора письменное заявленіе, что онъ не желаетъ давать ходъ дѣлу, то мы можемъ что нибудь сдѣлать, но я думаю, что онъ слишкомъ ловокъ, чтобы выдать себя.

— Да.

— Въ такомъ случаѣ не стоитъ начинать аттаку, и вы безсильны. Приходите черезъ годъ, и если до тѣхъ поръ прокуроръ ничего не сдѣлаетъ, мы можемъ заговорить.

Питеръ вышелъ изъ редакціи, сознавая, что шансъ воздѣйствія путемъ печати пропалъ. Если газеты республиканской партіи имъ не воспользовались, было бы безцѣльной потерей времени добиваться свиданія съ издателями демократическихъ газетъ, и онъ отказался искать помощи у печати.

Слѣдующіе три дня Питеръ провелъ въ нью-іоркской юридической библіотекѣ, углубившись въ книги. Затѣмъ онъ уложилъ свой чемоданъ и поѣхалъ съ дневнымъ поѣздомъ въ Альбани.

Питеръ ставилъ свою послѣднюю карту, имѣя для выигрыша одинъ шансъ противъ тысячи, но, именно, этотъ рискъ еще больше возбуждалъ его.

Ровно въ десять часовъ утра, на другой день послѣ своего пріѣзда въ столицу штата, онъ послалъ свою карточку губернатору.

Къ счастью для Питера, середина августа—время, не особенно занятое у этого сановника, и послѣ недолгаго ожиданія, онъ былъ введенъ въ пріемную.

Питеръ уже задолго обдумалъ предстоящее свиданіе и теперь, безъ всякихъ вступленій и объясненій, сразу началъ излагать дѣло.

Онъ зналъ, что долженъ поскорѣе заинтересовать губернатора, не то ему грозило прекращеніе аудіенціи. Поэтому онъ началъ съ описанія сарая, гдѣ помѣщались коровы. Затѣмъ перешелъ къ смерти ребенка.

Онъ быстро очертилъ то и другое, въ три минуты, не больше, и если бы дѣло шло даже о спасеніи его жизни, онъ не могъ бы говорить серьезнѣе и задушевнѣе.

Губернаторъ сначала казался удивленнымъ поспѣшностью Питера, затѣмъ скучающимъ, затѣмъ заинтересованнымъ, и вдругъ повернулъ свое вращающееся кресло такъ, что очутился спиной къ Питеру. И когда Питеръ кончилъ свой разсказъ, онъ остался въ этомъ же положеніи еще нѣсколько мгновеній. Эта сцена показалась Питеру очень краснорѣчивой: въ первый разъ онъ почувствовалъ себя побѣжденнымъ.

Вдругъ губернаторъ повернулся, и Питеръ увидѣлъ на его щекахъ слезы. Губернаторъ глубоко вздохнулъ и спросилъ:

— Что же вы отъ меня хотите?— тономъ, который для Питера значилъ— все.

— Желаете ли вы выслушать меня еще пять минутъ?—спросилъ Питеръ.

— Да.

Тогда Питеръ громко прочиталъ отчетъ судебнаго слѣдствія и своихъ свиданій съ прокуроромъ и Деммеромъ, составленный въ самыхъ ясныхъ и краткихъ выраженіяхъ, какія онъ только могъ найти.

— Вы желаете моего вмѣшательства?—спросилъ губернаторъ.

— Да

— Боюсь, что это невозможно. Я конечно могу смѣнить прокурора, но для этого должна быть уважительная причина, а я не вижу, чтобы вы могли положительно доказать его нежеланіе преслѣдовать этихъ негодяевъ.

— Это правда. Я самъ вижу, что вы не можете его смѣнить, но есть другое средство.

— Но какое?

— Вы можете созвать особый совѣтъ по этому дѣлу черезъ государственнаго прокурора.

— Вы увѣрены въ этомъ?

Питеръ развернулъ передъ губернаторомъ одну изъ бумагъ, которыя онъ держалъ въ рукахъ. Прочтя ее, губер наторъ позвонилъ.

— Пошлите за мистеромъ Миллеромъ,—сказалъ онъ мальчику.—Потомъ онъ вернулся къ столу и вмѣстѣ съ Питеромъ просматривалъ документы, пока не появился м-ръ Миллеръ.

— Изложите дѣло м-ру Миллеру,—сказалъ губернаторъ, и Питеръ снова прочелъ свои бумаги и повторилъ свой разсказъ.

— Такая статья, безусловно, существуетъ,—сказалъ государственный прокуроръ,—но она бездѣйствуетъ уже много лѣтъ. Я думаю еще разъ просмотрѣть ее.

— Подите съ мистеромъ Миллеромъ, м-ръ Стерлингъ, и разберите съ нимъ вмѣстѣ свои бумаги,—сказалъ губернаторъ.

— Благодарю васъ,—просто сказалъ Питеръ, но его рукопожатіе, и лицо, и голосъ говорили гораздо сильнѣе.—Онъ вышелъ съ первымъ, за два года, лучомъ надежды на лицѣ.

Питеръ уже столько разъ странствовалъ по области, которую теперь пришлось разрабатывать генеральному прокурору и его помощникамъ, что чувствовалъ себя въ ней, какъ дома, и дѣйствительно его замѣтки много помогли при изученіи дѣла, тѣмъ болѣе, что, по случаю лѣтняго времени, въ присутствіи была только половина служащихъ. Частью какъ помощникъ, частью какъ руководитель, Питеръ проработалъ до трехъ часовъ, и радость его росла, когда онъ видѣлъ, что мнѣніе генеральнаго прокурора все больше и больше согласуется съ его собственнымъ.

Вернувшись съ Питеромъ къ губернатору, генеральный прокуроръ высказалъ заключеніе, что, по его мнѣнію губернаторъ можетъ уполномочить его или кого-нибудь другого возбудить преслѣдованіе.

— Отлично,—сказалъ губернаторъ.— Я очень радъ, что вы такъ думаете. Но если мы все таки найдемъ, что это невозможно, я дамъ вамъ письмо къ прокурору, которое побудитъ его начать дѣло.

Питеръ поблагодарилъ губернатора и всталъ.

— Вы хотите сейчасъ же вернуться въ Нью-Іоркъ?—спросилъ губернаторъ.

— Да, конечно, если я не нуженъ здѣсь.

— А если бы вы пообѣдали со мной и уѣхали бы попозже?

— Съ большимъ удовольствіемъ,— сказалъ Питеръ.

— Прекрасно. Ровно въ шесть часовъ. Затѣмъ, когда Питеръ вышелъ изъ комнаты, губернаторъ спросилъ генеральнаго прокурора:

— Онъ хорошій юристъ?

— Очень хорошій. Ясный и уравновѣшенный умъ.

— Онъ умѣетъ говорить,—замѣтилъ

губернаторъ. — Онъ сумѣлъ такъ тронуть меня, какъ никто, за много лѣтъ. Надо мнѣ навести объ немъ справки въ Нью-Іоркѣ, у кое-кого, чтобы знать, кто онъ такой, и нѣтъ ли въ его дѣлѣ западни.

Обѣдъ прошелъ очень просто, были только губернаторъ и жена. Губернаторъ вѣрно говорилъ своей супругѣ что нибудь, о Питерѣ, потому что у ней было очень доброе выраженіе лица, когда она изучала его, и хотя Питеръ былъ очень прозаиченъ и очень молчаливъ, она, казалось, не тяготилась его присутствіемъ.

Когда обѣдъ былъ конченъ, и явился какой то посѣтитель, что бы поговорить съ губернаторомъ о политикѣ, хозяйка дома увела Питера въ другую комнату и заставила его разсказать все дѣло, начиная съ того, какъ ему пришло въ голову заняться имъ и почему онъ обратился за помощью къ губернатору. Она даже поплакала, а когда Питеръ ушелъ, пошла на верхъ и посмотрѣла на своихъ собственныхъ спящихъ мальчиковъ, уже достаточно взрослыхъ, чтобы самимъ завоевывать міръ, но все таки маленькихъ дѣтей для сердца матери, и снова поплакала надъ ними. Позже, она опять сошла внизъ, въ кабинетъ губернатора, и прервавъ работу, въ которую онъ углубился, обняла и поцѣловала его.

— Ты долженъ помочь Стерлингу, Уильямъ, — сказала она. — Сдѣлай все возможное, чтобы наказать этихъ негодяевъ, и дай ему это сдѣлать.

Губернаторъ только засмѣялся и отодвинулъ работу, а жена его сѣла рядомъ съ нимъ и высказывала ему восхищеніе и симпатію къ борьбѣ Питера.

Виновнаго и его укрывателей ожидала горькая участь. Къ ихъ услугамъ могли быть сильнѣйшія политическія вліянія, которыя боролись за нихъ, но еще сильнѣйшее и таинственное вліяніе работало противъ нихъ. Что бы тамъ ни говорили, самая упорная и ловкая сила — это незамѣтное вліяніе женщины.

Питеръ вернулся въ Нью-Іоркъ ночью съ чувствомъ надежды и въ то же время сомнѣнія. Успѣхъ казался почти не возможнымъ, но въ двадцать три года трудно вѣрить въ неудачу. Онъ сталъ ждать, надѣясь увидѣть какое нибудь движеніе со стороны правительства, и не мечтая ни о чемъ большемъ. Но большее явилось само: черезъ пять только дней послѣ его возвращенія онъ получилъ по почтѣ большой конвертъ, а въ конвертѣ — спеціальный приказъ, которымъ Питеръ назначался уполномоченнымъ генеральнаго прокурора для доклада передъ окружнымъ судомъ дѣла «обитателей штата Нью-Іоркъ versus (противъ) Джемсъ-Кольманъ». Если бы кто нибудь могъ видѣть лицо Питера, когда онъ читалъ эту оффиціальную бумагу, тотъ не назвалъ бы его ни угрюмымъ, ни незначительнымъ. Питеръ хорошо зналъ, что онъ выигралъ: теперь онъ не встрѣтитъ сопротивленія и помѣхи со стороны правосудія,—всѣ преграды были опрокинуты; теперь дѣло не будетъ зависѣть отъ произвола чиновниковъ — оно въ его собственныхъ рукахъ; маленькій кусочекъ бумаги обязывалъ каждый судъ оказывать ему содѣйствіе, а, въ случаѣ сопротивленія, пятьдесятъ тысячъ войска, готовы поддержать его!

Не прошло и трехъ часовъ, какъ необходимые шаги для представленія дѣла въ судъ были сдѣланы, и Питеръ занялся разработкой юридической части его.

Эти хлопоты вызвали немедленный визитъ Деммера, который въ этотъ разъ выказалъ гораздо меньше увѣренности чѣмъ прежде, хотя и старался относиться слегка къ успѣху Питера. Деммеръ требовалъ, чтобы Питеръ превратилъ дѣло и намекалъ на крупный денежный кушъ, но Питеръ сначала просто не понялъ его намековъ, а въ концѣ концовъ рѣшительно заявилъ, что дѣло пойдетъ законнымъ порядкомъ. Тогда Деммеръ попросилъ отсрочки, но Питеръ былъ неумолимъ. Позже у нихъ было столкновеніе въ судѣ по этому же поводу, но Питеръ такъ спокойно изложилъ свои доводы, что возбудилъ этимъ вниманіе судьи, который окончилъ споръ, отказавъ отсрочить дѣло. Судья вовсе не былъ намѣренъ принять сторону Питера и самъ былъ крайне удивленъ

своимъ образомъ дѣйствія. Защитникъ же обвиняемаго былъ просто взбѣшенъ.

Однако, всѣ пружины были пущены въ ходъ, чтобы не допустить дѣло до разбирательства. Самое энергичное и внушительное воздѣйствіе было направлено на губернатора, но онъ твердо стоялъ на своемъ, можетъ быть потому, что принадлежалъ къ партіи, противной той, что рѣшала судьбы города; можетъ быть причиной былъ Питеръ и правдивое выраженіе его лица во время разсказа о дѣлѣ, или потому, что генеральный прокуроръ нашелъ дѣло законнымъ; можетъ быть, жена его вліяла на него, а можетъ быть и всѣ эти причины вмѣстѣ. Вѣрнымъ оказалось только то, что всѣ попытки помѣшать дѣлу потерпѣли неудачу, и оно было назначено къ слушанію въ послѣднихъ числахъ августа.

Питеръ сообщилъ своимъ кліентамъ о своихъ схваткахъ, и они страшно гордились его великимъ сраженіемъ и громкимъ успѣхомъ, также какъ и всѣ обитатели рабочаго квартала, правильно считавшіе это дѣло — своимъ общимъ дѣломъ. Политики были взбѣшены и взволнованы, такъ какъ почти безпримѣрный поступокъ губернатора возбудилъ всеобщее вниманіе и интересъ къ дѣлу.

Залъ суда былъ биткомъ набитъ, и всѣ газеты прислали своимъ репортеровъ. Такъ какъ въ свое время газеты дали подробный отчетъ о судебномъ разбирательствѣ, мы считаемъ лишнимъ описывать его. Мы уже знаемъ, чего добився Питеръ.

Защита, устами экспертовъ, старалась доказать, что помѣщеніе для коровъ вовсе не содержалось антигигіенично; что кормленіе скота пивными остатками и «накожныя болѣзни» не имѣютъ вліянія на молоко; что молоко было продано по ошибкѣ, по незнанію, что оно выдано за тридцать шесть часовъ и снятое, и что весьма сомнительно и бездоказательно, что данное молоко было причиной смерти дѣтей. Единственнымъ драматическимъ эпизодомъ дня было появленіе на свидѣтельской вухъ маленькихъ Дулей (которые только что наканунѣ вернулись изъ деревни пополнѣвшими и загорѣвшими).

— А что, деревенское молоко похоже на здѣшнее? — спросилъ Питеръ младшую дѣвочку.

— Совсѣмъ не похоже, — отвѣтила она,—здѣсь его берутъ съ телѣжки, а въ деревнѣ отъ коровы.

— Призываю къ порядку,—обратился къ публикѣ судья.

— Которое вкуснѣе?

— Деревенское. Оно сладкое, точно съ сахаромъ. Вкусное такое!

— Я больше люблю молоко отъ коровы, чѣмъ съ телѣжки.

— Чортъ побери ребятишекъ!—проворчалъ Деммеръ человѣку, сидѣвшему рядомъ съ нимъ.

Интересъ достигъ высшей точки, когда Питеръ началъ свою рѣчь. Онъ говорилъ спокойно, простымъ языкомъ, употребляя мало прилагательныхъ, и безъ всякихъ междометій. «Но,—какъ говорила его сосѣдка-барышня на свадьбѣ Уатса, — онъ такъ описываетъ вещи, точно ихъ видишь».

Питеръ говорилъ про больныхъ коровъ и про бѣдныхъ, измученныхъ лихорадкой дѣтишекъ такъ, что слушатели рыдали; кліентовъ его чуть не пришлось вывести изъ зала; сосѣдъ Деммера утиралъ глаза платкомъ; судья и присяжные закрыли глаза руками (чтобы лучше обдумывать, конечно); репортеры съ трудомъ могли записывать (имъ мѣшалъ черезчуръ яркій свѣтъ), хотя боялись потерять хоть одно слово, и даже обвиняемый вытиралъ рукавомъ глаза.

Питеръ не сознавалъ самъ, что сказалъ замѣчательную рѣчь, замѣчательную по своей простотѣ и паѳосу. Онъ говорилъ впослѣдствіи, что совсѣмъ не готовился къ рѣчи, а говорилъ то, что чувствовалъ. Заключеніе его рѣчи показало, что вдохновляло его и внушало ему такія чувства. Вотъ какъ онъ кончилъ: «Это не только дѣло правительства противъ Джемса Кольдмана — это протестъ дѣтей бѣдняковъ противъ людской жадности и безчеловѣчности».

Деммеръ шепнулъ своему сосѣду: «Плохо дѣло. Мы погибли», потомъ

всталъ и началъ искусно защищать, но чувствовалъ, что только теряетъ время. Судья высказался противъ него, а присяжные вынесли приговоръ: «убійство первой степени». Приговоръ не произвелъ особенно сильнаго впечатлѣнія, всѣ еще были слишкомъ проникнуты и взволнованы рѣчью Питера.

Объ этой рѣчи и до сихъ говорятъ въ рабочемъ кварталѣ.

Глава XVI.

Послѣдствія.

Не только въ рабочемъ кварталѣ говорили о рѣчи Питера.

Можетъ быть, его обитатели болѣе восторженно выражали свои чувства, устроивъ въ тотъ же вечеръ факельную процессію, продефилировавшую передъ домомъ Питера, и поднеся ему адресъ который прочелъ м-ръ Деннисъ Моріерти.

Судья крѣпко пожалъ руку Питера послѣ засѣданія и сказалъ, что онъ прекрасно провелъ обвиненіе. Защитникъ обвиняемаго выразился, что Питеръ знаетъ свое дѣло. Нѣкоторые репортеры поспѣшили поговорить съ нимъ, мѣшая комплименты съ вопросами.

Репортеры сдѣлали даже гораздо больше. Былъ мертвый сезонъ, и дѣло Питера явилось единственной сенсаціонной новостью.

Поэтому они интервьюировали и выспрашивали всякого, имѣвшаго хоть малѣйшее отношеніе къ дѣлу, старательно отдѣляя зерно отъ плевелъ, т. е. скучныхъ подробностей, и на другое утро многія газеты преподнесли своимъ читателямъ отчетъ въ нѣсколько столбцовъ. Рѣчь Питера была напечатана цѣликомъ и въ чтеніи была также хороша, какъ и когда онъ ее говорилъ. Репортеры слышали и повторяли, не провѣривъ даже, что Питеръ отказался отъ гонорара, заплатилъ всѣ издержки изъ собственнаго кармана, отказался прекратить дѣло, хотя ему предлагали девять тысячъ долларовъ, и спасъ жизнь дѣтей Дулей, пославъ ихъ въ деревню, и «заплатилъ за похороны маленькихъ жертвъ».

Всѣ восхваляли Питера, а въ двухъ самыхъ серьезныхъ газетахъ ему были посвящены дѣйствительно превосходныя передовыя статьи. Во время выборовъ или вообще не въ мертвый сезонъ дѣло, безусловно не возбудило бы такого вниманія, но стоялъ августъ мѣсяцъ, когда всякая новость хороша.

Въ то же время пресса начала походъ противъ фальсификаторовъ молока и тѣхъ, которые допускаютъ подобную фальсификацію. «Чего смотритъ санитарное управленіе, если на улицахъ, открыто, продаютъ отраву для нашихъ дѣтей? Что дѣлаетъ прокуроръ, если необходимое для общественнаго блага преслѣдованіе должны возбуждать сами граждане?» спрашивали они.

Всевидящіе репортеры прослѣдили способы снабженія города молокомъ, и хотя всѣ были на сторожѣ, и многихъ коровъ успѣли поспѣшно отправить за городъ, имъ удалось обличить нѣсколько компаній и напечатать нѣсколько достаточно убѣдительныхъ подробностей, даже не нуждавшихся въ прикрасахъ ихъ искуснаго пера. Многіе обитатели Нью-Іорка, вѣроятно, еще помнятъ многочисленные процессы «о снятомъ молокѣ» и «молокѣ безхвостыхъ коровъ», возбужденные въ это лѣто, и реформу введенную въ торговлѣ молокомъ стараніями санитарнаго управленія. Такъ какъ было бы слишкомъ долго описывать всѣ процессы, мы отсылаемъ желающихъ познакомиться съ ними къ ежедневной прессѣ того времени, а любителей страшныхъ картинокъ къ «Иллюстрированному еженедѣльнику» Франка Лесли. Если бы не газеты, то врядъ-ли дѣло Питера имѣло-бы другіе результаты, кромѣ наказанія непосредственно уличеннаго; но разъ вопросъ попалъ въ руки прессы, минутное негодованіе разрослось до такой степени, что чуть не всѣ коровьи хлѣва въ штатѣ были стерты съ лица земли, и сама администрація принуждена была обнаружить лихорадочную дѣятельность, приведшую къ большимъ реформамъ.

Никто не былъ такъ удивленъ своей внезапной знаменитостью и столь неожиданными результатами, какъ Питеръ.

Онъ собралъ всѣ газетныя статьи и послалъ ихъ матери. Вотъ что онъ писалъ ей при этомъ.

«Не думай, что все это очень выдвинуло меня. По правдѣ сказать, я сталъ только бѣднѣе на нѣсколько сотъ долларовъ, и до конца года мнѣ придется сократить свои расходы. Я пишу тебѣ объ этомъ, зная, что ты ни на минуту не подумаешь, что мнѣ жаль денегъ, и не испортишь мою слабую попытку самопожертвованія предложеніемъ матеріальной помощи. Ты сдѣлала совершенно довольно, принявъ къ себѣ двухъ больныхъ малышей. Очень дурно они вели себя? Что, не топтали ли они цвѣты и не пугали-ли до смерти стараго бѣднаго Руссета (Руссетъ былъ котъ)? Мнѣ было очень пріятно видѣть, какъ малыши пополнѣли и загорѣли. Ихъ свидѣтельскія показавія на судѣ были презабавны и въ то же время трогательны. Говорятъ, что я сказалъ хорошую рѣчь. Что еще удивительнѣе, говорятъ, что я довелъ до слезъ обвиняемаго и м-ра Больмана, пивовара, который сидѣлъ рядомъ съ Деммеромъ. Сознаюсь, мнѣ очень жаль, что я не могъ привлечь къ отвѣтственности этого Больмана. Онъ главный виновный—а между тѣмъ гуляетъ на свободѣ. Но нравственное впечатлѣніе—самое главное, въ этомъ всѣ согласны со мной. Я узналъ, что м-ръ Больманъ ходитъ въ ту же церковь, что и я».

Мать Питера не была удивлена. Она всегда знала, что ея Питеръ герой, и не нуждалась въ мнѣніи газетъ, подтвердившихъ это.

Но все-таки она внимательно прочитала каждую строчку судебныхъ отчетовъ о послѣдовавшей компаніи. Она перечитывала рѣчь Питера еще и еще разъ, останавливаясь на точкахъ, чтобы поплакать, и прижимая газетныя вырѣзки къ груди, вмѣсто отсутствующаго Питера, повторяла всхлипывая: «мой мальчикъ, мой дорогой мальчикъ!» Всѣ въ городкѣ интересовались дѣломъ Питера, и вырѣзки газетъ ходили по рукамъ, между друзьями Питера, начиная со священника и кончая его школьными товарищами. Всѣ удивлялись, почему Питеръ говорилъ такъ мало?

— Еслибъ я могъ такъ говорить,— сказалъ счастливой матери одинъ адвокатъ,—я бы говорилъ, по крайней мѣрѣ два часа!

Сама миссисъ Стерлингъ тоже желала бы, чтобы рѣчь была длиннѣе. Четыре столбца свидѣтельскихъ показаній, а рѣчь заняла немного больше полустолбца!

Должно быть, онъ говорилъ не больше двадцати минутъ.

— Даже тотъ, другой адвокатъ, который ничего не говорилъ кромѣ лжи, занялъ своею рѣчью цѣлый столбецъ! Да еще его рѣчь напетана сжатымъ шрифтомъ, а рѣчь Питера широкимъ, отчего разница въ длинѣ стала еще замѣтнѣе.

Миссисъ Стерлингъ подозрѣвала, не составили ли столичныя газеты заговора противъ ея Питера? Она поспѣшила подписаться на ту изъ Нью-Іоркскихъ газетъ, которая больше всѣхъ восхваляла Питера, предполагая, что его имя будетъ появляться отъ времени до времени на первой страницѣ. Но когда ожиданія ея не оправдались, когда объ немъ даже не упомянули во время похода прессы и санитарнаго управленія противъ фальсификаторовъ молока, миссисъ Стерлингъ пришла къ полному убѣжденію, что кто-то хочетъ лишить ея сына заслуженной славы.

— Какъ! вѣдь Питеръ началъ это дѣло,—объясняла она,—а теперь газеты и санитарное управленіе приписываютъ все себѣ!

Она даже написала письмо издателю газеты, письмо,—ходившее въ редакціи по рукамъ и возбуждавшее не мало смѣха въ сотрудникахъ.

Отвѣта она, конечно, не получила, и газета попрежнему не обращала вниманія на Питера.

Черезъ два дня послѣ судебнаго разбирательства къ Питеру снова явился Деммеръ.

— Вы великолѣпно провели дѣло, м-ръ Стерлингъ,—сказала она Питеру.— Вы знакомы со всѣми пружинами не хуже самыхъ опытныхъ, пожилыхъ юристовъ. Вы сумѣли добыть отъ вашихъ свидѣтелей только дѣйствительно нуж-

ныя показанія, не допуская ихъ болтать пустяки. Между тѣмъ, начинающіе юристы часто дѣлаютъ подобную ошибку— топятъ свои доказательства въ потокѣ ненужныхъ подробностей. По чести, ваши ребятишки стоили всѣхъ свидѣтелей, вмѣстѣ взятыхъ. Что, вы нарочно послали ихъ въ деревню, чтобы внушить имъ это показаніе?

— Нѣтъ,—сухо отвѣчалъ Питеръ.

— Ну, мы можемъ предположить, что каждый присяжный—отецъ, и дѣтское лепетаніе тронуло душу каждаго изъ нихъ. Я не хочу сказать, чтобы ваша рѣчь не могла сдѣлать того же. Вы поступили геніально, сказавъ только то, что сами видѣли, не пускаясь въ разборъ показаній, такъ какъ это уже дѣло судьи. Ваша рѣчь—знаменитая рѣчь!

— Благодарю васъ,—сказалъ Питеръ.

«Его не проведешь, — думалъ адвокатъ.—Съ нимъ надо вести дѣло на чистоту»,—и онъ пересталъ говорить о судѣ и прямо объявилъ:

— Послушайте, м-ръ Стерлингъ, м-ръ Больманъ не желалъ бы, чтобы вы дали ходъ гражданскимъ искамъ. М-ръ Больманъ—человѣкъ почтенный, у него премилая жена и взрослыя дочери. И такъ уже газеты не даютъ ему проходу, а вы еще тащите его въ судъ!

— Въ этомъ единственная возможность добраться до него,—сказалъ Питеръ.

— Но зачѣмъ вамъ добираться до него? Онъ въ самомъ дѣлѣ очень доброжелательный человѣкъ, и если вы спросите своего священника — вѣдь вы кажется посѣщаете церковь м-ра Перпля?— вы узнаете, что Больманъ дѣлаетъ много добра и очень щедро раздаетъ деньги.

Питеръ недовѣрчиво улыбнулся:

— Раздавать деньги такъ, какъ дѣлаетъ это Больманъ—не особенная благотворительность.

— Но вѣдь онъ ничего не зналъ,— сказалъ адвокатъ. Однако, замѣтивъ мелькнувшее на лицѣ Питера выраженіе, онъ тотчасъ прибавилъ:—по крайней мѣрѣ, Больманъ говорилъ мнѣ, что не имѣлъ понятія о томъ, что дѣло настолько плохо. Онъ уже года четыре не заглядывалъ въ хлѣвъ.

— Зайдите ко мнѣ завтра,—сказалъ Питеръ.

Когда Деммеръ ушелъ, Питеръ отправился къ своему священнику.

— Да, — сказалъ священникъ Питеру,—м-ръ Больманъ всегда пользовался уваженіемъ въ нашей церкви, всегда былъ щедръ и помогалъ охотно. Не могу сказать, какъ это дѣло удивило и огорчило меня, м-ръ Стерлингъ. Оно страшно подѣйствовало на его жену. Его дочери премилыя дѣвушки, вы, вѣроятно, замѣтили ихъ въ церкви?

Нѣтъ, Питеръ не замѣтилъ ихъ. Онъ не прибавилъ, что никогда не замѣчаетъ молодыхъ дѣвушекъ; что, по нѣкоторымъ причинамъ, онѣ не интересуютъ его больше, съ тѣхъ поръ... съ тѣхъ поръ какъ...

— Гдѣ живетъ м-ръ Больманъ?— спросилъ Питеръ.

— Въ десяти шагахъ отсюда,—отвѣтилъ м-ръ Перпль и назвалъ улицу и номеръ дома.

Питеръ взглянулъ на часы и, поблагодаривъ священника, откланялся. Онъ не вернулся домой, а пошелъ по данному адресу и спросилъ м-ра Больмана. Почтенный дворецкій попросилъ Питера въ гостиную и понесъ его карточку пивовару.

Въ гостиной были двѣ молодыя дѣвушки. Одна изъ нихъ была, повидимому, гостья, другая молоденькая дѣвушка, съ нѣжнымъ миловиднымъ личикомъ германскаго типа, вѣроятно, одна изъ «милыхъ дочерей». Приходъ Питера прервалъ на минуту ихъ разговоръ, потомъ онѣ снова защебетали, сравнивая свои лѣтнія впечатлѣнія. Когда дворецкій вернулся и громко произнесъ:

— М-ръ Больманъ проситъ васъ, мистеръ Стерлинъ, въ библіотеку,—Питеръ замѣтилъ, что обѣ дѣвушки сразу оглянулись на него, и хозяйская дочь покраснѣла.

Когда онъ вошелъ въ библіотеку, м-ръ Больманъ, сконфуженный, стоялъ у камина, а полная женщина стояла у окна, повернувшись къ нимъ спиной.

— Вашъ повѣренный былъ у меня сегодня утромъ, м-ръ Больманъ,—началъ

Питеръ,—и я рѣшилъ придти лично поговорить съ вами объ искахъ.

— Присядьте, присядьте, — нервно перебилъ его хозяинъ, однако самъ не сѣлъ.

Питеръ усѣлся.

— Я бы хотѣлъ покончить это дѣло какъ можно лучше,—сказалъ онъ.

Женщина быстро обернулась къ Питеру, и онъ увидѣлъ, что ея глаза полны слезъ.

— Но какимъ же образомъ?—спросилъ пивоваръ.

— Не знаю,— отвѣтилъ Питеръ,— потому то я и пришелъ къ вамъ.

На лицѣ м-ра Больмана выразилось волненіе, и вдругъ онъ зарыдалъ.

— Даю вамъ слово, м-ръ Стерлингъ,— сказалъ онъ,—я ничего не зналъ. Я не нахожу себѣ покоя послѣ того, какъ услыхалъ васъ въ судѣ.

Онъ говорилъ по-англійски съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ, послѣднія же слова произнесъ по нѣмецки. Больманъ сѣлъ у стола и закрылъ лицо руками. Жена его, тоже плакавшая, подошла къ нему и стала его утѣшать, поглаживая по спинѣ.

— Я думаю,—сказалъ Питеръ,—мы возмемъ назадъ гражданскіе иски.

М-ръ Больманъ поднялъ голову.

— Дѣло не въ деньгахъ, м-ръ Стерлингъ,—отвѣтилъ онъ, продолжая говорить по-нѣмецки.—Посмотрите.

Онъ вынулъ изъ ящика письменнаго стола чековую книжку, написалъ чекъ и подалъ его Питеру. Число и подпись были проставлены, но сумма не была вписана.

— Вотъ,—сказалъ Больманъ,—предоставляю вамъ сдѣлать все, что вы найдете справедливымъ.

— Пожалуй, м-ръ Деммертъ найдетъ. что мы нехорошо поступили, рѣшивъ безъ него,—замѣтилъ Питеръ.

— Не думайте о немъ. Я приму мѣры, чтобы онъ не обидѣлся,—сказалъ пивоваръ.—Только поскорѣе дайте мнѣ знать, что все это кончено, чтобы моя жена и дочери...—онъ запнулся и не кончилъ фразы.

— Хорошо.—успокоилъ его Питеръ,— мы возьмемъ назадъ гражданскіе иски.

Мужъ и жена обнялись чисто по-нѣмецки.

Питеръ поднялся съ мѣста и подошелъ къ Больману.

— Три иска были въ пять тысячъ каждый, два остальныхъ по двѣ тысячи,— сказалъ онъ и замялся. Ему хотѣлось быть справедливымъ къ обѣимъ сторонамъ.—Я попрошу васъ заполнить этотъ чекъ на восемь тысячъ долларовъ. Тремъ по двѣ тысячи, а двумъ по тысячѣ.

М-ръ Больманъ освободился отъ объятій своей супруги и взялъ перо.

— Вы не считаете своего гонорара,— сказалъ онъ.

— Я забылъ объ немъ,—разсмѣялся Питеръ, и супруги разсмѣялись вслѣдъ за нимъ, такъ они были счастливы.

— Напишите тогда чекъ на восемь тысячъ двѣсти пятьдесятъ.

— Что вы,—возразилъ пивоваръ, опять переходя на англійскій языкъ,— это слишкомъ мало за пять исковъ!

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ.—Я рѣшилъ требовать эту сумму, если бы протори и убытки присудили намъ.

Чекъ былъ написанъ, и Питеръ пошелъ домой, обмѣнявшись крѣпкимъ рукопожатіемъ съ обоими супругами.

— Какой славный молодой человѣкъ,— сказалъ пивоваръ.

Глава XVII.

Новые друзья.

На другой день послѣ описаннаго свиданія, Питеръ получилъ съ утренней почтой записочку—явленіе до сихъ поръ необычное.

Если не считать еженедѣльныхъ писемъ отъ матери, это было первое письмо, полученное имъ за два года, со времени отъѣзда Уаттса. Въ первую минуту Питеръ даже подумалъ, что письмо отъ него, и краска залила его лицо, при мысли, что онъ сейчасъ узнаетъ о... о Уаттсѣ.

Но взглянувъ на почеркъ, онъ увидѣлъ, что ошибся, и безъ особаго интереса разорвалъ конвертъ. Все таки, открывъ его, онъ не сталъ сразу читать письмо, но задумчиво смотрѣлъ передъ собой.

Въ конвертѣ была коротенькая записка слѣдующаго содержанія.

«Недавнее дѣло показываетъ, что м-ръ Стерлингъ не ищетъ похвалъ или наградъ за свои благородныя дѣйствія. Но женщина, желающая остаться неизвѣстной, не можетъ удержаться, чтобы не выразить мистеру Стерлингу свою глубокую благодарность за все, что онъ сдѣлалъ; такъ какъ она лишена возможности высказать это лично, то проситъ его принять отъ нея благодарность и гонораръ за дѣло бѣдныхъ дѣтей противъ безчеловѣчной людской жадности».

Питеръ посмотрѣлъ въ конвертъ и нашелъ въ немъ чекъ на пятьсотъ долларовъ. Онъ положилъ его на столъ и еще разъ прочиталъ записку. Не было сомнѣнія въ томъ, что ее писала свѣтская женщина. Все свидѣтельствовало объ этомъ—отъ нѣжнаго аромата, исходившаго отъ бумаги, и до изящнаго ровнаго почерка. Питеру захотѣлось знать—кто она? Онъ осмотрѣлъ чекъ, ища подписи, и нашелъ, что онъ подписанъ кассиромъ того банка, на который былъ выданъ.

Полчаса быстраго хода привели Питера въ банкъ, названіе котораго стояло на чекѣ. Банкъ былъ солидный, занимавшійся преимущественно дѣлами богатыхъ семей и наслѣдницъ.

Питеръ спросилъ кассира.

— Я пришелъ по поводу этого чека,—сказалъ онъ, подавая чекъ, когда кассиръ явился.

— Хорошо,—произнесъ кассиръ привѣтливо, но съ оттѣнкомъ покорной грусти въ голосѣ, который пріобрѣтаютъ всѣ кассиры «семейныхъ» банковъ, когда имъ приходится уплачивать по женскимъ счетамъ.—Вы должны подписать ваше имя наоборотѣ, съ лѣвой стороны, и представить въ расходную кассу, вотъ въ то окно. Ваша личность должна быть удостовѣрена, если контролеръ васъ не знаетъ.

— Мнѣ не нужно денегъ,—сказалъ Питеръ. — Я хочу знать, кто прислалъ мнѣ этотъ чекъ.

Кассиръ внимательно прочиталъ его.

— О!—сказалъ онъ, потомъ окинулъ Питера быстрымъ любопытнымъ взглядомъ.—Вы мистеръ Стерлингъ?

— Да.

— Этотъ чекъ заполнялъ я по приказанію предсѣдателя, и вамъ придется повидаться съ нимъ, если вы хотите не только денегъ.

— Могу я его видѣть?

— Пойдемте со мной.

Они вошли въ небольшой кабинетъ въ самой глубинѣ банка.

— М-ръ Дайеръ,—сказалъ кассиръ,—здѣсь м-ръ Стерлингъ, онъ пришелъ къ вамъ на счетъ чека.

— Очень радъ видѣть васъ, мистеръ Стерлингъ, потрудитесь сѣсть.

— Мнѣ бы хотѣлось знать, кто прислалъ этотъ чекъ.

— Мнѣ жаль, что не могу служить вамъ. Мы имѣемъ положительныя приказанія отъ выдавшаго его лица, чтобы имя не было названо.

— Можете вы передать письмо?

— Это тоже запрещено.

— Словесное порученіе?

— Про это ничего не было сказано.

— Такъ будьте любезны сказать этой дамѣ, что чекъ не будетъ предъявленъ, пока м-ръ Стерлингъ не получитъ возможности лично объясниться съ ней.

— Съ удовольствіемъ. Она навѣрно, не будетъ ничего имѣть противъ этого.

— Благодарю васъ.

— Не за что.—Предсѣдатель всталъ и проводилъ его до двери.—Ваша рѣчь была превосходна, м-ръ Стерлингъ,—Я нисколько не стыжусь сознаться что вы растрогали меня—старика до слезъ

— Я думаю,—возразилъ Питеръ,—что смерть бѣдныхъ ребятишекъ тронула публику, а не что нибудь другое.

На другой день утренняя почта принесла Питеру другую записку, написанную тою же рукою, что и наканунѣ.

— Вотъ что онъ прочелъ:

«Миссъ Де-Во получила извѣстіе о желаніи м-ра Стерлинга и будетъ имѣть удовольствіе принять его по поводу чека, сегодня, въ среду, въ половинѣ двѣнадцатаго дня, если онъ придетъ къ ней.

«Миссъ Де-Во извиняется, что даетъ м-ру Стерлингу такой срокъ, но она уѣзжаетъ изъ Нью-Іорка въ четвергъ».

Когда Питеръ вышелъ на улицу, онъ былъ слегка удивленъ, что такъ равнодушно относится къ ожидаемому свиданію.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ очутится въ присутствіи женщины, которая, судя по твердому почерку, не развалина. Три года назадъ подобная перспектива наполнила бы его ужасомъ.

До той достопамятной недѣли у Пирсовъ, онъ никогда безъ ужаса не шелъ туда, гдѣ ожидалъ встрѣтиться съ женщиной. Послѣ, исключая двадцати четырехъ часовъ во время свадьбы Уаттса, онъ никогда не встрѣчался съ дамами. А теперь онъ шелъ къ совершенно незнакомой дамѣ и не испытывалъ ни замѣшательства, ни страданія. Ему было даже любопытно. Питеръ не былъ подверженъ самоанализу, но происшедшая въ немъ перемѣна была такъ значительна, что онъ не могъ не замѣтить ее Зависѣлали она отъ бремени прожитыхъ годовъ? Или оттого, что онъ пересталъ обращать вниманіе на то, что объ немъ думаютъ женщины? Или его открытіе, что одна дѣвушка была очаровательна, сдѣлало остальныхъ менѣе страшными въ его глазахъ? Онъ предлагалъ себѣ эти вопросы, идя по улицѣ, и не успѣлъ еще найти на нихъ отвѣта, когда звонилъ у дверей старомоднаго двухъэтажнаго дома на Второй авеню.

Питера попросили въ большую гостинную, мебель которой была покрыта чехлами, что помѣшало бы Питеру вывести какое-нибудь заключеніе объ обстановкѣ, еслибъ у него было на это время. Но едва дворецкій успѣлъ выйти, какъ послышался шелестъ женскаго платья. Питеръ быстро поднялся и очутился лицомъ къ лицу съ высокой стройной женщиной между тридцатью пятью и сорока годами. Даже неопытный глазъ Питера сразу узналъ въ ней женщину высшаго круга. Ея платье было изъ самой простой лѣтней матеріи, и его не совсѣмъ модный покрой и простота придавали всему костюму особый отпечатокъ порядочности. Каждая черта ея лица, посадка головы и манера держаться обличали «породу».

— Я должна поблагодарить васъ, м-ръ Стерлингъ,—сказала она просто, низкимъ, мягкимъ голосомъ,—что вы выбрали время зайти ко мнѣ, несмотря на назначенный мною короткій срокъ.

— Вы слишкомъ добры,—отвѣтилъ Питеръ,—что согласились на мою просьбу. Для меня всякое время удобно.

— Я рада, что не затруднила васъ.

Питеръ ожидалъ, что она попроситъ его сѣсть, но она ничего не сказала, и онъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— Я очень признателенъ вамъ, миссъ Де-Во, за вашу записку и за чекъ. Отъ души благодарю васъ, но думаю что вы прислали чекъ по ошибкѣ, потому я не счелъ себя въ правѣ принять его.

— По ошибкѣ?

— Да. Въ газетныхъ сообщеніяхъ было много неточности. Я «не бѣдный молодой адвокатъ», какъ онѣ называли меня. У моей матери хорошія средства и она даетъ мнѣ вполнѣ достаточное содержаніе.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Кромѣ того, — продолжалъ Питеръ,—хотя газеты были правы, говоря, что я принялъ на себя часть издержекъ по дѣлу, но я болѣе чѣмъ вознагражденъ гонораромъ за гражданскіе иски, предъявленные мною отъ имени родителей пострадавшихъ дѣтей, и съ которыми намъ удалось покончить очень выгодно.

— Не присядите-ли вы, м-ръ Стерлингъ?—сказала миссъ Де-Во. — Мнѣ хотѣлось бы узнать подробности дѣла.

Питеръ очень просто изложилъ все, какъ было. Но миссъ Де-Во вставляла свои вопросы и замѣчанія, которыя вели къ новымъ объясненіямъ, и когда Питеръ кончилъ, онъ разсказалъ не только все дѣло, но еще многое другое. Упоминаніе о дѣтяхъ Дулей открыло фактъ ихъ пребыванія въ домѣ матери Питера, и это выяснило ея положеніе въ свѣтѣ. Удовлетвореніе исковъ повело за собой описаніе визита къ пивовару, и Питеръ, чтобы оправдать свой поступокъ, передалъ при этомъ свой разговоръ съ пасторомъ. Отношеніе Питера къ дѣлу заставило его говорить о вечерахъ, проведенныхъ въ скверѣ съ дѣтьми и о своемъ одиночествѣ, которое привело его

туда. Впослѣдствіи Питеръ былъ очень удивленъ, вспоминая, какъ много онъ говорилъ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, что опытная и тактичная женщины можетъ незамѣтнымъ образомъ заставить человѣка высказать все, что онъ знаетъ, если только она захочетъ.

Если женщины когда нибудь серьезно займутся адвокатурой, то да сохранитъ Провидѣніе тѣхъ представителей сильнаго пола, которымъ придется давать показанія!

Пока Питеръ говорилъ, пробили часы.

— Простите меня,—сказалъ онъ,—я не имѣлъ понятія, что отнялъ у васъ такъ много времени.—Потомъ онъ вынулъ изъ кармана чекъ.—Вы видите, что дѣло было очень выгоднымъ для меня, и чекъ мнѣ не нуженъ.

— Одну минуту, м-ръ Стерлингъ,—сказала миссъ Де-Во, не вставая.—Есть ли у васъ время позавтракать со мной? Мы сейчасъ сядемъ за столъ, и вы потомъ можете уйти, когда захотите.

Питеръ колебался. Время у него было, и ему казалось неловкимъ отказаться безъ уважительной причины, которой у него не было; съ другой стороны, онъ чувствовалъ, что не имѣетъ права принять приглашеніе, вызванное, можетъ быть, слишкомъ продолжительнымъ визитомъ.

— Благодарю васъ,—сказала хозяйка, пока онъ не успѣлъ сочинить отвѣтъ. — Могу я просить васъ позвонить?

Питеръ позвонилъ и снова неловко протянулъ чекъ миссъ Де-Во.

Но она смотрѣла на дверь, въ которой черезъ минуту показался дворецкій.

— Морденъ,—сказала она,—можете подавать завтракъ.

— Завтракъ поданъ, сударыня,—отвѣтилъ Морденъ.

Миссъ Де-Во встала.

— М-ръ Стерлингъ, я не думаю, что бы ваше объясненіе измѣнило обстоятельства, заставившія меня послать вамъ чекъ. Вы сами сознались, что дѣло ввело васъ въ расходы, и что вы за него ничего не получили. Какъ я писала вамъ, я послала вамъ только вашъ гонораръ, а такъ какъ никто другой вамъ его не предложилъ, я настаиваю на своемъ желаніи. Сама я не могу никого защищать, но я бога... я... я могу помочь другимъ дѣлать это, и я надѣюсь, вы разрѣшите мнѣ удовольствіе чувствовать, что я тоже внесла лепту въ это дѣло.

— Благодарю васъ, — сказалъ Питеръ.—Я согласенъ взять деньги, я только боялся, что вы послали ихъ по ложному представленію.

Миссъ Де-Во улыбнулась Питеру, и лицо ея приняло премилое выраженіе.

— Я должна сказать вамъ «благодарю васъ», и я вамъ очень обязана. Но вопросъ исчерпанъ, займемся лучше завтракомъ.

Питеръ, несмотря на свой обычный недостатокъ наблюдательности, не могъ не замѣтить изящнаго убранства стола. Это былъ простой лѣтній завтракъ, но серебро, фарфоръ и хрусталь были такіе, какихъ онъ раньше никогда не видалъ.

— Какое вино привыкли вы пить за завтракомъ?—спросила его хозяйка.

— Никакого. Я не пью,—отвѣчалъ Питеръ.

— Вы не признаете вина?—продолжала она.

— Лично я ничего не имѣю противъ него.

— Однако?—И въ голосѣ миссъ Де-Во послышался вопросъ.

— Моя мать очень предубѣждена противъ вина, поэтому я и не пью. Для меня это не составляетъ лишенія, она же была бы очень огорчена, если бы я пилъ.

Разговоръ обратился къ матери Питера, къ годамъ его дѣтства, и, къ концу разговора, миссъ Де-Во удалось узнать очень многое о его происхожденіи и его жизни въ Нью-Іоркѣ.

Бой часовъ снова прервалъ Питера, такъ какъ они продолжали сидѣть за столомъ и послѣ того, какъ завтракъ кончился, хотя миссъ Де-Во, для виду, щипала вѣточку винограда. Но когда пробило три часа, Питеръ, не придумывая даже никакого предлога для ухода, поспѣшно всталъ.

— Я отнялъ у васъ все утро,—сказалъ онъ извиняясь.

— Я думаю, — улыбнулась миссъ

Де-Во,—что въ этомъ мы оба виноваты въ равной мѣрѣ. Я завтра уѣзжаю, м-ръ Стерлингъ, но я вернусь въ концѣ октября, и если ваши занятія и ваше расположеніе позволятъ вамъ, я надѣюсь, вы зайдете ко мнѣ опять.

Питеръ посмотрѣлъ на серебро и фарфоръ; потомъ перевелъ взглядъ на миссъ Де-Во: она выглядѣла такой аристократкой.

— Я буду счастливъ,—отвѣтилъ онъ,—если вы, вернувшись, дадите мнѣ знать, что желаете меня видѣть.

Миссъ Де-Во слегка перевела дыханіе, когда Питеръ замедлилъ съ отвѣтомъ.

«Право, мнѣ кажется, онъ собирается отказаться!» думала она, и глубокое изумленіе охватило ее. Она была не меньше удивлена его отвѣтомъ.

— Я никогда не приглашаю къ себѣ мужчинъ дважды, мистеръ Стерлингъ,—сказала она съ оттѣнкомъ надменности въ голосѣ.

— Очень жаль, — спокойно отвѣтилъ Питеръ.

Миссъ Де Во опять перевела дыханіе.

— До свиданія,—сказала она, протягивая ему руку.—Я надѣюсь, что увижу васъ.

— До свиданія,—сказалъ Питеръ, и черезъ нѣсколько минутъ шелъ по направленію къ своей конторѣ.

Миссъ Де-Во стояла задумавшись.

«Это любопытно—думала она.—Хотѣлось бы мнѣ знать, придетъ-ли онъ?»

На слѣдующій вечеръ она обѣдала со своими родными въ одной изъ модныхъ дачныхъ мѣстностей и разсказывала имъ про визитъ «м-ра Стерлинга, адвоката, который сказалъ такую чудную рѣчь».

— Когда мнѣ передали его просьбу,—говорила она,—я думала, что буду погребена подъ градомъ благодарностей или же, что мое предложеніе будетъ отклонено въ надеждѣ, что я зальюсь слезами при видѣ такого безкорыстія. Такъ какъ я не могла отказаться принять его, я приготовилась оборвать его или взять деньги, не говоря ни слова. Но онъ вовсе не похожъ на то, чѣмъ я его воображала. Онъ не самоувѣренъ и не болтливъ, скорѣе напротивъ. Онъ такъ мнѣ понравился, что я удержала его къ завтраку и заставила его многое разсказать мнѣ объ немъ самомъ такъ, что онъ и не подозрѣвалъ этого. Онъ ведетъ совсѣмъ особенную жизнь, самъ не отдавая себѣ отчета въ этомъ, и очень интересно объ ней разсказываетъ. Онъ всегда употребляетъ настоящія слова, такъ что все время ясно понимаешь, что онъ хочетъ сказать, и не утруждаешь свои мозги, стараясь заполнить пробѣлы въ разсказѣ. Кромѣ того у него очень пріятный голосъ, голосъ, въ которомъ чувствуется безусловная правда. Нѣтъ, онъ не красивъ, хотя у него прекрасные глаза и волосы. Его лицо и вся фигура слишкомъ тяжелы.

— Онъ джентельмэнъ, кузина Анneke?—спросилъ кто-то.

— Онъ немного неловокъ и робокъ по временамъ, но такъ мнѣ понравился, что я пригласила его бывать у меня.

— Мнѣ кажется, — сказалъ кто-то другой,—что вы слишкомъ добры.

— Тутъ-то и произошла самая курьезная вещь,—продолжала миссъ Де-Во— Я вовсе не увѣрена, что онъ собирается придти. Мнѣ было очень пріятно, что онъ не раболѣпствовалъ, но меня крайне удивило, что онъ—первый мужчина, не стремившійся быть принятымъ въ моемъ домѣ. Я даже думаю, онъ не знаетъ, кто такая миссъ Де-Во.

— Онъ скоро узнаетъ это,—засмѣялась одна изъ барышень,—и тогда сдѣлаетъ то же, что и всѣ они.

— Нѣтъ, сказала миссъ Де-Во.—Я думаю, для него это все равно. Онъ кажется, совсѣмъ въ другомъ родѣ. Мнѣ было бы просто любопытно узнать, неужели мнѣ придется приглашать его во второй разъ? Это будетъ единственный случай, сколько я могу припомнить. Боюсь я, дорогіе мои, старѣется ваша кузина!

Дѣйствительно, Питеръ провелъ четыре часа въ обществѣ женщины, знакомства съ которой всѣ добивались, съ женщиной, одинаково извѣстной знатностью рода, общественнымъ положеніемъ богатствомъ и благотворительностью. Для него не составило-бы большой разницы, еслибъ онъ зналъ объ этомъ, хотя это обстоятельство еще могло не-

много увеличить его обычную неловкость. Что онъ не былъ такъ несообразителенъ, какимъ считала его миссъ Де-Во, видно изъ слѣдующаго отрывка письма, которое онъ писалъ матери.

«Она очень заинтересовалась дѣломъ, и предлагала мнѣ много вопросовъ о немъ и обо мнѣ самомъ. На многіе изъ нихъ я охотнѣе не отвѣчалъ-бы, но такъ какъ она спрашивала, я не могъ уклониться отъ отвѣта.

«Она меня приглашала посѣщать ее; вѣроятно, съ ея стороны это мимолетная симпатія, какія часто возникаютъ въ ихъ обществѣ (тутъ Питеръ тщательно вычеркнулъ послѣднюю фразу и упрекнулъ себя, что горечь единственнаго опыта заставила его произнести приговоръ цѣлому классу общества), но если она пригласитъ меня еще разъ, я пойду къ ней, въ ней есть что-то привлекательное и благородное.

«Я думаю, она очень важное лицо».

Дальше онъ писалъ:

«Если ты согласна со мной, я положу эти деньги въ сберегательную кассу на текущій счетъ, и буду употреблять ихъ на какое-нибудь полезное дѣло для бѣдняковъ. Я безвозмездно предложилъ имъ свои услуги и не считаю себя вправѣ брать деньги, которыя гораздо лучше можно употребить на пользу тѣхъ людей, которымъ я старался помочь».

Глава XVIII.

Другой кліентъ.

На другой день послѣ удовлетворенія исковъ Питеръ навѣстилъ своихъ кліентовъ и сообщилъ имъ объ удачѣ. Каждому изъ нихъ былъ предъявленъ чекъ Больмана и предложенъ вопросъ—доволенъ ли онъ своей долей?

— Еще бы, — отвѣтилъ Дулей. — Я даже не знаю, что мнѣ дѣлать съ такой кучей денегъ.

— Мнѣ кажется, — замѣтилъ Питеръ,—что эти двѣ тысячи собственно должны принадлежать вашимъ дѣтямъ.

— Конечно,—вмѣшалась миссисъ Дулей, готовая обобрать мужа въ пользу дѣтей.

— Такъ что же мнѣ дѣлать съ ними?—спросилъ Дулей.

— Я бы попросилъ м-ра Стерлинга взять мои на храненіе,—замѣтилъ Блакеттъ.

— Это славная мысль, — согласился Дулей

Такъ же рѣшили и всѣ остальные. Питеръ посовѣтывалъ, что лучше всего будетъ положить деньги пока въ сберегательную кассу. «Можетъ быть впослѣдствіи мы пристроимъ ихъ лучше», добавилъ онъ.

Они всѣ вмѣстѣ отправились въ сберегательную кассу, и Питеръ спросилъ совѣта у кассира. Тотъ посовѣтывалъ передать вексель въ кассу, которая берется выдѣлить каждому его часть.

— Я попрошу васъ выдѣлить мнѣ лишніе двѣстипятьдесятъ долларовъ,— сказалъ Питеръ, — это мой гонораръ.

— Лучше разрѣшите мнѣ положить ихъ на ваше имя, м-ръ Стерлингъ,— предложилъ директоръ, который былъ призванъ на совѣщаніе.

— Прекрасно,—согласился Питеръ.— Мнѣ нужно будетъ въ скоромъ времени часть суммы, но остальное пусть остается здѣсь.

Сохранныя книжки были вручены Питеру, и директоръ пожалъ ему руку со всѣмъ жаромъ, который предписывался вкладомъ въ восемь тысячъ двѣсти пятьдесятъ долларовъ и четырьмя новыми вкладчиками.

Но Питеру не пришлось вынимать своихъ денегъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ опять кто-то постучалъ въ его дверь.

Этотъ кто-то оказался м-ромъ Моріерти, о которомъ мы уже случайно упоминали по поводу отпущенныхъ имъ за полцѣны напитковъ на похороны Биджетъ Миллиганъ и который выступилъ въ роли оратора въ факельной процессіи.

— Съ добрымъ утромъ, сэръ,—сказалъ посѣтитель.

У Питера была особенность никогда не забывать разъ видѣнныя лица. Онъ не зналъ м-ра Моріерти, никогда не слыхалъ его, но тотчасъ-же узналъ его.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Питеръ, протягивая руку.

Питеръ не имѣлъ обыкновенія всѣмъ подавать руку, но лицо этого человѣка ему нравилось, хотя врядъ-ли могло расчитывать получить премію за красоту. У м-ра Моріерти были огненно-рыжіе волосы, невѣроятно курносый носъ и очень толстая нижняя губа. Но все-таки его лицо нравилось каждому.

— Большая честь для меня пожать руку м-ру Стерлингу,—сказалъ ирландецъ.

— Присядьте,—пригласилъ Питеръ.

— Мое имя Моріерти, сэръ, Деннисъ Моріерти, я держу «салонъ» недалеко отъ Центральной улицы.

— Вы были здѣсь съ факельнымъ шествіемъ?

— Да, сэръ. Конечно, я не умѣю говорить рѣчи, особенно въ сравненіи съ вами, но ребята меня выбрали.

Питеръ сказалъ что-то приличное случаю, затѣмъ наступило молчаніе.

— М-ръ Стерлингъ,—началъ наконецъ Моріерти.—Меня вчера требовалъ судья Галлагеръ и больно оштрафовалъ меня. Я хотѣлъ бы, что бы вы пошли къ нему и устроили мнѣ какое-нибудь облегченіе. Только вы и можете это сдѣлать.

— За что васъ оштрафовали?—спросилъ Питеръ.

— За торговлю въ воскресенье.

— Значитъ, за дѣло оштрафовали.

— Не говорите такъ, пока я вамъ не разсказалъ всего. Я радъ бы не торговать по воскресеньямъ, да это стоитъ въ условіи, вотъ и пришлось открыть лавочку.

— Въ условіи?—допрашивалъ Питеръ.

— Да. — И онъ передалъ ему свои бумаги.

Питеръ пробѣжалъ три документа.

— Вотъ въ чемъ дѣло, — сказалъ онъ.—Вы на самомъ дѣлѣ только довѣренное лицо, и у пивовара въ рукахъ закладная на вашу недвижимую собственность и откупное свидѣтельство.

— Въ томъ-то и штука, — сказалъ Деннисъ.—И ловко же вы это поняли! Я только довѣренное лицо, и чортъ бы побралъ эту довѣренность! Кто-жъ будетъ работать своей охотой семь дней въ недѣлю, когда и шести довольно?

— Отчего же вы не отказались отъ такихъ условій?

— Потому что меня выгнали бы. И пиво-то такое дрянное, что и въ семь дней его не много продашь!

— Почему же вы не берете пиво въ другомъ мѣстѣ?

— Нельзя, Эдельгейнъ посадилъ меня сбывать свою гадость и ни за что не позволитъ продавать что нибудь другое.

— Значитъ, на самомъ дѣлѣ хозяинъ Эдельгейнъ, а вы посажены только для отвода глазъ?

— Понятно.

— А вы не затратили на это своихъ денегъ?

— Ни гроша мѣднаго.

— Такъ почему же хозяинъ не платитъ штрафа?

— Онъ сказалъ, что знать ничего не хочетъ о штрафахъ. А какъ будто можно избѣжать штрафовъ, когда продаешь его пиво!

— Почему же?—освѣдомился Питеръ, понимая, что за продажу плохого пива слѣдуетъ штрафовать, но не знакомый съ уставами.

— Видите ли, сэръ, ребята не любятъ этого пива, а они понимаютъ толкъ, они обижаются, идутъ въ другія мѣста, а ко мнѣ и не заходятъ.

— Но это не объясняетъ мнѣ, почему васъ штрафуютъ.

— А въ этомъ-то вся штука. Разъ ребята не ходятъ ко мнѣ, я мало могу сдѣлать на предварительныхъ выборахъ, у меня нѣтъ вліянія въ политикѣ, поэтому полиція и судьи не спускаютъ мнѣ, какъ другимъ.

Питеръ нѣсколько времени молчалъ, глядя въ стѣну.

— Если бы у меня было хорошее пиво,—продолжалъ Маріерти, — я бы всѣхъ ихъ перещеголялъ, ребята меня всегда любили, потому что я кулаками хорошо работаю.

Питеръ улыбнулся.

— Почему вы не займетесь чѣмъ нибудь другимъ?—спросилъ онъ.

— У меня мать на рукахъ, да трое ребятишекъ, а потомъ я могу потерять свое вліяніе на выборахъ.

— А какое пиво дѣлаетъ Больманъ?— спросилъ Питеръ будто совсѣмъ некстати.

— О,—сказалъ Маріерти,—у него славное, честное пиво! Онъ всегда въ порядкѣ. И онъ справедливо обращается со своими приказчиками. Онъ предоставляетъ имъ торговать или не торговать по воскресеньямъ, какъ сами захотятъ и никогда не прижимаетъ, когда человѣку не везетъ.

Питеръ опять уставился въ стѣну,— онъ что то соображалъ.

— Предположимъ,—сказалъ, онъ,— что я буду въ состояніи освободить васъ отъ штрафа и добиться, чтобы этотъ пунктъ былъ вычеркнутъ изъ условія. Станете ли вы торговать по воскресеньямъ?

— Боже меня сохрани!

— А когда вамъ надо платить штрафъ?

— Я на порукахъ до завтра, сэръ.

— Такъ оставьте мнѣ ваши бумаги и зайдите завтра въ это же время.

Питеръ еще нѣсколько времени послѣ ухода новаго кліента изучалъ стѣну. Онъ не жаловалъ ни хозяевъ «салоновъ», ни нарушителей закона, но въ данномъ случаѣ, ему казалось, были смягчающія обстоятельства. Его размышленія привели къ тому, что онъ направился въ камеру судьи Галлагера. Судья оказался не разговорчивымъ и суровымъ.

— Онъ попался три раза въ три мѣсяца; я хочу на немъ показать примѣръ.

— Но почему страдаетъ онъ одинъ, когда каждый содержатель питейнаго заведенія по сосѣдству дѣлаетъ то же?

— Послушайте, сэръ,—сказалъ судья, —не отнимайте у меня даромъ времени. Чье дѣло слѣдуетъ?

Опять знакомое намъ странное выраженіе промелькнуло на лицѣ Питера. Онъ уже выходилъ изъ камеры, когда въ дверяхъ столкнулся съ однимъ изъ полисменовъ, съ которымъ «дружилъ», по выраженію дѣтворы, т.-е. болталъ съ нимъ изрѣдка въ «треугольникѣ».

— Что за человѣкъ Деннисъ Моріерти? спросилъ онъ полисмена.

— Славный парень, содержитъ мать и троихъ братишекъ.

— За что же судья Галлагеръ его преслѣдуетъ?

Полисменъ оглянулся кругомъ:

— Политика, сэръ, и ему приказано.

— Кѣмъ?

— Этого мы не знаемъ. Прошлой весной на выборахъ была свалка, и съ тѣхъ поръ намъ приказано караулить его.

Питеръ на минуту задумался.

— Кто же изъ содержателей питейныхъ заведеній главный воротила теперь?—спросилъ онъ.

— Да всѣ они сильны, но главный то Бленкерсъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ Питеръ.

На улицѣ онъ остановился и снова задумался. Затѣмъ онъ прошелъ нѣсколько шаговъ и вошелъ въ большой «салонъ» Бленкерса.

— Мнѣ нужно поговорить съ хозяиномъ,—сказалъ Питеръ.

— Это я,—сказалъ человѣкъ, читавшій газету за прилавкомъ.

— Знаете ли вы судью Галлагера?

— Знаю ли! Понятно, знаю,—отвѣтилъ хозяинъ

— Не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженіе пойти со мной въ его камеру и побудить его сложить штрафъ съ Денниса Моріерти?

— Нѣтъ, не сдѣлаю, не хочу. Слишкомъ уже много «салоновъ» развелось; закроютъ, такъ меньше возни будетъ!

— Въ такомъ случаѣ, — спокойно возразилъ Питеръ,—вы ничего не будете имѣть противъ того, чтобы я закрылъ вашъ?

— Что вы хотите сказать?—сердито спросилъ хозяинъ.

— Если дѣло дойдетъ до закрыванія «салоновъ», такъ можно и вашъ закрыть.

— Да вы кто?

Человѣкъ вылѣзъ изъ за прилавка, презрительно пожимая плечами.

— Мое имя Питеръ Стерлингъ, Питеръ Стерлингъ.

Человѣкъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него.

— А какъ же вы закроете мое заведеніе?

— Найду свидѣтелей противъ васъ подамъ жалобу.

— Такъ не дѣлаютъ.

— Но я такъ сдѣлаю.

— Что же вы имѣете противъ меня?

— Ничего. Но я хочу, чтобы съ Моріерти вели честную игру. Да и вы любите сражаться съ открытыми глазами. Вы не похожи на человѣка, готоваго зарѣзать врага изъ-за угла.

Питеръ не льстилъ хозяину; онъ оцѣнилъ его сразу и не стѣснялся высказать ему свою оцѣнку, и высказалъ ее такъ, что тотъ хорошо понялъ смыслъ его словъ.

— Идемъ,—сказалъ Бленкерсъ добродушно.

Они пошли въ камеру судьи, и судья съ трактирщикомъ долго совѣщались шопотомъ.

— Дѣло сдѣлано, м ръ Стерлингъ,—сказалъ, наконецъ, судья.—Писарь, вычеркните изъ списковъ штрафъ Денниса Моріерти.

— Благодарю васъ,—сказалъ Питеръ трактирщику.—Если я могу чѣмъ-нибудь услужить вамъ—дайте мнѣ знать.

— Не стоитъ благодарности,—отвѣчалъ тотъ, и они разстались.

Питеръ направился въ сторону «Національной молочной компаніи», но на этотъ разъ онъ прошелъ на пивоваренный заводъ. Онъ розыскалъ м-ра Больмана, изложилъ дѣло и попросилъ совѣта.

— Не связывайтесь съ этимъ Эдельгеймомъ. Мы вотъ что лучше сдѣлаемъ; у меня есть свободная лавка на Зендеръ-Стритѣ, и вашъ пріятель получитъ ее.

Они вмѣстѣ обсудили всѣ подробности. Деннисъ долженъ былъ поступить арендаторомъ съ обязательствомъ продавать только пиво Больмана, за что получитъ извѣстный процентъ, а также и со всего другого. Онъ долженъ былъ платить Больману аренду и дать закладную на довѣренное ему имущесво; и, наконецъ, онъ имѣлъ право выкупить недвижимую собственность и право торговли въ пятилѣтній срокъ, внеся извѣстную сумму.

— Приготовьте бумаги, м-ръ Стерлингъ, и пришлите мнѣ контрактъ. Пусть парень попробуетъ счастья, — сказалъ пивоваръ.

Когда Деннисъ явился на другой день къ Питеру, то былъ пораженъ, узнавъ новость. Онъ чуть не вывихнулъ руку Питеру.

— Боже мой! да что мнѣ сказать вамъ?—воскликнулъ онъ, наконецъ.

Затѣмъ, придумавъ что-то, онъ быстро прибавилъ:

— Теперь, Патси Бленкерсъ, смотри въ оба! Задамъ я тебѣ жару на выборахъ!

Онъ просилъ Питера придти на открытіе и помочь «отпраздновать событіе».

— Благодарю васъ, — сказалъ Питеръ,—но я думаю, что не приду.

— Право, вы не бойтесь,—просилъ Деннисъ, — все будетъ въ порядкѣ. Драться я и самъ умѣю, ребята это хорошо знаютъ.

— Меня мать такъ воспитала,—объяснилъ ему Питеръ,—что я не хожу по «салонамъ», а когда я ѣхалъ въ Нью-Іоркъ, я обѣщалъ, что сейчасъ же напишу ей, если сдѣлаю что-нибудь такое, чего она учила не дѣлать. Она не пойметъ причину моего визита къ вамъ и огорчится.

Составивъ контрактъ, Питеръ заработалъ пятьдесятъ долларовъ, а въ концѣ перваго мѣсяца Деннисъ принесъ ему еще пятьдесятъ.

— Торговля идетъ на славу, сэръ, и я хочу васъ отблагодарить за все, что вы для меня сдѣлали.

Поэтому Питеръ оставилъ свои двѣсти пятьдесятъ долларовъ въ сберегательной кассѣ и покрылъ издержки перваго дѣла заработками второго.

Вотъ что онъ писалъ матери:

«Боюсь, что ты не одобришъ вполнѣ того, что я сдѣлалъ, такъ какъ знаю твое строгое отношеніе къ людямъ, которые дѣлаютъ и продаютъ крѣпкіе напитки. Но въ послѣдніе дни я понялъ, что добротою и помощью можно достигнуть гораздо большаго, чѣмъ строгостью и преслѣдованьемъ. Я не разсчитывалъ заработать что нибудь на этомъ дѣлѣ, поэтому мысль о деньгахъ не имѣла здѣсь ни малѣйшаго вліянія. Мнѣ казалось, что съ человѣкомъ поступили несправедливо, пользуясь законами, написанными съ другой цѣлью. Я старался хорошенько обдумать дѣло и поступить по справедливости. Мой послѣдній кліентъ смотритъ и говоритъ такъ, что я увѣренъ, онъ славный парень, и попробую сдѣлать что-нибудь для него, конечно,

если тебѣ не противна мысль, что мой пріятель тратирщикъ. Я знаю, что могу быть полезенъ ему».

Питеръ и не подозрѣвалъ, какую службу сослужитъ ему новый кліентъ.

Глава XIX.

Предварительное голосованіе.

Послѣ кипучей дѣятельности послѣдняго времени, жизнь Питера снова потекла въ прежнихъ берегахъ. Зима прошла безъ какихъ либо выдающихся событій, если не считать все возрастающую популярность его среди населенія рабочаго квартала.

Но въ слѣдующемъ іюлѣ жизнь Питера вступила въ новую фазу, и переворотъ былъ вызванъ визитомъ Денниса Моріерти.

— Съ добрымъ утромъ, сэръ, прекрасный сегодня денекъ,—началъ онъ, съ обычнымъ ему привѣтливымъ видомъ.

— Да,—отвѣтилъ Питеръ.

— М-ръ Стерлингъ, вы не заняты сегодня вечеромъ?

— Нѣтъ.

Питеръ былъ дѣйствительно совершенно свободенъ.

— Такъ не пойдете ли вы со мной на предварительное?

— Какое предварительное?

— Предварительное голосованіе для выборовъ депутатовъ въ собраніе.

— Нѣтъ не пойду. А какой партіи?

— Какой партіи?

— Ну да!

— М-ръ Стерлингъ, извѣстно ли вамъ мое имя?

— Деннисъ Моріерти, кажется, не такъ ли?

— Именно. А чѣмъ я занимаюсь?

— Вы держите «салонъ».

— Вѣрно, а въ какомъ кварталѣ я живу?

— Кажется въ шестомъ.

— Такъ,—сказалъ Деннисъ, и лицо его расплылось въ широчайшую улыбку

— Сдается мнѣ, вы считаете меня грязнымъ, чернымъ республиканцемъ.

Питеръ разсмѣялся, какъ всегда, когда Деннисъ начиналъ философствовать.

— Слушайте, Деннисъ, — сказалъ онъ,—нечего бранить эту партію. Мой отецъ былъ демократъ, но онъ подалъ голосъ за Линкольна и въ свое время сражался за негровъ, и хотя я тоже демократъ, но, по моему, республиканцы черны только по своимъ симпатіямъ, а не по дѣламъ.

— А какого вы мнѣнія о мошенничествѣ съ водкой, о «черной пятницѣ» и объ имущественномъ кредитѣ?—спросилъ Деннисъ.

— Конечно, они мнѣ вовсе не нравятся,—отвѣтилъ Питеръ,—но это дѣло рукъ людей, а не партіи.

— А что такое партія, если не тѣ же люди, что ее составляютъ?—продолжалъ Деннисъ.

— Вы хорошо узнали теперь м-ра Больмана, Деннисъ?

— Еще бы!

— Ну, такъ онъ сдѣлалъ Кольмана управляющимъ и поручилъ ему надзоръ за коровами. Однако, это не мѣшаетъ ему быть честнымъ человѣкомъ.

Деннисъ почесалъ затылокъ.

— Такъ-то оно такъ,—сказалъ онъ,—а республиканцы все таки негодяи! Поглядите-ка на нихъ у насъ въ кварталѣ, ни одинъ порядочный человѣкъ не предложитъ имъ выпить вмѣстѣ съ нимъ.

— Я думаю, Деннисъ,—сказалъ Питеръ,—что если бы всѣ порядочные люди принадлежали къ одной партіи, такъ о другихъ и говорить не стоило бы.

— Истинная правда,—отвѣтилъ Деннисъ.—Потому-то въ городѣ Нью-Іоркѣ и стоитъ говорить только о демократической партіи.

— Разскажите-ка мнѣ про эту подачу голосовъ,—сказалъ Питеръ, видя, что отвлеченная философія политики была безсильна внушить Деннису болѣе терпимый образъ мысли.

— Это дѣло первой важности,—былъ отвѣтъ;—послѣдніе два года бралъ верхъ все Патси Бленкерсъ и его грязная шайка (Деннисъ, казалось, забылъ только что высказанное имъ мнѣніе, что демократы всѣ «порядочные» люди); теперь мы наконецъ дождались списка новыхъ кандидатовъ, и если теперь мы ихъ не побьемъ, то я не Деннисъ Моріерти!

— Какіе вопросы будутъ рѣшаться на митингѣ?

— Сначала составленіе списка кандидатовъ, потомъ выборъ делегатовъ.

— Вотъ что! Значитъ много будетъ споровъ, пока не выберутъ?

— Еще бы! Славная свалка будетъ! Весь кварталъ такъ возбужденъ, сэръ, что мнѣ, въ моемъ «салонѣ», пришлось дважды пустить въ ходъ кулаки, что бы ребята вели себя потише.

— Чего же вы отъ меня хотите?

— Да въ такой денекъ каждый лишній голосъ пригодится. Вы можете страшно помочь намъ, васъ весь кварталъ любитъ.

— Но, Деннисъ, я не могу подавать голосъ за то, о чемъ понятія не имѣю. Я не буду знать, правильно ли я поступаю.

— Вотъ еще! Человѣкъ всегда поступаетъ правильно, когда подаетъ голосъ за друзей.

— Нѣтъ, человѣкъ только тогда поступаетъ правильно, когда подаетъ голосъ по твердому убѣжденію.

— По убѣжденію? Это еще что?

— Конечно, т.-е. когда онъ подаетъ голосъ за то, что считаетъ лучшимъ для своей родины.

— Такъ, вѣрно, дѣлаютъ тамъ, откуда вы пріѣхали, — сказалъ Деннисъ.— У насъ это не годится. Здѣсь никогда не говорятъ объ убѣжденіяхъ. Мы въ Нью-Іоркѣ подаемъ голосъ за настоящее дѣло.

Питеръ разсмѣялся.

— Ну, Деннисъ, придется мнѣ взять васъ въ науку, а вы за то меня поучите. Мы съ вами должны другъ другу помочь. Хорошо, я приду на голосованіе. Только позволятъ ли мнѣ подать голосъ?

— Развѣ посмѣютъ эти мошенники запретить вамъ? Благодарю васъ, сэръ. Такъ я зайду за вами около восьми?

— Только не забывайте, Деннисъ, я не обѣщаю вамъ, за что я подамъ голосъ.

— Вы только вслушайтесь хорошенько, а ужъ я не боюсь, вы всегда рѣшите по правдѣ.

Вечеромъ Питеръ очутился въ большой, душной залѣ, биткомъ набитой людьми, окутанными густыми облаками табачнаго дыма. Онъ съ любопытствомъ осмотрѣлся и съ удивленіемъ замѣтилъ, сколько тутъ было знакомыхъ лицъ. Блакеттъ, Дулей Миллиганъ протискались къ нему и крѣпко пожали руку. Судья Галлагеръ и Бленкеръ занимали первыя мѣста. Два полисмена въ штатскихъ платьяхъ, трое пожарныхъ изъ ближайшаго депо, съ которыми онъ не разъ бесѣдовалъ, м-ръ Деммеръ, его соперникъ на судѣ, и одинъ изъ присяжныхъ, засѣдавшихъ по его дѣлу, виднѣлись въ толпѣ. Было много лицъ, съ которыми онъ при встрѣчѣ обмѣнивался парою словъ или просто поклономъ.

Въ собраніи царствовало сильное возбужденіе, всѣ о чемъ то совѣщались вполголоса съ видомъ, показывавшимъ, какъ глубоко они заинтересованы.

По совѣту Денниса, данному имъ при входѣ въ залъ, Питеръ, одинъ, безъ поручителя, подошелъ къ каѳедрѣ. Кто-то свади него спросилъ его, дѣйствительно ли онъ живетъ въ данномъ кварталѣ и какъ давно, но этотъ вопросъ явился единственнымъ протестомъ, и имя Питера было сейчасъ же занесено въ списки.

Потомъ Питеръ сталъ бродить по залѣ, болтая со своими знакомыми и стараясь понять, но безуспѣшно, въ чемъ было несогласіе.

Всѣ знали, что предстоитъ сраженіе, но изъ за чего—этого никто не зналъ, да, казалось, и знать не желалъ. Питеръ замѣтилъ, что у каѳедры раздавались ругательства, сопровождавшія имена заносимыхъ въ списки кандидатовъ, но не зная причины возбужденія, онъ не могъ слѣдить за ходомъ перебранки.

Наконецъ она прекратилась за неимѣніемъ новыхъ поводовъ.

— Мистеръ Стерлингъ, — сказалъ Деннисъ, быстро протискиваясь къ нему— не возьметесь ли вы быть предсѣдателемъ?

— Нѣтъ, я не знаю порядка подобныхъ собраній.

— Никакого порядка не нужно,—отвѣтилъ Деннисъ,—мы только хотимъ, чтобы дѣло было на чистоту.

И прежде чѣмъ Питеръ успѣлъ что нибудь возразить, Деннисъ уже исчезъ опять въ толпѣ. Въ ту же минуту человѣкъ, составлявшій списокъ кандидатовъ, всталъ.

— Никто больше не желаетъ записаться? — спросилъ онъ. Никто не явился, и онъ продолжалъ:—предлагаю собранію избрать предсѣдателя засѣданія.

— Господинъ секретарь!—отозвались два голоса такъ быстро и дружно, что прервали говорившаго и не дали ему докончить.

— М-ръ Мульданъ!—отозвался окликнутый.

— Я заговорилъ первый!--закричалъ Деннисъ.

Питеръ видѣлъ, что Деннисъ правъ, и чувствовалъ, что игра ведется не честная.

Въ ту же минуту въ залѣ разразилась буря протестовъ, отрицаній, обвиненій и упрековъ. Питеръ ждалъ, что начнется драка, но положеніе было слишкомъ критическое, чтобы терять время на то, что Деннисъ называлъ «потѣхой».

— М-ръ Мульданъ,—снова сказалъ секретарь, не обращая вниманіе на поднявшуюся бурю.

— Господинъ секретарь, — ревѣлъ Мульданъ, — я счастливъ, что могу предложить избраніе президентомъ этого почтеннаго собранія судью Галлагера, гордость нашего правосудія, и приглашаю сдѣлать избраніе его единогласно.

— Господинъ секретарь! — завопилъ, въ свою очередь, Деннисъ.

— М-ръ Моріерти!—отвѣтилъ секретарь.

— Г-нъ секретарь, имѣю честь предложить въ предсѣдатели настоящаго собранія друга дѣтей и народа, мистера Питера Стерлинга, и не хочу даже просить выбрать его единогласно, ибо увѣренъ въ этомъ, въ виду высокихъ доблестей и глубокаго ума уважаемаго собранія!

Питеръ увидѣлъ, что въ концѣ этой рѣчи судья Галлагеръ, Мульданъ и еще двое стали поспѣшно совѣщаться, и едва Деннисъ кончилъ, какъ судья Галлагеръ заговорилъ.

— Г-нъ секретарь!

— Достопочтенный судья Галлагеръ!—отозвался тотъ.

— Считаю особеннымъ удовольствіемъ уступить мѣсто мистеру Стерлингу, который вполнѣ заслуживаетъ чести предсѣдательствовать на этомъ важномъ собраніи. Ввиду недавнихъ событій, слишкомъ всѣмъ извѣстныхъ, чтобы упоминать о нихъ, я увѣренъ, что мы найдемъ у него правосудіе и справедливость.

— Чортъ его возьми! — заворчалъ Деннисъ.—Я думалъ, эти дураки не согласятся, и мы бы тогда славно ихъ вздули!

Питеръ былъ избранъ единогласно и приглашенъ занять мѣсто за столомъ.

— Съ чего нужно начать?—спросилъ онъ Галлагера, прежде чѣмъ занять мѣсто.

— Съ выборовъ делегатовъ въ областное собраніе. На сегодняшній вечеръ больше ничего нѣтъ,—былъ отвѣтъ.

Питеръ не разъ предсѣдательствовалъ на сходкахъ еще въ колледжѣ и теперь не смутился.

— Не будете ли вы такъ добры сѣсть со мной рядомъ, чтобы подсказывать имена тѣхъ, кого я не знаю?—сказалъ онъ секретарю.

— Объявляю собраніе открытымъ!—громко заявилъ Питеръ.—На очереди назначеніе делегатовъ въ областное собраніе.

— Г-нъ предсѣдатель!—завопилъ Деннисъ, надѣясь, что опять явится какой-нибудь соперникъ.

— М-ръ Моріерти!—отвѣтилъ Питеръ.

— Г-нъ предсѣдатель. Имѣю честь предложить делегатамъ въ областное собраніе достопочтеннаго м-ра Слерджера, нашего уважаемаго уполномоченнаго на съѣздѣ, достопочтеннаго мистэра Кеннеди нашего благороднаго полицейскаго комиссара, и м-ра Каггса, упоминать о многочисленныхъ заслугахъ котораго въ почтенномъ собраніи нѣтъ надобности.

— Поддерживаю предложеніе,—подхватилъ кто-то.

— Г-нъ предсѣдатель! — закричалъ какой-то человѣкъ.

— Это—Каггсъ, подсказалъ секретарь.

— М-ръ Каггсъ!—отозвался Питеръ.

— Гнъ предсѣдатель, сказалъ Каггсъ,—я принужденъ отказаться отъ чести, предложенной изъ такого источника.

— Что?!—завопилъ Деннисъ, и въ его лицѣ и голосѣ выразилось крайнее изумленіе и бѣшенство.

— Г-нъ предсѣдатель!—сказалъ Деммеръ.

— Мистеръ Деммеръ!—отвѣтилъ Питеръ.

— Имѣю честь предложить делегатами въ областное собраніе достопочтеннаго судью Галлагера, м-ра Суини и м-ра Каггса, заслугамъ котораго м-ръ Моріерти только что отдалъ должное.

— Присоединяюсь къ...—прокричалъ кто-то, но конецъ фразы пропалъ въ новомъ взрывѣ бури. Даже сквозь страшный шумъ Питеръ услыхалъ голосъ Денниса, грозящій и призывающій м-ра Каггса «выйти впередъ и отвѣтить, какъ джентельмэнъ».

Каггсъ, надежно укрывшись за широкой спиной Бленкерса, отказывался отъ этого заманчиваго предложенія. Наконецъ, звонокъ Питера снова возстановилъ нѣкоторый порядокъ.

— Г-нъ предсѣдатель!—началъ Деннисъ.

— М-ръ Моріерти!—отвѣчалъ Питеръ.

— Г-нъ предсѣдатель! Не хочу терять драгоцѣннаго времени настоящаго собранія на обсужденіе поступковъ грязныхъ трусовъ, низкихъ, предательскихъ гадюкъ, души которыхъ чернѣе, чѣмъ у самаго чорта...

— Призываю къ порядку!—обратился Питеръ къ публикѣ.

— Нѣтъ,—продолжалъ Деннисъ въ отвѣтъ на весьма громкія замѣчанія оппозиціи,—я никого не называю. Если вы знаете такихъ скотовъ, такихъ змѣй, назовите ихъ сами. Какъ я уже сказалъ, г-нъ предсѣдатель, я не хочу отнимать времени у собранія, описывая поведеніе скотины, такой низкой, что она должна возбуждать презрѣніе каждаго честнаго человѣка. Если бы святой Патрикъ жилъ въ наше время, онъ изгналъ бы ее вмѣстѣ съ другими гадами. Я только желаю вычеркнуть имя Каггса изъ числа названныхъ мною делегатовъ въ областное собраніе и предложить человѣка, который также честенъ и благороденъ, какъ нѣкто фальшивъ и негоденъ. Этотъ человѣкъ—Питеръ Стерлингъ, да благословитъ его Богъ!

Снова начался хаосъ. Напрасно Питеръ колотилъ по столу и звонилъ, никто не слушалъ — страсти слишкомъ расходились.

Наконецъ Питеръ всталъ:

— Джентельмены! — закричалъ онъ, и голосъ его зазвенѣлъ, покрывая шумъ,—если собраніе не успокоится, я принужденъ буду отложить его до другого раза!

Наступила мгновенная тишина, всѣ услышали его слова и поняли, что онъ говоритъ совершенно серьезно.

— Кто поддерживаетъ послѣднее предложеніе? — спокойно спросилъ Питеръ.

— Я поддерживаю!—закричали вмѣстѣ Блаккетъ и Миллиганъ.

— Вы слышали предложеніе, джентельменты? Не имѣетъ-ли кто возразить? —

Сидѣвшій рядомъ съ судьей Галлагеромъ человѣкъ сказалъ:

— Г-нъ предсѣдатель!—и послѣ обычныхъ вопросовъ, впродолженіи десяти минутъ онъ говорилъ совершенно не относящіяся къ дѣлу вещи. Но за это время Питеръ замѣтилъ сначала дѣятельное перешептываніе между друзьями Бленкерса, затѣмъ совѣщаніе судьи Галлагера съ Деннисомъ. Этотъ послѣдній казался непримѣримымъ и съ воинственнымъ видомъ трясъ головой. Потомъ послѣдовало новое совѣщаніе оппозиціи, новые переговоры съ Деннисомъ, опять окончившіеся съ его стороны энергическимъ потряхиваньемъ головой.

Когда стало ясно, что никакой компромиссъ невозможенъ, оратора прервали и постановили приступить къ баллотировкѣ.

Питеръ назначилъ одного изъ пожарныхъ, Дулей и Бленкерса провѣрять голоса, и они послѣ баллотировки объявили, что Деннисъ провелъ свое предложеніе. Питеръ былъ выбранъ большинствомъ двухъ сотъ двѣнадцати голосовъ, остальные кандидаты получили сто семдесятъ два и сто пятьдесятъ восемь.

«Змѣя» набралъ только пятьдесятъ семь избирательныхъ голосовъ.

— Вотъ видите,—говорилъ позднѣе Деннисъ, — мы не подаемъ голоса за убѣжденіе, но мы никогда не выберемъ такого.

— Вы, значитъ, все таки имѣете свое убѣжденіе,—настаивалъ Питеръ.

— Ну, такъ наше убѣжденіе въ васъ,—отвѣтилъ Деннисъ.

Можетъ быть, онъ былъ правъ.

Глава XX.

Политическій дебютъ.

Какъ только результаты голосованія были объявлены, Питеръ закрылъ собраніе и во время поднявшагося шума незамѣтно ускользнулъ, не сказавъ никому ни слова.

Онъ не былъ ошеломленъ, такъ какъ былъ слишкомъ флегматиченъ, но былъ слегка удивленъ внезапностью случившагося, и хотѣлъ его обдумать, прежде чѣмъ говорить съ кѣмъ нибудь объ этомъ. Поэтому онъ воспользовался поднявшимися крикомъ и взаимными обвиненіями, казавшимися въ порядкѣ вещей, чтобы вернуться въ свою контору, гдѣ долго просидѣлъ, задумчиво устремивъ глаза въ стѣну. Наконецъ онъ легъ и заснулъ такъ тихо и спокойно, какъ будто весь вечеръ читалъ «о постройкахъ современныхъ домовъ» или «вопросы соціологіи», которые лежали на его столѣ, а не предсѣдательствовалъ на бурномъ предварительномъ голосованіи и не былъ избранъ делегатомъ.

На слѣдующее утро Деннисъ забѣжалъ къ нему такъ рано, какъ только могъ.

— М-ръ Стерлингъ, — сказалъ онъ, и физіономія его расплылась въ широчайшую улыбку,—позвольте мнѣ привѣтствовать делегата законодательнаго собранія.

— Послушайте, Деннисъ, — сказалъ Питеръ,—съ какой стати вы взвалили на меня эту обязанность?

— Ахъ, сударь! Право, когда эта грязная свинья Каггсъ обрушился на меня, что же мнѣ было дѣлать? Я знаю, я долженъ былъ васъ предупредить, но когда всѣ такъ ревутъ, чертовски трудно поступать по писанному, самое лучшее рубить съ плеча, это всегда отлично выходитъ.

— Конечно, — сказалъ Питеръ, — я очень польщенъ, что меня выбрали, но желалъ бы, чтобы это было сдѣлано не такъ грубо.

— Грубо, говорите вы?

— Да.

— Ей-Богу, ребята предовольны и просто благодушествуютъ сегодня утромъ. Послѣ такой встрепки они всегда становятся уступчивыми и дружелюбными. Только хорошенькая головомойка могла бы привести ихъ въ такое кроткое настроеніе, и мы бы дали ее имъ, если бы у негодяя Кагса было хоть капля здраваго смысла.

— Вы говорите про Галлагера, Бленкерса и всю компанію?

— Понятно. Вчерашняя потѣха ничего не значитъ. Никто не обидѣлся. Право, Галлагеръ самъ заходилъ вчера поздно вечеромъ ко мнѣ, и мы премило провели время; онъ даже угощалъ всю компанію на свой счетъ. Намъ приходится перебраниваться на выборахъ, чтобы ребята не скучали, но рѣдко бываетъ, чтобы на другой день мы не были друзьями попрежнему.

Питеръ задумчиво смотрѣлъ въ стѣну. Чѣмъ чаще онъ встрѣчался съ Галлагеромъ, тѣмъ меньше тотъ ему нравился.

«Но, думалъ онъ, я не имѣю права мѣшать ему и Деннису быть друзьями, я слишкомъ мало его знаю».

— Ну, сэръ, а что же насчетъ избирательнаго собранія,— спросилъ Деннисъ.

— Я думаю, что Портеръ самый лучшій изъ всѣхъ тѣхъ, о назначеніи которыхъ говорятъ.

— Ей-Богу, нѣтъ, сэръ,—возразилъ Деннисъ,—самъ судья Галлагеръ говорилъ мнѣ, что онъ совсѣмъ не способный и противникъ «салоновъ».

Въ глазахъ Питера исчезла послѣдняя искра сомнѣнія.

— О! судья Галлагеръ сказалъ вамъ это?—спросилъ онъ.—Когда?

— Вчера.

— Послѣ голосованія?

— Понятно послѣ.

— А кого онъ рекомендуетъ?

— Кэтлина.

— Слушайте, Деннисъ, вы сдѣлали

меня делегатомъ, но я подамъ голосъ только по собственному убѣжденію.

— Конечно, сэръ, вы будете дѣлать все, что захотите, вы вѣдь лучше меня знаете. Я только передалъ вамъ, что судья...

Стукъ въ двери прервалъ его. Вошелъ Галлагеръ, привѣтствовавшій обоихъ сердечнымъ, дружескимъ образомъ.

Питеръ принесъ еще стулъ изъ своей спальни.

— Ну, м-ръ Стерлингъ, славная у насъ борьба была вчера вечеромъ,—началъ судья.

— Мнѣ кажется, дѣло было серьезное,—сказалъ Питеръ.

— Еще бы! Вашъ пріятель просто ошеломилъ насъ предложеніемъ выбрать васъ. Это было для насъ настоящимъ сюрпризомъ. Знай мы объ его намѣреніи раньше, мы, конечно, не выставили бы другого кандидата. Вы—именно тотъ человѣкъ, который намъ былъ необходимъ, какъ представитель нашей партіи въ избирательномъ собраніи.

— Я еще никогда не встрѣчался со своими коллегами,—сказалъ Питеръ.— Что это за люди?

Такимъ образомъ онъ вывѣдалъ и мнѣніе судьи, какъ раньше узналъ мнѣніе Денниса.

Потомъ онъ пожелалъ собрать мнѣніе о кандидатахъ и началъ предлагать самые обстоятельные вопросы.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на намѣренія другихъ представителей города. Наконецъ, на сцену выступили различные общественные вопросы. Обсужденіе ихъ было въ полномъ разгарѣ, когда Галлагеръ заявилъ, что служебныя обязанности заставляютъ его отправиться въ свою камеру.

— Я приду въ другой разъ, когда у меня будетъ свободное время.

Галлагеръ пошелъ въ свою камеру и засталъ тамъ человѣка, который уже поджидалъ его.

— Онъ или очень наивенъ, или очень хитеръ,—сказалъ Галлагеръ поджидавшему его человѣку.—Онъ только спрашивалъ меня, и какъ я ни старался, я не могъ заставить его показать его карты или проговориться. Плохо будетъ, если въ нашей солидной партіи произойдетъ расколъ.

— Надѣюсь, это послужитъ вамъ хорошимъ урокомъ: въ другой разъ вы будете лучше устраивать свои дѣла.

— Бленкерсъ настаивалъ, а онъ такой человѣкъ, что съ нимъ неудобно ссориться. Мы всѣ были увѣрены, что все-таки возьмемъ верхъ.

— О, да пусть себѣ борются,—сердито сказалъ человѣкъ,—но ваше дѣло смотрѣть, чтобы выставляли настоящихъ людей, такъ, чтобы было все равно—какая сторона возьметъ верхъ.

— Какъ же!—возразилъ Галлагеръ.— Я дѣлалъ все, что могъ, чтобы направить дѣло на настоящій путь. Я помирился съ Моріерти и привлекъ его на нашу сторону, я говорилъ съ этимъ Стерлингомъ и расхваливалъ ему Кэтлина, стараясь показать, что мнѣ все равно, кто будетъ избранъ.

— Нельзя ли какъ-нибудь воздѣйствовать на него?

— Я ничего не могу придумать. Онъ молодой юристъ безъ всякой практики.

— Значитъ, мы можемъ не обращать на него вниманія, если онъ не сдастся?

— Нѣтъ, не скажите! Благодаря этому уголовному дѣлу и своей дружбѣ съ народомъ, онъ пріобрѣлъ большую популярность въ участкѣ. Если онъ выступитъ на политическую арену, намъ не выгодно будетъ бороться съ нимъ.

— Ужъ будто это такая важная птица, что намъ съ нимъ не справиться?

— Онъ новичокъ, правда, но прехладнокровный и презнающій парень, какъ мнѣ кажется. Я самъ испыталъ, какъ ошибется тотъ, кто сочтетъ его простачкомъ. — И Галлагеръ разсказалъ исторію сложеннаго съ Денниса штрафа.

Въ ближайшія нѣсколько недѣль Питеръ встрѣтилъ многихъ людей, желавшихъ говорить съ нимъ о политикѣ. Нѣкоторыхъ приводилъ Галлагеръ, другихъ Деннисъ, третьихъ его коллеги делегаты того же участка. Но никому не удавалось заставить Питера выдать свои намѣренія. Питеръ могъ безъ конца говорить о кандидатахъ и принципахъ. не высказывая своего мнѣнія. Раза два его прямо спросили: «Вы за кого?»

но онъ быстро отвѣтилъ, что самъ еще не знаетъ.

Прежде онъ всегда читалъ только одну демократическую газету, теперь онъ читалъ ихъ двѣ и еще одну республиканскую на придачу. Остальное чтеніе пока было оставлено и свободное время посвящалось разговорамъ съ обитателями «участка». Питеръ даже сталъ посѣщать «салоны» и прислушивался къ дебатамъ и преніямъ.

— Я не пью, заявлялъ онъ неоднократно,—потому что моя мать этого не желаетъ.

По многимъ причинамъ—это объявленіе многихъ удовлетворяло. Только однажды кто-то попробовалъ поострить:

— Что-жъ, она до сихъ поръ поитъ тебя молочкомъ, сыночекъ?

— Нѣтъ,—возразилъ Питеръ,—но я всѣмъ ей обязанъ; а подобной матери каждый сынъ старается угождать, какъ вы думаете? Насмѣшникъ замялся, наконецъ, проворчалъ:

— Пожалуй, что и такъ.

Питера больше не выпытывали, его признали своимъ: онъ сидѣлъ, курилъ и слушалъ. Говорилъ онъ очень мало, но все, что онъ говорилъ, имѣло вѣсъ и было полно здраваго смысла; за то онъ умѣлъ заставить другихъ говорить, и часто бывало, что ораторъ, окончивъ рѣчь, вопросительно смотрѣлъ на Питера.

— Онъ ловко справляется съ ребятами,—говорилъ Деннисъ своей матери.— Онъ умѣетъ внушить имъ, что онъ одинъ изъ «нихъ» и что ему необходимы ихъ мнѣнія и помощь. Поэтому, они съ большимъ удовольствіемъ выкурятъ одну трубку его табаку, чѣмъ десять разъ выпьютъ на счетъ Галлагера.

Послѣ того, какъ Питеръ внимательно и долго прислушивался къ разговорамъ, онъ написалъ «Достопочтенному Лемуелю Портеру, Гудзонъ, Нью-Іоркъ», прося, не назначитъ ли онъ ему часъ, чтобы переговорить съ нимъ. Отвѣтъ пришелъ очень скоро; Портеръ писалъ, что будетъ радъ принять м-ра Стерлинга, когда ему будетъ угодно. Питеръ поспѣшилъ назначить день и поѣхалъ въ Гудзонъ.

— Я стараюсь понять, за кого мнѣ подавать голосъ,—откровенно объяснялъ онъ Портеру.—Я еще новичокъ въ этихъ дѣлахъ, а такъ какъ мнѣ не пришлось встрѣчаться съ тѣми людьми, которыхъ выставляютъ кандидатами, я предполагалъ познакомиться съ ними, прежде чѣмъ ѣхать на собраніе.

Изъ разговора съ Питеромъ Портеръ увидѣлъ, что Питеръ прочиталъ массу газетъ и познакомился со всѣми его рѣчами.

— Понятно,—объяснялъ Питеръ,—я хотѣлъ узнать, насколько было возможно, что вы думаете о вопросахъ, которые могутъ обсуждаться въ законодательномъ собраніи.

— Тутъ есть одно маленькое затрудненіе, м-ръ Стерлингъ,—былъ отвѣтъ;— каждый кандидатъ долженъ, въ извѣстной степени, подчинять свои воззрѣнія желаніямъ своей партіи, и часто взгляды измѣняются подъ вліяніемъ обстоятельствъ.

— Я это хорошо понимаю,—возразилъ Питеръ.—Я ни минуты не считаю, что то, что вы говорите сегодня, должно быть непремѣнно исполненно завтра. Честному человѣку бываетъ очень трудно придерживаться постоянно одного теченія при безпрестанно измѣняющихся обстоятельствахъ. Но у васъ, конечно, есть какіе-нибудь взгляды на настоящее положеніе вещей?

И лицо, и тонъ Питера внушили довѣріе Портеру.

Онъ больше не притворялся, и во время завтрака и послѣ него говорилъ совершенно откровенно.

— Меня не легко провести,—говорилъ онъ потомъ своему секретарю;—но, мнѣ кажется, этому Стерлингу можно все говорить безъ страха, что онъ нечестно воспользуется сказаннымъ ему, чтобы повредить кому-нибудь. Его можно привлечь только честнымъ образомъ дѣйствія.

Питеръ заговорилъ о своемъ собственномъ избирательномъ участкѣ.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,— можно ждать пользы только отъ безпартійнаго законодательства. Я изучалъ вопросъ о снабженіи города съѣст-

ными припасами и попробую этой зимой, если только смогу, провести билль о систематизаціи оффиціальнаго надзора.

— Я васъ вполнѣ поддержу, если вы сумѣете выработать правильную редакцію билля. Но вамъ придется выдержать борьбу съ санитарнымъ управленіемъ. Это такое политическое осиное гнѣздо.

— Если они не согласятся, я буду бороться; но мнѣ пришлось неоднократно бесѣдовать съ нѣкоторыми его членами по вопросу объ изслѣдованіи фальсифицированнаго молока, и я думаю, что съумѣю составить билль, въ которомъ выражу свои требованія такъ, что они ничего не будутъ имѣть противъ него. Я постараюсь привлечь ихъ къ редактированію билля, такъ какъ они лучше сумѣютъ это сдѣлать на основаніи своей практической опытности.

— Если это удастся вамъ, то, конечно, нечего будетъ бояться ихъ противодѣйствія. Чего вы еще хотите?

— Я думалъ еще объ общемъ биллѣ о домахъ для рабочихъ, но врядъ ли удастся провести его нынѣшней зимой. Это обширный вопросъ, нуждающійся въ крайне тщательномъ изученіи, недостаточнымъ знакомствомъ съ нимъ можно причинить много вреда. Нѣтъ сомнѣнія, что то, что убыточно хозяину, — убыточно и нанимателю, и если вы заставите перваго истратить деньги, то платится всегда второй. Однако, надо же защищать здоровье нанимателя. Я постараюсь поискать, что бы можно было сдѣлать для нанимателя.

— Я бы хотѣлъ, чтобы вы сами поступили въ администрацію, м-ръ Стерлингъ.

— Я не могу быть чиновникомъ, я хочу продолжать свою профессію. Но я надѣюсь работать на политическомъ поприщѣ въ будущемъ.

Питеръ выбралъ время и посѣтилъ и другого изъ самыхъ обѣщающихъ кандидатовъ. Ему не удалось поговорить съ нимъ, какой-то посѣтитель прервалъ ихъ, и Питеръ ушелъ, не имѣя надежды продолжать прерванный разговоръ.

— Сегодня у меня былъ этотъ Стерлингъ, делегатъ 6-го участка, — говорилъ кандидатъ посѣтившему его сановнику.—Боюсь, что онъ надѣлаетъ намъ безпокойства. Онъ предлагаетъ слишкомъ много вопросовъ. Къ счастью, Дунлингеръ зашелъ ко мнѣ, и хотя я обыкновенно не принимаю его, на этотъ разъ принялъ, и его визитъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати, прервавъ перекрестные вопросы Стерлинга.

— Онъ—единственный ненадежный человѣкъ среди городскихъ делегатовъ,— сказалъ сановникъ. — Вышла досадная ошибка. Будетъ крайне непріятно, если намъ неудастся добиться солиднаго большинства.

Глава XXI.

Политическій обѣдъ.

Когда Питеръ, наконецъ, вывелъ свои заключенія, ему оставался только одинъ мѣсяцъ до начала засѣданій, но въ этотъ мѣсяцъ онъ много и упорно работалъ.

Результатомъ его работы былъ слухъ, возбудившій ужасъ въ предводителяхъ партій.

— Что я слышу?—волновался говоря съ Галлагеромъ его прежній собесѣдникъ. —Говорятъ Шлергеръ разсказываетъ, что подаетъ голосъ за Портера, а Кеннеди совсѣмъ охладѣлъ.

— Если вы прогуляетесь по шестому участку, то еще и не то услышите.

— Что вы хотите сказать?

— Прошлою ночью было факельное шествіе, въ которомъ участвовали почти всѣ избиратели участка, и только Стерлингъ помѣшалъ имъ заставить делегатовъ дать обѣщаніе подавать голосъ за Портера. Стерлингъ убѣдилъ ихъ, что делегаты должны свободно располагать своимъ голосомъ.

Собесѣдникъ попросилъ разъяснить, что это все значитъ?

— Это значитъ, что Стерлингъ основательно укрѣпился. Я думалъ, что знаю, какъ подготовлять успѣхъ и обращаться съ людьми, но онъ оказался сильнѣе меня и вертитъ всѣмъ, какъ хочетъ. Онъ все дѣло испортилъ.

Собесѣдникъ вышелъ изъ камеры Галлагера и черезъ пять минутъ былъ уже въ конторѣ Стерлинга.

— Мое имя Гринъ,—сказалъ онъ,— я делегатъ собранія и членъ комитета, завѣдующаго экстренными поѣздами и помѣщеніями делегатовъ въ Саратогѣ.

— Я очень радъ, что вы зашли,— отвѣтилъ Питеръ.—Я вчера взялъ билетъ и мнѣ обѣщали отвести комнату въ «Соединенныхъ Штатахъ».

— Не безпокойтесь насчетъ этого, все будетъ въ порядкѣ. Я зашелъ попросить васъ, не пообѣдаете ли вы у меня сегодня? Будетъ нѣсколько делегатовъ и нѣсколько извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, чтобы на досугѣ обсудить положеніе дѣлъ.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Питеръ.

Гринъ вынулъ карточку и подалъ Питеру.

— Ровно въ шесть часовъ,—сказалъ онъ.

Потомъ Гринъ направился въ главное управленіе и разсказалъ о результатѣ своихъ двухъ визитовъ.

—Кого бы лучше позвать,—спросилъ онъ. Послѣ продолжительнаго совѣщанія онъ пригласилъ на обѣдъ четверыхъ.

Обѣдъ оказался для Питера очень интереснымъ.

Во-первыхъ, онъ увидѣлъ, что всѣ приглашенные были видные политическіе дѣятели, чьи имена и мнѣнія появлялись ежедневно на страницахъ газетъ. Главное же было то, что они говорили о предстоящемъ собраніи, и Питеръ изъ двухчасоваго общаго разговора узналъ больше объ «интересахъ» и «вліяніяхъ», о «выгодахъ» и «преимуществахъ» чѣмъ изъ всѣхъ своихъ предыдущихъ чтеній и разговоровъ. Онъ узналъ, что въ Нью-Іоркѣ интересы городскихъ и сельскихъ жителей раздѣлялись, и это раздѣленіе интересовъ играло важную роль во всѣхъ мѣропріятіяхъ.

— Поймите,—говорилъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ дѣятелей,—представители города должны имѣть въ виду городъ. Портеръ прекрасный человѣкъ, но у него мало поддержки, и какъ бы онъ ни былъ расположенъ къ намъ, онъ можетъ провести только тѣ билли, которые мы и сами безъ него можемъ провести. Кэтлинъ же держитъ въ рукахъ всѣхъ приверженцевъ доктрины Монроэ, а его зять дѣлаетъ, что хочетъ, въ Онандагѣ. Онъ обѣщаетъ заставить ихъ вотировать все, что мы захотимъ. Съ такой поддержкой мы можемъ провести все необходимое для города Нью-Іорка, вопреки сельскимъ избирателямъ.

— Но неужели сельскіе избиратели отказываются вотировать дѣйствительно полезныя и необходимыя для города постановленія?—спросилъ Питеръ.

— Обязательно, если только мы не согласимся помочь имъ выклянчить что-нибудь для нихъ. Сельскіе избиратели держатъ въ своихъ рукахъ интересы величайшаго города и попираютъ ихъ каждый разъ, когда нужно сдѣлать что-нибудь существенное.

— Я имѣлъ разговоръ съ Кэтлиномъ,— сказалъ Питеръ,—и мнѣ не показалось, чтобы онъ былъ подходящимъ человѣкомъ.

— Кэтлинъ человѣкъ робкій, онъ не любитъ высказываться. И это потому, что онъ всегда дѣлаетъ такъ, какъ ему скажутъ тѣ, которые стоятъ сзади него. Конечно, такъ можетъ поступать только человѣкъ, не имѣющій своихъ собственныхъ взглядовъ, а потому онъ и не имѣетъ желанія высказывать то, что черезъ часъ ему придется взять назадъ.

— Я не люблю подставныхъ лицъ,— сказалъ Питеръ.

— Человѣкъ, руководствующійся мнѣніями другихъ, не дурной правитель, м-ръ Стерлингъ. Все зависитъ отъ того, чьимъ совѣтомъ онъ пользуется. Если бы намъ удалось найти человѣка, способнаго дѣлать только то, чего желаетъ большинство, мы бы выбирали его пятьдесятъ лѣтъ подърядъ. Вы не должны забывать, что мы, въ нашей странѣ, выбираемъ того, кто будетъ дѣлать такъ, какъ мы хотимъ, а не такъ, какъ онъ самъ хочетъ.

— Конечно,—сказалъ Питеръ,—но кто можетъ знать дѣйствительно, чего хочетъ большинство?

— Неужели мы, вожди партій, ежедневно встрѣчающіеся съ представителями кварталовъ и округовъ, не можемъ знать чего хочетъ народъ, лучше, чѣмъ человѣкъ, сидящій въ губернаторскомъ домѣ, у дверей котораго стоитъ швейцаръ, не пускающій къ нему посѣтителей?

— Вы можете и не хотѣть дѣлать того, что хочетъ народъ.

— Конечно, я самъ содѣйствовалъ проведенію очень непопулярныхъ законовъ. Но это случается рѣдко, потому что рисковано. Не забывайте, мы только тогда можемъ дѣйствовать, когда наша партія въ силѣ, и потому въ нашихъ интересахъ дѣлать то, что пріятно народу, если мы хотимъ сохранить большинство и стоять во главѣ правленія. Лично мы должны поступать такъ, какъ хочетъ большинство нашей партіи, иначе насъ выбросятъ вонъ, и новые люди займутъ наши мѣста. И то же самое происходитъ среди всѣхъ партій.

— Все это такъ,—сказалъ Питеръ.— Теперь я вполнѣ понимаю и вижу то, чего не представлялъ себѣ раньше, а именно, почему городскіе избиратели хотятъ Кэтлина. Но мой собственный участокъ твердо стоитъ за Портера. Мы пришли къ убѣжденію, что его взглядъ на вопросъ о патентахъ и привилегіяхъ намъ полезенъ, и, кромѣ того, онъ обѣщалъ поддержать насъ при проведеніи необходимыхъ намъ положеній о жилищахъ и съѣстныхъ припасахъ.

— Я знаю, какъ произошла эта перемѣна, и долженъ вамъ сказать, м-ръ Стерлингъ, что найдется немного людей вашего возраста и вашей опытности, способныхъ сдѣлать такъ много и въ такой короткій срокъ. Но есть другая сторона тѣхъ же вопросовъ, которую вы недостаточно приняли въ соображеніе. Всякое предложеніе о сокращеніи привилегій не только затрогиваетъ всѣхъ содержателей «салоновъ», которые увидятъ въ этомъ враждебное отношеніе къ себѣ, но оно возмутитъ всѣхъ пивоваровъ и водочныхъ заводчиковъ, въ интересахъ которыхъ увеличеніе числа «салоновъ». Кромѣ того, постановленіе о жилищахъ и съѣстныхъ припасахъ всегда возбуждаетъ враждебныя чувства въ торговцахъ и домовладѣльцахъ. Если бы противная партія вела открытую игру, мы могли бы смѣяться надъ нею, но обыкновенно партія, лишившаяся власти, не брезгаетъ никакими средствами, зная, что меньшинство ни за что не отвѣчаетъ. Поэтому она старается завербовать недовольныхъ, которыхъ всегда бываетъ много при изданіи каждаго новаго постановленія, и въ очень короткое время на ея сторонѣ собирается большинство, хотя она въ сущности борется противъ интересовъ всего штата. Мы не можемъ сидѣть сложа руки, а между тѣмъ, все, что мы дѣлаемъ, противно чьимъ-нибудь интересамъ.

— Все это также безотрадно, какъ ученіе о предопредѣленіи, — сострилъ кто-то изъ собесѣдниковъ:—

И хочешь—не можешь,
И не хочешь—не можешь.
Сдѣлаешь—погибнешь
Не сдѣлаешь—погибнешь.

— Вы совершенно вѣрно замѣтили,— произнесъ Питеръ,—что человѣкъ, могущій дѣлать только то, что каждый разъ требуется большинствомъ, будетъ снова выбранъ. Справедливо ли это относительно цѣлой партіи?

— Нѣтъ. Партія рѣдко остается въ силѣ на основаніи этой причины. Если она остается долго у власти, то это обыкновенно потому, что другія партіи заслужили недовѣріе общества. Толпа любитъ передавать власть изъ рукъ въ руки. Оставивъ въ сторонѣ возможную перемѣну убѣжденій у болѣе старшихъ избирателей, мы видимъ каждые четыре года достаточно новыхъ избирателей, чтобы опрокинуть большинство почти въ каждомъ штатѣ. Конечно, эта молодежь мало заботится о томъ, что сдѣлала данная партія въ прошломъ; они молоды и пылки, имъ нужна перемѣна вещей. Понятно, что меньшинство всегда готово имъ служить. Они называютъ это «реформой», но очень часто эта реформа оказывается просто уродствомъ.

Питеръ улыбнулся.

— Такъ, значитъ, вы считаете мои взгляды на привиллегіи, на надзоръ за пищевыми продуктами и на квартирный вопросъ «уродствомъ»?—спросилъ онъ.

— Я этого не говорю, но многія головы, старше и опытнѣе вашей, поработали надъ этими вопросами, и хотя я не знаю, чего вы надѣетесь достигнуть, вы будете не первый, старающійся измѣнить прежній порядокъ вещей, м-ръ Стерлингъ.

роль парусовъ или парашютовъ, которыми животное поддерживается въ водѣ. Иногда хроматофоровъ въ плазматическомъ тѣлѣ не замѣчается, такъ что, очевидно, не всѣ перидиніевыя являются производителями пищевыхъ веществъ и способны къ усвоенію неорганическихъ продуктовъ. Замѣчательно, что присутствіе или отсутствіе способности къ усвоенію послѣднихъ не стоитъ ни въ какой связи съ систематическимъ родствомъ отдѣльныхъ видовъ, такъ, напримѣръ, у *Peridinium divergens* нѣтъ хроматофоровъ и, слѣдовательно, это жгутиковое можетъ усвоять лишь органическія вещества, въ то же время у другихъ видовъ того же рода *Peridinium* хроматофоры имѣются и усвоеніе происходитъ такимъ же путемъ, какъ у растеній. Ниже мы увидимъ еще, что присутствіе или отсутствіе хроматофоровъ стоитъ въ связи съ вертикальнымъ распредѣленіемъ въ морѣ представителей даннаго семейства. Въ области Гвинейскаго теченія перидиніевыя предстали передъ нами въ удивительномъ великолѣпіи и разнообразіи формъ, о чемъ могутъ дать нѣкоторое понятіе прилагаемыя изображенія (рис. 11), на которыхъ представлены виды родовъ: *Peridinium*, *Ornithocercus*, *Ceratocorys* и *Phalacroma*. Строеніе и скульптура панцырей этихъ микроскопическихъ формъ поистинѣ восхитительна. Одновременно съ ними встрѣчались палочкообразно вытянутые виды рода *Amphisolenia* и снабженные тремя придатками представители рода *Ceratium* (рис. 12); кромѣ того попадались огромныя массы мельчайшей, одноклѣточной, шарообразной водоросли, извѣстной своей способностью свѣтиться—*Pyrocystis noctiluca* (рис. 13). На первый взглядъ можетъ показаться, что всѣ эти придатки въ видѣ длинныхъ отростковъ, парусовъ и парашютовъ не что иное, какъ игра природы, любящей придавать иногда своимъ произведеніямъ курьезныя формы, но при ближайшемъ разсмотрѣніи приходится убѣдиться въ томъ, что всѣ они не безцѣльны, а, напротивъ, имѣютъ очень важное значеніе. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ перидиніевыхъ, проф. Шюттъ, доказалъ, что всѣ эти отростки имѣютъ цѣлью увеличить треніе въ водѣ и позволяютъ организмамъ, которые и безъ того достаточно легки, держаться въ водѣ приблизительно на одинаковой глубинѣ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе того времени, пока они способны къ усвоенію неорганическихъ соединеній подъ вліяніемъ сол-

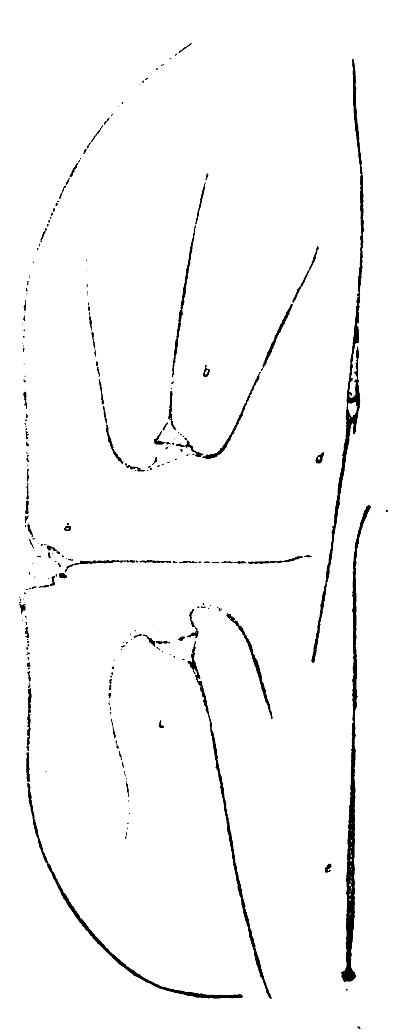

Рис. 12. Перидиніевыя Гвинейскаго теченія. a) b) c) *Ceratium sp.*—d) *Ceratium fusus Ehrb.*—e) *Amphisolenia sp.*

нечнаго свѣта. Проф. Шимперъ, между прочимъ, обратилъ наше вниманіе на то обстоятельство, что упомянутыя здѣсь формы преобладали особенно въ Гвинейскомъ теченіи: онѣ появились въ огромномъ количествѣ какъ разъ въ то время, когда мы по первымъ измѣненіямъ въ составѣ морской воды заключили, что вышли изъ сѣверно-экваторіальнаго теченія и попали въ Гвинейское. Обратно, когда мы 6-го сентября покинули Гвинейское теченіе и вступили въ южно-экваторіальное, онѣ сразу исчезли. Вмѣсто представителей рода *Ceratium* съ длиннѣйшими рогами появились массами въ нашихъ сборахъ другіе виды, построенные по типу *Ceratium lunula* (рис. 14), съ совершенно короткими придатками.

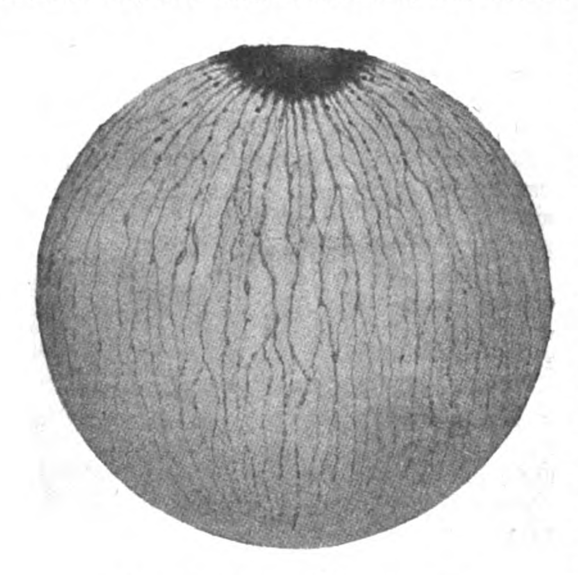

Рис. 13. *Pyrocystis noctiluca Mur.*

Въ то же время наши наблюденія при примѣненіи замыкающихся сѣтей показали намъ, что въ области всѣхъ трехъ теченій встрѣчаются виды какъ перидиніевыхъ, такъ и другихъ одноклѣточныхъ водорослей и діатомовыхъ, которые совершенно отсутствуютъ на поверхности и наблюдаются лишь въ болѣе глубокихъ слояхъ, на 80—100 метрахъ глубины. Эта «флора тѣни», боящаяся сильнаго освѣщенія и высокой температуры поверхностныхъ слоевъ, состоитъ изъ шарообразныхъ одноклѣточныхъ водорослей *Halosphaera viridis* съ зелеными хлорофилловыми зернами, изъ двухъ видовъ рода *Planctoniella* (рис. 15, 16) и, наконецъ, изъ діатомовой водоросли съ относительно довольно толстымъ кремневымъ панцыремъ изъ рода *Coscinodiscus*. Всѣ они не встрѣчаются, однако, ниже 300 метровъ, т.-е. на глубинѣ, гдѣ для нашего глаза царитъ уже полнѣйшая темнота. Замыкающаяся сѣть, опускаемая на бо́льшую глубину, приноситъ, правда, также огромное количество названныхъ одноклѣточныхъ организмовъ, но ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что это либо пустыя скорлупки, либо особи съ уже сильно разложившимся плазматическимъ тѣломъ.

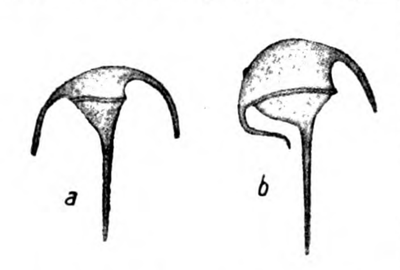

Рис. 14. Виды *Ceratium* близкіе по строенію къ *C. lunula*.

Намъ придется еще вернуться ниже къ изложеннымъ здѣсь въ общихъ чертахъ наблюденіямъ, теперь же мы попробуемъ отвѣтить на вопросъ, который, можетъ быть, уже возникъ у читателя: почему въ Гвинейскомъ теченіи преобладаютъ не только перидиніевыя съ превосходно развитыми парусообразными и зонтиковидными при-

датками, но и встрѣчаются представители рода *Ceratium* съ чудовищно-длинными рогами, тогда какъ въ экваторіальныхъ теченіяхъ преобладаютъ формы съ короткими придатками и слабо развитыми приспособленіями для поддерживанія организма въ водѣ?

Задача науки въ данномъ случаѣ сводится къ тому, чтобы выяснить связь организаціи животныхъ и растительныхъ формъ съ условіями существованія. Ясно, что прежде всего съ этой точки зрѣнія мы должны направить наше вниманіе на свойства морской воды. Сравнивая физико-географическія особенности трехъ теченій, мы замѣчаемъ, что Гвинейское теченіе отличается отъ обоихъ экваторіальныхъ меньшимъ содержаніемъ соли и болѣе высокими температурами поверхности воды. Если вычислить абсолютный удѣльный вѣсъ воды, то получимъ для сѣверно-экваторіальнаго теченія величину 1.024, для Гви-

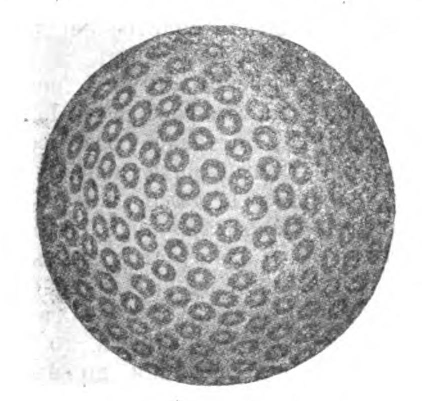

Рис. 15. *Halosphaera viridis*.

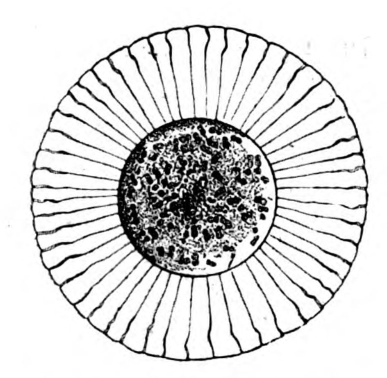

Рис. 16. *Planctoniella Sol.* Schütt.

нейскаго теченія—1.022 и для южнаго экваторіальнаго опять—1.024. Какъ ни незначительна эта разница, сказывающаяся лишь въ третьемъ десятичномъ знакѣ, все же ясно, что болѣе холодная вода экваторіальныхъ теченій имѣетъ большій удѣльный вѣсъ, чѣмъ теплая вода Гвинейскаго. При меньшемъ удѣльномъ вѣсѣ воды вполнѣ естественно, что является болѣе выгоднымъ для организма сильнѣйшее развитіе придатковъ, которые служатъ для поддержанія тѣла въ водѣ,—при большей плотности воды это не имѣетъ значенія. Эти соображенія дѣлаютъ для насъ понятнымъ, почему жгутиковыя Гвинейскаго теченія отличаются столь явственно чрезвычайнымъ развитіемъ своихъ поддерживающихъ приспособленій отъ болѣе простыхъ по строенію и болѣе неуклюжихъ формъ обоихъ экваторіальныхъ теченій. Намъ представляется даже возможнымъ перенести эти соображенія на фактъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ послѣ изслѣдованій Шютта,—что представители рода *Ceratium* въ холодныхъ полярныхъ моряхъ отличаются болѣе однообразной, простой, неуклюжей формой тѣла отъ своихъ родичей, которые водятся въ теплыхъ моряхъ и характерны удивительно развитыми придатками.

Намъ приходилось имѣть дѣло, однако, не съ одними пигмеями морской поверхности, но и съ колоссами. Когда мы 31-го августа, покинувъ Зеленый мысъ, были заняты раннимъ утромъ подъемомъ лота съ 4.740 метровъ глубины, мы замѣтили вдали спинные плавники цѣ-

лаго стада китовъ. Животныя быстро приближались къ судну, я насчиталъ ихъ не менѣе 44. Ихъ пыхтѣніе было ясно слышно, и вскорѣ по изогнутому спинному плавнику и по неуклюжей формѣ головы можно было опредѣлить, что мы имѣемъ дѣло съ гриндвалемъ (Globiocephalus melas). Мы рѣшили попробовать добыть кита. Живо спустили лодку, въ нее сѣли лучшіе гребцы, а нашъ старшій офицеръ вооружился гарпуномъ. Мы быстро подошли къ огромнымъ животнымъ, сопѣніе которыхъ громко разносилось по морской поверхности. Они то поднимались, выставляя свою спину, то высовывали головы надъ водою, то ударяли по поверхности моря своими могучими ластами. Четыре раза мы пытались попасть гарпуномъ—но напрасно, вѣрно, волненіе нашего импровизированнаго гарпунщика было слишкомъ сильно. Киты нисколько не смущались нашимъ присутствіемъ, они держались кучками, штукъ по 12, и намъ безъ труда удалось отрѣзать имъ путь. Однако, вскорѣ они почуяли опасность, тогда я рѣшился попытать счастье винтовкой. Первый выстрѣлъ попалъ въ цѣль, и тяжело раненый китъ съ силою разсѣкъ воду своимъ хвостомъ, повернулся нѣсколько разъ вокругъ продольной оси своего тѣла и исчезъ подъ поверхностью—всѣ наши ожиданія были тщетны. Слѣдующіе выстрѣлы остались безъ результата. Отъ времени до времени тотъ или другой китъ появлялся на поверхности у самой лодки, такъ что приходилось даже опасаться за ея сохранность, но, наконецъ, животнымъ надоѣла наша близость и они быстро пропали изъ виду. Можетъ быть. и къ счастью нашъ гарпунщикъ промахнулся—ловля эта могла для насъ кончиться не благополучно, но трудно было удержаться отъ искушенія. И до сихъ поръ я не могу забыть эту увлекательную сцену, когда то тамъ, то здѣсь раздавалось громкое пыхтѣніе чудовищъ, отъ времени до времени появлялась на поверхности уродливая голова, раздавались раскатистые звуки ударовъ хвоста по водѣ.

Не болѣе утѣшительны были здѣсь и результаты нашихъ лововъ траломъ, который мы спускали до 4.990 метровъ глубины. Грунтъ дна въ этой области моря состоитъ изъ непріятнаго, липкаго черноватаго ила, къ которому, очевидно, примѣшаны минеральные осадки, принесенные западно-африканскими рѣками. Послѣ продолжительнаго поднятія, въ тралѣ оказывалось лишь незначительное количество иловыхъ животныхъ — фіолетовыхъ голотурій, длиною съ четверть, хрупкихъ офіуръ, и лишь рѣдко попадались организмы, привлекавшіе къ себѣ хоть сколько-нибудь вниманіе.

Необычайная находка пришла къ намъ 5-го сентября на палубу при подъемѣ трала съ большой глубины. Въ его пеньковыхъ швабрахъ висѣла бутылка изъ-подъ шампанскаго, содержавшая въ себѣ письмо владыки морей—самого Нептуна. Въ немъ капитанъ «Вальдивіи» извѣщался, что на слѣдующій день самъ подводный богъ пожалуетъ на палубу корабля, чтобы, согласно съ морскими обычаями, произвести установленное крещеніе при прохожденіи черезъ экваторъ,—эта церемонія, говорилось въ письмѣ, особенно необходима въ виду того обстоятельства, что теща морского бога очень на насъ разгнѣвана, такъ какъ нѣсколько разъ ей попали прямо въ голову, бросаемыя нами на глубину, чугунныя лотовыя гири.

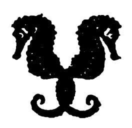
Ровно въ три часа на слѣдующій день раздался выстрѣлъ: Нептунъ со своею свитой поднялся изъ волнъ морскихъ и церемоннымъ маршемъ прошелъ по палубѣ «Вальдивіи». Впереди шествовали три негра, прилежно наигрывая дикую мелодію на гармоникѣ, барабанѣ и буб-

нахъ, за ними слѣдовали астрономъ, нотаріусъ и цѣлый рядъ утонувшихъ матросовъ. Наконецъ, показалось и его божіе величество, украшенное длинной бородой и съ трезубцемъ въ рукахъ, а за нимъ—г-жа Нептунъ,—очень изящная дама въ соломенной шляпѣ и съ длинной, но немного жидковатой косицей: внѣшность ея была восхитительна, хотя и мало соотвѣтствовала тому представленію, которое у насъ составилось объ Амфитритѣ. Обхожденіе ея было первоначально обаятельно, но она не сумѣла выдержать характеръ до конца торжества. За супружеской четой слѣдовалъ полицейскій лейтенантъ и десять полисменовъ, которые ревностно наблюдали, чтобы никто изъ некрещенныхъ на экваторѣ не избѣгъ своей жалкой участи. Нептунъ обошелъ всю «Вальдивію» и произнесъ торжественную рѣчь передъ членами экспедиціи, затѣмъ астрономъ, вооруженный здоровеннымъ циркулемъ и огромной трубой, произвелъ опредѣленіе широты и нашелъ, что мы находимся какъ разъ подъ 0° 0' 0" широты. Насталъ, слѣдовательно, моментъ приступить къ крещенію. Морскія божества направились въ носовую часть судна и расположились со своею свитою живописной группою между сѣтями нашихъ драгъ и траловъ. Нашъ большой бакъ для воды долженъ былъ играть роль купели. Началось дѣло съ начальника экспедиціи — Нептунъ обратился къ нему съ трогательною рѣчью, затѣмъ на его голову было вылито нѣсколько ведеръ воды, послѣ чего ему былъ врученъ дипломъ, въ которомъ Нептунъ привѣтствовалъ его въ своемъ царствѣ. Съ другими новичками, не переходившими экватора, поступали гораздо рѣшительнѣе: поочередно имъ завязывали глаза, затѣмъ намыливали щеки, брили деревянными бритвами, наконецъ, Нептунъ громовымъ голосомъ перечислялъ всѣ ихъ прегрѣшенія и приказывалъ приступить къ обряду: по мановенію руки лейтенанта несчастный ввергался въ купель и затѣмъ сильная струя изъ брандспойта довершала остальное. Одинъ за другимъ падали жертвами новички, независимо отъ того, были ли это приватъ-доценты или корабельные юнги,—впрочемъ, послѣднимъ приходилось солонѣе: они должны были подвергнуться еще дождю сверху, тогда какъ сзади ихъ подбадривала струя изъ парового насоса.

Въ концѣ концовъ оказалось, что и г-жа Нептунъ не переходила еще за экваторъ: въ своей соломенной шляпкѣ съ косичкой и въ парадномъ платьѣ она была ввержена въ купель и подверглась общей участи. Какъ и всѣмъ новокрещеннымъ, ей пришлось дать клятву на якорѣ, что съ этой поры она будетъ вѣрной слугою его нептунскаго величества. Затѣмъ, вся мокрая процессія, при громѣ той же оглушительной музыки, двинулась снова по палубѣ «Вальдивіи»,—властитель подводнаго царства завѣрилъ насъ въ полномъ благополучіи нашего плаванія и спустился внизъ, въ свой хрустальный дворецъ.

Послѣ прохожденія экватора мы направили нашъ курсъ на Камерунъ. Погода была пріятная, сравнительно прохладная и напоминала погоду области пассатовъ, но вскорѣ она измѣнилась, сдѣлалась снова дождливой, что такъ типично для Гвинейскаго теченія. Наши сборы съ глубинъ при помощи драгъ и траловъ были относительно бѣдны, но зато насъ вознаградили блестящіе результаты, полученные на большихъ глубинахъ при примѣненіи вертикальныхъ сѣтей. Впервые мы увидали здѣсь пелагическую глубоководную фауну съ необыкновен-

нымъ богатствомъ новыхъ и замѣчательныхъ по своему строенію организмовъ. Объ этой фаунѣ мы будемъ подробнѣе говорить ниже, здѣсь же достаточно указать, что тутъ впервые попали въ наши сѣти тѣ черныя глубоководныя рыбы, которыя своими свѣтящимися органами и своей курьезной внѣшностью издавна привлекали къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Съ ними вмѣстѣ попадались кроваво-красные раки, огромные, величиной съ орѣхъ, остракоды, прозрачныя головоногія, сагитты съ краснымъ кишечникомъ, фіолетовыя медузы, нѣжныя голотуріи, невиданныя глубоководные гребневики и масса радіолярій съ изящнѣйшими кремневыми скелетами. При выхожденіи сѣти на поверхность, всѣ приходили въ волненіе. Всѣмъ находилось достаточно работы по зарисовыванію и консервированію извлеченныхъ чудесъ и нерѣдко раздавались искреннія восклицанія съ выраженіемъ энтузіазма и изумленія по поводу богатства окраски, прозрачности и фантастическихъ формъ собранныхъ животныхъ. Очень своеобразно выразился о глубоководний фаунѣ нашъ художникъ, когда онъ впервые увидѣлъ курьезную глубоководную рыбу и сталъ ее зарисовывать: «Можно подумать, что Господь Богъ всѣ сотворенныя имъ глупости спряталъ отъ нашихъ взоровъ на морской глубинѣ».

ГЛАВА IV.

Викторія. — Экскурсія на Камерунскій пикъ.—Буеа.—Камерунъ.— На рѣкѣ Бури.

Утромъ 15-го сентября тяжелыя дождевыя облака заволакивали темный горный ландшафтъ, отъ котораго справа вырисовывался освѣщенный солнечными лучами островъ Фернандопо со своимъ пикомъ Кларенсъ. Скоро въ бинокль можно было уже различить верхушки могучихъ великановъ дѣвственнаго лѣса, спускавшагося къ самому морю. То тамъ, то здѣсь выдѣлялась группа деревьевъ, позади которой клубами поднимался туманъ. Берегъ былъ окаймленъ бѣлой полоской прибоя, разбивающагося объ утесы, прорѣзанные глубокими ущельями. Ни одной крыши, ни одного человѣческаго поселенія нельзя было еще разглядѣть на этомъ темномъ фонѣ тропическаго лѣса, характернаго для Камерунскихъ горъ и придающаго величіе и спокойствіе всему ландшафту.

Но вотъ понемногу панорама развертывалась передъ нами все шире и шире. Хотя облака, протянувшіяся горизонтальной полосой, и закрывали еще видъ на горы, но по мѣрѣ приближенія нашего къ материку начали явственно обрисовываться мысы и бухты, окаймленные лѣсомъ. Показалась бухта Амбасъ—перлъ германскихъ колоніальныхъ владѣній въ Африкѣ. Ея гладкая поверхность производила впечатлѣніе горнаго озера, окаймленнаго темною рамою величественныхъ вершинъ, изъ густой зелени лѣса привѣтливо выглядывали бѣлые домики факторій и правительственныхъ построекъ. Впереди нея располагаются два красивые островка Амбасъ и Мондоле, а съ другой стороны вырисовываются шесть фантастическихъ утесовъ, поднимающихся изъ моря и представляющихъ рѣзкій контрастъ съ первыми—это Пиратскіе острова.

Мы давно уже не видали земли и развернувшееся передъ нами зрѣлище положительно очаровало насъ, особенно, когда вѣтеръ разнесъ облака, и передъ нами снова появилась невысокая Камерунская гора, а затѣмъ выплылъ вытянутый въ узкій хребетъ Камерунскій пикъ въ 3.960 метровъ высоты. Ясно вырисовывалась область лѣсовъ, коегдѣ длинными языками заходящая на болѣе свѣтлую полосу альпійскихъ луговъ; надъ послѣдней выдѣлялся гребень, прорѣзанный глубокими щелями. Внизу, между темными пятнами лѣса выдѣлялись красивыя постройки и скромныя хижины Викторіи, бухту замыкалъ мрачный мысъ Нахтигаль, покрытый дремучимъ дѣвственнымъ лѣсомъ, въ которомъ безпрепятственно держится горилла. Наше судно прошло мимо островковъ и остановилось за послѣднимъ изъ нихъ—о. Мондоле. Гулко разнесся грохотъ якорной цѣпи, вскорѣ на зданіи управленія показался нѣмецкій флагъ и отъ берега отвалила лодка съ гребцами-неграми въ матросскихъ курткахъ. Она привезла къ намъ на судно чиновника, совмѣщавшаго въ своей персонѣ, какъ это часто здѣсь

случается, начальника порта, таможеннаго смотрителя и полицейскаго; онъ засвидѣтельствовалъ, что пріемъ намъ будетъ оказанъ самый радушный. Сгорая отъ нетерпѣнія вступить на африканскую почву, мы отправились на берегъ. Былъ какъ разъ базарный день, и на набережной царило большое оживленіе. У пристани толпились негры-рыбаки, пріѣхавшіе сюда на своихъ узкихъ, сдѣланныхъ изъ одного ствола пирогахъ, и обмѣнивали продукты своего лова на плоды и овощи. Тамъ и сямъ мелькали въ волнахъ пироги съ почти голыми гребцами, мужчинами и женщинами, ловко управлявшимися при помощи короткихъ, на концѣ заостренныхъ веселъ. У пристани толпилась масса негровъ, пришедшихъ съ горъ, и съ любопытствомъ разглядывала насъ, новыхъ пришельцевъ, изощряя на насъ прирожденную неграмъ наклонность къ юмору. Во время нашего пребыванія въ Викторіи мы неоднократно давали туземцамъ поводъ къ изощренію этой способности: то кто-нибудь изъ зоологовъ, нагруженный банками, бѣгалъ за крабами, жуками и бабочками, то другой ловилъ мухъ или разглядывалъ съ любопытствомъ цвѣты и вѣтви деревьевъ и набивалъ ими ботанизирку, то кто-нибудь пытался подобраться къ неграмъ съ какимъ-то подозрительнымъ аппаратомъ въ рукахъ — всѣ эти дѣйствія возбуждали у нихъ понятное недоумѣніе и нерѣдко вызывали хохотъ, а нашимъ рьянымъ фотографамъ приходилось видѣть неоднократно, какъ чернокожая публика градомъ разсыпалась во всѣ стороны, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда аппаратъ былъ великолѣпнѣйшимъ образомъ наведенъ на фокусъ. Нерѣдко приходилось наблюдать, какъ какой-нибудь чернокожій субъектъ съ неподражаемыми ужимками и кривляніями передразнивалъ непонятныя и смѣшныя дѣйствія пришельцевъ.

Городъ Викторія, принадлежавшій раньше къ англійскимъ колоніямъ, былъ, благодаря стараніямъ бывшаго германскаго генеральнаго консула Нахтигалля, присоединенъ къ полученнымъ на рѣкѣ Камерунъ колоніальнымъ владѣніямъ. Населеніе образовалось изъ чернокожихъ, выгнанныхъ изъ Фернандопо, — потомки ихъ живутъ въ настоящее время въ замѣчательно чистенькихъ и даже окруженныхъ часто цвѣтниками домикахъ, которые вытянулись вдоль средней изъ трехъ улицъ города. Передняя улица, тянущаяся параллельно берегу, имѣетъ совершенно европейскій характеръ. Здѣсь находятся факторіи, окружное управленіе, зданіе миссій и тонущія въ зелени небольшія церковки. Задняя улица населена туземцами племени баквири, затѣнена бананами и масличными пальмами и отличается порядочнымъ количествомъ грязи.

Восхитительнѣйшій видъ открывается на всю окрестность съ расположеннаго на холмѣ казеннаго зданія, гдѣ насъ помѣстили. Взоръ далеко скользитъ надъ голубой поверхностью моря, изъ которой въ фіолетовой дымкѣ поднимается конусъ пика Фернандопо, у самыхъ ногъ раскинулась бухта Амбасъ, окаймленная дѣвственнымъ лѣсомъ и усѣянная островками и утесами, на заднемъ же планѣ величественно возвышается Камерунскій пикъ, окутанный туманомъ. Послѣ трехъ дней дождя проглянуло солнце и раздалось щебетанье многочисленныхъ нектарниковъ и другихъ мелкихъ пташекъ. Рѣзкіе звуки цикадъ смолкли, и многочисленныя пестрыя бабочки носились вокругъ деревьевъ и кустарниковъ, усѣянныхъ цвѣтами.

Зданіе управленія окружено обширнымъ ботаническимъ садомъ, который находится въ вѣдѣніи д-ра Прейсса. Съ большою радостью узналъ я въ немъ одного изъ своихъ прежнихъ учениковъ и провелъ

съ нимъ не мало часовъ въ разговорахъ объ окружающей природѣ. Ботаническій садъ этотъ нельзя поставить въ сравненіе съ нашими европейскими садами: въ немъ осуществлена идея, которую имѣлъ въ виду еще Гумбольдтъ, когда старался объ основаніи сада акклиматизаціи въ Оротавѣ, — въ этомъ учрежденіи научныя задачи переплетаются съ практическими и до нѣкоторой степени ботаническій садъ приближается къ опытной сельскохозяйственной станціи. Тогда какъ садъ въ Оротавѣ, благодаря отсутствію матеріальныхъ средствъ, выполненъ въ довольно скромномъ масштабѣ, садъ Викторіи поражаетъ уже своей обширностью и хорошимъ устройствомъ. Здѣсь производятся изслѣдованія надъ вліяніемъ дождливаго камерунскаго климата на полезныя растенія, не водящіяся въ данной мѣстности, и результаты охотно сообщаются плантаторамъ. Если за послѣднее время выработка какао въ колоніи достигла значительнаго развитія и приноситъ такія прибыли, что возбуждаетъ надежду о наступленіи, наконецъ, того времени, когда колонія будетъ существовать на свои собственныя средства, то нельзя при этомъ забывать, что самыя цѣнныя указанія

Рис. 17. Викторія.

относительно свойствъ различныхъ сортовъ шеколадныхъ деревьевъ были даны, именно, на основаніи опытовъ здѣшняго ботаническаго сада. Является желательнымъ, чтобы садъ превратился въ опытную плантацію еще болѣе обширнаго масштаба, это позволило бы плантаторамъ заниматься культурой различныхъ растеній съ еще большею увѣренностью въ успѣхѣ, для того необходимо, однако, значительное расширеніе поверхности сада и увеличеніе его средствъ.

Если кому-нибудь покажется, что ботаническій садъ, въ которомъ разведены плантаціи шеколадныхъ деревьевъ, кофе, ванили, перца, гвоздики, табака, хлопчатника, каучуковыхъ деревьевъ, банановъ и другихъ полезныхъ тропическихъ растеній долженъ представлять для глаза однообразное и мало живописное зрѣлище, то здѣшній садъ мо-

жетъ доказать ему противное. Всюду виднѣются въ саду и на прилежащихъ плантаціяхъ могучіе великаны дѣвственнаго лѣса, которыхъ здѣсь пощадили, какъ хранителей тѣни. Во время нашей прогулки по саду и по плантаціямъ шоколадныхъ деревьевъ западно-африканскаго общества плантаторовъ, обращала на себя вниманіе не столько культурная растительность, сколько туземная: гигантскія деревья оплетены ліанами и усѣяны растущими на нихъ эпифитами—орхидеями и папоротниками, нерѣдко дерево представляетъ само по себѣ цѣлый ботаническій садъ. Ни на Конго, ни на Суматрѣ, ни на Цейлонѣ и другихъ островахъ Индійскаго океана мы не встрѣчали такого величественнаго развитія растительности, какъ здѣсь, и мой спутникъ, проф. Шимперъ, путешествовавшій по южно-американскимъ и вестъ-индскимъ дѣвственнымъ лѣсамъ, говорилъ мнѣ, что лѣса Камерунскаго пика могутъ вполнѣ идти съ ними въ сравненіе.

Намъ очень хотѣлось заглянуть и внутрь этой райской страны, со всѣхъ сторонъ намъ совѣтовали совершить трехдневную экскурсію черезъ мѣстечко Буеа къ области альпійскихъ луговъ пика. При любезномъ содѣйствіи мѣстныхъ жителей мы къ слѣдующему же дню подготовили эту экскурсію. Были наняты носильщики и лошади и рано утромъ нашъ маленькій караванъ отправился въ путь. Довольно хорошая дорога, становящаяся труднѣе лишь въ болѣе высокихъ областяхъ, ведетъ къ Буеа, находящейся въ 4—5 часахъ пути. Мы, однако, занимались по дорогѣ коллектированіемъ и фотографіей, попали къ тому же подъ страшный ливень, отъ котораго должны были прятаться, и потому прошло вдвое болѣе времени, пока мы добрались до первой станціи, промокшіе до нитки. Нашъ фотографическій апаратъ сильно потерпѣлъ за этотъ путь, что такъ часто случается въ тропикахъ: камера разбухла, задвижки касетъ едва открывались. При сниманіи къ тому же не разъ принимался лить какъ изъ ведра дождь, и приходилось быстро упаковывать аппаратъ,—мы находились въ той полосѣ тропической области, въ которой годовые атмосферическіе осадки достигаютъ почти наибольшей величины въ мірѣ. Тогда какъ въ сѣверной части камерунской области имѣется лишь одинъ періодъ дождей, въ южной — ихъ два. Камерунскія горы представляютъ до нѣкоторой степени естественную преграду, такъ что количество дождя, выпадающаго на западъ отъ нихъ, гораздо значительнѣе количества на восточной сторонѣ. Въ Дебунджа, южнѣе Бибунди, на западномъ склонѣ горъ было измѣрено 897 сантиметровъ годовыхъ осадковъ, эта цифра ниже лишь единственнаго мѣста на земномъ шарѣ—Черрапунджи, на южномъ склонѣ остъ-индскаго хребта Чассія.

Огромное количество водныхъ осадковъ въ теченіе дождливаго періода съ начала іюля до конца сентября, влажный и теплый воздухъ, напоминающій оранжерейный, и богатая перегноемъ вулканическая почва объясняютъ въ достаточной степени грандіозное развитіе растительности.

Лѣсъ поднимается далеко по склону горы до высоты приблизительно 2.500, а въ нѣкоторыхъ ущельяхъ и 2.700 метровъ, и бросается въ глаза, что верхняя, болѣе прохладная область его носитъ другой характеръ, чѣмъ нижняя, — граница между обоими зонами проходитъ приблизительно черезъ Буеа, т. е. на высотѣ 1000 метровъ.

Вблизи Викторіи, гдѣ, очевидно, уже съ давнихъ поръ находились негритянскія поселенія, лѣсъ рѣже. Это обстоятельство содѣйствуетъ

въ значительной степени увеличенію живописности ландшафта: между отдѣльными древесными гигантами широкою волною прорывается свѣтъ и обусловливаетъ богатое развитіе кустарниковъ и ліанъ, которыхъ не встрѣчается въ лѣсной чащѣ. Растенія изъ семействъ перечныхъ, тыквенныхъ и вьюнковыхъ выступаютъ здѣсь въ формѣ ліанъ и одѣваютъ почву и стволы такимъ пышнымъ нарядомъ, что и съ топоромъ въ рукахъ едва ли можно пробить себѣ дорогу. Часто гладкіе стволы деревьевъ, въ особенности шерстяныхъ деревьевъ (*Eriodendron anfractuosum*) настолько прикрыты зеленью, что широкія основанія ихъ съ расползающимися, какъ змѣи, корнями едва замѣтны. Ліаны достигаютъ самыхъ кронъ деревьевъ и такъ какъ въ тропическихъ лѣсахъ особенно преуспѣваетъ развитіе листьевъ, тогда какъ развитіе древесныхъ частей отходитъ на задній планъ, нерѣдко свѣшиваются широкія зеленыя гирлянды, между которыми тянутся тонкіе, какъ веревки, стволы. Кое-гдѣ ліаны уступаютъ мѣсто эпифитнымъ орхидеямъ и папоротникамъ—между послѣдними особенно бросаются въ глаза асплеріи и платицеріи со своими побѣгами, развѣтвленными какъ оленьи рога. Всюду протискиваются между зеленью граціозныя масличныя пальмы (*Elaeis Guineensis*), мѣстами встрѣчается въ одиночку винная пальма (*Raphia vinifera*), обѣ онѣ даютъ пальмовое вино, которому и мы во время нашей поѣздки оказывали предпочтеніе передъ всѣми другими напитками. Изъ стволовъ винной пальмы туземцы баквири строятъ свои невзрачныя хижинки и приготовляютъ цыновки, тогда какъ масличная пальма, содержащая въ своихъ плодахъ пальмовое масло, еще на долгое время будетъ служить важнымъ продуктомъ торговли для колоніи. По берегамъ рѣкъ стоятъ, какъ на ходуляхъ, пандановыя деревья, кое-гдѣ по дорогѣ встрѣчаются на мѣстахъ прежнихъ поселеній бананы и тонкоствольныя тыквенныя деревья (*Carica papaya*).

Ландшафты по обѣ стороны дороги къ Буеа безподобны, — ни одинъ изъ нихъ не похожъ на другой, хотя всѣ имѣютъ нѣчто общее въ характерѣ. Нѣсколько однообразнѣе картина, представляемая дѣвственнымъ лѣсомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ никогда не производилось расчистки. Въ такомъ неприкосновенномъ состояніи онъ остался на полуостровѣ Нахтигалля между бухтой Амбасъ и мѣстомъ стоянки военныхъ судовъ. Гладкіе стволы стоятъ здѣсь тѣснѣе другъ къ другу, и такъ какъ кроны деревьевъ смыкаются, подлѣсокъ разростается въ полутьмѣ менѣе роскошно. Зато всюду встрѣчаются постройки термитовъ, похожія на гигантскія шляпки грибовъ. Трудно себѣ представить, какое безконечное богатство животной жизни скрываетъ этотъ лѣсъ,—богатство это сказывается особенно при заходѣ солнца. На вершины деревьевъ слетаются тяжелыя птицы-носороги, граціозные туракосы и сѣрые попугаи, они издаютъ своеобразные крикливые звуки, отыскивая себѣ мѣсто для ночлега. Одновременно миріады цикадъ и кузнечиковъ работаютъ изо всѣхъ силъ своими микроскопическими скрипками, производя всю ночь нарушающій тишину дѣвственнаго лѣса неумолчный концертъ. Крупные звѣри врядъ ли попадутся мимолетному путешественнику на глаза: кто желалъ бы поохотиться на нихъ, тотъ можетъ разсчитывать на успѣхъ, лишь если онъ прирожденный охотникъ и знакомъ съ привычками звѣрей. Между тѣмъ, здѣсь иногда къ плантаціямъ подходятъ слоны, а на полуостровѣ Нахтигалля, какъ мнѣ указывали люди, заслуживающіе довѣрія, встрѣчается еще даже горилла.

Но вернемся къ дорогѣ въ Буеа. На ней царитъ оживленное движеніе, такъ какъ она является главнѣйшей артеріей путей сообщенія между племенами горъ и жителями долинъ. Цѣлыми караванами двигаются по дорогѣ тяжело нагруженныя женщины баквири. Тѣ, которыя постарше, отличаются обыкновенно невѣроятнымъ безобразіемъ, да и между болѣе молодыми рѣдко встрѣчаются сколько-нибудь красивыя лица, нѣсколько возмѣщается это безобразіе, какъ и у многихъ дикихъ народовъ, правильнымъ и граціознымъ тѣлосложеніемъ. Мужчины баквири достигаютъ лишь средняго роста, но отличаются хорошей мускулатурой. Обыкновенно у нихъ, также какъ и у женщинъ, одѣтыхъ лишь въ передники, доходящіе до колѣнъ, тѣло покрыто темно-синей татуировкой. Мнѣ часто приходилось удивляться тому, какія тяжести поднимали они шутя въ гору по плохой дорогѣ, тѣмъ не менѣе въ качествѣ рабочихъ на плантаціяхъ баквири оказались мало пригодными. Ихъ прирожденная лѣнь и нелюбовь къ работѣ по найму заставили давно уже плантаторовъ искать рабочихъ между неграми племени кру и другими племенами. Съ того времени, однако, когда одно изъ гамбургскихъ обществъ монополизировало наемъ рабочихъ племени кру и подняло цѣну на ихъ трудъ, даже и для правительства стало трудно находить на Либерійскомъ побережьѣ хорошихъ рабочихъ. Въ виду этого является весьма утѣшительнымъ, что сношенія съ королемъ Гарега племени бали, завязанныя еще Цингдрафомъ, повели въ недавнее время къ удовлетворительному рѣшенію рабочаго вопроса. Гарега обязался доставлять для работы на плантаціяхъ людей своего племени и первый транспортъ ихъ былъ доставленъ самимъ Цингдрафомъ изъ внутренней части Камерунской области на берегъ. Контрактъ съ неграми, нанимаемыми на годъ, былъ урегулированъ правительствомъ и Гарега вскорѣ убѣдился въ томъ, что это предпріятіе представляетъ ему не малыя выгоды.

Во время нашей поѣздки, на всемъ пространствѣ до Буеа работало на плантаціяхъ западно-африканскаго общества «Викторія» 900—1.100 рабочихъ изъ племени бали. Здѣсь обработано около 920 гектаровъ, засаженныхъ болѣе 400.000 шеколадныхъ деревьевъ, которыя уже на третій годъ приносятъ красновато-коричневые плоды, похожіе на бананы. Въ нихъ содержатся бобы, которые тщательно отдѣляются отъ мякоти, высушиваются въ особыхъ аппаратахъ и подвергаются дальнѣйшей обработкѣ. Плодородіе почвы настолько значительно, что четырехлѣтнія шеколадныя деревья поднимаютъ уже свои вѣтви надъ головою всадника, и легко понять, какія ожиданія возлагаются на дальнѣйшее развитіе культуры шеколадныхъ деревьевъ въ этой области. Возможно, что эти ожиданія будутъ и осуществлены, если при помощи умѣлаго отбора деревьевъ и раціональнаго способа сушки удастся выпускать въ торговлю лишь первоклассные продукты. Однимъ изъ непремѣнныхъ условій является также правильное полученіе чернокожихъ рабочихъ на плантаціяхъ: происшедшіе недавно безпорядки внутри страны повели къ тому, что притокъ бали къ берегу прекратился. Когда войска приведутъ возмутившіяся племена въ порядокъ, можно ожидать, что дальнѣйшее развитіе культуры шеколадныхъ деревьевъ пойдетъ нормально.

Между неграми баквири представители племени бали выдѣлялись своимъ ростомъ, длиною бедеръ и черновато-сѣрой окраской. Бали часто попадались намъ навстрѣчу: они шли длинными вереницами, одинъ за

другимъ, прикрываясь отъ дождя листами банановъ, которые держали надъ головой. На одной изъ казенныхъ станцій по пути мы встрѣтили

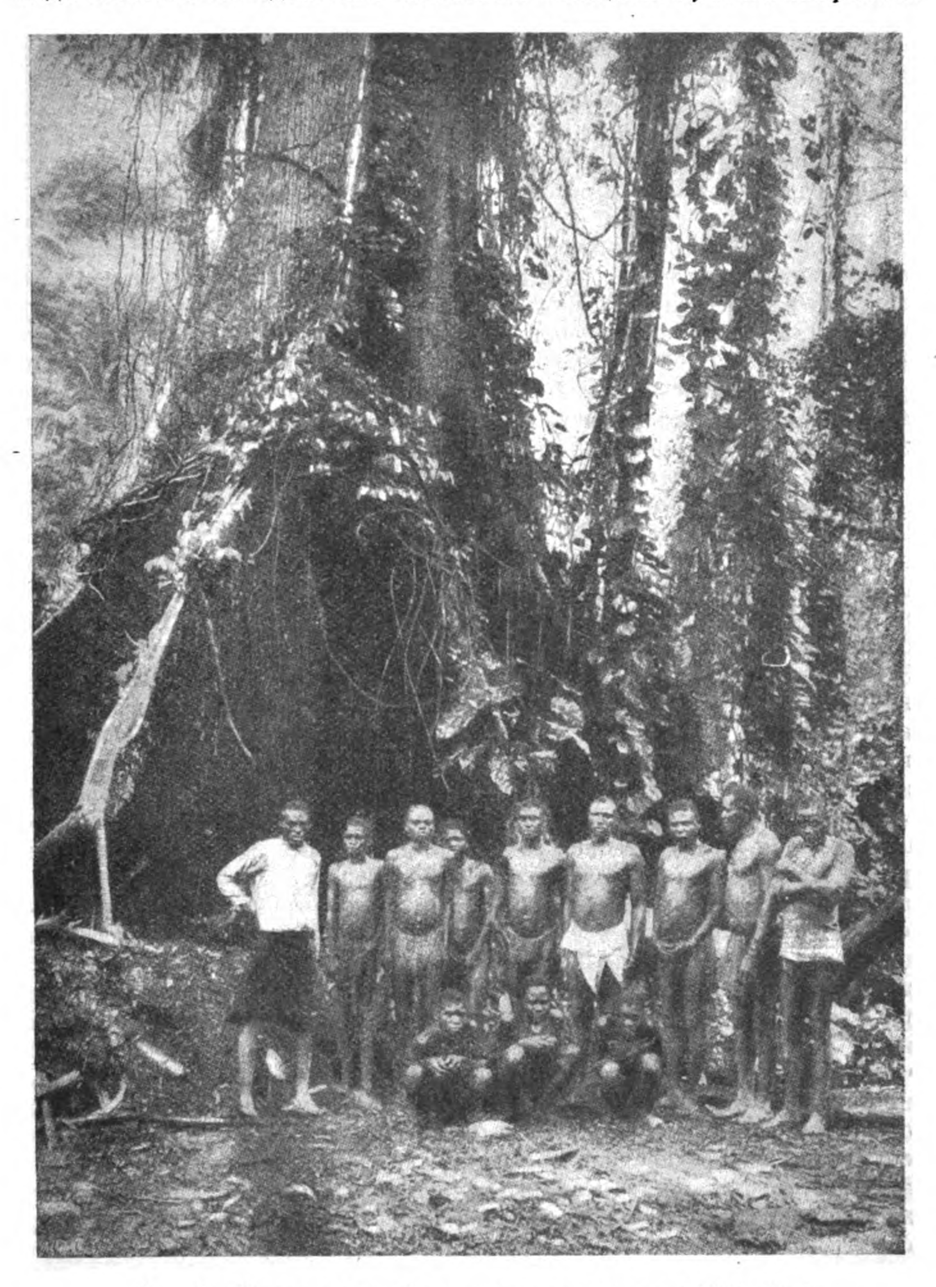

Рис. 18. Туземцы бали. Сзади шерстяное дерево (*Eriodendron*).

привѣтливый пріемъ со стороны живущаго тамъ инспектора, который разсказывалъ намъ много интереснаго о приключеніяхъ у своего кровнаго брата короля Гарега. Окружающіе бали посматривали на насъ

опасливо и когда нашъ фотографъ попытался, несмотря на дождь, разставить свой апаратъ и снять этихъ чернокожихъ обитателей внутренней области страны, они обратились въ поспѣшное бѣгство и лишь съ трудомъ удалось уговорить нѣсколькихъ человѣкъ, изображенныхъ на приложенномъ снимкѣ (рис. 18), остаться на мѣстѣ. Бывшіе съ нами баквири уже утратили суевѣрный страхъ, который внушала имъ камера, послѣ того какъ мы позволили имъ заглянуть на матовое стекло,—когда они увидѣли своихъ сотоварищей стоящими на головахъ, они въ дикой радости начали прыгать и танцовать вокругъ аппарата.

Далѣе дорога сдѣлалась труднѣе и нерѣдко вела по крутымъ откосамъ, на которыхъ тропическія деревья стояли увѣшанныя невиданными плодами. Здѣсь деревья-гиганты отступаютъ на задній планъ и нерѣдко взоръ скользитъ надъ обширными расчищенными мѣстами съ хижинками негровъ или надъ плантаціями и останавливается надъ Камерунской бухтой и задернутыми дымкой крышами домовъ Камеруна. Перебравшись черезъ нѣсколько горныхъ потоковъ, которые прокладываютъ себѣ дорогу, пѣнясь между базальтовыми ущельями и зарослями папоротника, мы добрались, наконецъ, до станціи Буеа.

Здѣсь недурной казенный домъ, окруженный садомъ съ площадкой для лаунъ-тенниса, сторожка, у которой стоитъ караулъ, и хорошенькій одноэтажный домикъ станціи съ пристройками и разбросанными около него хижинами негровъ. Таково современное положеніе Буеа, но въ воображеніи нашемъ рисовалась другая картина будущей Буеа — цѣлой колоніи виллъ, соединенной горной желѣзной дорогой съ Викторіей и основнымъ желѣзнодорожнымъ путемъ съ внутренней частью страны. Этому мѣстечку, несомнѣнно, предназначено сыграть значительную роль въ развитіи колоніи,—Буеа не только явится центромъ разбросанныхъ по горамъ плантацій, но и первоклассньмъ климатическимъ курортомъ, какому нѣтъ равнаго на всемъ западно-африканскомъ побережьѣ. Уже въ настоящее время туда спасаются больные лихорадкой, и чиновники, утомленные дѣятельностью въ жаркой долинѣ, ищутъ тамъ временнаго отдохновенія,—здѣсь дышется свободнѣе горнымъ воздухомъ, въ періодъ дождей раздается несмолкаемое журчаніе вздувшихся ручьевъ, а отъ величественнаго ландшафта, растилающагося подъ ногами, трудно оторваться. Буеа лежитъ на высотѣ 920 метровъ и тогда какъ средняя годовая температура въ Викторіи и Камерунѣ 25—26°, въ Буеа она на 5—6 градусовъ прохладнѣе. Это для европейцевъ, привыкшихъ къ равномѣрному тропическому климату побережья, уже значительная разница, тѣмъ болѣе пріятная въ сухое время года съ ноября по май, что малярія здѣсь совершенно неизвѣстна. Съ истиннымъ наслажденіемъ прикрылся я ночью шерстянымъ одѣяломъ и принялъ утромъ освѣжающую ванну прохладной горной воды. На слѣдующій день (17-го сентября) мы предприняли ботаническую экскурсію въ область травянистой растительности Камерунскаго пика. Подняться на вершину, какъ это неоднократно уже предпринималось д-ръ Прейссомъ и г. Бессеромъ, мы не имѣли въ виду, тѣмъ болѣе, что въ дождливый сезонъ это было и затруднительно. Такимъ образомъ, мы направились лишь съ легкимъ багажемъ въ область дѣвственнаго лѣса, расположенную надъ Буеа. Уже при вступленіи въ послѣднюю, нѣкоторые отдѣльные папоротники напоминали намъ, что характеръ растительности здѣсь, въ болѣе прохладной полосѣ, измѣнился. Поднимаясь далѣе по крутой болотистой тропинкѣ мы ясно замѣтили, что дѣвственный лѣсъ низины по своей физіономіи совершенно отличается отъ лѣса болѣе высокой

полосы. Толстые стволы деревьевъ съ широкими кронами (рис. 19) замѣщаютъ здѣсь болѣе тонкіе и гладкіе стволы низинъ, нерѣдко воз-

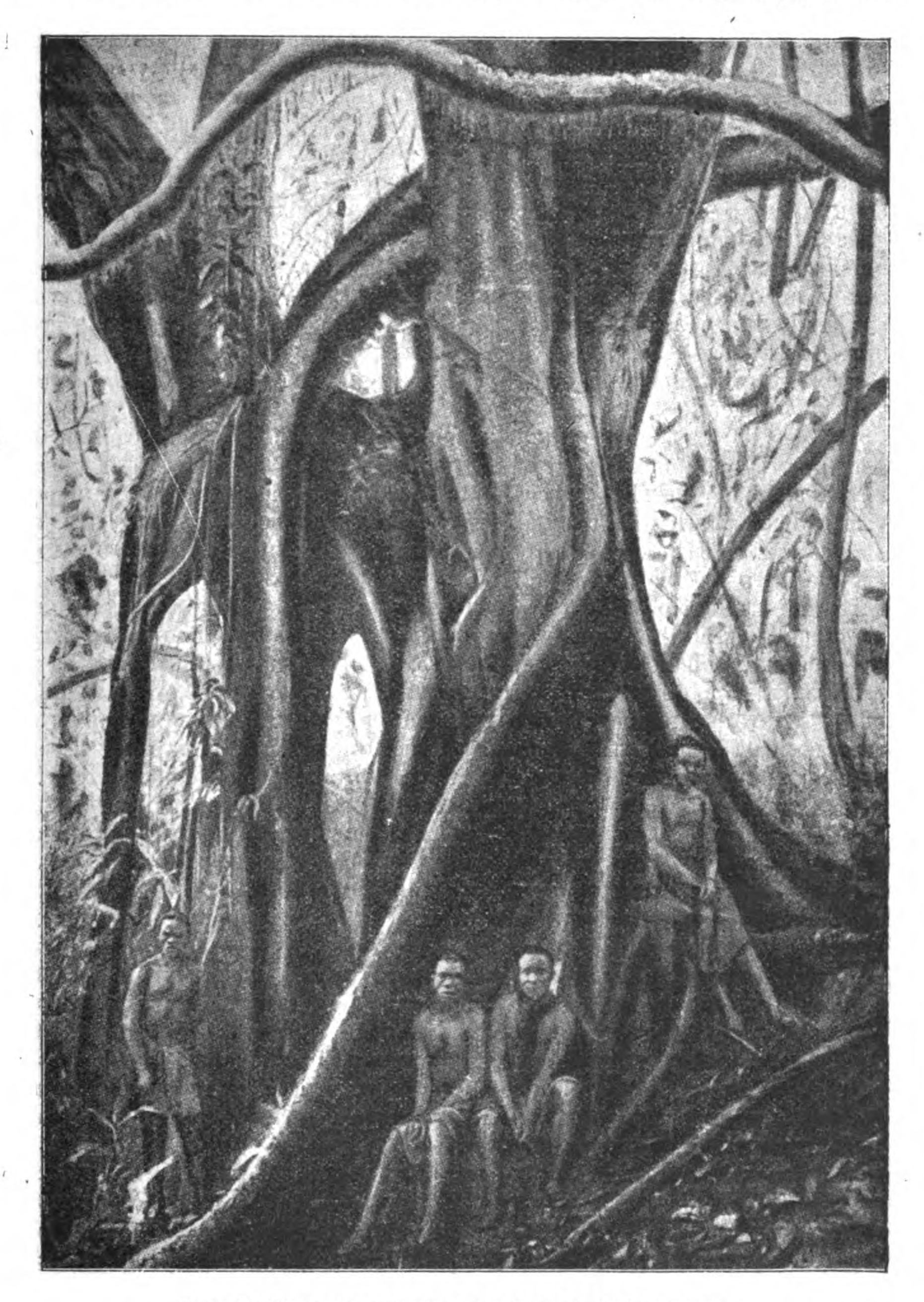

Рис. 19. Тропическій лѣсъ на высотѣ 1800 метровъ.

душные корни деревьевъ образуютъ какъ бы колоннаду, между которою тропинка живописно вьется то въ ту, то въ другую сторону. Мхи, мелкіе папоротники и лишаи обростаютъ вѣтви, и непроницаемая сѣть

ліанъ, папоротниковъ и низкихъ кустарниковъ затрудняетъ движеніе впередъ. Камерунскій дѣвственный лѣсъ изобилуетъ драгоцѣнными древесными породами и какъ разъ въ этой болѣе высокой полосѣ находится много каучуковыхъ деревьевъ (*Landolphia*), черпаго дерева (*Diospyrus*) и другихъ твердыхъ и тяжелыхъ сортовъ, которые при раціональномъ лѣсномъ хозяйствѣ могли бы составить немаловажный источникъ дохода для колоніи.

Особымъ украшеніемъ лѣсовъ верхней полосы являются древовидные папоротники (*Cyathea*), которые встрѣчаются то группами, то въ одиночку. Часто мнѣ приходилось мечтать въ молодости о томъ, чтобы попасть въ папоротниковые лѣса Австраліи или Новой Зеландіи, и теперь эти мечты сбылись: мы находились въ таинственномъ полумракѣ папоротниковаго лѣса, вокругъ насъ поднимались колючіе черные стволы и граціозныя зеленыя опахала листьевъ. Своеобразное смѣшеніе темныхъ тоновъ съ зеленью, характерный ароматъ и смягченные лучи солнечнаго свѣта, проходящіе чрезъ зеленые пластинки листьевъ, производятъ волшебное впечатлѣніе.

Круто ползетъ далѣе узкая тропинка по склону горы между безконечнымъ лабиринтомъ деревъ до высоты 2.000 метровъ, гдѣ находится верхній предѣлъ лѣса. Ландшафтъ внезапно мѣняется: передъ нами разстилается обширная луговая поверхность, поднимающаяся сперва слабо, затѣмъ все круче и круче къ коричневатымъ обрывамъ удлиненнаго гребня, который кажется такъ близко, что сейчасъ до него дойдешь. По ущельямъ дѣвственный лѣсъ поднимается до высоты почти 2.500 метровъ и окаймленъ по краямъ небольшими группами древовидныхъ папоротниковъ. Для того, кому пришлось въ теченіе нѣсколькихъ дней путешествовать въ оранжерейной атмосферѣ дѣвственнаго лѣса, луговой ландшафтъ имѣетъ особую прелесть: съ истиннымъ наслажденіемъ вдыхаешь здоровый горный воздухъ и радуешься развернувшейся широкой панорамѣ. Какъ на картѣ вырисовывается Камерунская низменность и Гвинейскій заливъ, то тамъ, то здѣсь пробиваются лучи солнца сквозь сѣрый покровъ облаковъ и выдѣляютъ яркимъ пятномъ часть долины на зеленовато-сѣромъ фонѣ дѣвственнаго лѣса. По гребню ползутъ обрывки облаковъ, они сползаютъ къ намъ все ближе и ближе и обволакиваютъ насъ вскорѣ покрываломъ тумана.

Путешествіе по луговой области затруднительно и требуетъ напряженнаго вниманія. Почва состоитъ изъ вулканическихъ бомбъ, смѣшанныхъ съ пепломъ и обломками лавы, все это затянуто роскошнымъ покровомъ травянистыхъ растеній, достигающихъ до уровня груди, между ними то тамъ, то здѣсь разбросаны цвѣтущіе кусты, блещущіе разнообразными яркими красками. Этотъ покровъ скрываетъ предательски отъ глазъ щели и ямы между камнями, куда нерѣдко можетъ провалиться не только нога, но и все тѣло. Передо мной до сихъ поръ ясно вырисовывается картина, какъ нашъ фотографъ со своимъ аппаратомъ былъ внезапно поглощенъ землею, исчезъ изъ глазъ, и лишь съ трудомъ затѣмъ былъ вытащенъ изъ ямы. Недаромъ управленіе областью опасается, что попытка завести въ этой области альпійской растительности рогатый скотъ врядъ ли увѣнчается успѣхомъ изъ-за неудобствъ, представляемыхъ почвой. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ мнѣ пришлось видѣть стада одичавшихъ быковъ на одномъ изъ уединенно лежащихъ въ Индѣйскомъ океанѣ вулканическихъ островковъ—о. Новомъ Амстердамѣ, гдѣ почва гораздо болѣе

опасна, я думаю, что при населенiи рогатымъ скотомъ этой области врядъ ли представятся такiя препятствiя.

Какъ ни подавляюще дѣйствовали на насъ впечатлѣнiя роскошныхъ тропическихъ ландшафтовъ, насъ все же тянуло назадъ, чтобы въ тишинѣ и спокойствiи переработать нахлынувшiя впечатлѣнiя. Душу новичка наполняетъ не столько чувство пресыщенiя при созерцанiи тропической природы, сколько сознанiе своей неспособности оцѣнить и понять все то безконечное разнообразiе чудесъ, которое встрѣчается здѣсь на столь незначительномъ протяженiи. Изобилiе видовъ новыхъ животныхъ и растенiй путаетъ и сбиваетъ въ конецъ, и хотя мало-по-малу и привыкаешь распознавать отдѣльныя формы и находить между ними родственныя, все же при этомъ не получаешь болѣе глубокаго познанiя ихъ смысла и значенiя. Всѣ онѣ участвуютъ въ ожесточенной борьбѣ за существованiе, всѣ стоятъ въ тѣсныхъ взаимныхъ соотношенiяхъ и всѣ являются зависимыми отъ внѣшнихъ условiй. Мой сотоварищъ проф. Шимперъ обращалъ наше вниманiе на то, какъ Камерунскiй дѣвственный лѣсъ приспособляется къ изливающимся на него потокамъ тропическихъ ливней, какъ способъ развѣтвленiя деревъ, форма ихъ листьевъ и защитныя приспособленiя почекъ всѣ приноровлены къ тому, чтобы облегчать сбѣганiе воды. Съ не малой радостью привѣтствовали наши ботаники нахожденiе между растенiями, паразитирующими на стволахъ деревьевъ, одного изъ видовъ пузырчатки (*Utricularia*)—растенiя, ближайшiй родственникъ котораго принадлежитъ нашей европейской флорѣ и обитаетъ на болотахъ и торфяныхъ озерахъ. Тогда какъ листья нашихъ пузырчатокъ расщеплены въ волосовидные отростки и снабжены своеобразными пузырьками для ловли мелкихъ прѣсноводныхъ рачковъ, у найденнаго тропическаго вида они остаются не расщепленными и располагаются розеткой, изъ середины которой выходитъ стебелекъ, несущiй роскошные желтые съ фiолетовыми пятнами цвѣты. Нитевидные развѣтвленные корешки, отсутствующiе у водныхъ формъ, служатъ для прикрѣпленiя между влажнымъ мхомъ и снабжены пузыреобразными вздутьями, которыя могутъ быть сравнены съ пузырьками нашего растенiя. Сколько замѣчательныхъ заключенiй можно вывести изъ изслѣдованiя одного этого представителя тропической флоры, который перешелъ отъ жизни въ водѣ къ существованiю въ сыромъ мхѣ и въ воздухѣ, насыщенномъ влагою дѣвственнаго лѣса!

Намъ недолго, однако, пришлось размышлять на эту тему,—наши чернокожiе (рис. 20) давно уже дрожали отъ холода и стучали зубами, охваченные непривычно прохладнымъ, сырымъ воздухомъ горной вершины, и съ нетерпѣнiемъ ожидали сигнала пуститься въ обратный путь. И когда мы начали спускаться и послѣ ночевки въ гостепрiимной Буеа снова попали въ оранжерейный воздухъ нижней зоны тропическаго лѣса, лишь тогда стали они проявлять снова прирожденную имъ веселость и, несмотря на тяжелую ношу, скользкую дорогу и безконечный дождь, низвергавшiйся на насъ, пѣсни ихъ не прекращались ни на минуту—это были короткiя мелодiи, напоминавшiя нерѣдко пѣсни неаполитанскихъ рыбаковъ и портовыхъ рабочихъ,—по всей вѣроятности, они воспѣвали въ нихъ странное поведенiе чудаковъ-иноземцевъ, собирателей червей и растенiй.

Прежде чѣмъ оставить столь богатую природными красотами Викторiю, намъ пришлось присутствовать при довольно своеобразномъ зрѣлищѣ на одномъ изъ сосѣднихъ маленькихъ острововъ—Бобiя. Не-

многочисленное населеніе негровъ, живущее преимущественно рыболовствомъ на самомъ главномъ изъ этихъ крутыхъ утесовъ, прекрасно защищено отъ случавшихся прежде нападеній враговъ недоступностью своей деревни,—она расположена на самой верхушкѣ острова и добраться до нея можно лишь по крутой тропинкѣ, ведущей между обломками скалъ. Узкая коса позволяетъ причаливать къ острову на лодкахъ. Здѣсь, на этой косѣ царило большое оживленіе: все населеніе, мужчины, женщины и дѣти, копошились около кита средней величины, котораго убили гарпуномъ за день до нашего посѣщенія. Если принять во вниманіе, какими примитивными средствами располагаютъ негры для борьбы съ гигантомъ морей, то нельзя не подивиться той ловкости и неустрашимости, съ какой имъ удается убить такую крупную добычу и вытащить ее на берегъ. Правительство всячески поощряетъ такой

Рис. 20. Носильщики племени бaквири среди травянистой растительности альпійской области.

промыселъ и потому это былъ второй уже китъ, добытый въ теченіе лѣта.

Стройные и сильные негры, съ которыхъ положительно можно лѣпить Геркулеса, копошились на берегу, стараясь повернуть кита съ бока, на которомъ онъ лежалъ, на брюхо. Ихъ соединенныя усилія увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ, причемъ, однако, изъ раздувшагося брюха животнаго вырвались газы отъ начинающихъ уже разлагаться внутренностей,—для чернокожихъ это былъ, вѣроятно, пріятнѣйшій ароматъ, но мы невольно принуждены были заткнуть носы. Китовое мясо, особенно когда оно съ душкомъ, является для береговыхъ негровъ любимѣйшимъ деликатесомъ, за который они готовы вымѣнять самые лучшіе свои мѣновые товары, потому китъ цѣнится высоко. Китовый усъ, однако, не имѣетъ почти никакой цѣны и мнѣ охотно подарили часть его.

Гарпунщикъ подарилъ кита всему племени и послѣднее пришло

въ радостное волненіе по поводу этого роскошнаго подарка. Вѣсть о счастливомъ ловѣ быстро распространяется, и со всѣхъ сторонъ приходятъ пироги, нагруженныя товарами для обмѣна и несущія болтливую публику, которая разсчитываетъ принять участіе въ праздникѣ и пиршествѣ.

Въ честь явившихся бѣлыхъ царекъ этого племени облачился въ свою праздничную одежду, которая рѣзко выдѣляла его между всѣми подданными,—онъ щеголялъ въ тропическомъ шлемѣ и бѣломъ плащѣ, поверхъ котораго въ видѣ шарфа было повязано мохнатое полотенце. Съ чувствомъ пожалъ онъ намъ руки, пожелалъ добраго утра и былъ, видимо, польщенъ, что мы взобрались, по крутому обрыву, въ подвластное ему селеніе, гдѣ, впрочемъ, не было ни души, такъ какъ всѣ собрались вокругъ кита,—насъ встрѣтили здѣсь лишь негритянскія черныя свиньи. Когда мы вернулись на морской берегъ, то увидѣли своеобразную картину. Часть чернокожаго населенія вытянулась въ длинную вереницу и подъ предводительствомъ одного изъ негровъ, забавно прыгавшаго и подплясывавшаго, окружила кита. Молодыя женщины и мужчины встали длинной шеренгой и подвигались медленно впередъ въ тактъ монотонному пѣнію, производя различныя тѣлодвиженія и держась за длинный кусокъ матеріи. Позади шествовали старшины и, наконецъ, самъ царекъ, который держалъ зонтикъ надъ какимъ-то субъектомъ съ вымазанной бѣлой краской физіономіей и ногами. Царекъ далъ мнѣ понять жестами, что это—счастливецъ гарпунщикъ, которому удалось убить кита. На него напялили цилиндръ и обвѣсили его подарками всего племени въ видѣ безчисленныхъ шерстяныхъ и бумажныхъ платковъ. Съ бѣдняги потъ лился градомъ, но онъ со стоическимъ спокойствіемъ не отставалъ отъ шествія. Движеніе этой танцующей вокругъ кита процессіи продолжалось нѣсколько часовъ подрядъ, женщины въ то же время, въ знакъ радости, воздымали къ небу руки и затѣмъ опускали ихъ на тѣло кита. Мы уже собирались отправляться назадъ и приготовлялись къ отъѣзду, а монотонная, восхваляющая пѣснь все еще раздавалась въ нашихъ ушахъ.

Полуостровъ Нахтигалля, покрытый густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, отдѣляетъ бухту Амбасъ отъ бухты Военныхъ Кораблей и защищаетъ послѣднюю отъ западныхъ вѣтровъ, благодаря чему, какъ показываетъ уже и самое ея названіе, въ ней охотно останавливаются на якорѣ тѣ небольшія военныя суда, которыя служатъ здѣсь станціонерами. Бухта окружена со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, какъ рамою, и поразительно живописна,—на берегу виднѣются гроты, которые въ прежнія времена служили хорошо защищенными уголками для того, чтобы скрывать добытыхъ на войнѣ рабовъ,—ліаны, свѣшивающіяся съ отвѣсныхъ скалъ ихъ, были, вѣроятно, свидѣтельницами не одной сцены ужасающей жестокости. Сильно съуженный мысъ у начала бухты даетъ доступъ къ факторіямъ камерунскаго плантаторскаго общества, бѣлыя постройки которыхъ просвѣчиваютъ между пальмами. Факторія, находящаяся подъ руководствомъ господина Фридеричи, превратилась въ настоящую опытную плантацію, гдѣ испытываются всѣ новѣйшія техническія приспособленія для выработки какао. Мы охотно послѣдовали приглашенію посѣтить эту плантацію и провели тамъ пріятный вечеръ.

На слѣдующій день послѣ четырехчасового плаванія мы подошли къ Камеруну. Мѣстность представляетъ замѣчательный контрастъ

съ тѣмъ, что мы видѣли въ окрестностяхъ Викторіи,—тогда какъ тамъ красивѣйшій видъ на заливъ съ возвышающимся надъ нимъ пикомъ, здѣсь мы имѣемъ лиманъ, образовавшійся отъ сліянія трехъ рѣкъ—Мунго, Вури и Дибамба—съ мутною водою;—вмѣсто гигантскихъ стволовъ тропическаго дѣвственнаго лѣса, здѣсь на плоскомъ, отмеломъ берегу заросли мангровыхъ деревьевъ, вмѣсто статныхъ и еще мало культурныхъ баквири, здѣсь хитрое и очень способное къ торговлѣ племя дуалла, вмѣсто немногихъ европейскихъ домовъ въ Викторіи, здѣсь прекрасный городъ съ постройками, которыя подъ тропиками производятъ самое пріятное впечатлѣніе. Городъ окаймленъ пальмами и выглядитъ очень привѣтливо, у каждаго дома раскинутъ садъ, вокругъ казенныхъ зданій широкія веранды, дающія много тѣни,—отъ всего вѣетъ тихой идилліей.

Можно было бы позавидовать жизни въ Камерунѣ, если бы здѣсь не было страшнаго бича тропиковъ—маляріи, отъ которой жители сильно страдаютъ. Все же за послѣднее время удалось нѣсколько усовершенствовать борьбу съ нею и, по крайней мѣрѣ, достигнуть нѣкотораго успѣха въ леченіи ея опасныхъ послѣдствій, въ особенности такъ называемой «лихорадки черной воды», путемъ урегулированныхъ извѣстнымъ образомъ пріемовъ хинина. Если въ настоящее время количество смертельныхъ исходовъ значительно понизилось, и малярія уже не является такимъ страшнымъ призракомъ, несущимъ за собою неминуемую смерть, то въ этомъ заслуга нашихъ камерунскихъ врачей и въ особенности д-ра Плёна. Послѣдній показывалъ намъ съ вполнѣ законной гордостью возведенный подъ его наблюденіемъ тропическій лазаретъ, чрезвычайно практичный по своему внутреннему устройству и по прекрасной приспособленности къ мѣстнымъ условіямъ.

Мы встрѣтили превосходный пріемъ и были помѣщены въ одномъ изъ казенныхъ зданій. Послѣ нашихъ тѣсныхъ каютъ просторныя и обильныя воздухомъ комнаты казались намъ очень прохладными и уютными. На слѣдующій день мы отправились посмотрѣть поселенія туземцевъ дуалла и были, положительно, поражены чистотою хижинъ и широкихъ улицъ. Здѣсь же мы имѣли случай познакомиться съ королемъ Манга Беллемъ, который какъ разъ производилъ судъ и расправу вблизи своего затѣйливаго, выстроеннаго на европейскій манеръ, но, за недостаткомъ средствъ, не достроеннаго дворца. Онъ встрѣтилъ насъ, какъ настоящій джентельменъ, угостилъ шампанскимъ и въ обмѣнъ за поднесенный мною большой портретъ германскаго императора подарилъ мнѣ... козла. Врядъ ли когда-нибудь приходилось камерунскому козлу совершать такое путешествіе, какое совершилъ этотъ «козелъ Белля» на «Вальдивіи», такъ какъ онъ продѣлалъ съ нами весь путь до Германіи. До Капштадта жилось ему еще недурно, но когда мы попали въ антарктическія области, ему, какъ жителю тропиковъ, пришлось перебраться въ котельное отдѣленіе, гдѣ онъ неоднократно во время сильныхъ штормовъ обжигалъ себѣ ноги; кромѣ того, онъ упорно отказывался ѣсть предлагаемые ему растительные консервы, а питался преимущественно газетами, стружками и окурками сигаръ. Имѣя въ виду, что онъ съѣлъ также одну важную дѣловую бумагу, слѣдовало бы предложить нашимъ высшимъ властямъ обратить свое вниманіе на выдающуюся полезность этихъ животныхъ, разводимыхъ королемъ Беллемъ, очевидно, для уничтоженія излишней канцелярщины. Козелъ нашъ попалъ затѣмъ въ лейпцигскій зоологическій садъ, гдѣ у него было теплое казенное

мѣстечко; несмотря на это, онъ все же, приспособляясь къ мѣстнымъ условіямъ, отрастилъ себѣ болѣе теплую шубу. Въ этомъ густомъ нарядѣ онъ замѣчательно напоминалъ своимъ плотнымъ строеніемъ тѣла горныхъ козловъ. Къ сожалѣнію, привыкши храбро сражаться со всѣми попадающимися ему навстрѣчу животными, онъ недавно погибъ во время столкновенія съ верблюдомъ.

Король сдѣлалъ намъ отвѣтный визитъ, пріѣхавъ на «Вальдивію» съ частью своей свиты. Онъ просилъ меня взять его младшаго брата въ Германію, чтобы тамъ воспитать его,—пришлось имѣть съ нимъ продолжительный разговоръ въ каютѣ и уговаривать его и его сестру Франциску, что, въ виду такого продолжительнаго путешествія и посѣщенія холодныхъ странъ, которое можетъ вредно отозваться на здоровьѣ его брата, просьбу его выполнить неудобно.

Въ это время свита его была принята въ каютъ-компанію и проявляла удивительное смѣшеніе поверхностно схваченной европейской культуры и африканской первобытности. Король Манга Белль своимъ симпатичнымъ характеромъ и внѣшностью значительно превосходитъ своихъ подданныхъ, а принцесса Франциска производитъ гораздо болѣе пріятное впечатлѣніе своимъ умѣньемъ носить костюмъ и вести бойкій разговоръ, чѣмъ ея спутница. Обѣ высочайшія особы начертали свои имена на нашемъ вѣерѣ, который служилъ книгою для записей именъ почетныхъ посѣтителей «Вальдивіи». Когда мы распрощались и сдѣлалось извѣстно, что братъ короля не поѣдетъ съ нами, то свита не упустила прихватить съ собою и увезти обратно на берегъ поросятъ и бананы, которые были предназначены для стола принца во время пути.

Особенно интересенъ былъ нашъ визитъ командующему войсками области майору фонъ-Кампцъ. Во время покоренія области онъ прошелъ ее вдоль и поперекъ и имѣлъ случай познакомиться съ характерными особенностями народностей внутренней части страны. Обширный домъ его представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ этнографическаго музея, гдѣ хранятся не только продукты западно-африканской техники и искусства, но и имѣются живые представители различныхъ типовъ туземнаго народонаселенія. Мы видѣли у него трехъ заложниковъ—сыновей предводителей племени бане, и взятаго въ плѣнъ племянника короля Тунга,—все прекрасно сложенные молодые люди, повидимому, нисколько не опечаленные своею участью. Кромѣ того, хозяинъ показалъ намъ солдата племени гаусса въ живописномъ нарядѣ, затѣмъ туземцевъ племенъ яунде и пангве, съ оригинальными украшеніями надъ ушами, наконецъ, долговязаго негра изъ племени фанъ, такъ что мы имѣли возможность познакомиться съ физіономическими особенностями цѣлаго ряда племенъ внутренней части страны. Еще интереснѣе, чѣмъ всѣ эти типы, многократно уже описанные различными путешественниками, была женщина карликоваго племени бакелли, съ которымъ майоръ Кампцъ познакомился первымъ изъ европейцевъ. Онъ разсказалъ намъ объ этомъ замѣчательномъ племени внутренней части камерунской области слѣдующее:

«Во время моего пребыванія у короля Тунга мнѣ пришлось впервые увидѣть нѣсколько человѣкъ карликоваго племени бакелли, извѣстнаго до того времени лишь по имени. Они обитаютъ въ западной части области дѣвственнаго лѣса, главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ Нгумба, Бакоко и Були. Послѣ моихъ настойчивыхъ требованій Тунга привелъ мнѣ предводителя и семерыхъ мужчинъ этого племени. Я смѣрилъ

ростъ ихъ, и оказалось, что онъ колеблется между 1,45 и 1,60 метровъ. Повидимому, бакелли уже сильно смѣшались съ другими племенами и лишь у самыхъ низкорослыхъ мужчинъ обнаруживалась характерная для нихъ свѣтлая, почти желтая окраска кожи и угловатыя формы лица. Еще во время моего пребыванія въ Матомапе нашъ разъѣздъ взялъ въ плѣнъ женщину и мальчика изъ этого племени, но только одинъ мальчикъ казался чистой рассы. Оба они убѣжали, такъ какъ стерегли ихъ не особенно строго. Позднѣе я купилъ отъ одного изъ предводителей племени нгумба взрослую дѣвушку племени бакелли, которая была всего лишь 1,24 метра вышиною; она была привезена въ Камерунъ и съ нее сдѣлали снимки и измѣренія. Какъ говорятъ, бакелли—прилежные собиратели резины и хорошіе охотники, но, тѣмъ не менѣе, другія племена смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ и едва считаютъ ихъ людьми. Туземцевъ этого племени взятыхъ мною при посредствѣ Тунга, я щедро одарилъ и отправилъ ихъ назадъ, сказавъ имъ, чтобы они больше не боялись бѣлыхъ».

Видѣнная нами дѣвушка обнаруживаетъ всѣ особенности, характерныя для карликовыхъ племенъ внутренней Африки. Коричневато-желтая окраска кожи, короткіе, спутанные въ войлокъ волоса, короткій и толстый носъ, толстыя губы, пугливый, недовѣрчивый взглядъ, слабо развитыя груди—таковы главнѣйшія особенности. Къ этому должно еще присоединить ея удивительно малый ростъ, хотя она и была вполнѣ развита, и необыкновенно сильный негритянскій запахъ. Несмотря на то, что обращались съ дѣвушкой хорошо, она часто убѣгала въ лѣсъ, но при этомъ чернокожіе солдаты очень быстро ее тамъ разыскивали при помощи обонянія. «Ею пахнетъ лѣсъ», объясняли они, осклабивъ зубы, когда приводили ее домой».

Что въ камерунскомъ лѣсу скрываются подобныя кочующія карликовыя племена, не лишено большого научнаго интереса. Послѣ того, какъ Швейнфуртъ нашелъ ихъ въ Акка и затѣмъ цѣлый рядъ другихъ изслѣдователей открыли ихъ въ центральной западной и восточной части области дѣвственнаго лѣса, должно ожидать, что именно такъ легко достижимые бакелли позволятъ познакомиться ближе со многими интересными этнографическими особенностями этихъ любопытныхъ племенъ.

Со стороны управленія намъ было сдѣлано въ самой любезной формѣ предложеніе предпринять небольшую экскурсію внутрь страны и для насъ былъ приготовленъ казенный пароходъ «Соденъ». Въ виду недостатка времени, мы выбрали кратчайшій маршрутъ изъ тѣхъ, которые намъ предлагали,—именно, по рѣкѣ Вури вверхъ къ порогамъ ея около Ябасси,—это средняя изъ трехъ впадающихъ въ Камерунскую бухту рѣкъ; благодаря дождливому времени, уровень воды въ ней настолько повысился, что по ней легко можно было подняться на пароходѣ.

Трудно описать въ немногихъ словахъ ту безконечную смѣну то привлекательныхъ, то, порою, однообразныхъ видовъ, открывавшихся передъ нашими глазами во время этого пути. Покинувъ сильно воздѣланную мѣстность, по обѣ стороны суживающейся бухты, мы попали въ цѣлый лабиринтъ мелкихъ протоковъ, которые образуютъ дельту Вури. Постепенно пропадали изъ глазъ деревни дуалла, зданія миссій и идиллически разбросанныя въ зелени факторіи и вмѣсто нихъ появлялся передъ глазами низкій мангровый лѣсъ, образуемый преимущественно зарослями *Rhizophora mangle* (рис. 21). Берегъ

окаймленъ роскошною зеленью пальмъ — рафій, между которыми выглядываютъ вытянутыя въ длину панданусы и извивающія по мангровымъ деревьямъ до самыхъ ихъ верхушекъ ротанговыя пальмы; на поверхности воды красиво вырисовываются благоухающіе бѣлые цвѣты водяного растенія *Pancratium maritimum.*

Постепенный переходъ отъ солоноватой воды къ прѣсной сказывался и на измѣненіи ландшафта: мангровыя заросли уступили мѣсто прекрасно воздѣланной мѣстности съ, очевидно, намытой почвой. Виднѣлось безчисленное количество деревень негровъ племени бакоко, которыя какъ разъ въ настоящее время, благодаря дождямъ, стояли почти совсѣмъ подъ водою. Въ кабачкахъ на берегу, гдѣ продается пальмовое вино, парило сильное оживленіе, замѣчавшееся, впрочемъ, и на всемъ пути до самаго Ябасси. Оказалось, вѣсть, что губернаторъ поднимается на казенномъ пароходѣ по рѣкѣ, давно уже распространилась по всей округѣ.

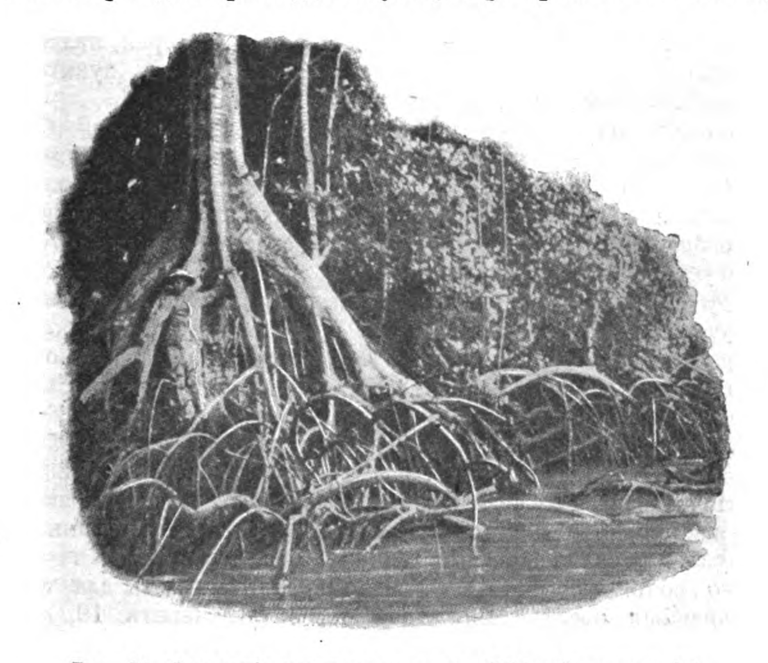

Рис. 21. Основаніе мангроваго дерева (Rhizophora mangle).

Приходится изумляться густотѣ населенія по берегамъ. Признаніе своей зависимости отъ Германіи оно выражаетъ тѣмъ, что вывѣшиваетъ надъ своими хижинами флаги или, что чаще, лоскутки чернаго, бѣлаго и краснаго цвѣта; при видѣ парохода, отовсюду выставляются любопытствующія головы, всюду тѣснятся женщины, дѣти и мужчины, стараются разглядѣть насъ и всячески выражаютъ привѣтствіе. Руки туземцевъ часто украшены большими кольцами изъ слоновой кости, бедра обернуты матеріей самыхъ яркихъ цвѣтовъ. По временамъ отъ берега, поросшаго бананами, тростникомъ или колоказіями, отдѣляется пирога съ неграми и гребетъ короткими заостренными веслами. По большей части лодки сдѣланы изъ краснаго дерева, чернятся и нерѣдко снабжаются почти чернымъ парусомъ.

Послѣ впаденія въ Вури рѣки Або она развѣтвляется и охватываетъ такъ называемый островъ Вури. Далѣе она протекаетъ по мѣст-

ности, которая своими поросшими тростникомъ берегами и далеко отступающимъ отъ береговъ лѣсомъ напоминаетъ, пожалуй, нѣсколько ландшафты по рѣкѣ Одеру. Здѣсь бросается въ глаза уже издали огромное дерево, покрытое массою цапель и другихъ болотныхъ птицъ—оно указываетъ на мѣсто, гдѣ впадаетъ рѣка Дибомбе, населенная въ сухое время года множествомъ бегемотовъ и образующая въ то же время границу страны Бодиманъ. Это послѣдняя, надо думать, населена особенно густо, такъ какъ масличныя пальмы и плантаціи банановъ и сахарнаго тростника съ разбросанными между ними хижинами тянутся вдоль береговъ непрерывно и дѣлаютъ мѣстность даже однообразной. Нѣсколько выкупаетъ это однообразіе видъ на отдаленныя горы Нкосси, красиво выдѣляющіяся своими темно-голубыми тонами на сѣромъ фонѣ дождевыхъ облаковъ и представляющія превосходный контрастъ съ зеленью береговъ и серебристымъ блескомъ рѣки. Послѣ 9-часового плаванія мы добрались, наконецъ, до Ябасси—маленькой негритянской деревушки, которая является для подвижныхъ и дѣловитыхъ негровъ дуалла исходнымъ пунктомъ для ихъ торговыхъ сношеній со внутреннею частью страны.

Ландшафтъ здѣсь рѣзко мѣняется. Берега сходятся ближе и имѣющіеся неподалеку немного выше Ябасси пороги препятствуютъ дальнѣйшему судоходству по рѣкѣ. Вся мѣстность холмиста и покрыта роскошнымъ лѣсомъ. Разнообразіе древесныхъ породъ поразительное; до вѣерообразныхъ или куполовидныхъ верхушекъ деревьевъ ползутъ ліаны, спускающіяся къ самой водѣ.

Мы до поздней ночи сидѣли на палубѣ и слушали разсказы нашего спутника, много испытавшаго и прекрасно знакомаго со страной, командира охранныхъ войскъ. Всѣ мои сотоварищи страстно желали провести ночь «по-африкански»—въ хижинахъ негровъ. На слѣдующее утро большинство изъ нихъ согласились, однако, съ тѣмъ, что я не проигралъ, оказавъ предпочтеніе походной кровати на пароходѣ: одного изъ нихъ искусали москиты, по ногамъ другого ночью бѣгали крысы, третій жаловался на невозможный запахъ пальмоваго масла и козъ, другіе—на слишкомъ большую интимность ночевавшихъ съ ними негровъ.

Вернувшись на слѣдующій день въ Камерунъ, мы и не подозрѣвали, что ночь, проведенная въ Ябасси, будетъ имѣть для насъ еще болѣе скверныя послѣдствія. Дней черезъ 8, черезъ 10, когда мы были уже въ виду Конго, изъ одиннадцати участниковъ въ экскурсіи по Вури, 9 человѣкъ заболѣло маляріей, сопровождавшейся явленіями, характерными для камерунской формы этой болѣзни. Изъ 12 человѣкъ экспедиціи лишь трое остались здоровы—одинъ ночевалъ на сушѣ, другой спалъ на пароходѣ и третій оставался въ Камерунѣ. Если малярія, дѣйствительно, происходитъ отъ зараженія путемъ уколовъ комаровъ, то, на основаніи нашего печальнаго опыта, должно особенно предостеречь путешественниковъ отъ ночевокъ въ рѣчныхъ береговыхъ деревушкахъ негровъ, которыя кишатъ различными насѣкомыми. До сихъ поръ, правда, еще неизвѣстенъ передатчикъ камерунской маляріи, но, судя по изслѣдованіямъ зоологовъ, можно съ увѣренностью предположить, что это — одинъ изъ москитовъ, можетъ быть, даже одинъ изъ видовъ не особенно сильно нападающихъ на человѣка. Изслѣдованія Роста, Грасси и Шаудинна достаточно доказали, что, вмѣстѣ съ выдѣленіемъ слюнныхъ железъ, москиты при уколѣ человѣка переносятъ въ его кровь маленькіе серповидные зародыши, которые попадаютъ въ красныя кровяныя тѣльца, развиваются здѣсь

въ амебообразные организмы, такъ называемые малярійные плазмодіи, и, наконецъ, распадаются на множество мелкихъ зародышей. Эти послѣдніе снова попадаютъ въ красныя кровяныя тѣльца и продѣлываютъ то же и точно такъ же безполо размножаются. Количество припадковъ лихорадки, которые наступаютъ каждый разъ, когда проникшіе въ кровяныя тѣльца паразиты начинаютъ дѣлиться, даетъ возможность опредѣлить число слѣдующихъ одно за другимъ безполыхъ поколѣній. Въ концѣ концовъ, наступаетъ какъ бы утомленіе безполымъ способомъ размноженія паразитовъ: они разниваютъ тогда два рода клѣтокъ различной величины—маленькія червеобразныя клѣтки и крупныя шаровидныя; первыя соотвѣтствуютъ сперматозоидамъ, вторыя — яйцевымъ клѣткамъ высшихъ животныхъ. Подобно тому, какъ дальнѣйшее развитіе яйца обусловливается проникновеніемъ сперматозоида въ яйцевую клѣтку, точно такъ же и дальнѣйшее развитіе паразита маляріи можетъ происходить лишь при сліяніи червеобразныхъ зародышей съ крупными шаровидными,—этотъ процессъ, соотвѣтствующій оплодотворенію высшихъ представителей органическаго міра, называется «конъюгаціей». Конъюгація паразита маляріи никогда не можетъ произойти въ тѣлѣ теплокровнаго животнаго или человѣка, но мы можемъ произвести ее искусственно, если дадимъ каплѣ крови охладиться. Уже это обстоятельство указываетъ на то, что для конъюгаціи клѣтокъ, служащихъ для размноженія, кровь съ малярійными паразитами должна попасть въ животныхъ съ холодною кровью. Носителями такого полового поколѣнія и оказываются москиты, которые послѣ укуса наполняютъ свой желудокъ кровью. Въ ихъ желудкѣ и происходитъ конъюгація, слившіяся клѣтки проникаютъ черезъ стѣнки желудка, облекаются оболочкой и распадаются на огромное количество мелкихъ серповидныхъ зародышей. Эти послѣдніе переходятъ въ слюнныя железы и при укол‍ѣ комаровъ могутъ снова попасть въ кровь человѣка.

Такимъ образомъ, размноженіе малярійныхъ паразитовъ сопровождается чередованіемъ поколѣній, т.-е. закономѣрною смѣною безполыхъ и половыхъ поколѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь происходитъ и перемѣна хозяина паразитовъ, такъ какъ безполое поколѣніе живетъ въ крови человѣка, тогда какъ половое—въ москитахъ.

На основаніи новыхъ изслѣдованій, подтвердившихъ старинное представленіе о связи между москитами и маляріей, можно уже съ увѣренностью утверждать, что въ тѣхъ тропическихъ мѣстностяхъ, гдѣ отсутствуютъ москиты, не бываетъ и маляріи. Мы познакомились позднѣе съ одной такою областью — именно съ окрестностями Большого Рыбнаго залива. Тамъ на пустынныхъ песчаныхъ дюнахъ не растетъ никакихъ кустарниковъ и никакой травы, такъ какъ нѣтъ прѣсной воды. Личинки москитовъ развиваются всюду, гдѣ имѣются лужи прѣсной воды и потому вполнѣ естественно то обстоятельство, что населеніе Рыбнаго залива, испытывающее временами сильнѣйшій недостатокъ въ прѣсной водѣ, не страдаетъ, по крайней мѣрѣ, вовсе отъ маляріи. При нашемъ дальнѣйшемъ путешествіи возможность еще болѣе заразиться маляріей отсутствовала, но припадки уже полученной маляріи продолжались болѣе чѣмъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, такъ что нашъ врачъ д-ръ Бахманнъ имѣлъ возможность произвести спеціальное наблюденіе надъ теченіемъ этой болѣзни, — къ несчастью преждевременная смерть его не позволила закончить ему начатой работы.

ГЛАВА V.

Устье Конго.—Вверхъ по рѣкѣ. -Баобабы.—Бома.

Путешественники указываютъ обыкновенно на величественное впечатлѣніе, которое производятъ большія африканскія рѣки,—такое впечатлѣніе онѣ, дѣйствительно, производятъ, когда путешественнику пришлось ранѣе идти по безконечнымъ безводнымъ пустынямъ и затѣмъ вдругъ оказаться на берегу многоводнаго потока. Иное впечатлѣніе получаютъ тѣ, кому долго не приходилось видѣть земли,—для

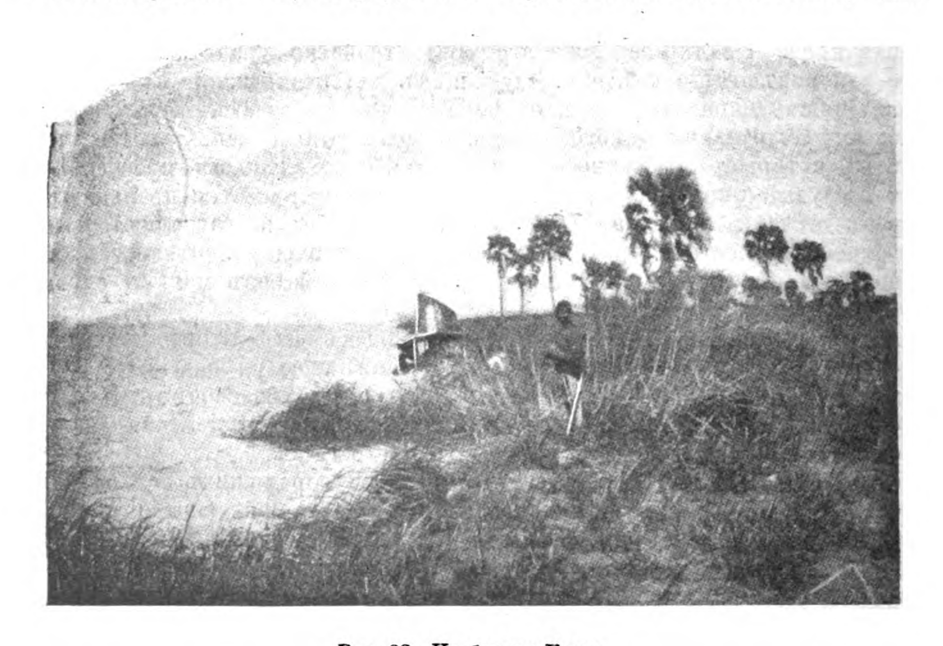

Рис. 22. На берегу Конго.

нихъ уже и чуть замѣтные противолежащіе берега, какъ здѣсь въ устьѣ Конго, кажутся стѣсняющими кругозоръ. Что мы подошли къ области, дѣйствительно, великаго прѣснаго потока, показали намъ уже изслѣдованія наканунѣ того дня, почти въ 150 морскихъ миляхъ отъ устья рѣки. Вода поверхностныхъ слоевъ получила нѣсколько иную окраску, обладала меньшимъ удѣльнымъ вѣсомъ и содержала организмы, которыхъ не встрѣчается на поверхности открытаго моря: признакъ того, что прѣсная вода Конго выходитъ далеко за предѣлы въ море. Чѣмъ ближе мы подходили къ устью, тѣмъ сильнѣе сказывались эти особенности. Поверхность получила темно-коричневый оттѣнокъ

и весьма своеобразно выдѣлялась на ней зеленовато окрашенная морская вода, поднимаемая при дѣйствіи пароходнаго винта съ болѣе значительной глубины. Уже простымъ глазомъ можно замѣтить разницу въ цвѣтѣ воды, добываемой съ различныхъ глубинъ: до 3 метровъ глубины въ стеклянномъ сосудѣ проба окрашена въ коричневатый цвѣтъ, на 5 метрахъ—оказывается уже легкій зеленоватый оттѣнокъ, на 10—вода совершенно прозрачна,—это служитъ доказательствомъ тому, что даже въ устьѣ Конго прѣсная вода находится только въ поверхностныхъ слояхъ, тогда какъ подъ нею лежитъ слой морской воды.

Близость береговъ Конго сказывается прежде всего въ томъ, что южный берегъ становится красноватымъ и обрывистымъ. Постепенно темный мысъ выдвигается впередъ, на немъ виднѣется дѣвственный лѣсъ, окруженный низкимъ пальмовымъ кустарникомъ, затѣмъ онъ переходитъ въ бѣловатый песчаный берегъ, на которомъ то тамъ, то здѣсь разбросаны огромные стволы упавшихъ деревьевъ,—нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи съ большимъ воодушевленіемъ признали ихъ за крокодиловъ. Вырисовываются изящно прячущіяся въ зелени бѣлыя постройки факторій, и когда мы приближаемся къ южному берегу, на мысѣ Шаркъ-Пойнтъ поднимается португальскій флагъ, которому наше судно отвѣчаетъ салютомъ. Сильно вытянутый въ длину, окруженный пальмами мысъ сѣвернаго берега, на которомъ лежали факторіи города Бананы, отдѣляетъ отъ моря тихій затонъ, служащій превосходнымъ рейдомъ для колышащихся на немъ многочисленныхъ судовъ. Затонъ этотъ, правда, отдѣленъ отъ устья Конго баромъ, который глубоко сидящіе суда могутъ пройти лишь съ приливомъ. Мы останавливаемся около буя передъ баромъ и ожидаемъ, когда къ намъ подойдетъ лоцманская лодка, на которой усердно и ловко гребутъ туземцы племени бангала. Правительство Конго пользуется услугами этихъ обитателей внутренней части области Конго, какъ вполнѣ надежныхъ полицейскихъ и моряковъ. Они выглядятъ очень интересно, особенно если видишь ихъ въ первый разъ: по большей части это здоровенные мускулистые субъекты (рис. 23), съ чрезвычайно разнообразною прическою на головѣ, въ особенности бросаются въ глаза тѣ изъ нихъ, у которыхъ голова выбрита до гола и лишь по серединѣ оставленъ гребень волосъ. У нихъ обычай подпиливать рѣзцы, такъ что они дѣлаются остроконечными, татуироваться и заставлять кожу образовывать между татуировкой особые шрамы,—этого они добиваются, какъ мнѣ позднѣе объяснилъ главный врачъ въ области Конго д-ръ Этьеннъ, примѣненіемъ раздражающихъ растительныхъ веществъ. По большей части эти шрамы проходятъ посрединѣ лба, нерѣдко они проводятся горизонтально подъ глазами до ушей а у нѣкоторыхъ все лицо покрыто татуировкой настолько же тонкой, какъ у племени маори въ Новой Зеландіи.

Входя въ заливъ, намъ пришлось познакомиться съ удивительно богатымъ развитіемъ животной жизни въ устьѣ Конго. То тамъ, то здѣсь показывались фонтаны китовъ, тучи морскихъ ласточекъ окружали наше судно, а огромные орлы (*Gypohierax angoliensis*), съ блестяще-бѣлой головой, бѣлой грудью и черными крыльями, описывали въ воздухѣ правильные круги. Намъ удалось убить нѣсколькихъ изъ нихъ и, изслѣдовавъ содержимое ихъ желудка, мы убѣдились въ томъ, что они питаются плодами масличной пальмы, крабами и раками-отшельниками.

Вечеромъ 1-го октября мы бросили якорь передъ Бананой и получили тотчасъ же со стороны генеральнаго секретаря Конго м-ра Гислена и со стороны губернатора приглашеніе посѣтить Бома. Въ Камерунѣ былъ періодъ дождей, здѣсь же, на Конго, по другую сторону экватора, мы оказались въ концѣ сухого времени года и потому относительно низкій уровень стоянія воды въ рѣкѣ не позволилъ нашему

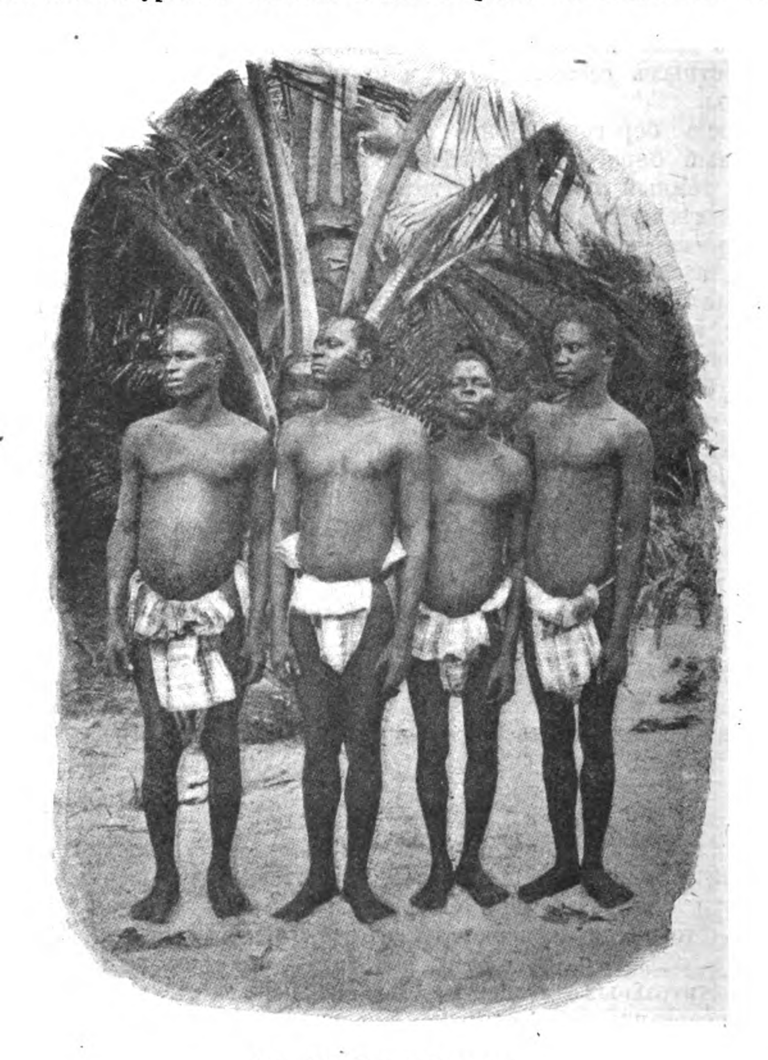

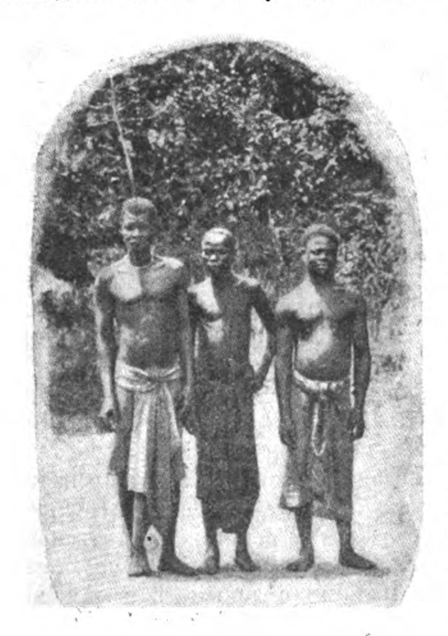
Рис. 23. Негры бангала.

довольно глубоко сидящему судну подняться до Бома. Намъ было, однако, предложено воспользоваться казеннымъ паровымъ катеромъ, что намъ было тѣмъ пріятнѣе, что такимъ образомъ, мы имѣли возможность ближе познакомиться съ областью устья Конго

Намъ не пришлось сожалѣть о томъ, что два дня мы провели въ порядочной тѣснотѣ на паровомъ катерѣ. Какъ только онъ оставилъ Банану при восходѣ солнца, мы вступили въ лабиринтъ протоковъ рѣки, своеобразные и чарующіе ландшафты которыхъ намъ никогда

не пришлось бы увидѣть, если бы мы поднимались на пароходѣ. Берега покрыты низкими зарослями колючей пальмы (*Phoenix spinosa*), за которыми начинается мангровый лѣсъ, придающій мѣстности чрезвычайно своеобразный отпечатокъ. Деревья стоятъ какъ бы на ходуляхъ и производятъ самое курьезное впечатлѣніе, стволъ *Rhizophora mangle* переходитъ въ дугообразно изогнутые и вилообразно дѣлящіеся корни, которыми деревья укрѣпляются въ илу. Къ нимъ присоединяются воздушные корни, которые свѣшиваются нерѣдко съ порядочной вышины, какъ вытянутыя паутинки. Эти корни также прикрѣпляются къ почвѣ, и такимъ образомъ возникаетъ непроницаемая сѣть корней, которая сливается съ листвою деревьевъ, напоминающей по своей внѣшности листву ольхи. Между мангровыми деревьями колышатся опахала одного изъ папоротниковъ (*Chrysodium*), который распространенъ всюду, гдѣ встрѣчаются мангровыя заросли. Особенную красоту придаютъ этимъ тихимъ протокамъ пальмы изъ рода *Raphia*, которыя то тамъ, то здѣсь выставляются на самомъ берегу и своими граціозными очертаніями скрашиваютъ ландшафтъ. Протоки образуютъ цѣлый лабиринтъ, и приходится удивляться той увѣренности, съ которой чернокожій рулевой разбирается въ этой путаницѣ, и той ловкости, съ какой онъ производитъ постоянные крутые повороты на загибахъ рѣки, гдѣ нерѣдко пальмы свѣшиваются надъ самымъ катеромъ. Временами мангровыя заросли отступаютъ на задній планъ и появляются причудливые панданусы съ масличными пальмами и разнообразными гигантами дѣвственнаго лѣса, по которымъ, извиваясь, ползутъ ліаны. Подъ пальмами путешествовать, однако, нельзя вполнѣ безнаказанно: когда мы попробовали съ катера собрать кое-какія цвѣтущія растенія, свѣшивавшіяся съ деревьевъ въ носовой части катера, произошло вдругъ какое-то замѣшательство: ружья были отброшены, сотоварищи наши стали стаскивать съ себя сюртуки и неистово метаться изъ стороны въ сторону,— въ нихъ впились своими сильными челюстями цѣлыя тучи муравьевъ. Вскорѣ на нашемъ суденышкѣ всюду виднѣлись рабочіе муравьи, тащащіе куколокъ, и свирѣпые муравьи солдаты, которыхъ можно было вытащить изъ кожи, лишь оторвавъ имъ голову. Муравьи эти относятся къ широко распространенному подътропиками роду *Oecophylla*, живутъ на деревьяхъ и дѣлаютъ свои гнѣзда изъ сплетенныхъ паутинкой листьевъ. Одинъ изъ англійскихъ наблюдателей Голландъ сообщаетъ о постройкѣ ими гнѣзда очень интересныя вещи: «Листья, которые должны быть связаны между собою, сперва приводятся муравьями въ надлежащее положеніе при помощи верхнихъ челюстей и удерживаются въ немъ. Затѣмъ являются другіе муравьи въ огромномъ количествѣ, неся во рту по личинкѣ, и проводятъ переднимъ концомъ личинки отъ одного края листа къ другому,—гдѣ ротъ личинки прикоснется къ листу, тамъ появляется паутинка, прилипающая къ поверхности листа. Они продолжаютъ склеивать такимъ способомъ листья до тѣхъ поръ, пока листья не будутъ связаны по своимъ краямъ прочной тканью и пока, наконецъ, между ними не образуется вещество похожее на войлокъ или на бумагу изъ безчисленныхъ, лежащихъ другъ на другѣ и переплетающихся паутинокъ». Тѣ же муравьи, какъ говорятъ, устраиваютъ нерѣдко вокругъ ствола, на которомъ находится ихъ гнѣздо, поясъ изъ паутинистой ткани шириною около фута, причемъ также пользуются своими личинками,—въ этой ткани запутываются мелкіе муравьи другого рода, съ которыми они ведутъ постоянныя войны. Это очень

своеобразный и едва ли не единичный въ животномъ царствѣ случай инстинктивнаго примѣненія не собственныхъ органовъ, а органовъ другихъ существъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Личинки являются здѣсь какъ бы прялками, изъ которыхъ у ловкихъ муравьевъ-работницъ выходитъ нитка. Когда мое вниманіе было обращено на это обстоятельство знаменитымъ знатокомъ біологіи муравьевъ Васманномъ, я далъ одному изъ своихъ учениковъ произвести анатомическое изслѣдованіе личинокъ муравьевъ *Oecophylla*,—оказалось, что онѣ обладаютъ прядильными железами развитыми такъ сильно, какъ мы не находимъ этого ни у одного изъ перепончатокрылыхъ и, въ особенности, ни у одной изъ муравьиныхъ личинокъ. Железы состоятъ изъ четырехъ огромныхъ, тянущихся по длинѣ всего тѣла трубокъ, которыя соединяются по сторонамъ попарно и открываются на нижней губѣ общимъ протокомъ. У взрослыхъ муравьевъ нѣтъ никакихъ особыхъ железъ и врядъ ли они могли бы своими верхнечелюстными железами производить паутинки, такъ что приведенныя наблюденія, несомнѣнно, находятъ себѣ полное подтвержденіе.

Рис. 24. Негры муссаронги.

Лишь рѣдко попадалась намъ навстрѣчу среди этой тропической глуши пирога съ туземцами,—при нашемъ приближеніи они пугливо жались къ берегамъ и старались спрятаться въ мангровыхъ зарос-ляхъ. Животная жизнь зато сильно развита: то тамъ, то здѣсь мелькаютъ среди зелени прыгающія съ вѣтви на вѣтвь обезьяны (*Cercopithecus mona*), надъ водою проносятся зимородки, то въ черномъ и бѣломъ опереніи, то замѣчательно пестрые, заросли по берегамъ оживляются тѣневыми птицами (*Scopus*), мелкими хищниками и коршунами, и мы имѣли уже довольно обильную охотничью добычу. Отъ времени до времени на носовой части катера раздавалась бѣглая и учащенная стрѣльба нашихъ охотниковъ и по шлепанью по водѣ можно было отгадать, что пули ихъ предназначались крокодиламъ. Подобно тому, какъ морякъ всѣми возможными способами срываетъ свою ненависть на пойманной акулѣ, такъ на сушѣ крокодилъ становится жертвою преслѣдованія человѣка: сколько бы крокодиловъ намъ ни приходилось встрѣчать и какъ бы далеко они ни показывались отъ катера, никогда наши охотники не могли утерпѣть, чтобы не пустить пулю въ догонку чудовищу.

Послѣ трехчасового пути, протокъ, по которому мы шли, расширился, какъ озеро, и вскорѣ открылся видъ на самую рѣку Конго. На противоположномъ берегу показались бѣлыя факторіи мѣстечка Изанга, и, благодаря миражу, мы видѣли одновременно и отраженія ихъ, висящія въ воздухѣ внизъ крышами. Въ сторонѣ отъ насъ находилось небольшое поселеніе Маллела, у котораго мы остановились. Плантаціи

здѣсь обрабатываются неграми муссеронгами, пришедшими сюда съ португальскаго берега,—мы увидѣли группу ихъ подъ баобабомъ, еще покрытомъ зеленью, и на берегу около лежащихъ тамъ лодокъ. Подобно всѣмъ неграмъ Конго, они гребутъ на своихъ лодкахъ, сдѣланныхъ изъ выдолбленнаго ствола дерева, стоя и длинными веслами— въ этомъ отношеніи они составляютъ полную противоположность камерунскимъ неграмъ, которые гребутъ сидя и короткими веслами. Весь берегъ былъ здѣсь усыпанъ раковинами ракушки *Galathea*—въ Бома онѣ обжигаются въ известь и, какъ намъ часто приходилось видѣть, идутъ также на мощеніе улицъ.

Выше Маллелы видъ берега совершенно измѣнился. Солоноватая вода сюда болѣе не достигаетъ и потому рѣка обрамляется галлереей

Рис. 25. Баобабы въ саваннѣ нижняго теченія Конго.

лѣса, въ которомъ, кромѣ баобабовъ, характерными породами являются еще толстые фикусы, высоко поднимающіяся шерстяныя деревья (*Eriodepdron anfractuosum*) и многочисленныя маслинныя пальмы. На самомъ берегу растутъ панданусы, позади которыхъ граціозно колышатся опахала тростника папируса. По рѣкѣ плыветъ множество бревенъ и корчагъ, принуждающихъ насъ подвигаться съ осторожностью, тогда какъ середина рѣки занята песчаными отмелями и сильно вытянутыми въ длину островками,—на нихъ нерѣдко разгуливаетъ огромное количество цапель и другихъ голенастыхъ.

Такъ постепенно подготовляется переходъ къ пустынному ландшафту, характерному для Конго,—чѣмъ ближе мы подходимъ къ Бома, тѣмъ болѣе получаетъ преобладаніе саванна. Колючія мимозы, перемѣшанныя съ кроваво-красными *Hibiscus* и желтыми мотыльковыми, загораживаются понемногу травой и тростникомъ выше человѣческаго роста, въ которыхъ ткачи во множествѣ вѣшаютъ свои гнѣзда. Папирусъ образуетъ мѣстами заросли на большомъ протяженіи, и характерныя формы саванны все болѣе и болѣе выступаютъ на передній планъ-

Между ними первое мѣсто занимаетъ баобабъ (*Adansonia digitata*)—дерево причудливой формы, лишенное въ теченіе сухого времени года листвы и увѣшанное своими огромными веретенообразными плодами. Въ наружности этого гиганта сказывается что-то непривѣтливое, и вниманіе наблюдателя невольно приковывается къ нему, тѣмъ болѣе, что баобабы никогда не образуютъ рощъ, а всегда встрѣчаются въ одиночку и оживляютъ однообразный ландшафтъ пустыни. Стволъ обыкновенно недалеко отъ почвы развѣтвляется на 3—4 части и нерѣдко имѣетъ форму неуклюжаго конуса. Огромный обхватъ ствола—отъ 6 до 8 метровъ—кажется совершенно несоотвѣтствующимъ его вышинѣ, тѣмъ болѣе, что развѣтвляться дерево начинаетъ нерѣдко надъ самою почвой. Крона также очень разнообразна по своему строенію,—иногда главныя вѣтви вытягиваются сильно въ длину и горизонтальны, иногда онѣ коротки и отходятъ подъ острыми углами, то онѣ прямы, то извилисты и разбиваются на множество второстепенныхъ вѣтвей. Ни одно дерево не похоже вполнѣ на своего сосѣда, но все же каждое изъ нихъ имѣетъ нѣчто общее въ своей физіономіи: безобразно толстый стволъ съ рѣзкимъ переходомъ въ боковыя вѣтви.

Эти «мастодонты растительнаго царства», какъ ихъ назвалъ Пьеръ Лоти, должны быть страшно стары; ни одно изъ деревьевъ не является такимъ характернымъ для африканской саванны и ни одно не запечатлѣвается такъ ярко въ памяти своей оригинальной внѣшностью. Съ большою радостью привѣтствовали мы баобабъ, когда черезъ полгода приблизились опять къ восточно-африканскому берегу.

Тогда какъ баобабы встрѣчаются чаще лишь при приближеніи къ Бома, ниже по теченію рѣки характерными для ландшафта элементами растительности являются пустынныя пальмы (*Hyphaene*), мѣстами онѣ образуютъ вблизи береговъ небольшія рощицы. Между молодыми стволами поднимаются отдѣльные старые великаны, засохшіе вѣерообразные листья которыхъ свѣшиваются пониже кроны и прилегаютъ къ стволу. Такъ какъ саванна регулярно выжигается неграми, огонь охватываетъ и суховатыя пальмы и уничтожаетъ ихъ. Онѣ сохраняются лишь въ мѣстахъ, недоступныхъ для огня. Между баобабами и пустынными пальмами разбросаны наши старые знакомые—одиночныя масличныя пальмы и огромныя шерстяныя деревья. Они выдѣляются надъ низкими зарослями кустарниковъ, между которыми особенно бросаются въ глаза представители рода *Anacardium* и жестколистыя *Anona senegalensis.*

Почва покрыта негустою травою, въ метръ вышиною, иногда она выпускаетъ колосья и вдвое выше человѣческаго роста. Вблизи рѣки саванна богата представителями пернатаго царства, оживляется разбросанными береговыми растеніями и купами папируса и производитъ довольно привлекательное впечатлѣніе. Далѣе внутрь страны наблюдатель не встрѣчаетъ животной жизни, все кажется мертвенно тихимъ, какъ бы выжженнымъ жгучими лучами солнца. Если желаете составить себѣ представленіе о саваннѣ въ сухое время года, то вообразите себѣ обширныя пространства, покрытыя рѣдкою травою докуда хватаетъ взоръ, между ними черные, истребленные огнемъ и лишенные растительности островки и разбросанные на большихъ разстояніяхъ баобабы, производящіе впечатлѣніе привидѣній растительнаго царства. Мѣстами попадаются пустынныя пальмы или зеленый кустъ *Anona*; почва состоитъ изъ краснаго латерита, волнообразна, и на горизонтѣ виднѣются ряды красныхъ холмовъ, которые выше Бома переходятъ

въ гранитныя горы. Видъ унылый и меланхоличный, не мало заглохло здѣсь человѣческихъ жизней, никѣмъ не оплаканныхъ, — на такія размышленія насъ навелъ, по крайней мѣрѣ, побѣлѣвшій подъ лучами солнца скелетъ негра, съ сохранившимися еще на немъ металлическими кольцами; его нашли мои спутники подъ однимъ изъ баобабовъ.

Наступилъ вечеръ, сильный морской бризъ поднималъ волны на быстро несущейся рѣкѣ и солнце зашло кроваво-красное. Сумерки длились недолго, при наступившей темнотѣ берегъ и красные латеритовые холмы имѣли черноватые, расплывчатые контуры. Саванна отъ времени до времени освѣщалась заревомъ отдаленнаго пожара. Нашъ паровой катеръ съ трудомъ боролся противъ теченія и уже было поздно, когда высоко поднимающіяся горы указали намъ на приближеніе города Бома. Вскорѣ мы подошли къ военному укрѣпленію, находящемуся ниже города и обладающему семью вращающимися башнями—противъ него возводится на противолежащемъ португальскомъ берегу другое португальское укрѣпленіе, которое врядъ ли, однако, можетъ сравняться съ нимъ силою. Когда мы, наконецъ, въ 9 часовъ вечера причалили къ пристани Бома, насъ встрѣтилъ директоръ морского вѣдомства государства Конго и проводилъ насъ въ ярко блещущій огнями «Ресторанъ Леопольда II», гдѣ намъ, какъ гостямъ государства Конго, былъ данъ блестящій банкетъ. Лишь на слѣдующій день мы имѣли возможность познакомиться ближе съ особенностями этого ресторана, гдѣ хозяинъ португалецъ, а слуги негры. Грязь, царящая здѣсь, самымъ чувствительнымъ образомъ бросается въ глаза новому пришельцу и не приходится завидовать чиновникамъ государства Конго, которые изъ года въ годъ принуждены пользоваться этимъ почтеннымъ учрежденіемъ и низводить свои требованія по отношенію къ чистоплотности изготовленія кушаній и сервировки блюдъ до крайняго минимума. Мы расположились въ другомъ отелѣ на берегу рѣки и пользовались относительными удобствами. Рано утромъ мы были разбужены неумолкающей болтовней и возней негровъ на улицѣ и съ понятнымъ интересомъ наслаждались съ веранды открывающимся оттуда зрѣлищемъ на несущуюся мимо рѣку съ разбросанными по ней островами и на затянутыя легкой дымкой холмы и горы въ отдаленіи. Красивыя правительственныя постройки, вытянувшіяся длиннымъ рядомъ вплоть до набережной, показывали намъ, что мы находимся въ быстро развивающемся и культурномъ городѣ. Значеніе Бома лежитъ не столько въ ея торговой дѣятельности, сколько въ томъ, что это—столица обширнаго и богатаго государства Конго,—это скорѣе городъ чиновническаго, нежели коммерческаго склада. Впрочемъ, все же онъ имѣетъ и нѣкоторое коммерческое значеніе, хотя бы уже въ виду того, что не особенно глубоко сидящіе пароходы могутъ подниматься до Бома по рѣкѣ и выгружать привозимые товары на прекрасно устроенной набережной.

Нѣсколько выше города находится зданіе управленія и казармы, къ которымъ ведетъ паровой трамвай. Въ общемъ однако, ландшафтъ имѣетъ довольно пустынный характеръ, всюду въ городъ врывается саванна со своими баобабами, мимозами, кустами папируса и красной латеритовой почвой.

Въ населеніи города также сказываются яркіе контрасты. Во время нашего посѣщенія постоянное населеніе его заключало лишь 150 европейцевъ, главнѣйшій же контингентъ составляли чернокожіе самаго пестраго разбора—отъ настоящаго европеизированнаго франта въ стоя-

чемъ воротничкѣ и до субъекта, одѣтаго лишь въ наиболѣе необходимую часть туалета. Наибольшій интересъ возбуждали рослые негры племени мажумба, пришедшіе съ караванами изъ внутренней части страны, между ними выдѣлялись тяжело нагруженныя женщины, которыя богато украшены мѣдными браслетами на рукахъ и ногахъ, нитками жемчуга вокругъ шеи, плечъ и таліи и огромными серьгами въ ушахъ, но одѣты лишь въ небольшіе передники, сплетенные изъ луба. Ношу свою, а при случаѣ и перемѣщающихся на ихъ спинахъ дѣтей, онѣ тащатъ обыкновенно въ плетеныхъ мѣшкахъ, отъ которыхъ перевязка идетъ вокругъ лба. Можно представить себѣ изумленіе, какое выражаютъ эти наивныя дѣти природы при видѣ европейца на велосипедѣ или пыхтящаго чудовища, которое тащитъ вагонъ трамвая! Чернокожіе дэнди обнаруживали къ нимъ невыразимое презрѣніе, хотя, впрочемъ, сами дэнди сохранили еще много привычекъ, указывающихъ на ихъ происхожденіе отъ обитателей пустыни: несмотря на оживленную бесѣду, они, напримѣръ, всегда идутъ не рядомъ другъ съ другомъ, а одинъ за другимъ, длинной вереницей Я долженъ, однако, сказать, что къ чести чернокожихъ обитателей Камеруна, Викторіи и Конго, видѣнныхъ нами при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, ни разу ни одинъ изъ нихъ не попросилъ у насъ милостыни.

Затративъ день на экскурсіи въ выжженную солнцемъ саванну и на большой лежащій противъ Бома островъ, мы вечеромъ провели очень пріятно время у губернатора. Губернаторъ м-ръ Фуксъ произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе ясностью и спокойствіемъ своихъ сужденій о положеніи вещей и величайшей любовью къ дѣлу управленія. Онъ германскаго происхожденія, и одинъ изъ его предковъ, выдающійся ботаникъ, является даже виновнымъ въ томъ, что извѣстное декоративное растеніе было названо фуксіей. Какъ намъ ни было это тяжело, все же пришлось отклонить любезное предложеніе сдѣланное намъ—подняться по желѣзной дорогѣ къ среднему теченію Конго, чтобы познакомиться съ нимъ. Насъ ждала наша работа на океанѣ, и 4-го декабря мы принуждены были покинуть Бома и въ сопровожденіи д-ра Этьенна, главнаго врача государства Конго, быстро спустились внизъ по теченію. Мы прибыли бы на нашемъ маленькомъ паровомъ катерѣ въ Банану еще въ болѣе короткое время, если бы нашему движенію не мѣшалъ морской приливъ, сказывающійся въ рукавахъ рѣки на большомъ протяженіи.

Оставшіеся въ Бананѣ члены экспедиціи произвели за это время нѣсколько экскурсій по окрестностямъ и располагали не малымъ количествомъ интересныхъ охотничьихъ трофеевъ. Нашъ капитанъ также пріятно провелъ время въ сообществѣ одного своего сѣдобородаго коллеги, который всю свою жизнь ѣздилъ вверхъ и внизъ по р. Конго. Разсказы его слушались, какъ интересный романъ, особенно, когда онъ говорилъ о тѣхъ «прекрасныхъ временахъ», когда здѣсь процвѣтала торговля рабами и на черномъ товарѣ можно было сколотить себѣ недурной капиталецъ. Этого стараго рѣчного волка, который уже нѣсколько лѣтъ не покидалъ своего судна, удалось-таки склонить къ посѣщенію «Вальдивіи». Покачивая головой, разсматривалъ онъ наши лотовыя машины, барабаны съ тросомъ и тралы и слушалъ, какъ капитанъ объяснялъ ему, что мы добываемъ изъ глубины. «Врешь ты, врешь все, другъ любезный», пробормоталъ онъ, наконецъ, и распрощался.

UNIVERSITY OF CHICAGO
36 286 154